

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

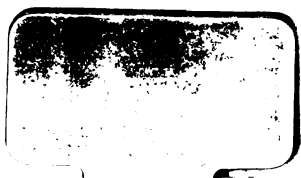
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

IV.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.

JUVENAL, IV.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

РЕДАКТОРЪ А. В. НИКИТЕНКО.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1840 года, Августа 29 дня.

Ценсоръ *С. Кутурга.*

Ценсоръ *Е. Олдекопъ.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

I.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

ВЪ НОВОЙ ДЕРЕВНЦѢ.

I.

Чарочки по столыку похаживаютъ.
Старинная пльня.

«Здоровье хозяина!... Ура!....»

— Благодарю васъ, господа.... Эй, еще шампанскаго!

Это былъ блаженнѣйшій часъ въ человѣческой жизни: часъ между жаркизъ и десертомъ, послѣ четвертаго бокала шампанскаго, когда вполне удовлетворенный аппетитъ возбуждается только для жажды, а среди гостей *sicot* и *cremant* льются водопадомъ. Это былъ не скучный обѣдъ среди звѣздоносныхъ тайныхъ совѣтниковъ, молчаливыхъ тетушекъ

въ блондовыхъ чепцахъ и серіозныхъ дядюшекъ съ красными лентами, живописно облеченными вокругъ бѣлаго галстуха. Это былъ не безмолвный ужинъ послѣ великолѣпнаго бала, гдѣ каждый въ опустѣвшей головѣ ищетъ какой нибудь фразы. Но это также не была вечеринка у виновника, получившаго въ награжденіе годовой окладъ за вычетомъ десяти процентовъ, грубая вечеринка, на которой, среди гостей въ изношенныхъ вице-муцидрахъ съ полинявшими бархатными воротниками, и пряжками въ петличкахъ, двухрублевая мадера смѣняется тяжелымъ пуншемъ и плебейской настойкой.

Графъ Вальмірскій, за нѣсколько дней передъ этимъ получившій милліонъ въ наследство отъ покойнаго дяди, угощалъ своихъ пріятелей. Гостей было человѣкъ пятьдесятъ. . . . все пріятели, и можно ли дивиться такому множеству пріятелей у человѣка, который такъ славно ихъ угощаетъ, и у котораго такъ кстати умираетъ богатый дядя? Графъ задалъ объѣдъ на разпашку, пиръ аристократическій, но разгульный, въ которомъ самое буйное веселье не могло изгладить слѣдовъ хорошаго тона. Восковыя свѣчи въ шести бронзовыхъ канделябрахъ на скатерти ослѣпительной бѣлизны, люстра подъ разрисованнымъ плафономъ и четыре канделябры на стѣнахъ, обитыхъ французскими обоями, разливали въ длинной и широкой столовой блескъ ярче солнечнаго. Сквозь растворенныя настежь широкія двери видна была перспектива богатоубранныхъ комнатъ. На столахъ часы подъ огромными хрустальными колпаками, лимонныя, малахитовыя и фарфоровыя чаши и вазы, на стѣнахъ картины лучшихъ мастеровъ и кое-гдѣ миленькія эстампы, которые холостой хозяинъ на канунъ своей свадьбы обыкновенно раздариваетъ своимъ пріятелямъ.

А гости.... между ними вы не нашли бы какогонибудь чиновника, который только недавно начал отдавать свои франки Ручу и еще прежде сталъ о томъ рассказывать, дивясь своему мотовству несравненно болѣе тѣхъ, которые его слушаютъ. Тутъ были цвѣтъ столицы, молодые люди, обыкновенно занимающіе первые три ряда креселъ въ Михайловскомъ театрѣ; кавалеристы, которые такъ живописно и глубокомысленно закручиваютъ свои усы, чиновники дипломатическаго корпуса, въ коротенькихъ сюртукахъ, въ прическѣ *à la russe*, въ блѣжелтоватыхъ, какъ сливки, перчаткахъ, съ четверугольнымъ лорнетомъ на груди; молодые люди, отъ которыхъ смерть такъ далека, у которыхъ нѣтъ другой бѣды, кромѣ проигрыша въ картахъ и неудачной любовной интриги, нѣтъ другой печали, кромѣ скуки; люди, которые потому только несчастливы, что не знаютъ цѣны своего счастливаго жребія.

И обѣдъ, сначала чинный и довольно молчаливый, все дѣлался шумище, шумище, и наконецъ достигъ той минуты, въ которую всякой говоритъ, что ему Богъ полагаетъ на сердце, минуты, въ которую слуги, глядя на господъ, начинаютъ изподтишка лукаво перемигиваться между собою. Гости черезъ столъ начали пожимать другъ другу руки и цѣловаться съ сосѣдами. Всѣ ласкали, всѣ любили одинъ другаго, и въ эту пору искренно, чтобы завтра, при свѣжемъ умѣ, раскаться въ этой неумѣстной роскоши чувствъ. Другой подумалъ бы, что это братья, которые послѣ долговременной разлуки съхались вмѣстѣ и въ веселомъ пиру дѣлятъ свою сердечную радость.

И хоть бы какаянибудь забота на мгновеніе помрачила лице одного ихъ этихъ счастливицевъ.... се-

годня пиръ; а завтра ничего, ничего, кромѣ отдыха на мягкомъ диванѣ, въ персидскомъ халатѣ и ермолкѣ, съ сигарою въ зубахъ, за чашкою кофе; завтра нѣтъ ни развода, ни повѣстки въ караулъ, ни скучнаго визита, ни экстренной работы къ короткому сроку....

Очаровательный обѣдъ давалъ въ этотъ день графъ Вальмірскій.

— Допивайте свой бокалъ, полковникъ.

« За чѣмъ ты вчера не былъ на разводѣ?

— Ъздили ли вы по желѣзной дорогѣ?

« Нѣтъ, какъ вчера былъ хорошъ Дюфуръ.

— Къ чорту театръ! Я лучше люблю играть въ вистъ.

« Представьте, что третьяго дня случилось на балѣ у княгини Рамировой!

— Какъ, еще шампанское!

« Ну, выпьемъ за нашу дружбу.

— За нашу дружбу?.... Славно.... давай! Чокъ, чокъ!

«Avez-vous vu madame Allan dans la Lectrice?.... Ah, comme elle étoit charmante.

— Ну, чѣмъ же это кончилось?

« Его посадили на гауптвахту.

— Эй, человекъ, дай еще мороженого!

« Чудо персики.

— Вѣдь тетушка-то моя графиня Варвара Андреевна больна при смерти.

« Ха, ха, ха, ха, ха!

— Что жъ ты не пьешь, Байбутусовъ? Э! красная дѣвушка!

« Выигралъ робберъ отъ 42.

— Каратыгина семь разъ вызвали.

« Славная аффера, чудесная аффера.

— Карій, семь вершковъ, славно вывѣженъ, да не много разбить ногами.

« Нѣтъ, кабы ты видѣлъ, какая у нее пожка!

— Князь, не хочешь ли сигары?

« А, сигару давай!... Пуфъ, пуфъ, пуфъ.

— Жена-то опять убѣжала.

« Нѣтъ, братецъ, мнѣ рекомендовали; третій домъ отъ *** моста; во второмъ этажѣ; прелесть, братецъ, прелесть!»

— Что же, ты былъ?

« Разумѣется.

— Ха, ха, ха, ха!

A I R.

« Grands dieux, combien elle est jolie,
Celle que j'aimerai toujours!
Dans leur douce melancolie
Ses yeux font rêver aux amours!

— Послушай, выпьемъ за глазки моей мери....
Ah, comme elle est ravissante!

« Хорошо, а потомъ за мою Sophie. Душка! чокъ,
чокъ!

— Joyeux enfans, vous que Baschus rassemble;
Par vos chansons vous m'attirez ici!

А Р И Я.

«Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пирь.

— Нѣтъ, эта лучше:

Други, други, радости
Намъ на мигъ дана!

«Нѣтъ, ужь лучше изъ Роберта. Ну, господа, хоро-
ромъ:

Versez, versez, versez à coupe pleine. . . .

— Кто теперь первый поэтъ послѣ Пушкина?

«Шампанское!

— Bravo, bravo, остро.

«Ужь эти христиносы.

— Что вы говорите о крестоносцахъ?

«Я не мѣшаюсь въ политическія дѣла: я лучше люблю играть въ вистъ.

— Посмотрите, у Ивана Кармыча ужь и наклад-
ка съ головы слетѣла.

«Лысый дьяволъ!

— Человѣкъ, дай ликеру!

«Господа, pousse caffè.

— Маленькій, толстенькій, пресмѣшной такой.

«А туда же стихи писать.

— Туда же влюбляется.

«Послушайте, баронъ, умѣете вы изъ дыму пус-
кать кружки языкомъ, вотъ такъ: пы, пы...

— Ну, это глупо.

« Послушайте....

— Нѣтъ, послушайте....

« Нѣтъ, послушайте!

— Нѣтъ, постойте, послушайте.

« Кто это сидитъ подлѣ Лампенеля?

— Вонъ, это. Чудакъ, Ординскій.

« Что же онъ нахмурился, какъ Смольгольмскій баронъ?

— Онъ писатель.

« Онъ меланхоликъ.

— Онъ влюбленъ.

« Онъ сумасшедшій.

Я невольно обратилъ взоры на другой конецъ стола, къ влюбленному меланхолику, къ которому относились эти послѣднія выраженія. Это былъ молодой яловѣкъ, котораго блѣдное лицо и задумчивый, унылый видъ рѣзко отличались отъ веселыхъ, праздничныхъ лицъ его собесѣдниковъ. Между ними онъ похожъ былъ на могильный крестъ, возвышающійся среди кустовъ розъ и лилей, на багровый свѣтъ погребальнаго факела въ яркомъ и веселомъ блескѣ пиршественныхъ люстръ. Впрочемъ, кромѣ унынія, которое можетъ подавлять всякаго, даже среди буйнаго пира, онъ съ перваго взгляда ничѣмъ особенно не отличался отъ прочихъ. Но опытный наблюдатель могъ бы прочитатъ въ этихъ полупотухшихъ глазахъ пламень души, погасавшій, но еще тлѣющій подъ пепломъ; въ удерживаемыхъ вдохахъ могъ бы увидѣть печаль сердечную, которую этотъ

молодой человекъ стыдился обнаружить; по лицу его, прекрасному, но блѣдному, по болѣзненнымъ утомленнымъ взорамъ могъ бы догадаться, что въ этой груди бьется сердце нѣжное, теплое, но не могучее; въ глубокихъ морщинахъ на чель, преждевременно вырѣзанныхъ грустію, вычиталъ бы тяжкую борьбу его съ судьбою и съ собственными чувствами. Печальный гость съ завистью смотрѣлъ на безпечное веселье молодыхъ счастливцевъ, не унижаясь передъ ними, и какъ въ ларцѣ Пандоры осталась одна надежда, такъ и въ глубинѣ души этого человека, осталось еще одно поддерживающее его чувство — чувство собственнаго достоинства. Вино, такъ благотворно, такъ отрадно подѣйствовавшее на его собесѣдниковъ, произвело на него совершенно противоположное вліяніе: оно еще болѣе разожгло раны его сердца. Порою, казалось, душа его улетала въ міръ отрадныхъ мечтаній и въ эту минуту уста его отгвнялись чуть замѣтною улыбкою; глаза загорались пламенемъ глубокаго чувства и лице принимало очаровательное, меланхолическое выраженіе, которое такъ нравится сантиментальнымъ женщинамъ — выраженіе, отпечатлѣвающееся въ чертахъ кроткой богини задумчивости. Иногда по устамъ его скользила улыбка другаго рода, холодная, полупечальная, возбужденная острой эпиграммой или легкой прибауткой; но замѣтно было, что эта улыбка была вызываема болѣе првличіемъ, нежели сердечнымъ участіемъ въ весельи. Однимъ словомъ, это было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя въ романахъ такъ интересуютъ читателей, а еще болѣе читательницъ, и съ которыми, по большой части, скучно сталкиваться въ гостиныхъ.

II.

Здѣсь загляну, втѣши,
Во глубину его души.

Мнѣ очень хотѣлось короче познакомиться съ этимъ человѣкомъ. Покуда разставляли столы для виста, я тихонько ускользнулъ изъ этого шумнаго общества, вышелъ на улицу, прошелъ еще улицу, завернулъ въ переулокъ: вонъ онъ живетъ въ этомъ большомъ каменномъ домѣ. Я иду черезъ грязный дворъ, мимо длинной польницы, всхожу по темной, узкой лѣстницѣ, выше, выше, въ четвертый этажъ. Вотъ направо двери; вхожу въ маленькую комнату; темно.

Такъ вотъ гдѣ живетъ мой новый пріятель Ординскій. Старый диванъ, столикъ, маленькая библіотека, шесть стульевъ, обитыхъ полинявшимъ трипомъ, портретъ пожилой женщины.... ничтожное, добродушное лицо; портретъ Пушкина, Виктора Гюго..... А это что за медаліончикъ?... Ахъ, какая милая дѣвушка! Какъ много нѣги, любви и мечтательности въ этихъ томныхъ, голубыхъ глазахъ! Какой роскошный поцѣлуй сулятъ эти розовыя губки! Ну, а заглянемъ въ библіотеку. Гмъ! Пушкинъ, Жуковскій, Викторъ Гюго.... Опять В. Гюго! Еще *Lelie, Valentine, L'ane mort et la femme guillotiné*. — Эхъ, худо если онъ только это читаетъ. — А эта брошюрка — о творящей силѣ въ поэзіи. Ого! — Далѣе: Шиллеръ и Леонидъ, Шатобрианъ и село Гудишки.... Ухъ, какая пестрота! Какъ можно читать все это вмѣстѣ. А это что за тетрадки? Ба, рукопись, журналъ, повседневныя замѣтки. Вотъ это намъ и надобно. Взглянемъ.

«23 Сентября. Какъ душно въ этихъ салонахъ! Нитѣни жизни, ни привѣтной улыбки».....

Ну, это обыкновенныя жалобы выѣшнихъ молодыхъ людей на безжизненность общества. Зачѣмъ они туда лѣзутъ, если имъ тамъ душно! Мимо.

«Вянетъ, вянетъ жизни цвѣтъ!

Мчатся дни какъ волны въ морь.»

Это стихи и недоконченныя. Мимо.

«Одинокому отъ самой колыбели, мнѣ осталось еще одно наслажденіе — предаваться мечтаніямъ, играннымъ въ моемъ воображеніи. Мнѣ слышались чудныя звуки, мнѣ грѣзнились дивныя образы. Какъ было мнѣ сладостно, въ уединеніи, рисовать плѣнительныя картины дружбы, любви, счастья. И что же? Вступивъ въ свѣтъ, я увидѣлъ, что онъ смѣется надъ этимъ *сантиментальнымъ вздоромъ*, достойнымъ времени Памелы и бѣдной Лизы, и скучнымъ въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и байроновскаго юмора. Я долженъ былъ спрятать эти чувства, какъ монету, вышедшую изъ употребленія, а мнѣ это было тяжело, очень тяжело. Чувства мои были согрѣты пламенемъ самой пылкой любви, но я уже не смѣлъ имъ вѣрить, а еще менѣе повѣрить ихъ кому либо. Не знаю, были ли эти минуты одушевленія или просто горячка юности, но я былъ жестоко обманутъ этими видѣніями. Можетъ быть, со временемъ они превратились бы въ сильное, увлекающее чувство, которое живило бы меня; а можетъ быть, безъ нихъ я скорѣе пошелъ бы къ какойнибудь цѣли, самой прозаической, но вѣрной, тихо, осторожно, терпѣливо, шагъ за шагомъ.»

«Жизнь моя до сихъ поръ была цѣпью неудачъ, потерь и горестей, которымъ, кажется, и конца не будетъ! Правда, могъ ли я чтонибудь и выиграть въ свѣтъ, робкій, застѣчивый, судящій о людяхъ

по своему идеалу, мечтающій? Но какое сдѣяніе бѣдствій можетъ постичь только отверженнаго?»

«Подъ бременемъ, тяготившемъ мою душу, таилъ пламень самой приверженной дружбы, которая была мнѣ нужнѣе, нежели кому либо. Былъ одинъ юноша, пылкій, благородный, и, подобно мнѣ, несчастный; съ нимъ первымъ раздѣлилъ я сердце; но онъ умеръ. Былъ у меня и еще другъ, мужъ съ умомъ твердымъ и просвѣщеннымъ, съ жельзною силою воли. Его рука могла бы вести меня по пути жизни, но, увлекаемый страстію къ познаніямъ и путешествіямъ, онъ отправился въ Америку и погибъ въ волнахъ Атлантическаго океана — широкая могила, которой онъ былъ достоинъ — мужъ съ обширными предначертаніями и силою ихъ исполнить. Славная, прекрасная смерть, которой я всегда завидовалъ. Безъ нихъ міръ опустѣлъ для меня.»

«Книги оставались еще моимъ утѣшеніемъ. Я безъ разбора читалъ Плутарха и Радклифъ, Гомера и Шлегеля, Шекспира и Найденое дитя въ лѣсу, Эккартсгаузена и пѣсни Беранжера. Умъ и сердце снова пробудились, но тревожно, бользненно. Я узналъ высокое назначеніе человѣка, и не измѣривъ силы не опредѣливъ цѣли, пустился въ слѣдъ за героями, которые длинною галлереею тянулись въ моемъ воображеніи. Новыи Донъ Кихотъ, я мигомъ слетѣлъ съ рухлато пьедестала, на который вознесла меня безумная моя фантазія. Сначала, въ пылу вскипѣвшаго энтузіазма, мнѣ казалось, что для достиженія славной цѣли нужно одно пламенное желаніе (а мои желанія скоро остывали), что мнѣ, какъ Ахиллѣсу, стоитъ только бросить молніеносный взоръ на волнующіяся войска Троянъ, и они побѣгутъ нестройными толпами. Слишкомъ поздно узналъ я, что при-

рода и судьба дорого продаютъ свои награды, что ихъ надобно купить цѣною тяжкаго труда, что надобно полюбить самый трудъ.»

«А труда-то я и не любилъ, по крайней мѣрѣ труда долговременнаго и упornaго. Онъ всегда казался мнѣ прозаически скучнымъ; возлюбивъ цѣль, до которой онъ доводитъ, я-ненавидѣлъ средства. Привыкнувъ измѣрять все своими юношескими впечатлѣніями, живыми, свѣтлыми, возбуждательными, я считалъ бесполезнымъ приниматься за дѣло по одному холодному призыву долга и разсудка. Иногда внявъ голосу разума, я напрягалъ свои силы, и успѣвъ исполнить одну обязанность, почиталъ себя уволеннымъ отъ исполненія прочихъ; лѣнь говорила мнѣ: ты сдѣлаешь довольно. Но чаще всего это чувство долга, не имѣющее твердой опоры, никакой опредѣленной цѣли, заглушается вихремъ общественныхъ отношеній или воемъ страданій сердечныхъ.»

Довольно. Посмотримъ еще кой-какія отдѣльные замѣчанія.

«Я съ жадностію бросился къ наукѣ, а свѣтъ влечетъ меня къ себѣ: во мнѣ не достаетъ силъ противиться и этому искушенію. Меня ужасаетъ это море знаній, изъ котораго я едва могу проглотить одну каплю, а мнѣ хотѣлось бы выпить его все. Безумный, я затрепеталъ и почти рѣшился не прикасаться къ нему устами. Я очень хорошо понимаю самоотверженіе мудреца, всѣмъ жертвующаго своей высокой цѣли. Но я только что понимаю, а воля моя безсильна. Вотъ новый источникъ раскаянія, безъ рѣшимости мужественно довершить свое дѣло! Этимъ безопаснымъ счастливымъ, моимъ пріятельмъ

весело? они до битвы заблаговременно отделись въ плѣнь, и покуда ирируютъ въ веселомъ острогѣ, а я борюсь, безсильный для побѣды, но слишкомъ гордый для безусловной покорности.»

«Для меня всегда было легче мыслить, нежели дѣлать. Всякое намѣреніе, изобрѣтенное умомъ, изукрашенное воображеніемъ, гибло, когда воля хотѣла перенести его въ міръ дѣяній. Духъ мой, какъ чудовище, жадное и легкомысленное, надмѣвался, созидая высокіе помыслы, и терзался, когда не имѣлъ силы осуществить ихъ. Созданіи моего воображенія, иногда святые и прекрасныя, тускнѣли по мѣрѣ того, какъ я хотѣлъ болѣе вникнуть въ нихъ или ими воспользоваться. Я скорбно жалѣлъ о нихъ, какъ жалѣемъ мы о прекрасныхъ цвѣтахъ, которые, обольтивъ насъ своею роскошною свѣжестью, увяли прежде, нежели мы успѣли ими насладиться.»

«Не чувствуя ни къ чему продолжительнаго, упорнаго стремленія, я не зналъ, на что опредѣлить себя, а цѣли, которыя назначала мнѣ судьба, казались мнѣ слишкомъ низкими, чтобы я тратилъ для нихъ свои силы. Между тѣмъ я припужденъ теперь бороться не только безъ славы, даже безъ заслугъ въ собственныхъ глазахъ своихъ.»

«Я искалъ награды и отрады въ самыхъ своихъ страданіяхъ и падѣлся прославиться знаменитымъ мученичествомъ, а люди не замѣчали тамъ и искры, гдѣ для меня разгорался пожаръ. Я похожъ на домъ, ветхій снаружи, великолѣпный внутри: прохожіе видятъ одну скудость жилища, котораго истинное богатство извѣстно одному хозяину. Съ какимъ восторгомъ сморѣлъ я на Прометей, исполниски-надменно пре-

зирающаго свои страданія и всеильный гнѣвъ Кро-
нида! Я также страдалъ, но свое презрѣніе обра-
щалъ на самого себя. Самого себя я затапывалъ
въ прахъ вызывалъ на себя удары грома, а ме-
ня только кусали комары. Вошь мой былъ похожъ
на плачь ребенка, у котораго отняли его игрушку.»

«Все, что я знаю, кажется мнѣ пошлымъ и не-
удовлетворительнымъ; я плѣняюсь только тою мы-
слию, которая еще не освѣтлѣвъ въ разумъ, недавно
поразила мое воображеніе.»

«Всякій часъ, всякую минуту я вырываю изъ сер-
дца какое нибудь чувство, изъ воображенія какую
нибудь мечту и разлучаюсь съ ними навсегда. Жизнь
моя — вѣчная разлука съ друзьями — измѣнниками,
не людьми: — людей уже я давно оставилъ. Одно-
кѣй въ этомъ обширномъ мірѣ, я создалъ себя дру-
зей въ самомъ себѣ, поселилъ ихъ въ глубинѣ сердца
и долженъ имъ сказать вѣчное: прости! Вскорѣ серд-
це совсѣмъ опустѣетъ; а жить однимъ разсудкомъ,
жить какъ Сикстъ V, я не могу.»

«До конца изпуренный борьбою безъ побѣды, самъ
себя пожирающій, я подавленъ и внѣшнюю и вну-
треннюю жизнью. Душа моя очерствѣла до того, что
мнѣ теперь не внятны ни пламенные восторги люб-
ви, ни нѣжные чувства дружбы, ни кроткое утѣ-
шеніе науки, ни святое вдохновеніе поэта. Ее, какъ
душу игрока, могутъ потрясти только сильныя ощу-
щенія.

Убѣжденія у меня нѣтъ ни въ чемъ. Самыя угрозы и совѣсти мало по малу перестаютъ возмущать меня. Еще одинъ шагъ и . . . я брошусь въ бездну, которую изрыла для меня судьба . . . Нѣтъ, я самъ, я самъ изрылъ ее . . . Боже милосердый, прости мнѣ грѣхи мои, тяжкіе грѣхи мои!»

Эти строки были написаны дрожащею рукою. Нѣкоторыя слова трудно разобрать.

—

«Если бы въ жизни у меня была какая нибудь цѣль, если бы меня ожидала вѣрная награда, хотя бы купленная цѣною мукъ, страшныхъ мукъ. . . Я пройду по землѣ не замѣченный! . . . Торквато, кончая мученическую жизнь, изъ окна своей келіи видѣлъ, какъ устилали для него коврами путь въ капитолий, и люди столько же прославили его страданія, сколько его октавы. . . А что мои страданія? что мои стоны? — Чуть слышное жужжанье мухи, которую паукъ замоталъ своими тенетами.»

«Не рассыпать мнѣ, подобно солнцу, благотворныхъ лучей по всему міру, не разлиться бурнымъ, яростнымъ пожаромъ, заглушающимъ стенанія и вопли жертвъ своихъ! . . . Много, много, если я взмечу ракетой, мгновенный блескъ которой люди забудутъ въ ту же минуту, какъ она погаснетъ.»

«Какъ горько. Столько жажды, и ни одною каплей не могу потушить ее.»

—

Бѣдный молодой человекъ! Прикидывается ли онъ честолюбцемъ, или въ самомъ дѣлѣ честолюбецъ,

герой безъ оружія, кокетка безъ красоты, ораторъ безъ языка, живописецъ, не умѣющій нарисовать головки? ... Точно, на каждой страницѣ одѣ и тѣ же жалобы. Бѣдный молодой человекъ! ... Онъ произвольно навязалъ себѣ на шею мечту. Ему всѣ силы души, которыя онъ тратитъ на бесплодную борьбу, должно бы употребить для истребленія этой мечты, ея угнетающей. Я шепнулъ бы ему, что гораздо умнѣе и благороднѣе быть сторожемъ въ банѣ и честно исправлять свою должность, нежели мечтать о всемірной славѣ и позже всѣхъ чиновниковъ приходить въ свой департаментъ.

Перевернемъ еще нѣсколько страницъ. Меня чрезвычайно занимаетъ судьба этого милаго сумазброда, котораго уже я успѣлъ полюбить отъ всей души.

«..... Какъ мнѣ къ ней приблизиться? Нищѣму ли мечтать о царицѣ? Ничтожному ли мотыльку взлетать къ солнцу?»

Браво, браво! кажется, онъ влюбился. Люби, мой несчастный другъ! Любовь освѣтитъ тебя.

«Я видѣлъ ее издали, какъ со скудной земли видимъ звезду полярную. Я не смѣлъ подойти къ ней, не смѣлъ даже поднять на нее глазъ. Ахъ, какъ она прелестно величественна, какой огонь мещутъ ея взоры! Какъ бьется, какъ бьется, бѣдное мое сердце! И какое страшное разстояніе насъ отдѣляетъ! Между нами протекаетъ цѣлое море приличій, богатства, знатности, гордости, тщеславія и расчетовъ — волнующееся море, на которое я, робкій пловецъ, и взглянуть не смѣю.»

«Я не видалъ ни блеска люстръ и канделябровъ, ни весело мелькающихъ паръ въ кадриляхъ, не слы-

халь звуковъ бальной музыки. Я видѣлъ, я слышалъ только ее.»

«Возможно ли? Вѣрить ли своему счастью? Она сама подошла ко мнѣ, сама со мною заговорила.... И какъ сладки были ея рѣчи!.... Отчего же я смотрѣлъ на нее съ такимъ трепетомъ?... Это ангель величавый, лучезарный, но кроткій.... Сидѣть такъ близко нея, пить ея дыханіе!... О духи неба, какъ скоро снизошли вы съ высотъ на мою молитву!... Безумецъ, я проклиналъ жизнь.... Эта безплодная, однообразная степь вдругъ въ моихъ глазахъ вся одѣлась прекраснѣйшими цвѣтами рай.... Кровь хлынула въ голову, когда я услышалъ сладостные звуки ея голоса; а этотъ голосъ говорилъ со мною. Черезъ нѣсколько минутъ, я уже разговаривалъ съ нею свободно, даже смѣло и откровенно, какъ съ родной сестрою... Что это значитъ? Я ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ такъ свободно, особенно съ женщинами. Неужели?... Нѣтъ, я и во снѣ боюсь это видѣть.»

«Я видѣлъ ее, я говорилъ съ нею еще нѣсколько разъ. Она не болѣе полугода, какъ оставила Смольный монастырь. Какое теплое чувство пламенѣть въ ея дѣвственномъ сердцѣ, котораго еще не успѣло заразить тлетворное дыханіе свѣта! Страшно подумать, что, можетъ быть, эта душа скоро будетъ увядать подъ душнымъ зноемъ изысканныхъ приличій нашего общества и мелочныхъ его расчетовъ, которыхъ она еще не понимаетъ, какъ ангель, не разумьющій нашихъ земныхъ страстей и страданій. И не поймай ихъ, пышный, благоуханный цвѣтокъ,

въ мертвой степи нашей жизни, ради своей непо-
рочности, ради чистоты души своей, не понимай
ихъ! Твое младенческое простодушіе мудрѣе нашей
Фарисейской премудрости.»

«Я похожъ на неискуснаго игрока, который безъ
всякой надежды на выигрышь, отваживается скуд-
ный остатокъ своего достоянія и проигрываетъ все.
Куда я стремлюсь? За чѣмъ не остановлюсь передъ
страшною бездною, куда влечетъ меня безразсудная
любовь? . . . Но пусть я погибну, пусть сгорю въ
этомъ очаровательномъ огнѣ. Все это лучше нестер-
пимой скуки, отъ которой ржавѣло мое сердце. Нѣтъ,
я буду жить, буду жить только мечтою объ ней.
Днемъ и ночью, утромъ и вечеромъ, всегда, вездѣ,
вдали отъ нея прижимаю ее къ своей груди, цѣлую
ея лебединою шею, ея голубые глаза . . . теперь я
не одинъ; я живу съ нею. Я буду любить ее, какъ
музыкантъ любить свои звуки, какъ поэтъ свои ви-
дѣнія, какъ Рафаэль любилъ свою Мадону, какъ Пе-
трарка Лауру.»

Слишкомъ кудряво! Я не очень вѣрю такой люб-
ви. Кажется, она у него болѣе въ воображеніи, не-
жели въ сердцѣ. Кажется, онъ любитъ . . . отъ скуки.

«Еще тяжелалъ, бессонная ночь. Вчера вечеромъ я
пришелъ къ Стираксовымъ: у нихъ была семейная
вечеринка; все близкіе друзья да родственники; я
пришелъ некстати, незванный. Отецъ, со своей се-
ребряной звѣздой на лѣвомъ боку, едва кивнулъ го-
ловою на мой поклонъ; мать почти не обратила на
меня глазъ. Но я готовъ былъ бросить имъ подъ

паты свое самолюбіе, чтобы только взглянуть на мое божество. Наконецъ явилась Лидія и съѣла подлѣ матери. Черезъ нѣсколько минутъ, собравшись съ силами, я подошелъ къ ней. . . . Два, три ничтожныхъ слова, холодный безжизненный взглядъ былъ отвѣтомъ на мое привѣтствіе. Сердце мое оледенѣло. Я убѣжалъ отъ нихъ, и теперь тысячи ядовитыхъ змѣй точутъ изтерзанную грудь мою. «

Тутъ на нѣсколькихъ страницахъ тянутся безконечныя жалобы, уныніе, надежда, отчаяніе, опять надежда, опять отчаяніе, точь въ точь наша современная поэзія въ журналахъ и альманахахъ.—Однообразная повѣсть любви. Стираксовы перѣѣхали на дачу на Нарвской дорогѣ. Ордискій бродитъ туда чуть не каждый день и смотритъ на домикъ, гдѣ обитаетъ его Лидія.... Вотъ, однажды, она его замѣтила и бросила на него взглядъ, какъ сказали бы наши юные поэты, «прожигающій сердце,» взглядъ, «въ которомъ цѣлое море блаженства,» однимъ словомъ, взглядъ, рѣшившій его участь.... Вотъ началась переписка.... Слова «радость,» «счастіе,» «упоеніе» десятками разсыпались на слѣдующихъ страницахъ.

Вдругъ мнѣ въ глаза бросились два письма. Одно на цѣломъ листѣ почтовой бумаги, написанное и адресованное съ соблюденіемъ всѣхъ канцелярскихъ формъ. Прочитаемъ.

«Милостивый Государь!»

«Къ крайнему удивленію моему, узнавъ о выходящей изъ всѣхъ предѣловъ приличія смѣлости, съ которой вы отпелись къ жепѣ моей касательно моей дочери, честь имѣю васъ симъ увѣдомить, чтобы вы со дня полученія онаго пись-

ма, прекратили всё, дото́ль дозволенные вамъ съ домою и семействомъ мои́мъ сношенія, ибо продолженіе оныхъ, какъ мнѣ, такъ и вамъ можетъ навлечь весьма неприя́тныя послѣдствія. Надѣюсь, милостивый государь мой, что вы, какъ свойственно благоразумному человѣку, каковымъ я до сего времени имѣлъ честь почитать васъ, не допустите какихъ либо могущихъ изъ сего дѣла произтечь неудовольствій. Въ противномъ случаѣ я принужденнымъ найдусь учинить всё зависящія отъ меня распоряженія для прекращенія произвоимаго со стороны вашей неумѣстнаго искательства.»

Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію
имѣю честь быть

Вашъ

Милостиваго государя моего
Покорный слуга

Сергій Стиракса.»

Прекрасное письмо, написанное съ особенною отчетливостію и таковою же вѣжливостію. А вотъ другое, небольшой листочекъ голубой бумаги, усыпанный круглыми, блѣдно-желтоватыми пятнами. Или слѣды слезъ или брызнули лимономъ.

«Милый, несчастный Анато́лій! Все кончено: намъ нѣтъ болѣе радости на землѣ... Мнѣ душно, какъ въ могилѣ... не могу написать ни строчки... слезы заливаютъ бумагу.... Боже, великій Боже, нѣтъ, Ты этого не допустишь!... Это не возможно, чтобъ мы были разлучены.

«Вчера позвали меня въ кабинетъ. Тамъ сидѣли пансенька и маменька, которая ему все рассказала. Она плакала. Пансенька была ужасно встревожена. Я не стану тебѣ повторять словъ его: это убьетъ меня. Онъ говорилъ мнѣ долго и убедительно, разстроеннымъ голосомъ; повторялъ о причинѣ, о неравенствѣ, о своихъ видахъ, о своихъ надеждахъ. Что это значитъ? Я не понимаю: какія приличія, какіе виды, когда я только съ тобой, мой Анато́лій, могу быть счастлива; а удали отъ тебя я изсохну... Я умру... Положивъ голову на колѣни маменьки, я заливалась слезами и думала о тебѣ ..

Ахъ, какъ у меня болитъ сердце... какъ горитъ моя голова... темно вокругъ меня!... Папенька тоже къ тебѣ пишетъ.... Ради Бога, напиши ко мнѣ, какъ ты перепесъ это несчастіе. Не терзай себя, если ты меня любишь; перенеси его великодушно, благородный другъ, забудь меня... Ахъ, нѣтъ, не забывай, не забывай!... Боже мой!... это убьетъ тебя: ты и безъ того такъ несчастливъ... передай мнѣ свою горестъ; я буду утѣшать себя мыслию, что страдаю одна, что страдаю за тебя. Съ меня взяли честное слово, чтобы я не писала къ тебѣ и не принимала отъ тебя писемъ. Но, Боже, прости мнѣ грѣхъ мой! Я не могу этого сдѣлать... Прости прости!... Идутъ... не смѣю продолжать... Хотя бы во снѣ тебя увидѣть...

«Напиши мнѣ хотя одну строчку, хотя одно слово: люблю тебѣ!»

Твоя до гроба

Лидія.»

Это жестоко! И тутъ тебѣ нѣтъ успокоенія, мой несчастный Анатолій! Меня чрезвычайно заинтересовала судьба его. Что съ нимъ будетъ? Я поспѣшно убралъ бумаги, погасилъ свой фонарь, вышелъ изъ комнаты и поспѣшилъ назадъ къ графу Вальмірекому.

III.

Столъ для картъ, кѣль, щетокъ и свѣчей.

Горе отъ ума.

C'était depuis plusieurs années le premier moment ou il ne se sentit pas souffrir.

Victor Hugo.

Или собственная моя грусть, навѣянная чтеніемъ печальной исторіи Ординскаго, облекла для меня все въ мрачную пелену, даже самую радость; или дѣй-

ствительно пиръ Вальмірскаго подъ вечеръ потерялъ свой прежній очаровательный блескъ. Нагорѣвшія свѣчи разливали какой-то тусклый свѣтъ; одни изъ гостей дремали на диванахъ съ длинными потухшими трубками въ рукахъ; другіе по двое, по трое тихо межъ собой разговаривали; на всѣхъ лицахъ обнаруживалось вялое утомленіе. Замолкли и плѣнительный звонъ бокаловъ и шумный говоръ и громкія пѣсни, за нѣсколько часовъ раздававшіяся въ этихъ пышныхъ и обширныхъ палатахъ. Скука покатила по нимъ широкими волнами, какъ бы мстя за излишнее торжество своему сопернику—веселью. Миѣ казалось, что цѣлое поколѣніе, нѣкогда игривое и полное жизни, теперь одряхлѣло и приближается къ могилѣ...

На трехъ или четырехъ столахъ играли въ вистъ, на двухъ или трехъ въ экарте, на одномъ въ шахматы. Но самое большое число игроковъ собралось въ кабинетъ графа у длиннаго стола, за которымъ сидѣлъ, окруженный поштерами, одинъ изъ первыхъ богачей столицы Касимовъ и металь банкъ. Съжившеся веселье прижалось было къ этому столу, но вскорѣ убѣжало и отсель, испуганное воцаряющимся безмолвіемъ, заботливымъ видомъ игроковъ и ихъ возгласами, вырванными досадою. Вокругъ благородныхъ рыцарей банка толпились праздные зрители, безпрестанно повторяя: «даму убьютъ непременно... семерка возьметъ: это вѣрнѣе правды... Напрасно вы не сдѣлали транспорта.»

«Этотъ Касимовъ бьетъ на пропалую, сказалъ одинъ юноша въ гусарскомъ вице-мундирѣ, осушая недопитый имъ бокаль. Кажется, онъ въ связи съ сатаною. Поставишь пароли; смотришь: убита.»

«Чертовское счастье, говорили другіе.» Касимовъ молчалъ и билъ карты одну за другою.

Вдругъ я увидѣлъ моего Анатолія. Онъ стоялъ почти подлѣ самаго банкюмета, устремивъ неподвижный взоръ на кидаемый имъ карты; въ лицѣ Ординскаго выражалось какое-то тревожное желаніе. Онъ то опускалъ руку въ карманъ, то судорожно ее оттуда выдѣргивалъ; губы его сжимались, какъ у челоуѣка, который безпокойно рѣшается на опасное намѣреніе. Сердце мое стѣснилось, будто предчувствуя бѣду, въ которую долженъ скоро повергнуться этотъ несчастный молодой челоуѣкъ. Внезапно, онъ отскочилъ отъ стола, подошелъ къ другому, на которомъ стояла початая бутылка шампанскаго, вынулъ одинъ за другимъ два большіе бокала, поднялъ съ полу червонную четверку, подѣлъ къ играющимъ и вынулъ золотую монету.

— Позвольте поставить?

Взоры его встрѣтились со взорами Касимова, который съ изумленіемъ, почти съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на Анатолія, началъ метать, и черезъ двѣ прокидки четверка была убита.

Ординскій поставилъ другой и послѣдній свой полуимперіаль на туза.

— Тузъ взялъ... на валета, три куша.

«Съ угломъ?»

— Да-съ, съ угломъ. — Валетъ выигралъ.... отъ валета на шесть — семерка.

Касимовъ началъ метать... семерка упала на лѣво.

— Король, на двѣнадцать... прикажите.

«Какъ вамъ угодно: извольте.»

«Двойка, валетъ; пятерка, пятерка; тузъ—король!

— Двѣнадцать кушей имѣю.

Прочіе понтеры не столько позавидовали, сколько обрадовались возникающему счастью Ординскаго, который явился какъ бы мстителемъ за нихъ передъ лицомъ торжествовавшего банкюмета. Но эти выигрыши были только слабыми предвѣстниками самаго рѣшительнаго переворота въ игрѣ. Ординскій ставилъ карты какъ попало, гнулъ безъ всякаго расчета, примазывался къ другимъ, увеличивалъ куши — и все выигрывало. Онъ отписывалъ, записывалъ и огребалъ груды золота и ассигнацій. Деньги другихъ понтеровъ, по прежнему доставался Касимову, черезъ его руки, какъ черезъ чистилище, переходили къ Анатолю. Банкюметъ, измѣнялся въ лицѣ, безпрестанно мѣнялъ колоды, но ни какъ не могъ оттасоваться отъ рутѣрокъ Ординскаго, которому помогало какое-то фантастическое счастье. Еще одна рѣшительная карта съ тремя углами и банкъ сорванъ. Анатолій выигралъ болѣе 30,000 рублей.

Онъ долго сидѣлъ въ задумчивости, не дотрогивался до выигранныхъ имъ денегъ и разсѣянно отвѣчалъ на поздравленія собесѣдниковъ, которые уже начали обращать на него вниманіе, потому что въ свѣтъ всякой успѣхъ сопровождается уваженіемъ и завистію. Видно было, что Ординскій, мало обрадованный выигрышемъ, болѣе жалѣлъ о томъ, что кончилась игра, которая судорожнымъ удовольствіемъ тревожила его истомленное сердце. Онъ, казалось, въ эту минуту сильнѣе, нежели когда либо, чувствовалъ потребность удалиться отъ окружавшаго его досель міра, знакомаго ему по однимъ страданіямъ, и войти въ другой, который хотя на нѣ-

сколько часовъ могъ бы даровать ему обаятельное забвеніе.

— Bravo, bravo, chér Anatole! вскричалъ вбѣжавшій въ комнату хозяинъ, за которымъ лакей несъ огромный подносъ, уставленный полными бокалами. Ни одинъ артистъ не отличался такъ въ своемъ первомъ дебютѣ. Здоровье счастливаго дебютапта!

«Ура! закричали гости, даже и понтеры, большою частію обыгранные, даже и Касимовъ, который старался казаться веселымъ; но истинное веселье было отъ всѣхъ ихъ далеко: между пирующими воцарился безпокойный демонъ жадности къ прибытку и къ сильнымъ потрясеніямъ, которыми сопровождается большая игра. Столы были вычищены; всѣ опять усѣлись за вистъ, за экарте и общество снова погрузилось въ глубокое безмолвіе, изрѣдка прерываемое бряцаніемъ бокаловъ. Касимовъ убѣдилъ Анатолія метать банкъ, а самъ началъ ставить большіе куши. Къ нему присоединились было два гвардейскіе офицера и молодой Французъ, секретарь Посольства; но имъ троимъ вскорѣ стало совѣстно поигрывать подлѣ Касимова маленькими кушами, и они бросили игру, оставивъ обоихъ соперниковъ въ благородномъ единоборствѣ.

Счастіе въ этотъ вечеръ, кажется, рѣшилось вполне благоприятствовать Ординскому. Онъ не успѣвалъ бить карты и чудесная игра моего новаго пріятеля собрала вокругъ его почти всѣхъ гостей, которые уже успѣли кончить свое дѣло. Менѣе нежели въ три часа выигранная сумма въ банкъ достигла до полутора ста тысячъ рублей. Потъ крупными каплями катился по лицу Касимова. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, въ припадкѣ отчаянія, онъ вы-

нулъ изъ кармана четыре ломбардные билета, поставилъ червонную даму и вскричалъ: «*va banque!*» Къ удивленію всѣхъ согласился и Ординскій, можетъ быть, по неопытности, не сообразившись съ расчетами игры или плѣбившись прелестію такого рѣшительнаго удара. По просьбѣ противника онъ распечаталъ новую колоду.

Всѣ, кто былъ въ комнатахъ, тѣсно столпились вокругъ обохъ рыцарей, которые, казалось, выходили на битву послѣднюю и смертельную. Всѣ притаили дыханіе, и въ этомъ многочисленномъ обществѣ воцарилось такое глубокое безмолвіе, что слуги въ передней могли слышать шумъ упдающихъ картъ. Ординскій металъ чрезвычайно медленно, съ трепетомъ и осторожностію бросая каждую карту; сердце его сладостно и въ тоже время мучительно замирало въ тревожныхъ восторгахъ новаго для него наслажденія, которае въ эту роковую минуту достигло высшей степени. Глаза всѣхъ, а особенно понтера, были устремлены на выметываемыя карты. Такъ мы испуганнымъ взоромъ смотримъ на вышедшаго изъ логовища льва, ожидая въ ужасѣ, кинется ли онъ на насъ или пройдетъ мимо.

Талія, какъ на зло, тянулась необыкновенно долго; съ каждою прокидкою груди зрителей высоко поднимались и опускались медленно . . . Вотъ на право король, на лѣво семерка; . . . девятка . . . валетъ; . . . наковецъ . . . дама! . . . на лѣво упала двойка . . .

Дама убита! . . .

Касимовъ швырнулъ черезъ столъ свои банковые билеты . . . Въ это время на ближайшей колокольнѣ протяжно и глухо ударило пять часовъ.

IV.

Играть во снѣ въ кости или карты, пред-
знаменуетъ тому, кто сонъ сей видитъ, ссо-
ру и раздоръ за деньги. Въ такомъ снѣ
лучше выиграть, нежели проиграть.

Новый и подробный Сонникъ.

Прошло полчаса послѣ того, Ординскій скорыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ и иногда, съ презрительною улыбкою взглядывалъ на свертки золота, ассигнаціи и ломбардные биле-
ты, брошенные имъ на столъ. — Что это мнѣ при-
несеть? думалъ онъ — нѣсколько лишнихъ удоволь-
ствій, столь же ничтожныхъ и бессмысленныхъ,
какъ и вся жизнь моя. Я уже позналъ цѣну насла-
жденій; я не родился для нихъ; а успокоенія, ко-
торого жаждетъ душа моя, не куплю я за эти без-
душныя груды. Что Моцартъ для глухаго, что для
пресыщеннаго сладкія брашна?.. Правда, я теперь
могу устлать цвѣтами мой послѣдній короткій путь,
устлать тѣмъ, что люди называютъ цвѣтами. Могу
при оглушительныхъ кликахъ бѣшеной цыганской
пѣсни добѣжать до близкой могилы..... Или это де-
монское лихорадочное наслажденіе, эта кипучая игра
можетъ на нѣсколько времени привязать меня къ
жизни? Впродолженіе семи часовъ я не помнилъ ни-
чего, ничего, что такъ мучительно колеблетъ мою
душу.

Вдругъ Апатолій увидѣлъ висѣвшій на стѣпѣ ме-
дальонъ Лидіи и покраснѣлъ отъ стыда и раскаянія.
Онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что любовь начала въ
его сердцѣ уступать мѣсто другому чувству, что
образъ Лидіи, дотолъ неотступно носившійся пе-
редъ его очами, началъ тускнѣть, и чистое пламя

животворившее его сердце, стало угасать на опрокинутомъ жертвенникѣ. Втеченіе семи часовъ, проведенныхъ имъ за картами, онъ ни разу не вспомнилъ ея имени; ни одной минуты не отдавалъ той, которая, можетъ быть, во всю эту ночь грезила имъ однимъ.

« Неужели увлечетъ и этотъ цвѣтокъ, послѣдній прекрасный цвѣтокъ, брошенный на скорбный путь моей жизни? вскричалъ Анатолій въ порывѣ досады на самого себя. Онъ бросился на диванъ и долго сидѣлъ, одолевая волнуемое его чувство. Утро близилось. Утомленіе разлилось по всѣмъ членамъ Ординскаго; голова его склонилась; онъ задремалъ.

И вотъ ему снится, будто онъ сидитъ въ огромной залѣ, освѣщенной тусклыми огнями, разливающими багровое сіяніе. За длиннымъ столомъ онъ металъ банкъ. Вокругъ его сидѣли не духи и не люди; на лицѣ каждаго было нездѣшное выраженіе. Столъ становился все длиннѣе и длиннѣе, и наконецъ ушелъ въ самую отдаленную глубину залы; но пустаго мѣста не оставалось ни на минуту и безпрестанно являлись, неизвѣстно откуда, новые поперты. Ординскій безпрестанно выигрывалъ и при всякой убитой имъ картѣ раздавался страшный хохотъ, отъ котораго дребежжали стекла въ высокихъ окнахъ зданія. Вдругъ онъ видитъ, на другомъ далекомъ концѣ стола, въ перспективѣ чудныхъ рожей, сидитъ Касимовъ съ Лидією, уже обыкновенные и счастливые. Они весело улыбаются и указываютъ на него пальцами. Испустивъ рванулъ къ нимъ Ординскій, посмотреть: Лидія уже не Лидія, а червоная дама, и дико сверкаетъ бѣлыми бумажными глазами и машетъ желтымъ, крапенымъ цвѣточкомъ. Касимовъ схватилъ ее, бросилъ на столъ и закричалъ: *vabanque!*

Ординскому сунули въ руки колоду, онъ принялся метать, металъ долго, долго; Касимовъ противъ него сидѣлъ блѣдный, какъ мертвецъ. Вотъ на право упала дама, не червошная и не тrefовая, чортъ знаетъ, какаѣ; такой масти нѣтъ въ картахъ. Гости захохотали пуще прежняго, затопали ногами, забили въ какія-то бѣсовскія бубны. Ординскому сдѣлалось страшно; онъ схватилъ червошную даму, брошенную Касимовымъ и выбѣжалъ съ нею на улицу. Только улица протянулась передъ нимъ паковою пестеркой; по сторонамъ, вмѣсто домовъ, стояли девятки и десятки, въ нихъ изъ красныхъ и черныхъ оконъ выглядывали короли и валеты. Грусть тяжелая, смертельная давила сердце Анатолія: ему было тошно, будто его живаго замуравливали въ стѣну. Вдругъ онъ смотритъ: червошная дама, которую онъ несъ съ собою, снова принимаетъ образъ Лидіи, нѣжно на него смотритъ и пкою его обвиваетъ своими мягкими теплыми ручками. Что мнѣ въ ней: она уже обвѣнчана съ другимъ, думаетъ Ординскій; правда, я ее выигралъ; да, она моя, она теперь моя.... а гдѣ же деньги? Кажется, деньги у меня здѣсь, подъ черепомъ.... Онъ схватилъ за голову и слышитъ, что голова его набита золотомъ; ассигнаціи, полупимперіалы, серебро сыпались у него изъ рта и изъ ушей.

Тутъ кажется ему, будто онъ переплываетъ глубокое безпредѣльное море, котораго поверхность покрыта жидкимъ, волнующимся зеленымъ сукномъ; передъ нимъ тянутся безконечныя, зыблящіяся ряды цыфръ. Ординскій плыветъ поверху, а ноги его касаются дна бездонной пропасти. Вотъ опять далеко, далеко на берегу чуть видна Лидія и смотритъ на него съ упрекомъ, какъ покинутая любовница. Анатолій протянулъ къ ней черезъ все море руку и

уцѣпился за полу ея платья. Тутъ все у него въ глазахъ замутилось и перемишилось: въ дрожащемъ морѣ или хаосѣ плавали или носились передъ нимъ и голубые глазки Лидіи и густыя полустыдыя брови Стираксы, и его звѣзда серебряная и короткіе штатскіе сюртуки, и кованныя эполеты кавалеристовъ, и тузы съ однимъ краснымъ глазомъ; все это начало безпрестанно и неопредѣленно мѣнять цвѣтъ, образъ и мѣсто, и потомъ покрываться густою мглою, какъ предметы передъ отуманенными глазами человѣка, лежащаго въ крайней степени опьяненія.

V.

Сергѣй Тимоѣевичъ Стиракса былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ честолюбіе шагаетъ исполнински. Въ молодости сердцемъ его шевелили разныя пылкія страсти, и любовь, и влеченіе къ наслажденіямъ, и дружба, и филантропія, и театръ, и литература.... но онъ подчинилъ всѣ эти партикулярныя страсти одной главной, господствующей, казенной—канцелярскому често или чиновлюбію. Жертвуя всѣмъ тихо, осторожно, *Schritt vor Schritt, immer vorwärts und so fort*—по совѣту Гёте, шель онъ къ своей цѣли и—новый Цезарь—достигъ ее. Онъ уже и дѣйствительный статскій совѣтникъ, у него и лента и звѣзда и крестъ на шеѣ. Правда, все это дорого ему досталось: это стяжалъ онъ цѣною бессонныхъ ночей, въ продолженіе которыхъ работалъ, какъ типографскій станокъ наканунѣ выхода газеты; цѣною сердечныхъ и другихъ связей, которыми онъ дорожилъ; цѣною угодничества передъ людьми, которыхъ презиралъ или ненавидѣлъ. Мно-

го, много жертвъ принесъ Сергѣй Тимоѣевичъ всепожирающему своему честолюбію, но оно, какъ гарпія, еще не было сыто. Сидя въ своихъ курульныхъ креслахъ, онъ простиралъ свои наполеоновскіе замыслы еще далѣе, еще выше, и въ эти минуты волненія онъ обращалъ свои взоры назадъ, оглядывалъ всю перспективу прошедшей своей жизни или, лучше сказать, службы, оглядывался на окружающія его обстоятельства и упираясь на надежды, съ самодовольною улыбкою, говорилъ про себя: «Это не уйдетъ отъ насъ; и мы, Богъ дастъ, въ отношеніяхъ къ министрамъ будемъ подписывать свою фамилію подъ самымъ содержаніемъ.»

Сергѣй Тимоѣевичъ не любилъ Наполеона за его неосторожность, но держалъ бюстъ его у себя въ кабинетѣ и иногда, въ минуты своего канцелярскаго вдохновенія, останавливался передъ нимъ и думалъ, смотря на завоевателя съ гордымъ самодовольствіемъ: «Если я не выше, такъ умнѣ тебя. Ты выигралъ Маренгское сраженіе; за то я не буду разбитъ при Ватерлоо.»

— И этотъ сумазбродъ Ординскій! продолжалъ Сергѣй Тимоѣевичъ, шагая по своей широкой гостиной и постукивая въ золотую табакерку. Человѣкъ безъ связей, безъ имени, безъ имѣнія.... Да это бы еще ничего: я не корыстолюбивъ; а главное дѣло безъ связей... Какая дерзость! Глупая дѣвчонка! выучилась всему, кромѣ искусства жить въ свѣтѣ. Княгиня Софья Сергѣевна еще хвалила въ ней эту теплоту души и пылкое воображеніе, а что скажетъ она теперь, когда узнаетъ, какъ глупо разчувствовалась ея фаворитка.... точно какая нибудь мѣщанка.... дочь такого отца какъ я, дѣвица хорошаго общества, и такъ себя обнаружитъ.... fi! это таи-

*

vais genre, ужасный mauvais genre!... Правда—и тутъ Сергѣй Тимоѣевичъ вспомнилъ о прежнихъ своихъ любовныхъ интрижкахъ, когда въ сердцѣ его еще теплились кой-какія человѣческія чувства; но вспомнилъ со стыдомъ и досадой, какъ мы вспоминаемъ о своихъ стихахъ, когда-то навязанныхъ журналисту и, въ вѣчный упрекъ намъ, напечатанныхъ съ подписью полной фамиліи. Сергѣй Тимоѣевичъ былъ очень доволенъ собою, видя, какъ хорошо онъ умѣетъ безумныя внушенія сердца подчинять суровому голосу разсудка.

Вскорѣ до ушей его достигъ слухъ о внезапномъ обогащеніи Ординскаго, и о способѣ, которымъ онъ такъ хорошо и такъ нечаянно умѣлъ воспользоваться. Всѣ видѣли, какъ Ординскій въ щегольскихъ саняхъ, на парѣ чудесныхъ собственныхъ карихъ жеребцовъ, въ богатой бекешѣ съ сѣдымъ бровнымъ воротникомъ, скакалъ по Невскому. Какую вечеринку, какую блестящую вечеринку задалъ онъ многимъ новымъ и не многимъ старымъ друзьямъ своимъ на новосельи, въ Малой Морской... премиленькія четыре комнаты, окнами на улицу, во второмъ этажѣ, съ подъездомъ изъ-подъ воротъ. Какъ хорошо сидѣлъ на немъ фракъ цвѣта Adelaide и еще другой черный, и еще третій синеватый съ пунсовымъ отливомъ, и еще четвертый....

«Слышала ты объ Ординскомъ?» сказалъ однажды женѣ Сергѣй Тимоѣевичъ, возвращаясь съ нею вдвоемъ въ каретѣ изъ концерта, гдѣ онъ очень умно успѣлъ обдумать презапутанное дѣльце, покуда Мессъ Мази пѣла большую арію изъ «Гугенотовъ.»

— Да, слышала, отвѣчала Наталья Петровна, но все нѣкогда было съ тобою объ этомъ поговорить.

Ты, Serge, нынче ужасно занятъ своими дѣлами. Говорять онъ, не думая, не гадая, получилъ наследство.

«Хорошо наследство! Обыгралъ Касимова на чистомъ.»

Наталья Петровна молча, выразительно поглядѣла на мужа и покачала головою.

— Бѣдная Лидіа! сказала она вздохнувъ и безъ цѣли посмотрѣвъ въ каретное окно.

«А что?» спросилъ Сергѣй Тимоѣевичъ съ обдуманнѣмъ участіемъ.

— Ты развѣ не видишь? Съ этого несчастнаго дня у нее всегда глаза заплаканы.

«Нѣтъ, ужь ты не мѣшайся въ это дѣло,» сказалъ Сергѣй Тимоѣевичъ послѣ минутнаго молчанія. Вы женщины это худо понимаете. Вслѣдъ предназначается себѣ цѣль, которой онъ долженъ жертвовать самыми нѣжными ощущеніями сердца.»

И Сергѣй Тимоѣевичъ замолчалъ и склонился головою, болѣе довольный своимъ глубокомысленнѣмъ замѣчаніемъ, нежели разтроганный печальнѣмъ состояніемъ своей дочери.

—

Прошло нѣсколько недѣль. Наступили первые дни Апрѣля: время апельсиновъ и копченыхъ окороковъ, время жаворонковъ и грязи по колѣна. У Сергѣя Тимоѣевича былъ вечеръ чинный, скучный, но отмѣнно благодѣтельный, съ безконечнымъ вистомъ и умѣреннымъ ужиномъ. Вотъ за однимъ столомъ сидитъ Онуфрій Степановичъ Казаченко, самый дѣльный, самый трудолюбивый начальникъ

отдѣленія, правая рука Сергѣя Тимоѣевича. Съ одной стороны у него Наталья Петровна, съ другой княжна Алеутова, невѣста съ 1819 года, въ одной рукѣ съ фіалкою, въ другой съ золотымъ лорнетомъ, въ который она смотритъ на каждую брошенную карту. Посмотрите, какъ граціозно Онуфрій Степановичъ взялъ мѣль двумя пальчиками и съ какою вѣжливою улыбкою сказалъ княжнѣ: «У васъ два лева, у насъ два овера. Не угодно ли вамъ снять, ваше сіятельство?»

А вотъ и самъ Сергѣй Тимоѣевичъ; по правую руку его чиновникъ по особымъ порученіямъ; онъ же и камеръ-юнкеръ; по лѣвую чиновникъ, назначенный вице-губернаторомъ. Всѣ они сидятъ съ чрезвычайно озабоченнымъ видомъ: они играютъ втроемъ, они кутятъ, они играютъ въ большую.

А это кто?—Въ самомъ отдаленномъ отъ игровыхъ углу, у бюста Діаны, Анатолій Ординскій! Онъ сидитъ подлѣ Лидіи и смотритъ ей пристально въ глаза, и обѣ руки ея сжимаетъ въ своихъ рукахъ, и большіе голубые глаза ея, уже осушенные отъ слезъ, сверкаютъ яркимъ, чистымъ блескомъ первой, пламенной, счастливой любви. У каждого на пальцѣ блеститъ по новому золотому кольцу. По временамъ, въ антрактахъ игры, взглядываютъ на нихъ и Наталья Петровна съ улыбкою утѣшенной материнской вѣжливости, и Сергѣй Тимоѣевичъ съ испытующимъ, недоувѣрчивымъ, дальновиднымъ взоромъ заботливаго отца и политика.

— Честь имѣю поздравить, ваше превосходительство, Лидія Сергѣевна.... Анатолій Григорьевичъ, честь имѣю поздравить.... желаю жить да поживать, да богатство наживать! Хе, хе, хе!.... Извините-сь,

извините-сь... я вамъ помѣшалъ... извините-сь! хе, хе, хе!...»

Эти слова сказаны были скороговоркой сидѣльца подбѣжавшимъ къ нимъ старикомъ въ вице-мундирѣ и бѣломъ галстухѣ—однимъ изъ тѣхъ лицъ, которые втираются въ домъ при первомъ удобномъ случаѣ и ходятъ туда, покуда имъ не велятъ отказывать на-чисто.

Стало быть Анатолій и Лидія обручены? О счастливыцы! Куда же дѣвалась философія Сергѣя Тимоѣевича?

Вотъ посмотрите у него на дворѣ между тремя, четырьмя экипажами стоитъ щегольская, падевая, двумѣстная карета, запряженная лихою четвернею карихъ и сѣрыхъ коней. Этотъ экипажъ принадлежитъ Анатолію Григорьевичу Ординскому. Да это еще ничего; Сергѣй Тимоѣевичъ съ одинаковымъ, благоразумнымъ хладнокровіемъ смотритъ также на богатство, добытое картами, какъ и на выжитыя сердечною горестью слезы своей дочери. Взгляните еще на одного, пожилаго, высокаго, съ важной осанкою человѣка, который широкими шагами ходитъ по залу, разговаривалъ съ однимъ дипломатомъ. Хозяинъ и хозяйка приглашали его въ вистъ.—«Можетъ быть, вы любите больше въ бостончикъ,» говорилъ Сергѣй Тимоѣевичъ, вѣжливо къ нему подбѣгалъ.—«Намъ, ей Богу, совѣстно, что вы ничѣмъ не заняты,» говорила ему Паталя Петровна, съ жеманною улыбкою.—«Не прикажите ли сигарочки? Пожалуйста съ нами безъ церемоній, любезнѣйшій Никита Борисовичъ—покорнѣйше прошу къ намъ на диванъ, мой милый Никита Борисовичъ: вы все ходите, вы устанете.» Никита Борисовичъ на всѣ эти обязательныя приглашенія отвѣчалъ большею

частію отрицательно, холодно, но съ чрезвычайнаго учтивостію. По всему было видно, что онъ привыкъ къ самому высшему обществу, и чувствовалъ, что въ домъ Стираксы имѣютъ много причинъ за нимъ ухаживать. Это былъ П. двоюродный дядя Анатолія по матери. Онъ болѣе десяти лѣтъ провель при одномъ изъ Европейскихъ дворовъ и, недавно пріѣхавъ въ Петербургъ, получилъ въ управленіе весьма значительное мѣсто и успѣлъ уже доставить Анатолію очень видную должность. Его связи, обширное знакомство, нѣкоторое, доставленное его мѣстомъ вліяніе на службу Сергѣя Тимофеевича, рѣшили судьбу Ординскаго. Прибавьте къ этому слезы и настоятельную страсть Лидіи; а сильная страсть рѣдко же достигаетъ своей цѣли, Анатолій и Лидія были обручены.

Уже Наталья Петровна замышляла о богатомъ подвѣнечномъ платьѣ для дочери; всякое почти утро экипажи ея и Анатолія останавливались на Невскомъ Проспектѣ, у одного котораго нибудь изъ пышныхъ магазиновъ, гдѣ такъ много прекрасныхъ вещей для свадебныхъ подарковъ. Можетъ быть, въ Маѣ, а много, много, что послѣ Петрова дня, Лидія въ первый разъ надѣла бы блондовый чепецъ или великолѣпный беретъ на свои волнистые русые волосы. Но какъ часто самыя отдаленныя причины или отталкиваютъ отъ насъ счастье или ввергаютъ насъ въ бѣду. На этотъ разъ ближнему благополучію Ординскаго помѣшали...

Въ Петербургъ распространился слухъ о кровавой стычкѣ, завязавшейся между однимъ Русскимъ отрядомъ и Закавказскими дикарями. Однажды вечеромъ, Анатолій, пріѣхавъ въ домъ своей невѣсты, засталъ тамъ большую тревогу. Наталья Петровна

лежала безъ чувствъ въ постели; Лидія у ногъ ея плакала навзрыдъ; Сергѣй Тимоѣевичъ ходилъ взадъ и впередъ по гостиной скорѣ обыкновеннаго. «Что это значить?» спросилъ Ординскій.—А вотъ, прочтите, отвѣчалъ Сергѣй Тимоѣевичъ, подавая ему распечатанное письмо.

Одинъ полковникъ, короткій знакомый Стираксы, служащій въ Кавказскомъ корпусѣ, увѣдомлялъ его о подробностяхъ сраженія, въ которомъ старшій братъ Лидіи, поручикъ Николай Стиракса, пропалъ безъ вѣсти и вѣроятно убитъ или попался въ плѣнъ къ Горцамъ.

Сватъба была отложена на нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть, на годъ.

Впрочемъ, чье состояніе можетъ быть пріятнѣе состоянія жениха. Мы всѣ стремлявъ бѣжимъ къ желанной цѣли, чтобы, достигнувъ ее, въ горькомъ разочарованіи познать ея ничтожество. Женидба похожа на капиталъ, взятый въ долгъ съ большимъ ростомъ: когда нибудь наступать сроки платить тяжелье проценты и наконецъ расплатиться. сполна всѣмъ капиталомъ. Зачѣмъ намъ все хочется держать счастье въ рукахъ или даже отодвинуть его за спину, погнаться за новымъ, а между тѣмъ смотреть въ безбрежную, безцвѣтную пустоту. Не лучше ли любоваться счастіемъ издали, медленно подходя къ нему, и думать: это еще у меня впередъ.

И сверхъ того ожидать своего несомнѣннаго благополучія съ толстымъ пучкомъ ассигнацій за пазухой; съ грудочю золота, которое, послѣ нищеты, томившей насъ цѣлую жизнь, такъ нечаянно валилось въ наше бюро.... И кто изъ насъ сколько нибудь

не преклонялъ колѣнь предъ золотымъ тѣльцомъ, не пожертвовалъ ему нѣкоторыми своими чувствами, безкорыстными и благородными. Кто не скрывалъ отъ людей, какъ страсти къ вину или картамъ, тайнаго сребролюбія, и писатели филантропы, и философы моралисты, и поэты безсребренники?

Копите злато, злато, злато!

Да, истинный философъ или поэтъ долженъ быть непременно богатъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ душа улетитъ въ міръ отвлеченностей или изящныхъ вымысловъ, когда тѣло дрогнетъ въ неподбитой шинели или въ неотапливаемой квартирѣ? Мы можемъ глубоко мыслить или очаровательно мечтать только идучи въ енотовой шубѣ по Невскому Проспекту или послѣ роскошнаго обѣда сидя въ уютномъ кабинетѣ, въ Вольтеровскихъ креслахъ. Передъ каминомъ или гуляя лѣтомъ по своей дачѣ, на Черной рѣчкѣ или подъ Павловскомъ. Вы мнѣ представите Діогена или Цинцината; но я увѣренъ, что Цинцинатъ непременно бы сталъ у насъ служить изъ денегъ и вѣрно нажилъ бы хорошее состояніе, чтобы только 1 Мая въ иегольскомъ экипажѣ проѣхать по Екатерингофу, или зимою часъ въ два утромъ позавтракать у Доминика, потомъ отобѣдать у Coulon, а вечеромъ въ Большомъ Театрѣ посмотреть Таліонн. Сократъ.... Вотъ истинный философъ, который умѣлъ утромъ краснорѣчиво говорить подъ портикомъ, а вечеромъ исправно ужинать у Алкивиада или Аспази. Говорятъ, что поэтъ долженъ непременно страдать; но это неправда: онъ долженъ все угадывать, и я признаю истинное дарованіе только въ такомъ поэтѣ, который убирая жирный биштексъ и запивая его портеромъ, можетъ рѣзко описать голодную смерть Уголино, или лежа на мяг-

комъ оттоманѣ, живыми красками изобразить страданія блуждающаго Лира.

VI.

Къ Вальтеру масть, какъ на выборъ,
Все негодная сыплеть; мѣлкомъ онъ проигрышь пишеть.

Красный Карбункулъ.

Еще чрезъ нѣсколько дней послѣ знаменитой игры у графа Вальмірскаго, Анатолія позвали къ барону Лампенелю, гдѣ Ординскому очень тонко, но ясно дали замѣтить, что онъ съ своей стороны поступить весьма неучтиво, если не дастъ Касимову реванша. Ординскій съѣлъ за карты, но при всемъ стараніи не могъ проиграть ему даже бездѣлицы. Съ того времени подобные случаи стали наворачиваться чаще и чаще, льстя честолюбію Анатолія, который въ нѣсколько недѣль успѣлъ приобрѣсть славу счастливаго непобѣдимаго понтера. Онъ замѣчалъ съ ужасомъ, что страсть къ игрѣ, какъ неизлечимая разрушительная болѣзнь, начинаетъ овладѣвать всѣмъ существомъ его. Но надобно же было занять чѣмъ нибудь умъ, отуманенный пустыми, необдуманнми мечтаніями, и наполнить сердце, изнуренное бесплодною борьбою. Анатолій былъ похожъ на хозяина, готоваго всякому отдать пустую квартиру въ своемъ домѣ, и наконецъ пускающаго въ нее такого жильца, который, въѣхавъ туда, начинаетъ угрожать опасностію цѣлому зданію. Оскорбленная совѣсть садилась съ нимъ вмѣстѣ за картежный столъ; печальный, онъ приходилъ на игру, печальный и уходилъ оттуда. Анатолій усиливался складывать вины свои на случай, даже на счастье, какъ прежде складывалъ

ихъ на несчастіе, но оправданія для него уже не было. Тщетно разсудокъ напоминалъ ему о долгѣ, о любви, о Лидіи, которая такъ несчастно судьбу свою сопрягала съ его судьбою. Это былъ гибкій плющъ, который обвивался около дуба, не зная, что впутренность въ немъ уже сгнила, что онъ скоро упадетъ и увлечетъ его въ своемъ паденіи.

Анатолій видимо измѣнился. Прежде скорбь, отбѣившая лице его, была замѣтна и во всѣхъ его движеніяхъ, медленныхъ, томныхъ, но всегда спокойныхъ и благородныхъ; теперь его поступки выказывали тревожное чувство, которое мы обнаруживаемъ, съ безпокойствомъ спѣща отъ одного дѣла къ другому. Посмотрѣвъ на него попристальнѣе, человекъ проницательный могъ бы замѣтить, что Ординскимъ овладѣла какая нибудь мятежная страсть, которой онъ самъ гнѣшается и которую напрасно старается подавить.

Утромъ, сидя на мягкомъ диванѣ, Анатолий съ натянутымъ удовольствіемъ мечталъ или принуждалъ себя мечтамъ о своемъ будущемъ семейственномъ счастіи. Это одинокое сердце, которое до того времени билось такъ бользненно, отдохнуло бы на груди милой женщины; эта опустѣлость души наполнилась бы животворнымъ чувствомъ любви — разсудокъ то и твердилъ Анатолию; но вѣдь мы часто бываемъ разсудокъ дома. Многіе изъ насъ любятъ что нибудь такое, что называютъ презрѣннымъ и стыдятся самимъ себѣ сознаться въ привязанности къ предмету, который ихъ занимаетъ.

Но какъ и не полюбить этого наслажденія, которое, не требуя усилій ума, безпрестанно волнуетъ сердце. Въ картахъ соединены всѣ обаянія: очарова-

тельность войны безъ ея мертвящихъ душу ужасовъ, всевластная сила опиума, безъ его одинокой бездѣйственности, игра политики безъ напряженій разсудка и воли, занимательность веселаго общества безъ скучныхъ антрактовъ приличій и вялыхъ, изношенныхъ привѣтствій: Тутъ кипятъ всѣ страсти: надежда, отчаяніе, досада, радость, даже гордость безперерывно волнуютъ душу, ни одна минута не проходитъ безъ мятежнаго удовольствія. Тутъ въ нѣсколькихъ часахъ оплочена вся жизнь съ ея радостями и горестями, упованіями и безнадежностію—страшная драма, въ которой не всѣ сцены одинаково печальны или веселы, но равно занимательны, драма, въ которой мы, на тѣсной сценѣ и актеры и зрители. Скука, которая часто гнѣздится между праздными гостями, даже между друзьями и любовниками, далеко бѣжить отъ игорнаго стола, какъ бы боясь сойтись здѣсь со старшими своими сестрами: преступническою радостію и сатанинскимъ отчаяніемъ.

А Ординскій?... Онъ цѣлыя тридцать лѣтъ, какъ и всѣ мы, безсердья чада XIX вѣка, боролся съ этою скукою, съ этою пустотою души. Цѣлыя тридцать лѣтъ томился онъ подъ гнетомъ униженія, тицетно отъ людей ожидая награды за свои чувства, которыя, можетъ быть, въ собственныхъ глазахъ цѣнили слишкомъ высоко. Люди не хотѣли и знать, какой пламень горѣлъ, и бесплодно потухалъ въ груди его. Они проходили мимо его, даже и не замѣчая своего равнодушія, и вотъ теперь пятьдесятъ два листочка живительно волнуютъ его сердце, гонять отъ него скуку, осыпаютъ его золотомъ, и снискиваютъ ему всеобщее уваженіе. Послѣ этого бросить карты было бы непростительною неблагодарностію.

Въ кругу общества, гдѣ такъ часто началъ показываться Ординскій, явился новое лице — Владиміръ Ермолаевичъ Бѣлковичъ, только что прїѣхавшій изъ внутреннихъ губерній Россіи. Вы, я думаю, не разъ видали его и на самыхъ блестящихъ балахъ, и на веселыхъ пирушкахъ холостой молодежи и въ пестрыхъ, заваленныхъ тяжелою мебелью гостинныхъ богатаго купечества. Часто сидя подлѣ виста по 25 рублей робберъ или банка, гдѣ банкметъ отваживалъ двухсотъ-рублевою ассигнацію, Владиміръ Ермолаевичъ смотрѣлъ на игру съ презрѣніемъ, которому, изъ приличія, умѣлъ давать видъ снисходительности, какъ мы глядимъ на затѣи ребячьей, или какъ обстрѣленный гренадеръ посмотрѣлъ бы на неуклюжее ученье миролюбивыхъ воиновъ папской гвардіи. Вы, вѣроятно, помните эту широкую, жирную, безжизненную рожу, похожую на толстое рыло откормленнаго вола, эти большіе, оловянные, безстрастные глаза. Но за то какая любезность во всѣхъ его движеніяхъ, какая предупредительность въ его поступкахъ, какъ тонко, остро и забавно могъ онъ занять всякаго! Сколько ума было въ его рѣчахъ, какъ искусно умѣлъ онъ угощать и благодарить за угощенія. Правду сказать, объ немъ носились самыя грязныя слухи. Говорили, что еще осмнадцати лѣтъ отроду онъ проигралъ до-чиста имѣніе, доставшееся ему отъ отца и очень хорошо воспользовался этимъ урокомъ, въ послѣдствіи оказавъ свое искусство надъ прежними своими учителями. Говорили, будто два молодыхъ человека, заведя съ нимъ игришку, слишкомъ трагически окончили послѣднюю талию; утверждали также, будто Владиміру Ермолаевичу за необыкновенную тонкость осязанія на концахъ его пальцевъ не разъ доставалось слушать весьма неприличныя для него названія и даже ощущать

прикосновеніе чужихъ ладоней къ пухлымъ щекамъ своимъ, что впрочемъ не слишкомъ тревожило его честолюбіе. Но все это вѣроятно были клеветы, извѣты не доказанные тѣмъ болѣе, что у Бѣлковича былъ прекрасный домъ и чудесный экипажъ. Кроме того онъ являлся во многихъ лучшихъ обществахъ и считался вездѣ за милаго и даже почтеннаго человѣка. Въ первое свое свиданіе съ Ординскимъ онъ поздравилъ его съ близкимъ вождѣльнымъ союзомъ, говорилъ чрезвычайно краснорѣчиво и убѣдительно объ опасности большой игры, объ измѣнчивости игрецкаго счастья, которому особенно не должны довѣряться люди семейные; сказывалъ, что въ молодости онъ самъ *пошаливалъ*, но теперь почти вовсе бросилъ игру, а если и играетъ, такъ только для того, чтобъ не разстроить партіи.

Есть три рода игроковъ. Первые неопытные, новички, горячіе, бѣшеные, блѣднѣющіе или краснѣющіе при каждой вскрышѣ. Они играютъ только для того, чтобы играть, чтобы убить время, забыться на минуту. Ординскій принадлежалъ къ этому разряду. Другіе хладнокровные, которые, какъ Наполеонъ, держатъ сердце въ рукахъ: они играютъ систематически, не впадаютъ въ отчаяніе отъ значительныхъ неудачъ, не восхищаются огромными выигрышами, издалика рассчитываютъ удары, и не полагаясь на одно слѣпое счастье, призываютъ на помощь разныя вспомогательныя средства. Игроки перваго разряда смотрятъ съ завистію на ихъ посядѣлую опытность, а тѣ, въ свою очередь, завидуютъ этимъ рекрутамъ въ томъ, что уже не въ силахъ ощущать ихъ неистовыхъ восторговъ. Есть еще игроки также спокойные, но честолюбивые: они не прочь отъ поживы; но къ этой корыстной цѣли

присоединяется у нихъ еще жажда славы, стремленіе къ побѣдамъ, и Бѣлковичъ, который считался въ этомъ классѣ, съ такою же завистію смотрѣлъ на юныя, невинныя завоеванія Ординскаго, съ какою увѣчанный поэтъ взираетъ на первыя превосходныя творенія артиста, только что начинающаго свое поприще.

Наступилъ Августъ. Баронъ Лампенель, жившій въ Новой деревнѣ, гдѣ на лѣто поселился и Ординскій, прислалъ ему приглашеніе на вечеръ. Анатолій за нѣсколько дней передъ симъ далъ себѣ честное слово не играть болѣе. Онъ зналъ навѣрное, что у барона будетъ игра, отказался и, чтобы удалиться отъ соблазна, поѣхалъ къ Сергѣю Тимоѣевичу, не засталъ никого, отправился къ Графинѣ Б. . . ., но и той не было дома. — «Что это значитъ, подумалъ Ординскій, ужъ въ самомъ дѣлѣ не завернуть ли къ барону? Будто пріѣхать къ нему значитъ непременно играть. Развѣ я не могу сдержать честнаго слова?» Такъ разсуждалъ Анатолій, ѣдучи въ коляскѣ черезъ Петербургскую сторону. Правда, онъ вспоминалъ о многихъ случаяхъ, гдѣ безславно и малодушно измѣняя принятому намѣренію, поддавался онъ первому искушенію. Онъ проѣхалъ было мимо, но вдругъ велѣлъ вернуться и чрезъ нѣсколько минутъ коляска его остановилась у подъѣзда высокоблагороднаго барона фонъ Лампенеля.

Гости съ сигарками во рту бродили по утоптаннѣмъ яркаго цвѣта аллеямъ небольшого сада, выбѣгали на улицу и смотрѣли на западающее солнце. Въ комнатахъ не было видно ни одного раскрытаго ломбернаго стола, никто и не заикался объ игрѣ. Это зрѣлище успокоило опасенія Ординскаго и въ тоже время, на зло совѣсти, поселило въ немъ до-

саду, которую мы обыкновенно испытываемъ, не найдя того, чего ожидаемъ. Но въ отдаленной небольшой комнатѣ, которой окна были тщательно закрыты бѣлыми шторами и малиновыми занавѣсками, стоялъ длинный столъ, за которымъ, какъ Вельзевулъ, окруженный своими клеветами, сидѣлъ нашъ знакомецъ Владиміръ Ермолаевичъ Бѣлковичъ и опытною рукою металъ карты на право и на лѣво. Это былъ скромненькій штосикъ — штось, о которомъ не стоитъ и говорить, игра отъ нечего дѣлать, невинное занятіе между чаемъ и ужиномъ: самые зазорные игроки не ставили семпелемъ болѣе семи рублей съ полтиной.

Ординскій вошелъ въ эту потаенную комнату и взоры его встрѣтились со свинцовыми глазами Бѣлковича, который весьма вѣжливо ему поклонился. Анатолій стоялъ передъ нимъ, какъ птичка передъ баснословнымъ змѣемъ, который, говорятъ, однимъ взглядомъ, оцѣпляетъ обитателей воздушнаго царства и они, очарованные, сами летятъ въ разверзтую пасть его.

Ординскій съ сильнымъ біеніемъ сердца подошелъ къ столу, но все такъ подошелъ и жадными взорами началъ слѣдить за движеніями игры. Никто не приглашалъ его играть; онъ стоялъ, сложа руки и помня честное слово; но страсть уже колебала грудь и горѣла въ глазахъ его. Вдругъ одинъ изъ понтеровъ, проигравъ сряду пять картъ, попросилъ Анатолія, чтобы онъ для счастья приставилъ мазу на его карту. Анатолій согласился и проигралъ, поставилъ еще и карта была убита; удвоилъ цѣну мазы: тоже несчастье.

Это было слишкомъ. Ординскій не могъ болѣе преодолѣть своей колеблющейся рѣшимости и началъ самъ понтировать. Черезъ нѣсколько минутъ

онъ уже сидѣлъ въ очарованномъ кругу, въ которомъ неистовые игроки не замѣчаютъ быстро бѣгущаго для нихъ времени и забываютъ все, ихъ окружающее.

Могильная тишина легла на берега Малой Невы. Только слышалось плесканье волны, изрѣдка раздавались жестокіе удары ночнаго сторожа и унылые напѣвы запоздалаго извозчика. Въ маленькой комнаткѣ барона Лампенеля все еще играли, шибко играли. Между четырьмя восковыми пагорѣвшими свѣчами выказывалось неподвижное лице Бѣлковича, а противъ него сидѣлъ нашъ Анатолій. Волоса его были раскиданы въ страшномъ беспорядкѣ, блѣдное лице порою освѣчивалось багровымъ румянцемъ, мгновенно потухавшимъ, руки двигались судорожно; передъ нимъ, какъ въ аффишахъ Варшавской лотте-рей, тянулись длинныя столбы цифръ, которыя всѣ вмѣстѣ составляли страшный итогъ суммы, проигранной Анатоліемъ Бѣлковичу, и этотъ итогъ возрасталъ безпрестанно.

Толстый пукъ ассигнацій и туго набитый кошелекъ изъ кармановъ Ординскаго уже давно перешли въ руки Бѣлковича. Теперь у нихъ идетъ игра на честное слово и половина наличныхъ денегъ и векселей Анатолія принадлежатъ счастливому банку. Стремительный потокъ гибели неотразимо влечетъ несчастнаго игрока; съ каждой минутой возрастаетъ его несчастье и отчаянная безумная смѣлость. Посмотрите: руль его потерянъ, весло расколото. . . . Остановите, остановите его, друзья мои, доколѣ еще не все потеряно! . . . Съ нимъ гибнетъ еще одно существо милое, нѣжное, страстное и невинное.

Но кто могъ помочь Ординскому? Въ это время мимо оконъ шли три чиновника: они играли въ бостонъ у своего сослуживца и, подъ вдохновеніемъ

померанцевой водочки и мадеры, весело между собою разговаривали о близкихъ штатахъ, о Фенеллѣ и о томъ, что въ Балабинской гостинницѣ несравненно лучше готовятъ Московскую солянку, нежели въ *Отель дю Нордъ*. Вотъ, поравнявшись съ окнами Лампенеля, они хоромъ заѣли куплетецъ изъ моднаго водевиля, который весьма нравится чиновникамъ :

Задѣть мою амбицію
Я не позволю вамъ.
Я жалобу въ полицію
На васъ, сударь, подамъ!

И вскорѣ ихъ звонкіе голоса потерялись въ отдаленіи.

Вотъ уже звѣзды на небѣ стали блѣднѣть и потускли; на краю Востока протянулась узкая, розовая лента, начала расширяться и вскорѣ вся восточная сторона неба загорѣлась яркимъ багрецомъ; разсѣяныя облака одѣлись блѣднымъ золотымъ цвѣтомъ и вслѣдъ за этимъ во всей обширной столицѣ раздался отдаленный звонъ колоколовъ. Но игроки не думали кончить свою отчаянную битву. Въ лицѣ Анатолія выражалось съ трудомъ одолаваемое утомленіе и отчаяніе преступника, возведеннаго на плаху. Подлѣ него сидѣли еще три неутомимые игрока и двое зрителей, людей, которые сами ничего не дѣлаютъ, а смотрятъ на все, на что только можно смотрѣть: на похороны, на голубей, разхаживающихъ передъ лабазами, на работниковъ, передѣлывающихъ мостовую, на собакъ, бѣгающихъ по улицамъ и на барынь, которыя, сошедшись на перекресткѣ, передаютъ одна другой разныя сплетни.

Денегъ уже болѣе нѣтъ у Ординскаго. Вотъ еще новая талія: видите ли эту изломанную, исковерканную пятерку? На нес идетъ весь серебряный

сервизъ, съ мѣсяць тому назадъ, въ ожиданіи близкой семейной жизни, сходно купленный Анатолиемъ. Вотъ на валега поставлены его Женевскіе часы на осьми алмазахъ. — Дайте новую колоду.... Валетъ!... убить соника.

Вблизи, на противоположномъ берегу, заигралъ пастушій рожокъ; на рѣкѣ послышались голоса гребцовъ и плески весель. Бѣлковичъ все сидитъ на томъ же стулѣ и также утомленными руками мечетъ карты. Битва идетъ къ концу; горсть остальныхъ воиновъ безнадежно сражается въ послѣдней разбитой оградѣ. Вотъ еще таля.... еще три удара, Бѣлковичъ стасовалъ колоду и подалъ было снять; но Ординскій приподнялся и сказалъ шепотомъ: «Довольно, я кончилъ.... Я уже не могу играть больше....» Онъ хотѣлъ было улыбнуться, но губы его скривились, какъ у человѣка, пораженнаго апоплексическимъ ударомъ. Онъ подписалъ двѣ бумаги, уже заблаговременно приготовленныя, молча взялъ шляпу, молча поклонился Бѣлковичу и пошелъ домой — пѣшкомъ: коляска и лошади уже не ему принадлежали.

День уже сіялъ въ полномъ величіи. Ординскій, устремивъ глаза въ землю, пробирался по берегу, не замѣчая ни дороги, ни людей, которые съ нимъ встрѣчались. Онъ то тащился медленно, какъ ослабленный жестокою бользнію, то шелъ быстро, будто судорожно пораженный испугомъ. Сердце его терзалось безотчетною грустію, а въ головѣ толпились смутныя мысли, точно у человѣка, оглушеннаго сильнымъ ударомъ и еще не вполне пришедшаго въ чувство. Порою ему чудилось, что онъ видѣлъ страшный сонъ, что онъ во снѣ проигралъ все свое имущество и свою душу; онъ схватывалъ эту отрадную мысль, и тогда на устахъ его появ-

лялась безумная улыбка, страшно противорѣчившая блѣдности его лица и лихорадочному блеску его взоровъ. Но это блѣдное очарованіе скоро исчезло и уму Анатолія представлялась вся ужасная истина. Онъ вполнѣ увѣрялся, что не найдетъ болѣе средствъ къ своему существованію ни въ окружающихъ его обстоятельствахъ, ни въ собственномъ мужествѣ, которое не могло бы противиться и меньшему несчастію.

Такъ болѣе четырехъ часовъ бродилъ онъ по Крестовскому и Каменному островамъ, въ лѣтнее время кипящимъ веселою жизнію. Долго онъ не смѣлъ войти въ свой домъ; наконецъ, измученный, истратившій силы, онъ опрометью бросился на крыльцо своей квартиры, вбѣжалъ въ свой кабинетъ и кинулся въ вольтеровскія кресла. Тамъ нѣсколько времени, стиснувъ голову, сидѣлъ онъ въ мучительномъ оцѣпѣненіи: жизнь разстилась передъ нимъ безбрежнымъ моремъ, одѣяннымъ въ глубокую тму. Онъ вздумалъ было молиться, но самъ ужаснулся своей мысли: колѣна его не гнулись, глаза были сухи, сердце не оживотворялось ни однимъ благотворнымъ чувствомъ. Молитва въ такое время была бы богохульствомъ. Такъ еще нѣсколько часовъ провелъ онъ въ невыразимой тоскѣ, наконецъ вскочилъ, быстрыми, неровными шагами раза два прошелъ по комнатѣ, подошелъ къ зеркалу и съ ужасомъ отскочилъ отъ него, увидя, что его прекрасное, благородное лицо искажилось, какъ лицо закоренлаго преступника, а русые волосы, густыми локонами падающіе на его чело, начали покрываться сѣдиною.

Губы его задрожали; онъ страшно захохоталъ и вырвалъ клокъ своихъ сѣдѣющихъ волосъ. Вдругъ въ глазахъ его сверкнуло яркое, дикое пламя, буд-

то багровая вспышка угасающего факела. Отославъ въ городъ обоихъ своихъ слугъ, которымъ онъ далъ какія-то порученія, Ординскій быстро подбѣжалъ къ комоду, отперъ его и выхватилъ оттуда длинный, тяжелый ящикъ, обтянутый зеленымъ сатфеномъ.

VII.

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко.....

Евгеній Олгинъ.

Утромъ, въ тотъ самый день, наканунѣ котораго Ординскій игралъ такъ несчастливо, Сергѣй Тимоѣевичъ спокойно и важно сидѣлъ въ своей гостиной и раскладывалъ *grande-patience*. Это было воскресенье. Сергѣй Тимоѣевичъ не ѣздилъ ни куда и, опочивъ отъ своихъ недѣльныхъ трудовъ, позволилъ себѣ это невинное удовольствіе. Онъ часто оставался, не докончивъ игры, клалъ колоду на столъ и тогда лицо его принимало заботливое выраженіе, столъ приличное челоуѣку солидному, отцу семейства. Видно, дѣла занимали умъ Сергѣя Тимоѣевича и въ праздничные дни, когда всѣ присутственныя мѣста отъ присутствія свободны.

Наталья Петровна сидѣла на возвышеніи у окна; руки ея были заняты шитьемъ, а глаза черезъ ручодѣлье устремлены на свѣженькій *Revûe de Paris*. Иногда она на минуту прерывала чтеніе, придвигала къ себѣ вазочку съ живыми цвѣтами и впивала въ себя ихъ благовонное дыханіе.

У другаго окна, среди вазъ съ жасминами и бенгальскими розами, прекраснѣйшій цвѣтъ между нами, сидѣла Лидія и вышивала экранъ для своего

женна; но почти поминутно отрывала голубые глаза свои отъ работы и устремляла ихъ на дорогу. Завидя вдали экипажъ, она напрягла взоры; грудь ея начинала сильнѣе колебаться; экипажъ проѣзжалъ мимо, и Лидія печально опускала голову на руку. Замѣтно было, что сердце ея скорбно валилось томительнымъ ожиданіемъ и неяснымъ предчувствіемъ обманутой надежды. По временамъ крупная слеза навертывалась на длинныхъ ея рѣсницахъ и скатывалась на разноцвѣтные узоры недошитаго экрана.

Такъ прошло около часа. Наталья Петровна все шла и читала прелюбопытное путешествіе на Антильскіе острова; Лидія все вышивала и задумывалась; Сергѣй Тимоѣевичъ все раскладывалъ карты, то кучками, то рядами, то звѣздообразно: у него то не выходилъ *grande patience*, то выходилъ самымъ интереснымъ и занимательнымъ образомъ. Вдругъ, видятъ они — ѣдетъ дорожная коляска, ближе, ближе и останавливается у калитки. Изъ коляски торопливо выскочилъ офицеръ въ шинели и фуражкѣ; но за вѣтвями липъ и акацій еще не видно лица его. Онъ отворилъ калитку, пошелъ, почти побѣжалъ по аллеѣ, повернулъ въ другую и прямо къ дому. Всѣ опроретью бросились къ нему на встрѣчу.

— Папенька! маменька! — Николаша! — Братецъ, голубчикъ! — Сестрица, душечка.... ай, ай, тише! Вы разведете мою руку!

Самая усладительная, патетическая сцена! Нѣжныя имена, пламенные объятія, радостныя слезы, длинный рассказъ возвратившагося сына, прерываемый новымъ потокомъ слезъ, нѣжностей и сто разъ повторенныхъ разспросовъ. Мы этотъ длинный рассказъ сократимъ въ нѣсколько словъ, а слезы и

нѣжныя объятія побережемъ для другой повѣсти, которой, можетъ быть, и не напишемъ.

Эскадронъ, въ которомъ служилъ поручикъ Николай Стиракса, былъ при окруженъ горцами. Въ самомъ пылу битвы пуля раздробила ему лѣвую руку; сильный ударъ шашки въ голову сшибъ его съ коня. Николай упалъ безъ чувствъ; поле осталось за нами; но послѣ сраженія не могли отыскать поручика Стираксы. Истекая кровью, оглушенный ударомъ, онъ долго лежалъ въ глубокой ящинѣ, закрытой вѣтвями густаго ракитника и только чрезъ нѣсколько дней очнулся въ отдаленной Татарской деревнѣ. Въ военныхъ извѣстiяхъ Стираксу показали пропавшимъ безъ вѣсти, а между тѣмъ онъ выздоровѣлъ, явился въ полкъ, взялъ отпускъ и поскакалъ въ Петербургъ. Ахъ, если бы онъ прiѣхалъ недѣлю раньше!

И они всѣ четверо, Сергѣй Тимоѣевичъ, Наталья Петровна, Николай и Лидiя сидѣли въ самомъ тѣсномъ кругу, глядя другъ другу въ глаза, держа другъ друга за руки и безпрестанно прерывая одинъ другаго.

— А ты еще не знаешь, мой безцѣнный Nicolas, сказала застѣнчиво Лидiя, поцѣловавъ брата въ правую щеку и положивъ обѣ руки на его плечи, ты еще не догадываешься, что твой прiѣздъ для меня двойная радость....

Она не договорила и опустила глаза.

— Ахъ, да, вѣдь мы ее сговорили! промолвилъ Сергѣй Тимоѣевичъ.

— Да, вѣдь она помолвлена, сказала Наталья Петровна.

— Поздравляю тебя, сестрица. За кого?

— За одного изъ нашихъ недавнихъ знакомыхъ, Анатолиа Григорьевича Ординскаго.

Лидія сидѣла со слезами радости на глазахъ, согнувъ гибкій станъ и опустила голову, какъ лилія, склонившаяся долу и орошенная каплями росы.

— Славный мальи́й, продолжалъ Сергѣй Тимоѣевичъ, дядя его служить въ дипломатическомъ корпусѣ.... Преумная голова, государственная голова этотъ дядя, весь въ орденахъ и еще третьяго дня получилъ пять тысячъ десятинъ въ Пермской губерніи. У нашего министра играетъ въ вистъ по субботамъ. Мнѣ, вѣдь ты знаешь, до этого мало нужды; мнѣ на старости ничего не надобно.... ну, а все-таки не мѣшаетъ.

— Надѣюсь, вы поторопитесь познакомить меня съ будущимъ моимъ зятемъ, сказала Николай.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, отвѣчала Наталья Петровна. Ты не можешь себя представить, какъ онъ влюбленъ въ нашу Лидію, какъ онъ обрадуется твоему пріѣзду, да и сестрица твоя отъ него безъ памяти.

Щеки Лидіи облились яркимъ румянцемъ и она спрятала лице свое, склоня голову на плечо матери.

— Да чтожь онъ сегодня не ѣдетъ? Не послать ли за нимъ? спросила Наталья Петровна.

— А за чѣмъ? ужъ видно сегодня пошло на сюрпризы, примолвилъ Сергѣй Тимоѣевичъ, бывший въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Развѣ ты усталъ, Николай, а то сегодня вечеромъ мы поѣдемъ же къ Порфирію Кузмичу: вѣдь это почти по дорогѣ; соберитесь пораньше, да и завернемъ къ Анатолию на дачу. Я тебѣ его и отрекомендую. Согласенъ?

— Ёдемте.

И часовъ черезъ пять послѣ этого разговора всѣ они четверо ѣхали въ коляскѣ, по песчаной дорожкѣ, между нивами и дачами, живописно разбросанными вокругъ Лѣснаго Института. Всѣ они были чрезвычайно веселы. Глаза и черты лица Лидіи были оживлены радостію, этою свѣтлою, безмятежною радостію дѣвственной души, еще неутратившей первыхъ, свѣжихъ, младенческихъ впечатлѣній. Сердце ея хотѣло выпрыгнуть изъ груди на встрѣчу тому, кому она хотѣла передать вѣсть для нихъ обоихъ отрадную. То, вмѣшиваясь въ общій разговоръ, она смѣялась съ дѣтскимъ простодушіемъ; то, устыдясь нескромной веселости, умолкала и предавалась очаровательнымъ мечтаніямъ. Коляска двигалась слишкомъ медленно для ея живой торопливости. Вотъ они проѣхали мимо Лѣснаго Института, стѣны котораго тогда были выкрашены въ неопредѣленный стро-синеватый цвѣтъ мутнаго неба. Вотъ они спустились съ песчанаго пригорка и пустились по Выборгской дорогѣ, пыльной лѣтомъ, грязной весной и осенью; поворотили въ длинный, узенькій Флюговъ переулокъ съ обширною на правой рукѣ березовою рощею, вѣчно оглашаемой криками воронъ, грачей и галокъ. Черезъ минуту коляска выѣхала изъ этого темнаго, скучнаго ущелья; тутъ протянулась передъ ними Малая Нева между своими зелеными берегами — мѣсто самое живописное изъ всѣхъ окрестностей столицы. Красивые загородные домики, пестрыя бесѣдки и полосатыя палатки безпрестанно то выказывались изъ-за густой зелени, то снова прятались за деревья. По спокойной рѣкѣ, позлащенной прощальными лучами западающаго солнца взадъ и впередъ и поперегъ шныряли елботы; на обонхъ берегахъ толпился веселый народъ; съ острововъ и по рѣкѣ,

надъ гулъ заливающихся рожковъ, раздавались клички круговыхъ пѣсень. Но Лидія ничего не видала и не слышала: грудь ея была переполнена глубокимъ, сладостнымъ чувствомъ близкаго счастья. Она уже заранѣе представляла блаженные минуты, когда будетъ врачевать раны измученнаго сердца, трепетно бьющагося въ груди человѣка, который только ей одной повѣрилъ свои безотчетныя страданія. Вотъ они перѣехали мостикъ, перекинутый черезъ извивающуюся змѣей Черную Рѣчку; вотъ и два бѣлые льва у воротъ Строгоновской дачи; вотъ и Каменный островъ между двумя рукавами Невы. Широкая рѣка, какъ исполинъ, гонялся за красивымъ островкомъ, наконецъ догнала его и со всѣхъ сторонъ охватила своими длинными руками. Все ближе и ближе Новая Деревня; вотъ уже, какъ огромный фонарь, возвышается заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ съ окнами отъ фундамента до самой крыши, а тамъ, по единственной улицѣ, около домиковъ, закутанныхъ зеленью, разхаживаютъ пестрыя группы. Вдругъ среди веселаго говора раздался не вдалекѣ пистолетный выстрѣлъ..... Всѣ вздрогнули; коляска поѣхала дальше. Лидія пробудилась отъ своей глубокой задумчивости: она быстро и безпокойно устремила взоры туда, откуда послышался выстрѣлъ и куда уже бѣжали изумленные толпы народа.... Что это значитъ? Множество людей столкнулось у калитки сада, прилежащаго къ домику, въ которомъ живетъ Ординскій; многіе изъ нихъ бѣгутъ на крыльце, въ растворенныя настежь двери, втискиваются въ комнаты и ни одинъ оттуда не возвращается. Сердце Лидіи стѣснилось страшнымъ предчувствіемъ; она выпрыгнула изъ коляски, опрометью пустилась по аллеѣ и прямо въ двери. «Пропустите, пропустите ихъ,» сказалъ одинъ изъ тол-

пы, взглянувъ на Лидію, на отца и мать ея, которые, безмолвно, съ испуганными лицами спѣшили за нею. «Позвольте, не входите туда, сударыня,» сказалъ другой незнакомый, съ участіемъ схвативъ Лидію за руку, «умоляю васъ, не входите въ эту комнату.» Но Лидія его не слушала, рванулась въ двери, взглянула и упала на порогъ. Въ другой комнатѣ на диванѣ лежалъ человекъ съ прострѣленнымъ черепомъ, крѣпко стиснувъ пистолетъ замирающею рукою. Вся стѣна была забрызгана алыми пятнами свѣжей, еще дымящейся крови, которая съ головы и груди несчастнаго ручьями стекала на диванъ и на полъ. Это былъ Апатолій Ординскій.

Мать и дочь замертво положили въ коляску. Онѣ отправились назадъ и на возвратномъ пути не слышали, какъ на берегу Малой Невы раздавалась заунывная Русская пѣсня:

«Не были-то свѣжки въ чистомъ полѣ забывались.»

Ее пѣли солдаты-пѣсельники въ густой толпѣ черни. Вдругъ замолкли ихъ протяжные напѣвы, въ средину круга выскочилъ молодой гренадеръ, съ фуражкой на бекрень, съ бубнами въ рукахъ; запѣвало гаркнунъ:

«Я вечеръ, молода, во пиру была,
Во пиру была, во компаньцѣ».....

Бубны грянули; хоръ дружно и громко подхватилъ на второмъ стихѣ удалую пѣсню; солдатъ съ бубнами пустился въ присядку; вся толпа оживилась; между слушателями пронесся говоръ одобренія: «славно! лихо!»

Православный народъ весело гулялъ въ это Воскресенье!

М. СОРОКИНЪ.

=

II.

ИИДЪЙСКАЯ ЭПОПЕЯ.

(Статья Эдгара Кинг).

Когда обществу нуженъ новый полетъ, оно открываетъ новыя сокровища прошедшаго: это одно изъ жизненныхъ его условій. Не въ одинъ вѣкъ, не въ одно время появились богатства древности. Свѣточн его зажигаются въ послѣдовательномъ порядкѣ одна отъ другой. Когда средній вѣкъ долженъ вытти изъ мрака, *Виргилій* начинаетъ оживать съ *Латинскимъ* гениемъ. Онъ становится учителемъ новой *Италіи*, и руководитель *Данта* первый отворяетъ двери будущности. Потомъ, когда эта сила ослабъваетъ, когда уснувшій вѣкъ требуетъ новаго пробужденія, въ *Константинополь* выходитъ изъ забвенія *Гомеръ*. Сопровождаемый свитою *Греческихъ* ораторовъ и поэтовъ, онъ истребляетъ дыханіемъ своимъ средній вѣкъ и создаетъ возрожденіе. Иногда случается, что современники падаютъ въ забвеніе, при самомъ появленіи, какъ будто вовсе не существовали; но дѣйствіе ихъ, на время пріостановленное, бываетъ тѣмъ сильнѣе. Такъ было съ *Шекспиромъ*. Онъ былъ забытъ въ *XVIII* вѣкѣ, но ожилъ

между нами, и воскресеніе его оживило Германію. Такихъ людей можно почитать пламенными вѣстниками, которые изрѣдка возвѣщаютъ зарю великихъ дней умственного міра. Нынѣ Европа устала; и сама въ томъ сознается. Проѣзжайте по Англіи, Германіи, Франціи; вездѣ вы встрѣтите людей, подъ различными образами, живущихъ одинаково тѣнью жизни и привязанныхъ не къ настоящему, а къ будущему, въ ожиданіи *чего-то*. Виргилій, Гомеръ, Дантъ, Шекспиръ, не могутъ насытить этихъ великодушныхъ умовъ. Намъ надобно, говорятъ они, новыхъ источниковъ живой воды, для прохлажденія насъ въ нравственной пустынѣ. И вотъ бьетъ изъ скалы новая струя вдохновенія, которою не воспользовалось еще ни какое поколѣніе; произносятъ имена, доселѣ неизвѣстныя, открываютъ исчезнувшіе языки и религіи, находятъ погибшихъ боговъ. Поэзія невѣдомая, поэзія Индіи, открылась намъ. За Греческимъ Гомеромъ, показывается на концѣ вѣковъ Гомеръ Индійскій; самыя умѣренныя критики говорятъ, что онъ родился за тысячу лѣтъ до Р. Х. Поспѣшимъ обернуться въ эту сторону; посмотримъ, чѣмъ могутъ быть Одиссея и Иліада на берегахъ Ганга. Что у насъ общаго съ этимъ гениемъ, столь далекимъ отъ насъ по пространству и времени? Чего можетъ надѣяться отъ него будущность наша? Что онъ предвѣщаетъ намъ, дурное или хорошее? Виргилій и Гомеръ дѣйствовали нѣсколько своею жизнію на вѣкъ Льва X и на вѣкъ Лудовика XIV. Какой вѣкъ родится отъ дыханія этого Гомера Голконды?

Подобно Греціи, Индія имѣетъ двѣ главныя эпопеи. Подъ именемъ Рамаяны и Махабараты, у ней есть своя Иліада и своя Одиссея. Еслибъ важность твореній зависѣла отъ ихъ объема, Индійская литера-

тура безспорно была бы важнѣйшею изъ всѣхъ, ибо самая малая изъ двухъ поэмъ состоитъ изъ сорока тысячъ стиховъ. Треть Рамаяны напечатана въ Серампортѣ, въ 1800 году; но корабль, везшій ее изъ Индіи въ Европу, разбился во время переѣзда. Только первая и третья части были привезены въ Англію. Очень недавно, Вильгельмъ Шлетель, убѣдясь, что важнѣйшій литературный вопросъ нашего времени есть вопросъ о восточномъ возрожденіи, предпринялъ издать объ эпопеи вполне. Изданіе еще не кончено, такъ что, при нынѣшнемъ положеніи критики, эти массы поэзіи не вполне извѣстны. Видишь только ихъ вершины, подобно Оивскимъ колоссамъ, до чела засыпаннымъ песками. Однако же открытые отрывки достаточно опредѣляютъ родъ и характеръ цѣлаго; такъ натуралисты, по оставшимся частямъ исчезнуваго животнаго, воссоздаютъ его въ цѣломъ.

Форма этихъ произведеній не допускаетъ буквального анализа. Еслибъ слѣдовало означить здѣсь характеръ поэмы Аріоста, тщетно старались бы мы итти по шагамъ прихотливаго поэта. Вступивъ въ волшебный лабиринтъ, теряешь руководную нить, которая вырывается даже изъ рукъ самаго поэта. Прихотливый путь Аріоста похожъ на прямую, классическую дорогу, въ сравненіи съ путемъ Индѣйскаго поэта. Пуститься ли на удачу въ этотъ дѣвственный лѣсъ, и итти по всѣмъ тропинкамъ, которыя намъ встрѣтятся? Мы потерялись бы, заблудились безъ надежды; по многосложности своей, эти поэмы могутъ быть сравнены только съ тѣмъ индѣйскимъ деревомъ, котораго вѣтви, достигая до земли, пускаютъ корень, растутъ, даютъ отпрыски, изъ коихъ выходятъ новыя деревья; вѣтви новыхъ деревь,

достигая до земли, опять пускают корни. Такъ вырастаетъ лѣсъ, составляющій, такъ сказать, одно дерево. Гдѣ корень, гдѣ вѣтви, гдѣ стволъ этого безконечнаго дерева? Такъ и въ Индѣйскихъ эпопеяхъ, каждое событіе стремится быть поэмою. Что же намъ дѣлать, если мы не хотимъ растеряться въ этой безпредѣльности? Мы возьмемъ за образецъ Европейцевъ, поселяющихся посреди дѣвственныхъ лѣсовъ Индіи. Они пробиваютъ прямиыя дороги къ извѣстнымъ уже пунктамъ. Я также положу себѣ нѣкоторыя раздѣленія при разсматриваніи эпопей; отыщу отношенія этой поэзіи къ автору, къ національной религіи, къ Азіатской природѣ, къ гражданскимъ учрежденіямъ и къ исторіи Индіи вообще.

Прежде всего, мнѣ нужно знать, въ какомъ положеніи находился самъ поэтъ? Его зовутъ Вальмики: это имя, въ нашъ вѣкъ, будетъ поставлено возлѣ имени Гомера, Данта, Шекспира, ибо Вальмики принадлежитъ къ семьѣ избранныхъ. Какъ онъ жилъ? Какъ написалъ свои поэмы? Эти вопросы разрѣшены самымъ началомъ Рамаяны. Въ этой эпопее, какъ въ Дантовой, прежде всѣхъ на сцену выходитъ самъ поэтъ. Удалившись подъ сѣнь священнаго лѣса, онъ долгимъ очищеніемъ готовится къ божественному вдохновенію. Все показываетъ, что онъ принадлежитъ къ кастѣ священнослужителей, что очищаетъ умъ свой, желая дать ему силы для совершенія народной поэмы. Святилище его въ глубинѣ долинъ. Онъ совершаетъ омовенія въ божественныхъ водахъ Тамозы. Ученики приносятъ ему на берегъ рѣки религіозную одежду; выходя изъ воды, онъ чистъ; умъ его готовъ вѣрно передавать всѣ нетлѣнные образы, сообщаемые богами. Кто не найдетъ тайнаго смысла въ этомъ началѣ? Какой человекъ,

принимался за подвигъ, не нуждается во внутреннемъ омовеніи? Кто получилъ вторую жизньъ, т. е. вдохновенную (по восточному выраженію), не купавшись въ волнахъ человѣческихъ бѣдствій? Какой философъ, какой артистъ, не смывалъ пыли съ своихъ мечтаній на дѣвственныхъ озерахъ, не освѣждалъ чела надъ неизмѣримою бездною? Всякій поэтъ, принимаясь за твореніе, не углублется ли въ чашу льсовъ или въ тайны сердца. Байронъ — въ море Цикладъ, подальше отъ шума Англій; Шатобрианъ въ лѣса Сѣверной Америки; Камоенсъ въ уединеніе океана; Мильтонъ въ уединеніе мрака; Дантъ, въ страшное уединеніе ссылки. Живописцы среднихъ вѣковъ, болѣе поэты, чѣмъ живописцы, принимался за кисть, становились на колѣна и поклонялись образу, который хотѣли срисовывать. Всякъ проходитъ черезъ какое нибудь испытаніе, вступая въ царство поэзіи, философіи, разума; мысль эта начертана, неизгладимыми буквами, на самомъ порогѣ Индѣйской эпопеи.

Слѣдующая сцена дастъ началу всю его цѣну. Едва Индѣйскій поэтъ приготовился молитвою и истязаніемъ, едва достигъ онъ до состоянія чистоты, какъ самъ Брама нисходитъ къ нему съ высоты небъ и посѣщаетъ его въ хижинѣ, сплетенной изъ древесныхъ вѣтвей. Вальмики узнастъ его, не смотря на его воплощеніе; становится на колѣни и поклоняется; потомъ подаетъ ему скамью изъ сандаловаго дерева и, омывъ ему ноги, призываетъ его именемъ вѣчнаго блаженства. Брама повелѣваетъ ему пѣть Раму, героя военной касты. «Кончи, говоритъ онъ, славную пѣснь Рамы. Пока горы устоятъ на основаніяхъ своихъ, пока рѣки не останомятъ теченія своего, Рамална будетъ повторяться въ устахъ людей, и пока Рамална не погибнетъ, мои безконечныя міры послужатъ тебѣ убѣжищемъ.»

Произведение, имѣющее такой источникъ, должно быть священной эпопеею. Таковъ въ самомъ дѣлѣ характеръ Рамаяны. Это смѣсь предсказаній и воинскихъ разсказовъ, похожая на коранъ и на иліаду. Чего нѣтъ въ цивилизаціяхъ Греческой, Римской, современной, то находимъ въ цивилизаціи Индѣйской, эпическую поэму, порожденную вдохновеніемъ касты жрецовъ. Въ иліадѣ, столь близкой въ этой древности, начало вдохновенія совсѣмъ другое. Гомеръ вовсе чуждъ генію жречества. Онъ старикъ, свободно переходящій изъ города въ городъ, а не жрецъ, привязанный къ капищу. «Воспой, богиня, гнѣвъ Ахилла!» Вотъ его первыя слова. Онъ управляетъ своею богинею, самъ понуждаетъ ее. Онъ царствуетъ въ своемъ твореніи, и по самому началу видно, что Греческое искусство пользуется совершенною свободою. По произволу располагаетъ онъ событіями и преданіями; измѣняетъ ихъ, какъ ему угодно. Даже небеса въ его власти, онъ украшаетъ ихъ по своему, и вѣрованіе его заключаетъ въ себѣ преждевременный скептицизмъ. Въ Индѣйской эпопее, напротивъ, поэтъ совершенно зависитъ отъ Брами. На порогъ своей поэмы, онъ наклоняетъ чело до земли; такъ выражается характеръ восточнаго генія въ первомъ разговорѣ Вальмики съ Брамию, поэта съ богами; или, лучше сказать, тутъ нѣтъ ни поэта, ни артиста, ни поэмы, а есть Брама, жрецъ, капище, торжественная церемонія, приобщеніе гармоническаго слова, ибо эти эпопеи причислены къ священнымъ книгамъ, и для Индѣйцевъ тоже, что коранъ для Магометанъ. На этихъ книгахъ, открытыхъ, совершается присяга при актахъ жизни гражданской и политической; и такой священный характеръ сильно выраженъ слѣдующими стихами: «Кто прочтетъ разсказъ о подвигахъ Рамы, избавитъ

ся отъ всѣхъ грѣховъ своихъ; бѣдствіе не посѣтитъ ни его сына, ни внука. Счастливъ, кто, слушая Рамаяну, понялъ ее до конца. Счастливъ, кто прочелъ ее хоть до половины! Она даетъ жрецу мудрость, благородному новое благородство, торговцу — богатство; и рабъ, слушая ее, облагораживается.»

Получивъ приказаніе отъ небесъ, Вальмики не тотчасъ приступаетъ къ событіямъ своей поэмы. Гений Востока не дѣйствуетъ съ такимъ нетерпѣніемъ. До начала дѣйствія, есть еще одна сцена, превосходно обрисовывающая созерцательную натуру Индѣйскаго поэта. Смущенный приближающимся вдохновеніемъ, истомленный бременемъ своей мысли, поэтъ садится подъ тѣнь стараго дерева, и мечтаетъ о добродѣтеляхъ, о благородствѣ, о красотѣ своего героя; это размышленіе служитъ содержаніемъ первой пѣсни. Такимъ образомъ, весь планъ поэмы развертывается въ его думѣ. Онъ говоритъ, что видитъ въ умѣ всю исторію Рамы, такъ ясно, какъ плодъ финиковаго дерева на ладони. Онъ медленно размѣрляетъ умомъ все пространство поэмы, *чуднаго океана, преисполненнаго жемчужинами Ветовъ*. Эта сцена, слѣдующая за появленіемъ Брамы, даетъ началу Рамаяны характеръ созерцанія и восторга, соответствующій всему, что мы знаемъ о религіи и привычкахъ духа Индѣйскаго народа. Поэтъ глазами мысли видитъ поэму свою совершеннѣе, чѣмъ она будетъ написана: не есть ли это лучшая минута всякаго человѣческаго творенія? Какъ Гомеръ далекъ отъ этой идеи! Онъ нетерпѣливъ, какъ геній Запада. Съ первыхъ словъ, онъ устремляется на свой предметъ, какъ Олимпійскій орелъ на стадо, а Вальмики носится въ высшихъ областяхъ, и потомъ спускается къ исполненію своего назначенія.

зерцаетъ онъ идеальнѣе событій, которыя послѣ будетъ описывать; это внутреннее созданіе лицъ, никѣмъ невиданныхъ, и гармоній, никѣмъ неслышанныхъ, неосязаемыхъ формъ, красотъ, недосыгаемыхъ высотъ, свѣта, строфъ, голосовъ, которыхъ поэтъ будетъ эхомъ или тѣнью. Мы сами восхищаемся, въ твореніяхъ поэтовъ и ваятелей, созданными лицами и фигурами. Что было бы съ нами, еслибъ мы могли видѣть образы, нравственныя существа, не въ несовершенномъ исполненіи посредствомъ несовершенныхъ орудій (рѣзца, кисти, языка человѣческаго), а въ томъ видѣ, какъ они предстали, въ идеальной наготѣ, уму своихъ творцовъ? Всякій артистъ чувствуетъ непритворную грусть, сравнивая задуманное свое созданіе съ исполненнымъ, и это различіе внутренняго образца съ исполненіемъ служить предисловіемъ къ Рамалпѣ.

Коротко познакомявшись съ поэтомъ Ганга, мы знаемъ, какъ рождаются его мысли, божественныя призраки, едва одѣтые словомъ. Остается узнать, какимъ образомъ его твореніе, изъ такого уединенія, черезъ столько времени, перешло къ людямъ и сохранилось въ ихъ памяти? Такой же вопросъ предложенъ недавно критикою на счетъ Гомера. Вѣроятно ли, что разрѣшеніе этого вопроса мы находимъ на берегахъ Ганга? Вальмики самъ рассказываетъ, какъ его твореніе переходило изъ устъ въ уста, и съ изумленіемъ узнаешь изъ его разсказа, что поэтическіе обычаи, подобныя обычаямъ героической Греціи и феодальной Европы, встрѣчаются около Ганга: рапсоды поютъ народную поэму, менестрели получаютъ награду отъ слушателей, подобно менестрелямъ среднихъ вѣковъ. Слѣдуетъ перевести здѣсь отрывокъ изъ Рамаяны слово въ слово; онъ даетъ матеріалы

для сравненія обществъ, кои повидимому весьма различны.

Окончивъ Рамаяну, Вальмики спросилъ себя: «Кто повѣдаетъ о ней міру? Въ эту минуту, къ погамъ мудраго припали двое изъ его учениковъ, оба знаменитые, сладкозвучные, жившіе въ уединеніи. Посмотрѣвъ на чистыхъ юношей, онъ сказалъ, цѣлуя ихъ въ чело: — Выучите вдохновенную поэму; она даетъ добродѣтель и богатство; сладка, когда ее читаютъ по размѣру, еще слаще, когда ее соединяютъ съ звуками инструментовъ или поютъ на семи струнахъ голоса. Восхищая ухо, она возбуждаетъ любовь, мужество, страхъ, ужасъ. — Послѣ такихъ словъ, мудрецъ заставилъ юношей выучить всю Рамаяну. Вѣривъ ее памяти ихъ, онъ сказалъ еще: — Пойте рассказы мои въ собраніяхъ мудрыхъ, среди степеній владыкъ и въ обществахъ людей добрыхъ. — Оба юноши, весьма похожіе на героя поэмы, отражавшіе на себѣ его доблести, знатоки священныхъ книгъ и таинствъ музыки, пѣли поэму въ присутствіи мудрецовъ; боги, спустившіеся изъ Эмпирея, и гении, и владыки змѣй чувствовали восторгъ отъ изумленія и радости. Въ извѣстное время, многолюбозные юноши начинали пѣніе, а мудрецы стекались тысячами слушать ихъ, неподвижно глядя на нихъ глазами удовольствія и восторга. Они восклицали: О поэма великая! Вѣрный образъ истины! Древнія событія показаны намъ такъ живо, какъ будто происходятъ въ нашихъ глазахъ. Медоточивые пѣвцы поэмы должны быть божественнаго происхожденія! Какъ чиста пѣснь ихъ! Слова, правильно размѣренныя, соединены неслышаннымъ искусствомъ. Изумясь ихъ пѣснямъ, одинъ мудрецъ поднесъ имъ чашу съ священою водою, другой лѣсные плоды, третій богатую одежду, или скамью изъ сандалнаго дерева.

Другіе желали имъ безпрерывнаго блаженства или долгой жизни.»

Вотъ, на берегахъ Ганга, Іонійскіе рапсоды и мнестрели среднихъ вѣковъ. Слѣдуетъ прибавить, что характеръ еократіи налагаетъ свою печать на это учрежденіе. Индійскіе рапсоды не ходятъ съ мѣста на мѣсто, для увеселенія пирующихъ, по обычаю Греческому. Они болѣе похожи на рапсодовъ среднихъ вѣковъ, которые поютъ эпопею только въ феодальныхъ замкахъ. Поэма Вальмики повторяется въ обществѣ избранномъ. Она сложена жрецомъ, и жрецы должны внимать ей. Низшіе классы, *судры*, не пользуются благодѣяніями поэзіи. Они исключены изъ міра идеальнаго, какъ изъ міра политическаго и гражданскаго.

Махабарата начинается также благочестиво, разговоромъ отшельниковъ въ обители, посвященной богу Брамъ. Отшельники просятъ одного товарища рассказать имъ свою исторію. Онъ исполняетъ ихъ желаніе; онъ рассказываетъ цѣлую эпопею въ антрактахъ между жертвоприношеніями; Индійская пліада поется въ обители отшельниковъ.

Предметомъ обѣихъ поэма служитъ религіозная война. Въ обѣихъ, герой помогаетъ отшельникамъ и жрецамъ, которымъ угрожаетъ вражеское племя. Это воспоминаніе о борьбахъ двухъ народовъ, двухъ религій; изъ этого хоаса общественнаго проистекло учрежденіе кастъ Верхней Азіи; такимъ образомъ эпопея служитъ комментариемъ на законодательство, а пинтическое преданіе замѣняетъ исторію. Къ самому сюжету приросли, какъ вѣтви къ стволу, разныя сцены, обрисовывающія, подъ разными видами, азіатское общество, властелина въ его чертогахъ, бра-

мина въ его обители, герол на благовонномъ ложь, церемоніи религіозныя, костры похоронныя, жрецовъ, ѣдущихъ на колесницахъ, спокойныхъ какъ мысль, армію въ сопровожденіи слоновъ, баадерокъ, льса, исполненные гимновъ и жреческихъ молитвъ, города, подобные озерамъ, богатымъ жемчужинами, рѣки, моря, всю картину природы Индѣйской, какова она еще до нынѣ, послѣ многихъ переворотовъ. Нельзя не замѣтить страннаго сходства между началами этой цивилизаціи и цивилизаціи католической: тотъ же аскетизмъ, тоже рыцарство, и пр. Индѣйское общество представляетъ преждевременный образъ общества феодальнаго, выраженного въ поэмахъ *Артуса* и *круглаго стола*. Аналогія покажется совершенною, если мы забудемъ единственное различіе: съ одной стороны, на Востокъ, пантеизмъ, Богъ въ твореніи, съ другой, на западъ, творецъ, отдѣленный отъ сотвореннаго. Вотъ какую бездною раздѣлены эти два міра! Эта бездна глубже самаго океана!

Послѣ общаго воззрѣнія, поищемъ отношеній Индѣйской эпопеи къ религіи; тотчасъ открывается чрезвычайный фактъ, какого не представляютъ другія литературы. Не странно ли, что всѣ герои Индѣйскихъ поэмъ суть воплощенные боги, рѣшившіеся принять на себя человѣческія формы и бѣдствія? Они не похожи на боговъ Гомера, которые, занявъ у человѣка только его красоту и чувственность, сохраняютъ въ самой перемянѣ неотъемлемое блаженство Олимпа. Нѣтъ; человѣческое лице не служитъ маскою Индѣйскимъ богамъ; олицетвореніе ихъ реальнѣе. Для возстановленія добра и порядка на земли, Брама страдаетъ, плачетъ, сражается, принимаетъ всѣ условія человѣческой жизни, даже

смерть; Рама есть не что иное, какъ богъ Вишну, рѣшавшійся принять образъ царскаго сына и вынести всѣ неудачи земной жизни. Тоже самое и съ другими лицами поэмы. Если вы станете ихъ преслѣдовать, то наконецъ узнаете въ нихъ какое нибудь божество, какъ на высшей, такъ и на самой низшей ступени общественной лѣстницы. Съ владыкъ, царствующихъ по двадцати лѣтъ, съ отшельниковъ, проводящихъ вѣка въ изнуреніи и постѣ, не трудно снять личину и найти божество, воплощенное въ жрецъ, воинъ, монархъ. Даже если вы видите нищаго, съ зонтикомъ и полуразбитою урною, для собиранія подаяній *судровъ*, не вѣрьте наружности; подъ маскою нищаго кроется богъ *Сива*; онъ такимъ образомъ очищаетъ себя отъ проступка, совершеннаго при началѣ вѣчности. Въ каждомъ лицѣ таится богъ, и эта эпопея заслуживаетъ титулъ *божественной комедіи* болѣе, чѣмъ твореніе Данта.

Хотя боги скрываются подъ лицами героевъ, однакожь показываются и въ небесахъ. Они удаляются въ особенныя свои владѣнія или собираются на вершинѣ горы Меру. На этомъ Индійскомъ олимпѣ встрѣчаемъ прародителей боговъ востока, Майю, царицу мечты, покрытую покрываломъ, которое въ послѣдствіи перейдетъ къ Нильской Индѣ; Кришну, бога солнца, развѣзжающаго на коняхъ, которыми со временемъ будетъ управлять Аполлонъ; Сиву, съ трезубцемъ, который перейдетъ къ Нептуну; Аврору, въ колесницѣ, влекомой попугаями; а выше всѣхъ, Брама, съ ожерельемъ изъ созданныхъ имъ существъ, которое достанется Юпитеру. Но Гималайское искусство, по формѣ, вовсе не похоже на искусство Фидія.

«Изъ жертвеннаго огня возникло сверхестествен-

ное существо, блеска несравненнаго, мощное, героическое, покрытое божественными украшеніями, вышиною равное съ вершинами горъ, страшное какъ тигръ, съ плечами льва, блестящее, какъ огонь солнечный; руки покрыты перстнями, шея окружена ожерельемъ изъ двадцати семи жемчужинъ, зубы похожи на владычицу звѣздъ. Оно держало въ объятіяхъ, какъ нѣжнолюбимую супругу, широкую золотую чашу, украшенную серебромъ и полную напитка боговъ. Оно рекло: «Я посланъ на землю Брамю, и потомъ исчезло.»

Изъ предъидущихъ разсужденій слѣдуетъ, что Индѣйскій богъ, будучи вездѣ и всегда, воплощается разомъ въ нѣсколько героевъ, въ семейство, въ цѣлое поколѣніе людей. Онъ разговариваетъ самъ съ собою, ищетъ и преслѣдуетъ себя, самъ себя вопрошаетъ и отвѣчаетъ самъ себѣ, не оставляя чело-вѣчеству мѣста для дѣйствія и развитія. Боги превращаются въ людей; а отшельники и герои, переходя отъ добродѣтели къ добродѣтели, становятся богами. Никто не остается въ опредѣленномъ положеніи, въ постоянной формѣ. Все происходитъ въ лонѣ одного безконечнаго существа, вѣчнаго творца, который переходитъ въ каждое твореніе, въ листокъ, въ волну рѣчную, въ владыку змѣй, въ владыку людей; такимъ образомъ герой эпопеи есть герой пантеонсма. Въ поэзіи гомерической, боги и люди равно дѣйствуютъ; судьба ихъ различна; ихъ нельзя смѣшивать. Между небомъ и землею есть равновѣсіе; отсюда происходитъ ясность Греческой поэзіи. У Римлянъ, боги почти исчезаютъ; у нихъ остается только маска. Въ Виргиліи, чисто-человѣческіе расчеты заняли мѣсто вѣрованія и религіи; этотъ недостатокъ прямо противоположенъ Индѣйской по-

эпикъ; она, увидясь сама собою, становится дѣломъ вѣры, а не дѣломъ искусства. Индія есть поэтъ; Греція уже поэтъ.

Притомъ, эти монументы изображаютъ не только исторію вѣрованій, но и живо рисуютъ физическую природу и климатъ Верхней Азіи. Герой, путешествуя по первоначальнымъ лѣсамъ, вопрошаетъ своего проводника объ исторіи и рожденіи горъ и рѣкъ; изображенія колыбели творенія занимаютъ столько же мѣста, сколько и рассказы о подвигахъ. Тутъ слѣдуетъ искать колоссальныхъ и наивныхъ образовъ, похожихъ разомъ на дѣтей и на гигантовъ, и бывшихъ первою геологіею человѣчества: громадныхъ слоновъ, поддерживающихъ міръ въ четырехъ точкахъ; островъ Цейланъ, лежащій, на днѣ моря, на неподвижной черепахѣ; змѣю, которал, обвивая горы, сноситъ ихъ съ основаніи. Каждый лѣсъ, или даже каждый цвѣтокъ, имѣютъ свою исторію. Къ родословію племенъ и народовъ присоединяется генеологія брильянтовъ, жемчужинъ, алмазовъ; созданіе не представлено оконченнымъ, оно продолжается вмѣстѣ съ стихами, и постепенныя его эпохи составляютъ часть сценъ Рамаяны. Новыя земныя явленія, рождаются, доставляютъ случай къ новымъ эпизодамъ; физическій міръ непрерывно распускается, по мановенію поэта, и до самой развязки, растетъ какъ герой, на равнѣ съ міромъ идеальнымъ. Такъ рожденіе Ганга служитъ предметомъ одного изъ знаменитѣйшихъ отрывковъ творенія Вальмики:

«Въ то время, земля украшалась голубками и небесными птицами; мудрецы увидѣли паденіе Ганга съ высоты Эввра до глубины долинъ. Даже боги, изумясь, пріѣхали на колесницахъ, влекомыхъ

ломядми и слонами, присутствовать при чудномъ появленіи Ганга. Освѣщенный ихъ присутствіемъ и блескомъ ихъ украшеній, воздухъ заблесталъ сіяніемъ ста солнцевъ, а чешулъ водяныхъ змѣй и крокодиловъ заиграла отъ этого свѣта. Сквозь бѣлый паръ водъ, дробившихся отъ тысячи ударовъ, свѣтъ казался отуманеннымъ, какъ бы подъ крылами лебедей, крутящихся въ безднѣ; тутъ вода стѣмлялась потоками; тамъ величественно успокоивалась въ теченіи своемъ; далѣе разливалась повсюду или стѣмлялась въ пещерку и снова метала брызги съ ревомъ. Ушавъ сначала на чело бога и, съ его свѣжныхъ волосъ падая на землю, волна была не истощаясь. Мудрецы, жившіе на берегу, подумавъ: Вотъ роса чела Божія! — тотчасъ погрузились въ воду, и всѣ твари съ радостію увидели приближеніе небесной воды, и всѣ очистились въ водахъ Ганга.

«И царь людей, указывая путь волнамъ, ринулся впередъ на блестящей колесницѣ, а Гангъ послѣдовалъ по его стопамъ; боги, мудрецы, геніи съ владыкою змѣй, съ царемъ орловъ и коршуновъ, слѣдуя за колесницею, достигли до Ганга, царя рѣкъ, всеобщаго очистителя.»

Тутъ восточный геній разливается, подобно самой рѣкѣ. Царь, на золотой колесницѣ, показываетъ путь священнымъ волнамъ; созданія окружаютъ его и представляютъ вселенную, призванную на это зрѣлище; собраніе змѣй и крокодиловъ, толпа боговъ, влекомыхъ слонами, — вотъ Индѣйскій Гомеръ въ обыкновенномъ своемъ великолѣпнн. Замѣчаю, въ этомъ отношеніи, что въ Греческой поэзіи силы природы принимаютъ участіе въ дѣйствіи почти всегда подъ человѣческими образами и подъ фор-

мою искусства. Въмѣсто рѣки, вы увидали бы старика, нагибающаго золотую урну, изъ которой вытекаетъ неистощимая волна. У Индѣйцевъ, человѣкъ не накладываетъ еще своего лица на все, что онъ производитъ въ богѣ. Хотя Гангъ представленъ сыномъ горы, однакожъ онъ сохраняетъ свою естественную форму; у него есть уже мысль, воля, душа, но нѣтъ еще лица.

Наконецъ, отношенія героевъ къ царству животному, составляютъ отличительную черту Индѣйской эпопеи. Не только лошади Рамы плачутъ, какъ кони Ахиллесовы, но вообще человѣкъ тѣсно связанъ съ животными. Умный владыка коршунъ, отважный предводитель обезьянъ, осторожный царь змѣй, заключаютъ трактатъ съ царемъ людей; по видимому, человѣчество еще несовершенно повелѣваетъ низшею природою. Особенно же два лица, Сиграво и Гануманъ, владыки лѣсныхъ людей, цари животныхъ, отличающіеся громовымъ голосомъ и ростомъ съ самую высокую гору, соединяются съ героемъ Рамою и заключаютъ родъ условія отъ имени всѣхъ низшихъ тварей. «Они приблизились, говоритъ поэтъ, къ берегу морскому, и изрыли океанъ концами своихъ копій, показывая такимъ образомъ, что весь океанъ принадлежитъ Рамѣ.» Это первый актъ подданства физическаго міра, первая дань нѣмой природы человѣчеству, ея повелителю.

Вообще, видя передъ собою, въ этихъ поэмахъ, колоссальныя формы животныхъ, находишь, что весь этотъ потерланный міръ походитъ на міръ, открытый славнымъ Кювье, и что дѣйствіе происходитъ между мамонтами, палетеріумами и другими гигантскими созданіями, коихъ кости нынѣ сби-

раетъ наука. Эти поэмы перебрасываютъ воображеніе за времена извѣстныхъ, въ тѣ эпохи, коихъ исторію можетъ возсоздать только геологія. Правда, что высшая поэзія и высшая наука не только не мѣшаютъ одна другой, но даже дополняютъ, штагуютъ и подтверждаютъ одна другую.

Отъ религіи и природы если хотите перейти къ картинѣ жизни гражданской и семейной, слѣдуетъ войти въ лучшій городъ, *Юодхія* (*Уюоhіа*) основанный царемъ людей *Муноо*. Описаніе, мною сокращенное, такъ говоритъ объ этомъ допотопномъ городѣ, въ которомъ толпятся Нинивія, Гоморра и Вавилонъ.

«На берегу рѣки возвышался знаменитый городъ, созданный царемъ людей; городъ обширный, въ окружности на двѣнадцать дней пути; дома возвышались до облаковъ. Орошаемый пѣнящимися водами, украшенный бесѣдками и садами, онъ былъ окруженъ неприступною стѣною; тамъ раздавались или звуки музыкальныхъ инструментовъ или бряцанье оружія. Онъ былъ наполненъ баядерками, слонами и лошадьми; его посѣщали купцы и гонцы изъ всѣхъ странъ; въ немъ непрерывно звучала колесница боговъ. Похожія на брилліантовые копи, его стѣны, составленныя изъ разныхъ драгоцѣнныхъ камней, окружали его какъ ожерелье, а крыши сотрясались отъ звуковъ цитры, флейты и арфы. Всякъ, въ этомъ городѣ, жилъ не менѣе тысячи лѣтъ. Вездѣ повторялись отголоски священныя молитвы; вездѣ пировали и собирались счастливые люди. Благоухающій фиміамомъ, гирляндами, цвѣтами и жертвами, городъ былъ охраняемъ героями, сильными, какъ слоны, кои носятъ вселенную какъ

башню, и воинамъ, смотрѣвшимъ за нимъ, какъ троеглавыя змѣи смотрятъ за истоками Ганга. Огонь жертвъ поддерживался толпою жрецовъ; они вѣчно держали умъ и желанія свои подъ игомъ своей волн.»

Такова Индѣйская Троя. Благочестивое пѣніе Ведовъ заглушаетъ бряцанье оружія. Это смѣсь сладострастія и поста, это храмъ для боговъ, а не городъ для людей, очень приличный генію эпопея, которая происходитъ около его стѣнъ. Я видѣлъ Микены, Аргось, Тиринтъ, городъ Геркулеса, и смѣю увѣрить, что эти великолѣпные города покажутся предмѣстіями, если сравнить ихъ съ дѣйствительнымъ или воображаемымъ жилищемъ Индѣйскаго Геркулеса.

Въ этомъ жилищѣ отшельничества медленно слѣдуютъ, одна за другою, династіи царей, изъ коихъ каждый живетъ вѣка вѣковъ; они наполняютъ обрядами эту пустую вѣчность. На колѣнахъ, неподвижные, подпавъ руки къ небу, они представляютъ собою вѣка молитвы и созерцанія; восторженные царствованія ихъ проходятъ какъ сонъ. Такъ каждый народъ олицетворяетъ своя воспоминанія въ воображаемыхъ владыкахъ, создаваемыхъ по собственному своему подобію. Въ Италіи, исторія начинается съ Эвандра земледѣльца и пастуха; въ Индіи первые владыки суть цари отшельники; нѣмымъ созерцаніемъ вызываютъ они изъ глубины лѣсовъ первыя формы гражданскаго общества и сохраняютъ власть свою только силою размышленія. Величіе этой поэзіи состоитъ въ томъ, что всѣ переменныя міра происходятъ отъ измѣненія духа. Однакожь, видя такія вѣковыя размышленія, не удивляйтесь, если оstaat-

ся мало мѣста для дѣйствія, и въ уединенныхъ эпопеяхъ не ищите быстроты илады.

Выше владыки — жрецъ. Онъ живетъ одинъ, или какъ Анахоретъ въ пещерѣ, въ священномъ лѣсу, или въ кельи монастыря; похожаго на католическій; при важныхъ событіяхъ, царь посѣщаетъ его, становится на колѣна и спрашиваетъ его совѣта. По дуновенію его устъ, воздымаются моря, вѣтры останавливаются, оконечности міра впадаютъ въ смущеніе; солнце затмѣвается отъ блеска его ума. Вся природа изумляется строгости его поведенія. Даже боги болтятся жреца, который становится выше ихъ, по своимъ добродѣтелямъ. Въ самыхъ смѣлыхъ легендахъ, никакая страна не приписываетъ своимъ отшельникамъ такой власти, какъ Индія браминамъ. Огонь гнѣва ихъ походитъ на огонь жертвоприношеній; они властвуютъ неограниченно въ поэмѣ, какъ въ природѣ и въ городѣ.

Особенно герой слѣпо имъ покоряется. Изучивъ подъ руководствомъ жреца священныя книги, герой — его ученикъ, его орудіе. Онъ напоминаетъ Энея, а не Ахиллеса, и болѣе принадлежитъ къ классу жрецовъ, чѣмъ воиновъ. У него плеча львиныя, глаза цвѣту лотоса; блѣдностію онъ похожъ на водяную лилію; дыханіе его благовонно какъ нимфея. До начала битвы, онъ совершаетъ утренніе обряды; постомъ готовится къ сраженію, а выходя изъ битвы, опять освѣжаетъ душу силою священнодѣйствій. Часто надѣваетъ онъ власяницу. Тихость, сокращеніе о грѣхахъ, послушаніе, совѣстливость, вотъ добродѣтели жреческаго героя. Среди воиновъ, онъ похожъ на жертвенный огонь, окруженный жрецами. Всѣ его обязанности выражены въ слѣдующихъ сло-

вахъ, сказанныхъ Рамѣ отцемъ его, въ мипуту отъѣзда:

«Сынъ мой, будь скромень и учтивъ! Повинуйся Браминамъ, преданнымъ изученію Ведовъ; принимай ихъ поученія, какъ питіе безсмертія. Брамниы велики; они владѣютъ источникомъ блаженства и счастья. Дабы міръ существовалъ, они посланы между людей, какъ земные боги. Они хранители Ведовъ и недвижныхъ законовъ добродѣтели; они тоже знаютъ важную воинскую науку. Будь всегда на конѣ, или на колесницѣ, или на словѣ. Изучай искусства; высылай ко мнѣ мудрыхъ гонцовъ! — Такъ рекъ царь людей, и прибавивъ: ступай, сынъ мой, заплакалъ; слово его прервалось рыданіями.»

Ищите подобный идеаль героя; гдѣ его найдете? Не въ палаткѣ Ахиллеса или Аякса. Надобно пройти всю классическую древность, до начала христіанства. Отношенія воина и Индійскаго жреца именно тѣ, какія существуютъ между рыцаремъ и отшельникомъ въ романахъ *круглаго стола*. Парсеваль, Лансело, Тристанъ ведутъ такую же жизнь, какъ Рама, Барата и другіе герои Индійской породы. Подобно симъ послѣднимъ, они стремятся къ идеалу нравственнаго совершенства. Вѣчно умерщвленіе плоти предписано тѣмъ и другимъ. Только рыцарь, странствующій въ печальномъ Арденскомъ лѣсу, вооружается болѣе противъ обольщеній сердца, чѣмъ противъ очарованій вишней природы. Кто подумалъ бы, что эпоней христіанской феодалности имѣетъ себѣ подобную на берегахъ Ганга? Кто сталъ бы искать, въ Бенгальскомъ заливѣ, мечтательныхъ рыцарей Бретани, очарованныхъ Мерлиномъ? Это сходство между дѣйствующими лицами находится и

въ самомъ дѣйствии поэмы. Одинаковый образъ жизни долженъ былъ произвести подобныя эпопеи.

Въ началѣ, царь, находясь въ своемъ гигантскомъ городѣ, молитъ боговъ дать ему потомство. Высшее существо сходитъ на землю и превращается въ четырехъ сыновъ владыки. Эти герои боги вырастаютъ прежде окончанія первой книги (или пѣсни). Скоро научаютъ ихъ Ведамъ, а глава жрецовъ проситъ у нихъ помощи противъ царя невѣрныхъ. Царь-отецъ сначала не рѣшается отпустить дѣтей на опасную войну, самъ хочетъ итти вмѣсто ихъ. Однакожь покоряется власти жрецовъ и исполняетъ ихъ приказанія. Рама и братъ его получаютъ очарованное оружіе; въ оружіи, между прочимъ, есть лукъ, котораго не могутъ натянуть ни цари, ни боги. Его приносятъ молодымъ князьямъ, въ присутствіи многочисленнаго народа. Надобно видѣть, какъ это гомерическое положеніе передано Индѣйскимъ поэтомъ:

«Добродѣтельный Браминъ съ радостію обратился къ Рама и сказалъ: Твоя рука сильна, возьми лукъ божественный, несравненный, и испробуй юную силу. На слова мудреца Рама отвѣчалъ: Я натяну небесный лукъ, и пустивъ стрѣлу въ цѣль, покажу силу свою. — Хорошо, отвѣчаи царь и жрецъ. Тогда Рама быстро натянулъ лукъ одною рукою; собравшаяся толпа смотрѣла на него. Потомъ, улыбаясь, онъ готовился пустить стрѣлу; но, отъ силы его, натянутый лукъ изломился посрединѣ. Мрачный звукъ походилъ на звукъ паденія горы или на ревъ змѣи на вершинахъ горъ Сукры. Потрясенные звукомъ, все пали на землю, кромѣ царя, жреца и двухъ потомковъ Ругусова рода.»

Тутъ нельзя не вспомнить объ Улиссовомъ лукѣ. Исключивъ послѣднюю гиперболу, подумаешь, что это Гомерова страница, вынавшая на берега Инда изъ благовоиаго ковчега Александра Великаго.

Послѣ многихъ битвъ, въ коихъ всегда участвуютъ жрецы, славный Рама отправляется въ ссылку, въ глубину лѣса, по приказу отца, обманутаго ложными подозрѣніями. Скоро старый царь раскалывается въ своей несправедливости; лучшее мѣсто въ поэмѣ занимаетъ разсказъ о безпредѣльной горести вѣковаго старца. Это лице, доселѣ нечувствительное и нѣмое, пробуждается къ дѣйствительной жизни чувствомъ отчаянія. Царь, почитавшій себя безсмертнымъ, не выдерживаетъ первой горести. Эта сцена такъ превосходна, что я не могу не передать ее здѣсь. Сперва поэтъ описываетъ перемѣну, происшедшую въ томъ городѣ, который онъ представлялъ жилищемъ вѣчнаго блаженства; лишившись своего героя, столица уподобляется морю, когда вѣтры перестаютъ дуть, или обнаженному жертвеннику, когда жертвоприношеніе копчено; потомъ дѣйствіе начинается въ покояхъ дворца:

«Услышавъ жалобу матери Рамы, царь почувствовалъ ужасъ. Пронзенный стрѣлою сожалѣній, закрывъ глаза, палъ онъ безъ чувствъ на ложе. Потомъ, пришедши въ себя и, увидавъ царицу, сказалъ ей: О! царица, умоляю о забвеніи; по любви къ сыну, не подливай яда въ горячія мои раны. Сердце мое разрывается, а слова твои страшатъ меня, какъ удары грома. Ты знаешь страсти человѣческія; умоляю тебя моими предсмертными мученіями; не убивай меня, я уже раненъ и сокрушенъ богами. Услы-

иная такая воля, царица усмиривъ грусть свою, и сложивъ руки, на колѣнахъ передъ царемъ, сказала: О, царь людей, прости мнѣ! Я не могла мыслить въ несчастіи и сказала то, чего не должно произносить. Та, которую умоляетъ супругъ, подобный богамъ, погибнетъ и въ настоящей и въ будущей жизни, если отвергнетъ его моленія. Что говорила я въ горести? Страніе убиваетъ разумъ; горе убиваетъ память, горе убиваетъ терпѣніе; нѣтъ такого разрушительнаго врага, какъ горе. Рана, нанесенная горящимъ или смертоноснымъ орудіемъ, излечима; но грусть душевная неисцѣлима. Даже мудрецы, скромные, терпѣливые, привычные къ добродѣтели, становятся ниже шелковичнаго червя, когда отчаяніе дотрогивается до ихъ сердца. Со времени отъѣзда сына, дни кажутся мнѣ вѣками. Горе мое умножается, какъ вода Ганга, когда проходитъ холодное время года. — Пока царица говорила, день склонился и солнце зашло.

«Царь, истощенный грустію, отвѣчалъ: Счастливъ, кто увидитъ лице Рамы, подобное блѣдной, осенней лунѣ или распустившемуся нунуфару! Счастливъ, кто увидитъ его возвращающагося изъ лѣсовъ; небесный бѣгъ его подобенъ звѣздѣ. Но, царица, сердце мое разорвалось; грусть сокрушила во мнѣ дыханіе, и жизнь моя подобна берегу, отмываемому волнами рѣки.»

Наконецъ-то, Индѣйская поэзія разразилась человѣческими страданіями. Системы отвлеченности жречества забыты; сквозь различіе времени и мѣста, находимъ человѣка, намъ подобнаго. Его жалобы присоединяются къ безсмертнымъ жалобамъ западной поэзіи, и старый царь умножаетъ число старцевъ, осѣненныхъ грустію, Пріама, Оссіана, отца

Цида, Король Лира. Въ этомъ печальномъ собраніи не доставало только Индійскаго монарха.

По смерти царя, Барата собираетъ войско, съ цѣлю отыскать брата и предложить ему вѣнецъ царскій. Войско состоитъ изъ мильона ратниковъ, ста тысячъ всадниковъ и девяти тысячъ вооруженныхъ слоновъ. Барата входитъ съ войскомъ въ глубину лѣсовъ; переходитъ черезъ Гангъ и отправляется просить совѣта у Брамина, живущаго въ уединеніи. Браминъ, въ своей хижинѣ изъ листьевъ, чудомъ помѣщаетъ и питаетъ всю эту толпу людей. По его слову, въ пустынь воздвигаются дворцы. Заклинаніе природы, посредствомъ молитвъ жреца, исполнено торжественности. Пока онъ погружается въ думу, всѣ небесныя существа спускаются съ высотъ на землю. Начинается игра незримыхъ инструментовъ. Деревья превращаются въ карловъ и балдерокъ, и сами разносятъ свои плоды. Рѣки изъ амврозій текутъ по долинамъ; на берегу являюся пески изъ драгоценныхъ камней. Все войско восклицаетъ: Здѣсь небеса! Но, по знаку Брамина, чудеса исчезаютъ, какъ сонъ. Это волшебство, развивающее въ полной свободѣ восточное воображеніе, кажется образцемъ очарованій Мерлина. Тутъ природа и человѣчество взаимно уполяютъ другъ друга.

Что дѣлалъ между тѣмъ Рама, герой поэмы? Созерцая лѣса, горы, рѣки, онъ проводилъ дни въ неопредѣленномъ очарованіи. Въ поэмахъ Гомера, люди не останавливаются для созерцанія красотъ природы. Они слишкомъ жаждутъ дѣйствія, движенія; слишкомъ полны воинственной тревоги. Нынѣ всѣ убѣждены, что нѣжность, овладѣвающая человѣкомъ при воззрѣніи на природу, есть чувство современ-

ное, и первые его слѣды находятъ во Франціи, въ твореніяхъ Ж. Ж. Руссо и Бернарденъ де-Сенпіера. Но вотъ, въ поэмѣ Азіятской, которой уже три тысячи лѣтъ, впечатлѣнія, мечты, даже слова героя совершенно похожи на впечатлѣнія и слова Сень-Прё на утесахъ Мельере, Жанъ-Жака на островѣ Біеншъ, Вертера въ Германскихъ лѣсахъ, Павла и Виргиніи на Иль-де-Франсѣ. Не знаю даже, названные мною авторы выражали ли сочувствіе челоуѣка и природы такими яркими чертами, какими оно обрисовано въ слѣдующемъ отрывкѣ Рамаины:

«Долго живя въ лѣсахъ, Душа - Рута, подобный богамъ, восхитился прелестію холмовъ и показывалъ любезной супругѣ своей отдаленныя вершины, говорилъ: «О милая супруга! ни потеря царства, ни разлука съ друзьями, не огорчаютъ меня, когда смотрю на дивное чело горъ. Посмотри на эту вершину, гдѣ витаютъ птицы и водятся металлы; она достигаетъ до облаковъ. Бока этого царя горъ походятъ на серебряныя горы; иногда горятъ блескомъ алмазовъ или покрыты цвѣтами гигантскаго аскленіаса. Бананы, баобахи и финиковыя дѣревья покрываютъ ее своею тѣнью; птицы, пѣрами, летаютъ по краямъ утесовъ. Посмотри на благовонныя убъжища, куда скрываются птенцы голубки. Гора съ ея каскадами, біющими фонтанами, шумомъ и трескомъ, похожа на слона, унвившагося дикими плодами». Кто останется нечувствительнымъ, при этомъ тепломъ дыханіи, которымъ вѣетъ изъ глубины долины; оно исполнено благовонія. Еслибъ пришлось мнѣ провести здѣсь съ тобою всю мою жизнь, я

* Известно, какъ критики брали Шатобріана за его *медвѣдей, упившихся виноградомъ* (въ *Аталъ*). Вальмики блистательно оправдываетъ Шатобріана, который не могъ знать *Рамаины* въ 1796 году.

не чувствовалъ бы сожалѣнія. Среди этихъ цвѣтовъ и плодовъ, во мнѣ пробуждаются всѣ мечты мои. Мудрецы, жившіе прежде меня, признавали, что уединеніе въ лѣсахъ, для царей, слаще амброзіи. Посмотри, цвѣтущіе кусты на царицѣ долинъ блестятъ ночью, какъ пламень жертвоприношенія. Посмотри, какъ очаровательны бесѣдки изъ вѣтвей лотуса, прикрытыя листьями блага пенуфара!» Рама сошелъ съ утесовъ и указалъ супругѣ своей Митиле на пріятныя воды Ганга; князь снова обратился къ дочери царя, подобной лунѣ, подернутой лѣсною тѣнью, и сказалъ ей: «Посмотри на чудную рѣку, на ея острова, гдѣ живутъ лебеди; ея тѣнистые берега похожи на гротъ бога богатствъ. Здѣсь отшельники, спускаясь по лѣянамъ, купаются въ священное время года, и поднявъ руки къ небу, воспѣваютъ гимнъ солнцу. Тогда деревья и вѣтви, колеблемыя вѣтромъ, потрясаютъ цвѣты и вѣтви свои на обѣихъ сторонахъ рѣки, а гора, кажется, колсблется и дрожить въ самомъ основаніи. Посмотри, милалъ друга, какъ головки цвѣтовъ наклоняются отъ дуновенія вѣтра; послушай сладкое пѣнье соловья въ тѣни и повторяй его частыя трели. Да, лучше смотреть вмѣстѣ съ тобою на эти синеватыя вершины, чѣмъ жить во дворцѣ.—Такъ разговаривалъ Рама, родоначальникъ Ругусовъ, съ супругою своею на берегу рѣки.»

Можно сравнивать этотъ отрывокъ съ картиною бесѣды Адама и Евы въ *потерянномъ раѣ* Мильтова, или съ мечтаніями Тристана и Изѣ (*Yseult*) въ старинныхъ феодальныхъ поэмахъ. Нѣкоторыя выраженія кажутся занятыми изъ *Вертера* и *Аталы*, у Гёте и Шатобріана. Только одна особенность отличаетъ древнюю Азіятскую поэзію отъ современной поэзіи восточной: тамъ человѣческая любовь

какъ бы погребена въ любовь къ природѣ. Въ уединеніи, подруга героя, Митиле, служитъ только украшеніемъ зрѣлищу творенія. Не она даетъ природѣ душу и жизнь, ибо не похожа на Юлію, Агалу, Виргинію, на мысль и благоволеніе, кроющіяся въ твореніи; она только цвѣтокъ въ священномъ лѣсу. Притомъ, даже въ ту минуту, когда герой предается впечатлѣніямъ природы, онъ старается умѣрить свой восторгъ; Индѣйскій Вертеръ живетъ подъ власнищею. Но именно это сладострастіе, смѣшанное съ отшельничествомъ, подъ небомъ тропиковъ, превращаетъ Раму въ вѣрнаго представителя генія Индо-станскихъ народовъ. Рама, одѣвшись въ платье отшельника, отказывается отъ царскаго вѣнца. Онъ удаляется, такъ сказать, изъ поэмы, желая жить беззвучнымъ созерцаніемъ волнъ, лѣсовъ и горъ. Такъ Индѣйскій народъ удалился изъ исторіи и дѣйствительнаго міра, жедая погрузиться въ очарованіе природы. Онъ тоже отказался отъ владычества надъ Азією, когда она подносила ему вѣнецъ. Не предаваясь генію дѣйствія и завоеваній, подобно сосѣднимъ народамъ, онъ рѣшился, въ глубинѣ своихъ непроходимыхъ лѣсовъ, упиваться восторгами, благоволеніями и тишиною. Не одинъ разъ, но всегда тщетно, исторія вызывала его изъ долинъ. Онъ продолжалъ жить съ очаровательницею природою, не покидая ея мирной сѣни; весь міръ прошелъ передъ нимъ, и всѣ народы посѣтили его, не успѣвъ вырвать его изъ его восторга.

Отшельничество было элементомъ поэзіи Индіи и Запада Среднихъ Вѣковъ, ибо оно служило въ обоихъ обществахъ началомъ цивилизаціи. Человѣчество, при рожденіи своемъ, стѣснено со всѣхъ сторонъ узами внѣшней природы и освобождается отъ нихъ, отрицая ее. Таково непремѣнное усиліе нрав-

ственной свободы, противъ тиранніи всей вселенной. За то герои Верхней Азіи, посредѣ очаровательныхъ долинъ и чувственныхъ приманокъ, суть отшельники, внутренно сражающіеся противъ деспотизма вышней природы. Справедливо эпопея помѣщаетъ въ ихъ душахъ лучшія свои битвы. Подобно Оивандскимъ страдальцамъ, они не смотрятъ, не слушаютъ блеска и шума чувственного міра; но поддерживаютъ, сохраняютъ, питаютъ совѣсть чело-вѣчества, которой, при рожденіи, грозитъ смертію очарованія излишней чувственности. Чудное умерщвление плоти, производимое жрецами въ садахъ Азіи, нечто иное, какъ протестъ мысли для восстановленія равновѣсія между веществомъ и духомъ. Это первая битва, отъ которой зависитъ успѣхъ всѣхъ послѣдующихъ. Человѣкъ будетъ ли владыкою или рабомъ природы? Таковъ вопросъ при началѣ всякаго общества, и чѣмъ сильнѣе природа, тѣмъ сильнѣе должно быть противодѣйствіе чело-вѣка; этимъ объясняется отшельничество Браминовъ въ ихъ очарованной землѣ, Пизогорійцевъ въ Великой Греціи, Италійцевъ и Испанцевъ въ Средней Вѣки. Великіе люди, при рожденіи христіанской цивилизаціи, сражавшіеся противъ инстинкта языческой природы, какъ противъ гидры или пноона, суть Геркулесы и Тезси современнаго чело-вѣчества.

Въ наше время, все измѣнилось. Отшельничество перестало служить главнымъ элементомъ цивилизаціи и поэзіи. А почему? Потому, что чело-вѣчество пріобрѣло силы для борьбы, что отнынѣ оно независимо отъ вселенной; не боится тиранніи вышняго міра, оно ежедневно его покоряетъ и измѣняетъ по своимъ многочисленнымъ прихотямъ. Нынѣ мысль даетъ рѣкамъ другое направленіе, поднимаетъ доли-

ны, матерія бѣжить и исчезаетъ подѣ игомъ духа; человекъ не поучается отъ мудрости змѣи ни отъ птицъ предсказателей; словомъ, онъ не страшится, что будетъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ природою. Великое единобѣрство кончилось къ чести человека. Ему не нужно отрицать природу, онъ приковалъ ее къ своей колесницѣ.

Впрочемъ, кажется, что Индѣйское общество никогда не умѣло быть юнымъ: столько размышлений, соображений, философскихъ расчетовъ въ его первой поэмѣ, въ которой находимъ чувствованія, долженствовавшія родиться въ разные эпохи, весьма отдаленныя одна отъ другой. Илиада и Одиссея, со всѣми признаками юнаго народа, простотою, наивностію, негѣднѣемъ метафизики, родились внезапно, вдругъ, изъ чела Греческаго общества; а въ эпопеѣ Вальмики видимъ геній народа, перешедшаго черезъ всѣ степени и ученія общественной жизни: космогонію, преданія о юности міра, свидѣтельствующія о юности человеческого разумѣнія; воспоминанія о борьбѣ двухъ первоначальныхъ народовъ, памятники составленія Индѣйской націи; чувства тоски, нѣжности, мечты уже разочарованнаго общества, философскія школы, скептицизмъ, иронію, метафизическія секты, власть логиковъ, признаки упадающихъ религій и цивилизаціи. Посему, я думаю, что эти поэмы созданы не однимъ человекомъ, какъ Гомерова илиада, а разными поколѣніями, которыя нагромодили мысли свои одну на другую. Вы быстро переходите отъ эпохи хаоса къ временамъ метафизики, отъ лѣсныхъ людей къ школамъ софистовъ. Въ колыбели этого народа лежитъ книга его старости; вы подумаете, что онъ родился безъ младенчества.

Хотите ли знать, каковъ былъ допотопный скеп-

тицизмъ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ? Онъ удивительно похожъ на нашъ современный:

«Царь Логиковъ такъ сказалъ Рама, желая испытать его: — О Рама! да не сойдетъ на степень обыкновенныхъ понятій разумъ такого отщельника, какъ ты! Книги сочилены ловкими людьми, для обмана другихъ, для приманки даропринесеній.... О Рама! неужели ты не будешь мудръ? Только то достойно твоихъ желаній, что можно ослезать или вкусить чувствами. Всѣ цари, твои предшественники, пали подъ мѣдною рукою смерти. Никто не знаетъ, гдѣ они, что съ ними стало; видятъ ихъ вездѣ, гдѣ желаютъ видѣть ихъ, но весь міръ въ неизвѣстности. Въ мірѣ нѣтъ ничего вѣрнаго, и самый свѣтъ, гдѣ онъ?»

«Услышавъ такія чувства, Рама, подобный бѣшеному слону, отвѣчалъ: не удалюсь отъ заповѣдей отца моего, какъ конь не удалется отъ колесницы, или какъ послушная жена не покидаетъ мужа. Не поколеблюсь отъ словъ твоихъ, какъ гора не потрясается отъ порывовъ урагана.»

Подъ лианами тропиковъ, скептицизмъ говоритъ языкомъ Вольтера. Только изумленіе и гнѣвъ молодого бѣшеннаго слона, ужаленнаго вѣчною змѣею, показываютъ, что дѣло идетъ въ древнемъ обществѣ. Азіятское общество не привыкло еще къ сомнѣнію, оно борется съ его острымъ жаломъ; но ядъ разлился по сердцу Азіятской поэзіи и не исчезнетъ.

Если справедливо, что мужественная сила состоитъ въ умѣнши владѣть собою, ограничивать себя и удерживаться, то тайная слабость скрывается подъ чудовищнымъ могуществомъ поэтовъ Ганга, и тутъ-то признакъ ихъ младенчества. Подобно увидѣвшимся

словамъ, о которыхъ они такъ часто упоминаютъ въ сравненіяхъ, они играя проходятъ черезъ непродолимые лѣса, черезъ все твореніе, а иногда травка оставивляетъ ихъ. Не они владѣютъ сюжетомъ, а сюжетъ увлекаетъ ихъ; странствуя въ безпредѣльности, они безотчетно прибавляютъ эпизодъ къ эпизоду, и творенія ихъ кончаются не по причинѣ, извлеченной изъ существа самаго сюжета. Развязка ихъ твореній возможна только въ вѣчности. Слогъ ихъ похожъ на самое дѣйствіе; богатъ рубинами, топазами, драгоценностями, растеніями, какъ священныя горы Гималайскія, и тѣмъ отличается отъ Католическихъ поэмъ Среднихъ вѣковъ, въ которыхъ бѣдное выраженіе съ трудомъ тянется, за дѣйствіемъ, какъ пѣшій слуга за рыцаремъ, скачущимъ на богатомъ конѣ. Привыкнувъ къ полу-свѣту нашихъ странъ, мы легко ослѣпляемся расточительными сокровищами восточнаго слова. Еслибъ было справедливо, что искусство есть только подражаніе природѣ, то въ этомъ слогѣ заключались бы все условія совершенства, ибо онъ служитъ очевиднымъ выраженіемъ роскоши созданія подъ небомъ Верхней Азіи. Чего же ему не достаетъ? Выбора между предметами, встрѣчаемыми человекомъ. Не рѣдко видишь, въ этихъ восточныхъ поэмахъ, по пятидесяти сравненій на одинъ предметъ; они задушаютъ жизнь тяжести образовъ. Человекъ лишенъ престола природою; мысль его затмѣвается лучами слишкомъ яркаго солнца, это глаза Браны, который поглощаетъ все, на что взираетъ. Однакоже, иногда попадается выраженіе простое, голое, внезапное. Такая неожиданность изумляетъ васъ; вы скитались нѣсколько дней въ необитаемомъ лѣсу, въ немъ раздавался только шумъ живой природы; призраки безъ голоса, крылатыя насѣкомыя появлялись за дрожащими

вѣтвями; ужасъ вашъ возрасталъ. Вдругъ, вы видите слѣды шаговъ въ этомъ уединеніи; слышите близко крикъ, голосъ подобнаго вамъ челоуѣка!

Здѣсь представляется вопросъ, предложенный мною въ самомъ началѣ: какое мѣсто займетъ Индѣйская поэзія въ исторіи искусства? Затмить ли она поэзію Гомерическую? замѣнить ли ея? Ни одинъ памятникъ мысли не можетъ быть замѣненъ другимъ, и только безразсудная критика станетъ унижать Грецію помощію Азіи, или Азію посредствомъ Греціи. Въ природѣ и въ челоуѣческомъ разумѣніи, слава Богу, есть мѣсто для всѣхъ прошедшихъ поэмъ, для всѣхъ будущихъ. Только перспектива исторіи измѣнилась. Геній Грековъ приближается къ намъ, по мѣрѣ того, какъ мы видимъ въ отдаленіи, что геній Индінъ подымается на концѣ горизонта. Не унижая старца Гомера, новонайденные памятники покажутъ, даже богатствомъ своимъ, его искусство, простоту, инстинктивную ловкость. Индія умножитъ цѣну Греціи; Гималайя украситъ Олимпъ. Въ прошломъ вѣкѣ почитали творца иліады за слѣднаго ученика одной природы; едва не признали его за поэта восточнаго. Нынѣ, когда можно сравнивать его съ поэтомъ Ганга, чистота его рисунка, твердость его формъ, покажутся еще очевиднѣе. Онъ ближе войдетъ въ семейство западныхъ гениевъ, или по крайней мѣрѣ лвится первымъ посредникомъ между Западомъ и Востокомъ, колоссомъ Родосскимъ, опирающимся на два берега.

Если спросятъ еще, какое прямое вліяніе будетъ имѣть это восточное возрожденіе, можно отвѣчать, что оно очевидно должно послужить элементомъ для будущихъ созданій, ибо цѣлое общество, выходя изъ могилы, не можетъ не дѣйствовать на челоуѣче-

свое воображеніе, какимъ бы то ни было образомъ. Правда, что геній Индіи ни въ какомъ случаѣ не будетъ принятъ за образецъ, ибо онъ, по характеру своему, не допускаетъ ни опредѣленныхъ правилъ, ни постоянныхъ законовъ. Не будучи литературнымъ кодексомъ, онъ умножаетъ сокровища всемірнаго преданія. Когда современники принимаютъ за Греческій сюжетъ, желая обработать его по своему, они должны бороться съ произведеніемъ совершеннымъ, въ которомъ нечего прибавлять, ни убавлять. Какалъ рука можетъ передѣлывать мраморъ, изваянный въ Афинахъ? Напротивъ, Индѣйская поэзія подобна Голкондскимъ рудамъ, гдѣ золото, металлы, драгоценные камни покрыты корою. Изъ этихъ смѣшанныхъ массъ, западъ можетъ выплавить (и уже выплавилъ) не формы, а цвѣта, преданія, образы; онъ вдохнетъ въ нихъ свою жизнь; найдетъ новый металлъ для отливки своихъ мыслей.

Нынѣ духъ челоуѣка присутствуетъ на всѣхъ пунктахъ земнаго шара; колыбель Трояды и Лаціума уже не вмѣщаетъ его мечтаній; для выраженія его мысли, выросшей въ нѣдрахъ христіанства, ему нужны всѣ формы, голоса, аккорды, благовонія, производимыя всею въ различныхъ ея климатахъ. Прошло то время, когда промышленность каждаго государства уединялась въ его границы, а торговля ограничивалась трудною мѣною внутри самаго государства. Произведенія всѣхъ странъ собраны на великій пиръ современнаго общества; а когда всѣчество переносится такимъ образомъ отъ одного конца міра до другаго, почему мысль должна оставаться недвижною на одномъ мѣстѣ, почему поэзія должна жить и умереть на полѣ, гдѣ родилась, не переходя въ другія страны? Духъ долженъ быть независимымъ

жильцемъ всей земли, современникомъ всего прошедшаго.

Нѣтъ, мы не покажемся гордецами, если даже назовемъ отечествомъ своимъ весь шаръ земной; емѣло завладѣемъ, съ востока до запада и отъ одного полюса до другаго, этою песчинкою въ безпредѣльномъ. Въ древности, земля казалась безграничною, потому что ея не знали; но когда ее измѣрили, она потеряла всю свою цѣну. Что нужно, чтобы облетѣть ее въ одну минуту? Не нужно уже быть обитателемъ Олимпа. Въ самой ничтожной долѣ, увлекающееся сердце, на крылахъ христіанства, облетаетъ землю скорѣе, чѣмъ прежде парили надъ нею боги Гомера.

III.

ЭСПАРТЕРО.

—

Злополучныя тревоги, раздирающія Испанію въ теченіи столь долгаго времени, сдѣлались постояннымъ предметомъ всеобщаго любопытства. Этой прекрасной странѣ, кажется, суждено быть живымъ, поразительнымъ примѣромъ бѣдствій, до какихъ испадаетъ народъ, неуправляемый твердою сосредоточенною властію, преданный на жертву партіямъ, изъ коихъ каждая хочетъ властвовать неограниченно. Исторія такихъ несчастій поучительна: она лучше всякихъ убѣжденій склоняетъ народы къ поддержанію основныхъ, вѣками упроченныхъ и освященныхъ началъ общественнаго порядка. Въ этомъ смыслѣ весьма полезно слѣдить за ходомъ подобныхъ событій и изучать лица, отъ коихъ они зависѣли. Въ послѣднихъ Испанскихъ происшествіяхъ особенно прославились два лица: Кабрера и Эспартеро. Оба они одарены качествами, какія нужны, чтобы въ эпоху кровавыхъ бореній, быть главами и двигателями партій; оба изъ ничтожества стали на первыя ступени власти и употребили ее во зло, одинъ звѣрскою и кровожадною жестокостію, другой непомятымъ честолюбіемъ. Одинъ своею храбростію и несокрушимымъ постоянствомъ могъ поддержать и спасти древнія силы монар-

хія, но палъ, будучи увлеченъ непреодолимымъ потокомъ событій. Другой своимъ дальновиднымъ умомъ, неустрашимостію, огромнымъ своимъ вліяніемъ на умы и счастіемъ могъ бы успокоить волненія политическихъ страстей, смирить строптивыхъ, дать болѣе сосредоточенности и силы властямъ и упрочить общественное благоденствіе; но увлеченный самъ страстями, онъ согласился играть незавидную роль начальника партіи, вмѣсто того, чтобы быть благодѣтелемъ отчизны, куда призывалъ его блистательный его жребій! Мы хотимъ познакомить читателей нашихъ съ обими лицами и начинаемъ съ Эспартеро.

Донъ Бальдомеро Эспартеро, Графъ Лючана, Герцогъ Витторія, Герцогъ Морелья, Испанскій грандъ перваго класса, генераль-капитанъ арміи *, генералиссимусъ Испанскихъ войскъ, начальникъ королевской вѣшней гвардіи, ** кавалеръ Золотаго Руна, большаго креста ордена Карла III, Изабеллы Католической, св. Фердинанда и св. Германдады Испанской, большаго креста Почетнаго Легіона Французскаго, ордена Башни и Меча Португальскаго; и ордена Бани Англійскаго **, родился 1792 года въ Гранстудъ, небольшомъ мѣстечкѣ близъ города Альмагро, въ провинціи Ла-Манчъ. Отецъ его Антоній Эспартеро былъ каретникъ, другіе говорятъ извозчикъ. Молодой Бальдомеро, послѣдній изъ многочисленной фамиліи, былъ назначенъ для духовнаго званія. Старшій братъ его, Мануэль Эспартеро, бывшій тогда простымъ Францискапскимъ мо-

* Тоже что маршалъ Франціи.

** Въ Испаніи двѣ королевскія гвардіи: одна вѣшняя, составляющая часть арміи, другая внутренняя, назначенная собственно для охраненія особы королевской.

*** Известно, что Англійское правительство назначило ему орденъ Бани по поводу окончанія междоусобной войны въ Испаніи.

нахомъ въ монастырѣ Чиудадъ-Реаль, и умершій въ 1839 году въ Мадридѣ почетнымъ священникомъ Королевы, каноникомъ св. Исидора, взялъ его къ себѣ для облегченія родителей и для воспитанія. Въ 1808 году Французы вошли въ Испанію. Эспартеро былъ тогда 16 лѣтъ. Раздѣляя національный энтузіазмъ, онъ записался простымъ солдатомъ въ баталіонъ, составленный почти изъ однихъ студентовъ и семинаристовъ, который прозвали священнымъ, *el sagrado*. Такіе рѣзкіе переходы изъ духовнаго званія въ военное въ Испаніи не рѣдки. Церковь и войско равно привлекаютъ тамъ молодыхъ бѣдныхъ людей, ищущихъ составить себѣ счастье. Въ странахъ, лишенныхъ промышленности, гдѣ всѣ почти земли въ рукахъ дворянства или духовенства, нѣтъ другаго способа проложить себѣ дорогу, какъ сдѣлавшись законовѣдцемъ, духовнымъ или воиномъ. Средство между этими тремя званіями очень тѣсно, особливо между двумя послѣдними, равно лѣстящими національному воображенію. При первомъ звукѣ военной трубы это юное и пылкое университетское поколѣніе, искавшее въ Богословіи только средства для жизни, бросаетъ клубокъ и беретъ за оружіе. Каждый *estudiante*, умѣя по необходимости читать и писать, имѣетъ большія надежды достигнуть унтеръ-офицерскаго, даже офицерскаго чина, а это болѣе нежели сколько нужно, чтобы отвратить ихъ отъ другаго призванія. Многіе изъ волонтеровъ священнаго баталіона были разсланы по разнымъ полкамъ. Благодаря покровительству одного стараго Андалузскаго маркиза, къ которому братъ Эспартеро удалился послѣ непріятельскаго нашествія, сей послѣдній помѣщенъ былъ въ военную школу на островѣ Леонъ. Онъ вышелъ изъ нее съ эполетами подпоручика, но война противъ Наполеона тогда оканчивалась. Назначена была экспедиція противъ возмущившихся Испанскихъ колоній въ Южной Аме-

рикъ; Эспартеро, скучая бездѣйствиємъ, явился къ генералу донъ Пабло Морильо, начальнику экспедиціи, и былъ принятъ имъ. Съ той минуты, когда офицеры вступаютъ на корабль для перевѣзда въ Америку, они повышаются чиномъ. Эспартеро вмѣстѣ съ прочими воспользовался этою привилегіею; во время перевѣзда онъ умѣлъ сдѣлаться полезнымъ генералу Морильо, и помѣщенъ въ его штабъ.

Храбрый отъ природы, онъ въ продолженіи войны быстро шелъ по пути отличій. Начальствуя батальономъ, онъ мужественно сражался въ 1817 году въ дѣлѣ при Супачун, гдѣ предводитель мятежниковъ Ла Мадридо былъ совершенно разбитъ. Произведенный въ подполковники, онъ разбилъ въ Маѣ 1818 года корпусъ мятежниковъ Руэтскихъ на равнинѣ Мажокайо; а въ 1819 году дѣятельно способствовалъ покоренію провинціи Кочабамба, и преслѣдовалъ вмѣстѣ съ генераломъ Сеоаномъ мятежниковъ этой провинціи въ теченіи 56 дней. Въ 1823 году его произвели въ полковники, и въ этомъ чинѣ ему досталось быть въ дѣлѣ при Тората 19 Января, гдѣ его два раза тяжело ранили. Но главнымъ занятіемъ его въ эту экспедицію была не столько война, сколько игра; тутъ онъ выигрывалъ значительныя суммы. Игра была господствующею страстію экспедиціонной арміи. Генералы, офицеры и солдаты ставили все на карту. Эспартеро былъ лучшій и счастливѣйшій изъ игроковъ въ цѣлой арміи. Многіе генералы и высшіе офицеры задолжали ему на слово огромныя суммы, и всѣ хвалились его обязательною снисходительностію. Рассказываютъ, что въ одинъ вечеръ онъ выигралъ у генерала Кантерака 16 тысячъ унцій золота, или около милліона рублей. Вышедши вмѣстѣ съ Эспартеро изъ дома, въ которомъ играли, Кантеракъ ему сказалъ: «Я вамъ долженъ 16,000 унцій золота, и заплачу ихъ.» Эспартеро отвѣчалъ: «Вы мнѣ должны были эту сум-

му, когда мы сидѣли за игорнымъ столомъ, а здѣсь вы мнѣ ничего болѣе не должны.» Можетъ быть такому роду жизни его надобно приписать образование характера, впоследствии имъ обнаруженнаго, характера, сложеннаго изъ энергіи, холодности и лукавства, какъ у всѣхъ игроковъ. Въ это же время вмѣстѣ съ успѣхами въ игру, Эспартеро научился искусно дѣйствовать всякаго рода оружіемъ. Зная, чему онъ можетъ подвергнуться за свои выигранши, онъ научился ловко владѣть ножомъ, рапирой, саблей и пистолетомъ. Но это были единственные предметы, которымъ онъ учился; военными науками онъ совсѣмъ не занимался, и славой хорошаго кавалерійскаго офицера пользовался безъ особенныхъ на то правъ. Всѣ офицеры, принимавшіе участіе въ Американской войнѣ отъ 1815 до 1824 года, по возвращеніи въ Испанію составили изъ себя родъ конфедерациі; они одни только были въ дѣлѣ въ теченіи этого періода времени и составляли первое воинское поколѣніе, послѣ воевавшаго за независимость. Здѣсь были почти всѣ генералы, впоследствии занимавшіе высокія мѣста, Вальдесъ, Родиль, Марато, Кантеракъ, Сеоанъ, Карратала, Лонесъ, Нарваесъ, Феррасъ, Виллалобасъ, Але, Арасъ, Альдана и другіе, въ томъ числѣ и Эспартеро. Въ Испаніи ихъ называли въ насмѣшку: Ауасеѳос, по имени несчастной капитуляціи Айякучо, окончившей войну и господство Испанцовъ въ Южной Америкѣ. Хотя они не могли много славиться общими воспоминаніями, но всегда однакожь были очень тѣсно связаны между собою, даже и тогда, когда переходили въ самыя противоположныя партіи, и эта связь можетъ служить объясненіемъ многихъ происшествій въ жизни Эспартеро, между прочимъ и важнѣйшаго изъ нихъ, знаменитой Бергарской конвенціи.

При возвращеніи изъ Америки въ 1824 году Донъ Бальдомеро имѣлъ чинъ полковника и значительное

богатство. На него возложено было представить ко Двору знамена, взятые у неприятеля, и онъ по прибытіи въ Испанію произведенъ въ бригадиры. Потомъ онъ былъ посланъ въ Лограньское депо; и здѣсь познакомился съ прелестною синьорою Яцинтою, единственною дочерью и наследницею богатаго помѣщика М. Санта-Круса, и женился на ней противъ воли ея отца. Военный министръ Замбрано, скоро послѣ того послалъ его въ Пальму, на островъ Маіорку, давши въ команду полкъ Сорія. Тамъ онъ оставался нѣсколько лѣтъ, навѣщая по временамъ твердую землю, вмѣстѣ со своею женою, которая прославилась въ Барселонѣ своею красотою и любезностію. Въ этомъ городѣ онъ подружился съ Эліо, съ которымъ впослѣдствіи долженъ былъ сражаться въ Наваррѣ. Съ этого времени становится замѣтнымъ его пристрастіе ко всемъ бывшимъ изъ партіи Аякучосовъ.

По смерти Фердинанда VII онъ принялъ сторону Королевы Изабеллы II, и когда народная война вспыхнула, онъ отправленъ въ сѣверную армію въ качествѣ главноуправляющаго Бискайскаю провинціею. Извѣстно, какъ гибельны были для конституціонныхъ войскъ первые годы народной войны. Эспартеро не былъ счастливѣе другихъ предводителей Христиносовъ. Между прочими неудачами, онъ былъ совершенно разбитъ одною изъ дивизій Зумалакарреги при спускѣ съ Дескарга близъ Виллареала. Изъ этого времени рассказываютъ только объ удачномъ дѣлѣ его противъ Гомеса въ Галиціи. Между тѣмъ лично храбростію онъ возвысилъ себя въ общемъ мнѣніи, и сдѣланъ генераль-маіоромъ и вскорѣ генераль-лейтенантомъ. Пока войскомъ Карла предводительствовалъ Зумалакарреги, Христиносы были безсильны противъ возстанія, безпрестанно возрастающаго. Даже по смерти этого страшнаго врага, 25 Іюня 1835 еще продолжался ужасный беспорядокъ въ войскахъ

Христиносовъ. Шестъ генераловъ, одинъ за другимъ, Сарефильдъ, Квезада, Родиль, Вальдесъ, Мина, Кордова, предводительствуя ими попеременно, не могли приобрести никакихъ успѣховъ; неповиновеніе и безнравственность солдатъ поставляли имъ непреодолимыя преграды — можно было сказать, что Королева не имѣетъ болѣе арміи. Послѣ событій въ Гранжѣ Кордова успѣшилъ отказаться отъ командованія войсками и удалился во Францію. При тогдашнемъ ихъ разстройствѣ можетъ быть одинъ только генералъ могъ начальствовать ими — это былъ Эспартеро. Декретомъ 17 Сентября 1836 года, онъ наименованъ главнокомандующимъ дѣйствующею Сѣверною арміею, вице-королемъ Наварры и генералъ-капитаномъ Басскихъ провинцій.

Теперь рассмотримъ воинскія заслуги Эспартеро. Судя по результатамъ, онъ велики: изъ побѣжденной и почти истребленной арміи, онъ сдѣлалъ армію могущественную и побѣдоносную; онъ кончилъ народную войну, поглотившую до него почти всѣ силы конституціонной Испаніи; успѣхи этого рода не всякому даются, хотя обстоятельства и много пособили ему. Онъ явился въ ту минуту, когда мощное единство, данное возстанію знаменитымъ Зумалакареги, начинало разрушаться. Завистливое соперничество и внутреннія несогласія штаба Дона Карлоса были лучшими его помощниками. Онъ имѣлъ и другія пособія въ нѣдрѣ своей партіи, чего не имѣли его предшественники. Революціонная Испанія сначала считала незначительнымъ возстаніе Карлистовъ. Она смѣялась надъ этими политическими фантазіями, ни мало не думая о народной войнѣ, которую надѣялась подавить безъ труда. Когда Эспартеро сдѣлался главнокомандующимъ, это ослѣпленіе миновалось. Увидѣли наконецъ, что борьба съ Донъ Карлосомъ стала главнымъ дѣломъ правительства Королевы, и

тогда рѣшились заняться ею исключительно, посвятить ей все средства страны, и это сдѣлали.

Не смотря на эти средства къ успѣху, которыми были обязаны исключительно Эспартеро, онъ употребилъ около четырехъ лѣтъ на окончаніе народной войны. Не говоря о его личной несомнѣнной храбрости, онъ выказалъ себя гораздо выгоднѣе медлительною осторожностію, переговорами, нежели воинскими качествами. Медлительность его часто простиралась до злоупотребленія. Страдая хроническимъ воспаленіемъ мочевого пузыря, онъ проводитъ жизнь въ постель. Съ нее онъ диктуетъ свои предначертанія, въ ней выслушиваетъ донесенія своего штаба, распоряжаетъ движеніями войскъ, принимаетъ депутаціи, поздравленія, лавровые вѣнки. Не удивительно, если онъ иногда задремлетъ. Болѣзнь его не позволяетъ ему выносить и малѣйшей усталости. Солдаты его рассказываютъ, какъ онъ часто во время перехода, вѣскольکو продолжительнаго, принужденъ былъ сходить съ лошади и кататься по землѣ, испуская пронзительные крики. Характеръ его, подобно здоровью, состоитъ изъ смѣси лихорадочныхъ пережекъ и долгихъ періодовъ разслабленія. Онъ не любитъ продолжительной дѣятельности, по крайней мѣрѣ потому, что находитъ ее для себя вредною. Въ одной только Испаніи подобный полководецъ можетъ удержаться и дѣйствовать. Ему часто случалось утомлять терпѣніе даже своихъ соотечественниковъ, а между тѣмъ извѣстно, что Испанцы любятъ ожидать. Ежели бы не было другаго примѣра для доказательства, кромѣ того безконечнаго времени, какое они употребили на изгнаніе Мавровъ, то и тогда никто не усумнился бы въ этоуъ. По прошествіи 700 лѣтъ они не измѣнились, и почти можно сказать, что они сами находятъ удовольствіе въ продолженіи войны. Эспартеро жестоко искушалъ эту національную добродѣтель. Послѣ каждой воинской операціи

слѣдовали многіе мѣсяцы совершенной неподвижности. Отъ времени до времени общественное мнѣніе пробуждалось; Кортесы имѣли тайныя совѣщанія на счетъ бездѣйствія главнокомандующаго. Чтобы возбудить его, къ нему посылали депутатовъ; эти миссіи не имѣли успѣха. Но за симъ слѣдовали увѣхи, народный фанатизмъ воскресалъ, и нація снова опочивала на бюлеттенѣ, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ.

Первая и самая важная побѣда новаго полководца была при Лучано, имѣвшая слѣдствіемъ освобожденіе Бильбао. Онъ началъ ею свое новое поприще, и на первомъ шагу украсился лучшимъ изъ своихъ титуловъ. Впрочемъ извѣстно, что вспомогательныя Англійскія войска имѣли большое участіе въ этомъ дѣлѣ, и что они нѣкоторымъ образомъ вложили побѣду въ руки Эспартеро. Вотъ какъ это было: отбитые въ первый разъ отъ Бильбао, Карлисты снова начали осаду этого города со всеми своими силами. Осада продолжалась нѣсколько мѣсяцовъ, и геройская оборона жителей Бильбао становилась болѣе и болѣе трудною. Эспартеро пришелъ на помощь съ 18,000 человекъ и остановился въ наблюдательномъ положеніи на правомъ берегу Нервіона, въ виду Бильбао, не нападая на осаждающихъ. Голодъ между тѣмъ усиливался въ городѣ, запасы истощались и комендантъ, бывшій въ сношеніяхъ съ главнокомандующимъ чрезъ телеграфъ, спросилъ его: развѣ вы пришли сюда для того только, чтобы быть свидѣтелемъ гибели Бильбао? — Эспартеро не двинулся. Тогда стояли на рейдѣ Бильбао два Англійскія военныя судна, высадившія на берегъ около полутора ста артиллеристовъ подъ командою полковника Вильда, майора Колькгауна, капитана Лапиджа и поручика Легарди. Эти артиллеристы вечеромъ 22 Декабря 1836 года поставили батарею, и утромъ 23 начали дѣйствовать противъ одной изъ карлистскихъ батарей. Непритель-

ская батарея сбита и 17 человекъ убиты. 24-го полковникъ Вильдъ и капитанъ Липиджъ предложили Эспартеро переправить часть войска чрезъ Нервионъ по ту сторону разбитаго Лучанскаго моста, на что онъ и согласился. Войска посажены на паромы, управляемые Английскими морскими солдатами, подъ командою Английскихъ офицеровъ, помѣстившихся на шляпахъ Рингдау и Саразень. Флотилія переплыла рѣку въ глазахъ непріятеля и подъ его выстрѣлами. Карлисты занимали на другомъ берегу высоты Лучана, ими укрѣпленныя; Эспартеро былъ боленъ: узнавши, что войска его перебрались, онъ всталъ съ постели, принялъ начальство, и среди ночи сбиль непріятеля со всѣхъ позицій; 25-го Бильбао освобожденъ. Таковъ былъ подвигъ Эспартеро, доставившій ему титуло графа Лучано, признательность и удивленіе всей Испаніи. Но безъ Англичанъ мужественные защитники Бильбао вѣрно бы пали.

Въ другомъ случаѣ Эспартеро своею медленностію поставилъ въ весьма опасное положеніе Королеву и столицу. Мы говоримъ объ экспедиціи Донъ Карлоса къ Мадриту. Когда претендентъ вышелъ изъ провинцій, Эспартеро, надѣясь безъ сомнѣнія на силы, разсыянные въ Аррагоніи и Каталоніи, не преслѣдовалъ его; позволилъ ему дойти даже до стѣнъ Мадрита; и вышелъ изъ бездѣйствія тогда только, когда предмѣстья были уже заняты солдатами Кабреры. Тутъ онъ бросился поспѣшно на помощь Мадриту; но ежели бы Донъ Карлосъ былъ нѣсколько рѣшительнѣе, Эспартеро опоздалъ бы. Онъ нашелъ Карлистское войско въ полной ретирадѣ; войска его вошли въ одни ворота и вышли въ другія, чтобы преслѣдовать непріятеля.

Мы показали излишества въ системѣ медлительности, принятой Эспартеро, покажемъ теперь и хорошія стороны ея. Когда главное начальство надъ войскомъ ввѣрено было Эспартеро, онъ принялъ толь-

ко обломки арміи, и эти обломки составляли послѣднюю надежду трона Изабеллы. Малѣйшая потеря была невознаградила для истощеннаго правительства. Эспартеро не могъ рисковать. Прежде всего онъ долженъ былъ подумать о составленіи и устройствѣ арміи. Разстройство было такъ велико, что генералы открыто возставали противъ главнокомандующаго, офицеры противъ генераловъ, солдаты противъ офицеровъ. Ужасныя убійства происходили въ нѣдрѣ конституціонныхъ войскъ. Смерть генераловъ, Сарефильда и Эскалера, ясно показала, какъ безпорядокъ былъ глубокъ и ужасенъ. Эспартеро конечно употребилъ много времени на исправленіе этого зла, но онъ его исправилъ, и достигъ своей цѣли только осторожностію и благоразуміемъ.

Прежде всего онъ наказалъ убійцъ Пампелуны и Миранды. Сначала онъ скрывъ ужасъ, какой возбудили въ немъ эти жестокости, и отложилъ мщеніе до времени, пока пріобрѣтетъ нѣсколько довѣрія въ войскъ; потомъ, когда уже былъ увѣренъ въ повиновеніи и когда воинскій духъ нѣсколько возвысился успѣхами, онъ приступилъ къ суду столь же неожиданно, сколько и смѣло.

На переходъ изъ Эбро въ Миранду 20-го Октября 1837 года, онъ поставилъ въ боевой порядокъ дивизію королевской пѣшей гвардіи, вторую и третью дивизіи арміи, подвижныя полевыя батареи, и провинціальный полкъ Сеговіи. Вышедши на средину каре, составленнаго этими войсками, онъ далъ имъ почувствовать весь ужасъ злодѣянія, ими совершеннаго. Десять солдатъ, признанныхъ зачинщиками убійства Эскалера, выведены изъ рядовъ. Эспартеро велѣлъ совершить надъ ними послѣдній религіозный обрядъ, и разстрѣлять. Потомъ приказалъ пройти арміи вокругъ этихъ труповъ, объявляя, что если онъ не наказалъ десятаго изъ цѣлаго полка, то только потому, что полкъ этотъ велъ себя хорошо въ

Валладолидъ. — Прибывши въ Памтелуну чрезъ десять дней послѣ экзекуціи, онъ приступилъ къ другой. Когда войска стали въ каре на гласисѣ крѣпости, онъ грозилъ имъ разстрѣлять десятого, ежели не откроютъ тотчасъ виновныхъ. Двѣнадцать человекъ были вытолкнуты товарищами изъ рядовъ. Тогда вошелъ въ средину каре полковникъ Леонъ Ирриарте, за которымъ посымали адъютанта. При его приближеніи, Эспартеро сказалъ ему громко: «Васъ обвиняютъ въ убійствѣ Сарефильда.» — Я не виновать, отвѣчалъ Ирриарте. «Очень радъ, ежели это такъ, но если вы виновны, то чрезъ два часа дадите отчетъ Богу.» Принесли столъ и стулья; военный совѣтъ занялъ мѣста, свидѣтели выслушаны, обвиняемые допрошены въ присутствіи всего войска, и полковникъ Ирриарте, комендантъ Баррикатъ, сержанты Шателенъ, Валеро, Лопецъ и Виллагарсія разстрѣляны. Разыгрывая эти трагическія сцены, Эспартеро въ то же время употреблялъ всевозможныя средства, чтобы приобрести любовь войска. Ни одинъ генералъ не заботился такъ много о благосостояніи солдатъ; онъ утомлялъ министровъ своими требованіями жалованья, провіанта, аммуниціи и новыхъ рекрутъ. Наконецъ, проведя такимъ образомъ два года въ преобразованіи арміи и удерживаніи Карлистовъ въ занятыхъ ими позиціяхъ, весною, 1838 года, онъ началъ наступательныя дѣйствія. Генералъ Карлистскій Негри, начальствуя экспедиціоннымъ корпусомъ, проникъ въ Кастилію, Эспартеро достигъ его близъ Бургоса и разбилъ; богажъ его и артиллерія достались побѣдителю; самъ онъ едва могъ спастись съ нѣсколькими всадниками, потерявши въ этой экспедиціи около 5000 человекъ. 18-го Іюня Эспартеро былъ передъ Пеньясенадо съ 16-ю батальонами, 4 эскадронами и 24 пушками разнаго калибра, а 20-го взялъ городъ. Два дня спустя, главнокомандующій Карлистовъ Гергъ пришелъ съ 15,000 че-

ловѣкъ; Эспартеро разбилъ его совершенно и взялъ 800 человекъ въ плѣнъ. Дѣло это рѣшено атакою четырехъ эскадроновъ гусарь, введенныхъ въ огонь самимъ Эспартеро. Онъ хотѣлъ потомъ атаковать Эстелью, и конечно имѣлъ бы такой же успѣхъ, когда бы пораженіе Ораа при Морельи не измѣнило хода дѣлъ. Уныніе еще однажды овладѣло всѣми, и Эспартеро прибѣгнулъ къ обыкновенной своей тактикѣ въ подобныхъ случаяхъ: онъ остановился, ожидая, пока войска снова ободрятся. На сей разъ онъ имѣлъ и другія побужденія войти въ наблюдательное положеніе. Онъ всегда надѣялся кончить войну переговорами. Въ одной его прокламаціи, адресованной къ Басскимъ провинціямъ, скоро по освобожденіи Бильбао, находятъ первыя мысли о соглашеніи, на основаніи уступки Фуэросовъ. Потомъ онъ не переставалъ сноситься объ этомъ предметѣ съ нѣкоторыми Карлистскими предводителями, особенно съ Эліо и Зараріатеги, которыхъ почиталъ болѣе доступными этимъ идеямъ. Послѣ победы при Пеньясенадъ, въ Карлистской арміи произошелъ переворотъ: Гергъ удалился, а Марото сдѣлался главнокомандующимъ. Марото былъ аякучо, слѣдовательно старинный товарищъ Эспартеро, и потому сей послѣдній не сомнѣвался съ тѣхъ поръ въ успѣхъ своихъ плановъ. Тайные переговоры въ самомъ дѣлѣ открылись и были ведены съ обѣихъ сторонъ съ крайнею осторожностію; непріязненные дѣйствія остановились на нѣсколько мѣсяцовъ.

Между тѣмъ вліяніе, произведенное пораженіемъ при Морельѣ, прошло, и Эспартеро считалъ время удобнымъ, чтобы побѣдою ускорить окончаніе начатыхъ переговоровъ. Карлисты долго работали надъ укрѣпленіемъ, дѣйствительно страшныхъ позицій, Пенья дель-Моро, Рамалеса и Гардамино. Эти позиціи дѣлали ихъ нѣкоторымъ образомъ властителями Сантандера и позволяли нападать на Кастилію

по произволу. Эспартеро съ 30,000 человекъ овладѣлъ ими въ послѣднихъ числахъ Мая 1839 года; Карлисты потеряли 600 человекъ, 600 ружей, 7 пушекъ, пороховой магазинъ и множество зарядовъ. За эту побѣду, декретомъ 1-го Юня, Эспартеро возведенъ въ гранды Испаніи и получилъ титулъ герцога Витторіи.

Происшествія, за тѣмъ слѣдовавшія, извѣстны. Бергарская конвенція подписана 29-го Августа, а 15 Сентября Донъ Карлосъ принужденъ былъ удалиться во Францію. Вѣрный своей системѣ выжиданія, Эспартеро пропустилъ зиму, не нападая на Кабреру. Послѣ зимы онъ почти не пашель сопротивленія, и возмущенія въ Аррагоніи, Валенціи и Каталоніи усмирены безъ всякаго труда.

Такова въ краткомъ обзорѣ военная жизнь Эспартеро; ежели въ качествѣ главнокомандующаго онъ казался нерѣшительнымъ, по крайней мѣрѣ онъ не былъ побѣжденъ, и за шагомъ впередъ у него никогда не слѣдовалъ шагъ назадъ. Онъ дѣйствовалъ не такъ, какъ обыкновенно дѣйствуютъ великіе полководцы, но тѣмъ не менѣе достигалъ цѣли вѣрно, хотя и медленно. Испанскій умъ не всегда склоненъ къ одному энтузіазму, онъ тѣсно дружится съ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ, и это послѣднее видно въ Эспартеро. Не смотря на пышныя преувеличенія нѣкоторыхъ его прокламацій, въ немъ нѣтъ ничего великаго; онъ пріобрѣталъ успѣхи мелочными средствами. Путь битвы для него, кажется, конченъ, и мы послѣдуемъ за нимъ на сцену политики, гдѣ онъ является теперь лицомъ первенствующимъ; здѣсь опредѣлится степень, какую онъ долженъ будетъ занять въ Исторіи.

Политическія лица конституціонной Испаніи раздѣляются, какъ извѣстно, на двѣ партіи: умѣренную и восторженную. Если первыя состоятъ изъ честолюбцевъ, желающихъ управлять государствомъ подѣ

личиною свободныхъ постановленій, то къ послѣднимъ принадлежатъ сумасшедшія головы, желающія какъ можно болѣе распространить демократію; восторженныхъ Испанцевъ однакожъ очень мало, но они все еще сильны по своимъ отношеніямъ и дерзости.

Ни одна однакожъ изъ партій не могла до сихъ поръ вполне господствовать въ Испаніи. Двѣятельность восторженныхъ безпрестанно затрудняетъ противниковъ, и отъ времени до времени наноситъ имъ жестокія пораженія. Съ другой стороны масса умѣренныхъ подавляетъ своею тяжестью, и торжествуетъ непоколебимостію своею надъ величайшими усиліями противоположной партіи. Испанская исторія послѣднихъ семи лѣтъ наполнена такими дѣйствіями и противодѣйствіями. Лишь только умѣренные успѣютъ взять власть въ свои руки, противники ихъ тотчасъ отнимаютъ ее смѣлымъ и рѣшительнымъ нападеніемъ, и когда кажется, что эти послѣдніе готовы схватить ее, умѣренные мало по малу отводятъ и уничтожаютъ ихъ побѣду, тихо работая для своихъ идей. Всѣ конституціонныя страны неизбежно подвержены этому злополучному колебанію власти, но нигдѣ оно не было такъ замѣтно и нигдѣ не развивалось такими послѣдовательными періодами, какъ въ Испаніи по смерти Фердинанда VII. Не говоря о министерствѣ Зеа-Бермудеса, занимающемъ особенное мѣсто въ исторіи Испанскихъ смуть, до сихъ поръ обѣ партіи имѣли почти равный успѣхъ. Умѣреннымъ правленіемъ Мартинеса де-ла Розы и Торено, произведены движеніе въ провинціяхъ и знаменитое возстаніе юнгъ, допустившес къ дѣламъ Мендисабала и восторженныхъ. Министерство Мендисабала низвержено Истурисомъ, и это было величайшее усиліе, какое когда нибудь дѣлала умѣренная сторона. Министерство Истуриса пало въ свою очередь въ слѣдствіе событій въ Гранжѣ и принятія конституціи 1812

года. Министерство Калатравы, возникшее изъ успѣха восторженныхъ въ Гранжѣ, держалось цѣлый годъ; послѣ него слѣдуетъ рядъ министровъ слабыхъ, безъ власти, но принадлежащихъ болѣе или менѣе къ партіи умѣренныхъ, изъ коихъ послѣдній палъ въ Барселонѣ, въ слѣдствіе мятежа, возбужденнаго партіею восторженныхъ. Обѣ стороны должны были дѣлать большія усилія, чтобы привлечь къ себѣ Эспартеро. Въ началѣ своего могущества генералиссимусъ обнаружилъ себя въ пользу умѣренныхъ, и не было такихъ оскорбительныхъ слуховъ, какихъ противная партія не распускала бы объ немъ. Но послѣ, упоенный успѣхами и расточаемсю предъ нимъ лестію, воздерживаемый правительствомъ, которое естественно желаетъ положить преграды неуѣреннымъ требованіямъ его честолюбія, онъ, наконецъ, сблизился мало по малу съ партіею восторженныхъ и рѣшился въ Барселонѣ на преступный и дерзкій шагъ, который совсѣмъ было сдѣлалъ его игрушкой революціонеровъ.

Эспартеро принялъ начальство надъ войскомъ скоро послѣ событій въ Гранжѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ разстройства, причиненнаго Испаніи этими событіями. Звѣрскій поступокъ сержанта Гарсія, которому онъ самъ долженъ былъ подражать въ послѣдствіи, возмутилъ его; послѣдующія мѣры правительства усилили его негодованіе. Принявши начальство надъ войскомъ въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ видѣлъ, какую пустоту дѣлало въ странѣ отсутствіе правильнаго правительства. Повелительный другъ власти, онъ объявилъ себя противъ министерства Калатравы, показывая видъ, что онъ не хочетъ ни во что вѣшиваться, кромѣ того что прямо къ нему относится, то есть дѣлъ по арміи. Первое вѣщательство его, сколько ни было косвенно, причинило паденіе этого министерства. Это было въ Августѣ 1839 года. Донъ Карлосъ готовился снять осаду съ Мадри-

та, и армія Эспартеро стояла лагеремъ предъ стѣнами столицы, которую пришла защищать. Офицеры королевской гвардіи вмѣстѣ съ Позуелло де Аравака, поднесли адресъ королевѣ, въ которомъ просили о смѣнѣ министерства. Министры требовали въ свою очередь, чтобы сочинители этого возмутительнаго акта были наказаны по военнымъ законамъ. Эспартеро не согласился на это; составилъ совѣтъ министровъ для разсужденія о средствахъ возстановить въ войскѣ порядокъ и повиновеніе; они не согласились другъ съ другомъ и подали въ отставку. Въ этомъ обстоятельстве, какъ и во многихъ другихъ, Эспартеро не столько дѣйствовалъ самъ; сколько предоставлялъ дѣла ихъ собственному теченію; тѣмъ не менѣе однакожь отвѣтственность за происшедшее очевидно лежала на немъ. Восторженные приняли его за Кромвеля; противники ихъ почтили его торжествомъ какъ избавителя, не думая, что прославляемый ими поступокъ впоследствии можетъ быть обращенъ противъ нихъ же. Въ новомъ министерствѣ Эспартеро сдѣланъ президентомъ совѣта и военнымъ министромъ. Онъ не принялъ этого, и военнымъ министромъ назначилъ вѣрнаго человека Але. Разрывъ его съ восторженными былъ тѣмъ не менѣе полонъ и дологъ. Генераль Сеоанъ сильно порицалъ поведеніе офицеровъ, поднимавшихъ анти-министерскій адресъ; Эспартеро съ небольшою живостію отвѣчалъ въ журналахъ; имя Мендизабала замѣшалось въ эту полемику: онъ возражалъ; Эспартеро возражалъ въ свою очередь. Во всей этой перепискѣ Эспартеро показалъ величайшее политическое отчужденіе и глубочайшую покорность королевѣ. Къ несчастію, за этою скромностію скрывалась самая Кастильская гордость и безусловное желаніе господства, которые должны были скоро нарушить доброе согласіе между правительствомъ и нимъ. Ему часто предлагали быть министромъ; онъ

всегда отказывался, но отсюда произошло то, что его главная квартира сдѣлалась въ государствѣ властію. Онъ вспоминалъ о правительствѣ только для того, чтобы горько жаловаться на лишенія, какія терпѣло войско, тогда какъ напротивъ нація истощалась на него. Первое сношеніе съ министрами имѣлъ онъ въ концѣ Іюля 1838 года, и оно кончилось дружелюбно. Мало по малу дѣла приняли характеръ рѣзкій; по мѣрѣ того, какъ возрастала его воинская власть, увеличивались и требованія. Когда открылись переговоры для Бергарской конвенціи, онъ дѣйствовалъ самовластно, не давая отчета министерству. Министры не смѣли воззвать его къ долгу, но положили взять свое впоследствии. Триумфы Барселонскіе, по удаленіи Дона Карлоса, совершенно упоили Эспартеро.

Между тѣмъ на выборахъ Кортесовъ 1839 года, большинство было на сторонѣ восторженныхъ, и министерство Переца де Кастро съ трудомъ боролось противъ этого большинства. Правительство воспользовалось силою, какую давало ему усмиреніе Баскскихъ провинцій, чтобы распустить собраніе и сдѣлать новые выборы. Въ то же время министерству данъ характеръ болѣе умѣренный, и люди, каковы Монтесъ де Ока и Кальдеронъ Каллантесъ, принадлежащіе къ партіи охранительной, были призваны. Это измѣненіе было во вкусъ Эспартеро, потому что вопросъ, о которомъ происходили самыя жаркія пренія между кабинетомъ и распущенными Кортесами, былъ именно о Фуэроссахъ, гарантированныхъ для сѣверныхъ провинцій Бергарскою конвенціею. Декретъ, признававшій Фуэросовъ, полученный отъ палаты съ большимъ трудомъ, явился въ Мадридѣ въ одинъ день съ переменною министерства. Но это политическое согласіе правительства съ генераломъ исчезло, какъ скоро послѣдній вообразилъ, что его самолюбіе оскорблено. Три министра были смѣнены, въ томъ

числѣ и военный, Кортесы распущены, объявлены новые выборы, и все это безъ совѣщанія съ Эспартеро.

Сквозь этотъ-то проломъ прошли наконецъ замыслы восторженныхъ въ сердце Эспартеро, естественно расположенное къ законности, но удобоувлекаемое и честолюбіемъ собственнымъ и страстями его окружающихъ. При этомъ былъ человекъ, пользовавшійся всею его довѣренностію; это бригадиръ Линажъ, исправлявшій должность секретаря при главномъ штабѣ,—люсть въ Испаніи очень важный, котораго обязанности не были такъ строго опредѣлены, какъ во Франціи. Этотъ Линажъ, долгое время бывшій секретаремъ при графѣ Каза Эгія, генераль-капитанъ Галиціи, въ царствованіе Фердинанда VII, былъ человекъ честолюбивый и тонкій, не принадлежащій собственно ни къ какой партіи, но готовый служить всѣмъ. Онъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ для Эспартеро, который видѣлъ, говорилъ и писалъ посредствомъ его. Онъ велъ и частную переписку съ Эспартеро и писалъ его дневные приказы. Когда генералиссимусъ игралъ въ трезилью, онъ сдавалъ карты възсто Эспартеро, небрежно лежавшаго на постели, собиралъ ихъ и показывалъ ему. Восторженные постарались овладѣть имъ, и не шадили ничего, чтобы посвятить вокругъ герцога Витторіи предубѣжденіе къ министрамъ. Англійскіе комиссары, умѣвшіе снискать уваженіе и дружбу главнокомандующаго, часто давали направленіе его главному штабу; Правительство Французское послало также комиссаровъ; но они были бессильны противъ этихъ интригъ и не имѣли ни какого вліянія. Узнавши о неудовольствіи Эспартеро, восторженные поспѣшили употребить все усилія, чтобы возбудить его къ дѣлу въ ихъ пользу. Скоро разошлась глухая молва объ отношеніяхъ министерства къ главному штабу, и усилила неудовольствіе. Въ журналахъ возникла полемика касатель-

но намѣреній Герцога Витторіи; наконецъ прежде истеченія мѣсяца по распущеніи Кортесовъ, въ восторженномъ журналѣ Арагонскомъ показалось знаменитое письмо Липажа. Въ этомъ письмѣ секретарь Эспартеро, стараясь всячески быть осторожнымъ, объявляетъ себя ясно противъ министерства. «Герцогъ Витторіа, говоритъ онъ, очень далекъ отъ того, что бы искать вліянія на государственныя дѣла, и онъ хотѣлъ бы торжественно опровергнуть все то, что было сказано о немъ касательно этого предмета; но то справедливо, что по мнѣнію благороднаго герцога не должно было распускать палату и что нѣкоторыя измѣненія въ лицахъ правительственныхъ по мнѣнію его больше вредны, нежели полезны.» Письмо оканчивалось, какъ обыкновенно, горячими увѣреніями въ преданности трону Изабеллы II, регентству ея августѣйшей матери, и конституціи 1837 года.

Это письмо надѣяло много шуму. Оно было во всемъ похоже на адресъ офицеровъ Позуелло. Если Эспартеро не диктовалъ его, какъ говорятъ, то вѣрно уполномочилъ его написать. Этотъ способъ дѣйствовать, изворотливый и полный намѣковъ, былъ совершенно въ его духъ. Хотя объявленіе не было прямо въ пользу восторженныхъ, они одинакожь трубили побѣду и превозносили хвалами Эспартеро отъ одного конца полуострова до другаго. Время было критическое, это было время выборовъ. Обѣ партіи спорили съ остервененіемъ вокругъ избираемой урны, и та изъ нихъ, которой бы удалось бросить туда мечъ Эспартеро, могла бы считать свою побѣду вѣрною. Министры всѣ разомъ подали въ отставку. Королева просила ихъ удерживать нѣкоторое время портфели и потребовала отъ герцога объясненій. Эспартеро отвѣчалъ неопредѣленно касательно министерства, и снова увѣрялъ въ самой горячей преданности къ дѣлу обѣихъ королевъ. Послѣ долгихъ переговоровъ дѣло, кажется, сладилось. Бри-

гадирь Липнажъ, котораго требовали отставки, не былъ оставленъ герцогомъ, но онъ помѣстилъ въ Аррагонскихъ журналахъ другое письмо, исправляющее и ослабляющее нѣкоторыя мѣста перваго, и министры взяли назадъ свои прошенія.

Извѣстны послѣдствія выборовъ, бывшихъ при такихъ обстоятельствахъ: составилось огромное большинство умѣренныхъ. Въ этомъ успѣхѣ министры нашли опору своему соперничеству съ генералиссимусомъ. Восторженные съ своей стороны не щадя ничего для возбужденія Эспартеро, чтобы посредствомъ его снова пріобрѣсти перевѣсъ, потерянный на выборахъ. Первое покушеніе ихъ привлечь герцога на свою сторону, отчасти удалось; и тѣмъ съ большимъ жаромъ они работали около него. Около того времени журналы и ораторы Французскіе преувеличили неблагоразумно участіе, принятое Франціею въ конвенціи Бергарской; этимъ воспользовались для увѣренія Эспартеро, что Франція хочетъ его унижить, и раздражили его еще болѣе, потому что онъ былъ столько же ревнивъ къ своей славы, какъ и ко власти. Случайное обстоятельство, происшедшее въ концѣ Января 1840 года, совершенно разорвало Эспартеро съ министерствомъ. Человѣкъ, извѣстный въ кровавыхъ дѣлахъ Испанской Исторіи послѣднихъ лѣтъ, Донъ Евгенію Авиранета, прибылъ изъ Мадрита въ Сарагоссу. Хотя этотъ человѣкъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ жаркихъ агентовъ партій восторженныхъ, на сей разъ однакожь онъ имѣлъ тайное порученіе отъ правительства королевы. Впослѣдствіи узнали, что это порученіе относилось ко Франціи, куда онъ потомъ и отправился; но Эспартеро уведомили изъ Мадрита, что поѣздка этого человѣка имѣла цѣлью произвести смятеніе въ войскѣ, чтобы отнять у герцога начальство. По прибытіи Авиранеты въ Сарагоссу, куда уже прежде посланы предписанія изъ главнаго штаба, онъ

былъ арестованъ и допрошенъ военнымъ губернаторомъ. Напрасно онъ показывалъ свой паспортъ, бывший въ полной формѣ, его посадили въ тюрьму. Тогда, видя, что дѣло становится серьезнымъ и съ нимъ не шутятъ, онъ рѣшился воспользоваться другимъ паспортомъ, который былъ зашитъ у него въ платье. Этотъ паспортъ, говорятъ, былъ писанъ рукою самаго министра внутреннихъ дѣлъ, и предписывалъ всѣмъ властямъ, гражданскимъ и военнымъ, не только оказывать Дону Еггенію Авиранета помощь и покровительство, но и повиноваться ему. Донъ Тибурціо Зарагоза, военный губернаторъ Сарагоссы, послалъ съ него копію къ Эспартеро, и требовалъ новыхъ приказаній. Герцогъ отвѣчалъ формальнымъ предписаніемъ, выслать Авиранету въ главный штабъ, гдѣ онъ будетъ разстрѣлянъ. Донъ Тибурціо хотѣлъ взять пльнника, но гражданскій начальникъ не позволилъ этого, говоря, что онъ можетъ признать законными только предписанія министра внутреннихъ дѣлъ. Въ промежуткѣ времени депеша была послана отъ Эспартеро въ Мадридъ къ военному министру; гражданскій начальникъ съ своей стороны писалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, требуя разрѣшенія по этому дѣлу. Отвѣтъ тотчасъ былъ присланъ въ главный штабъ; генералъ Нарваэсъ, военный министръ, подтверждалъ выраженія паспорта, найденнаго у Авиранета, предписывая дать ему свободу, что сдѣлано не безъ сильной досады и гнѣва со стороны герцога.

Эспартеро при всемъ своемъ могуществѣ долженъ былъ въ этомъ дѣлѣ играть подчиненную роль, онъ не могъ забыть этого. Въ послѣдствіи онъ могъ видѣть, что цѣль поѣздки Авиранета была не та, какую предполагали въ ней, и что посланіе этого тайнаго агента не имѣло ничего общаго съ войскомъ, но оскорбленная гордость генералиссимуса не хотѣла ничего ни видѣть, ни понимать. Власть его была пренебре-

жена, и этого было довольно. Восторженные сами собою не участвовали в этомъ дѣлѣ. Даже замѣчательно, что прежняя восторженность Авиранеты, участіе его въ самыхъ незаконныхъ замыслахъ, были представлены герцогомъ, какъ сильныя причины, по которымъ не должно было имѣть къ нему никакого сожалѣнія. Тѣмъ не менѣе это былъ самый счастливый случай для восторженныхъ; онъ началъ положительную вражду между министерствомъ и Эспартеро. Эспартеро не замедлилъ обнаружить свою досаду. Когда пришло время повышеній по арміи, онъ представилъ Линажа, автора знаменитаго объявленія, того, котораго всѣ министры требовали увольненія, въ генераль-маіоры. Нѣкоторые изъ министровъ приняли это за оскорбленіе и объявили, что никогда не унизятся до согласія. Другіе напротивъ думали, что такъ какъ кабинетъ согласился остаться послѣ письма Линажа, то ему неприлично, уступивши прежде, быть теперь несговорчивымъ. Впрочемъ это было время, когда военныя дѣйствія должны были начаться снова; все предвѣщало, что послѣдній защитникъ дѣла Донъ Карлоса, Кабрера, долженъ будетъ уступить побѣдоносному Эспартеро. Разрывъ съ герцогомъ Витторія могъ бы снова поднять дѣло, и министры уступили. Линажъ повышенъ въ генераль-маіоры, а три министра, которыхъ назначеніемъ столько оскорбилъ Эспартеро, Нарваэсъ, Мантесъ де Ока и Кальдеронъ Кампантесъ удалились добровольно.— Эта уступка должна была бы успокоить Эспартеро; но она усилила только его надменность. Во встѣхъ этихъ перемѣнахъ министровъ два оставались постоянными: президентъ Совѣта Перецъ де Кастро и Арразола министръ юстиціи. Неудовольствіе генералиссимуса обратилось на нихъ, онъ только и думалъ о низверженіи ихъ, чтобы тѣмъ ясно показать, что никто не можетъ противиться ему.

Между тѣмъ новоизбранные Кортесы собрались и

умѣренность ихъ тотчасъ обнаружилась съ первыхъ преній. Министры думали, что теперь самое удобное время нанести рѣшительный ударъ своимъ противникамъ и предложили извѣстный проектъ закона объ *Ayuntamientos*, или о городскихъ и земскихъ выборахъ. Этотъ проектомъ вліяніе восторженныхъ подрывалось безвозвратно. По системѣ выборовъ, теперь дѣйствующей, общины имѣютъ большое участіе въ выборахъ для конгресса; они сами установлены, послѣ событій въ Гранжѣ, въ формахъ конституціи 1812 года. Новый законъ, измѣняя систему, устранялъ ихъ отъ внушеній злонамѣренныхъ, и такимъ образомъ въ самомъ корнѣ отрѣзывалъ восторженнымъ возможность войти въ правленіе. Последніе выборы доказали, что съ городскими выборами, бывшими по правиламъ конституціи 1812 года, и при оппозиціи всемогущаго Эспартеро, неодолимое влеченіе народнаго духа давало большинство умѣреннымъ. Что же было бы, когда бы земская власть, источникъ выборовъ, не была управляема толпою?

Восторженцы, видя очень хорошо, что дѣло шло о томъ, быть ли имъ или не быть, рѣшились на послѣдній бой. Вся надежда ихъ была теперь на главную квартиру, и они тѣснѣе, нежели когда нибудь, окружили Эспартеро. Съ наступленіемъ весны генералиссимусъ снова началъ свои операціи; укрѣпленные замки Кабреры падали одинъ за другимъ. Журналы восторженныхъ закидали его льстивыми похвалами. Вся прежніе герои Испаніи, все великіе полководцы міра, ничего не значили предъ побѣдителемъ Мирамбелы и Кастеллота. Трудно опредѣлить, какъ далеко простирались, среди столькихъ торжествъ, надменныхъ желаній его главнаго штаба. Верховная власть почти была недостаточна для того, который своими побѣдами затмилъ блескъ Наполеоновскихъ побѣдъ, и послѣдній изъ его поручиковъ считалъ себя въ правѣ требовать высокихъ мѣстъ.

Среди этой политической борьбы, запутывавшейся еще болѣе отъ упоенія, въ которое приведено было войско своими побѣдами, королева-правительница вдругъ дала знать президенту Совѣта, что она намѣрена вмѣстѣ съ дочерью ѣхать на воды въ Барселону. Министры изумились; употребляли всѣ усилія, чтобы отвратить королеву, она осталась непреклонною и прибыла въ Барселону.

Слѣдствія сего событія извѣстны читателямъ изъ разныхъ газетъ. Мы здѣсь ограничились только тѣмъ, что можетъ дать нѣкоторое понятіе объ историческомъ характерѣ и жизни Эспартеро, имя котораго безпрестанно встрѣчается въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ.

IV.

КАБРЕРА.

Изъ всѣхъ людей, которые сдѣлались извѣстными въ Испанскую междоусобную войну, ни объ одномъ не говорили такъ различно, какъ о Кабрерѣ. У однихъ онъ герой, у другихъ просто разбойникъ. Съ той и другой стороны много преувеличенія; та и другая судятъ по духу партій: въ сущности Кабрера не Наполеонъ и не Мандрешъ. Правда, онъ началъ поприще свое какъ разбойникъ, а кончилъ бы его какъ герой, еслибъ дѣло Дона Карлоса восторжествовало. Имя его славилось, а настоящая исторія мало извѣстна; положительныхъ подробностей нѣтъ даже и о тѣхъ его подвигахъ, которые надѣлали наиболѣе шума. Событія въ Испаніи, за недостаткомъ точныхъ извѣстій, нерѣдко представляются въ неясномъ, таинственномъ видѣ, какъ загадки, которыя разгадать можетъ одно время. Характеръ Кабреры тоже принадлежитъ къ числу этихъ тайнъ. То, что считается наиболѣе достовѣрнымъ въ этомъ отношеніи, часто ложно, или по крайней мѣрѣ очень преувеличено. Теперь когда его политическое поприще кончено и время истины для него наступило, вѣрный очеркъ его жизни, основанный на свѣдѣніяхъ достовѣрныхъ, не можетъ быть незанимательнымъ.

Донъ Рамонъ Кабрера родился въ Тортосѣ, въ 1809 году; слѣдственно ему теперь тридцать одинъ годъ. Отецъ его былъ матросъ. Онъ воспитывался сначала точно также, какъ воспитываются въ Испаніи всѣ дѣти того же класса. Въ первые годы своей жизни онъ только игралъ на берегу Эбро и по улицамъ Тортосскимъ съ неограниченною свободою дикаря. Когда онъ немножко подросъ, его назначили въ духовное званіе и опредѣлили какъ famulo, т. е. служкою къ одному канонику соборной церкви, до-ну Виасенту Пресивіа. Въ Тортосѣ нѣтъ университета; тѣ, которые, намѣреваясь посвятить себя духовному званію, хотятъ учиться, должны опредѣляться такимъ образомъ къ священникамъ, исполняютъ у нихъ почти всѣ обязанности слугъ, а тѣ учатъ ихъ за это латини, Богословію и Аристотелевской философіи.

Такая жизнь, трудолюбивая и покорная, совсѣмъ не согласовалась съ независимымъ и разсыаннымъ характеромъ молодого Кабреры. Добрый каноникъ напрасно истощалъ всѣ свои проповѣди, чтобы убедить его вести себя хоть немножко порядочнѣе: онъ былъ самый распутный и самый оборванный изъ всѣхъ Тортосскихъ школьничковъ. Страсть Кабреры къ женщинамъ безпрестанно вовлекала его въ самыя непріятныя исторіи; если шалуны залѣзли ночью въ какойнибудь домъ, прибили какогонибудь альгва-сила, отвѣтственность за это всегда падала на Кабреру. Онъ былъ молодой человекъ, лѣтний, распутный, сварливый, наглый, однимъ словомъ ужаснѣйшій tronero (негодяй), такъ что когда пришло время посвятить его въ подіаконы, Епископъ, Донъ Викторъ Соезъ, на это не согласился.

Такимъ образомъ, Кабрера, двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, былъ безъ мѣста, безъ званія, безъ денегъ,

съ самой дурной репутаціей и не зналъ что дѣлать. Между тѣмъ въ Тортосѣ получена была вѣсть о кончинѣ Фердинанда VII. Это было важнымъ событіемъ для бездомнаго школьника, и онъ тотчасъ воспользовался благопріятными обстоятельствами. Съ недѣлю спустя послѣ этого, около половины Октября 1833, въ Тортосѣ открытъ былъ заговоръ противъ правительства Королевы Изабеллы II; Кабрера былъ въ числѣ заговорщиковъ. Комендантъ города, генералъ Бертопъ, нарядилъ слѣдствіе, которое производилъ Донъ Матео Санпонсъ. Кабрера удалось убѣжать и онъ укрылся въ горахъ, обыкновенномъ убѣжищѣ тѣхъ, которые въ городахъ поссорились съ юстиціею. Тамъ онъ узналъ, что крѣпость Морелья попала въ руки Карлистскихъ инсургентовъ, и тотчасъ отправился туда, чтобы вступить въ службу.

Морелья играетъ важную роль въ жизни Кабреры: она была колыбелью, главнымъ поприщемъ и могилою его политическаго величія. Это главный городъ небольшого округа, называемаго Маэстрасго, потому что тутъ жилъ некогда великій магистръ одного рыцарскаго ордена. Маэстрасго превосходно укрѣпленъ самой природою и, кажется, созданъ для того, чтобы быть владѣніемъ какого нибудь феодальнаго властелина или независимой республики. Онъ составляетъ часть возвышенной сіерры, отдѣляющей Арагонъ отъ Валенсіи; уставленъ крутыми горами, почти всегда покрытыми снѣгомъ, въ которыхъ тянутся длинныя ущелья и узкія долины. Въ одной изъ этихъ долинъ, на скалѣ, отдѣльной отъ цѣпи, стоитъ городъ Морелья; цитадель занимаетъ вершину этой скалы, которая возвышается футовъ на триста надъ поверхностью страны. Въ долину ведутъ два прохода: одинъ съ Монройо въ сторону Араго-

на; другой въ Вильльбонъ къ сторону Валенсиі. Пять провинцій окружають Моэстрасго, ндѣ отъ него какъ лучи отъ центра: Арагонъ, Каталонія, Валенсія, Новая Кастилія и Ла-Манха.

Важность этого мѣста извѣстна во всей Испаніи, и на него, естественно, должны были устремиться первыя усилія мятежа. Баронъ Хербесъ (Herbès), коррежидоръ Валенсиійскій и Донъ Іоакимъ Льоренсъ (Llorens), узнавъ о кончинѣ Фердинанда VII, приняли начальство надъ нѣсколькими баталіонами королевскихъ волонтеровъ, подпили знамя Карла V и пошли въ Маэстрасго. Эти два предводители, извѣстные по своему знатному происхожденію и званію, пользовались большимъ вліяніемъ; они многихъ привлекли въ ряды Карлистовъ. Губернаторъ Морельскій, полковникъ Донъ Викторіа Сеа, который или раздѣлялъ ихъ мнѣнія, или не считалъ себя въ силахъ защищаться, отворилъ имъ городскія ворота и они расположили тамъ главную квартиру возстанія въ пользу претендента.

Въ это самое время явился Кабрера. То было въ первыхъ числахъ Сентября 1833 года. Онъ пришелъ въ этотъ городъ, гдѣ нѣкогда долженъ былъ повелѣвать, одѣтый какъ школьникъ, въ лохмотьяхъ, съ алпартатами на ногахъ, съ толстой дубинкою въ рукахъ. Такъ какъ онъ зналъ грамоту, то его тотчасъ сдѣлали капраломъ и за недостаткомъ другаго оружія, дали ему охотничье ружье. Карлистскіе отряды были вскорѣ атакованы генераломъ Бертономъ, близъ Педреры насупротивъ Морельи. Молодой рекрутъ выказалъ въ этомъ первомъ дѣлѣ истинную храбрость и получилъ въ награду чинъ сержанта.

Между тѣмъ генералъ Бертошъ, съ горстью солдатъ, продолжалъ угрѣждать Морельи. Сшибки проис-

ходили ежедневно. Инсургенты вышли изъ крепости, двинулись на встрѣчу войскамъ Королевы и были разбиты сначала генераломъ Бертономъ; потомъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, близъ Каланды снова разбиты на голову и разсѣяны бригадою, подъ командой генерала Линареса. Морелья была взята; баронъ Хербесъ разстрѣлянъ; бывший губернаторъ Донъ Викторіа Сее тоже; остальные предводители и солдаты разсѣялись небольшими шайками. Кабрера, который былъ уже поручикомъ, собралъ челоуѣкъ двѣнадцать или двадцать своихъ земляковъ Тортосцевъ, и бросился въ горы Нижняго Арагона, чтобы тамъ дѣйствовать независимо.

Извѣстно, какъ Испанцы любятъ партизанскую войну, *guerilla*. Кабрера имѣлъ все что нужно, чтобы быть хорошимъ партизаномъ: онъ былъ молодъ, здоровъ, предприимчивъ и неслишкомъ совѣтливъ; сверхъ того бѣденъ и гонимъ закономъ; слѣдственно терпѣ ему было нечего; однимъ словомъ, онъ былъ совершенный гверильяро. Притомъ изъ всей Испаніи, въ Нижнемъ Арагонѣ всего легче набирать бродячія шайки; жители этихъ горъ почти всѣ контрабандисты; *ladrones*, вырвавшіеся изъ пресидій, всѣ туда собираются. Разумѣется, что подобное народонаселеніе должно быть очень склонно къ грабежу, и если этимъ людямъ попадетъ достойный ихъ предводитель, то они съ радостію собираются вокругъ него, чтобы производить грабежъ съ большимъ порядкомъ. Этимъ и объясняются первые успѣхи Кабреры.

Надобно тщательно различать три главныя подраздѣленія Карлистской инсурекиціи. Въ Наваррѣ и въ Баскскихъ провинціяхъ, дѣло Дона Карлоса было тождественно съ дѣломъ мѣстныхъ вольностей и преимуществъ; въ Каталоніи оно было дѣломъ религіознаго фанатизма;

въ Арагонѣ имя Дона Карлоса было паролемъ для тѣхъ, которые только искали предлога, чтобы вести удачную жизнь бандитовъ. Эти три направленія проявились и въ начальникахъ трехъ Карлистскихъ армій: въ Наваррѣ войсками командовали почетные граждане; въ Каталоніи духовные; въ Арагонѣ гверильясы. Это различіе многое объясняетъ и его не должно терять изъ виду, когда хочешь составить себѣ ясное понятіе объ Испанской междоусобной войнѣ.

Кабрера всегда отличался отвращеніемъ отъ покорности и страстью къ владычеству. Черезъ нѣскольکو дней по прибытіи въ Морелью, онъ уже пытался овладѣть властью, возбудивъ въ войскѣ мятежь. Но баронъ Хербесъ, своею твердостію, уничтожилъ эту попытку и Кабрера только по его милости не былъ разстрѣлянъ вмѣстѣ со своимъ сообщникомъ Вальдесомъ. Собравъ отрядъ гверильясовъ, послѣ разсѣянія первой Карлистской арміи, онъ самъ себя произвелъ въ полковники. Потомъ онъ два года ходилъ вдоль и поперекъ по всей странѣ, вездѣ грабилъ, жегъ, жилъ весело и принималъ всякаго, кто хотѣлъ къ нему опредѣлиться. Такимъ образомъ онъ собралъ себѣ довольно значительный отрядъ; но этого было для него еще мало и онъ мечталъ не о такомъ величіи.

Не смотря на всѣ его усилія, въ горахъ Нижняго Арагона былъ человекъ, который пользовался еще большимъ вліяніемъ, чѣмъ онъ: мы говоримъ о знаменитомъ Карнисерѣ (Carnicer). Кабрера завидовалъ могуществу и репутаціи этого кабесилья; онъ очень досадовалъ, что тотъ затмѣваетъ его собою. Однажды Карнисеръ получилъ отъ претендента повелѣніе итти въ Басскія провинціи; онъ отправился,

но при переходѣ черезъ Арандаскій мостъ, былъ взятъ отрядомъ войскъ Королевы и разстрѣлянъ. По этому случаю на Кабреру ввели важныя обвиненія; одни говорили, что онъ просилъ претендента отозвать Карнисера; другіе утверждали, будто онъ прислалъ къ Карнисеру подложное повелѣніе, и привлекши его такимъ образомъ къ Арандаскому мосту, предупредилъ о томъ Христиносовъ. Трудно рѣшить, есть ли что нибудь основательное въ этихъ обвиненіяхъ; надобно только сказать, что слухи сіи разнеслись по всему Арагону, и что даже въ арміи Кабреры во время наибольшаго его могущества, объ этомъ говорили, какъ о вещи, всѣмъ извѣстной.

Какъ бы то ни было, по смерти Карнисера доставила Дону Рамону первое мѣсто въ числѣ предводителей Карлистскихъ отрядовъ въ этой сторонѣ. Въ концѣ 1835-го, онъ ѣздилъ въ Наварру къ Дону Карлосу и тотъ пожаловалъ его въ полковники. Съ этихъ поръ имя его и сдѣлалось извѣстнымъ. Вскорѣ послѣ того у него было въ королевствѣ Валенсіи нѣсколько удачныхъ стычекъ съ генералами королевы и онъ прославился какъ отважный гверильяро. Подъ его начальствомъ состояло уже около тысячи человекъ. Возрастающее могущество Кабреры давало ему возможность все болѣе и болѣе предаваться своимъ школьническимъ наклонностямъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, вездѣ бывали пиры и балы, и онъ сохранилъ эту привычку до самаго конца. Онъ самъ пилъ и плясалъ безъ устали, подалъ примѣръ своимъ офицерамъ. Въ каждомъ изъ мѣстъ, гдѣ онъ останавливался, у него было по три и по четыре любовницы; о распутствѣ его рассказываютъ чудеса.

Одно изъ самыхъ необходимыхъ качествъ кабе-

силы есть презрѣніе къ человѣческой крови. Кабрера въ этомъ отношеніи былъ не выше другихъ, но и никому не уступалъ. Испанскій бандитъ уважаетъ своего начальника только тогда, когда видитъ, что тотъ нисколько не дорожитъ жизнью другихъ: для него достоинство начальства состоитъ въ хладнокровномъ умерщвленіи. По этому въ сладострастной жизни Кабреры были ужасные эпизоды, которые приобрѣтали ему уваженіе солдатъ. Никто не курилъ хладнокровище его сигарето, отдавалъ приказъ разстрѣлять плѣнныхъ; никто равнодушнѣе его не смотрѣлъ на нихъ, когда они шли на смерть. Жестокость Кабреры была уже всѣмъ извѣстна и обратилась въ пословицу въ то время, о которомъ мы говорили; но въ Февраль 1836-го случилось происшествіе, которое могло, если не оправдать се, то по крайней мѣрѣ служить ей извиненіемъ.

Престарѣлая мать Кабреры жила въ Тортосѣ, въ совершенномъ уединеніи. Бригадиръ Ногерасъ (Nogueras) генераль-комендантъ Нижняго-Арагона, приказалъ схватить ее и просилъ разрѣшенія Мины, тогдашняго генераль-капитана Каталоніи, казнить несчастную старуху, какъ уличенную въ заговорѣ. Мина разрѣшилъ, и мать Кабреры была безъ суда разстрѣляна, какъ говорили, въ возмездіе за жестокости, которыя всякой днь совершалъ сынъ ея. Впослѣдствіи, когда Мину спрашивали объ этомъ варварскомъ поступкѣ, въ собраніи Кортесовъ, онъ увѣрялъ, что мать Кабреры была судима военнымъ судомъ, уличена въ участіи въ заговорѣ и приговорена къ казни на основаніи законовъ; но онъ не могъ этого доказать и отвѣтственность за такой жестокой поступокъ падаетъ на него и на Ногераса.

Кабрера былъ давно уже въ ссорѣ съ матерью,

но питаль къ ней признательную привязанность, какую всѣ всгодни оказываютъ къ тѣмъ, кто баловаль ихъ въ юности. При вѣсти объ этомъ убійствѣ, Кабрера пришелъ въ совершенную ярость и отдалъ страшный приказъ, въ которомъ велѣлъ тотчасъ разстрѣлять тридцать четырехъ женщинъ, женъ Христиносскихъ офицеровъ, которые были у него въ плѣну. Онъ объявилъ вѣстѣ съ тѣмъ, что впредь станеть разстрѣливать всѣхъ тѣхъ, кого возьметъ съ оружіемъ въ рукахъ и будетъ беспощадно мстить семействамъ Христиносскихъ предводителей за смерть своей матери. Эта страшная угроза была въ точности исполняема, особенно въ первое время послѣ преступленія, совершеннаго Ногеросомъ, и влияніе Кабреры усилилось всѣмъ уваженіемъ, которое приобрѣтаетъ чловѣку въ Иенаніи мечь, въ точности выполненная.

Въ первые шесть мѣсяцевъ 1836, онъ все ходилъ по королевству Валенсіи и не разъ встрѣчался съ генераломъ Палареа. Въ Іюль того же года Донъ Карлосъ пожаловалъ его въ генераль-маіоры. Враги его увѣряли, что онъ, заботясь о своемъ повышевіи, опредѣлилъ одну изъ своихъ прежнихъ любовницъ въ услуженіе къ графу Вильемуру (Villemur) тогдашнему военному министру Дона Карлоса и по временамъ пересылалъ къ ней черезъ одного погонщика муловъ деньги, чтобы подкупать совѣтниковъ претендента. Но легко можетъ быть, что это не что иное, какъ одно изъ предположеній, всегда изобрѣтаемыхъ духомъ партій, чтобы объяснить возвышеніе, котораго настоящихъ причинъ онъ не хочетъ допустить.

Въ концѣ 1836 происходила, какъ всѣмъ извѣстно, знаменитая экспедиція Гомеса по всей Испаніи. Кабре-

ра и другой предводитель гварильясовъ, Серрадоръ, присоединились къ Гомесу, когда онъ проходилъ по близости ихъ горъ. Неизвѣстно, что между ними потомъ было; только, кажется, что проходя черезъ Касересъ, Гомесъ приказалъ Кабреръ и Серрадору, въ двадцать четыре часа, оставить его армию и они повиновались. Говорятъ, что причиною этого были грабежи, производимые ихъ буйными шайками. Намъ кажется, что этотъ внезапный разрывъ всего скорѣ можно приписать зависти, всегда раздѣлявшей Карлистскихъ предводителей. Возвратившись въ свои горы, Кабрера посадилъ Серрадора въ тюрьму, и наконецъ сдѣлался единственнымъ кабесильей въ Валенсіи и Мурсіи.

Онъ вскорѣ былъ наименованъ генераль-комендантомъ этихъ обѣихъ провинцій. Въ Маѣ 1837, когда Донъ Карлосъ сдѣлалъ попытку на Мадридъ, экспедиціонная армія, предводительствуемая самимъ претендентомъ, выступила изъ Наварры и прошла въ направленіи параллельномъ съ цѣпью Пиренеевъ, весь Арагонъ и всю Каталонію, чтобы соединиться съ войскомъ Кабреры. Молодой генераль, котораго значительность доказывалась уже однимъ этимъ походомъ, поджидалъ Дона Карлоса въ Фликсѣ на правомъ берегу Эбро. Королевская армія переправилась черезъ рѣку и всѣ силы Карлистской Испаніи были соединены. По счастью, которое всегда покровительствовало Кабреръ, единственный соперникъ, который могъ быть противопоставленъ ему во всей восточной части Испаніи, храбрый Квилесъ (Quilez) Карлистскій генераль-комендантъ Арагона, былъ убитъ въ сраженіи, происходившемъ 24 Сентября въ Харреръ между генераломъ Бюренсомъ (Buerens) и экспедиціонною арміею. Черезъ нѣсколь-

ко днѣ послѣ этого блестящаго дѣла армія была уже передъ Мадритомъ.

Кабрера, котораго отрядъ былъ въ авангардѣ, выказалъ рѣдкую неустрашимость. Онъ приблизился къ Атокскимъ воротамъ Мадрита и занялъ своими стрѣлками всѣ высоты, которыя господствуютъ надъ этими воротами. Изъ его главной квартиры можно было видѣть въ зрительную трубу Инфанту Луизу Шарлотту, которая смотрѣла на королевскую армію съ балкона своего дворца. Всѣмъ извѣстно, что случилось при этихъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ. Въ то самое время, какъ армія ожидала повелѣнія вступить въ Мадритъ, Донъ Карлосъ отдалъ 15 Августа приказъ начать отступленіе. Здѣсь не мѣсто разсматривать, что побудило его къ такому странному и неожиданному поступку. Мы должны только сказать, что онъ въ высочайшей степени возбудилъ негодованіе во всей арміи и въ особенности въ отрядѣ Кабреры. «Впередъ, вскричалъ онъ при всѣхъ своихъ офицерахъ, когда получилъ этотъ приказъ, я буду дѣлать все по своему: *Aso hare a oni cabeza.*» Такъ онъ и дѣлалъ.

Какъ скоро отступленіе началось, онъ повелъ свою дивизію въ Валенсію, не заботясь о томъ, какъ Донъ Карлосъ доберется до Басскихъ провинцій. Военская слава его усилилась въ эту кампанію болѣе и болѣе. Всѣ говорили, что еслибъ королевскою арміею командовалъ Кабрера, то она была бы въ Мадритѣ и всякой наперерывъ рассказывалъ подвиги юнаго героя. Съ этого времени онъ непрерывно былъ на сценѣ. 1838 годъ былъ пагубенъ для Дона Карлоса и напротивъ очень благопріятенъ для Кабреры, который возвышался по мѣрѣ того, какъ дѣло Карлистовъ въ Наваррѣ падало. Каждый шагъ, который

армія Эспартеро дѣлала впередь, былъ вознагражденъ какимъ нибудь новымъ успѣхомъ счастливаго партизана и всѣ взоры мало по малу пріучались обращаться къ нему.

Ему давно уже хотѣлось взять орьелью, чтобы сдѣлать ее своей главной крѣпостью. Вдругъ въ Февраль 1838, узнали, что онъ овладѣлъ этимъ городомъ. Вотъ достовѣрный и доселѣ неизвѣстный подробности объ этомъ важномъ событіи.

Одинъ артиллеристъ, по имени Педро, бѣжалъ изъ войскъ Королевы Христины и опредѣлился къ Кабрерѣ. Этотъ человекъ служилъ прежде въ отрядѣ, который содержалъ гарнизонъ въ Морельи. Однажды онъ вышелъ на встрѣчу къ Дону Рамону и, приложивъ руку къ своему берету, сказалъ: «Генераль, я берусь взять Морелью, если вашему превосходительству угодно будетъ дать мнѣ польроты.» — Кабрера, пораженный его рѣшительнымъ видомъ, отвѣчалъ: — «Согласенъ, хоть бы только для того, чтобы наградить тебя за усердіе.» Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого Педро пошелъ къ Морельи съ небольшимъ своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ сорока пѣхотныхъ солдатъ, подъ командою поручика. Они пришли къ подошвѣ скалы, на которой стоитъ цитадель, часовъ въ семь, когда уже совсѣмъ смерклось.

Педро тотчасъ началъ искать въ тѣнотѣ того мѣста, гдѣ онъ часто спускался со скалы и влезалъ на нее, когда былъ въ Морельи. Ночь была холодная; съестныхъ припасовъ отрядъ взялъ не много; поручикъ и солдаты начинали уже роптать, какъ вдругъ увидѣли, что Педро, въ нѣсколькихъ футахъ надъ ихъ головами, карабкается по скалѣ,

какъ обезьяна. Въ какія нибудь три четверти часа, онъ былъ уже у подошвы стѣны и тоже влѣзъ на нее. Часовые спрятались отъ холода въ свои будки и дремали. Педро поползъ до первой будки, выстрѣлилъ прямо въ грудь часовому и схватилъ его ружье. При выстрѣлѣ, караулъ сбѣжался; но неустрашимый Педро, не теряя присутствія духа, выстрѣлилъ въ перваго, кто явился и положилъ его, крича во все горло: Да здравствуетъ Карлъ V! Остальные, думая, что цитадель уже во власти Карлистовъ, побросали свое оружіе и разбѣжались; тревога распространилась по всѣмъ этажамъ цитадели и повсюду кричали: Карлисты! Карлисты!

Между тѣмъ Педро, не теряя времени, заперъ всѣ входы на террасу, которою онъ такъ счастливо овладѣлъ и спустивъ веревку, помогъ поручику взобраться на верхъ, потомъ втащилъ также сержанта и большую часть солдатъ, которые съ ними были; прочіе побѣжали къ Кабрерѣ, чтобы сообщить ему о дивномъ подвигѣ своего предводителя. Отрядъ провелъ ночь на террасѣ, удивляясь, что его не атакуютъ и ожидая подкрѣпленія: эти люди и не воображали себѣ, что одержали полную побѣду. Комендантъ крѣпости, заразившись паническимъ страхомъ, которымъ пораженъ былъ гарнизонъ, въ два часа утра велѣлъ отворить ворота и вышелъ со всѣмъ своимъ корпусомъ, не оставивъ въ цитадели ни одного человѣка.

На разсвѣтъ жители Морельи, которые почти всѣ были Карлисты, узнавъ, что гарнизонъ вышелъ изъ города, разсѣялись по улицамъ и кричали: Viva Carlos quinto! viva le religion! viva Nirgen! viva Cabrera! Но осторожный Педро не выходилъ изъ цитадели, и жители не могли понять, отъ чего это

тъ, которые овладѣли замкомъ, не показываются; вдругъ къ городскимъ воротамъ прискакали нѣсколько человекъ верхами: то былъ Кабрера со своимъ главнымъ штабомъ: онъ сѣлъ на коня, какъ скоро узналъ объ успѣхъ предпріятія Педро. Тутъ все объяснилось; заключенныхъ вывели изъ цитадели и съ торжествомъ носили по городу, и знамя Дона Карлоса побѣдоносно развѣялось надъ стѣнами Морельи. Педро получилъ чинокъ капитана и орденъ Св. Фердинанда; взятіе Морельи надѣлало много шума во всей Испаніи; но слава Педро исчезла въ славу его генерала.

Кабрера не принималъ большаго участія во взятіи Морельи; но за то послѣ распоряжался весьма хорошо. Овладѣвъ этой давно желанной крѣпостью, онъ рѣшился сдѣлать ее мѣстопробываніемъ настоящаго правительства и главною квартирою настоящей арміи. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему Испанцы и иностранцы. Кабрера не имѣлъ никакого понятія о военныхъ дѣлахъ и объ администраціи, но за то слушался людей знающихъ. Обученіе войскъ своихъ онъ поручилъ опытнымъ офицерамъ, большею частію изъ Французовъ. Въ Кантавіехъ онъ устроилъ литейный дворъ, которымъ управлялъ нѣкто Эчевастеръ (Etchevaster), присланный къ нему Дономъ Карлосомъ; тамъ отливали орудія точно также какъ колокола и пушки были очень хороши. Пороховые и оружейные заводы были устроены въ Мирамбелѣ, въ Морельи, и въ большей части деревень Маэстрасго. Укрѣпленія повсюду были исправлены, и къ прежнимъ прибавлены еще новыя.

Христиносы съ досадою все это видѣли и думали только о томъ, какъ бы снова овладѣть крѣпостью

которую у нихъ такимъ страшнымъ образомъ отняли. Попытка ихъ доставила только новое торжество Кабреръ.

Въ концѣ Юля 1838, генераль Ораа, командиръ центральной арміи, выступилъ противъ Морельи. Силы его состояли изъ двадцати тысячъ человекъ и раздѣлялись на три корпуса. Первый, подъ командою Аспироса, приблизился къ горамъ, окружающимъ Маэстрасго, съ сѣвера, изъ Алканиса; второй, подъ начальствомъ генерала Фанъ-Галена, собрался на западной сторонѣ, въ Теруель; третій, подъ предводительствомъ храбраго генерала Пардиньяса (Pardinas), расположился на юго-востокъ, въ Кастельонъ де ла Плана.

Эти три колонны, занимавшія углы треугольника, котораго центромъ была Морелья, получили приказаніе двинуться въ одно время на Морелью и сосѣднія крѣпости. Когда одна колонна была останавливаема укрѣпленіями, которыя Кабрера воздвигъ передъ всѣми деревнями, она тотчасъ давала знать объ этомъ двумъ другимъ колоннамъ, которыя тотчасъ замедляли свое движеніе: такъ много Ораа заботился о томъ, чтобы какъ можно лучше окружить своего страшнаго непріятеля въ его крѣпости. Такимъ образомъ Христиносы потеряли много времени, поджидая одни другихъ, а между тѣмъ запасы провіанта, собранные съ большимъ трудомъ и огромными издержками, уменьшались.

Кабрера, съ своей стороны, узнавъ о приближеніи Ораа, оставилъ лучшія свои войска для обороны крѣпости, а самъ съ тремя тысячами человекъ выступилъ въ поле. Онъ занялъ всѣ высоты, окружающія Морелью, и когда Христиносы проникли туда,

онъ безпрестанно беспокоилъ ихъ, то нападал на нихъ съ тылу, то осыпая колонны съ фланговъ своими застрѣльщиками. Въ этой партизанской войнѣ не слѣдовали никакимъ правиламъ тактики; только осажденные и отрядъ, дѣйствовавшій въ полѣ, обмѣнивались между собою сигналами, посредствомъ разноцвѣтныхъ ракетъ, и это одно придавало ихъ дѣйствіямъ нѣкоторую общность.

Впрочемъ у Кабреры было и другое средство, еще проще этого, содержать сообщенія съ гарнизономъ крѣпости. Во все продолженіе осады, почти каждый вечеръ, одинъ отважный молодой человекъ, отправлялся съ Карлистскихъ передовыхъ постовъ, расположенныхъ по высотамъ, и украдкою, ползкомъ, на четверенькахъ пробирался въ темнотѣ къ стѣнамъ крѣпости. Ему спускали сверху веревку съ узлами и такимъ образомъ онъ взлѣзалъ въ цитадель. Этотъ молодой человекъ былъ самъ Кабрера, если вѣрить рассказамъ Карлистовъ, восхищающихся этимъ неустрашимымъ поступкомъ одного изъ своихъ предводителей. Такимъ образомъ, онъ осматривалъ гарнизонъ, сообщалъ ему о своихъ движеніяхъ; потомъ тѣмъ же путемъ пробирался ночью обратно и тотчасъ снова нападалъ на непріятеля.

Подойдя къ крѣпости, Ораа еще цѣлую недѣлю поджидалъ своей артиллеріи, которую онъ оставилъ въ Алканикѣ. Въ это время онъ посылалъ во всѣ стороны небольшіе отряды для рекогносцировки и укрѣплялъ свой лагерь. Наконецъ въ осьмой день онъ открылъ огонь и дня черезъ три потомъ брешь была готова, но Христиносы, вмѣсто того, чтобы тотчасъ итти на приступъ, еще медлили, а между тѣмъ осажденные придумали новый способъ оборо-

ны, очень хорошо показывающій, что это была за война.

Морелья загромождена была строевымъ лѣсомъ, потому что Карлисты разломали слишкомъ сто домовъ, принадлежавшихъ Христиносамъ. Этотъ лѣсъ стащили на брешь и зажгли. Пламя поднималось на ужасную высоту и озаряло городъ и всѣ окрестности. Въ нѣсколько часовъ брешь сдѣлалась страшнымъ горниломъ, которое распространяло вокругъ себя нестерпимый жаръ и пожрало бы всякаго, кто бы вздумалъ перебраться черезъ него.

Между тѣмъ Кабреры солдаты, которые безпрестанно бродили вокругъ Христиносскихъ аванпостовъ, кричали имъ: — «Ну что же вы нейдете на приступъ? Мы, кажется, порядочно вамъ свѣтимъ!» Приступъ дѣйствительно былъ сдѣланъ, но безъ успѣха. Больше двухъ сотъ человекъ, убитыхъ изъ ружей, или погибшихъ въ огнѣ, выбыли изъ строя, и Христиносы, преслѣдуемые этимъ ужаснымъ пожаромъ, кричали: — Кабрера дѣвольтъ, а Морелья ады! — *Cabrera es un demonio y Morella un infierno.*

Карлисты день и ночь поддерживали огонь своего костра; Христиносы сдѣлали второй приступъ, но также неудачно. Между тѣмъ провіантскіе запасы въ арміи Ораа истощились; солдаты питались лошадинымъ мясомъ. Они упали духомъ; дисциплина ослабѣла. Ораа сдѣлалъ генеральный приступъ; но и эта отчаянная попытка также не имѣла успѣха. Наконецъ, Христиносы, оставивъ подъ стѣнами крѣпости множество убитыхъ, въ томъ числѣ и прежняго коменданта Морельи, который такъ глупо лишился этой крѣпости, сняли осаду, 18 Августа; брешь все еще пылала.

Ее погасили для того, чтобы пропустить Кабреру. Счастливей предводитель Карлистовъ съ триумфомъ возвратился въ свой освобожденный городъ. Никогда, ни одного Испанскаго короля не встрѣчали съ такимъ энтузіасмомъ. Въ городѣ звонили во весь колокола. Фанатики, при видѣ Кабреры, бросались на колѣна. Въ Морельи выходилъ подъ заглавіемъ *Regidico de Aragon, Valencia y Murcia*, журналъ, котораго редакторъ, старый священникъ, являлся всякой вечеръ къ Кабрерѣ за приказаніями. Въ этомъ журналѣ помѣщено было пышное описаніе осады, оканчивавшееся слѣдующими словами: «Мы всѣ, храбрые солдаты арміи и обыватели этого героическаго и вѣрнаго города, полагаемъ, что королю слѣдовало бы, послѣ столь знаменитой побѣды, пожаловать безсмертному Кабрерѣ титулъ Графа Морельскаго?»

Титулъ, такимъ образомъ испрашиваемый, и чинъ генералъ - лейтенанта, были пожалованы Кабрерѣ декретомъ, подписаннымъ въ Оньятѣ 2 Сентября 1838 года. И Рамонъ, школьникъ Рамонъ, сталъ подписываться громкимъ именемъ: *El conde de Moreda*.

Сверхъ того Донъ Карлосъ написалъ ему слѣдующее собственноручное письмо, которое мы сообщаемъ въ самомъ близкомъ переводѣ.

«Любезный Кабрера!

«Велика была радость, возбужденная въ душѣ моей славною побѣдою, которую ты одержалъ и совершеннымъ пораженіемъ враговъ истиннаго благоденствія нашей любезной Испаніи, моихъ законныхъ правъ и самого Бога; душевно радуюсь также, что имѣю этотъ новый случай вознаградить тебя за твои непрерывныя заслуги, твою постоянную вѣрность, любовь ко мнѣ, усердіе и безкорыстіе. Благодарю Бо-

га, что онъ даровалъ мнѣ такого вѣрнаго слугу какъ ты, и облекъ тебя столь великими мужествомъ, постоянствомъ, вѣрностію и такою ревностію къ достиженію главной цѣли нашего предпріятія. Будь и впередъ столь же постоянешъ и всякой разъ все тверже и тверже въ нашихъ непоколебимыхъ правилахъ; будь ножемъ (el cuchillo) печестивцевъ и разрушителей государствъ и престоловъ, и ты доставишь мнѣ удовольствіе наградить тебя, какъ бы мнѣ хотѣлось. Я слышалъ, что ты едва не погибъ и тѣмъ едва не причинилъ мнѣ великой горести; повелѣваю тебѣ не подвергаться дерзостно опасности; потому что если бы съ тобою случилось несчастіе, то это причинило бы мнѣ жестокою печаль и было бы великою потерею и для меня и для дѣла, которое есть не что иное, какъ дѣло самой религіи. Молю Бога, чтобы онъ по прежнему даровалъ тебѣ победы надъ врагами, молю пресвятую Богородицу всѣхъ скорбящихъ, нашу покровительницу, чтобы она прикрывала тебя своею мантіею, покровительствовала тебѣ, руководила тебя, управляла тобою, защищала тебя, и даровала намъ вскорѣ утѣшеніе, побѣдивъ всѣхъ нашихъ неприятелей, отдохнуть въ Мадридѣ. Прощай! уважаю и люблю тебя.

«Карлосъ.»

Вѣсть о томъ, что осада Морели снята, быстро разнеслась по всей Испаніи. Это былъ величайшій и самый неожиданный изъ всѣхъ успѣховъ, пріобрѣтенныхъ въ послѣднее время Карлистами; Кабрера сдѣлался болѣе чѣмъ когда нибудь героемъ своей партіи. Мы видѣли, какимъ образомъ пріобрѣлъ онъ такую славу и что дѣлалъ для достиженія ея. Главною причиною того, что случилось, была медлительность генерала Ораа. Что касается до Кабреры, то онъ только, какъ храбрый гверильяро, нападалъ на неприятеля какъ ни попало, безъ плана и безъ порядка.

Послѣ своего успѣха онъ даже и не подумалъ преслѣдовать Ораа. Армія Христиносовъ ретировалась.

въ величайшемъ безпорядкѣ и сформировалась снова только въ Альканидѣ. Еслибъ Карлисты, пользуясь своею побѣдою, слѣдовали за Христиносами по плантамъ, то не многіе изъ послѣднихъ прошли бы чрезъ дефилеи, лежащія на пути; но не такъ ведутъ войну въ Испаніи, и Кабрера занятъ былъ совсѣмъ другимъ.

На другой же день по возвращеніи своемъ въ Морелью, онъ собралъ все свои войска, оставивъ городъ безъ защиты, и пошелъ въ сторону, противоположную той, въ которую ретировалась армія Ораа. Для преслѣдованія непріятеля онъ отрядилъ только одинъ баталіонъ. Еслибъ армія Христиносовъ, узнавъ объ этомъ, обратилась назадъ, то она безъ выстрѣла заняла бы Морелью, тѣмъ болѣе, что бреша не была задѣлана; но Ораа этого и въ голову не пришло. Солдаты его, раздѣлившись на небольшія шайки, грабмили и жгли страну, по которой проходили, и она долго послѣ нихъ была настолпцею пустынею. Баталіонъ, слѣдовавшій за ними, убивалъ, сколько силъ стало и взялъ въ плѣнъ двѣсти человѣкъ, которые были разстрѣляны *за то, что осмѣлились идти противъ Морельи*. Но куда жъ пошелъ Кабрера? Это мы сейчасъ увидимъ.

Спустя нѣсколько дней по снятіи осады Морельи, дамы изъ Валенсіи купались въ морѣ, вдоль живописнаго берега, лежащаго по близости города. Такъ какъ въ Испаніи ничево во-время не узнаютъ, то въ Валенсіи и въ окрестностяхъ царствовало глубочайшее спокойствіе. Въ Христиноскомъ журналѣ, выходившемъ въ Валенсіи, напечатаны были самыя пышныя рассказы о мужествѣ (*bizaggia*), которое выказываютъ войска Королевы, осаждающія Морелью и жители приготовили уже фейерверкъ, чтобы празд-

новать взятіе этой страшной крѣпости. Говорили даже, что Кабрера убитъ и всѣ радовались и вселились. Городскія ворота были отворены; все дышало тишиной и удовольствіемъ, подѣ этимъ небомъ столь яснымъ и чистымъ, что человекъ счастливъ отъ того только, что видитъ этотъ свѣтъ, дышитъ этимъ воздухомъ.

Вдругъ раздаются страшные крики; они приближаются и испуганныя купальщицы съ ужасомъ видятъ, что отвратительные всадники скачутъ вдоль моря и подбираютъ пиками платья, которыя онѣ оставили на берегу. *Los facciosos! Los facciosos!* При этомъ страшномъ крикѣ все бѣжитъ; городскія ворота запираются. Это былъ дѣйствительно эскадронъ Кабреры и за нимъ слѣдовала вся его армія. Рассказываютъ, что командиръ этого эскадрона, Донъ Рамонъ Моралесъ, служившій прежде въ тѣлохранителяхъ, сжалился надъ дамами, которыя непріятель засталъ въ водѣ. Между тѣмъ какъ онѣ прятались, какъ могли, за скалами, онъ приказалъ солдатамъ своимъ удалиться и вѣжливо объявилъ дамамъ, что имъ нечего бояться. — Ахъ, какъ жаль, говорили онѣ одѣваясь и спѣша въ городъ, что такой милый кавалеръ мятежникъ! *Que lastima que tal caballero sea un faccioso!*

Между тѣмъ Кабрера опустошалъ огнемъ и мечемъ великолѣпную Валенсійскую гуэрту, которая славилась своимъ богатствомъ. Со всѣхъ сторонъ по горизонту поднимался къ небу дымъ горящихъ деревьевъ. Звонъ колоколовъ и бой барабановъ призывалъ жителей Валенсіи къ защитѣ окрестныхъ селъ; по никто не осмѣлился противостать непріятелю. Цѣлые два дня Карлисты спокойно грабили, потомъ возвратились въ Морелью такъ же скоро, какъ при-

были въ Валенсію и гнали передъ собою цѣлые ряды лошадей и муловъ, нагруженныхъ добычею. Въ цитадель свезено было огромное количество хлѣба; въ окрестныя горы нагнаны многочисленныя стада рогатаго скота и овецъ; что касается до денегъ, то они были раздѣлены между солдатами и ихъ командирами. Само собою разумѣется, что *баратеросамъ*, составлявшимъ большую часть войска Кабреры, гораздо пріятнѣе было совершить подобную экспедицію, чѣмъ преслѣдовать и истреблять непріятельскую армію.

Ужась, который оставилъ за собою кровавый набѣгъ Карлистовъ, по сихъ поръ еще не изгладился въ Валенсію. Одно происшествіе, которое случилось долго спустя послѣ нашествія Кабреры и которое всѣ въ Испаніи рассказываютъ, можетъ подать ясное понятіе объ этомъ. Одинъ Валенсійскій купецъ ждалъ корабль съ контрабандою; онъ видѣлъ, что судно лавируетъ вдали, но не смѣетъ приблизиться, потому что весь берегъ покрытъ таможенными. Чтобы помочь горю, онъ придумалъ хитрость: пустился со всѣхъ ногъ бѣжать къ городу, крича во все горло: Кабрера! Кабрера! При этомъ страшномъ имени, повторяемомъ испуганными жителями, таможенные тоже пускаются бѣжать къ городу; повсюду распространяется паническій страхъ; изъ всѣхъ частей гуарты сбѣгаютъ люди, неся съ собою, что у нихъ было самаго драгоценнаго. Въ слѣдствіе этой тревоги, городскія ворота три дня не отворялись. Подъ стѣнами Валенсіи скопилось безчисленное множество мужчинъ, женщинъ, муловъ; испуганные сельскіе жители кричали въ отчаяніи и молили, чтобъ ихъ впустили въ городъ; но горожане боялись отворить ворота, чтобы вмѣстѣ съ

бѣглецами не впустить и страннаго павѣдника. Между тѣмъ контрабандисты, пользуясь беспорядкомъ, выгрузили свои товары, а жители Валенсіи на этотъ разъ отдѣлались однимъ страхомъ.

Мы оставили Кабреру въ Морельн. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, мы находимъ его уже въ Фальсетѣ. Фальсета небольшой укрѣпленный городъ за Эбро, около двадцати лье на сѣверъ отъ Морельн, а Валенсія лежитъ въ тридцати лье отъ нея на югъ. Быстрота движеній одно изъ первыхъ качествъ партизана, потому что позволяетъ ему внезапно являться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ его наименѣе ожидаютъ; Кабрера долгое время обладалъ этою способностію въ высочайшей степени и это одно объясняетъ, почему онъ пользуется такою воинскою славою между Испанцами.

Такимъ образомъ онъ пошелъ на Фальсету, въ надеждѣ опустошить этотъ городъ и опять получить богатую добычу; но тутъ случай доставилъ ему новую побѣду, которой онъ, конечно, совѣмъ не искалъ. Генераль Пардиньясъ, который командовалъ третьею дивизіею центральной арміи, не могъ безъ негодованія видѣть, что она не въ состояніи была взять плохую крѣпость, защищаемую нѣсколькими тысячами Карлистовъ. Ему чрезвычайно хотѣлось отмстить за это непріятелю и потому, узнавъ, что новый Графъ Морельскій недалеко отъ него, онъ тотчасъ двинулся противъ него. У Кабреры было три тысячи человекъ; Пардиньясъ велъ шесть тысячъ и твердо былъ увѣренъ, что съ такими силами легко подавить Карлистовъ.

Кабрера никогда не предлагалъ непріятельмъ сраженія въ открытомъ полѣ; но рѣдко отъ него от-

казывался. Узнавъ о приближеніи Пардиньяса, онъ пошелъ къ нему на встрѣчу. Арміи ихъ сошлись 1-го Октября 1838 года между Фликсомъ и Маэль-ею (Maella). Пардиньясъ вытянулъ свою дивизію въ одну линію; Кабрера сдѣлалъ тоже. Съ обѣихъ сторонъ такая диспозиція была ошибкою; но еще больше со стороны Кабреры, потому что непріятель, будучи гораздо многочисленнѣе, могъ обойти его съ обѣихъ сторонъ и атаковать въ одно время и съ фланговъ, и съ фронта. По всѣмъ вѣроятностямъ его войско должно было погибнуть; между тѣмъ истреблена была дивизія Пардиньяса.

Сраженіе началось съ величайшимъ ожесточеніемъ. Христианосы дрались какъ люди, которые хотятъ заглядить свое пораженіе; Карлисты съ увѣренностію солдатъ, привыкшихъ побѣждать. Послѣ двухъ-часовой перестрѣлки, войска Кабреры принуждены были уступить превосходнымъ силамъ; лѣвое крыло смѣшалось и вся линія начала ретироваться. Кабрера въ бѣшенствѣ бросается впередъ, крича: «Трусъ! вы покидаете меня! Бѣгите! я и одинъ умру посреди непріятелей.» — Нѣтъ, не одинъ, генералъ, а съ вашими вѣрными Арагонцами! отвѣчалъ полковникъ, командовавшій Арагонскимъ эскадрономъ, который прикрывалъ отступленіе. При этихъ словахъ, онъ поворотилъ свой эскадронъ и съ такою стремительностію ударилъ на лѣвое крыло непріятеля, что въ минуту разсѣялъ его.

Храбрый Пардиньясъ, видя, что эта часть его войскъ разстроилась, поспѣшилъ туда со всѣмъ своимъ главнымъ штабомъ. Арагонскій полковникъ поскакалъ прямо къ нему, ударилъ его копьемъ въ горло и убилъ на мѣстѣ. Въ тоже самое время, главный штабъ, атакованный Карлистскою кавале-

рією, поворотилъ назадъ. Кабрера, которому между тѣмъ удалось воротить бѣглецовъ, подоспѣлъ со всѣми своими силами, но присутствіе его было уже не нужно. Узнавъ о смерти своего несчастнаго генерала, солдаты Пардиньяса сѣли на землю, поднимая ружья прикладами къ верху и крича, что они сдаются. Они всѣ были взяты въ плѣнъ. Ихъ нашлось пять тысячъ; остальные были убиты. Изъ всей этой прекрасной дивизіи спаслось не болѣе сорока кавалеристовъ.

Такъ происходило знаменитое Маэльское дѣло, самое пагубное для Христиносовъ изъ всѣхъ, какія только они выдержали въ продолженіе этой войны. Генераль Пардиньясъ, который погибъ при этомъ случаѣ, былъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ арміи Королевы. Онъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ въ Галисіи фамилій и опредѣлился въ военную службу по склонности; выбранный въ 1837 году депутатомъ въ собраніе Кортесовъ, онъ добровольно покинулъ мѣсто свое въ Палатѣ и принялся за тягостные воинскіе труды. Ему было тридцать пять лѣтъ, когда онъ умеръ. Въ Испанскихъ журналахъ это сраженіе описывали совсѣмъ иначе; но то, что мы говорили, есть суцная истина; такъ рассказывали намъ очевидцы. Пардиньясъ не былъ подавленъ превосходнымъ числомъ, какъ тогда говорили, потому что у него было болѣе войска, чѣмъ у непріятеля; но онъ погибъ отъ одного изъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, которые на войнѣ обращаются иногда противъ самыхъ храбрыхъ.

Это сраженіе, которое Кабрера выигралъ, почти самъ того не зная, еще болѣе возвысило его славу. Ужасъ распространился до самой Сарагоссы. Тамъ каждую минуту ожидали, что онъ подступитъ къ

городу и жители принялись за оружіе. Но Кабрера не являлся. Послѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ нападеній на Каспе и нѣкоторые другіе неважные города, онъ преспокойно пошелъ назадъ въ свои горы, не заботясь о послѣдствіяхъ, которыя могла бы имѣть его побѣда. Само собою разумѣется, что если бы послѣ такого успѣха, онъ явился въ тылу арміи Эснартеро, то произвелъ бы сильную диверсію; но этого у него и въ обычаѣ не было. Онъ заботился только о томъ, чтобы мало по малу сбѣгть съ рукъ своихъ плѣнныхъ. Жители Сарагоссы, по своему обыкновенію, со страху и съ досады, умертвили нѣсколькихъ плѣнныхъ, заключенныхъ въ замкъ, Кабрера тотчасъ приказалъ разстрѣлять въ возмездіе за это десятерыхъ Христиносовъ за cadaго Карлиста; обѣ партіи до того усердно мстили другъ другу, что наконецъ почти всѣ пять тысячъ плѣнныхъ такимъ образомъ погибли.

Это время было самою блестящею эпохою въ жизни Кабреры. Изъ своего Морельскаго Королевства, онъ занималъ или держалъ въ страхъ добрую треть Испаніи; армія его состояла уже изъ пятнадцати тысячъ человекъ почти регулярнаго войска; въ томъ числѣ было восемь сотъ кавалеристовъ. У него было сорокъ пушекъ, нѣсколько крѣпостей и трое храбрыхъ помощниковъ, Форкадель, Лянгостера и Поло. Все вокругъ его ему повиновалось и его боялось. Всѣ Карлисты, отъ края и до края Испаніи, съ уваженіемъ произносили его имя. Наконецъ онъ былъ графъ, что, вѣроятно, и его самого удивляло. И бѣдный Торгосскій школьникъ достигъ такой высокой степени величія въ какіянибудь пять лѣтъ.

До тѣхъ поръ фортуна, казалось, вела этого молодого прошеца за руку; но наступила минута,

когда она должна была низпровергнуть все это здание славы и могущества еще скорѣе, чѣмъ воздвигла его. Когда два главныхъ поборника двухъ партій, раздѣлявшихъ Испанію, сошлись, всѣ ждали страшнаго столкновенія. Герцогъ Витторія былъ главнокомандующимъ войскъ Королевы; Донъ Карлосъ, декретомъ отъ 9 Января 1840, отдалъ Каталонскую армію подъ начальство Графа Морельскаго, который давно уже командовалъ арміею Арагонскою, Валенсійскою и Мурсійскою. Въ обѣихъ этихъ арміяхъ вмѣстѣ было на лице до 30,000 человекъ; по этому отъ Кабреры можно было ожидать сильнаго сопротивленія и Карлистская партія крѣпко надѣялась на своего любимаго предводителя. Вдругъ страшная вѣсть какъ громомъ поразила эту партію: Кабрера былъ уже только тѣнью самого себя, боленъ, при смерти.

Неизвѣстно въ точности, съ какого времени началась эта болѣзнь Кабреры. Полагаютъ однакожъ, что онъ почувствовалъ первые припадки ея въ началѣ Ноября 1839 г. Носились слухи, будто онъ отравленъ; говорили также, что у него плефусъ. У него было по четырнадцать врачей вдругъ: правда, Испанскихъ врачей и искуснѣйшимъ изъ нихъ считался одинъ Валенсійскій каноникъ, по имени Севилья; но никто изъ нихъ не могъ опредѣлить надлежащимъ образомъ его болѣзни. Эта болѣзнь была просто истощеніе. Мы уже говорили, что онъ и при возвышеніи своемъ не отставалъ отъ веселыхъ привычекъ своей молодости; излишества, которымъ онъ предавался всякой день, воинскіе труды и раны по всему тѣлу, совершенно разстроили его здоровье. Первый кризисъ онъ выдержалъ; но по выздоровленіи его ожидала другая еще большая опасность. Привыкнувъ исполнять всѣ свои прихоти, онъ слыш-

комъ рано принялся за свой обыкновенный образъ жизни: виво, женщины и неистовыя Испанскія пляски, которыя онъ любилъ страстно, въ конецъ истощили его силы и произвели еще нѣсколько подобныхъ припадковъ.

Въ этомъ положеніи онъ продолжалъ еще командовать. Окружающіе его тщательно скрывали отъ войска и народа разслабленіе своего начальника. Нѣсколько разъ во всемъ Маэстрасго звонили въ колокола, празднуя его мнимое выздоровленіе. Чтобы лучше обмануть народъ, одинъ изъ его помощниковъ одѣвался въ его платье, садился на его лошадь и скакалъ по подвластнымъ ему деревнямъ. Когда эта хитрость сдѣлалась уже невозможною, онъ сталъ по временамъ самъ показываться на носилкахъ, и его до того обожали, что одно его появленіе уже поддерживало мужество во всѣхъ сердцахъ. Но большею частію онъ проводилъ время въ одиночествѣ, невидимый, какъ восточный деспотъ и нравственное разстройство овладѣвало въ отсутствіе его тѣми, которыя привыкли полагаться на него, какъ на бога войны.

Между тѣмъ Эспартеро продолжалъ свои огромныя приготовленія и всѣ ясно видѣли, что Кабреръ даже и при всей его прежней энергіи, трудно было бы устоять противъ такихъ страшныхъ силъ. Кабрера, не смотря на свое болѣзненное состояніе, видѣлъ это не хуже другихъ; и тогда, обращаясь къ Дону Карлосу, онъ въ Январѣ и Февралѣ мѣсяцахъ безпрестанно писалъ къ нему въ Буржъ, объясняя ему свое положеніе и просилъ, чтобы тотъ какимъ нибудь образомъ помогъ ему. Донъ Карлосъ написалъ къ нему нѣсколько писемъ, называлъ его своимъ любезнымъ *Рамо*е, дружескимъ уменьшитель-

нымъ именемъ, которое давалъ ему въ другія счастливейшія времена, и убѣждалъ его беречься *маротства*; сверхъ того онъ учредилъ особый орденъ для войскъ Каталоніи, Арагоніи, Валенсіи и Мурсіи. Но это было единственное пособіе, какое претендентъ могъ сдѣлать своей послѣдней арміи; Державы, которыя поддерживали Донъ Карлоса, теперь совершенно его покинули, и онъ, не смотря на всѣ свои усилія, ничего уже не могъ получить отъ нихъ.

Наконецъ въ послѣднихъ числахъ Марта предположено было произвести въ сѣверныхъ провинціяхъ большую диверсію, чтобы освободить Кабреру. Но уже было поздно. Миръ такъ уже укоренился въ этихъ провинціяхъ, что его было трудно потрясти. Испанскіе Карлистскіе офицеры, перешедшіе во Францію съ Дономъ Карлосомъ, толпами убѣгали изъ мѣстъ, назначенныхъ для ихъ пребыванія; но перейдя черезъ границу, они не находили ни малѣйшаго сочувствія въ этомъ народонаселеніи, которое нѣкогда столь пламенно желало войны. Французское правительство приказало взять зачинщиковъ подъ стражу и между прочимъ генерала Эліо, который и былъ посаженъ въ Лилльскую цитадель; новый эмиссаръ Кабреры, полковникъ Гаета, былъ тоже задержанъ и заключенъ въ Брестскую цитадель. Въ провинціяхъ пытались произвести возмущеніе, но не было ни денегъ, ни предводителей, и оно не удалось.

Между тѣмъ время текло и наступила весна. Въ Апрѣль Эспартеро выступилъ въ походъ; но общее ожиданіе не исполнилось: онъ нигдѣ не встрѣчалъ непріятели, котораго искалъ. Онъ осадилъ и взялъ постепенно Кастельоте, Сегуру, Кантавіеху: Кабреры тамъ не было. Онъ обложилъ Морелью, этотъ любимый городъ знаменитаго гверильеро, эту сто-

лицу его феодальнаго графства, эту крѣпость, которую онъ такъ долго считалъ неприступною: Кабреры тамъ не было. Стѣны Морельи были разрушены страшною артиллеріею, и 31 Мая крѣпость сдалась безусловно; весь Маэстрасго почти безъ выстрѣла былъ занятъ войсками Королевы: Кабреры тамъ не было. Никогда столь пышное начало не бывало увѣнчано столь жалкимъ концемъ: словно, будто призракъ, который исчезалъ при первомъ столкновѣніи съ существенностію.

Армія Кабреры, везя съ собою своего главнокомандующаго, переправилась черезъ Эбро и ретировалась въ Каталонію. Когда генераль О'Доннель атаковалъ ее при Сеніи (Senia), Кабрера всталъ съ постели и явился еще разъ на полѣ битвы; онъ сражался храбро и подъ нимъ убита была лошадь. То было его прощанье съ войною; это сраженіе, въ которомъ погибъ братъ генерала О'Доннелла, было уже послѣднее. Кабрера давно видѣлъ, что ему невозможно держаться; съ тѣхъ поръ онъ уже думалъ только о томъ, какъ бы удалиться во Францію. Онъ провелъ около трехъ недѣль въ Бергѣ, гдѣ началъ, но не кончилъ судъ надъ убійцами графа д'Эспаньи; потомъ, когда армія Эспартеро приблизилась къ этому послѣднему оплоту Карлистовъ въ Испаніи, онъ снова двинулся къ границѣ.

Онъ отправилъ впередъ двухъ сестеръ своихъ, которыхъ, повидимому, очень любитъ. Эти двѣ молоденькія женщины, изъ которыхъ одной семнадцать, а другой пятнадцать лѣтъ, перешли во Францію съ женою Карлисткаго военнаго интенданта Лабандеро; у нихъ было до пятидесяти тысячъ франковъ золотомъ. Одна изъ нихъ замужемъ за Поло; другая должна была выйдти за одного изъ адъютантовъ Кабре-

ры, по имени Арно (Арно). Правительство назначило имъ мѣстомъ пребыванія городъ Буржъ, въ Эвскомъ департаментъ, гдѣ онѣ, какъ слышно, занимаютъ разведеніемъ цвѣтовъ.

Наконецъ новый противникъ довершилъ однимъ своимъ появленіемъ пораженіе Кабреры; этотъ новый побѣдитель былъ не кто иной, какъ сама Королева Изабелла. Отправившись изъ столицы, чтобы пользоваться водами въ Барселонѣ, она отважно проѣхала чрезъ провинціи, которыя еще недавно трепетали при одномъ имени Кабреры. Волшебство королевской власти еще такъ сильно въ Испаніи, что присутствіе юной Королевы сдѣлало для успокоенія страны болѣе, чѣмъ цѣлая армія. Войска инсургентовъ, которыя хотѣли остановить ее, были подавлены; крики энтузіасма и любви, съ которыми принимали ее въ городахъ, раздавались и въ деревняхъ еще не положившихъ оружія и самые страшные ея непріатели исчезли передъ пылью, которую воздымали быстрыя колеса ея кареты. 30 Іюня она, среди празднествъ, вѣхала въ Барселону; черезъ четыре дня послѣ того, 4 Іюля, Эспартеро взялъ Бергу, а 6 числа, въ пять часовъ утра, Кабрера съ 10,000 человекъ перешелъ во Францію.

На границѣ было только двѣсти Французскихъ солдатъ, когда явилась вся эта армія. Христиносы за нею не слѣдовали и не слышно было ни одного ружейнаго выстрѣла. На Французской землѣ началась послѣдняя распря между тѣми, которые хотѣли остаться во Франціи и тѣми, которые намѣревались воротиться въ Испанію. Когда жандармы схватили Кабреру среди его войскъ, злѣе его Поло предлагалъ ему освободить его и воротиться съ нимъ въ Испанію. Кабрера упорно отказывался. Онъ

самъ говорилъ, что еслибъ хотѣлъ, то могъ бы продержаться въ горахъ еще шесть, семь лѣтъ; но его утрашала мысль безъ пользы жертвовать своими войсками. Притомъ сформировавъ регулярную армію, ему уже не хотѣлось вести партизанскую войну. Армія его вступила во Францію колоннами и съ величайшемъ порядкѣ; большая часть этихъ десяти тысячъ Арагонцевъ, дрожала отъ негодованія при мысли что должна сдаться безъ сраженія; но изъ уваженія къ послѣднимъ приказаніямъ своего предводителя они безъ сопротивленія позволили горсти людей обезоружить ихъ.

Трогательная сцена происходила въ ту минуту, когда Кабрера, добровольный пѣльникъ Французскаго правительства, удалился отъ границы; солдаты толпами забѣгали впередъ, чтобы еще разъ взглянуть на него, махали шапками и кричали: Да здравствуетъ Кабрера! и эти суровыя лица, которые не блѣднѣли при самыхъ страшныхъ эпизодахъ губительной войны, были орошены слезами. Онъ самъ плакалъ, навсегда разставаясь съ товарищами своего могущества. Такъ кончилась Испанская междоусобная война. Вмѣстѣ съ Кабрерою перешли во Францію Форкадель, Льянгостера, Поло, Палильось, Бурхо (Вигю), всѣ Арагонскіе предводители. Каталонцы держались еще нѣсколько времени и не хотѣли положить оружія, не разстрѣлявъ послѣднихъ своихъ патроновъ; они боролись еще нѣсколько дней, но потомъ, въ свою очередь, принуждены были перейти во Францію. Теперь, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльных отрядовъ, въ восточной части Испаніи инсургентовъ совсѣмъ нѣтъ, точно такъ же какъ и въ сѣверныхъ провинціяхъ.

Во Франціи чрезвычайно удивились, когда увидѣли Кабреру. Онъ малъ ростомъ, очень худъ, боро-

да у него рѣдкая, такъ что онъ похожъ на кроткаго и слабого молодаго человѣка. Волосы у него чрезвычайно черны, лицо очень смуглое. Говорятъ, что до болѣзни у него былъ удивительно блестящій взглядъ; теперь блескъ глазъ его, какъ кажется, ослабѣлъ. Онъ рѣдко смотритъ прямо въ лицо тому, съ кѣмъ говоритъ, и часто озирается съ какимъ-то безпокойствомъ. Физиономія у него умная, но не слишкомъ замѣчательная; когда онъ улыбается, лицо его принимаетъ выраженіе простодушнаго лукавства, довольно пріятное. Онъ чрезвычайно простъ въ обращеніи и даже нѣсколько застычивъ. По видимому, онъ болѣвъ и въ немъ уже совсѣмъ не замѣтно прежней живости, по которой онъ, какъ говорятъ, былъ въ непрерывномъ движеніи. Онъ ходитъ нѣсколько сгорбившись, почему надобно думать, что у него грудь разстроена.

Таковъ человѣкъ, которому случайныя обстоятельства доставили столь большое мѣсто въ исторіи послѣднихъ годовъ. Мы дополнимъ изображеніе Кабреры нѣсколькими подробностями о его характерѣ.

Кабрера никогда не имѣлъ никакихъ политическихъ мнѣній. Онъ предался дѣлу Донъ Карлоса, потому что только такимъ образомъ могъ выйти въ люди; охотно присоединился бы ко всякой другой партіи, которая представляла бы болѣе возможности успѣха, и доказалъ это своимъ неуваженіемъ къ повелѣніямъ претендента. Говорятъ, что иногда онъ, получивъ повелѣніе Донъ Карлоса, собственноручно подписывалъ внизу: *Recibido pero non ejecutado todo por el servicio da vuestra magestad* (получено, но не исполнено для пользы службы Вашего Величества) и такимъ образомъ отсылалъ назадъ.

Мы уже говорили о жестокости Кабреры. Мы сказали, что разсматривая характеръ его въ этомъ отношеніи, не должно забывать о нравахъ и предрасудкахъ его отечества. Его изображали существомъ свирѣпымъ, которое всегда жаждетъ человеческой крови; это уже слишкомъ. Тѣ, которые его хорошо знаютъ, говорятъ, что онъ никогда не проливалъ крови безъ причины. Онъ нечувствителенъ, но не жестокъ по природѣ. Есть слово, которое надѣлало много зла въ Испаніи; это слово *возмездіе*. Этимъ однимъ словомъ объясняются всѣ убійства, совершенныя Кабрерою. Христианосы обходились съ инсургентами какъ съ разбойниками и безъ милосердія умерщвляли ихъ; Карлисты платили имъ тѣмъ же. Въ Испаніи головы легко разгорячаются; каждая партія рассказывала о своихъ непріятеляхъ ужасы, и этими часто выдуманнми рассказами сама себя возбуждала къ такимъ же ужасамъ. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ заходятъ далеко. Надобно однако жъ сказать, что Кабрера, особенно, когда онъ былъ разсерженъ, принадлежалъ къ числу самыхъ кровожадныхъ людей.

Онъ былъ характера веселаго, но чрезвычайно вспыльчивъ и въ гнѣвѣ совершенно выходилъ изъ себя. Притомъ офицеры его не только не удерживали, но, напротивъ, нарочно раздражали. Рассказываютъ, что за нѣсколько дней до того, какъ Ораа подошелъ къ стѣнамъ Морельи, Кабрера давалъ обѣдъ всему свосму главному штабу. Съ самаго начала обѣда рѣчь зашла о томъ, что дѣлать съ плѣнными, которыхъ возмутъ въ будущихъ сраженіяхъ: положено было разстрѣливать безъ пощады однихъ главныхъ начальниковъ; потомъ, въ половинѣ обѣда, когда головы были уже разгорячены виномъ, къ главнымъ начальникамъ присоединили офицеровъ,

потомъ унтеръ-офицеровъ; въ концѣ объѣда рѣшено было не давать ни кому пощады, ни даже простымъ солдатамъ. Кабрера принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ оргіяхъ и самъ вмѣстѣ съ другими напивался; потомъ онъ уже долгомъ считалъ сдержать свое слово и изъ фавваронства выполнялъ то, въ чемъ поклялся въ минуту забвенія.

Что касается до его воинскихъ дарованій, то мы уже видѣли, въ чемъ они состояли. Между Испанцами, которые всѣ страстны къ партизанской войнѣ, Кабрера, разумѣется, считался искуснымъ генераломъ; во всякой другой странѣ его бы почитали челоѣкомъ, совершенно несвѣдущимъ въ войнѣ. Онъ, конечно, былъ счастливъ, очень счастливъ; но такихъ успѣховъ, какіе онъ пріобрѣталъ, нельзя приписывать одному случаю. Надобно, чтобы онъ обладалъ сверхъ того тѣми качествами, которыя необходимы для успѣха въ его отечествѣ. Съ самаго начала своего возвышенія онъ былъ почти невѣроятно дѣятеленъ, и отличался качествомъ драгоценнымъ въ партизанъ: способностью въ минуту рѣшиться на предпріятія самыя непредвидимыя. Недоразумѣнія, нечаянныя нападенія, панической страхъ, играли важную роль въ исторіи его возвышенія; но тоже самое можно сказать и о вслкомъ другомъ гверильеро; знаменитѣйшіе воинскіе подвиги Мины имѣли тотъ же самый характеръ.

Всего замѣчательнѣе въ немъ инстинктъ учредительный. Созданіе Маэстраго, какъ оно ни безобразно, доказываетъ рѣдкія способности въ школьникѣ, который вдругъ сдѣлался генераломъ. Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Абдель-Кадеромъ. Долговременное его пребываніе въ послѣднее время въ Морели, между тѣмъ какъ

прежде онъ не въ состоянiи былъ провести двухъ по-
чей въ одномъ мѣстѣ, показываетъ, что онъ съ удо-
вольствiемъ занимался администраціею. Можно ду-
мать, что онъ основалъ бы что нибудь, еслибъ
имѣлъ побольше времени, еслибъ не остановила его
болѣзнь, и еслибъ противъ него не устремлены бы-
ли всѣ силы организованной націи. Многія изъ от-
дѣльныхъ владѣній, образовавшихся въ средніе вѣ-
ки, не имѣли въ такое короткое время столь проч-
наго основанiя.

Рекрутъ набиралъ онъ самымъ простымъ обра-
зомъ. Когда вольноопредѣляющихся было недово-
льно, онъ отправлялъ сильный отрядъ въ какую ни-
будь деревню, подвластную королевъ, и выставлялъ
тамъ слѣдующее объявленіе, *banddo*: *Los mozos de*
este pueblo que no se presenten en el termino de las
24 horas, seran arca buscados por detras como trai-
dores (молодые люди этой деревни, которые не
явятся въ 24 часа, будутъ разстрѣлены сзади, какъ
измѣнники.) Солдаты, набранные такимъ образомъ,
назывались *tipones*. Онъ дѣйствовалъ точно также
безъ церемоній и тогда, когда ему нужны были
деньги: являлся неожиданно въ какое нибудь село
непріятельской земли и налагалъ одинаковую кон-
трибуцію и на Христипосовъ и на Карлистовъ. Од-
нажды, въ Каспе, нѣсколько именитыхъ гражданъ,
извѣстныхъ своею приверженностію къ претенден-
ту, жаловались Кабреръ на такую несправедливость:
«Я признаю друзьями, отвѣчалъ онъ, только тѣхъ,
которые слѣдуютъ за мною съ ружьемъ на плечѣ,
а если окажу предпочтеніе кому нибудь изъ тѣхъ,
кто не слѣдуетъ за мною, то ужъ конечно не тѣмъ,
которые выдаютъ себя за моихъ приверженцевъ, а
сами не хотятъ ни чѣмъ мнѣ пожертвовать.»

Жители подвластной ему страны вообще чрез-

вычайно его любили. Онъ дѣлалъ величайшія жестокости и грабительства въ мѣстахъ, не признававшихъ его власти, но поступалъ очень благосклонно съ тѣми, которые ему покорялись. Съ офицерами онъ былъ нерѣдко гордъ и грубъ, а съ поселянами, напротивъ того, всегда ласковъ, даже предупредителенъ. Онъ позволялъ своимъ войскамъ грабить сколько угодно за предѣлами его владѣній; но въ его маленькомъ королевствѣ никто не смѣлъ взыскать безъ его приказанія ни малѣйшей контрибуціи. Онъ не имѣлъ никакого понятія о правильной системѣ полиціи и администраціи, а между тѣмъ ему удалось, посредствомъ страха, учредить вокругъ себя администрацію довольно честную и полицію довольно строгую. Онъ поручалъ управленіе разными частями людямъ самымъ искуснымъ и знающимъ, какихъ только могъ найти, учреждалъ за ними строгій надзоръ и, при малѣйшемъ проступкѣ, казнилъ ихъ безъ милосердія.

Въ Маэстрасго никогда не бывало столько денегъ, какъ въ его управленіе. Все, что собиралъ онъ самъ, или что добывали его помощники въ набѣгахъ на сосѣднія провинціи, все это истрачивалось въ Маэстрасго. Говорили, будто онъ скопилъ себѣ огромныя суммы; если это точно было, то развѣ только въ послѣднее время, потому что прежде онъ былъ чрезвычайно расточителенъ и ни сколько не заботился о будущемъ.

Когда ужасъ, произведенный пораженіемъ Сардиньяса, прошелъ, дѣло Карлистовъ въ Наваррѣ снова начало упадать. Войска Королевы все тѣснѣе и тѣснѣе обледали главную квартиру Донъ Карлоса и армія, окружавшая претендента, каждый день терпѣла новыя пораженія. Она была раздѣлена же-

стокими распрями; мало по малу образовалась сильная партія, которая желала мира; самъ главнокомандующій, генераль Марото, сдѣлался предводителемъ тѣхъ, которые уже не вѣрили возможности успѣха. Говорятъ, что Кабрера велъ тайную переписку съ Ариасомъ Техейро (Tejeiro) министромъ Донъ Карлоса: слѣдовательно онъ не могъ не знать, что происходитъ въ провинціяхъ. Между тѣмъ онъ не предпринималъ ни чего, чтобы освободить Донъ Карлоса, и провелъ въ такомъ бездѣйствіи весь 1839 годъ. Ясно было, что онъ думалъ только о томъ, чтобы укрѣпиться отдѣльно, хотѣлъ спокойно наслаждаться плодами своего дивнаго возвышенія и, при всякихъ обстоятельствахъ, сохранить свою независимость.

Но выгоды его были совсѣмъ не такъ раздѣльны съ выгодами Донъ Карлоса, какъ онъ самъ воображалъ. Онъ замѣтилъ это, когда въ концѣ Сентября 1839, въ Морельи получена была вѣсть о Бергарскомъ договорѣ и о вступленіи Донъ Карлоса во Францію. Многіе изъ предводителей его армій, получивъ отъ Наварскихъ начальниковъ письма, въ которыхъ тѣ совѣтовали имъ послѣдовать примѣру провинцій, были въ нерѣшимости, и, по видимому, склонились къ примиренію. Кабрера тотчасъ узналъ объ этомъ, потому что онъ устроилъ въ своемъ лагерѣ обширную систему шпіонства, и сталъ бояться, что власть его, основанная на одной войнѣ, скоро падеть. Вотъ какъ распорядился онъ, чтобы разомъ прекратить всякое подобное пополозновеніе.

Однажды онъ созвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ офицеровъ. Какъ скоро они собрались, онъ началъ говорить, объявилъ имъ, что ему предлагаютъ вступить въ переговоры съ правительствомъ королевы, и спро-

силъ самымъ натуральнымъ тономъ, что они объ этомъ думаютъ и не считаютъ ли полезнымъ принять это предложеніе. Форкадель, самый пылкій изъ нихъ, съ первыхъ словъ, вскричалъ, что онъ скорѣе уйдетъ, чѣмъ станетъ слушать о подобныхъ предложеніяхъ. «Ну такъ ступай же вонъ!» сказалъ Кабрера съ запальчивостью, указывая ему на дверь. Форкадель всталъ и ушелъ; за нимъ послѣдовалъ Льянгостера. Кабрера заперъ за нимъ дверь и снова сѣлъ на свое мѣсто, говоря: «Сумабродовъ намъ здѣсь не нужно.» Потомъ онъ опять началъ совѣтоваться съ оставшимися и спрашивалъ ихъ, что ему дѣлать. Всѣ думали, что могутъ свободно выразить свое мнѣніе и нѣкоторые изъявили желаніе примириться съ правительствомъ королевы.

Какъ скоро совѣтъ кончился, Кабрера приказалъ разстрѣлять всѣхъ тѣхъ, которые обнаружили наклонность къ покорности. Въ числѣ ихъ былъ и Кантабрікскій комендантъ. Потомъ онъ издалъ приказъ, въ которомъ объявилъ, что всякой, кто въ арміи осмѣлится произнести слово «примиреніе,» будетъ немедленно казненъ смертію.

Кабрера не ограничилъ этимъ своихъ предосторожностей. Онъ приказалъ, чтобы вокругъ его владѣній было оставлено совершенно пустое пространство въ одну льѣ ширину. Всѣ жившіе на этомъ пространствѣ, получили приказаніе немедленно удалиться оттуда всякому, подѣ смертной казнью запрещено было отпираться туда, зачѣмъ бы то ни было. Сильные патрули безпрестанно ходили по этому осужденному пространству и всякой, кого тамъ брали, былъ немедленно разстрѣливаемъ, не смотря на то Христиность онъ или Карлистъ.

Посредствомъ этой сильной мѣры, всѣ сообщенія между владѣніями Кабреры и остальною Іспаніею,

были рѣшительно прерваны, такъ что долгое время не знали, что съ нимъ сдѣлалось. Одни думали, что онъ умеръ, другіе говорили, что онъ бѣжалъ, а онъ между тѣмъ спокойно оставался въ своихъ владѣніяхъ, окруживъ ихъ такою страшною кордонною линіею, какъ будто весь остальной міръ зараженъ былъ чумою. Можно было ѣхать въ Морелью, но оттуда никто не возвращался и не было никакихъ слуховъ. Такъ прошелъ весь Октябрь 1839 и часть Ноября.

Кабрера вышелъ изъ этого страшнаго безмолвія, тогда уже, когда былъ совершенно увѣренъ въ своей арміи. Страхъ утвердилъ колеблющіяся мнѣнія. Съ помощію барона Радена, который былъ артиллерійскимъ подполковникомъ въ Голландской службѣ и защищалъ Антверпенъ противъ Французовъ, онъ прибавилъ къ прежнимъ укрѣпленіямъ еще многія новыя, такъ что сдѣлалъ позицію свою неприступною. Каждое ущелье, каждая скала были прикрыты ретраншаментами. Горы были обведены полукружіемъ укрѣпленныхъ замковъ, изъ которыхъ самыя страшныя были Морелья и Контавіека. Генераль Бальмаседа присоединился къ нему съ пятьюстами кавалеристовъ, послѣднимъ остаткомъ Наварской арміи. Трагическая смерть графа д'Эспаньи, умерщвленнаго при первомъ подозрѣніи въ склонности къ примиренію, придала ему еще болѣе силы, потому что доставила пособіе Карлистской Каталонской арміи.

Между тѣмъ Эспартеро, побѣдитель Донъ Карлоса и примиритель сѣверныхъ провинцій, шелъ къ нему съ семьюдесятью тысячами человекъ и семьюдесятью орудіями. Онъ взялъ съ собою Кабанеро, бывшаго Карлистскаго Арагонскаго предводителя, который недавно покорился королевъ и издалъ прокламацію къ

своимъ землякамъ, въ которой совѣтовалъ имъ послѣдовать его примѣру. Эта прокламація не имѣла ни малѣйшихъ отголосковъ: Кабрера заранѣе принялъ противъ этого всѣ нужныя мѣры. Наступила зима; горы Маэстрасго покрылись снѣгомъ, дефилеи сдѣлались непроходимыми. Эспартеро остановился, что доказываетъ его уваженіе къ воинскимъ дарованіямъ Кабреры. Онъ расположилъ главную свою квартиру въ Ласъ-Матасъ, въ центрѣ полукруга, образуемаго непріятельскими укувъленными замками, и только въ лѣ отъ одного изъ нихъ, Кастельоте. Тамъ онъ, устроилъ укрѣпленія, провелъ дороги для транспортовъ, учредилъ госпитали для больныхъ, построилъ магазины для провіанта и аммуниціи, и спокойно ждалъ весны.

О дѣйствіяхъ Кабреры въ послѣднія минуты передъ его паденіемъ, судятъ не одинаково. Самъ онъ приписываетъ быстрое свое пораженіе болѣзни; другіе говорятъ, что изнѣженный двухъ-годичною неограниченною властью, онъ обезсилѣлъ; иные наконецъ утверждаютъ, что онъ всегда былъ ниже положенія, въ которое обстоятельства его поставили, и что слабость его обнаружилась, какъ скоро случай пересталъ ему покровительствовать. Всѣ эти три объясненія равно справедливы. Болѣзнь его была только признакомъ нравственнаго расслабленія, произведеннаго излишнимъ счастіемъ, котораго душа его не могла выдержать.

За нѣсколько дней до отступленія Кабреры во Францію, 25 Іюня, другой отрядъ и другой предводитель перешли близъ Байонны черезъ границу. Здѣсь не предводитель увлекалъ своихъ воиновъ на иностранную землю, а солдаты принудили своего генерала искать убѣжища въ чужихъ краяхъ. Преслѣдуемые по пятамъ генералами Королевы, встрѣчаемые

ружейными выстрѣлами во всѣхъ деревняхъ по дорогѣ, они прошли въ десять дней сто лѣ, безъ хлѣба, безъ одежды, безъ обуви, почти безъ боевыхъ припасовъ, но на пути не разъ оборачивались и отражали непріятеля, хотя ихъ было не болѣе полуторы тысячи человекъ. Эти желѣзные люди, которые испугали Байонну своимъ дикимъ, звѣрскимъ видомъ, изломали свое оружіе на границѣ, чтобы не выдать его иностранцамъ. Предводителемъ ихъ былъ неукротимый Бальмаседа.

Бальмаседа единственный, истинно сильный человекъ въ этой войнѣ. Онъ первый разгадалъ Марото, онъ одинъ устоялъ, когда вся Наварская армія разсѣялась. Бальмаседа родился въ Кастиліи, происходилъ изъ знатной фамиліи, и былъ подполковникомъ, когда скончался Фердинандъ VII. Онъ тотчасъ объявилъ себя въ пользу Донъ Карлоса, принялся за оружіе и не покидалъ его до самой послѣдней минуты. Одаренный гигантскимъ ростомъ и Геркулесовскою силою, онъ всегда велъ партизанскую войну, предводительствуя кавалерійскимъ отрядомъ, который повсюду распространялъ страхъ и ужасъ. Мы уже видѣли, что послѣ Бергарскаго договора онъ присоединился къ Кабрерѣ; но они не сошлись и вскорѣ разстались. Въ половинѣ зимы онъ снова пріѣхалъ къ Кабрерѣ и просилъ его помощи, чтобы повѣсить Сегарру, который командовалъ Каталонскою арміею и котораго тогда уже подозрѣвали въ намѣреніи передаться непріятелю, что онъ впоследствии и сдѣлалъ. Кабрера не хотѣлъ его и слушать. Тогда, убѣдившись, что всѣ Карлистскіе генералы, какъ онъ говоритъ, или *измѣнники* или *пласуны*, онъ старался укрѣпиться отдѣльно въ Бететѣ; но это ему не удалось и онъ при-

нужденъ былъ идти оттуда форсированными маршами во Францію.

Кабрера имѣлъ передъ Бальмаседою то преимущество, что съ самаго начала устроилъ себѣ центръ операций, куда всегда и возвращался; но еслибъ Бальмаседа былъ не такого безпокойнаго характера, не такъ склоненъ къ кочующей жизни, и еслибъ, вмѣсто воспитанника каноника Дона Висенте Пресидіа, судьба Бальмаседу сдѣлала предводителемъ 30000 человекъ, то онъ, вѣроятно, кончилъ бы совсѣмъ иначе. За то онъ отзываясь о Графѣ Морельскомъ съ величайшимъ презрѣніемъ: «Ему хорошо будетъ во Франціи, говорилъ Бальмаседа: онъ можетъ спокойно заниматься музыкою; дайте ему гитару и онъ станетъ пѣть по большимъ дорогамъ.»

— А.

=

У.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

130. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ *Дениса Давыдова*, Спб., въ тип. А. Смирдина, 1840 г., въ 8 д., 3 части; въ 1-й 86 стр., во 2-й 182, въ 3-й 173.

Этимъ новымъ, полнымъ и прекраснымъ изданіемъ сочиненій Д. В. Давыдова мы обязаны А. Ф. Смирдину, который не скупится на роскошныя изданія писателей, достойныхъ этой чести. Публика въ этихъ 3-хъ книгахъ имѣетъ теперь все, чѣмъ дарило ее въ разныя эпохи искрометное, бойкое перо нашего трубадура—воина. Въ первой части помѣщены стихотворенія, во второй прозаическія статьи, которыя суть не иное что, какъ раскиданныя главы *Mémoires*. Давыдову безспорно принадлежитъ почетное мѣсто между писателями нашего рода легкой лирики и легкой мемуарной прозы. Въ области поэзіи, куда бурно, вторгнулся онъ не на Пегасъ, а на лихомъ наездническомъ конѣ съ пагайкою въ рукахъ, онъ поступалъ иногда съ музою слишкомъ по-гусарски; но нельзя не простить ему его ухорскихъ замашекъ пзъ уваженія къ истинному глубокому чувству, которое часто кипитъ у него чистою струею и сверкаетъ алмазными брызгами посреди табачнаго дыма, при шумѣ и хохотѣ дикаго веселья. Многимъ кажется, что стоитъ только заливчатски крикнуть, покрутить усь, да съ удалымъ посвистомъ накидать нѣсколько фразъ съ извѣстными прибаутками и словами — вотъ и будетъ своего

рода поэзія. Не правда, никакой поэзіи не будетъ тамъ, гдѣ пѣть истиннаго, неподдѣльнаго чувства. То, что у Давыдова простодушная истина, безыскусственная природа, у другихъ пошлость и площадное шутство,—отъ чего? Отъ того, что каждое его выраженіе, взятое изъ самаго обыкновеннаго круга жизни, проникнуто мыслію, согрѣто теплотою жаркаго, благороднаго, отъ природы эстетически настроеннаго сердца. Иногда онъ оскорбляетъ грацію, но онъ оскорбляетъ ее какъ шалунъ, какъ вѣтренникъ, забывшійся на минуту въ хмѣлю, а не какъ грубиянъ, вовсе незнакомый ни съ образованностию, ни съ приличіями; онъ такими прекрасными стихами проситъ у нее прощенья, что она отворотившись отъ его нескромнаго слова, опять склонаетъ къ нему привѣтливый очи и улыбается сквозь слезы. Конечно, она бросится прочь, если звеня саблею и шпорами, онъ начнетъ пѣть свою пѣсню *храброму еусару*, — но право тутъ же, если Грація не жеманница, какъ наши милыя дѣвы, она въ раздумьи остановитъ на порогѣ свою маленькую пожку, когда онъ скажетъ своему юному сотоварищу:

Киплю, люблюсь на тебя,
Глядя на прыть твою младую:
Такъ старый хрычъ, Цыганъ Илья,
Глядитъ на пляску удалую,
Подъ ладъ плечами шевеля.

А сколько простоты, прелести и чувства въ его *полусолдатъ*! Не смотря на то, что эту пѣсню вѣроятно многіе изъ нашихъ читателей знаютъ наизусть, какъ и прочія стихотворенія Д. В. Давыдова, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести ее здѣсь:

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полу-солдаты
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!

«Вы видѣли: я не боюсь
Ни пуля, ни дротика Куртинца;
Лечу стремглавъ, не дуя въ усъ,
На пожъ и шашку Кабардинца.

«Все такъ, — но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохоть обуяль толпой,
И клики вторятся горами.

«И все кипить, и все гремить,
А я межъ вами одинокой,
Нвмою грустію убить,
Душой и мыслию далеко.

«Я не внимаю стуку чашъ
И спорахъ вокругъ солдатской каши;
Улыбки нѣтъ на хохоть вашъ,
Нѣтъ взгляда, на проказы ваши.

«Таковъ ли былъ я въ вѣкъ золотой
На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
На Эльбѣ, на войнѣ родной,
На льдахъ Торнео, на Секванѣ?

«Бывало слово: «другъ, явись!»
И ужъ Денисъ съ коня слѣзаетъ;
Лишь чашей стукнуть, и Денисъ
Какъ тутъ, и чашу осушаетъ!

«На скачку, на борьбу — готовъ,
И чтимый *выродкомъ* глупцами,
Онъ расточитель острыхъ словъ,
Онъ хлещетъ прозой и стихами.

«Иль въ карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской буркѣ;
Или вокругъ свѣтлаго костра
Танцуетъ съ двѣками мазурки.

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!»

Такъ говорили князидикъ нашъ,
Отрванный судьбы вельгьемъ
Отъ крова мирнаго, въ шалашъ,
На съчи, къ пламеннымъ сраженьямъ,

Аракъ шумить, Аракъ шумить,
Араксу вторить ключъ нагорный,
И Алагъсъ, нахмурился, спить,
И тонеть въ влагъ доль узорный;
И въеть съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ,
И сквозь сребристыхъ облаковъ
Луна плыветь надъ Араратомъ.

Но воинъ нашъ не успеетъ
Ночною роскошью полуденнаго края....

Съ Кавказа глазъ не сводить онъ,
Гдѣ подираеть небосклонъ
Казбека гряда спягивая.
На немъ знакомый вихрь, на немъ громада льда,
И надъ челою его, въ туманъ мутномъ,
Какъ Русь святая недоступномъ,
Горить родимая звезда.

Идеи Давыдова, какъ всякаго легкаго лирическаго поэта, принадлежать кругу его собственной жизни; его обхватывалъ огромный горизонтъ, рзширенный роковыми событиями тогдашней эпохи, но онъ не въ состоянн былъ дойти до высоты, съ которой бы могъ обнять его поэтическимъ своимъ окомъ,—поэтическія струны его сердца звучали только отъ прикосновенія близкихъ къ нему предметовъ. Въ тѣсномъ житейскомъ кругу, гдѣ безпрестанно волнуются и борются страсти мелкія, гдѣ жизнь слишкомъ разоблачена и сухія кости ея прозанческаго остова виднѣются изъ-подъ лохмотьевъ безпрестанно раздираемаго и безпрестанно сшиваемаго рубища, въ которое наше самолюбіе хочетъ его закутать,—въ этомъ кругу рѣдко сверкаютъ отрадныя поэтическія мгновенія; душа, настроенная отъ природы ко всему прекрасному, съ жадностію ихъ ловить. Но эти отрадныя капли лучшаго существованія не даромъ ей достаются—надообо. безпрестанно то продираться за ними сквозь толпу, съ бдланію, чтобы она

не запыдала ихъ вовсе грязью, то овладѣвъ ими, беречь отъ искушеній ея же зависти, или наглаго невѣжества. Тутъ приходится иногда вмѣсто серебрянной лиры, настроенной для пѣсней нѣжныхъ и глубокихъ, приниматься за бичъ для собственной защиты, или для защиты самой святыни поэзіи. Не мудрено, что горькая, язвительная сатира или эпиграмма невольно срывается съ устъ—это жребій всѣхъ поэтовъ-аполитиковъ, почерпающихъ вдохновеніе свое изъ насущныхъ явленій днѣ и случая. Отъ того въ стихахъ Давыдова иногда скрывается негодованіе и веселый, звонкій смѣхъ за прршествственнымъ бокаломъ дружбы, смѣляется ѣдкимъ сарказмомъ на человѣческія глупости. Его поэтическое поприще было почти тоже, что военное: и то и другое совершенно согласовались съ родомъ его таланта и мужества. Будучи не въ состояніи возвыситься до тѣхъ великихъ идей, по которымъ военный геній движеть огромными массами силъ, до этой кровавой эпопеи битвъ, онъ бросился въ легкую поэзію войны, схватилъ саблю вмѣсто жезла военачальническаго и въ разсвѣпныхъ молніепосныхъ наметахъ сталъ кидать въ ряды враговъ, на всемъ скаку, удары бойкіе, меткіе и неожиданные. Таковъ онъ и въ поэзіи. Въ тревогахъ шумной жизни бивачной, или жизни свѣтской не менѣе шумной, хотя и не кровавой, онъ схватывалъ на лету поэтическія впечатлѣнія и не дожидаясь другихъ, не думая сосредоточивать ихъ, бросалъ эти блестящія искры ума и чувства въ сердца читателей, которые изумлялись, видя его такимъ же лихимъ пѣздникомъ, съ перомъ, какимъ былъ онъ съ саблею въ рукахъ. Это вспышка пороха у затравки пистолета, или игра солнечнаго луча, отражающагося на свѣтлой грани штыка. — Прочитавъ пять, шесть чѣхъ нибудь хорошенькихъ пьесъ, говорятъ обыкновенно: «что бы этому писателю заняться по большо, подумать, сообразить и написать что нибудь по стройнѣе, и по обширнѣе? вѣдь у него такой славный талант!» Это точно тоже, какъ бы вы сказали: что бы ему сдѣлаться Шекспиромъ, или Байрономъ? Слава Богу, что писатели съ дарованіемъ лучше слушаютъ голоса своей природы, чѣмъ людскихъ толковъ. Въ каждомъ изъ насъ есть мѣра нравственныхъ нашихъ усѣховъ, далѣе которой нельзя идти—и ни кто нигдѣ не бывалъ выше того, чѣмъ онъ могъ быть. Тутъ вѣрный принакъ для оцѣнки дарованій; дѣла не сдѣлано—

значить и нельзя было сдѣлать: не было элементовъ, изъ которыхъ можно было бы дѣлать, или силъ превратить ихъ въ органическое, живое явленіе. Начато, да не додѣлано, значить природа даровала намъ довольно силъ для перваго толчка, но не довольно для довершенія. Одно только самолюбіе подстрекаетъ, насъ къ предпріятіямъ, превышающимъ наши средства, и послѣ неудачи, обыкновенно сопровождающей такого рода заблужденія въ самопознаніи, оно же примиряетъ насъ съ нашею немощію, взваливая всю вину на враждебныя обстоятельства, на людей, на образъ жизни и т. п. Д. В. Давыдовъ при какихъ угодно обстоятельствахъ не написалъ бы ничего ни лучше, ни больше того, что онъ написалъ; надобно довольствоваться тѣмъ, что могла внушить ему его игривая, непостоянная, капризная муза, любящая болѣе одно живое мгновеніе, чѣмъ годъ счастья, который надобно купить напряженіемъ силъ; въ это-то живое мгновеніе она и хороша; прелесть ея въ одномъ рывкомъ прыжкѣ, въ одной легкой позѣ—заставьте ее сдѣлать нѣсколько шаговъ больше, или заставьте ее идти поднимая величаво свою маленькую головку, вы увидите, какъ она сдѣлается смѣшною: у ней нѣтъ для этого ни роста, ни осанки, ни силы. Главное достоинство стихотвореній Давыдова состоитъ именно въ ихъ легкости, и какъ мы сказали выше, въ искреннемъ, глубокомъ чувствѣ, отбѣляющемъ всякую его даже слишкомъ, повидимому, рывую и кипучую мысль, въ простотѣ и естественности, доказывающихъ, что онъ писалъ по призванію, а не по прихоти, хотя и кажется, что перомъ его водила прихоть. При этомъ онъ владѣлъ тѣмъ, безъ чего нельзя быть поэтомъ-художникомъ: онъ владѣлъ способностію облекать свои мысли въ стройные образы и живописать ихъ красками яркими и вѣрными. Онъ принадлежитъ къ истинно народнымъ нашимъ поэтамъ, но не простонароднымъ. Онъ не любитъ поддѣльнаго лака гостинной фразы, а между тѣмъ посмотрите, какъ онъ чистъ, благороденъ и граціозенъ вездѣ, гдѣ захочетъ. Многие изъ нашихъ такъ называемыхъ народныхъ писателей, забываютъ, что ухватки черни и ея языкъ не составляютъ еще всего достоинства нашей народности, что въ ней есть благороднѣйшія стороны, истинно изящныя и поэтическія и что въ самомъ языкѣ простолюдиновъ есть разница между выражені-

ями черпи и оборотами и красками здраваго ума и простаго, искренняго чувства, освященными своего рода нравственными и эстетическими приличіями. Этого они не хотят понять—и думаютъ, что народныхъ картинъ нельзя и не должно иначе рисовать, какъ грязью на дерюгѣ. Возьмите наши народные пѣсни, сколько простоты въ нихъ, и между тѣмъ въ этой простотѣ нѣтъ ничего пошлаго, нѣтъ этой наглости и огрубѣнія мысли и языка, которыя будто бы потому только хороши, что они Русскія. То, что собственно принадлежитъ духу черпи, т. е., самому низкому, самому матеріальному образу мыслей и чувствованій, ни въ какомъ народѣ не бываетъ ни пріятнымъ, ни хорошимъ; оно и не стоитъ того, чтобы его поддерживать или поощрять литературными возсозданіями. Пусть оно будетъ, если ему необходимо быть, но пусть же не считаютъ этого, Богъ знаетъ, какою драгоценностію: въ духъ и быту нашего народа есть много истинныхъ драгоценностей, которыя надобно умѣть только отдѣлать, какъ золото, отъ покрывающей ихъ разнородной смѣси. Стихотворенія Давыдова проникнуты тою благородною народностію, которая возвышаетъ достоинство націи посреди всеобщей семьи человѣческаго рода; это перлы чистой самобытной мысли и чувства, а не домашній соръ, котораго не должно выносить изъ избы. Такъ народень у насъ Крыловъ, такъ народень Пушкинъ. — Прозанческіе отрывки Д. В. Давыдова также чрезвычайно любопытны: въ нихъ виднѣтъ свѣтлый и наблюдательный умъ и эта способность передавать вѣрно, живо и легко свои наблюденія и впечатлѣнія, которая особенно важна для автора записокъ и которая дѣлаетъ ихъ такъ занимательными. Проза его изобличаетъ тотъ же родъ таланта, какъ и поэзія: тутъ нѣтъ ни глубокихъ соображеній о великихъ явленіяхъ, наполнившихъ его эпоху, ни прагматическаго взгляда на нихъ; но тутъ видимъ ту же быстрюю мѣткость наблюденій, тотъ же способъ выраженія легкой, живой, увлекательный, какъ и въ стихотвореніяхъ его. Онъ не могъ бы написать стройной и полной исторіи того періода времени, въ который совершилось столько чудныхъ баснословныхъ событій и переворотовъ, въ которомъ Россія такъ блистательно явила свою мощь. Но если бъ онъ оставилъ намъ полную записку свои объ этомъ времени, то онъ былъ бы безсмертнѣе многихъ такъ называемыхъ прагматическихъ исторій.

131. *Искушенія или вѣра на жизнь и смерть.* Романъ. Сочиненіе А. Ш....ра. Въ 3 частяхъ. Москва. Въ тип. П. Эрнста, 1840 г. въ 12 д. л., въ 1-й ч. 146, во 2-й 119, въ 3-й 132 стр.

Что сказали бы вы объ ученикъ, который едва умѣя начертить глазъ или ухо, вдругъ съ дерзкою самопадѣяпностію разтянулъ бы широкое полотно и сталъ рисовать историческую картину? Что бы вы увидѣли на этой картинѣ? каррикатуры, вмѣсто человѣческихъ фizioномій, вверху засаленныя тряпки, вмѣсто облаковъ, вокругъ сплошной зеленый грунтъ, вмѣсто зелени деревъ съ ея живописными отѣнками. Авторъ «Искушенія» подумалъ, что повесть или романъ такъ же легко написать, какъ письмо къ пріятелю. Боже мой, какихъ людей выставляетъ онъ въ своемъ произведеніи! Какого общества правы онъ списываетъ! Дѣйствіе происходитъ въ весьма порядочномъ кругу, какъ кажется хочеть намъ показать авторъ, а между тѣмъ почти всѣ дѣйствующія лица мужеска пола пьютъ вино, пуншъ и водку на пропалу, гдѣ только судьба сведеть ихъ вмѣстѣ. Г. А. Ш....ръ чрезвычайно любитъ подробныя описанія, въ особенности описанія пировъ и пооекъ. Романъ начинается крестинами, потомъ слѣдуетъ гулянье на Тверскомъ бульварѣ, потомъ пьяная вечеринка, потомъ спектакль на Петровскомъ театрѣ, потомъ базъ, потомъ похороны, наконецъ опять базъ. Во всѣхъ этихъ картинахъ обнаруживается сильное желаніе автора бросить юмористическій взглядъ на Московское общество; но какъ остроумень его юморъ, можете судить по образчику.

«Вотъ двое молодыхъ людей, одинъ лѣтъ шестнадцати, другой осьмнадцати, идутъ по гулянью, въ скуртукахъ и съ хлыстками въ рукахъ; *лице* (т. е. лица) *у нихъ красное*; они стараются показать, что они пьяны; они толкаютъ всѣхъ проходящихъ и не думаютъ извиняться.» Вообразите, что одного изъ нихъ помоложе фамилія Лошадкинъ, а другаго Звѣрскій, и послушайте ихъ разговоръ: «молодые люди всегда и вездѣ говорятъ въ слухъ; если бы они не дѣлали этого, то они не были бы молодые люди (!?)»

— Послушай, Звѣрскій! — кричить во всеуслышаніе Лошадкинъ, *стараясь казаться какъ можно пьянѣе*; скажи, пожалуйста, много ли мы сегодня выпили бутылокъ шампанскаго?

— Да я думаю, причитъ также Звѣрскій, ужъ и счету не будетъ. Да что шампанское? — ни по чему. Однако здѣсь вы-кого певидно изъ нашихъ знакомыхъ. Все что такое? — дрянъ! Напрасно мы сюда прѣхали.

..... — А что, Лошадкинъ, кто первые францы въ Москвѣ?

— Безъ всякаго сомнѣнія: Звѣрскій, то есть, ты.

— О, нѣтъ! напротивъ. Первый франтъ въ Москвѣ — Лошадкинъ.... то есть, ты!

«Полно, братецъ, ты!

— Нѣтъ, ты!

— Нѣтъ, ты!

Это Московскіе нравы; а вотъ еще портретъ Москвички, героини романа:

«На устахъ ея сіяла улыбка, освѣщенная умомъ; греческій пось разстраивала свою величественную линію (?) и показывала легкимъ движеніемъ поздрей, что есть жизнь въ мускулахъ этого лица, такъ прекрасно соединеннаго въ одно цѣ-лое, во всѣхъ своихъ частяхъ. (??)»

Какова это красавица съ *разстроенною* линією греческаго поса и чѣмъ она хуже этого *разстроеннаго* періода:

«Надня Рашель (это и есть героиня съ посомъ, разстраивающимъ свою линію) имѣла мужа старика, *который* ее любилъ тихо, сиювойно, *какъ* только можетъ любить старикъ *овѣжее, семнадцатилѣтнее* дитя, *которое*, пльннвшисъ бо-гатствомъ, вѣтрено, безъ всякаго размышленія, отдала ему свою руку; *которая* (т. е. рука) сказала: «другъ мой, я люблю тебл!» не понимал, *что* такое она сказала, *что* такое значить любовь, потому только, *что* ей такъ приказала сказать тетка, замѣнявшая для нее отца и мать; и *которая* любила своего мужа кое какъ, или, лучше сказать, даже вовсе не любила его, а только была его женою, доброю, вѣрною женою, *которая* (о ужась!) не имѣла ни одной преступной мысли, хотя, быть можетъ, и потому только, *что* она ни о чемъ не мыслила.»

Къ этому острому юмору, къ этой вѣрной наблюдательности правовъ, къ этому умѣнью писать, прибавьте бездну ошибокъ, опечатокъ и сѣрую обверточную бумагу.... Неужели послѣ всѣхъ такихъ достоинствъ читатели не избавлятъ себя отъ *искушенія* прочесть эту книгу?

132. *Рококо изъ 333 повѣстей, отрывковъ и разсказовъ.* Перев. съ Французскаго *А. Волковъ.* Двѣ книжки. Москва, въ тип. Лазар. Института Восточ. языковъ, 1840 г. въ 12 д. л., въ 1-й кн. 81, во 2-й 182 стр.

Какую богатую жатву предоставляет намъ Французская литература и какъ много ей обязаны издатели Русскихъ книги! Смѣлливому переводчику стоитъ только выбирать, и хотя вся паша образованная публка большею частію читаетъ по-французски, онъ все-таки найдетъ себѣ много читателей. Г. Волковъ, который обѣщаетъ намъ перевести 333 повѣсти и разсказа, прошелъ мимо многихъ, если не превосходныхъ, по крайней мѣрѣ, весьма занимательныхъ произведеній Французской беллетристики, и выборъ его, хотя для первыхъ двухъ книжекъ могъ бы быть гораздо удачнѣе. Въ *Рококо* вы встрѣтите имена Сень-Бева, Сулье, Графини Дешъ и Поль де Кока; но изъ всѣхъ этихъ авторовъ переводчикъ, какъ на бѣду, выбралъ повѣсти, скудныя по содержанию и незанимательныя по разсказу. Вотъ наприм. повѣсть Поль де Кока, весь интересъ которой основавъ на томъ, что одна дѣвица Адель Ренневаль не терпитъ вещей, сложенныхъ крестообразно и падаетъ отъ того въ обморокъ, а одинъ мужчина, Г. Бонгаръ, бонится вѣтру и приходитъ отъ него въ бѣшенство. Г. Бонгаръ женится на дѣвицѣ Адели; супруги другъ отъ друга скрываютъ свои странныя причуды, отъ этого между ними протекають разныя неудовольствія, которыя чуть чуть было не кончились разводомъ; но къ счастью, супруги объяснились и теперь живутъ въ мирѣ и любви. Разсказы Сулье, графини Дешъ, Сень-Бева и Сень-Феликса, нинѣ немного получше, другой немного похуже повѣсти Поль де Кока; но мы смѣло ручаемся, что эти произведенія, при всей ихъ посредственности, въ подлинникъ написаны прекраснымъ языкомъ, какимъ обыкновенно пишутъ Сулье и Сень-Бевъ. Въ Русскомъ переводѣ утратилась и это достоинство. Г. Волковъ переводитъ почти слово въ слово, какъ ученики во второстепенныхъ училищахъ, и потому его «*Рококо*» усыпанъ галлицизмами. Сверхъ того онъ, кажется, не всегда понимаетъ смыслъ подлинника и вообще довольно плохо владѣетъ языкомъ Русскимъ, такъ, что некоторыхъ мѣстъ у него вовсе нельзя посылать. Вотъ, напримѣръ, какъ выражается у него герой одной повѣсти «*Старые Знакомые.*»

«Другъ мой! страсть есть и у меня, но необходимо нужно принять различіе видовъ ея (!!) Ты мое пламенное солнце— ты это знаешь; — я, быть можетъ, только комета, которая заимствуетъ свой свѣтъ отъ тебя, погасаетъ только при тебѣ, и свѣтитъ только тогда, когда ты, повидимому, исчезаешь (??)... Я говорю не о томъ только, что занимательно для чести и справедливости, согласимся, говоря вообще, даже объ умственныхъ предметахъ, чтобы лучше понять отношеніе нашихъ душъ. Взглянемъ на разныя положенія нашей любви, чтобы превосходство ея имѣло свою цѣну (?). Когда ты читаешь г-жу Демонтевилъ или Рецъ, которыми ты такъ часто восхищаешься, то намъ *пріятно чувствовать любовь нашу нѣжно осуществленную подъ этой взаимной повѣркой нашего сужденія*, точно такъ какъ пріятно было намъ однажды, дорогою, говорить сквозь рѣшетку высокаго иметня (?). Тутъ находишься въ нѣкоторомъ отверстіи между листьями; взглянешься на минуту, схватишься за руку, и продолжаешь путь незамѣтно за веселой занавѣской (???)»

Неужели такъ пишетъ Сень-Бевъ? Неизвѣстно, понималъ ли это мѣсто переводчикъ, но мы ничего не понимаемъ во всемъ этомъ безтолковомъ наборѣ словъ. Какъ же, не справившись съ первоначальными правилами языка, такъ легкомысленно браться за переводы, и потомъ еще легкомысленнѣе ихъ печатать. Примѣры нашихъ многочисленныхъ безграмотныхъ сочинителей и переводчиковъ никому не могутъ служить оправданіемъ.

Еще одна странность. Вторая часть «Рококо» вдвое толще и по формату втрое шире и длиннѣе противу первой. Произшло ли это отъ небрежности или отъ намѣренія блеснуть новизною? Небрежность ручается за уваженіе издателя къ публикѣ, а намѣреніе весьма много говорить въ пользу его типографскаго остроумія.

133. Прокляникъ или деревенскіе женихи. Комедія-водевилъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ Н. Соколова, Москва, въ типографіи Н. Степанова, 1840 года, 16 д. въ 240 стр.

Мы бы подумали, что эта комедія написана для дѣтскаго театра: такъ много въ ней ребяческихъ, школьныхъ проказъ, начиная съ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, которые суть самыя большія проказы пера г. Соколова. Но тутъ есть лю-

большая сцена — значить авторъ хотѣлъ уже смѣшить взрослыхъ дѣтей. У нѣкоего Ивана Петровича Катущкина, одного изъ тѣхъ помѣщиковъ, которые до смерти надѣвали панталоны въ романахъ и въ комедіяхъ своею пошлостію, вандализмомъ, отсутствіемъ всего умнаго и возвышеннаго — у Ивана Петровича есть двѣ дочери, деревенскія куклы, въ которыхъ влюблены два офицера армейскіе и любезные. Разувается ихъ любовь шмыля дѣвнцы, но не любитъ отецъ; онъ выбираетъ для своихъ дочерей жениховъ помѣщиковъ, такихъ же глупцовъ какъ самъ; они привѣзжаютъ къ нему какъ разъ впору, т. е., тогда, когда ему именно пришла сильная охота выдать дочерей своихъ за кого бы то ни было, лишь бы не за офицеровъ. Но тутъ начинаются настоящіе проказы: у Катущкина живетъ мальчикъ Воллоя, находящійся у него подъ опекою, одинъ изъ тѣхъ веселыхъ мальчиковъ, которыхъ съкутъ розгами; сестрицы, не извѣстно почему, думаютъ, что онъ въ нихъ влюбленъ, кокетничаютъ съ нимъ съ милою деревенскою простотою, а онъ дурачитъ ихъ, дурачитъ своего опекуна, дурачитъ жениховъ, бѣгаетъ, шумитъ, наряжается въ женскій чепчикъ, прячется въ футляръ стѣнныхъ часовъ, — однимъ словомъ проказничаетъ такъ, что зрители двѣнадцати и тринадцати лѣтъ должны придти отъ этого въ неописанный восторгъ. Предъ нами раскрывается цѣлый рядъ тѣхъ занимательныхъ школьныхъ выходовъ и положеній, отъ которыхъ гувернеры и дядьки сходятъ съ ума. Впрочемъ все эти глупости клонятся къ тому, чтобы барышни вышли за своихъ влюбленныхъ офицеровъ, а оба неуклюжіе жених-помѣщики увѣдали ни съ чѣмъ къ своимъ баранамъ и свиньямъ, что и исполняется. Удивительно, какъ странно идетъ наша литература; что она небогата талантами — это ужъ не ея вина. Но какъ до сихъ поръ не пропикли въ нее здравыя идеи объ искусствѣ, которыми руководствуясь, писатель не отобрать ничего превосходнаго правда — но по крайней мѣрѣ, избѣжить глупыхъ несообразностей, ошибокъ, нарушающихъ самыя обыкновенныя требованія эстетическаго ума и вкуса — это странно! Время, одно время всему живущему приносить съ собою нѣкоторое усовершенствованіе, а литература наша не получаетъ отъ него въ даръ ни одной свѣтлой, руководящей идеи. Какъ тому, кто пишетъ комедію, не вникнуть нѣсколько глубже въ условія, налагаемыя на писателя драмати-

ческимъ искусствомъ, палагаемая самою природою? Что авторъ Проказника могъ бы создать что нибудь лучшее, въ этомъ мы не сомнѣваемся; но какъ же онъ не позаботился дать лицамъ своимъ хоть немножко человечности, чтобы они были люди, дѣйствующіе по внутренней необходимости, по законамъ человеческого сердца, а не машинны, вымалываемыя валомъ и тряпью, приводимыя въ движеніе какими-то вымышленными толчками, которыми самъ же ихъ осыпаетъ? Какъ же дать пьесѣ немножко болѣе органическаго устройства, частямъ ея болѣе естественныхъ сближеній, развязкѣ болѣе логической послѣдовательности и проч. и проч.? Все это вещи необходимыя въ искусствѣ, и ихъ не трудно изучить тому, кто любить искусство. Право, оно стоитъ того, чтобы немножко потрудиться для него, подумать, поучиться.

134. Два помѣщика, или *слѣдствіе моднаго воспитанія*. Изданіе третیه, Спб. 1840 года, въ 8 д.; 92 стр.

Видно, эта книжка приноситъ пользу и удовольствіе, когда печатается третьимъ изданіемъ. Въ такомъ случаѣ желаемъ ей хоть двадцати.

135. Христіанскій памятникъ, содержащій въ себѣ: исчисленіе праздниковъ святыхъ, прославляемыхъ православною Греко-Россійскою церковью, краткія жизнеописанія святыхъ, духовныя стихотворенія на каждый день года, благочестивыя размышленія, пасхалию на сто лѣтъ, полную хронологію, доведенную отъ сотворенія міра до 1833 года; съ присовокупленіемъ хозяйственныхъ замѣчаній, врачебныхъ наставленій и другихъ общепользныхъ свѣдѣній. Второе изданіе. Умноженный трудами Кузнецова. Изданныемъ братьевъ Кузнецовыхъ и А. Ерофеева, съ картинами. Москва, въ типографіи Августа Семена, при И. Медико-хирургической Академіи, 1840 года, въ 8 д., 595 стр.

Этой общенародной полезной книгѣ можно бы пожелать одного — лучшаго выбора свѣдѣній и замѣчаній хозяйственныхъ, медицинскихъ и проч., присоединенныхъ къ каждому мѣсяцу. Мысль сама по себѣ очень хороша; полезныя правила, наблюденія, касающіяся до быта домашняго, до сохраненія здоровья и т. п., достигнуть скорѣе всего до народа въ такой книгѣ, которая необходима всякому грамотному человѣ-

ку. Но надобно же, чтобы эти правила и наблюденія были избраны съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, были примѣнены преимущественно къ потребностямъ простаго народа, болѣе пуждающагося въ руководствахъ и совѣтахъ и не заключали въ себѣ въ числѣ наставленій хозяйкамъ, что въ Декабрѣ мѣсяцѣ наприм. «должно всѣми способами стараться не допускать мышей прокрадываться къ хранимымъ плодамъ и овощамъ,» «что въ Октябрѣ мѣсяцѣ надобно пить водку и беречься отъ сыраго воздуха, также протапливать покои» и проч. Кому нужны такія наставленія?

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

Блистательные опыты храбрости, столь многочисленныя въ лѣтописяхъ нашихъ, недавно оказаны гарнизонами малыхъ полевыхъ укрѣпленій, возведенныхъ въ земляхъ Кавказскихъ Горцевъ на восточномъ берегу Чернаго моря, именно Вельяминовскаго, Михайловскаго, Навагинскаго и Абинскаго.

Первое изъ сихъ укрѣпленій взято Горцами 29 Февраля. На разсвѣтъ дня, пользуясь мѣстоподаженіемъ и скрываемаго утреннимъ туманомъ толпы ихъ свыше 7000 человекъ, незамѣтно подошли къ укрѣпленію и бросились на него стремительно. Бывъ опрокидываемы нѣсколько разъ, они нападали съ новою яростію, и наконецъ, послѣ продолжительнаго боя, овладѣли валомъ. Отвергнувъ всѣ предложенія къ сдачѣ, гарнизонъ весь палъ славною смертію

героевъ; изъ уваженія къ блистательной храбрости защитниковъ укрѣпленій, Горцы взяли въ дома свои немногихъ раненыхъ воиновъ, еще подававшихъ слабую надежду къ исцѣленію; гарнизонъ состоялъ изъ 400 человекъ; потеря Горцевъ простиралась до 900 человекъ одними убитыми. 22 Марта 11,000 Горцевъ напали на укрѣпленіе Михайловское, защищаемое 480 человеками гарнизона. Начальникъ его Черноморскаго лицейнаго № 5 батальона штабсъ-капитанъ Ляко, зная невозможность получить во время какую либо помощь, но рѣшившись защищаться до послѣдней крайности, предложилъ гарнизону взорвать пороховой погребъ, если не отразятъ нападенія. Предложеніе принято единодушно. Горцы на приступъ встрѣчены самымъ убійственнымъ огнемъ изъ крѣпостныхъ орудій и усиліемъ гарнизона сбиты съ вала и обращены въ бѣгство; но конные Горцы, наблюдавшіе въ нѣкоторомъ разстояніи, начали рубить пашками отступавшихъ товарищей и принудили ихъ снова броситься на приступъ; схватка была ужасна; наконецъ гарнизонъ сбитъ съ бруствера и загнанъ внутрь крѣпости, перестрѣлка умолкла и Горцы уже торжествовали побѣду, вдругъ послѣдовалъ взрывъ пороховаго погреба, остатки гарнизона и всѣ Горцы, вошедшіе въ укрѣпленіе, взлетѣли на воздухъ. — Заслуги павшихъ героевъ почтены Государемъ Императоромъ въ ихъ семействахъ: содержаніе ихъ обезпечено, малолѣтнія дѣти прирѣчны.

Фортъ Навагинскій подвергался неоднократнымъ нападеніямъ Горцевъ, но они всегда были мужественно отражаемы. При одномъ изъ этихъ нападеній,

пользуясь темнотою ночи и шумом свръшествовавшей бури, Горцы окружили это укрѣпленіе, бросились къ нему съ лѣстницами и кручьями, овладѣли частію вала и ворвались въ укрѣпленіе. Храбрый начальникъ форта капитанъ Подгурскій и поручикъ Яковлевъ встрѣтили ихъ тутъ съ частію гарнизона. Оба они были изрублены на мѣсть; но люди отъ того не остановились, ударили на Горцевъ въ штыки и опрокинули ихъ за валъ. Съ равнымъ успѣхомъ продолжался бой на всѣхъ другихъ атакованныхъ фасахъ укрѣпленія. Къ разсвѣту послѣ трехъ-часовой битвы, укрѣпленіе очищено отъ непріятеля, оставившаго въ немъ значительное число убитыхъ и раненыхъ.

26 Мая 12,000 Горцевъ напали на укрѣпленіе Абинское, бросились на него съ остервенѣніемъ, и не смотря на усилія гарнизона, успѣли проникнуть въ одинъ бастіонъ, и съ распущенными знаменами бросились внутрь укрѣпленія. Начальникъ его, полковникъ Веселовскій, не теряя присутствія духа, взялъ оставленный имъ резервъ изъ 40 человекъ, встрѣтилъ штыками вторгнувшагося непріятеля и отбросилъ его за укрѣпленіе, отнявъ два знамя. Гарнизонъ ободрился, ударилъ съ новымъ усиліемъ на враговъ и прогналъ ихъ. Въ укрѣпленіи и во рвахъ найдено 685 тѣлъ. Съ нашей стороны убито нижнихъ чиновъ 9, ранено 18; гарнизонъ состоялъ изъ 1 штабъ-офицера, 15 оберъ-офицеровъ и 676 рядовыхъ.

Государь Императоръ удостоилъ отличившихся щедрыми Высочайшими наградами.

Франція. Абдъ-Эль-Кадеръ дѣятельно отстаивалъ Мавританскую національность, и непрерывными нападеніями сильно вредилъ Французамъ, хотя въ стычкахъ съ ними всегда долженъ былъ уступать. Онъ избѣгаетъ правильнаго сраженія; его Арабы вьются между Французскими корпусами, нападаютъ общими силами на отдѣльные отряды, и тотчасъ скрываются, какъ скоро дѣло доходить до правильнаго боя. Эмиръ быстро переходитъ съ одного мѣста на другое, раззоря и истребляя все на пути. Едва Французы успѣли вступить въ Миліану, какъ онъ зажегъ ее; обложилъ Медю и даже подъ стѣнами Алжира Арабы жгутъ поля и умерщвляютъ жнецовъ. Въ сильной схваткѣ на склонѣ Теніи Французы потеряли болѣе 400 человекъ. Въ госпиталяхъ Алжира находится нынѣ 1694 раненыхъ и больныхъ, въ госпиталяхъ Дуэры, Блнды и Музан около 1200 чел. Гарнизоны Меден и Миліаны составляютъ до 7000 чел., въ корпусъ маршала около 6000 чел. И такъ для обороны укрѣпленныхъ лагерей остается не много войска. — Въ Парижѣ вообще недовольны дѣйствіями маршала Вале, особенно его слишкомъ короткими и неопредѣленными донесеніями.

Англія. По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Кантона въ теченіи этого полумѣсяца, Китайцы дѣятельно занимаются приготовленіемъ брандеровъ, для истребленія Англійскихъ кораблей. Къ Британской эскадрѣ присоединился 44 пушечный корабль Друидъ подъ командою Лорда Джона Чорчилля. Американскіе купцы въ Кантонѣ, опасаясь слѣдствій Британской экспедиціи противъ Китая, намѣревались по

кинуть городъ; они не хотѣли болѣе принимать на сохраненіе ни какихъ товаровъ, и такимъ образомъ торговля совершенно осталась.

Въ Пекинѣ скончалась Императрица Китайская.

Турція. Въ Константинополь всѣ умы были заняты важною переменою въ Диванѣ: верховный вѣзиръ Хозревъ-Паша уволенъ; на мѣсто его назначенъ Рауфъ-Паша бывшій президентъ Государственнаго Совѣта, а Гассибъ-Паша, прежній губернаторъ Салоники на мѣсто Рауфъ-Паши. Узнавши объ увольненіи Хозрева-Паши, Мегеметъ Али, вице-король Египетскій, послалъ тотчасъ своего перваго секретаря Сами-Бея въ Константинополь, поздравить Султана съ рожденіемъ дочери Мевгибэ, и великаго Вѣзиря Рауфъ-Пашу съ возведеніемъ его въ настоящую должность. Между тѣмъ утверждаютъ, что Сами-Бею поручено было также объявить, что Турецкій флотъ можетъ безпрепятственно возвратиться въ Константинополь, какъ скоро Его В-ву угодно будетъ назначить кого либо для его пріятія. — Турки, повидимому, довольны этимъ посольствомъ и предложеніями, которыхъ справедливости очень можно повѣрить въ слѣдствіе затруднительнаго положенія Мегемета-Али, по случаю возстанія всей почти Сиріи. — Возмутившіеся обитатели Ливанской горы обложили, говорятъ, Бейрутъ, и туда отправляется изъ Египта на подкрѣпленіе сильная эскадра. Бѣдствія этой междоусобной войны умножаются еще моровою язвою. Мегеметъ-Али, узнавши о возстаніи въ Сиріи, писалъ письмо къ

Эмиру Беширу, въ которомъ спрашиваетъ его о причинѣ неудовольствій. «Если мятежь, писалъ онъ, «произошелъ отъ того, что Ибрагимъ Паша отобралъ у Друзовъ оружіе, то я имъ прощаю; тутъ «вышло недоразумѣніе; я никогда не давалъ сыну «моему повелѣнія отбирать у Друзовъ оружіе; ес- «ли же они возмущались потому, что не хотятъ уп- «сдачивать законныхъ податей, то увѣряю ихъ, что «я самъ со стотысячною арміею нападу на нихъ и «прогоню ихъ чрезъ горы за границу. Они знаютъ «меня! — На всякой случай я посылаю въ Сирію «внука моего Аббаса Пашу; съ нимъ ты можешь «вступить въ переговоры.» — Эмиръ Беширъ отвѣ- чалъ, что онъ ручается за Друзовъ, которые уже и покорились. Но Марониты не положили еще ору- жія. Они окружаютъ Сайду и Бейрутъ и даже напали было на лазаретъ послѣдняго города, зная, что въ немъ хранятся порохъ и ружья. Огонь, откры- тый съ Египетской галетты, разстроилъ ихъ пред- пріятіе. Корабли, отправляющіеся въ Сирію, большею частію Турецкіе фрегаты, на которыхъ оставили третью часть экипажа, а другія двѣ трети замѣнили Египетскими матросами. Командуетъ этою эскад- рою Османъ Бей, капитанъ Турецкаго линейнаго корабля. — Мегеметъ-Али по просьбѣ Лондонскаго Королевскаго общества отдалъ приказъ объ устроеніи метеорологической и магнитной обсерваторіи. Глав- ный надзоръ ввѣренъ г. Ламберту директору Инже- нерной школы въ Каирѣ и зданіе будетъ построено на Булакскомъ островѣ, въ самомъ выгодномъ мѣ- стѣ для наблюденій и такъ близко отъ Инженер- наго училища, что воспитанники могутъ ходить ту-

да учиться дѣлать наблюдснїя. Инструменты будутъ доставлены изъ Лондона.

Испанїя. Наконецъ и послѣднїе защитники дѣла Дона Карлоса положили оружіе. Бальмаседа, а за нимъ и Кабрера, тѣснимые войсками Королевы, должны были перейти Французскую границу съ остатками войска, и здѣсь обезоружены; бѣглецы Испанскїе числомъ до 13,000 человекъ, составляютъ теперь заботу Французскаго правительства. — Кабрера отправленъ въ Страсбургъ, а Бальмаседа въ Лилль.

=

НЕКРОЛОГЪ.

24 Іюня скончался въ Гагъ, въ глубокой старости, генералъ отъ инфантеріи Графъ *Леопольдъ фанъ Дилбургъ-Стирумъ*. Онъ составилъ съ графами *фанъ Гогендорпомъ* и *фанъ Дейнъ фанъ Масделлисъ* триумvirатъ, руководившій въ 1813 году дѣйствіями Нидерландскаго народа и содѣйствовавшій къ освобожденію его отъ ига Французовъ.

4 Іюля скончался въ Ганноверъ, послѣ кратковременной болѣзни, врачъ Королевско-Прусскаго генеральнаго штаба Тайный Медицинскій Совѣтникъ *Фонъ-Грефе*.

Люціиъ Бонапарте, Князь Капино, скончался 29 Іюня въ своемъ загородномъ домѣ въ Винтербо на 66 году жизни.

VII.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ОПЫТЪ НАДЪ ЗАМОРОЖИВАНІЕМЪ ЖАБЪ. Въ Исландіи дѣлали опыты надъ замораживаніемъ обыкновенной лягушки и двухъ видовъ жабъ—съ лягушкою опытъ не удался; впрочемъ по обстоятельствамъ совершенно постороннимъ. Что касается до жабъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онѣ могутъ быть, безъ потери жизни, до такой степени заморожены, что всѣ поры между мускулами наполнятся кусочками льда, и всѣ жизненные отправления, разумѣется, остановятся. Возвратъ ихъ къ жизни тѣмъ не менѣе однакожъ возможенъ: надобно только возвышать температуру съ приличною постепенностію; животныя эти могутъ быть совершенно возвращены къ жизни и доведены до ихъ обыкновенной степени дѣятельности въ 8 или 10 минутъ. Замороженныя, онѣ не оказываютъ никакихъ признаковъ жизни, тѣло ихъ становится твердо, жестко, такъ что невозможно пошевелить ни однимъ членомъ не сломавши его. Оживляютъ ихъ, погружая въ теплую воду. Тотчасъ по растаяніи льда члены и кожа принимаютъ свою обыкновенную гибкость и животное начинаетъ двигаться; жабы, замороженныя очень скоро въ водѣ или въ воздухѣ, не оживали. Любопытно сравнить эти опыты съ простонароднымъ убѣжденіемъ, что жабы, заштукатуренныя въ каменныхъ стѣнахъ, долго остаются живыми.

СРЕДСТВО ПРОТИВЪ СИНИЛЬНОЙ КИСЛОТЫ. Извѣстно всѣмъ дѣйствіе синильной кислоты: нѣсколько капель ея, принятыхъ внутрь, мгновенно убиваетъ всякое живое существо. Но наука нашла средство противу сего ужаснаго врага жизни. Докторъ Робинзонъ на сѣздѣ ученыхъ въ Зундерландѣ, дѣлалъ слѣдующій опытъ съ синильною кислотою, приведшій въ изумленіе всѣхъ его собратій: онъ взялъ двухъ милыхъ, веселыхъ и здоровыхъ кроликовъ, нимаго непредчувствовавшихъ, что имъ суждено быть орудіями важнаго открытія и влилъ имъ на языкъ по двѣ капли синильной кислоты—слѣдствіе произошло, какого надобно было ожидать; кролики упали, какъ бы пораженные молніею. Тогда докторъ началъ капать на затылокъ и хребетъ каждаго изъ нихъ холодную воду, въ коей предварительно была растворена смѣсь изъ *nitras potassae* и морской соли. Къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, кролики такъ же быстро ожили, какъ и умерли и чрезъ нѣсколько минутъ уже прыгали по залу въ полномъ веселіи и благополучіи. Тотъ же самый опытъ повторялъ Брюссельскій профессоръ химіи Луйе (Louyet), употребивъ для оживленія кроликовъ растворъ морской соли, охлажденный до 15°. Результатъ былъ также хорошъ. Если бы противъ всѣхъ золъ жизни были найдены столь же скорыя и вѣрныя средства, особенно противъ золъ нравственныхъ. Сколько ядовъ, губящихъ сердца, не столь быстро можетъ быть какъ синильная кислота, но тѣмъ не менѣе неотвратимыхъ! Какая химія откроетъ для нихъ противоядіе?

ПЕНСИИ ФРАНЦУЗСКИМЪ ЛИТЕРАТОРАМЪ. Въ нынѣшнемъ году получаютъ во Франціи отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія пособіе 119 человекъ литераторовъ. Въ этомъ числѣ 72 дамы, частію писательницы (числомъ 26), частію вдовы Французскихъ ученыхъ и имѣютъ пенсіи отъ 300 до 1400 франковъ. Въ числѣ извѣстныхъ авторовъ получаютъ Буассонадъ (Boissonade) 1000 франковъ, Кассини 2000 фр., Лакретель (Lacretelle) тоже 2000 фр., Мери, бывшій издатель Немезиды, 1500 фр., Юліусъ Моль, сотрудникъ общества, занимающагося собираніемъ Восточныхъ рукописей, 1500 фр., Нодіе 1500 фр., ослѣпшій историкъ Тьерри 5200 франковъ.

ЧИСЛО УЧАЩИХСЯ ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. Изъ всѣхъ университетовъ Германіи Берлинскій пользуется наибольшею славою и привлекаетъ множество слушателей. Къ началу нынѣшняго года считалось въ немъ 2069 слушателей. Всего болѣе изъ нихъ въ юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ: въ первомъ 447, а во второмъ 404; Богословію обучаются 396, а въ философскомъ факультетѣ 360 человекъ.

ОСТРОВА МАРКИЗСКІЕ. Капитанъ Абель дю Пети-Туазъ, отправленный Французскимъ правительствомъ на фрегатъ Венера для покровительства китовой ловли въ Тихомъ океанѣ, объѣздивши западные берега Америки и острова, лежащіе между нею и Азією, приставалъ между прочимъ къ мало извѣстной группѣ Маркизскихъ острововъ. — Предлагаемъ извлеченіе изъ отчета его, въ которомъ онъ говоритъ объ этихъ островахъ.

Острова Маркизскіе состоятъ изъ двухъ группъ, разсыпанныхъ по направленію отъ SE къ NO между 7° 50' и 10° 32' южной широты и между 140° 59'—143° 11' западной долготы отъ Парижскаго меридіана; они вулканическаго происхожденія и такъ высоки, что при ясной погодѣ видны за 20 миль. Группа эта населена народомъ одного языка и нравовъ; открыта въ первый разъ въ 1595 году экспедиціею, отправленною вице-королемъ Перуанскимъ Маркизомъ де Мендозою и названа потому Маркизскою. Южная половина состоитъ изъ пяти острововъ. Острова Санъ-Педро и Гудъ не населены, а Магдалина имѣетъ отъ 2 до 3 тысячъ жителей, Доминика около 6,500, Христина около 1,000 человекъ.

Половина сѣверо-восточная состоитъ изъ 6 острововъ, изъ коихъ Нукагива содержитъ до 5,000 душъ, Роа-Пуа и Роа-Гуга около 3,000 душъ. Все населеніе Маркизскихъ острововъ простирается до 25 тысячъ душъ.

«1 Августа 1838 года,» говоритъ капитанъ дю Пети-Туазъ, «мы подошли къ острову Магдалины отъ SSO, гдѣ увидѣли прекрасную бухту, среди самыхъ роскошныхъ и цвѣтущихъ береговъ, оживленныхъ хижинами туземцовъ. Тутъ мы были окружены множествомъ лодокъ различной величи-

ны, на которыхъ подплыли къ намъ жители; они всходили на наше судно охотно и безъ страха; кажется, они привыкли къ этому; многіе изъ нихъ знали нѣсколько словъ по-Англійски и показывали аттестаты капитановъ, у которыхъ служили матросами на Англійскихъ или Американскихъ китоловныхъ судахъ. Вообще все они худы и покрыты отвратительными золотушными опухольями и ранами. Они приглашали насъ на берегъ, гдѣ обѣщали доставить воду, плоды и прекрасныхъ женщинъ. — Посѣщеніе ихъ мало доставляло намъ удовольствія, и потому что они ничего не имѣли для жѣны и потому, что они потеряли уже дикую оригинальность своего племени, а отъ образованности заняли только пороки. Нагота ихъ, нѣсколько прикрытая лохмотьями, отвратительна. Куски платя, висѣвшіе на нихъ, умножали только непріятный запахъ, и равно оскорбляли обоняніе и зрѣніе.

«Отсюда мы поплыли къ острову Санъ-Педро, у котораго снова посѣтили насъ три пироги съ жителями острова Доминика. Они были почти совершенно наги, но довольно умны впрочемъ; одинъ изъ нихъ говорилъ нѣсколько по Англійски. Они хотѣли взять съ собою миссіонеровъ Деву и Боргелла и можетъ быть это былъ хорошій случай поселиться на островъ Доминикъ самомъ богатомъ, многолюдномъ и важнѣйшемъ изъ острововъ этого архипелага; но миссіонеры не знали языка Полинезкаго и почли неблагоразумнымъ ввѣриться этимъ добрымъ Индѣйцамъ, которые, можетъ быть, рады были бы случаю ограбить ихъ, ежели не сжарить, потому что здѣшніе жители еще не совсемъ отказались отъ такого каннибальскаго блюда.

На другой день къ намъ подъехало китоловное судно, идущее отъ острова Христины; на немъ былъ Англичанинъ, по имени Робинзонъ, который съ дѣтства поселился на этомъ островѣ, татуировался и принялъ все обычаи туземцевъ. Онъ предложилъ мнѣ свои услуги въ качествѣ лодчмана; я уже зналъ его, и другаго Англичанина Тома Коллинса, рекомендованныхъ мнѣ капитаномъ Британской корветты Брюсомъ, и могъ положиться на нихъ въ этомъ дѣлѣ.

Они провели мое судно въ заливъ Аманова, гдѣ можно было

укрыться отъ вѣтра. Едва мы стали на рейдъ, какъ къ намъ подѣхалъ король на китоловномъ суднѣ въ сопровожденіи двухъ другихъ старшинъ и своего малолѣтняго сына, котораго предлагалъ мнѣ въ аманаты. — Имя короля Ютати. Онъ росту высокаго и соразмѣрной толстоты, почти черенъ и татуированъ сверху до низу; лицо его открытое и исполнено доброты, такъ что глядя на него, трудно повѣрить, чтобы это былъ представитель людоедовъ. Впрочемъ, въ похвалу его можно сказать, что онъ одинъ только не принимаетъ участія въ этихъ ужасныхъ пиршествахъ. Вниманіе его чернаго величества особенно занимали величина судна, многочисленный экипажъ и грозный видъ пушекъ. Король предлагалъ мнѣ все, что могло мнѣ понравиться на его островъ. Старшины, сопровождавшіе короля, были также великорослы и татуированы. — Я сказалъ королю, что хочу салютовать ему четырьмя выстрѣлами; это ему такъ понравилось, что онъ не скрывалъ даже удовольствія своего, и желалъ, чтобы выстрѣлы сдѣланы были при немъ. Я сказалъ ему, что салютуютъ обыкновенно по отъѣздъ лица, удостоиваемаго этой чести; послѣ нѣкотораго размышленія, онъ просилъ не нарушать совершенно приличій, но сдѣлать два выстрѣла при немъ, а два по отъѣздъ его, на что я охотно согласился. Послѣ этого надобно было сдѣлать удовольствіе первому министру, который въ свою очередь просилъ позволить ему самому зажечь порохъ у пушки; надобно было и его удовлетворить.

«Пока фрегатъ стоялъ въ заливѣ Мадре де Диосъ, король Ютати посвящалъ меня всякой день; онъ приходилъ къ завтраку, послѣ котораго возвращался на берегъ, и снова приходилъ къ обѣду. Въ приѣмахъ его ничего не было смѣшнаго или не ловкаго; онъ совсѣмъ не былъ докучливъ, все разсматривалъ внимательно и старался подражать намъ, чтобы не сдѣлать чего нибудь такого, что могло бы намъ не понравиться. Сначала мнѣ было страшно видѣть за столомъ у себя двухъ огромныхъ челоуѣкъ, (потому что министръ не оставлялъ короля) совсѣмъ нагихъ, испещренныхъ отъ головы до пяты странными фигурами, расположенными впрочемъ въ симметріи и не безъ вкуса; но я скоро привыкъ къ нимъ. Расписываніе тѣла въ самомъ дѣлѣ скрываетъ наготу его; оригинальность фигуръ привле-

вааетъ вниманіе и производитъ такое же дѣйствіе, какъ какой нибудь пестрый костюмъ. Въ первое посѣщеніе, сдѣланное намъ королемъ въ заливъ Мадре де Діосъ, онъ просилъ, чтобы мы салютовали ему, для того, какъ онъ говорилъ, чтобы его подданные, можетъ быть не слышавшіе прежней салютаціи, знали о почестяхъ, ему отдаваемыхъ. Я охотно удовлетворилъ его тщеславію, и чтобы доставить ему еще больше удовольствія, приказалъ пустить нѣсколько ракетъ и римскихъ свѣчъ. Въ изъявленіе благоволенія своего король обмѣнялся со мною именами, и съ той поры ни въ чемъ мнѣ не было отказа; я сталъ владѣтелемъ острова, особенно его долины. На другой день пріѣхала королева съ королемъ, чтобы мнѣ напомнить новое мое имя, Ютати; я принялъ ее учтиво, но отказался отъ предлагаемыхъ мнѣ правъ мужа, не желая употребить во зло благодушіе владѣтеля. Имъ показали весь фрегатъ, и королева, проходя возлѣ печи, изъ которой вынимали тогда хлѣбы, выпросила одинъ изъ нихъ, и унесла съ собою. Въ это посѣщеніе король былъ въ парадномъ костюмѣ; волосы у него были связаны въ пучокъ на темѣ; на немъ былъ огромный маро, почти достающій концами до земли, красный фланелевый плащъ, висящій на плечахъ и застегнутый около шеи очень хорошо обрисовывалъ его станъ и придавалъ ему величавый видъ. Королева носила на головѣ сътку, весьма тонкую, похожую на газъ, и была закутана въ зеленое мериносовое платье, которое получила отъ миссіонеровъ Французскихъ; сверхъ него былъ также накинута плащъ. Ноги до коленъ и руки были обнажены и татуированные очень искусно и щеголевато.

«Женщины этого архипелага такъ же, какъ и на островѣ Пасхи, обыкновенно лежать или сидятъ на корточкахъ, такъ что кажется имъ трудно держаться на ногахъ. Когда онъ хотятъ идти, то находишься въ недоумѣніи, пойдутъ ли они на четверенькахъ или на двухъ ногахъ. Видя благосклонность короля, я предложилъ ему принять на островъ двухъ миссіонеровъ, которые будутъ учить его сына по-французски, а сами научатся по-полинезски. Онъ не только охотно согласился на это, но и предложилъ имъ помѣщеніе въ своемъ дворцѣ, пока выстроятъ для нихъ дома. Для меня также отвелъ большой участокъ земли подъ домъ

и садъ. И такъ миссіонеры Дево и Боргелла воспользовались такимъ благопріятнымъ случаемъ, и 6 Августа начали перебираться въ королевскій домъ.

«Еще до моего отъезда король далъ имъ землю, на которой находился домъ въ хорошемъ состояніи; надобно было только исправить не много крышу. Мѣсто это засажено кокосовыми и хлѣбными деревьями и достаточно для разведенія сада.

«Наконецъ и я отдалъ визитъ королю; онъ меня принялъ очень ласково и водилъ по дворцу: это большая изба въ 20 метровъ длины и въ 3 или 4 ширины, построенная на берегу ручья подъ навѣсомъ деревъ, дающихъ тѣнь и прохладу. Она построена, подобно прочимъ, въ видъ четверугольника изъ камней и возвышается около метра отъ поверхности земли. Внутри на каждомъ концѣ сдѣлано возвышеніе около фута отъ земли, назначенное, кажется, для короля; прочее пространство раздѣлено по длинѣ на двѣ равныя половины; мѣста около стѣнъ устланы травой и покрыты коврами: это общая постель. — Когда я вошелъ, королева, дочь ея и нѣсколько другихъ женщинъ лежали покрытыя одѣялами; множество любопытныхъ сидѣло на камняхъ противъ нихъ. Король представилъ меня королевѣ и своей дочери, которыя показали видъ, будто меня не примѣтили; они прятали лица подъ плащи, что давало мнѣ не совсѣмъ выгодное понятіе объ ихъ красотѣ. Король подарилъ мнѣ родъ діадимы или повязку изъ пѣтушнихъ перьевъ, которая придавала очень хорошій видъ тому, кто умѣлъ носить ее. Мы разговаривали съ помощью Робинзона, служившаго намъ переводчикомъ. Король много спрашивалъ о Франціи, государѣ ея, народонаселеніи и числѣ кораблей. Потомъ сказалъ, что хочетъ объявить войну жителямъ острова Доминика и просилъ моего пособія въ этомъ предиріятіи. Мнѣ было чрезвычайно трудно дать ему понятіе нейтральности моего положенія; я ему предложилъ мое посредство для заключенія мира съ его непріятелями, зная, что война не принесла бы ему никакой существенной выгоды. Но онъ отвергъ это предложеніе, какъ несомвѣстное съ его честію, которая была бы оскорблена такимъ посредствомъ. Народъ подумаетъ, сказалъ онъ, что я изъ трусости искалъ вашего посредства. Оста-

виѣ короля, я прошелъ по городу; онъ состоитъ изъ 30 или 40 домовъ, разбросанныхъ по ручью и отвѣсамъ бухты; населеніе его составляетъ 150 или 200 человекъ, между которыми находится дюжина Европейцевъ-Англичанъ, Испанцевъ и Французовъ.

«Мнѣ очень любопытно было видѣть новое морав, построенное для погребенія одной изъ женъ короля, умершей восемь дней назадъ. Оно похоже на здѣшній домъ или навѣсъ; западный, сѣверный и южный бока совершенно открыты, крыша поддерживается на столбахъ, выкрашенныхъ красною и желтою красками. Приближаться къ нему не позволено; впрочемъ это немного доставило бы удовольствія, потому что мы и издали слышали несносный запахъ, разстилающійся на далекое пространство. Полинезцы повидимому не сожигаютъ и не бальзамируютъ умершихъ. Въ этомъ случаѣ они строго сохраняютъ древнія суевѣрія, не смотря на знакомство съ Европейцами. Я замѣтилъ, что молодые люди мало татуированы и думаю, что этотъ обычай выводится понемногу; видѣлъ нѣсколько очень красивыхъ дѣвицъ; у всѣхъ ноги и руки татуированы, у нѣкоторыхъ изъ нихъ губы и лобъ около волосъ были также татуированы; всѣ однакожъ имѣли видъ болѣзненный и были безъ исключенія очень грязны.

Прежде отъѣзда моего король хотѣлъ въ свою очередь салютовать мнѣ всею своею артиллеріею, и съ самодовольствомъ показывалъ мнѣ старую коронаду, до половины погруженную въ песокъ. Къ обѣду онъ пришелъ ко мнѣ на судно, и это былъ благопріятный случай снова просить подарковъ; надобно было имѣть ихъ въ запасъ для каждаго посѣщенія, потому что эти господа самые неугомонные попрошайки. Король показалъ мнѣ капитанскій мундиръ съ эполетами, подаренный ему Брюсомъ, и примолвилъ, что бережетъ его для посѣщенія Англійскихъ кораблей, но для Французскихъ ему нуженъ мундиръ Французскій. Нельзя было противиться такому доводу и я одѣлъ его съ головы до ногъ. Во всю жизнь мою я не видѣлъ никого счастливѣе его въ эту минуту; гордо расхаживая, онъ посматривалъ въ зеркало, любовался собою и смѣялся отъ всего сердца; наконецъ вышелъ на палубу и кажется хотѣлъ сказать всѣмъ: «по-

смотрите на меня.» Ему около 50 лѣтъ; надобно видѣть это ребяческое тщеславіе, чтобы понять его; впрочемъ вичто такъ не выражаетъ характера дикихъ: это старые дѣти, которыхъ всякая бездѣлица тѣшитъ на одну минуту. Король попросилъ у меня флага; какъ такому великому государю быть безъ флага? Я предложилъ ему нѣсколько, онъ выбралъ шахматный съ красными и бѣлыми квадратами, спросивъ напередъ: не принадлежитъ ли онъ какой нибудь націи? На другой день приказалъ срубить дерево, сдѣлать мачту, поставить возлѣ своего дожа и прикрѣпить къ ней флагъ. По этому случаю данъ былъ праздникъ. Мужчины явля что-то съ припѣвами подъ аккомпаниманъ барабана и рукошлесканія женщинъ, сидѣвшихъ вокругъ. При нашемъ отъѣздѣ, король оставался на палубѣ, пока не подняли паруса; онъ не безъ слезъ разстался съ нами.»

СМЕРТЬ КАРДИНАЛА МАЗАРИНИ. Недавно вышла изъ печати 24-ая часть известнаго творенія Сисмонди *Histoire des Français*. Чтобы ознакомить читателей, съ какими подробностями знаменитый писатель излагаетъ въ своей книгѣ исторію Франціи, мы приведемъ здѣсь любопытное описаніе смерти Кардинала Мазарини.

Изнуренный усиленными работами, измученный ревматизмомъ, который былъ всегдашнимъ его спутникомъ, Кардиналъ Мазарини, послѣ возвращенія своего съ Испанской границы, былъ безпрерывно боленъ. Въ Июль отъ ревматическаго припадка жизнь его была въ опасности. Но на этотъ разъ онъ былъ спасенъ. Слѣдствіемъ этого припадка было общее разслабленіе и водяная въ груди. Онъ видѣлъ, что конецъ его близокъ. Но это самое и окрылило его рѣшимость. Онъ торопился окончаніемъ дипломатическихъ дѣлъ, чтобы въ Европѣ, которая была раздираема продолжительными войнами, имъ возженными, водворить миръ на прочныхъ основаніяхъ. Страданія, безсонныя ночи и удушливый воздухъ его ложа не умадили его дѣятельности и свѣтлый умъ его не былъ ни на минуту омраченъ. Онъ еще страстно любилъ карточную игру, къ которой приохотилъ своего молодого влестелина и весь дворъ, и которая многихъ знаменитыхъ людей Франціи привела къ погибели. Черезъ игру Гурвиль, бывшій преж-

де камердинеромъ, достигъ чести сидѣть за королевскимъ столомъ. Самыхъ знатныхъ лицъ заставилъ онъ ладить съ Гурвилемъ, чтобы обхитривать его друга Герваля, который былъ чрезвычайно богатъ и всегда проигрывалъ. Кардиналъ игралъ всякій день; игра возвышалась до 3 и 4 тысячъ пистолей и счастье его никогда не оставляло. Во время безсонныхъ ночей онъ взвѣшивалъ золотую монету, и легкую откладывалъ для игры. Скупость сдѣлалась его господствующею страстію. Не смотря на то, что онъ самовластно распоряжалъ государственною казною и черпалъ изъ нея для себя и для своихъ, не давая въ томъ никому отчета, не смотря на то, что онъ былъ нечувствителенъ къ страданіямъ народа, обремененнаго налогами, онъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на склонность къ расточительности обихъ королевъ и назначилъ имъ на малкіе расходы не болѣе 1000 талеровъ въ мѣсяцъ; деньги эти обыкновенно были проигрываемы тотчасъ по полученіи.

У Кардинала было трое племянниковъ; двое умерло, третьяго онъ не любилъ. Онъ завѣщалъ ему однакожъ герцогство Неверсъ и одно княжество въ Италіи. Племянницъ своихъ онъ выдалъ за знатнѣйшихъ особъ Италіи и Франціи: за герцога Меркера (Mergoeur), за графа Суассона (Soissons), за принца Конти и за герцога Моденскаго. Остальныя были сговорены: старшая Марія Манчини, любимица Короля, за Конетабля Коллонна (Collona); вторая, красавица Гортензія, за сына Маршала Мейлерая (Meillerage), который принялъ титулъ Герцога Мазарини; третья, которой онъ далъ 60,000 ливровъ приданаго, была назначена герцогу Бульонскому. Принцесса Конти была сдѣлана оберъ-гофмейстериною при дворѣ королевы матери, а графиня Суассонъ получила тоже мѣсто при дворѣ царствующей королевы. Хотя членамъ своей фамиліи онъ роздалъ значительныя суммы, но не смотря на то, имѣніе его было необычайно велико, и вѣрно никто изъ частныхъ людей не былъ такъ богатъ. Онъ почелъ за долгъ предложить имѣніе свое Королю, бывъ вполне убѣжденъ, что Король откажется и онъ чрезъ то упрочитъ за собою свое имѣніе, столь неправильно пріобрѣтенное. Король не только сдѣлалъ это, но утвердилъ за

нимъ весь его бенефиціи, мѣста и проч. Мазарини владѣлъ 22 аббатствами. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ распредѣлилъ все. Завѣщанныя имъ имѣнія по богатству равнялись царскимъ. Говорили, что когда родственницы его были надѣлены приданымъ и розданы завѣщанныя имъ имѣнія, его главному наслѣднику молодому герцогу Мазарини досталось болѣе 1,500,000 ливровъ дохода, что по нынѣшнему равняется 3 милліонамъ ливровъ.

Алчный ко власти, и можетъ быть опасаясь, чтобы преемникъ его, подвергнувъ контролю его управленіе, не имѣлъ притязаній на оставляемое имъ имѣніе, онъ старался уговорить Короля, чтобы онъ никому не ввѣрялся и царствовалъ бы одинъ. Мазарини успѣлъ посвятить недоувѣрчивость въ сердцѣ Короля къ бывшему его наставнику маршалу Виллеруа и къ королевѣ матери. Когда послѣдняя посѣщала его въ болѣзнь, онъ восклицалъ: «Оставьте ли меня въ покоѣ?» Онъ вселилъ также въ сердце короля недоувѣрчивость и къ оберъ-интенданту Фуке, который въ военное время и при затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ всегда находилъ средства и помощь; но честности коего противорѣчило его огромное имѣніе. Онъ представилъ Королю для устройства финансовой части своего собственнаго управителя Кольберта, который, по его мнѣнію, могъ одинъ только возстановить порядокъ. Кромѣ Кольберта онъ рекомендовалъ Королю двухъ отличныхъ людей ле Телліе (le Tellier) для внутренняго управленія государства, и Лионна (Lyonne) для внешней политики. До послѣдней минуты онъ занимался государственными дѣлами, и 8-го Марта 1661 года подписывалъ еще депеши. Исполнивъ обряды религіозныя, онъ умеръ 9-го Марта между 2 и 3 часомъ утра въ Венсенѣ, гдѣ онъ уже жилъ съ мѣсяць.

УСТУПКИ СОВѢСТИ. Въ ту знаменитую эпоху, когда Франція, утомленная безначаліемъ, рѣшилась наконецъ ввѣрить свой жребій могущественной рукѣ Наполеона, Мерсье стоялъ еще въ первомъ ряду фанатическихъ поклонниковъ Спарты и Аѳинъ. Читая его *Старый и Новый Парижъ*, его драмы и *2440 годъ*, почтешь его сверху до низу вытесаннымъ изъ мрамора, твердымъ какъ камень или Спар-

танецъ, словомъ способнымъ попать ногами въ ролевое богатство и пить воду по Діогеновски горстью руки. Горькіе его сарказмы напоминали Тимона и кружили головы молодежи. Вся злоупотребленія общественныя были имъ жестоко гонимы, и особенно злоупотребленія лоттерей. Онъ столько измилъ желчи и остроумія на послѣднія, что настоящее поколѣніе, говоря о лоттерей, невольно напоминаетъ имя Мерсье. Этотъ заступникъ бѣдныхъ не имѣлъ ни копѣйки въ карманѣ, но впрочемъ благодаря своимъ брошюрамъ на современные нравы, онъ жилъ такъ расточительно, какъ ни одинъ бѣднякъ не могъ бы жить, хотя и здѣсь безпорядочность его отражалась ясно, какъ и во всемъ. Эти непризванные опекуны общества обыкновенно нуждаются въ опекѣ надъ собою.

Кромѣ сотни мѣлкихъ долговъ, которыхъ уплата представлялась судьбѣ и будущимъ обстоятельствамъ, Мерсье былъ долженъ тогда своему хозяину за три срока. Но что значать три срока для философа? Хозяинъ, проникнутый энтузіазмомъ къ своему жильцу, не беспокоилъ его; а Мерсье изворачивался дипломатически, и избѣгалъ униженій, какъ умный человекъ, находящійся въ затрудненіи.

— Ахъ, г. Пикарь, говорилъ онъ всегда первый при встрѣчѣ съ хозяиномъ, я вамъ уже Богъ знаетъ сколько долженъ!

— Полноте, отвѣчалъ тотъ, стоитъ ли объ этомъ вспоминать?

— Кажется, я вамъ долженъ за три срока или около того?

— Почти; но я объ этомъ не беспокоюсь, и вамъ совѣтую не беспокоиться.

— Ну, да, прибавилъ Мерсье—хотя Жанъ Жакъ въ твореніи, исполненномъ ума и краснорѣчія, могущественно доказалъ, что дары природы, нашей общей матери, сдѣлались въ рукахъ нѣсколькихъ привилегированныхъ лицъ источникомъ убійствъ и переворотовъ; въ вашихъ рукахъ

однакожь, г. Пикарь, это злоупотребленіе сдѣлается источникомъ добра для будущихъ поколѣній, потому что вы, право, человекъ предостойный, никого не мучите и понимаете жизнь. О, ежели бы вышніе люди, внимая внушеніямъ философіи и священному голосу природы, попрали презрѣнную роскошь, развращающую общественныя нравы, и довольствовались бы, по примѣру патриархальныхъ своихъ предковъ, молокомъ овецъ и жолудями, собранными въ лѣсу, то давно бы уже золотой вѣкъ снишелъ съ неба и царствовалъ на землѣ! Впрочемъ я надѣюсь скоро получить небольшую сумму, и зайду къ вамъ на дняхъ.

Такое неловкое извиненіе доставляло Мерсье двѣ или три недѣли отсрочки. Но философія имѣетъ свое время, деньги должны также имѣть свое. Такое положеніе вещей не могло тянуться долго.

Какъ ни лестно было для самолюбія Пикара говорить встрѣчному и поперечному, что знаменитый Мерсье, творецъ картины Парижа, живетъ въ его домѣ, что онъ почитилъ его экземпляромъ своего творенія прежде всѣхъ, что иногда даже онъ удостоиваетъ раздѣлять съ нимъ семейный ужинъ, приготовленный не изъ молока овецъ и лѣсныхъ жолудей слишкомъ пастушескихъ, а изъ прекраснаго вина, вкусныхъ паштетовъ и проч.; однакожь неуплата за квартиру мало по малу отрезвила его отъ этого философскаго чаду, и онъ начиналъ понимать, что деньги, намъ слѣдующія, надобно получить, хотя бы должниками нашими были философы. Пикарь принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые, принявши однажды намѣреніе, приводятъ его въ исполненіе всеми средствами. На сей разъ Пикарь захотѣлъ, во что бы то ни стало, обезпечить для себя уплату, не выходя въ тоже время изъ границъ уваженія должнаго своему знаменитому жильцу и должнику. У Пикара былъ зять Ламбертъ Дерошъ, скромный сочинитель пьсень и добрый малый; онъ служилъ тогда въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и былъ на хорошей политической дорогѣ; ему то открылъ онъ свои дѣла съ Мерсье. На общемъ совѣтѣ положено было опредѣлить его какъ нибудь въ службу, обольстивъ мыслию спокойнаго и обезпеченнаго положенія; и съ сей поры Пикарь, его зять, и дочь, при-

нятая также въ заговоръ, начали подводить мины подъ республиканскій стоицизмъ Мерсье. Дерошъ просилъ его къ себѣ, хвалилъ, составлялъ пѣсни по идеямъ 2440 года, жена его клала ихъ на ноты, и довольный Мерсье распѣвалъ ихъ вмѣстѣ съ ними, хвала въ свою очередь музыку г-жи Дерошъ. — Словомъ сказать, они совершенно сблизились. При сужденіяхъ политическихъ Мерсье читалъ свои творенія, и не позволялъ ни кому оспаривать своихъ мнѣній. Сердце человѣческое надобно брать, какъ кружку, за ушко.

Въ одинъ вечеръ, по случаю сильной выходки противъ честолюбцевъ, Дерошъ пустился превозносить Наполеона, котораго Мерсье считалъ въ числѣ своихъ непримиримѣйшихъ враговъ; сначала, разумѣется, въ духъ республиканскомъ, потомъ разными анекдотами, хитро выдуманнми, характеристическими словами, можетъ быть ложными, но очень кстати вложенными въ уста Наполеона, Дерошъ старался увѣрить Мерсье, что герой Маренго, стремясь къ безусловной диктатурѣ, искалъ только тѣмъ самымъ средства возвеличить и осчастливить Францію.

Схватка была жаркая, и Мерсье настроилъ свою лиру на такіе высокіе Спартанскіе тоны, что будь тутъ Руссо, онъ вѣрно изорвалъ бы свою славную прозопопею о фабриціяхъ.

Между тѣмъ часы ударили полночь; Дерошъ взялъ палку и шляпу, чтобъ проводить Мерсье. — На дорогѣ онъ съ печальнымъ видомъ слушалъ безпрестанныя гиперболы Мерсье, и при прощаньи пожавъ руку противнику Наполеона, примолвилъ: «Вы не отдаете ему столько справедливости, какъ онъ вамъ.»

Стрѣла попала мѣтко.

Въ эту ночь Мерсье легъ спать около четырехъ часовъ, даже не написавъ ни строчки.

Въ одно утро всѣ, кромѣ Пикара, пользуясь прекрасной погодой, отправились въ Жангильи, чтобы посмотреть тамъ продающуюся дачу; за нее просили 40,000 франковъ,

сумму, слишкомъ значительную для Дероша. Хорошо бы имѣть такую дачу, сказалъ Дерошъ Мерсье.

— Я не богатъ, отвѣчалъ тотъ печально.

— Но у васъ волшебное перо, прибавилъ Дерошъ. Мерсье почувствовалъ острее ножа въ своемъ сердцѣ; всѣ добродѣтели его потряслись; логика предстала съ искусительными расчетами и оправданіями. На другой день онъ былъ въ лихорадкѣ. Дерошъ нашелъ его въ постель. «Я долженъ отказаться,» сказалъ онъ, «отъ вчерашняго бреда; но признаюсь это мнѣ стоило усилій. Я сейчасъ отъ нотариуса, вашего сосѣда. За поручительствомъ г. Пикара, казалось, можно было бы сладить дѣло съ уплатою въ 10 лѣтъ по 4000 фр.; но это весь мой доходъ, и я отказался. Боже мой, г. Мерсье, почему я не имѣю вашего таланта? Ни минуты не медля, я бросился бы къ Наполеону, и какое нибудь мѣсто съ окладомъ тысячъ въ 12 въ годъ позволило бы мнѣ исполнить мое и жепы моей желаніе. Кричать противъ должностей безъ дѣлъ. Какіе пустяки! Франція никогда не можетъ уплатить своимъ дѣтямъ житейскими выгодами за то, что они доставятъ ей славою. Окрыляя геній деньгами, Франція покупаетъ свое безсмертіе.» — Страданія Мерсье удвоились; Дерошъ для успокоенія его, предложилъ чтеніе: «Не прочесть ли что нибудь изъ Жанъ-Жака?» сказалъ онъ. Вы меня обяжете, отвѣчалъ Мерсье. Дерошъ раскрылъ Эмиля; ему попалось то мѣсто, гдѣ Руссо, предаваясь искренно человѣческимъ чувствамъ, послѣ восклицанія: «Когда бы я былъ богатъ!» описываетъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ тотъ скромный рай, который онъ создалъ бы на землѣ. — Дерошъ плакалъ, но по страждущему лицу Мерсье увидѣлъ однакожь, что зашелъ далеко. — Къ вечеру надобно было пустить больному кровь, а черезъ двое сутокъ прошеніе послано къ Императору. Оглушенный собственною рвѣшностію, Мерсье совершенно оглушвлъ на цѣлую недѣлю: Наполеонъ не отвѣчалъ.

Мучительныя подозрѣнія начали роиться въ воображеніи Мерсье — мысль быть игрушкою, и можетъ быть Дероша, мало по малу развивалась въ его умъ; проклятая да-

ча носилась передъ глазами; отказъ въ просьбѣ возлѣ превеличеннаго сознанія собственнаго достоинства, приводилъ его въ смертельный трепетъ. Въ такомъ мучительномъ расположеніи духа онъ ходилъ уединенно подъ деревьями Пале-Рояля, когда запыхавшійся Дерошъ прибѣжалъ къ нему.

«Поздравляю, кричалъ онъ еще издали, вы опредѣлены, и завтра непременно вы получите официальное увѣдомленіе. Дѣло замедлилось въ отдѣленіи; эти господа съ своими неизбѣжными формами всегда провалочатъ, но Императоръ на просьбу вашу отвѣчалъ тогда же, я самъ видѣлъ число. Спѣша увѣдомить васъ, я не посмотрѣлъ, какое мѣсто вамъ назначено, видѣлъ только ваше имя и окладъ 12,000 фр., но это вѣдь существенное. Пожалуста пойдемъ ко мнѣ; г. Пикарь и жена моя хотѣтъ также васъ поздравить.»

День прошелъ весело. — Мерсье просилъ друзей своихъ на завтра къ себѣ обѣдать.

Возвратясь домой, полный восторга, онъ предался чувству признательности и написалъ стихи въ честь сына судьбы, Геркулеса Европы, поправшаго гидру безначалія, законнаго представителя Франціи, умѣвшаго почтить его своимъ вниманіемъ. Переписавши пьесу начисто, онъ легъ спать. Поутру пересматривая написанное, онъ принялся поправлять его, какъ вдругъ приносятъ на его имя пакетъ. — Распечатавъ, Мерсье пробѣжалъ бумагу и выпучилъ глаза отъ изумленія: его сдѣляли начальникомъ отдѣленія въ департаментъ лотерей. — Онъ взглянулъ еще разъ, и видя тоже, вспыхнулъ ужаснымъ гнѣвомъ; бумага смятая полетѣла въ окно конторки вверхъ ногами; стихи съ другими бумагами разсыпались по полу. — «Ежели это сдѣлалъ Дерошъ, то я задушю его,» кричалъ онъ въ ярости. Дерошъ вошелъ съ тестемъ и женою, которые съ изумленіемъ смотрѣли на беспорядокъ въ комнатѣ. «За что вы хотѣли задушить меня,» спросилъ первый, расправляя бумагу объ опредѣленіи Мерсье. «За что?» вскричалъ онъ громовымъ голосомъ. «Читайте это опредѣленіе,» завернувшись въ халатъ, онъ съ гнѣвомъ началъ ходить по комнатѣ.

Дерошъ прочелъ и не понялъ ни чего; бумага пошла изъ рукъ въ руки. Что же? сказалъ онъ, это прекрасное вѣсто; 12,000 фр. жалованья, кромѣ награды; не всякому достается такое. Его Величество, кажется, понимаетъ людей; чего же вамъ надобно больше? — Я не понимаю васъ, г. Мерсье.

— Странно говорите вы, г. Дерошъ; весь свѣтъ увидитъ это, а вы не видите. Мнѣ, отъявленному врагу лотерей, мнѣ, который во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ, на каждой страницѣ, на каждой почти строчкѣ бранилъ эти вертепы грабежа и обмана, отъ которыхъ правительство должно бы очистить мое отечество; эти ловушки, которыя спекуляція ставитъ нищеть; это ужасное злоупотребленіе, сопровождаемое лукавствомъ и оскорбленіемъ, разжигающее преступныя желанія въ сердцахъ бѣдныхъ, удвояющее ихъ истощеніе, для обогащенія лѣнниковъ — мнѣ, Мерсье, автору 2440 года, жить этой язвой общества, вы съ ума сошли, г. Дерошъ?

Дерошъ колебался въ какой-то нерѣшимости. Гмъ, пробормоталъ онъ, я не знаю что сказать; это въ самомъ дѣлѣ странно, и вы, кажется, не совсѣмъ не правы. Но еще остается одно предположеніе; можетъ быть, это просто ошибка канцеляріи?

— Всего върните, прибавила съ живостію г-жа Дерошъ.

— Такъ точно, сказалъ Пикарь.

Мерсье поглядывалъ на нихъ въ недоумѣніи. Для чего бы въ самомъ дѣлѣ Императору ставить васъ въ необходимость отказаться? прибавила г-жа Дерошъ

— Это не его манера, сказалъ Пикарь.

— Къ дѣлу, пробормоталъ Мерсье, колеблясь между страхомъ и надеждою. Мечъ Дамоклесовъ висѣлъ надъ его головою; Дерошъ бросился въ дверь и исчезъ.

Надежда нѣсколько успокоила умы. Г-жа Дерошъ обратила вспотѣвшій лобъ философа съ тихими упреками; Мерсье цѣловалъ ей руки; Пикарь, сморщась двусмысленно, насвистывалъ Марсельезу и билъ себя пальцами по гу-

бамъ: это былъ его обыкновенный жестъ въ минуты дипломатическихъ размышленій. Потомъ пожимая плечами, онъ произнесъ рѣшительнымъ тономъ: «Но скажите, наконецъ, почему вы находите дурнымъ это мѣсто?» У Мерсье опустились руки.

— Ахъ, Боже мой, вы, кажется, смѣтаете надо мною, г. Пикарь!

— Совсѣмъ нѣтъ. По моему, вы сердитесь изъ пустяковъ. Зачѣмъ оскорбляться эпиграммою?—Эпиграмму, приправленную 12,000 фр., легко можно переварить. Признаюсь вамъ, я не понимаю вашего гнѣва; что до меня касается, я бы принялъ это мѣсто.

— Вы, можетъ быть, сказалъ философъ съ презрительною улыбкою.

Пикара взорвало.

— О, сказалъ онъ, испачкать глупостями нѣсколько листовъ бумаги, я умѣю бы не хуже всякаго другаго. Перо, сказать между нами, есть слуга языка, мысль существуетъ прежде слова, и краснорѣчіе прежде бумаги. Я думаю, что языкъ ближе къ здравому смыслу, чѣмъ перо, и я совсѣмъ не расположенъ кланяться перочинному ножу. Ежели можно заслужить уваженіе, расточая гусинья перья, я буду диктовать Сентъ-Омеру, первому каллиграфу въ Европѣ, цѣлые три часа глупости, которыя вѣрно не уступятъ вашимъ. Вы, господа писатели, привязываетесь къ фразамъ однажды сказаннымъ, наперекоръ вещамъ; большая часть вашихъ началъ имѣютъ корень свой не далѣе чернильной бутылки. На сей разъ, Мерсье, вы отличаетесь болѣе оригинальностію, чѣмъ естественностію, болѣе парадоксами, чѣмъ здравымъ смысломъ.

Нападеніе было неожиданно и показалось Мерсье очень страннымъ.

—Какъ? сказалъ онъ, вы меня обвиняете въ парадоксахъ, когда я защищаю права бѣдныхъ, въ оригинальности, когда я говорю во имя священной нравственности? Вы приписываете себѣ здравый смыслъ, дѣлая меня сообщникомъ воровъ, и естественность, заставляя меня идти противъ убѣжденія? Откуда вы берете это?

— Я? — изъ того, что знаю.

Это значило бросить грязью въ лицо.

— Много обязанъ. — Что жъ, я по вашему мнѣнію ничего не знаю?

— Почему бы и не такъ?

Это значило ставить себя на одну доску съ нашимъ философомъ. Мерсье сжалъ губы съ досадою.

— Я вамъ больше не отвѣчаю, г. Пикарь.

Онъ кипѣлъ гнѣвомъ. Скоро однакожъ шутливая проія превосходства блеснула на лицѣ Мерсье.

— Сдѣлайте милость, г. Пикарь, покажите мнѣ хорошую сторону лотерея; я васъ почту тогда вторымъ Эразмомъ.

— Вы почитаете это невозможнымъ, г. Мерсье ?

— Гмъ, по крайней мѣрѣ никто не пробовалъ доказать противнаго. — Пикарь властительно усадилъ Мерсье въ кресло и самъ сѣлъ возлѣ него.

— Хорошо, что такое лотерея? — Не есть ли это открытая лавка для всякой цѣны, магазинъ, доступный для самаго бѣднѣйшаго изъ людей? — Играющій въ лотерею живетъ среди миллионовъ. Вы видите его кануру, его лохмотья, его изможденное лицо; загляните въ душу, васъ изумитъ его счастье. Съ той минуты, какъ бѣднякъ сдѣлалъ ставку и получилъ свой желанный билетъ, онъ освобождается отъ вашего соболазнованія, приводящаго его въ лихорадку, которое было бы мучительно, нестерпимо, если бы онъ не имѣлъ этого обольстительнаго утѣшенія; онъ тотчасъ окрыляется надеждою, забывается среди упоительныхъ мечтаній. Въ этомъ безграничномъ мирѣ воображенія, повѣрьте мнѣ, его поэзія далеко превосходитъ вашу, потому что ваша вся въ словахъ, а его въ сердцахъ. Онъ живетъ роскошною жизнію идеала. О, это магическое слово идеаль; онъ лелеетъ искусство въ своемъ нѣдрѣ, исцѣляетъ неисцѣлимыя раны небеснымъ бальзамомъ, усыпляетъ глупца въ его хижинѣ, которую превращаетъ для

него въ чертоги — идеаль насущный хлѣбъ бѣдняка. Повѣрьте, что никакая литература не можетъ доставить этого невиннаго упоенія блаженства, которое возноситъ его превыше всѣхъ бѣдствій жизни — это рай!

— Да, съ этой точки зрѣнія, сказалъ Мерсье.

— Со всякой точки зрѣнія, перебилъ его запальчиво Пикарь.

— Но . . .

— Никакого но. Положимъ, г. Мерсье, что лотереи не существуютъ: какимъ страшнымъ бѣдствіямъ подвергнутся тогда народы! передъ ними новое нашествіе варваровъ. Какое занятіе, какую пищу дадите вы этой дѣятельности теперь занятой? Куда обратите вы столько воображеній, которые ищутъ добычи, скажите мнѣ? Неужели къ дѣйствительности? — Я согласенъ, что они обманываются; но ради Бога, не разочаровывайте ихъ, не кричите имъ, что въ глазахъ здраваго разсудка только сундукъ съ золотомъ банкира составляетъ существенное, осязаемое благо, что пиры, которыми бредитъ ихъ голодное воображеніе, дымъ, и что брилліанты, которые они сгребаютъ кучами въ сладкомъ снѣ, находятся только у ювелировъ Пале-Рояля? Ежели вы успѣли разуверить ихъ, то это будетъ конецъ свѣта; вышедши изъ ослѣпленія, они бросятся на все.

— Пусть бы еще для развлеченія, я согласенъ, сказалъ Мерсье; развлеченіе необходимо для несчастнаго; но неужели же нельзя найти болѣе приличнаго?

— Сыщите, подхватилъ горячо Пикарь.

— Это сверхъ того еще и вредный налогъ.

— Почему вредный?

— Потому что падаетъ исключительно на бѣдныхъ.

— На кого же хотите вы, чтобы онъ падалъ? — Ну, г. Мерсье, я былъ объ васъ лучшаго мнѣнія. Я еще однажды перечитаю ваши сочиненія, но съ размышленіемъ. Ежели вы въ нихъ говорите такія же нелѣпости, я буду опровергать васъ, потому что это очень не трудно. Послушайте, г. Мерсье, величайшій доходъ, какой можно

получить отъ богатыхъ; весьма былъ бы недостаточенъ для управленія миромъ; богатыхъ очень не много, для этого одни бѣдные довольно богаты. Тысяча богачей закричатъ, ежели отъ нихъ потребуютъ по 1000 фр. Двадцать милліоновъ бѣдныхъ отдають безъ принужденія свои конѣйки и не дѣлаютъ бѣднѣе послѣ такой жертвы. Изъ всѣхъ налоговъ самый легкій, замѣтьте себѣ, тотъ, который платится съ удовольствіемъ, а это и есть налогъ лотерейный.

Гмъ, Гмъ, — произнесъ Мерсье.

— Хорошо, пробормоталъ Пикарь тихо, ты не будешь больше этакимъ бѣднякомъ, ты мнѣ заплатишь за квартиру.

— Ахъ, г. Пикарь, что скажутъ люди?

— Если бы только Дерошъ не сдѣлалъ глупости, не разболталъ о вашемъ первомъ движеніи.

— О, онъ умный малой, сказалъ Мерсье.

Кто-то кашлянулъ за дверью.

Дочь дворника высунула голову въ двери. Васъ спрашиваютъ, г. Пикарь, сказала она. «Кто тамъ?» спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ. Мерсье покраснѣлъ, чувствуя, что дѣло до него касается.

— Глупенькая, сказалъ Пикарь, я думаю у тебѣ есть языкъ, чтобы отвѣчать. Дерошъ что ли тамъ?

— Да.

— Ну такъ зови его.

— Да, сказалъ Мерсье, я не смотрѣлъ на вещи съ этой точки зрѣнія.

— Назовете ли вы это парадоксомъ?

— Да, прежде суда надобно выслушать, сказалъ Мерсье съ покорнымъ видомъ.

Дерошъ вошелъ съ опрокинутымъ лицомъ. Ахъ, г. Мерсье, сказалъ онъ съ видомъ отчаянія, мѣсто именно это вамъ назначено!

Мерсье, не слушая его, ловилъ какую-то мысль; потомъ съ воспламененнымъ радостію лицомъ схватился за обѣ ручки кресла, чтобы встать и броситься въ объятія друзей, ожидавшихъ съ трепетомъ новой грозы.

— Загадка найдена, вскричалъ онъ, мѣсто это дано мнѣ, потому что никто не знаетъ такъ хорошо злоупотребленій его, какъ я; я рожденъ для него. Самыя предубѣжденія мои противъ лотерей служатъ лучшимъ тому доказательствомъ: я перехожу отъ теоріи къ практикѣ. Я не право сердился на великаго Наполеона, предполагая съ его стороны намѣреніе оскорбить меня. Надобно быть глупымъ, чтобы не понимать мысли его.

— Такъ, такъ, вскричала г-жа Дерошъ, я даже хотѣла это сказать вамъ, но не смѣла васъ прервать. Ахъ, мой добрый г. Мерсье, не оставляйте же Его Величество въ сомнѣніи на счетъ того, что вы умѣете цѣнить его вниманіе къ вамъ.

Она придвинула столикъ къ колымажѣ Мерсье и подала ему перо.

Мерсье взялъ перо съ улыбкою и началъ писать: Ваше Величество....

Спустя мѣсяць, въ передней Тюльери, Мерсье вмѣшался въ толпу дипломатовъ, артистовъ, чиновниковъ, генераловъ, отвѣчавшихъ криками энтузіазма крику войскъ, которыхъ знамена и золотые орлы шевелились въ эту минуту на Карусельской площади. Наполеонъ возвращался съ смотра.

Проходя онъ бросалъ ласковыя слова на обѣ стороны. Когда онъ поравнялся съ Мерсье, легкая насмѣшливая улыбка пробѣжала по устами его. «Ну, сказалъ онъ ему, когда же мы закроемъ лотерею?»

Мерсье, пойманный въ распахъ, не нашелся что отвѣчать.

Наполеонъ прошелъ.

=

I.

ЕВГЕНІЯ ПОНТУА.

(Повѣсть Фредерика Сумѣ).

Въ гостиной замка Лаграери, въ холодный Октябрскій вечеръ 1838, четыре человека сидѣли у камина, въ которомъ огонь уже потухалъ. Двѣ восковыя свѣчи, стоявшія въ углу на столбикѣ, плохо освѣщали эту большую комнату, въ которой слышенъ былъ только стукъ дождя въ стекла. Тревожныя мысли волновали кружокъ, сидѣвшій около огонька, но каждый изъ этихъ людей, казалось, хранилъ свои размышленія про себя и боялся сообщить ихъ другимъ. Тутъ было двое мужчинъ и двѣ женщины. Женщины сидѣли по обѣимъ сторонамъ камина, мужчины противъ него. Одной изъ дамъ было лѣтъ сорокъ пять. Можетъ статься, что она была и хороша, когда свѣжесть молодости и пріятная полнота смягчали рѣзкія, костливыя черты лица ея; но въ эти лѣта, и особенно по чрезвычайной худобѣ этой женщины, на лицѣ ея не осталось ничего милаго и привѣтливаго. Носъ съ горбомъ, тонкія губы, острый подбородокъ, маленькіе сѣрые глаза придавали ея фizioноміи гордое и злое выра-

женіе. Она была велика ростомъ и широка; но въ этой некрасивой наружности виднѣлось что-то аристократическое, свойственное только женщинамъ высшаго круга.

Дѣвушка, сидѣвшая противъ нее, доказывала, что и съ подобными чертами можно быть хорошеенькою; потому что эти двѣ женщины были очень похожи между собою; но выраженіе было не то. На бѣленькомъ, розовенькомъ личикѣ дѣвушки, которѣе цвѣло здоровьемъ и отгѣнялось прекрасными свѣтлыми волосами, замѣтна была только насмѣшливость и въ некоторая надменность. Но тотчасъ можно было угадать, что это мать и дочь.

Старшій изъ мужчинъ, сидѣвшихъ противъ камня, былъ священникъ, старикъ еще свѣжій. Онъ тоже молчалъ; но потому какъ онъ пристально смотрѣлъ на своего сосѣда, можно было подумать, что онъ желалъ бы заглянуть въ душу этого человѣка и разныя маленькія движенія, которыя онъ невольно удерживалъ, показывали, что ему очень хотѣлось бы поговорить, а можетъ, и допросить.

Послѣдній изъ четверекъ сидѣвшихъ тутъ, былъ человѣкъ лѣтъ тридцати; въ его лицѣ было что-то злое и наглое; но это были злость и наглость совсѣмъ другаго рода, чѣмъ у старшей дамы. Носъ у него былъ толстый, загнутый къверху какъ ножка тагана, скулы выдавшіяся, красныя, щеки впалыя, подбородокъ, подавшійся назадъ; ротъ снизу какъ у акулы, взглядъ петвердый и безпокойный. Онъ былъ высокъ и довольно строенъ; но какая-то немощная важность обличала въ немъ непримиримую зависть ко всему, что умнѣе или лучше его.

Съ четверть часа продолжалось глубокое молчаніе, какъ вдругъ человекъ лѣтъ сорока, вошелъ въ комнату черезъ дверь, которая была противъ камина.

— Ахъ, это ты, Понтуа, сказала старшая изъ дамъ; развѣ ты почнешь въ замкѣ?

— Если ваше сіятельство прикажете, я приду опять, отвѣчалъ онъ; а теперь я за батюшкой; хочу проводить его домой; не близко, а погода такая скверная!

— Да вѣдь это подлѣ твоего дома, такъ трудъ не великъ, сказалъ молодой человекъ.

— Я не о себѣ, сударь, и хлопочу, отвѣчалъ Понтуа; я говорю о батюшкѣ; теперь же скоро полночь, а дождь льетъ какъ изъ ведра! . . .

— Ну, такъ прощайте, батюшка, сказала графиня. Вамъ сегодня пришлось исполнять тягостную обязанность, и мы очень благодарны вамъ за ваше усердіе.

— Я за тѣмъ и священникъ, ваше сіятельство, чтобы приносить утѣшенія религіи умирающимъ и предлагать совѣты тѣмъ, которые идутъ не по пути правому, отвѣчалъ священникъ, посмотрѣвъ на молодаго человека, который окинулъ его съ головы до ногъ наглымъ взглядомъ и, вѣроятно, отвѣчалъ бы ему грубостію, еслибъ графиня, которая замѣтила это, не заговорила съ Понтуа.

— Кто нынче будетъ сидѣть у маркизы? Евгенія?

— Да съ, ваше сіятельство, дочь моя и старая Марта, отвѣчалъ Понтуа.

Графиня и молодой человекъ взглянулись между собою, пока священникъ искалъ свою шляпу и зонтикъ.

— Прикажете мнѣ прійти, ваше сіятельство? спросилъ Понтуга.

— Нѣтъ, Понтуга, не нужно; ты, я думаю, ужасно усталъ. Нынче ночью бояться нечего; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакой причины. Только, смотри же, завтра приходи пораньше.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Священникъ и управитель, потому что Понтуга былъ управитель маркизы де Субиранъ, священникъ и управитель вышли, а дѣвушка, удерживая зѣвоту, сказала матери:

— Маменька, пойдите спать: я ужасно устала.

— Нѣтъ, Камилла, я еще посижу здѣсь; а если ты устала, то поди, лягь.

Дѣвушка вздрогнула и какъ бы невольно вскричала:

— Одна-то!

— Да, правда, отвѣчала графиня, не появь ея восклицанія; пойдѣмъ, я помогу тебѣ раздѣться.

Потомъ, она продолжала, обращаясь къ молодому человеку:

— По вашему письму, мосье Гажро, я даже не взяла съ собою горничной. Впрочемъ мы въ пять минутъ будемъ готовы. Потрудитесь подождать меня; я сейчасъ прійду.

Графиня взяла свѣчу, но Камилла не вставала съ кресель.

— Ну, что же, Камилла? сказала графиня довольно сухо.

— Маменька, я ужъ лучше останусь здѣсь; я усну на креслахъ.

Графиня нахмурила брови; Гажро засмѣялся.

— Не стыдно ли такой прекрасной дѣвушкѣ бояться мертвецовъ! сказалъ онъ.

— Полно дурачиться, пойдемъ, вскричала графиня де Бревизъ.

Камилла, не смѣя послушаться, встала; а Гажро продолжалъ съ самодовольнымъ видомъ, который ясно показывалъ, что онъ собирается сказать что нибудь очень милое или чрезвычайно остроумное:

— Чтобы ходить привидѣннѣмъ, надобно сначала умереть, а маркиза еще жива.

Камилла, по видимому, еще болѣе испугалась и опять не рѣшалась итти, какъ вдругъ дверь отворилась и вошла молоденькая, хорошенькая дѣвушка со свѣчкой въ одной рукѣ и съ кофейникомъ въ другой.

— Ахъ, это ты, Евгенія? сказала графиня; ты идешь къ маркизѣ?

— Да-съ, ваше сіятельство.

— Это что у тебѣ въ кофейникѣ? лекарство что ли?

— Нѣтъ-съ, кофе; мы съ Мартой будемъ сидѣть уже третью ночь, такъ хотимъ пить кофе, чтобы не заснуть.

— Хорошо, ступай.

Евгенія вышла; а графиня сказала дочери:

— Вотъ дѣвушка еще моложе тебя, а не боится пустяковъ.

— Ахъ, маменька, сказала Камила съ презрительнымъ видомъ, эти люди....

— Да, конечно, замѣтилъ насмѣшливо Гажро, эти простолюдины, бѣдные и невоспитанные, не имѣютъ ни малѣйшаго права быть.... суевѣрными.

Графиня закусилла губы; Камила посмотрѣла на Гажро съ такимъ удивленіемъ, что онъ подумалъ, будто она не поняла его сарказма; а она удивлялась только тому, что онъ позволяетъ себѣ подшучивать надъ нею. Графиня взглянула на Камиллу съ повелительнымъ видомъ и увела ее. Гажро пожалъ плечами и сказалъ въ полголоса:

— Экая дурочка!.... Ну, слава Богу, убралась....

Потомъ онъ снова устлалъ у камина, поправилъ огонь и началъ покачиваться на креслахъ, уставивъ глаза въ потолокъ и насвистывая какіе-то водевильные куплеты. По временамъ онъ прерывалъ свое пѣніе и говорилъ:.... семьдесятъ.... семьдесятъ пять.... восемьдесятъ тысячъ.... потомъ снова начиналъ пѣть, а тамъ продолжалъ:.... Кудрейскій лѣсъ, тридцать тысячъ.... сто шесть тысячъ.... Лоррьерское помѣстье, шестнадцать тысячъ.... сто двадцать шесть тысячъ....

Онъ насчиталъ такимъ образомъ до двухъ сотъ тысячъ, и дойдя до этой прекрасной суммы, весело завертѣлся на креслахъ и вскрикнулъ совсѣмъ гром-

ко: двѣсти тысячъ дохода! Потомъ кивнулъ головою и посмотрѣлъ вокругъ себя съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать:—Тутъ и на мою долю достанется.

Въ это самое время графиня де Бревизъ воротилась и тотчасъ сѣла подлѣ Гажро.

— На силу-то мы остались одни, вскричала она; ну, что жъ, скажите, ради Бога?

— Слажено, какъ вы хотѣли.

Графиня испустила глубокий вздохъ; Гажро понималъ что это значитъ.

— Вѣдь я вамъ писалъ, сказалъ онъ.

— Да; но маркиза приняла насъ такъ холодно.

— Да вѣдь она при смерти; притомъ вы никогда не жили съ нею въ большой дружбѣ.

— Но мы проѣхали сто лье, чтобы ухаживать за нею въ болѣзни.

Гажро засмѣялся.

— Что это значитъ? спросила графиня съ надменнымъ видомъ.

— А пріѣхали-ли бы вы, если бъ я вамъ не написалъ, что маркиза отказываетъ все свое имѣніе вашей дочкѣ?

Графиня не сочла нужнымъ отвѣчать и продолжала:

— Такъ вы читали духовную?

— Я ее и диктовалъ, отвѣчалъ Гажро, пристально посмотрѣвъ на графиню.

Она, по видимому, старалась укрѣпиться, чтобы онъ не могъ проникать въ ея мысли и сама принялась вглядываться въ его физиономію.

— Вы помпите всѣ подробности духовной? спросила она.

— Да, и мнѣ очень пріятно будетъ ихъ исполнить.

— Какъ! неужели же вы душеприкащикъ маркизы?

— Да!

— А! сказала графиня. Нѣсколько времени оба молчали и Гажро съ насмѣшливымъ видомъ смотривалъ на небольшія судорожныя движенія, которыя эта вѣсть произвела на лицѣ ея, и которыя она съ большимъ трудомъ удерживала. Между тѣмъ она первая слова начала говорить.

— А что жъ она оставила Полю Шагуэню?

— Ничего, сказалъ Гажро съ выраженіемъ удовлетворенной злобы.

— Ровно ничего?

— Ровнехонько ничего, отвѣчалъ Гажро съ тѣмъ же выраженіемъ.

Графиня, по какому-то невольному движенію, отодвинула свои кресла и сказала съ видомъ, почти покорнымъ:

— А, это жаль; я этого не хотѣла. Онъ ея племянникъ, прямой наслѣдникъ. Этакъ стануть говорить, что мы его обобрали.

— Чтожъ, завѣщаніе можно еще уничтожить, сказалъ безпечно Гажро.

Графиня завертѣлась на креслахъ; Гажро опять засмѣялся; графиня вскочила и начала скорыми шагами ходить по комнатѣ, а Гажро вынулъ лорнетъ и началъ посматривать на нее съ такою наглостію, что она наконецъ вдругъ остановилась и сказала ему съ досадою:

— Вы, конечно, и себя не забыли въ духовной? Такъ

— Я, ваше сіятельство! вскричалъ Гажро съ видомъ честнаго человѣка, оскорбленнаго подозрѣніемъ. Мнѣ въ этомъ завѣщаніи не назначено ничего, кромѣ бездѣлки, которую маркизъ непременно угодно было подарить мнѣ. Я согласился принять только ея библіотеку, на память, потому что она не большаго стоитъ.

Графиня тотчасъ подумала, что при описи не худо будетъ посмотреть, нѣтъ ли въ какой нибудь книгѣ банковыхъ билетовъ; но она оставила эту мысль про себя и сказала:

— Повѣрьте, что я чувствую въ полной мѣрѣ вашу деликатность и что мы будемъ умѣть оцѣнить ее.

— Я дѣйствовалъ по внушенію моей совѣсти, сказалъ Гажро съ важнымъ видомъ. Маркиза требовала моихъ совѣтовъ и я, какъ честный человѣкъ, присовѣтовалъ ей, что мнѣ казалось лучшимъ, не ожидая другой награды, кромѣ сознанія, что я исполнилъ долгъ свой.

Послѣ этого торжественнаго объявленія, Гажро

вышелъ и хотѣлъ уже уйти, какъ вдругъ въ верхнемъ этажѣ раздались страшные крики.

Но не приступалъ еще къ объясненію причины этихъ криковъ, мы должны рассказать нашимъ читателямъ взаимныя отношенія дѣйствующихъ лицъ нашей повѣсти. Въ 1808 году, нѣкто г-нъ Шагоэнъ былъ главнымъ поставщикомъ арміи. Наполеонъ не требовалъ отъ него слишкомъ акуратныхъ счетовъ, съ условіемъ, чтобы онъ выдалъ дочь свою за маркиза де Субирана, разореннаго эмигранта, который сдѣлался графомъ и камергеромъ Его Императорскаго Величества. Старшаго сына поставщика отправили префектомъ въ одинъ изъ-за Рейнскихъ департаментовъ, чтобы онъ тамъ проживалъ порядочную часть доходовъ отца своего; и милліоны старика сдѣлались благопріобрѣтенными, потому что были употреблены согласно волѣ Наполеона.

Изъ этого вышло только то, что маркизу или графу де Субирану пришлось вести жизнь очень невеселую. Всѣ его родственники дѣлали ему величайшія непріятности, а больше всѣхъ сестра его, которая въ 1812 году вышла за графа де Бревиза, у котораго не было ровню ничего, кромѣ знатнаго имени. Маркизь тратилъ на своихъ родныхъ имѣніе жены, а отъ нихъ не могъ добиться ни малѣйшей уступки въ ея пользу. Ее только что терпѣли и, при всякомъ случаѣ, при ней, безъ зазрѣнія совѣсти, насмѣхались надъ поставщиками и надъ ихъ милліонами, интаясь между тѣмъ крохами поставщицкихъ милліоновъ. Маркиза де Субиранъ была добрая женщина и, по вторичномъ воцареніи Бурбоновъ, когда мужъ ея сдѣлался изъ Императорскихъ камергеровъ, камергеромъ Двора Его Королевскаго Величества, она имѣла слабость поссориться съ бра-

томъ своимъ, бывшимъ префектомъ, изъ-за людей, которые ее презирали. Въ это самое время старикъ Шагоэнь умеръ и наслѣдство его подало поводъ къ постыдному происку между либераломъ-братомъ и маркизой-сестрою. Всѣ сношенія между ними совершенно прекратились, и въ 1830 году, когда маркизь Субиранъ умеръ, ни г-нъ Шагоэнь, ни сынъ его Поль, даже не прѣехали ко вдовѣ. Послѣ этого имъ уже трудно было сойтись.

Черезъ нѣсколько времени Г. Шагоэнь тоже умеръ, и оставилъ свое имѣнiе сыну своему Полю, который былъ и единственнымъ наслѣдникомъ маркизы де Субиранъ, потому что дѣтей у нея не было. Покуда у Поля были дома, лѣса, капиталы, онъ о теткѣ и не думалъ; но черезъ три, четыре года самыхъ необузданныхъ дурачествъ, когда игра, лошади, объѣды и ужины, а въ особенности сильфиды всѣхъ сортовъ, поуменили его имѣнiе, онъ вспомнилъ о теткѣ и написалъ къ ней. Но въ крѣпости былъ уже гарнизонъ. Графиня де Бревизъ приетавила къ маркизь де Субиранъ человѣка, который принялъ на себя обязанность выставить Поля Шагоэня въ глазахъ тетки величайшимъ мерзавцемъ. Это было совершенно справедливо; маркиза нисколько не сомнѣвалась въ томъ и ей совсѣмъ не хотѣлось отказать свое имѣнiе такому повѣсь. Но отъ этого и до того, чтобъ убѣдить ея отказать все свое имѣнiе Камиллѣ де Бревизъ, было еще слишкомъ далеко и Понтуа былъ не въ состоянiи заставить ее пройти это огромное пространство.

Но это было трудно не потому, чтобъ маркиза де Субиранъ ненавидѣла графиню де Бревизъ и въ особенности Камиллу, но потому, что старуха маркиза дрожала при одной мысли о завѣщанiи. Для нее какъ

и для многихъ суевѣрныхъ людей, писать завѣщаніе значило призывать смерть. Никто, кромѣ вольподумца, не убѣдилъ бы ее рѣшиться на такой отвѣданный поступокъ. Лѣтомъ того года, въ который началась наша повѣсть, графиня де Бревизъ съ нѣкотораго времени очень подружившаяся съ маркизою, жила у нее въ замкѣ и нерѣдко встрѣчалась тамъ съ однимъ Г. Гажро, который не-задолго передъ тѣмъ купилъ по сосѣдству небольшое помѣстье. Многіе говорили, что это помѣстье стоило ему однихъ только крѣпостныхъ пошлинъ; но онъ платилъ съ него пять сотъ франковъ податей, а ему, по крайней мѣрѣ, по его словамъ, только этого и не доставало, чтобы попасть въ депутаты.

Графиня де Бревизъ тотчасъ разгадала Гажро и рассказала ему, какое несчастье для маркизы де Субиранъ, что у нее нѣтъ прямыхъ наследниковъ, кромѣ этого негодяя Поля Шагоэнля; а что между тѣмъ онъ непремѣнно получить все ея имѣніе, по самой пустой причинѣ: потому что маркиза бонется написать духовную. Разумеетсяъ, что людямъ, которые могли бы извлечь изъ духовной какую нибудь выгоду, невозможно оспаривать эту странную мысль и что это можетъ сдѣлать только человѣкъ совершенно посторонній. Гажро тоже съ третьей фразы разгадалъ графиню и потому безъ обиняковъ тотчасъ предложилъ ей свои услуги. Онъ былъ такой отчалинный либераль, что карлисты могли подать голоса свои въ его пользу и графиня общала ему ихъ. Но этотъ тайный договоръ, можетъ быть, и не былъ бы въ точности исполненъ безъ одного обстоятельства, которое графиня узнала уже по возвращеніи своемъ въ Парижъ, когда стала собирать справки объ этомъ Г. Гажро.

Будущій депутатъ и промотавшійся денди уже нѣсколько лѣтъ были знакомы, и не только не слишкомъ любили другъ друга, но Гажро ненавидѣлъ Поля Шагоэня отъ всей души. И не мудрено, потому что тароватый денди не разъ подавлялъ своей роскошью безденежное тщеславіе Гажро. Безумною огромностію своихъ ставокъ онъ сто разъ заставлялъ его отказываться отъ игры; Гажро однажды похвастался, что какал-то танцовщица по уши влюблена въ него и Поль въ два дня отбилъ ее. Притомъ Поль вѣчно и немилосердо насмѣхался надъ мнѣніями, безкорыстіемъ и строгостію въ политикѣ Гажро. Онъ утверждалъ, что если Гажро до сихъ поръ не купили, такъ единственно потому, что онъ просить за себя въ три-дорога. Онъ говорилъ это всѣмъ и каждому, и однажды сказалъ даже самому Гажро въ глаза. Само собою разумѣется, что слѣдствіемъ этого была дуэль. Поль выстрѣлилъ прямо въ носъ своему несчастному противнику и такъ ловко, что спшибъ только кончикъ. Для довершенія всего этого, Гажро однажды проигралъ Шагоэню нѣсколько сотъ лудировъ и далъ вексель, а Поль подарилъ его своему камердинеру, сказавъ, чтобъ онъ взыскалъ съ Гажро сколько удастся. Камердинеръ подалъ вексель ко взысканію и Гажро заплатилъ, но между тѣмъ эта исторія разнеслась по городу и надѣлала ему много стыда.

Послѣ этого не мудрено понять, какъ усердно Гажро хлопоталъ о томъ, чтобы лишить Поля наслѣдства. Случай помогъ ему какъ нельзя лучше. Съ мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ графиня де Бревизъ пріѣхала въ Парижъ, маркиза де Субиракъ сдѣлалась опасно больна. Гажро тотчасъ увѣдомилъ объ этомъ свою союзницу и мы видѣли уже, какимъ обра-

зомъ онъ сообщилъ ей объ успѣхъ своихъ стараній.

Теперь мы будемъ продолжать наше повѣствованіе и объяснимъ, отъ чего происходили крики, которые вдругъ раздались въ замкѣ маркизы де Су-биранъ.

Эти крики испускала Камилла де Бревизъ и мать застала ее въ ужаснѣйшемъ нервическомъ припадкѣ. Гажро пришелъ вслѣдъ за графинею и она просила его сходить въ комнату маркизы, прислать оттуда Евгению. Гажро побѣжалъ внизъ, вошелъ съ обыкновенными предосторожностями въ комнату больной, и очень удивился, не найдя тамъ Евгению. Онъ подумалъ, что она, вѣрно, тоже слышала крики и вышла посмотрѣть, что это такое. Чтобы увѣриться въ этомъ, онъ подошелъ къ старухѣ Мартѣ, которая сидѣла растянувшись въ большихъ креслахъ. Но онъ напрасно сначала кликалъ ее въ полголоса, потомъ трогалъ, потомъ потрясъ изъ всей силы за руку; Марта спала какъ убитая, такъ что онъ никакимъ образомъ не могъ разбудить ее. Этотъ странный сонъ и отсутствіе Евгению привели Гажро въ недоумѣніе; онъ посмотрѣлъ внимательно вокругъ себя и замѣтилъ, что лампа горитъ очень неровно, какъ будто ее задуваетъ. Тутъ только увидѣлъ онъ, что стеклянная дверь въ паркѣ растворена. Это еще болѣе удивило его; онъ побѣжалъ къ постели больной и съ ужасомъ увидѣлъ, что у маркизы на лицѣ подушка. Онъ сбросилъ ее, Маркиза была задушена и уже не подавала ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Устрашенный этимъ зрѣлищемъ и преступленіемъ, которое оно заставляло предполагать, Гажро началъ кликать изъ всей мочи, и графиня услышала его крики.

Это привело ее въ ужаснѣйшее затрудненіе, потому что она съ величайшимъ трудомъ удерживала дочь свою, которая въ страшныхъ конвульсіяхъ и въ совершенномъ помѣшательствѣ, кричала:

— Я ее видѣла! видѣла!.... Вотъ она! Вотъ она!

Съ другой стороны крики Гажро показывали графинѣ, что и внизу случилось какое нибудь ужасное происшествіе. Между тѣмъ вопли Камиллы и Гажро терялись въ этомъ огромномъ замкѣ и не могли разбудить слугъ, которые спали въ отдаленныхъ людскихъ. Графиня побѣжала внизъ, и увидѣла, что Гажро изъ всѣхъ силъ звонить во всѣ колокольчики. Въ то самое время, какъ она изъ внутреннихъ дверей вошла въ комнату маркизы, дверь изъ сада съ шумомъ растворилась и Евгенія бросилась въ комнату, крича Гажро:

— О, тише, ради Бога, тише!....

Потомъ, увидѣвъ графиню, Евгенія вскрикнула и заливаясь слезами, упала на кресла. Тутъ Гажро разсказалъ графинѣ о своемъ страшномъ открытіи.

Мысль обвинять въ такомъ ужасномъ преступленіе молоденькую дѣвушку не пришла въ голову ни Гажро, ни графинѣ, и они вмѣстѣ спросили:

— Да что жъ ты видѣла, Евгенія?

— Ничего... ничего.... отвѣчала она глухимъ голосомъ, бѣгая въ совершенномъ помѣшательствѣ по комнатѣ.

Оба подумали, что это помѣшательство произошло отъ сильнаго испуга и графиня первая сказала:

— Надобно разбудить людей, послать за Понтуга.

— За батюшкой! вскричала Евгенія въ величайшемъ ужасѣ.

При этомъ новомъ восклицаніи Евгенія поблѣднѣла и зубы ея стучались какъ бы въ самой сильной лихорадочной дрожи.

Испугъ Евгеніи напомнилъ графинѣ и Гажро первый крикъ ея. О, тише, ради Бога, тише, говорила она. Подозрѣніе родилось въ умѣ графини и она выразила его слѣдующими словами:

— Понтуга? Быть не можетъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, не опъ, вскричала Евгенія, сама не зная что говорить.

Графиня и Гажро взглянулись, какъ будто это отрицаніе было прямымъ обвиненіемъ и Гажро вскричалъ:

— Я слышу шумъ: люди идутъ. Я самъ сбѣгаю къ Понтуга.

Гажро взялъ на всякой случай огромную палку и побѣжалъ къ Понтуга, который жилъ въ самомъ концѣ парка, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ длинной мощеной аллеи, которая вела изъ замка въ деревню. Подходя къ дому Понтуга, Гажро со вниманіемъ его осматривалъ. Онъ остановился у дверей и сталъ прислушиваться. Все было тихо. Онъ постучался. Можетъ быть, Понтуга не было дома; это подтвердило бы всѣ подозрѣнія и слѣдственно надобно было непременно увѣриться въ этомъ. Гажро началъ стучать сильнѣе; никто не отвѣчалъ. Подозрѣніе усилилось въ душѣ его. Онъ постучалъ еще сильнѣе;

но тутъ огню въ верхнемъ этажѣ отворилось и Понтуа закричалъ:

— Кто это тамъ стучится?

— Это ты, Понтуа? спросилъ Гажро.

— Ахъ, это вы Г, Гажро? сказалъ Понтуа.... Не случилось ли чегонибудь въ замкъ?.... Подождите на минуту, я сейчасъ сбѣгу и отворю вамъ дверь.

Все это было сказано такъ естественно, что Гажро сталъ сомнѣваться въ истинѣ своего подозрѣнія. Однакожъ, онъ подумалъ, что ему непременно надобно осмотрѣть внутренность дома Понтуа и наблюдать внимательно всѣ слова, всѣ движенія этого человѣка. Понтуа зажегъ свѣчу, отперъ дверь и привелъ Гажро въ свою комнату. Видно было, что онъ только что всталъ съ постели. Платье его было тщательно уложено на стуль и въ этой комнатѣ ничто не обличало безпорядка, который долженъ слѣдовать за преступленіемъ, а неожиданный приходъ Гажро объяснялъ живость вопросовъ Понтуа. Но какъ Гажро, осматривая комнату, почти не отвѣчалъ ему, то Понтуа вскричалъ съ истергнѣніемъ:

— Да скажите же, ради Бога, что жъ тамъ такое?

— Маркиза умерла, сказалъ Гажро.

— Дай Богъ ей царство небесное! сказалъ Понтуа. Докторъ уже третьяго дня говорилъ намъ, что нѣтъ никакой надежды, прибавилъ онъ, продолжая преспокойно одѣваться. Она была очень добрая гоеножа; это большая потеря для всего околотка: она дѣлала много добра. Бѣдная маркиза!

Это было не равнодушіе человѣка почувствительнаго.
Т. IV. — Кн. II.

паго и непреувеличенное отчаяніе злодѣя, который играет ужасную комедію. Подозрѣнія Гажро почти совершенно разсѣялись и онъ сказалъ, уже безъ намѣренія посмотрѣть, какос дѣйствіе произведутъ слова его:

— Всего ужаснѣе то, что маркиза, кажется, убита.

— Убита! повторилъ Понтюа съ удивленіемъ и испугомъ: убита! въ спальнѣ, когда тамъ сидѣли Марта и дочь моя! Быть не можетъ!....

— Однакожь это вѣрно, сказалъ Гажро.

— Да когда же, кому и для чего убить ее! возразилъ Понтюа.

Изъ этихъ трехъ обстоятельствъ одно только последнее поразило Гажро.

Смерть Маркизы де Субиранъ могла принести пользу одной только графинѣ де Бревизъ. Неужели же Понтюа, котораго она опредѣлила и который всѣмъ ей былъ обязанъ, рѣшился умертвить Маркизу, чтобы она не вздумала уничтожить свою духовную? Эти мысли такъ быстро вошли въ голову Гажро, что онъ уже не въ состояніи былъ наблюдать за Понтюа, когда тотъ вышелъ изъ дому, и скорыми шагами пошелъ вмѣстѣ съ нимъ по мощеной аллѣе къ замку, повторяя съ выраженіемъ совершеннаго убѣжденія:

— Убита! Быть не можетъ!

Дорогою Гажро снова собрался съ духомъ и разсудилъ, что нѣтъ никакой надобности разсказывать Понтюа о томъ, что Марта спала, что дверь въ паркъ

была отворена и что Евгенія, возвращаясь въ комнату, сдѣлала такое подозрительное восклицаніе.

Такимъ образомъ они пришли въ замокъ. Графиня ждала ихъ въ передней.

— Неужели это правда, что маркиза убита? сказалъ Понтуга, предупреждая вопросы.

Графиня тоже, какъ и Гажро, пристально посмотрѣла на Понтуга, стараясь прочесть въ душѣ его; потомъ она отвѣчала, по видимому, довольно спокойно:

— Это намъ пришло въ голову при первомъ испугѣ; но оно совсѣмъ невѣроятно.

— Я тоже думаю, ваше сіятельство, сказалъ Понтуга.... но гдѣ же Евгенія?

— Она у Камиллы, отвѣчала графиня; я послѣ позову ея, а теперь поди, разбуди людей.

— Сейчасъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Понтуга, выходя изъ передней.

Какъ скоро онъ ушелъ, графиня повела Гажро въ гостиную.

— Какъ вы нашли Понтуга? спросила она.

— Я вижу, что вы тоже его подозрѣваете; но до сихъ поръ ничто не подтверждаетъ нашихъ подозрѣній. И онъ разсказалъ ей, какъ нашелъ Понтуга и какъ спокойно тотъ отвѣчалъ ему.

— Да, да, сказала графиня, которую, по видимому, мучила непріятная мысль. Понтуга неспособенъ къ такому преступленію.... Это дочь его!

— Евгенія! вскричалъ Гажро.

— Да.

— Но, продолжалъ онъ, повторяя важный вопросъ, на которомъ основывается вѣроятность каждаго преступленія: для чего?

— Для того, чтобы помочь Полю Шагоэню.

— Да она его не знаетъ.

— Это правда; но она знаетъ Водрильяна, помощника управителя.

— Такъ что жь?

— Этотъ Водрильянъ былъ въ услуженіи у Шагоэня и только мѣсяца три назадъ опредѣлился къ Маркизъ. Онъ очень друженъ съ Евгеніей.

— Такъ его надобно велѣть взять.

— Его нѣтъ въ замкѣ.

— Ну, такъ это онъ.

— Да; съ согласія съ Евгенією. Она отперла ему дверь.

— Но за чѣмъ же вы не допросите у Евгенія и оставляете ее у Камиллы?

— Ее тамъ нѣтъ. Я сказала это только для того, чтобы Понтуа съ нею не видался. Онъ дѣ съ состояніи убить ее, еслибъ могъ подозрѣвать, что она сдѣлала такое ужасное преступленіе, и тогда мы бы ничего не узнали.

— Но, по крайней мѣрѣ, вы ее допрашивали?

— Да.

— Чтожъ она отвѣчала?

— Надобно думать, что она была увлечена, что ее принудили быть сообщницею преступленія, потому что она какъ бы помѣшалась и только по временамъ вскрикиваетъ: — Ничего не знаю, ничего не видала.

— О, это ужасно, сказалъ Гажро; надобно дать знать меру и мирному судью.

— Я уже послала за ними; они сейчасъ будутъ.

— Но, продолжалъ Гажро, ломая себѣ голову, чтобы придумать какое нибудь вѣроятное объясненіе этого преступленія; но вѣдь они не знали, что маркиза сдѣлала духовную.

— Разумѣется, нѣтъ... отвѣчала графиня.... Потомъ, какъ бы пораженная внезапною мыслию, она вскричала:—Да гдѣ же духовная?

— Я самъ положилъ ее, по просьбѣ маркизы, въ ящикъ, въ ея бюро.

— О, пойдете... пойдете! вскричала графиня.

Она прошла скорыми шагами всѣ комнаты до маркизинной спальни и подбѣжала прямо къ бюро. Ключъ былъ въ замкѣ. Она отперла бюро и Гажро показалъ ей, въ который ящикъ положилъ онъ духовную. Бумаги лежали въ прежнемъ порядкѣ, а завѣщанія не было. Графиня, съ смертною блѣдностію на лицѣ, обратилась къ Гажро, который былъ внѣ себя отъ изумленія.

— Гдѣ жъ она? сказала графиня.

— Я еще сегодня утромъ ее тутъ видѣлъ, отвѣчалъ Гажро.

Графиня съ отчаяніемъ посмотрѣла вокругъ себя и увидѣла старую Марту, которая по прежнему спала въ креслахъ. Этотъ странный сонъ, котораго не могли прервать ни шумъ, происходившій въ комнатахъ тотчасъ по открытіи преступленія, ни быстрый приходъ графини и Гажро, обратилъ на себя все ихъ вниманіе. Они старались разбудить старуху, но она не открывала глазъ и только выпускала невнятные звуки. Подлѣ нее, на столикъ, стояла чашка, въ которой оставалось еще нѣсколько капель кофе и кофейникъ, который несла Евгенія, когда проходила черезъ гостиную. Графиня указала на него Гажро и тотъ отвѣчалъ на этотъ жестъ:

— Такъ, видно, они ее усыпили.

— Спрячьте кофейникъ. О, это преступленіе было обдуманно съ адскою предусмотрительностію!

— Позвольте, вскричалъ Гажро... Да, точно, Евгенія была здѣсь, когда я пряталъ завѣщаніе. Это она.... теперь нѣтъ никакого сомнѣнія.

— Оно должно быть еще у нее, если только она его не уничтожила, сказала графиня. Надобно посмотреть.

Она отворила небольшой корридоръ, который велъ въ будуаръ, и сказала:

— Я велѣла ей дожидаться меня здѣсь.

Они вошли въ будуаръ; окно было отворено; въ комнату никого.

— Она убѣжала! вскричала графиня.

И она тотчасъ разослала всѣхъ людей искать Евгению. Но ночь была такъ темна, что отыскать ничего не могли и только на разсвѣтъ, по слѣдамъ ея, догадались, что она побѣжала къ рѣкѣ, которая протекала за паркомъ. Тамъ, слѣды исчезали и потому всѣ навѣрное полагали, что она, терзаемая угрызениями совѣсти и зная, что преступленіе ея открыто, бросилась въ рѣку. Между тѣмъ тѣла ея не нашли. Но рѣка была очень глубока и быстра. Въ послѣдствіе это заставило снова начать розысканія, однакожь и тогда ничего не нашли.

Впрочемъ все доказывало, что преступленіе совершила Евгения. Вотъ отъ чего происходили крики Камиллы де Бревизъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ графиня ушла и Камилла осталась одна, ей послышалось, что внизу, подъ ея комнатою, кто-то осторожно отворяетъ окно или дверь. Стыдясь своей трусости, выказывавшейся при Гажро, Камилла старалась преодолѣть страхъ, который овладѣлъ ею. Она вспомнила, что внизу спальня маркизы, и подумала, что это хотятъ провѣтрить комнату больной. Но эта мысль ее не успокоила и по какому-то невольному, непреодолимому побужденію, она встала съ постели, побѣжала къ окну, которое было прямо надъ дверью изъ спальни маркизы въ паркъ и явственнѣе разслышала, что ее точно отворяютъ. Камилла, довольная твердостью, съ которою старалась узнать, что это за шумъ ей послышался, рѣшилась добиться истины, чтобы доказать самой себѣ неосновательность своего страха, потому что ей показалось также, что внизу отдергиваютъ занавѣски. Но страхъ ея еще усилился, когда она увидѣла, у дверей какой-го неподвижный призракъ. Она

вскрикнула, привидѣніе сбѣжало съ крыльчѣка, бѣвшаго у дверей и вскорѣ исчезло въ одной изъ побочныхъ аллей подлѣ мощеной дороги.

Такъ разсказывала она матери причину своихъ криковъ и не измѣнила этого показанія и передъ судомъ, а только прибавила, что призракъ, котораго она видѣла, была жепщина. Впрочемъ, по слѣдствію оказалось, что это важное показаніе совершенно справедливо: на другой день на смоченной дождемъ землѣ нашли слѣды Евгенія. Эти слѣды доходили до конца аллея, гдѣ замѣтны были слѣды копытъ лошади, которая тутъ долго стояла и рыла ногами землю; потомъ женскіе слѣды шли опять къ замку. Это совершенно объясняло, какимъ образомъ Евгенія снова явилась въ комнатѣ маркизы. Что касается до конскихъ слѣдовъ, то они вскорѣ исчезли на мощеной дорогѣ. Однакожъ они ясно показывали, что тутъ былъ сообщникъ и Водрильянъ взяли подлѣ стражу. Но по слѣдствію оказалось, что Водрильянъ въ то время, когда случилось это ужасное происшествіе, былъ за десять миль отъ замка и до утра протанцовалъ на свадьбѣ одного своего пріятеля. Сто свидѣтелей показали подлѣ присягою, что они видѣли его всякую минуту во всю эту ночь, и потому надобно было по неволѣ обратить подозрѣнія въ другую сторону.

Начинали было подозрѣвать и Поля Шагоэня. Но онъ не выѣзжалъ изъ Парижа; посему ничто не показывало, кто былъ настоящимъ виновникомъ преступленія, потому что Евгенія, во всякомъ случаѣ, могла быть только орудіемъ другаго чловѣка, которому уничтоженіе завѣщанія и смерть маркизы должны были принести какую явную пользу.

Кофе, подвергнутый химическому разложению, объяснилъ странный сонъ Марты. Въ числѣ лекарствъ, которыя прописаны были для маркизы и которыя давала ей Евгенія, была скляночка съ каплями опиума и она вылила ихъ въ кофе. Кофейникъ она сама взяла въ кухню. Всѣ эти побочныя обстоятельства подкрѣпляли подозрѣнія, падавшія на нее, а самоубійство Евгеніи не позволяло и сомнѣваться въ ея виновности.

Какъ бы то ни было, невиненъ ли былъ Поль Шагоэнь въ этомъ преступленіи, или принималъ въ немъ участіе самъ, или черезъ другихъ, только результатъ принесъ пользу ему одному. Завѣщаніи не было, имѣніе покойной маркизы де Субиранъ досталось законному наслѣднику и дяди сдѣлался богаче, чѣмъ былъ когда нибудь.

Что касается до Понтуа, то никто и не думалъ подозрѣвать его. Онъ проводилъ священника до дому, и если бы вмѣсто того, чтобы идти въ свой домъ, пошелъ опять въ замокъ, то и его слѣды отыскиались бы точно такъ же, какъ найдены были слѣды Евгеніи. Между тѣмъ съ этого несчастнаго дня онъ погрузился въ глубокую горестъ, и хотя Поль Шагоэнь оставилъ его управителемъ, что должно было бы нѣсколько утѣшить его, потому что онъ былъ очень корыстолюбивъ, однакожь онъ день-от-дня становился все мрачнѣе и мрачнѣе и наконецъ впалъ въ томительную болѣзнь, которая скоро свела его во гробъ. Но никто не осмѣливался обвинять этого человѣка, который умеръ съ тоски по дочери и съ отчаянія, въ которое повергло его преступленіе этой несчастной. Понтуа умеръ съ полгода спустя послѣ кончины маркизы де Субиранъ. Въ послѣднія свои минуты онъ причастился свя-

тыхъ танцъ и окончался какъ христiанинъ, напутствуемый молитвами и утѣшенiями почтеннаго старца, священника замка и деревни.

Это дѣло не произвело большаго шума. Оно случилось въ провинци, далеко отъ Парижа; журналы рассказали о немъ въ нѣсколькихъ словахъ; самоубiйство Евгенiи лишило преступленiе драматической занимательности, которую могъ бы породить процессъ и черезъ мѣсяць никто уже и не говорилъ о несчастной кончинѣ маркизы де Субиранъ. Камилла де Бревизъ сдѣлала прекрасную партiю, не смотря на то, что не получила огромнаго наслѣдства: она вышла за маркиза Анаголя де Шанжерона. Поль Шагоэнъ снова принялся за прежнiя свои дурчества съ необузданностию челоуѣка, который стыдился, что долженъ былъ сдѣлаться лордочнымъ по неволѣ, изъ бѣдности, и день въ день ровно черезъ годъ послѣ этого происшествiя, происходила сцена, которую мы сейчасъ расскажемъ.

Мы теперь въ Парижѣ, въ кварталѣ Сентъ-Жоржъ, въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, которыхъ верхнiе этажи освѣщены огромными стскольчатymi отверзтiями и заняты полдюжиной художническихъ мастерскихъ. Тутъ царствуютъ во всемъ величiи своей ветхости старинныя оружiя, старинныя обои, старыя мебели, старыя трубки, живописно развѣшанныя и разставленныя по стѣнамъ. Новѣйшаго произведенiя обыкновенно одинъ только диванъ, на которомъ валяются прiатели и непроданныя картины хозяина мастерской.

Въ этихъ убожищахъ искусства бываютъ нерѣдко разговоры самыя необыкновенныя по странности мыслей и способа ихъ выраженiя. Первая мастер-

ская, въ которую мы введемъ нашихъ читателей, принадлежитъ Евгению Лавиньяну, живописцу съ талантомъ очень посредственнымъ, но чистенькимъ, веселенькимъ, какъ говорится, вылизаннымъ, и одаренному способностію, которая прямо ведетъ къ богатству. Лавиньянъ уже лѣтъ десять писалъ все одинъ и тотъ же портретъ; то есть, у всѣхъ женщинъ, которыхъ онъ списывалъ, были большіе глаза, крошечныя ротки, прелестный цвѣтъ лица, бѣлыя, прекрасныя руки съ пѣжными, маленькими пальчиками, и между тѣмъ все это было такъ похоже, что при доброй волѣ оригиналъ угадать не мудрено. Зато Лавиньянъ былъ въ большой модѣ между женщинами, даже и одаренными истиннымъ чувствомъ живописи: онъ, конечно, не промѣняли бы очерка работы Энгера или Ари Шеффера на лучшую картину Лавиньяна, но когда дѣло шло о портретъ, то предпочли бы Лавиньяна самому Фанъ-Дейку. У женщинъ, самыхъ дуриныхъ, украшенныхъ на картинѣ, всегда бываетъ день, часъ, минута блаженства, когда онъ немножко похожъ на свой портретъ, и этого уже слишкомъ довольно, чтобы убѣдить ихъ, будго онъ совершенно похожъ на нихъ. Что дѣлать, бери или не бери, а женщины ужъ такъ созданы, говорилъ Гажро.

Г. Гажро, который самыми странными способами подготовлялъ свое избраніе въ депутаты, заказалъ Лавиньяну свой портретъ. Онъ только что поднялся изъ-за стола, за которымъ сидѣлъ положивъ голову на руку, уставивъ глаза въ потолокъ и упершись локтемъ на нѣсколько романовъ, которые должны были представлять творенія Бенгама о тактикѣ представительныхъ собраній; распрямился и сталъ за стуломъ Лавиньяна, который малсвалъ ему огромной щеткою шелковистыя локоны.

— Ась? сказаць живописецъ, каковы волосики?

— Хороши, отвѣчалъ Гажро, но мнѣ кажется, лобъ не довольно широкъ.

— Можетъ статья! Пожалуй, мы и порасширимъ.

— Да еще, прибавилъ Гажро, понизивъ голосъ, надъ бровями не довольно выпуклости..... Посмотрите: у меня шишки размышленія и сравненія идей чрезвычайно явственны.

— Можетъ статья, отвѣчалъ Лавиньянъ.

— Ну, братъ Лавиньянъ, не скупись, вскричалъ голосъ, выходявшій изъ облака табачнаго дыма, сдѣлай ужъ ему за разъ лице мыслителя и человѣка гениальнаго. Ты, братецъ, ничего не понимаешь: вѣдь Гажро хочетъ литографировать этотъ портретъ и разоплетъ свое пресвѣтлое изображеніе ко всѣмъ избирателямъ своего округа. Вѣдь, любезный другъ, человѣкъ литографированный не то, что простой человѣкъ: въ политикъ и это пригодится.

Гажро пожалъ плечами и, возвращаясь на свое мѣсто, сказалъ:

— Старая шутка, любезный Шагоэнь, пора бы ужъ тебѣ перемѣнить ее.

— Эй, Лавиньянъ, поди-ка сюда, закричалъ Шагоэнь, не отвѣчая Гажро; глянъ-ка, свѣтъ падаетъ прямохонько на шишку его носа и она дивно сіяетъ во всемъ блескъ своего великолѣпія; посмотри-ка отсюда, сквозь дымъ моей сигары: точно звѣзда въ туманѣ.

— Э, да оставь его носъ въ покоѣ, сказалъ другой курильщикъ, отряхивая свою сигару.

— Какъ, чтобъ я оставилъ въ покоѣ носъ Гажро! Да этотъ носъ мой, мое созданіе, мое твореніе, я его изобрѣлъ, я сдѣлалъ, я и въ свѣтъ вывелъ, я и прославилъ. Гажро! у тебя не носъ, а прелесты!

Гажро нахмурилъ брови, но Лавиньянъ, который подошелъ въ это время къ столу, сказалъ ему въ полголоса:

— Не троньте его: вы видите у него языкъ на силу ворочается.

Въ это самое время кто-то скромно постучался у дверей. Всѣ закричали: Войдите! и въ мастерскую вошелъ молодой человекъ, прекрасный собою и совершенно по модѣ одѣтый. Онъ остановился въ дверяхъ, какъ будто думая, что ошибся.

— Ба, сказалъ Поль Шагоэнь, да это Шанжеронъ; здравствуйте, Шанжеронъ! хотите сигару?... Да, да я и забылъ, что вы женаты, вы ужъ не курите. Мое почтеніе вашей супругѣ.

Потомъ онъ нагнулся къ своему сокурильщику и сказалъ въ полголоса:

— Пропалъ Шанжеронъ, женился, обабился, какъ въ воду канулъ, ни слѣда прежняго не осталось! Ну, сгибъ да пропалъ, женатъ на смерти!

Между тѣмъ Анатоль де Шанжеронъ поклонился Гажро, котораго онъ видывалъ у тещи своей, графини де Бревизъ, и сказалъ Лавиньяну:

— Извините, я думалъ, что это мастерская Г. Торен.

— Здѣсь, подлѣ, отвѣчалъ Лавиньянъ съ привѣ-

ливостію купца, который старается отбить покупателя у соседа.

— Я стучался у тѣхъ дверей, сказалъ Шапжуропъ, но никто не отвѣчалъ; а между тѣмъ швейцаръ говорилъ мнѣ, что Г. Торси въ мастерской и я подумалъ, что не туда зашелъ. Я постучу по крѣпче.

— И все-таки васъ не пустятъ! сказала высокая и прекрасная собою женщина, выходя изъ-за большихъ ширмъ, передъ которыми сидѣлъ Гажро.

— Такъ развѣ онъ уже вышелъ изъ мастерской?

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ всегда тамъ, отвѣчала красавица, посматривалъ въ зеркало времянь Людовика XV; но у него жена въ мастерской, а уже тогда онъ никого въ свѣтъ не пустить.

— Слышь, Лавиньянъ! закричалъ Поль Шагоэнь изъ глубины трехъ подушекъ, въ которыя онъ зарылся, чтобы уснуть: развѣ онъ, по твоему, женился на натурщицѣ?

Лавиньянъ закусила губы; жена его, Корнелія Лавиньянъ, отрекомендованная такимъ образомъ, испустила восклицаніе, которое нельзя перевести учтивѣе, какъ словомъ: *невъжа!*

Курильщикъ, который сидѣлъ подлѣ Шагоэня, чтобы замаять дѣло, тотчасъ сказалъ:

— Если онъ женатъ на вышереченной женщицѣ, такъ, видно, ужъ очень по секрету, потому что о свадьбѣ его никто и не слыхивалъ. Я знаю только то, что онъ привезъ ее, когда воротился изъ Швейцаріи, а все прочее покрыто мракомъ неизвестности.....

— Ба! сказала Шагоэнь, бьюсь объ закладъ, что я ее знаю, что ты ее знаешь, или что Шанжеронъ ее знаетъ. Должно быть что нибудь этакое: онъ влюбился въ нее послѣ тмы и тысячи, да теперь прячетъ, чтобъ не стали смѣяться надъ его сумасбродной страстью.

— Хитры, да не догадливы, сказала Корнелія Лавиньянъ, визгливымъ голосомъ: Мануэль и не думаетъ прятать. Жена его сама не хочетъ ни кого видѣть, ни съ кѣмъ знаться, и живетъ себѣ одна однихонька, какъ *котъ* въ Голландскомъ сыру.

Это сравненіе возбудило всеобщій, неудержимый хохотъ, до того, что о Мануэль и его неизвѣстной и забыли. Поль Шагоэнь хохоталъ больше всѣхъ.— Прелесть! безподобно! объядънье! кричалъ онъ. Лавиньянъ покраснѣлъ до ушей; Шанжеронъ не зналъ что дѣлать и только ждалъ, чтобъ можно было расклапаться и уйти.

— Корнелія..... Корнелія..... говорилъ Лавиньянъ въ полголоса, грозно посматривал на жену.

— Э, полно ты, пожалуйста, сказала Корнелія. Ужъ мнѣ этотъ Шагоэнь! Надъ другими подсмѣивается, а самъ хорошъ литераторъ: онамедни, вмѣсто *душешка* моя Корнелія, написалъ мнѣ *мушечка*.....

Шагоэнь захохоталъ пуще прежняго; но другіе, видя, что это уже плохая шутка, удерживались сколько могли. Корнелія ни мало не сконфузилась отъ своей обмолвки и, подойдя къ Шанжерону, сказала ему:

— Не угодно ли вамъ подождать на минутку. Я сейчасъ схожу къ Торси; меня онъ впуститъ и я приведу его сюда.

— Покорнѣйше благодарю васъ, сударыня, отвѣчалъ Шанжеронъ, также почтительно, какъ еслибы говорилъ съ какой нибудь герцогинею: мнѣ совѣстно васъ беспокоить, но вы бы крайне меня обязали, потому что мнѣ очень нужно повидаться съ Г. Торси.

Корнелія слушала, какъ будто Шанжеронъ говорилъ на неизвѣстномъ ей языкѣ и, не найдясь что отвѣчать, низко присѣла. Она пошла къ Торси; но у дверей остановилась и, обратившись къ одному изъ курильщиковъ, сказала:

— Вотъ этотъ и видно, что порядочный человекъ.

Въ Шагоэпъ было много дурнаго, но много и хорошаго. Иногда онъ говорилъ очень оскорбительныя вещи, которыя всѣхъ приводили въ затрудненіе; но самъ обращалъ на это такъ мало вниманія, что часто и другихъ выводилъ изъ смущенія. Такъ на примѣръ, какъ скоро Корнелія вышла, онъ сказалъ преспокойно Лавиньяну, какъ будто между ними ничего и не бывало:

— Такъ развѣ жена твоя знаетъ Мануэлеву красавицу?

— Да; онѣ даже довольно дружны между собою. Жена Торси нигдѣ не бываетъ, а Корнелія тоже терпѣть не можетъ выѣзжать.

— Слышали мы это! проговорилъ Поль Шагоэпъ сквозь зубы: то есть, ты никуда ее не вывозишь, потому что она говорить не мастерица.

— Онѣ часто просяживаютъ вмѣстѣ по цѣлымъ вечерамъ, продолжалъ Лавиньянъ.

— Ну, такъ и ты долженъ знать таинственную незнакомку?

— Какъ же не знать, когда мы живемъ въ одномъ домѣ.

— Чтожь, будто она не изъ нашихъ?... А?

— О, нѣтъ, нѣтъ, увѣряю тебя, отвѣчалъ Лавиньянъ съ выраженіемъ искренняго уваженія къ женщицѣ, о которой онъ говорилъ.

— Ну, такъ она очень дурна?

Лавиньянъ усмѣхнулся и продолжалъ размалевывать на холстѣ носъ Гажро.

— Такъ, видно, не дурна? сказалъ Гажро, понявъ, что значилъ этотъ смѣхъ.

Живописецъ вышелъ изъ-за пульпетра, сталъ въ положеніи человѣка, который хочетъ открыть важную тайну и сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Вы ничего не знаете, ничего не видали, ничего не слышали. Это красавица въ полномъ смыслѣ слова: глаза, лобъ, ротъ, обликъ, талія, ручка, предестъ, предестъ невыразимая! хотъ кричать!

Ясно было, что энтузіазмъ живописца, хотя странно выраженный, происходилъ изъ души. Даже Шанжеронъ удивился.

— Неужели она въ самомъ дѣлѣ такъ хороша?

— О!... сказала Лавиньянъ, испутивъ глубокой вздохъ и принимаясь снова писать лицо Гажро и вывелъ ему прекрасныя брови дугою, вѣроятно, въ воспоминаніе бровей восхитительной незнакомки.

— Ну такъ, видно, мужъ ея ревнивъ какъ Бедуинъ и держитъ ее въ заперти, по-Мавритански.

— Да вѣдь говорятъ тебѣ, что она сама не хочетъ выѣзжать, сказалъ Лавиньянь.

— Въ такомъ случаѣ она должна быть кающаяся грѣшница, или влюбленная Маріона Делормъ, сказалъ Поль Шагоэнь, который никакъ не хотѣлъ отстать отъ своей идеи.

— Отчего же такъ? замѣтилъ Шанжеронъ, котораго любопытство было возбуждено въ высокой степени; отчего же вы не хотите предположить, что это какалъ нибудь бѣдная дѣвушка, которую Торси увезъ?

— Или, можетъ быть, сказалъ Гажро, который думалъ, что ему, либералу, нельзя оставить подобнаго предположенія безъ отвѣта, или можетъ быть какалъ нибудь знатная дѣвушка, которая влюбилась въ талантъ Торси.

— Какъ бы то ни было, а я это узнаю, сказалъ Шагоэнь; теперь же пойду караулить у дверей мастерской Торси и не тронусь съ мѣста, пока не увижу его таинственную красавицу.

Шагоэнь всталъ, чтобы исполнить свое намѣреніе, но въ это самое время дверь отворилась и вошелъ Торси. Онъ по-пріятельски кивнулъ головою Лавиньяну и тотчасъ подошелъ къ Шанжерону; но мимоходомъ посмотрѣлъ на Шагоэня и Гажро. Присутствіе ихъ, по видимому, такъ безпокоило его, что даже и разговаривая съ Шанжерономъ, онъ бросалъ на нихъ изкоса взгляды, въ которыхъ выражались завистливое любопытство и инстинктивная ненависть.

— Вы хотѣли поговорить со мною, маркизь? сказалъ онъ Шанжерону.

— Да, наше большое дѣло рѣшено и мы наконецъ собрали всѣ нужные матеріалы.

— Ага! сказалъ Мануэль, который, по видимому, занять былъ совсѣмъ другимъ; ну, такъ я готовъ.

— Но намъ надобно бы сначала поговорить объ условіяхъ: работа большая.

Мануэль, казалось, прислушивался къ легкому топоту ножекъ, которыя бѣжали по лѣстницѣ. Потомъ сказалъ:

— Такъ не угодно ли вамъ ко мнѣ въ мастерскую?

Какъ скоро они ушли, Корнелія воротилась.

— Что же вы говорите? сказалъ Шагоянъ, Торси не ото всѣхъ прлчетъ свою Думьцинею: Шанжерошъ пошелъ къ нему въ мастерскую и увидитъ эту идеальную Венеру...

— Какъ бы не такъ! И слѣдъ простылъ: она ужъ внизу въ своей комнатѣ. Да кто жъ вамъ сказалъ, что она похожа на Венеру?

— Кто сказалъ? Вашъ мужъ.

— Ага! вскричала Корнелія, бросивъ гнѣвный взглядъ на мужа: не мудрено, мой любезный муженецъ по уши вторился въ эту Сильфиду, какъ онъ ее называетъ; онъ думаетъ, что это какая нибудь переряженная принцесса спустилась съ неба.

— Э, сказалъ Гажро, который воображалъ, что либералу непременно надобно говорить при всякомъ случаѣ противъ тѣхъ, которые выше его.

— Можетъ статья, отвѣчала Корнелія; но ужъ эта, вѣрно, не принцесса, потому что она васъ знаетъ.

— Меня! вскричалъ Гажро, который какъ будто выросъ при этихъ словахъ.

— Его! вскричалъ Шагоэнь, вскакивая съ дивана.

— Да, кажется, и васъ тоже, отвѣчала Корнелія, потому что когда я сказала Мануэлю, что Маркизь Шанжеронъ ждетъ его у насъ, онъ спросилъ: кто здѣсь еще есть; я назвала васъ обонхъ; Антонія вскрикнула отъ удивленія и поблѣднѣла.

— Э, ге! да дѣло запутывается, сказалъ Шагоэнь, подходя къ Корнеліи.

— Какъ вы ее назвали? спросилъ Гажро.

— Антонія.

— Антонія? повторилъ Шагоэнь, я не знаю ни какой Антоніи... не помню ни одной Антоніи; а ты, Гажро?

— Гдѣ жъ ихъ всѣхъ упомянуть, отвѣчалъ Гажро съ самодовольнымъ видомъ; не записывать же; да притомъ вѣдь милостивыя государыни часто перемѣняютъ имена.

— Можетъ статья! сказала Корнелія, какъ будто это замѣчаніе было упрекомъ для нее; но если Антонія, или кто бы она ни была, имѣетъ честь знать васъ, такъ ужъ вѣрно, она не принцесса. Слышишь ли, любезный, прибавила она, обращаясь къ мужу, говорятъ тебѣ, она не принцесса, хотъ и пуристка, какъ ты изволишь ее величать.

— Ну, ну, хорошо, отвѣчалъ Лавиньянъ, что мнѣ до нее за дѣло, да и тебѣ тоже. А Шагоэнь и г. Гажро...

— Шагоэнь и г. Гажро не станутъ тебя спрашивать, а будутъ дѣлать что вздумается, сказалъ Поль.

— Прошу покорно, ужъ двѣнадцать часовъ, сказала Корнелія; твоя г-жа К*** прѣдетъ въ два часа, а ты обѣщала, что руки на ея портретъ будутъ готовы.

— Да, я и забылъ, сказалъ Лавиньянъ. Извините, г. Гажро, до завтра. Садись-ка, Корнелія, я напишу руки.

— Неужели же эти хорошенькія ручки будутъ играть роль костливыхъ лапъ богатой банкирши? сказалъ Гажро.

— Э, да и не ей чета величаются на своихъ портретахъ моими руками, отвѣчала Корнелія; а плечи-то горбатой графини Г*** писаны съ моихъ; грудь г-жи В*** съ моихъ; уши....

— Ну, ну, полно, сказалъ Лавиньянъ, этого разславлять не надо.

— Да, что мнѣ до всѣхъ этихъ фрацтихъ, сказала Корнелія; хороши онѣ: любезничаютъ съ тобой, когда ты ихъ изукрасишь на портретъ, а мнѣ и словечка не скажутъ, а я то, дура, сижу за нихъ шутя по цѣлымъ часамъ!

Гажро и Поль Шагоэнь ушли, увелъ съ собою и молчаливаго курильщика, который заснулъ было на диванѣ. Супружеская размолвка Лавиньянъ разгоралась все болѣе и болѣе; онъ писалъ, и самъ бра-

внѣ жену; она сидѣла съ неподвижностію натурщицы, а сама говорила мужу величайшія грубости; но какъ этотъ разговоръ нисколько не касается до нашего предмета, то мы и не станемъ пересказывать его нашимъ читателямъ и перейдемъ въ мастерскую Мануэля Торси, чтобы узнать, зачѣмъ пришелъ къ нему маркизъ Шанжеронъ.

— Извините, маркизъ, сказалъ Торси, вводя его въ свою мастерскую, я совсѣмъ не слыхалъ, какъ вы стучались.

Шанжеронъ былъ въ полномъ смыслѣ свѣтскій человекъ и потому, конечно, не сказалъ Мануэлю, что знаетъ, отчего тотъ не слыхалъ, когда онъ стучался; онъ принялъ извиненіе Торси за наличныя деньги и отвѣчалъ:

— Очень не мудро не слыхать, когда человекъ занятъ. Но я весьма радъ, что сошелся съ вами: мнѣ хотѣлось поговорить о нашемъ дѣлѣ, да если можно, такъ и кончить. Признаюсь вамъ откровенно, ежели вы откажетесь, то я, право, и не знаю къ чему обратиться.

— Мало ли здѣсь живописцевъ лучше меня?

— Съ этимъ я не согласенъ; да притомъ тутъ, кромѣ таланта, нужна скромность и быстрота работы. Мнѣ надобенъ человекъ, на котораго я бы могъ совершенно положиться. Подумайте только, что это хуже чѣмъ дурное дѣло: если узнаютъ, это на всю жизнь сдѣластъ меня смѣшнымъ.

— Оригиналы у васъ всѣ?

— По крайней мѣрѣ очень многіе: вѣскольکو плохихъ картинъ, которыя давно уже валялись на

чердакъ, нѣсколько масляныхъ портретовъ, отысканныхъ въ моемъ Клермонскомъ замкѣ и множество прекрасныхъ миниатюрныхъ портретовъ; такъ что у насъ почти всѣ Шанжероны на лицѣ; для полноты коллекціи придется выдумать только два или три портрета.

— Сколько фигуръ будетъ всего?

— Штукъ пятьдесятъ. Но при вашей скорой работѣ не въ числѣ дѣло; трудно будетъ выразить въ портретахъ характеръ каждой эпохи живописи. Бабушка непременно хочетъ, чтобъ былъ хоть одинъ портретъ работы Фашъ-Дейка, а какъ одна изъ моихъ прабабушекъ упомянута въ списокѣ дамъ, приглашенныхъ на праздникъ, который Генрихъ II давалъ когда-то въ Фонтенбло, то старушка требуетъ, чтобы портретъ этой почтенной нашей прародительницы былъ написанъ знаменитымъ Эль Россо. Намъ надобно также нѣсколько портретовъ работы Меньера, Грѣза и проч. и проч. Однимъ словомъ, вамъ придется поддѣлываться подъ всѣ школы.

— Съ вашими оригиналами и при нѣкоторой привычкѣ не мудрено поддѣлаться такъ, чтобъ обмануть незнакоковъ. Но подумайте, что малѣйшая нескромность съ вашей стороны была бы также неприятна и для меня, какъ для васъ.

— Тѣмъ лучше, если вы тоже думаете; потому что, между нами, не всѣ ваши товарищи уважаютъ до такой степени свое искусство и, право, многіе изъ нихъ сами бы стали рассказывать это, какъ забавную исторію.

— О, конечно, сказалъ улыбался Торси; но, при-

бавиль онъ печально, теперь ужъ шутки меня не забавляютъ.

— Да, вы очень перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ воротились изъ Швейцаріи...

Маркизь остановился, потому что ему пришла въ голову жена Торси и онъ побоялся, что оскорбить его, начавъ говорить о ней. Живописецъ, казался, понялъ его мысль, потому что посмотрѣлъ на него испытующимъ взоромъ и спросилъ:

— И?...

— Ничего, отвѣчалъ Шанжеронъ: это всѣ замѣтили; но, конечно, ни кто не выводитъ изъ этого никакого заключенія, невыгоднаго для васъ. Возвратимся къ нашему дѣлу. Я говорилъ вамъ, что у насъ не достаетъ нѣсколькихъ портретовъ: самый важный изъ нихъ портретъ знаменитой Маргариты де Шанжеронъ, которая была другомъ Анны Австрійской и повѣренною всѣхъ тайнъ ея.

— А говорятъ, что она была удивительно хороша?

— Кажется, потому что многіа придворныя дрались за нее и для нее раззорлись; но, видно, живописцамъ она не такъ нравилась, потому что я нигдѣ не нашелъ ея портрета.

— Это удивительно; но вы, по крайней мѣрѣ, знаете, какая она была? Бѣлокурая или черноволосая?

— Не блондинка и не совсѣмъ брюнетка: волосы у нея были свѣтло-каштановые, лоснящіеся; головка двѣственная, глаза каріе, съ длинными, шелковистыми ресницами и черными бровями... Я не знаю хорошенько, какова она была, но, кажется, совер-

шенная красавица, потому что у ней все было прекрасно.

Тутъ Мануэль вдругъ отдернулъ зеленый занавѣсъ картины, стоявшей на пульпетрѣ, и указывая на восхитительную, но еще неоконченную головку, сказалъ:

— Годилась ли бы вамъ эта головка?

— О! вскричалъ Шанжеронъ съ искреннимъ удивленіемъ: прекрасно.... безподобно! Поздравляю... отъ души поздравляю васъ съ этими мастерскими произведеніями; но я не думаю, чтобы женщина могла быть такъ хороша!

— И это вамъ никого не напоминаетъ? спросилъ Торси, пристально смотря на Шанжерона.

— О нѣтъ, никого; даже и въ самыхъ пылкихъ юношескихъ мечтахъ я не представлялъ себѣ ничего подобнаго. Это головка, достойная Рафаэля!

— А это портретъ... моей жены, сказала Мануэль.

— Неужели? Я не удивлюсь послѣ этого, что Лавиньянъ такъ восхищался ею.

— А развѣ о ней говорили? спросилъ Торси, съ судорожнымъ движеніемъ задерживая свою картину и пожирая Шанжерона сверкающими глазами.

— Да, говорили объ ея красотѣ, отвѣчалъ Шанжеронъ, замѣтивъ, что Мануэль нѣмнѣлся въ лицѣ.

— Только объ этомъ?

— Больше ни о чемъ; увѣряю васъ.

Торси съ какою-го яростію переломилъ палочку, на которую живописцы опираютьъ руку, когда пишутъ масляными красками.

— Помилуйте, любезный Торси, что это съ вами? сказалъ Шанжеронъ.

— Ничего... ничего, отвѣчалъ Мануэль, скорыми шагами прохаживаясь по мастерской.

— Когда же вы начнете? спросилъ маркизь, которому больно было видѣть, что Торси такъ взволнованъ.

— Когда хотите, отвѣчалъ тотъ; но, продолжалъ онъ, Шагоэнь и Гажро ничего не говорили о моей женѣ?

— Послушайте, любезный Торси, сказалъ Шанжеронъ, съ выраженіемъ искренняго участія: вы, право, съ ума сходите отъ ревности. Супруга ваша прекрасна, удивительно прекрасна; но болясь какогонибудь Гажро или Поля Шагоэня!... Какъ вамъ не стыдно!

— Да вы не знаете....

— Чего?

— Ничего, ничего... Я поклялся не говорить объ этомъ. Но вы, маркизь, вы не обязаны молчать. Скажите мнѣ: Гажро и Шагоэнь ничего не говорили о моей женѣ?

— Да что же имъ говорить? Они ее не знаютъ.

— Точно?

— Никогда не видывали.

— Вы навѣрное знаете?

— Они, да и всѣ удивлялись только, что вы никому ее не показываете.

— Да, правда, сказалъ Мануэль, они никогда ее не видали съ тѣхъ поръ, какъ она моя жена.... Это я знаю.... Но полно объ этомъ.... Скажите откровенно, маркизь: надо мной очень смѣются? Но пусть смѣются.... Верно, выдумываютъ множество исторій: говорятъ, что жена моя какая нибудь переодѣтая принцесса, прибавилъ онъ, смѣясь насильно; а можетъ быть, продолжалъ онъ, блѣднѣя при этой мысли.... по чемъ знать... можетъ быть думаютъ, что она какая нибудь бѣглая изъ Ботани бѣя, или....

— Торси, сказалъ Шанжеронъ серьезно, вы, право, съ ума сходите. Да помилуйте, ради Бога, вѣдь вы знали ее, знали, что она такое, и вы прикрыли своей любовью все прежнее ея поведеніе, если оно было не хорошо.

— А развѣ вы думаете, что оно было не хорошо? спросилъ Торси блѣднѣя.

— Это не стоитъ и отвѣта. Полноте, любезный другъ, успокойтесь.

Мануэль встряхнулся какъ человѣкъ, котораго мучитъ страшный сонъ, и отвѣчалъ:

— Вы правду говорите. Впрочемъ все это васъ нисколько не интересуеть. Полно объ этомъ.... Пришлите мнѣ ваши масляные портреты и миниатюры, и мы тотчасъ начнемъ.

— Я пришла вамъ все это завтра.... Прощайте, и будьте поразсудительнѣе.

— Я совершенно спокоенъ, сказалъ Торси дро-

жащимъ голосомъ. Это такъ, какой-то вздоръ, дурачество, которое пришло мнѣ въ голову. Прощайте, прощайте, маркизъ.

Шанжеронъ ушелъ. Но какъ скоро онъ затворилъ дверь, Мануэль, въ припадкѣ невыразимаго бѣшенства, бросился къ портрету жены своей, изрѣзалъ холстъ ножомъ въ мелкіе доскутки, разломалъ раму, растопталъ ее ногами; потомъ уничтоженный своей яростью, бросился на стулъ и залился слезами. Мало по малу буря души его утихла; онъ всталъ, съ видомъ человѣка, который успокоился, но рѣшился на отчаянный поступокъ. Потомъ онъ спряталъ въ уголъ доскутки изорванной картины и, выходя изъ мастерской, сказалъ про себя:

— Нѣтъ, этакъ дольше жить не возможно. Я съ ума сойду. Надобно кончить, сегодня же!

Онъ заперъ мастерскую и вооружившись рѣшимостію, которую считалъ непоколебимою, пошелъ въ свою квартиру и съ шумомъ отворилъ дверь женниной комнаты. Въ ту минуту, какъ онъ вошелъ, она стояла на колѣнахъ, закрывъ лице руками, и когда она оглянулась, Мануэль увидѣлъ, что лице ея было орошено слезами. Она молилась.

При видѣ Антоніи, которая бросила на него отчаянный взглядъ, Мануэль почувствовалъ, что рѣшимость его колеблется и слабѣетъ. Присутствіе этой женщины производило на него удивительное вліяніе; не видя ея, онъ возмущался противъ фанатическаго обожанія, которое она ему внушала; но какъ скоро она явилась, онъ снова дѣлался покорнымъ рабомъ, который, по взгляду своего господина, готовъ пресмыкаться въ пыли. Мы не станемъ

объяснять этого всемогущества Антоніи, ни совершенной красотой женщины, воспламенявшаго воображеніе живописца, ни ангельскою кротостію ея характера, который безъ сопротивленія покорялся волю мужчины, ни прелестью ея ума, который прельщала разсудокъ Мануэля. Не эти качества доставляютъ женщинѣ полное, неограниченное владычество надъ мужчиною.

Подобныя страсти внушаютъ только женщины, которыя каждую минуту могутъ ускользнуть отъ насъ. Чѣмъ бы женщина ни наводила на любовь нашу тоски опасеній, положеніемъ ли своимъ, или обязанностями, своимъ равнодушіемъ, или новой страстью, своимъ раскаяніемъ, или даже просто капризами, вѣрно то, что вполне владѣть нами только такая женщина, за которую мы всегда боимся. Это завоеваніе, которое никогда не окончено и которое мы вѣчно стараемся довершить. И вотъ почему женщины добрыя, всегда кроткія, всегда милыя, съ прискорбіемъ лишаются любви, которую расточаютъ другимъ, по видимому, хуже ихъ. Эти бѣдныя женщины не знаютъ, что жизнь всѣхъ страстей борьба и что онѣ кончаются, подобно воинамъ Марафонскимъ, которые умираютъ, какъ скоро достигли послѣдней цѣли, какъ скоро испустили послѣдній побѣдный крикъ. По этому Антоніи надобно было имѣть еще что нибудь кромѣ своей красоты, своего ума, своей кротости, чтобы производить въ сердцахъ Торси шумные порывы гнѣва и мгновенное успокоеніе — вѣрнѣйшіе признаки слѣпой любви.

Волшебное могущество этой женщины заключалось въ непроницаемой тайнѣ, которою облечено было въ глазахъ Мануэля все ея прошедшее. Здѣсь былъ источникъ и нескончаемой борьбы его любви

и жгучихъ сомнѣній, которыя терзали его душу. Не разъ онъ спрашивалъ Антонію о минувшей ея жизни; но ни просьбы, ни слезы, ни отчаяніе, ни угрозы, ни бѣшенство, ничто не могло нарушить ея молчанія; все безсильно и бесплодно разбивалось о кроткую непреклонность ея отказовъ. Когда онъ плакалъ, умоляя ее, она со слезами отвѣчала ему: «Ничего я не могу сказать тебѣ.» Когда онъ вспыхивалъ и съ гнѣвомъ ее спрашивалъ, она, опустивъ голову, съ кроткою, но твердою рѣшимостію отвѣчала ему: «Я ничего не могу сказать тебѣ.»

Эти слова, непрерывно повторяемыя, были между Мануэлемъ и Антоніею, какъ бы мѣдными вратами, которыя онъ безпрестанно старался низпровергнуть и которыхъ самыя отчаянныя его усилія не могли даже потрясти. Эта женщина вполне ему принадлежала, онъ имѣлъ надъ нею всевозможныя права и между тѣмъ въ жизни ея была тайна, которой онъ не могъ проникнуть, и что бы ни была эта тайна—святыялице или гнусный вертепъ, онъ непременно хотѣлъ въ нее проникнуть; ему казалось, что онъ ничѣмъ не владѣеть, пока не достигъ до этого.

Читатели ваши, конечно, уже давно догадались, кто эта женщина, но они не знаютъ, гдѣ и когда Евгенія встрѣтилась съ Торси и какимъ образомъ ей удавалось до сихъ поръ скрывать отъ него, кто она такая. Разговоръ ихъ объяснить читателямъ все, что имъ нужно знать для того, чтобы понимать остальную часть повѣсти.

Войдя въ комнату Антоніи и увидя, что она стоитъ на колѣнахъ и плачетъ, Мануэль остановился и поглядѣлъ съ минутою на ея отчаяніе; онъ надѣялся, что горестъ размягчила эту душу и что теперь утѣ-

шенія скорѣе угрозы поведутъ его къ цѣли. Она все еще стояла на колынахъ; Мануэль сѣлъ подле нее, привлекъ ее къ себѣ, взялъ ее руки въ свои, устремилъ взоры на ея глаза и сказалъ съ крото-стію:

— Ты плачешь, бѣдняжка? что съ тобою? Какое горе, котораго я не знаю, приводитъ тебя въ отчаяніе?

Слезы Антонія полились еще сильнѣе; она скрыла лице свое въ рукахъ Мануэля, но не отвѣчала ни слова.

— Антонія, продолжалъ онъ еще съ большей пѣжностію: къ чему это упорное молчаніе, зачѣмъ ты таишь въ душѣ мысль, которая терзаетъ и, можетъ быть, обманываетъ тебя?

Антонія печально улыбнулась.

— О, говори, говори, ради Бога! Если тебя приводитъ въ отчаяніе какое нибудь несчастіе, то оно, можетъ быть, не такъ неизгладимо, какъ ты воображаешь себя.... Если горестъ твоя раскаяніе, то ты давно искупила проступокъ свой слезами. О, скажи, скажи мнѣ свою страшную тайну!

— Никогда! отвѣчала Антонія.

— Никогда? повторилъ Мануэль, и при этомъ отказѣ, который онъ уже столько разъ испыталъ и который каждый день казался ему все болѣе оскорбительнымъ, гнѣвъ снова загорѣлся въ душѣ его.

— Я дурно дѣлаю, что такъ плачу, сказала Антонія, вставая и отирая свои слезы.... но ты вошелъ вдругъ и засталъ меня, когда я не успѣла

еще затанць горя въ душѣ. Ты былъ въ мастерской.... и я не ждала тебя.

— И ты принялась плакать, плакать сегодня, когда я думалъ, что это будетъ одинъ изъ счастливейшихъ дней въ моей жизни!

— Сегодня! вскричала Антонія, бросивъ на небо взглядъ, въ которомъ выражались всѣ терзанія души ея.

— Да, сегодня, сказалъ Мануэль съ нѣжностію, потому что ты позволила мнѣ наконецъ сдѣлать портретъ твой. Я такъ долго просилъ тебя объ этомъ и когда ты согласилась, я, какъ ребенокъ, веселился моею побѣдою.... Жалкая побѣда, когда она дѣлаетъ тебя еще болѣе несчастною!.. Ахъ! прибавилъ онъ, пристально смотря на Антонію, которая, опустивъ голову, казалось, погрузила взоръ въ мысль отдаленную.... А, лучше бъ ты и сегодня отказала мнѣ, какъ всегда.

— О, сегодня больше чѣмъ когданибудь! сказала Антонія, снова залившись слезами, которыя то появлялись, то исчезали вмѣстѣ съ приливомъ и отливомъ горестныхъ мыслей.

— Сегодня больше, чѣмъ когданибудь! сказалъ Мануэль, съ встревоженнымъ чувствомъ челоуѣка, которому въ степи, гдѣ онъ заблудился, показалось, что онъ нашель слѣды челоуѣческіе, сегодня больше чѣмъ когданибудь! повторилъ онъ. Такъ! это день замѣчательный для тебя, день, роковой въ твоей жизни!

— Мануэль! вскричала Антонія въ ужасѣ.

— Сегодня, пятое Октября....

— Мануэль! повторила Антонія.

— Можетъ быть, годъ назадъ, съ тобою что нибудь въ этотъ день случилось.

— Мануэль! Мануэль! закричала она, какъ будто, произнося его имя, могла остановить потокъ его мыслей, какъ останавливаютъ неосторожный бѣгъ человѣка.

— О, я въ этомъ увѣренъ, иначе бы ты такъ не испугалась, сказала Торси.

— О, я несчастная! несчастная! кричала Антонія, ломая себѣ руки.

— А, теперь какъ я это знаю, я узнаю и все остальное; я стану разыскивать, распрашивать и узнаю, непременно узнаю....

— Если ты это сдѣлаешь, сказала Антонія, гордо поднявъ голову, если ты это сдѣлаешь, такъ это будетъ низость!

— Антонія! вскричалъ Мануэль, котораго щекотливая честь оскорбилась этимъ словомъ.

— Да, низость! Вспомни, Мануэль, какъ я пашла тебя въ пропасти, израненаго, избитаго, умирающаго. Ты бы умеръ тамъ безъ помощи, потому что одно только отчаяніе, которое ищетъ смерти, могло завести живое существо въ эту ужасную пропасть, куда ты попалъ по неосторожности. Ты былъ весь въ крови, лежалъ безъ движенія, при послѣднемъ издыханіи. Я призывала смерть какъ благодѣяніе, а твоя смерть, смерть человѣка чужаго, незнакомаго мнѣ, меня испугала. Мнѣ вздумалось спасти тебя; мнѣ пришло въ голову, что твоя жизнь будетъ передъ Богомъ искупленіемъ моей смерти; я обмыла твои раны, остановила кровь, привела тебя въ чув-

ство и, при всей моей слабости, вытаскала тебя изъ пропасти. Я свела тебя въ хижину; но тамъ, истощенный болью и лихорадкою, ты снова упалъ безъ чувствъ.

— О, ты напрасно напоминаешь мнѣ, Антонія, я этого никогда не забуду!

— Выслушай! выслушай меня! Помнишь ли, какъ ты лежалъ въ этомъ домѣ? Помнишь ли, что когда я хотѣла уйти, одинъ изъ окружавшихъ тебя сказалъ: «Ему не прожить и часу.» Ты лежалъ въ совершенномъ разслабленіи; не знаю, слышалъ ли ты это? но я слышала и остановилась. Богъ внушилъ мнѣ мысль спасти тебя, и я думала, что ему угодно, чтобы я совсѣмъ спасла тебя. Ты, вѣрно, помнишь, что на другой день я была у твоей постели; ты, вѣрно, помнишь, что смерть цѣлыхъ одиннадцать дней безпрестанно тебѣ угрожала и я каждую минуту отгоняла ее!

— О, благодарю тебя, Антонія, сказала растроганный Мануэль, благодарю теперь, какъ благодарилъ тогда, въ тотъ день какъ понялъ, что я тебѣ одной обязанъ жизнью!

— Тогда ты былъ уже опасенъ! продолжала Антонія.

— А ты, ты все еще хотѣла умереть?

— Да, я еще хотѣла умереть, но не могла; у меня уже не доставало духа, отъ того, что ты рассказывалъ мнѣ свою юность, свою жизнь, свои прекрасныя надежды, свою будущность, исполненную славы и счастья, и я плакала о себѣ, думая, что ежели я умру, то мнѣ никогда ничего не достанется изъ богатаго удела другихъ!

— А притомъ ты, конечно, чувствовала, что я люблю тебя!

— О, я первая тебя полюбила, отвѣчала Антонія со слезами, уже не столь горькими, какъ прежнія. Не знаю, какъ любовь могла проникнуть въ мою душу, сквозь отчаяніе, которую всю ее облегало; но когда ты, еще слабѣй выходилъ; опираясь на мою руку, когда ты объяснялъ мнѣ прекрасную природу, которая насъ окружала; когда ты толковалъ мнѣ теченіе звѣздъ, которыя сіяли такъ близко надъ нашими головами, когда ты говорилъ мнѣ о своихъ произведеніяхъ, о своей славѣ, о великихъ именахъ, съ которыми ты надѣялся сравниться, когда я видѣла въ тебѣ увѣренность, которая прямо указываетъ на цѣль, когда я видѣла, что сила, умъ, которые ведутъ къ этой цѣли, возраждаются въ тебѣ, Мануэль, о, тогда я гордилась собою; видя, какъ ты счастливъ, что остался въ живыхъ, и я была счастлива съ тобою; и бывали часы, когда твоя жизнь заставляла меня забывать, что я сама себя обрекла смерти!

— О, ты всякой день объ этомъ вспоминала, потому что всякой день хотѣла покинуть меня, сказалъ Мануэль съ кроткимъ упрекомъ.

— И тогда я начинала плакать, потому что я должна была лишиться себя жизни, и, можетъ быть, дурно сдѣлала, что не исполнила своего намѣренія.

— Такъ ты меня не любила?

— Мануэль, продолжала Антонія, съ самымъ милымъ выраженіемъ, съ самымъ печальнымъ взглядомъ, это было однажды вечеромъ, когда ты садился у ногъ моихъ, подъ ливейницею, которая

нависла надъ пропастью. Ты долго умолялъ меня сказать тебѣ кто я, откуда пришла, какъ попала въ эти горы; ты былъ очень жестокъ со мною, потому что я, Богъ знаетъ, какъ упрашивала тебя не выманивать у меня моей тайны. Ты говорилъ, что отдашь мнѣ все что у тебя есть, дашь мнѣ свое имя, твое имя, чистое и неукоризненное, имя обличенное и славою и общимъ уваженіемъ; я за это имя люблю тебя, я не промѣнила бы его на имя знатнѣйшаго принца, но я отказалась отъ него, чтобы сохранить свою тайну. Тогда ты нагнулся ко мнѣ, глаза твои сіяли любовью, въ голосѣ твоемъ было вдохновеніе, и ты сказалъ мнѣ: «Пусть такъ; я не стану больше ничего отъ тебя требовать. Ты будешь для меня ангеломъ, котораго родина на небѣ, которому нѣтъ имени на землѣ; я буду любить тебя и никогда не стану спрашивать. Я не буду больше просить тебя, чтобы ты меня любила; ты будешь для меня чистымъ, благотворнымъ источникомъ, изъ котораго почерпають жизнь, не заботясь о томъ, откуда онъ вытекаетъ; ты будешь для меня свѣщенна и я стану благодарить тебя за то, что ты живешь для меня, какъ будто ты еще разъ возвращасшь мнѣ жизнь; хочешь ли, хочешь ли ты, милая, жить на этомъ условіи?...» О, это была небесная заря, которая засіяла въ темнотѣ моего отчаянія и одиночества; она ослѣпила мое сердце! И я протянула къ тебѣ руку, и ты назвалъ меня Антоніей, именемъ твоей матери, чтобы по крайней мѣрѣ, прикрыть благочестивымъ воспоминаніемъ передъ Богомъ союзъ, котораго я не могу освятить передъ людьми

— Но отъ чего же ты не можешь? сказалъ съ горестію Мануэль, снова обращенный послѣдними

словами Антоніи къ рѣшимости проникнуть тайну, которая его раздражала.

— Ты видишь, сказала она, вотъ подводный камень, о который разбивается твое торжественное обѣщаніе.

— Безразсудное обѣщаніе! вскричалъ Мануэль. Я не въ состояніи сдержать его! Я долженъ, я хочу знать истину.... Скажи мнѣ ее, какова бы ни была она, какъ бы постыдна ни была она, или, клянусь, я сдѣлаю чтò говорилъ тебѣ, стану спрашивать, разыскивать.... и узнаю.

— И я сказала тебѣ: это будетъ низко, и я напомнила тебѣ о нашемъ прошедшемъ, чтобѣ доказать, что это дѣйствительно было бы низко.

— Низко или нѣтъ, но я это сдѣлаю; потому что безъ этого не могу больше жить.

— О! вскричала Антоніа, теперь я понимаю тебя; понимаю, что бремл, которое ты самъ наложилъ на себя, тяготитъ тебя; вѣрю, что я—живое горе для тебя; вижу, всякой день вижу, что ты несчастливъ, когда я съ тобою; теперь какъ ты мнѣ это говоришь, Мануэль, и я могу сказать тебѣ, что уже давно задумала. Ты меня нашелъ одинокою на свѣтѣ, какъ покинутое дитя, и я снова буду въ такомъ же состояніи, въ какомъ ты нашелъ меня; я уйду, Мануэль, уйду, и ты уже никогда больше не услышишь обо мнѣ; и, клянусь тебѣ, я не стану обвинять тебя ни въ жестокости, ни въ неблагодарности. Могу ли я требовать отъ тебя того, что выше силъ человѣческихъ? Мы хотѣли осуществить мечты невозможныя; это я вижу всякой день, всякой часъ.... Такъ кончимъ же это.... У меня пай-

дется мужество, котораго у тебя недостаетъ. Завтра, сегодня же, если ты хочешь, я уйду отсюда; я этого хочу, требую, умоляю тебя: отпусти меня.

— Мнѣ, мнѣ тебя покинуть! вскричала Мануэль, задушаемый рыданіями, которыя эта мысль у него вырвала: мнѣ оставить тебя въ одиночествѣ, въ нищетѣ, безъ пристанища! Антонія, Антонія! такъ ты уже меня не любишь, когда хочешь покинуть меня!

И въ порывѣ своей горести онъ обвивалъ Антонию своими руками, какъ будто боялся, чтобы она у него не вырвалась. Но въ первый разъ воля Антонин не уступала этому внезапному возврату любви къ ней Мануэля, и она отвѣчала, тихонько отдаляя его отъ себя:

— Послушай, Мануэль, ты видѣлъ, что я стояла на колынахъ: я молилась Богу, чтобы онъ далъ мнѣ силы покинуть тебя; ты видѣлъ, я плакала: я плакала отъ мысли разстаться съ тобою.

— И ты хочешь покинуть меня?

— Да, Мануэль, да, и если ты тоже этого захочешь, если ты не предашь меня моей слабости, если ты выгонишь меня, это будетъ хорошо, благородно съ твоей стороны, и я бы благодарила тебя; но если ты непремѣнно захочешь узнать кто я... это будетъ дурно, ужасно, и я никогда тебѣ этого не прощу.

— О! я ничего не хочу знать, никогда не буду стараться узнать, никогда, никогда!... Клянусь тебѣ Богомъ! сказалъ Мануэль, становясь передъ нею на колѣна.

Антонія молчала и оцъ продолжалъ голосомъ, въ которомъ выражалась вся пламенная, безпредѣльная любовь его:

— Прости, прости меня, Антонія! О! еслибъ ты знала, какъ я люблю тебя, какъ я горжусь тобою; еслибъ ты хотѣла.... Для тебя, я желалъ бы сдѣлаться довольно сильнымъ, чтобъ заставить свѣтъ принять тебя; желалъ бы быть довольно великимъ, поставить тебя моею любовью довольно высоко, чтобъ всѣ, по одному могуществу этой любви, тебя уважали. Но я ничего не могу для тебя сдѣлать; ты не хочешь даже, чтобы люди знали, что я тебя люблю, и отъ этого жизнь моя безъ цѣли, я печалюсь, отчаяваюсь, съ ума схожу....

— Особенно, сказала съ кротостію Антонія, когда твои жестокія подозрѣнія, снова вотрутся къ тебѣ въ сердце.

— Какія подозрѣнія? спросилъ Мануэль съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Неужели ты думаешь, что я ихъ не знаю! Неужели ты думаешь, что Корнелія не пересказала мнѣ всѣхъ обидныхъ предположеній на мой счетъ, которыя дѣлаются въ мастерской ея мужа!

— О, я заставляю ее замолчать, и всѣмъ имъ зазвужу ротъ! вскричалъ Мануэль.

— Полно, другъ мой, сказала Антонія, взявъ въ обѣ руки голову Мануэля, какъ будто для того, чтобы утишить ея волненіе: не обращай того, чего невозможно исполнить. Стараясь прекратить злословіе, ты только раздражишь его. Повѣрь мнѣ, блескъ твоего имени возбуждаетъ любопытство и зависть,

которыя не могут не нарушать нашего блаженства.

— Я буду тебя слушаться, буду дѣлать все, что ты хочешь, Антонія . . . только прости меня.

— Мнѣ ли прощать тебя! Могу ли я сердиться на тебя за несчастіе, котораго я виною. Ахъ, нѣтъ, Мануэль, мнѣ не въ чѣмъ прощать тебя. Но я должна сказать тебѣ еще одну вещь, которой никогда не говорила, потому что она касается до прошедшаго, котораго я не могу открыть тебѣ.

Мануэль слушалъ съ тревожнымъ вниманіемъ, а лицо Антоніи покрылось краскою стыдливости и чувствомъ собственнаго достоинства.

— Въ тотъ день, когда мы съ тобою встрѣтились, сказала она, клянусь тебѣ, я была чиста передъ Богомъ, не виновна ни въ проступкѣ, ни въ преступленіи.

— О! и ты правду говоришь? вскричалъ невольно Мануэль.

— Неужели ты въ этомъ сомнѣвался?

— О, нѣтъ, нѣтъ, я былъ увѣренъ въ тебѣ, и теперь я спокоенъ, счастливъ, я ничего не хочу больше знать.

— Не забудь же, ничего больше, я ничего больше не могу сказать тебѣ. Я берегла эту клятву до того времени, когда увижу, что ты слабѣешь въ любви своей. Я сказала тебѣ послѣднее задушевное мое слово; остальное должно умереть въ груди моей. Сегодня я предала тебѣ послѣднее оружіе, которымъ могла защищаться. Если ты опять усомнишься во мнѣ, я уже не стану повторять своей клятвы:

тогда бы ты еще меньше вѣрилъ ей. Я отдала тебѣ все, что могла отдать; если тебѣ нужны доказательства, у меня нѣтъ ихъ; если ты хочешь знать мою тайну, я скорѣе умру, чѣмъ скажу ее.

— О, нѣтъ, нѣтъ, ты будешь жить, и я стану любить тебя, какъ говорилъ прежде, какъ ангела, который озарилъ жизнь мою любовью, непричастною никакимъ низкимъ мірскимъ расчетамъ.

Эти длинныя объясненія утишили порывы Мануэла и отчаяніе Антоніи; оба они впали въ прежнее заблужденіе, снова начали вѣрить продолжительности подобнаго блаженства. Въ это время Мануэлю привнесли записку отъ Шанжерона.

«Женѣ моей, писалъ онъ, непременно хочется, чтобы вы у насъ обѣдали, а если ужъ она чего захочетъ, то съ ней не сговоришь; у насъ будетъ нѣсколько человѣкъ, но это не помѣшаетъ вамъ поговорить съ нею о нашемъ предпріятіи. Надѣюсь, что вы намъ не откажете,» и проч.

Мануэль прочелъ эту записку въ слухъ и хотѣлъ уже отвѣчать учтивымъ отказомъ; но Антонія сказала ему:

— Отчего жъ тебѣ не поѣхать къ нимъ? Ты вѣчно сидишь для меня дома, а это-то и обращаетъ на насъ общее вниманіе и порождаетъ всѣ толки.

— Но оставить тебя одну.... сегодня....

— Я знаю, что это будетъ жертва для тебя; но я сегодня именно ее и требую. Не отказывай мнѣ.

— Да вѣдь тебѣ, бѣдняжкѣ, придется пробыть цѣлый вечеръ одной.....

— Я буду слѣдовать за тобой мысляю, увижу, какъ тебя принимаютъ, ласкаютъ, какъ всѣ тебя удивляются. Притомъ, ты самъ мнѣ неразъ говорилъ, что заключаться всегда въ самомъ себѣ значитъ подавать мысли опасную пицу. Ты увидишь-ся съ пріятелями, съ людьми, которые тебя понравятся; ты расскажешь мнѣ послѣ что ты говорилъ, что дѣлалъ. За одинъ вечеръ ты принесешь на дѣ-лыя двѣ недѣли пріятныхъ разсказовъ.

— Ты этого непременно хочешь?

— Непременно. Притомъ въ письмѣ тебѣ говорятъ о какомъ-то дѣлѣ. Ты негליжируешь для меня своими дѣлами и послѣ будешь за это сердиться на меня. Послушайся меня, поѣзжай къ Шанжерону.

— А ты?....

— Я стану читать..... думать..... ждать..... это мое самое пріятное занятіе.

Антонія говорила все это такимъ милымъ голоскомъ, съ такой милой улыбкою, что Мануэль согласился, и вечеромъ, спокойно и весело отправился къ Шанжерону.

Мануэль Торси давно уже не бывалъ въ свѣтѣ, который онъ любилъ и думалъ, что уже забылъ. Въ этотъ день онъ возвращался туда съ внутреннимъ самодовольствомъ, которое располагаетъ ко всему окружающему и придаетъ уму легкую, веселую свободу, которая принимаетъ участіе во всемъ. Съ другой стороны, Торси, какъ въ наше время почти всѣ люди, обязанные своимъ состояніемъ и положеніемъ въ свѣтѣ себѣ самимъ, любилъ изящную пышность, блескъ прекрасныхъ комматъ, шумъ веселыхъ

разговоръ обо всемъ на свѣтъ, которые едутся вокругъ роскошнаго стола; онъ любилъ граціозное движеніе многочисленныхъ собраній, которыя раздѣляются сначала на толпу мужчинъ и рядъ женщинъ, блестящихъ нарядами, брилліантами и цвѣтами, а потомъ разбиваются на отдѣльныя группы, занятыя разговорами самыми важными, или самыми пустыми. Ему весело было въ свѣтъ, гдѣ всего вдоволь, даже ума, потому что тамъ имъ не торгуютъ и бросаютъ его на вѣтеръ: подбирай кто хочетъ. Притомъ хотя въ этомъ кругу Торси былъ единственный человѣкъ, котораго имя славилось еще недавно; но онъ вступалъ туда, какъ всѣмъ равный: такъ по крайней мѣрѣ онъ думалъ. И видя внимательность, угодливость, тысячи мелкихъ, но милыхъ вѣжливостей, съ которыми его принимали, можно было подумать, что онъ тамъ на первомъ мѣстѣ. По этому—то свѣтъ и опасенъ для такихъ людей, какъ Торси; предавался прелести, ихъ обольщающей, они не даютъ себѣ порядочно отчета въ томъ чувствѣ, которое доставляетъ имъ такой необыкновенно ласковый пріемъ. Они не спрашиваютъ себя, отъ чего самый отличный человѣкъ этого круга не пользуется отъ другихъ мужчинъ снисходительностію, которою ихъ окружаютъ, отъ женщинъ милою внимательностію, которою онѣ имъ льстятъ. Даже, еслибъ они и замѣтили эту разность, это наружное предпочтеніе, то у нихъ всегда есть нѣсколько готовыхъ теорій, которыми они объясняютъ его въ пользу своего тщеславія. Наша эпоха, сказали бы они, есть время преобладанія личныхъ талантовъ и именъ пріобрѣтенныхъ. Пять или шесть примѣровъ высокой политической значительности, пріобрѣтенной одними дарованіями, тотчасъ подоспѣли бы на помощь къ этой теоріи и они добродушно помѣстили

бы сами себя въ положеніе, о которомъ мечтаютъ и причислили бы себя къ царямъ общества.

Но какъ стыдно, какъ досадно было бы имъ, еслибъ они убѣдились, что имъ радуются, что на нихъ смотрятъ, конечно, не въ одинаковой степени, но съ тѣмъ же самымъ чувствомъ, какъ смотрятъ на любопытныя вещи; и еслибъ они осмѣлились заглянуть въ глубь всѣхъ этихъ ласкъ, которыя сыплются на нихъ свыше, то увидѣли бы въ нихъ, не говорю, презрѣніе или неуваженіе, но покровительство, которое не бонется доходить до ласкательства, такъ оно увѣрено, что между временной аристократіею артиста и вѣчной аристократіею знатнаго разстояніе огромное, котораго ему никогда не перейти.

Артистъ или писатель только тогда узнаетъ настоящее мѣсто, которое занимаетъ онъ въ высшемъ обществѣ, когда рисковалъ въ немъ достоинствомъ своего характера или сердца, и многіе подобные люди всю жизнь свою проводили въ кругу знати, и не подозрѣвая, какую роль они въ немъ играютъ. Что касается до Торси, то онъ не выходилъ еще изъ заблужденія, изъ обаянія; и вечеръ, который онъ провелъ у Шанжероновъ, заставилъ его еще болѣе блуждать на этомъ пути, по которому онъ шелъ какъ слѣпой, не потому, чтобы на немъ было темно, но потому что все ослѣпляло его. Особенно прекрасная маркиза Камилла де Шанжеронъ принимала его съ такимъ кокетствомъ, что всѣ, замѣтившіе это, улыбались. Торси не зналъ, что мужчина, съ которымъ можно быть до такой степени любезною, не возбуждая ни ревности, ни злословія, очень мало значить въ глазахъ этихъ равнодушныхъ. Во всемъ высшемъ кругу не было ни одного мужчины, которымъ бы маркиза Шанжеронъ посмѣла заниматься

такъ, какъ Мануэлемъ Торси. Кого рѣшилась бы она спрашивать такъ, какъ спрашивала этого художника о его жизни, занятіяхъ, вкусахъ, мысляхъ, о томъ, что онъ любитъ и что ненавидитъ? Она обзрѣвала душу этого человѣка, какъ музей, въ которомъ должны быть страсти неизвѣстныя и любопытныя; а Торси, принимая любопытство за признакъ уваженія, простодушно служилъ проводникомъ этой свѣтской женщины, которая если не насмѣхалась надъ нимъ, то по крайней мѣрѣ забавлялась имъ, какъ очень пріятною новинкой.

Между тѣмъ все это было еще только приступомъ къ еще болѣе внутреннему изслѣдованію; потому что Шанжеронъ разсказалъ женѣ все, что случилось въ мастерскихъ Лавиньяна и Торси, и въ аристократической гостиной толпами родились предположенія, точно такъ же какъ и въ мастерской; только въ домѣ маркизы Шанжеронъ они приняли совсѣмъ другой характеръ. Привычка смотрѣть на художниковъ сквозь ихъ произведенія, придаетъ имъ какое-то театральное положеніе, необыкновенныя страсти и запечатлѣваетъ всѣ ихъ дѣйствія характеромъ, который не посмѣли бы или не захотѣли предполагать въ отношеніи къ свѣтскимъ людямъ.

Такимъ образомъ неизвѣстная Мануэлева красавица, о которой такъ грубо отзывались въ мастерской Лавиньяна, стала въ гостиной маркизы Шанжеронъ какимъ-то фантастическимъ существомъ. Это была уже Гюльнара въ «Корсеръ», сдѣлавшаяся Калобомъ новаго Лары. Но въ какую же звѣздчатую ночь убѣжала она съ постели своего суроваго Султана и есть ли у ней, какъ у Гюльнары, кровавое пятно на бѣлой туникѣ? Или, другими словами, кто эта прекрасная Италійская графиня, которая покинула

для Торен свою мраморную виллу, свое Италианское небо, и своего мужа Сицилійца? Допускали также, что эта восторженная красавица могла прибыть съ береговъ Дуная или Рейссы, и тогда воображали себя, какъ она убѣжала въ холодную, бурную ночь изъ готическаго замка, между тѣмъ какъ Магватъ ея, укутанный мѣхами, упившись Венгерскимъ виномъ, повалился безъ чувствъ подъ своей булатной саблѣю.

Но, по какому-то чувству гордости или неуваженія, Камилла никакъ не предполагала, чтобы эти пѣтическія мечты могли быть осуществлены благородною Француженкою; не знаемъ, какъ маркиза де Шанжеронъ считала Французскихъ дамъ, одного съ нею происхожденія, выше или ниже энтузіазма страсти, необходимаго для подобнаго поступка, только эта идея казалась ей рѣшительно невозможною. Что касается до того, чтобы эта женщина была изъ простыхъ, то маркиза, твердо увѣренная, что въ этомъ состояніи, женщины, даже и замужней, нѣтъ никакой надобности скрывать свои проступки, думала, что это предположеніе опровергается таинственностію Мануэлевой красавицы.

Шанжеронъ, который до женитьбы былъ знакомъ со многими художниками и видывалъ ихъ въ дѣйствительной жизни, конечно, не раздѣлялъ этихъ довольно глупо пѣтическихъ идей; но сказка, которую Камилла сама себя придумала, занимала, забавляла ее, а Шанжеронъ, по множеству причинъ, не хотѣлъ отнимать у жены занятія или забавы, которыя не онъ принужденъ былъ ей доставить. Между тѣмъ, какъ мы уже говорили, все это ученое кокетство, робкіе вопросы, почтительная внимательность, лестное удивленіе, все это было расточаемо

передъ Торси только для того, чтобы достигъ цѣли чрезвычайно интересной: дотронуться до самой сокровенной струны въ душѣ художника и узнать, какой страннѣйшій звукъ издастъ она. Вотъ какъ приступила къ этому прекрасная маркиза: она вдругъ свернула съ пути, по которому шла, и сказала Торси:

— Признаюсь вамъ откровенно: послѣ всего, что вы говорили мнѣ о себѣ, я горжусь тѣмъ, что вы согласились возобновить коллекцію, которую мужу моему такъ хочется имѣть.

Эти слова должны были бы свести Торси съ высь, на которыхъ онъ носился; но маркиза не дала ему времени замѣтить, что она говоритъ съ живописцемъ, котораго талантъ будетъ оцѣненъ деньгами, и тотчасъ прибавила:

— Для всякаго другаго это былъ бы трудъ механической, но при вашемъ живомъ воображеніи, при вашемъ глубокомысліи, это значитъ оживить на холстѣ духъ всѣхъ минувшихъ вѣковъ; вы нащипаете кистию почти всю исторію живописи, и я увѣрена, что зная объ этомъ прекрасномъ искусствѣ множество такихъ вещей, о которыхъ мы и помыслить не имѣемъ, вы съ величайшимъ наслажденіемъ будете проникать въ тайны этихъ мертвыхъ эпохъ и снова придавать имъ жизнь.

Торси очень зналъ, что это будетъ работа самая скучная, самая несносная и согласился приняться за нее, только потому, что Шанжеронъ назначилъ за это очень высокую цѣну; но положеніе, въ которое ставила его маркиза и пѣническая точка зрѣнія, съ которой смотрѣла она на его работу, были такъ лестны, что онъ не рѣшился вывести ее изъ заблуж-

денія, и потому отвѣчалъ ей съ видомъ полнаго убѣжденія:

— Я очень благодаренъ вамъ, сударыня, за то, что вы такъ прекрасно оцѣниваете благородное чувство искусства, которое многіе не уважаютъ, потому что не понимаютъ его.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ находите, что я хорошо смотрю на искусство? сказала Камилла, какъ бы радуясь, что достигла до высоты его мысли.

— Если бы вы знали, какъ это рѣдко, то извинили бы, что я, по тщеславію простительному въ художникѣ, хвалю васъ за это.

— Я съ благодарностію принимаю эту лестную похвалу, а между тѣмъ готова доказать вамъ, что я ея не заслуживаю.

— Какимъ же образомъ?

— Вы не станете смѣяться надо мною? Я много думала о дѣлѣ, которое вы на себя приняли и вы одни въ состояніи осуществить мечты мои.

— Что же вамъ угодно?

— Я отдаю на вашу волю всѣхъ мужчинъ изъ предковъ моего мужа, сказала она улыбаясь; сохраните только въ ихъ лицахъ общія черты членовъ благородной фамиліи, а тамъ дѣлайте ихъ такими уродами, какъ вамъ угодно. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ женщинъ вы сдѣлали хорошенькими, всѣхъ безъ исключенія, а знаменитую Маргариту де Шапжеронъ совершенною красавицей.

— А! сказалъ Торси, вспомнивъ, при этомъ имени, о дурачествѣ, которое онъ сдѣлалъ по утру. ..

Но возвысившемуся голосу, которымъ онъ произнесъ это простое восклицаніе, Камилла замѣтила, что наконецъ добралась до сердца, и потому тотчасъ продолжала:

— Вы, можетъ быть, не знаете исторіи этой Маргариты де Шанжеронъ?

— Маркизь говорилъ мнѣ о ней нынче утромъ, отвѣчала Торси, воображая, что такимъ образомъ узнаетъ, случайно или съ намѣреніемъ Камилла заговорила о предметѣ столь близкомъ къ его сердечной тайнѣ; но отвѣтъ маркизы тотчасъ успокоилъ его.

— Это очень мило съ его стороны, сказала она; такъ онъ вамъ говорилъ о ней? такъ вы знаете, что мнѣ хочется, чтобъ она была совершенного красавицей?... Но чтобы это была красота не вошла, или извѣстная, непохожая на красоту женщинъ, какихъ встрѣчаемъ въ свѣтѣ. Жизнь этой женщины была такъ блестяща и такъ странна! Ее такъ многіе обожали и такъ много на нее клеветали! Ей приписывали такія безумныя требованія и такіе удивительные поступки, что, я думаю, это было существо необыкновенное, смѣлое, но гармоническое смѣшеніе совершенствъ самыхъ противоположныхъ... Однимъ словомъ, я воображаю себѣ нѣчто такое, чего въ наше время, можетъ быть, уже и нѣтъ, то что нѣкогда существовало.

Торси остерегался и потому отвѣчалъ только:

— Вы правду говорите: это лице надобно выдумать.

— Послушайте, сказала маркиза, понизивъ голосъ и нагнувшись къ нему, какъ будто хотѣла сообщить

ему тайну, вы сказали мнѣ, что я достойна понимать идеи художника. Если я ошибаюсь, скажите мнѣ откровенно. Мнѣ кажется, что если бы я была живописцемъ, то для меня всегда существовалъ бы образецъ совершенной красоты. Женщина, которую художникъ любитъ, всегда должна быть красавицею, несравненно выше всѣхъ другихъ, потому что онъ видитъ ее сквозь любовь свою и пишетъ такъ какъ видитъ. Я совершенно увѣрена, что Форнарина и Жоконда были совсѣмъ не такъ хороши, какъ ихъ изобразили Рафаэль и Леонардо де Винчи, и я думаю, что нынѣшніе живописцы не производятъ такихъ прелестныхъ созданий потому только, что стыдятся любви своей и не хотятъ выставить предмета своей страсти на удивленіе публики.

— Быть можетъ, отвѣчала Торси, и въроятно, потому, что святость любви своей они предпочитаютъ славу.

— Развѣ слава не первая, не главная страсть художника, которая должна поглотить все прочіе! сказала Кампила съ какимъ-то будто необдуманнѣмъ энтузіазмомъ.

— Ахъ, сударыня, сказалъ Торси, и не воображая себя, что малѣйшія слова его имѣютъ смыслъ, который стануть толковать на все возможные манеры; если слава въ этомъ, то она слишкомъ дорога. Предать публикѣ, свѣту, заистинкамъ, злымъ, даже равнодушнымъ кумиръ души своей, тайное пламя своей жизни; выставить на позорище критики, холоднаго удивленія, можетъ быть неуваженія, то, что любишь всеми силами души своей, чѣмъ восхищаешься, что боготворишь; о вѣдь! это было бы оскорбленіе для той, кѣмъ живешь, обида самому себѣ.

это значило бы открывать святилище души своей, пустому, низкому любопытству толпы.

Говоря такимъ образомъ, Торси воображалъ себѣ, что излагаетъ общую теорію безъ всякаго примѣненія, а между тѣмъ послѣднія слова его такъ мѣтко попадали въ попытку, въ которую любопытство завлекло маркизу Шанжеронъ, что она подумала, будто это урокъ ей и отвѣчала съ нѣкоторою досадою:

— Увѣрю васъ, я совсѣмъ и не думала выпытывать ваши тайны.

— Мои тайны? сказалъ Торси, котораго голосъ снова измѣнился: развѣ вы думаете, что у меня есть какія нибудь тайны?

Камилла приостановилась. Сначала ей было хотѣлось поставить Торси на его мѣсто, сказавъ, что какія бы у него тайны ни были, онѣ ея нисколько не интересуютъ; но съ одной стороны любопытство, а съ другой тщеславное желаніе добиться до своей цѣли, во что бы то ни стало, заставили Камиллу не обижаться, и послѣ минутнаго молчанія, она сказала:

— Вамъ, конечно, все равно, думаю ли я или нѣтъ, что у васъ есть тайны.

— А, извините, для меня совсѣмъ не все равно, хорошо или дурно думаютъ обо мнѣ, особенно такіе люди, какъ вы, отвѣчалъ Торси.

— Право, вы меня смущаете, сказала Камилла. Я совсѣмъ не такъ тщеславна, чтобы судить кого бы то ни было, а васъ, можетъ быть, еще менѣе, чѣмъ другихъ; потому что, какъ вы и сами гово-

риши, въ жизни есть тайны, которыя были бы лучшим оправданіемъ того, что свѣтъ толкуеть неблагопріятно.

— Неблагопріятно? сказалъ Торси, нѣсколько ступившись?

— Вы знаете, свѣтъ судить только по наружности.

— Но къ чему онъ судить, къ чему занимается онъ тѣмъ, чего ему не хотять предать?

— О, вы слишкомъ многого хотите, какъ бы вы собою вы ни стояли, вы не можете никому запретить заглядывать въ вашу жизнь, какъ вы смотрите въ жизнь другихъ. Только съ вами будутъ, можетъ быть, поступать поосторожнѣе, потому что то, что уже извѣстно о васъ, отвѣчаетъ за то, чего не знаютъ; больше вы ничего не можете требовать.

Разговоръ дошелъ уже до крайнихъ предѣловъ, за которыми онъ изъ общностей переходитъ въ личный примѣненіи, какъ вдругъ дверь отворилась и человекъ доложилъ, что пріѣхалъ г-нъ Гажро. Онъ подошелъ къ хозяйкѣ, которая его очень не любила и приняла съ обыкновенной вѣжливостью благовоспитанной женщины, и больше ничего; но Гажро этого не замѣтилъ и такъ усердно разспрашивалъ о ея здоровьѣ, о здоровьѣ ея матери, обо всемъ, о чемъ можно спрашивать въ подобныхъ обстоятельствахъ, что совершенно прервалъ разговоръ маркизы съ Мануэлемъ; Камилла съ досадою встала и уступила мѣсто докучливому посетителю, который останавливалъ ее, когда она уже надѣялась, что побѣдила близко.

Гажро, кажется, этого и хотѣлось, потому что какъ скоро маркиза узнала, онъ сказалъ въ полномъ себя Мануэлю:

— Вы не можете вообразить, какъ я радъ, что нашелъ васъ здѣсь.

— Отчего это? спросилъ Торси довольно сухо. Онъ вспомнилъ, что Антонія поблѣднѣла при имени этого человѣка.

— Повзжайте домой, сказалъ Гажро, чтобы предупредить своимъ присутствіемъ шалость, которая по характеру того, кто ее задумала, можетъ прокинуться очень непріятную исторію.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, отвѣчалъ Торси съ надменнымъ видомъ.

— Ну, такъ я вамъ скажу прямо, продолжалъ Гажро, нѣсколько смутившись, сегодня въ мастерской Лавиньяна говорили о вашей супругѣ.

Торси поблѣднѣлъ.

— Къ несчастію тутъ были люди, которые по своей безнравственности ничего не уважаютъ, а по своей грубости и привычкѣ къ дуэлямъ на все рѣшаются и ничего не боятся. Этотъ человѣкъ похвалялся, побился объ закладъ, что онъ непременно увидитъ вашу супругу и теперь Поль Шагуэнъ можетъ быть у васъ.

Торси вскочилъ со стула и пожавъ руку Гажро съ силою, доказывавшею страшное волненіе, сказалъ:

— Очень благодаренъ вамъ . . . и если онъ осмѣлится . . . этотъ негодяй . . . О, дай Богъ, чтобы это было неправда!

Крошечная душа Гажро только тутъ поняла, что онъ нѣсколькими словами привязалъ зажеженный фитиль къ бочкѣ пороха и тутъ онъ сталъ бояться, чтобы осколки и въ него не попали. Онъ думалъ, что этимъ извѣстіемъ только побезпокоитъ немножко человѣка, который влѣдетъ собою и послѣ того просидитъ съ часъ на горящихъ угольяхъ; но Торси тотчасъ ушелъ, съ видомъ человѣка, который убилъ бы Шагоэня на мѣстѣ, еслибъ засталъ его въ своей комнатѣ. И Гажро съ большимъ смущеніемъ отвѣчалъ Шанжерону, когда тотъ сталъ спрашивать его, что такое сказалъ онъ Торси и отчего тотъ такъ скоро убѣжалъ.

Видъ, съ которымъ Шанжеронъ выслушалъ признаніе Гажро, еще болѣе встревожилъ его и онъ сталъ ужасно опасаться послѣдствій своей нескромности, когда маркизъ сказалъ:

— Надѣюсь, что этотъ сумасбродъ Шагоэнь не сдѣлаетъ того, что говорилъ, или что его не пустятъ къ Торси; потому что иначе между нимъ и Мануэлемъ будетъ ужасная встрѣча. Мануэль выброситъ его изъ окна, а тотъ вѣдь не дастся.... Вы очень дурно сдѣлали.

— Да что же мнѣ было дѣлать? Неужели жъ отдать эту несчастную женщину на жертву Шагоэню?

— Но какое право этотъ негодяй имѣетъ забираться насильно къ ней въ домъ? сказалъ Шанжеронъ. Еслибъ онъ сдѣлалъ это у меня, я бы разможилъ ему голову. Какъ это ему вздумалось?

— Вы помните, давеча утромъ, Корнелій Лавиньинъ рассказывалъ, что эта женщина смутилась, когда она заговорила обо мнѣ и о Шагоэнь. Поль у-

вѣренъ, что знаетъ и непремѣнно хочетъ ее видѣть. Онъ похвастался въ кофейномъ домѣ, что непремѣнно доберется до нея; съ нимъ стали спорить и онъ побился объ закладъ; а вы знаете, какой онъ человѣкъ.

— О, да, онъ готовъ на преступленіе, лишь бы только похвастаться своими пороками. Я чрезвычайно боюсь, чтобы съ Торси не случилось какогонибудь несчастія.

Камилла, удивляясь, что Мануэль вдругъ исчезъ, подошла къ мужу, чтобы спросить, куда тотъ дѣвался, и услышала послѣднія слова его. Она спросила, чего онъ боится и Шанжеронъ, чрезвычайно встревоженный, рассказалъ ей то, что говорилъ Гажро и какія ужасныя послѣдствія могутъ отъ этого произойти.

— Да вѣдь ты пріятель съ Торси, вскричала Камилла: такъ поѣзжай же къ нему; посторонній человѣкъ можетъ въ такихъ случаяхъ предупредить большія несчастія. Сдѣлай милость, Анатолю, поѣзжай скорѣе!

Трудно сказать, что заставило Камиллу совѣтовать это мужу: истинное участіе или только любопытство? но совѣтъ былъ довольно благоразуменъ и Шанжеронъ послушался ее. Гажро, которому совсѣмъ не хотѣлось присутствовать при этой сценѣ въ качествѣ донощика, не вызвался ѣхать съ Шанжерономъ. Притомъ маркиза, которой онъ за минуту передъ тѣмъ показался такимъ неучемъ, теперь удерживала его съ величайшей любезностью, надѣясь узнать отъ него чтонибудь о таинственной незнакомкѣ. Но онъ только повторилъ то, что случилось утромъ въ мастерской Лавиньяна. Знакомство съ Га-

жро и съ Шагоэнемъ, для маркизы Шанжеронтъ, также какъ и для Корнелии, свергало таинственную бѣдѣлку изъ Италіи или Венгріи, съ пьедестала, на который поставило ее воображеніе Камиллы, и она окончила разговоръ слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы часто путешествуете, мосье Гажро?

— Да, сударыня, я всякой годъ бываю гдѣ нибудь на водахъ, въ Италіи или въ Германіи.

Такъ и есть, подумала Камилла, они встрѣтились съ этой женщиною на камнѣ нибудь водахъ, гдѣ бываетъ много всякаго народа, и могли бы узнать ее.

Гажро ждалъ другаго вопроса, который обьянилъ бы ему этотъ, а Камилла ушла отъ него, оставивъ обьясненіе про себя и удивляясь только, что порядочная женщина можетъ помнить имена какихъ нибудь Гажро и Шагоэня,

Теперь мы должны рассказать вамъ то, что случилось въ домъ Торси.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

II.

ЛОРДЪ КЛЕЙВЪ.*

Странно, что между именами, наиболее способствовавшими распространению Европейской власти, следовательно и образованности, имя Клейва почти забыто. Всякой школьникъ знаетъ рушителей великихъ Американскихъ государствъ, Пизарро и Кортеса, но едва ли знаетъ, кому Европа обязана покорен-

* Владычество Англичанъ въ Индiи посредствомъ Общества купцовъ, есть безъ сомнѣнiя одно изъ необычайныхъ явленiй въ исторiи народовъ. Мы недавно передали читателямъ самыя свѣжiя свѣдѣнiя о нынѣшнемъ состоянiи Англо-Индiйскихъ владѣнiй; но имъ безъ сомнѣнiя любопытно будетъ знать, кто же былъ первымъ виновникомъ нынѣшнихъ успѣховъ Англичанъ въ Азiи? Первоначальное развитiе ихъ могущества въ сей части свѣта также необычайно, какъ и послѣдующiя событiя. Человѣкъ ничтожный по рожденiю, простой офицеръ и конторщикъ възлетѣлъ, страждущiй внутренними тревогами, конхъ влослѣдствiи сдѣлался жертвою, выходитъ неожиданно на сцену, гдѣ состязались о власти и существованiи могущественныя владыки Востока; съ горстью людей безъ искуства и сильной воли, по пересозданныхъ въ героевъ могучимъ его гениемъ, идетъ онъ смѣло впередъ разваливъ сокрушающейся имперiи и ставитъ на нихъ знамя новаго царства, которое Британiя принимаетъ, какъ неожиданный выигрышъ торговой спекуляцiи. Человѣкъ, измѣнившiй такимъ образомъ ходъ историческихъ событiй въ одной изъ прекраснѣйшихъ частей свѣта, былъ Клейвъ. Его биографiю мы хотимъ представить читателямъ: ибо думаемъ, что нѣтъ ничего поучительнѣе и любопытнѣе, какъ жизнь людей, обязанныхъ самимъ себѣ блескомъ своего имени и нравственнымъ превосходствомъ своимъ увлеченныхъ за собою и событiя и лица. *Примѣч. Редакт.*

ніемъ одной изъ многочислѣннѣйшихъ и богатѣйшихъ странъ востока, Остѣ-Индіи. Сирѣ Джонъ Малькольмъ, желая вывести изъ незаслуженнаго забвенія память своего знаменитаго соотечественника Клейва, описалъ его жизнь, интересную потому, что она тѣсно связана съ покореніемъ Остѣ-Индіи; представляемъ читателямъ нашимъ извлеченіе, сколько возможно подробное и полное, изъ этого сочиненія:

Робертъ Клейвъ родился въ деревнѣ, недалеко отъ Манчестера, 29 Сентября 1725 года, отъ небогатыхъ и незнатныхъ родителей. Съ самаго дѣтства онъ оказывалъ ту твердость воли и настойчивость характера, которыя и впоследствии отличали его, но которыя въ дѣтствѣ очень часто принимаются за упрямство. Онъ учился плохо, и учителя его, кромѣ одного, были объ немъ дурнаго мнѣнія, такъ что родители, потерявши надежду на будущее, доставили ему мѣсто секретаря при Остѣ-Индской Компаніи. Робертъ 18-ти лѣтъ отправился въ Мадрасъ искать счастья. Въ тогдашнее время надежды секретаря Компаніи далеко были не тѣ, съ какими молодые люди въ наше время отправляются на подобныя мѣста въ разныя области Англійскихъ владѣній въ Индіи. Компанія состояла тогда изъ небольшого общества купцовъ, владѣвшихъ землею въ нѣсколько квадратныхъ миль, за ежегодную плату Индѣйскому Правительству. Войска Компаніи едва могли удерживать подъ своею властію три или четыре крѣпостцы, выстроенныя для защиты купеческихъ конторъ. Индѣйцы, составлявшіе по большей части гарнизонъ этихъ крѣпостей, еще не были пріучены къ Европейской тактикѣ; нѣкоторые изъ нихъ были вооружены мечами и щитами, другіе только луками и стрѣлами. Власть агента Компаніи, управляющаго теперь судебными, финансовыми и дипломатическими дѣлами обширной имперіи, ограничивалась тогда ра-

спорженіямъ по торговымъ предпріятіямъ, поддерживала выгоды шелковыхъ или бумажныхъ фабрикъ, заботилась о нагрузкѣ судовъ, и бдительно смотрѣла за тѣми, которые могли бы вредить выгодамъ ея монополіи. Младшіе изъ служившихъ при Компаніи получали столь умѣренное содержаніе, что едва могли жить не входя въ долги. Кто изъ нихъ пріобрѣталъ нѣсколько опытности и имѣлъ кой-какія деньги, тотъ пускался въ спекуляціи на свой щетъ. Достижшіе первыхъ мѣстъ часто пріобрѣтали значительное состояніе.

Путешествіе Клейва было продолжительно и скучно. Тогда проѣздъ мимо мыса Доброй Надежды совершался въ 6-ть или въ 8-мь мѣсяцовъ, а иногда тянулся цѣлый годъ. Корабль, на которомъ онъ отправился, долго оставался въ Бразиліи, гдѣ Робертъ издержалъ все свои деньги и научился нѣсколько по-Португальски, что въ послѣдствіи было для него не бесполезно. Сначала положеніе его въ Мадрасѣ было тягостно. Бѣдность, ничтожное жалованье, недостатокъ связей, долги и тягость климата, все возбуждало въ молодомъ секретарѣ горькія сожалѣнія объ отечествѣ; въ письмахъ къ роднымъ онъ неоднократно жалуется, что съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ ихъ, онъ не имѣлъ ни одного отраднаго дня. Минуты отдохновенія его въ этотъ тяжкій періодъ жизни, были посвящены чтенію; губернаторъ Мадраса, имѣя значительную библіотеку, позволялъ ему пользоваться ею; тутъ онъ пріобрѣлъ множество познаній, образовавшихъ его умъ и отчасти пополнилъ недостатокъ воспитанія своего въ лѣта дѣтскія. Между тѣмъ ни климатъ, ни бѣдность, ни ученье, ни тоска по родинѣ не могли смягчить его заносчиваго и вспыльчиваго характера. Начальники часто бывали имъ недовольны, и нѣсколько разъ онъ былъ въ опасности потерять мѣсто. Въ припадкахъ меланхо-

ли, еще болѣе усиленной трудными обстоятельствами, молодой Клейвъ два раза покушался на самоубійство, и два раза пистолетъ разрывался не ранивъ его. Это обстоятельство, какъ говорятъ, внушило ему вѣру въ самого себя, возбудивъ мысль, что Провидѣніе назначило его для какихъ-то высшихъ цѣлей. Пронесшеся, случившееся вскорѣ послѣ этого покушенія, уничтожило всѣ надежды Клейва на счастливую будущность по торговлѣ, но за то открыло ему дорогу, болѣе сообразную съ его характеромъ и наклонностями: въ войнахъ за Австрійское наслѣдство, Георгъ II, Король Англійскій, принялъ сторону Маріи Терезин, а Бурбоны противную. Хотя Англія и тогда была первенствующею морскою державою, но не могла удерживать равновѣсія противу соединенныхъ морскихъ силъ прочихъ націй; на Восточныхъ моряхъ Французы имѣли перевѣсъ. Лабурдонне, губернаторъ острова Маврикія, человекъ отличный по нравственнымъ качествамъ, прибылъ съ экспедиціею къ берегамъ Индіи, не смотря на всѣ усилія Англійскаго флота, явился передъ Мадрасомъ и принудилъ городъ къ сдачѣ. Товары Компаніи были плодомъ побѣды; Англичане Мадрасскіе, но капитуляція, оставлены въ качествѣ плѣнныхъ на честное слово, а городъ могъ быть возвращенъ за умѣренный выкупъ, въ чемъ Лабурдонне обязался честно. Между тѣмъ успѣхъ Лабурдонне возбудилъ зависть въ его соотечественникъ Дюплеси, губернаторъ Пондишери. Онъ обвинилъ Лабурдонне въ злоупотребленіи власти, настаивалъ на томъ, что всѣ завоеванія Французовъ на твердой землѣ Индіи должны зависѣть отъ губернатора Пондишери и объявилъ, что Мадрасъ будетъ разоренъ до основанія. Лабурдонне долженъ былъ уступить. Капитуляція уничтожена и негодованіе Англичанъ доведено до высшей степени неблагороднымъ поведеніемъ Дюплеси въ отношеніи къ главнѣйшимъ лицамъ Компа-

ши. Губернаторъ и богатѣйшіе жители крѣпости Святаго Георгія отправлены за конвоемъ въ Пондичери, и ведены торжественно по городу среди пятидесяти тысячъ зрителей. Это неблагоразумное оскорбленіе рѣшило жителей Мадраса нарушить съ своей стороны каянтуляцію. Клейвъ въ числѣ прочихъ ушелъ изъ города переодѣтый Мусульманиномъ и удалился въ крѣпость Св. Давида, небольшую колонію Англійскую, зависѣвшую отъ Мадраса.

По этимъ обстоятельствамъ онъ естественно рѣшился вступить въ военную службу, и по просьбѣ своей получилъ въ войскѣ Компаніи мѣсто прапорщика. Тогда ему было 21 годъ. Сначала личною храбростію онъ обратилъ на себя вниманіе начальниковъ. Потомъ, въ дальнѣйшемъ отправленіи должности, онъ обнаружилъ такія качества, какихъ не подозрѣвали въ немъ: разсудительность, смѣлливость, постоянное уваженіе законной власти. Въ нѣсколькихъ сшибкахъ съ Французами онъ отличился и приобрѣлъ уваженіе маіора Лоренца, почитавшагося тогда отличнѣйшимъ воиномъ въ Англійской Индіи. Между тѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, въ слѣдствіе мира между Англіею и Франціею, Дюпlesi принужденъ былъ отдать Компаніи Англійской Мадрасъ, и Клейвъ снова промѣнялъ саблю на перо. Непріязненные дѣйствія со стороны туземцевъ опять вызвали его подъ команду Лоренца, и опять по окончаніи дѣла, онъ обратился къ конторскимъ занятіямъ. Наконецъ политическое состояніе Индіи приняло такой видъ, который рѣшилъ навсегда поприще Клейва: война величайшей важности по своимъ послѣдствіямъ возгорѣлась между Компаніями Англійскою и Французскою, обѣщая побѣдителю великолѣпное наслѣдство Тамерланава дома.

Имперія, освоенная въ XVI вѣкѣ Баберомъ и Моголами, была долгое время одною изъ величайшихъ

и богатѣйшихъ въ свѣтъ. Ни одно изъ Европейскихъ государствъ не имѣло такого многочисленнаго народонаселенія и такихъ огромныхъ доходовъ. Великолѣпіе и огромность зданій, воздвигнутыхъ владыками Индостана, удивляли путешественниковъ, даже видѣвшихъ Римскую Церковь Св. Петра. Пышность, окружавшая тронъ Дели, ослѣпляла взоры людей; привыкшихъ къ роскоши Версаля. Иные Вице-Короли Могола управляли областями многолюднѣйшими, чѣмъ вся Франція и Австрія, и даже губернаторы провинцій, лица третъестепенныя въ порядкѣ чиновначалія, владѣли землями и доходами не менѣе Электора Саксонскаго или Великаго Герцога Тосканскаго. Не смотря однакожъ на этотъ блескъ, имперія, столь могущественная по наружности, даже въ самое цвѣтущее время была такъ дурно управляема, какъ ни одно изъ Европейскихъ государствъ. Она была подавлена всею тягостію Восточнаго деспотизма и страдала отъ рабской подчиненности одной касты другой. Притязанія принцевъ древняго царскаго дома влекли за собою длинный рядъ злодѣяній и общественныхъ неустройствъ. Высокомѣрные правители областей иногда пытались искать независимости. Полудикія Индѣйскія племена, тяготясь чужестранною властію, отказывались платить подати, укрывались въ горахъ, прогоняли оттуда войска правительства и часто съ оружіемъ въ рукахъ опустошали воздѣланныя поля. Не смотря однакожъ на такія неустройства, эта огромная имперія сохраняла въ теченіи многихъ поколѣній видъ единства, величія и силы. Но въ царствованіе Авренгъ-Зеба, не смотря на всѣ усилія его, она скорыми шагами пошла къ упадку. По смерти его, въ 1707 году, разрушеніе этого колосса стало неизбѣжнымъ: сильныя удары извнѣ, неисцѣлимыя поврежденія внутри въ нѣсколько лѣтъ кончили его существованіе.

Перевороты, бывшіе во владѣніи Могола въ теченіе

ни сорока лѣтъ по смерти Авренгъ-Зеба, напоминаютъ наследниковъ Θεодосія, еще ближе наследниковъ Кардомана. Цѣлый рядъ недостойныхъ монарховъ влачилъ жизнь свою въ глубинѣ чертоговъ среди пьянства, распутства и шутовства. Свирѣпые завоеватели, пришедшіе съ западной стороны чрезъ беззащитные горные проходы, рѣзались за сокровища Индостана. Шахъ Персидскій перешелъ Индъ, взялъ Дели и отвезъ съ торжествомъ въ свою землю сокровища Могола, между прочимъ Павлиновый тронъ, въ который вѣдланы богатѣйшіе камни Голконды, и тотъ неоцѣненный алмазь, прозванный *Горою свѣта*, который послѣ различныхъ странствованій, въ наше время блисталъ на рукъ Ренджитъ-Синга, и скоро будетъ украшать отвратительный идолъ Орисса. Афгань докончили разрушенія, начатыя Персами; воинственныя племена Ражпутовъ подпали Мусульманскому игу. Сейки начали господствовать по Инду, Джаты по Джемнѣ. Племя гораздо болѣе страшное сошло съ западныхъ горъ Индіи, долгое время было ужасомъ природныхъ владѣтелей страны и только послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія, уступило Англичанамъ. Въ царствованіе Авренгъ-Зеба Маратты въ первый разъ сошли съ своихъ горъ для опустошенія равнинъ; и скоро по смерти этого государя не было столь отдаленнаго угла въ обширномъ его государствѣ, гдѣ бы не трепетали имени этой ужасной орды. Владычество ихъ простиралось отъ моря до моря чрезъ весь полуостровъ, и предводители ихъ царствовали въ Пунагъ, Гузаратъ, Танжоръ. Они сохраняли свои старыя обычи, и безпрестанно дѣлали набѣги на страны еще непокоренныя ими. Многія области искупали свою жатву цѣною ежегодной дани; и даже призракъ, сидѣвшій на императорскомъ тронѣ, покорился этому унижительному условію.

Намѣстники Могола, сохранившіе нѣкоторую власть, старались возвысить ее и сдѣлать независимою. Они

признавали еще по виду старшинство Тамерланова дома какъ и прежде, и даже посылали иногда Императору подарки для поддержанія его благосклонности; но въ самомъ дѣлѣ это были настоящіе наследственные государи, а не правители, снѣняемые по волю верховной власти. Отсюда произошли тѣ Мусульманскіе дома, которые царствовали долгое время въ Бенгалѣ и Карнатикѣ и которые въ наше время еще пользуются некоторыми царскими прерогативами въ Лукновѣ и Гейдарабадѣ, хотя и подлежатъ чуждому вліянію. Какъ ни велико было замѣшательство въ имперіи Могола, однакожъ самыя проникательныя умы и самое пылкое воображеніе не могли бы повѣрить, что общество купцовъ, отдаленное отъ Индіи четырьмя тысячами миль, едва владѣя въ Азіи нѣсколькими десятинами земли, въ теченіи одного вѣка, можетъ установить господство прочное и могущественное отъ Мыса Каморина до снѣговъ Гималаевъ, что это торговое общество подчинитъ своему игу Мариттовъ, Мусульманъ и даже дикія племена, которыхъ Моголы не могли обуздать, что оно станетъ наконецъ предписывать законы Авъ и посадить своего вассала на Кандагарскій тронъ. — Первая мысль основать Европейское владычество на развалинахъ монархіи великаго Могола принадлежитъ Дюпlesi. Предположивши себѣ эту гигантскую цѣль, онъ ясно видѣлъ, какими средствами можно ее достигнуть. Онъ понялъ, что огромныя войска Индійскихъ монарховъ рано или поздно должны уступить небольшимъ отрядамъ, приученнымъ къ строгому воинскому порядку и Европейской тактикѣ; съѣтливый умъ его показалъ ему, что для Европейскаго удалыца удобнѣйшее средство властвовать въ Индіи состоитъ въ томъ, чтобы управлять движеніями и говорить устами какой нибудь куклы, украшенной брилліантами и послѣцей пышное имя Набаба или Низама. Наконецъ все хитрости военныя и дипломатиче-

скія, которыми впоследствии съ такимъ успѣхомъ пользовались Англичане, были угаданы и употреблены умнымъ и смѣлымъ Дюплеси.

Въ 1748 году умеръ одинъ изъ сильнѣйшихъ новыхъ государей въ Индіи, великій Низамъ Эль-Мулькъ, намѣстникъ Деккана. Власть принадлежала по праву его сыну Назиръ-Джуну. Въ числѣ областей, подвластныхъ этому намѣстнику, былъ и Карнатикъ, важный по обширности и богатству своему. — Онъ управлялся стариннымъ Набабомъ, котораго Англичане называли испорченнымъ именемъ Анаверди-Ханъ. По смерти Низама Эль-Мулька явилось нѣсколько искателей его власти и области ему подчиненной. Внукъ его Мирзафа-Джунъ оспаривалъ тронъ у Назира-Джуна; Чунда-Сахибъ, зять Набаба Карнатика, захотѣлъ отнять у Анаверди-Хана его область. Оба эти претендента соединили свои силы, напали на Карнатикъ и призвали Французовъ, тогда славившихся недавними побѣдами надъ Англичанами на Коромандельскомъ берегу. Этими счастливыми обстоятельствами воспользовался искусный Дюплеси. Поставить Набаба въ Карнатикъ и намѣстника въ Деканъ, управлять подъ ихъ именемъ всею южною Индіею, значило для отважнаго Дюплеси осуществить свои замыслы. Онъ послалъ претендентамъ 400 Французскихъ солдатъ и 2,000 Сипайевъ, обученныхъ Европейской тактикѣ. На сраженіи Французы отличились, Анаверди-Ханъ разбитъ и убитъ. Сынъ его, послѣ извѣстный подъ именемъ Набаба Аркотскаго, бѣжалъ въ Тричинополи съ остатками войска, и побѣдители овладѣли почти всѣмъ Карнатикомъ. Это было начало успѣховъ Дюплеси. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ сраженій, переговоровъ и интригъ счастье его достигло своего зенита. Назиръ-Джунъ убитъ своими; Мирзафа-Джунъ сдѣлался намѣстникомъ Деккана, и Французская политика восторжествовала. Дюплеси торжественно

въѣхалъ въ Пондишери въ одномъ паланкинѣ съ Низамомъ и объявленъ правителемъ Индіи съ властію большею той, какую имѣлъ Набабъ Чунда-Сахибъ. 7,000 человекъ конницы ввѣрено его начальству; запрещено бить монету во всемъ Карнатикѣ кромѣ Пондишери, и значительная часть сокровищъ, собранныхъ прежними намѣстниками Деккана, перешла въ сундуки губернатора Французскаго. Съ той поры Дюплеси властвовалъ неограниченно надъ тридцатью милліонами людей; никакая милость, никакое мѣсто не могли быть даны правительствомъ безъ его согласія; никакая просьба не могла быть подана Низаму безъ его помѣты.

Надменный Французъ не удовольствовался существенными выгодами, которыя приносило ему блестящее его положеніе. Онъ рѣшился воздвигнуть прочный памятникъ своей славы. Близъ того мѣста, гдѣ его искусная политика торжествовала паденіе Назиръ-Джуна и возвышеніе Мирзафы, Дюплеси поставилъ колонну, на четырехъ сторонахъ которой пышныя надписи на четырехъ языкахъ свидѣтельствовали славу побѣдъ и могущество новаго правителя. Медали, изъясняющія его великія дѣла, положены въ основаніи памятника; а вокругъ выстроены городъ, носившій пышное названіе Дюплеси-Фатигабадъ, то есть побѣдный градъ Дюплеси. Между тѣмъ Англичане протестовали, хотя и слабо, противъ завоеваній своихъ соперниковъ. Они продолжали признавать за законнаго Набаба Карнатика Магомеда-Али; но владѣнія Магомеда-Али тогда заключались въ одномъ городѣ Тричинополи, осажденномъ Чунда-Сахибомъ и его союзниками Французами. Заставить ихъ снять осаду казалось дѣломъ невозможнымъ. Незначительный Англійскій отрядъ, стоявшій въ Мадрасѣ, не имѣлъ предводителя; майоръ Лоренцъ былъ въ Европѣ, и кромѣ его не находили тогда офицера достойнаго довѣрія.

Индѣйцы презирали Англичанъ: знамя Французское, развѣвающееся на стѣнахъ крѣпости Св. Георгія, начальники Мадрасской факторіи, проведенные съ безмѣстїемъ по улицамъ Пондишери, блескъ торжества Дюплеси, слабое противодѣйствіе Англійскихъ властей, все показывало слабость однихъ, могущество другихъ. Въ это время геній неизвѣстнаго молодого челоуька разомъ оборотилъ колесо Фортуны.

Клейвъ былъ тогда 25 лѣтъ. Колеблясь между оружіемъ и торговлею, онъ получилъ наконецъ мѣсто, соединяющее оба эти жребія, именно мѣсто комиссара войскъ съ чиномъ капитана. Обстоятельства сильно подстрекали всѣ его способности. Молодой капитанъ представилъ начальникамъ, что ежели Англичане не сдѣлаютъ усилія, Тричинополи падеть, родъ Анаверди Хана будетъ истребленъ и Французы овладѣютъ всѣмъ полуостровомъ. Онъ предложилъ имъ ударить на непріятелей смѣло, и думалъ, что нападши на Аркатъ, столицу Карнатика и любимое мѣсто Набатовъ, легко можно заставить враговъ снять осаду съ Тричинополи. Начальники Англійской колоніи, встревоженные успѣхами Дюплеси и боясь, чтобы въ случаѣ войны между Англїею и Франціею, Мадрасъ не былъ взятъ и разрушенъ, приняли планъ молодого капитана и поручили ему исполненіе его. Клейву дали 200 Англичанъ и 300 Сипайевъ, обученныхъ по-Европейски. Изъ восьми офицеровъ, бывшихъ подъ его командою, ни одинъ не видалъ боеваго огня, и четыре между ними были конторщики компаніи, которыхъ увлекъ примѣръ ихъ молодого предводителя. Время было дурное: Клейвъ подъ дождемъ и громомъ и при блескѣ молніи подошелъ къ воротамъ Аркота. Гарнизонъ, объятый ужасомъ, оставилъ крѣпость, и Англичане вошли въ нее не истративъ ни одного выстрѣла. — Клейвъ, зная очень хорошо, что ему не дадутъ пользоваться спокойно плодами завоеванія, на-

чалъ скорѣе заготовлять припасы всякаго рода, чтобы быть въ состоянїи выдержать осаду. Гарнизонъ, ушедшій при его приближенїи, собрался и усилился подкрѣпленїями пришедшими изъ сосѣдства до 3,000 человекъ, сталъ лагеремъ недалеко отъ города. Ночью Клейвъ напалъ на этотъ лагерь, множество непрїятелей побилъ, остальныхъ разсѣялъ, и возвратился въ городъ не потерявъ ни одного человека. Вѣсть объ этихъ происшествїяхъ скоро достигла до Чунда-Сахиба, осаждавшаго вмѣстѣ съ Французами Тричинополи. Онъ отрядилъ къ Аркоту 4,000 человекъ, къ которымъ присоединились остатки разбитаго Клейвомъ войска. Двѣ тысячи прибыло изъ Веллора, и важное подкрѣпленіе, 150 Французовъ, прислано Дюпlesi изъ Пондишери; все вмѣстѣ составило армію около 10,000 человекъ подъ начальствомъ Раджи-Сахиба, сына Чунда-Сахиба.

Раджи-Сахибъ окружилъ крѣпость, которая казалось была не въ состоянїи выдержать осады. Стѣны были въ развалинахъ, рвы сухи, укрѣпленїя слишкомъ узки для того, чтобы поставить на нихъ пушки и зубцы слишкомъ низки, чтобы укрывать солдатъ. Гарнизонъ, уменьшенный разными случаями, состоялъ изъ 120 Европейцевъ и 200 Сипайевъ, офицеровъ было только четыре человека, и състныхъ припасовъ слишкомъ мало, чтобы думать о долговременномъ сопротивленїи. Человекъ, которому ввѣрено было это сопротивленіе съ такими безнадежными пособїями, былъ юноша 25 лѣтъ, воспитанный для бухгалтерїи. Пятьдесятъ дней осада была ведена самымъ дѣятельнымъ образомъ, и пятьдесятъ дней молодой капитанъ защищался съ твердостію, бдительностію и искусствомъ, которыя сдѣлали бы честь и старымъ генераламъ Европы. Проломъ однакожь увеличивался и гарнизонъ начиналъ терпѣть голодъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, при столь маломъ числѣ офицеровъ

можно было опасаться неповиновенія и отъ самыхъ лучшихъ солдатъ, еще болѣе отъ толпы, составленной изъ людей разныхъ племенъ, языка, цвѣта, религій. На сей разъ однакожь эта маленькая армія превзошла довѣріемъ къ своему предводителю, десятый легіонъ Цезаря и старую гвардію Наполеона. Сипайи просили Клейва раздѣлить ихъ бѣдныя порціи пищи между Европейцами, страдающими отъ голода болѣе туземцевъ; они уступали имъ рисовыя зерна, довольствуясь однимъ отваромъ изъ нихъ. — Едвали найдутся въ исторіи примѣры болѣе трогательной приверженности солдатъ къ своему предводителю, или власти, какую душа возвышенная, геній, созданный для власти, можетъ принять надъ низшими. Покушеніе Мадрасскаго правительства дать помощь осажденнымъ было тщетно. Помощь пришла другимъ путемъ. Шеститысячный корпусъ Мараттовъ полу-солдатъ, полу-грабителей подъ начальствомъ Морари Роу былъ нанятъ для пособія Магомеду-Али; но считая силу Французовъ неодолимою и торжество Чунда-Сахиба вѣрнымъ, эти помощники стояли въ бездѣйствіи на границахъ Карнатика. Защита Аркота вызвала ихъ къ дѣлу. Морари Роу объявилъ, что такъ какъ Англичане умѣютъ защищаться, то онъ имъ охотно пособить. Раджи-Сахибъ узнавши, что Маратты идутъ, видѣлъ необходимость кончить дѣло безъ отлагательства. Онъ попробовалъ вступить въ переговоры; предложилъ Клейву богатые подарки, которые тотъ отвергъ съ презрѣніемъ. Тогда онъ приказалъ сказать ему, что если предложенія его не будутъ приняты, то онъ возьметъ крѣпость и умертвитъ весь гарнизонъ. Клейвъ, вѣрный своему характеру, гордо и смѣло отвѣчалъ ему: «Отецъ твой похититель престола, войско твое «толпа негодяевъ и вы два раза будете разбиты, прежде нежели пройдетъ въ проломъ, защищаемый Англичанами.»

Разъяренный Раджи-Сахибъ рѣшился на послѣдній

приступъ. День особенно благопріятствовалъ военному предпріятію: это былъ большой Магометанскій праздникъ въ честь Гуссейна сына Али. Послѣдователи его вѣрили, что павшимъ въ этотъ праздникъ на полъ брани отпустятся всѣ грѣхи, и они войдутъ прямо въ рай Гурій. Этотъ день Раджи избралъ для приступа. Упоительная зелья розданы солдатамъ для возбужденія ихъ фанатизма и они съ остервененіемъ бросились на крѣпость. Клейвъ, между тѣмъ тайно увѣдомленный о намѣреніи непріятеля, принялъ съ своей стороны всѣ мѣры къ оборонѣ; потомъ утомленный усталостію бросился на постель, но скоро пробужденный криками тревоги онъ побѣжалъ къ своему посту. Непріятель приближался, гоня предъ собою слоновъ, имѣющихъ на лбу желѣзные листы; полагали, что ворота крѣпости непременно уступятъ ударамъ этихъ живыхъ стѣнобитныхъ машинъ; но съ первыхъ выстрѣловъ Англичанъ животныя бросились назадъ, и потоптали своихъ вожатыхъ. Непріятель перебросилъ плотину чрезъ ту часть рва, въ которой еще была вода. Клейвъ примѣтя, что батарея, назначенная защищать это мѣсто, дѣйствовала дурно, самъ навелъ пушку и въ нѣсколько минутъ истребилъ плотину. Всюду, гдѣ ровъ былъ сухъ, осаждающіе отважно лѣзли на стѣны, но ихъ встрѣчали такимъ сильнымъ и такъ вѣрно направленнымъ огнемъ, что самые отчаянные фанатики должны были отступить. Послѣ трехъ жестокихъ покушеній осаждающіе отступили за ровъ. Сраженіе продолжалось часъ, непріятель потерялъ 400 человекъ, гарнизонъ только 6. Осажденные провели ночь въ мучительныхъ ожиданіяхъ новаго приступа, но по утру увидѣли поле пустымъ; лагерь былъ оставленъ и въ немъ найдено значительное количество запасовъ.

Извѣстіе объ этомъ успѣхѣ принято въ крѣпости Св. Георгія съ восторгомъ. Клейвъ возбудилъ этимъ

подвигомъ полное къ себѣ довѣріе. 200 Англичанъ и 700 Сипайевъ посланы къ нему въ пособіе, и съ этою маленькою арміею онъ тотчасъ началъ дѣйствовать наступательно. Овладевъ крѣпостію Тимери, успѣлъ присоединить къ своей арміи отрядъ Морари Роу, и усиленными маршами пошелъ атаковать Раджу-Сахиба, имѣвшаго подъ начальствомъ своимъ 5,000 человекъ, въ числѣ коихъ было 300 Французовъ. Схватка была жаркая и Клейвъ одержалъ полную побѣду; походная казна Раджи досталась побѣдителя; 600 Сипайевъ, бывшихъ въ его службѣ, перешли добровольно на сторону Англичанъ. Конджеверамъ сдался безъ выстрѣла; правитель Арни оставилъ Чунда-Сахиба и призналъ власть Магомеда-Али.

Еслибы Клейву ввѣрено было полное распоряженіе этою войною, то она скоро была бы кончена; но во всѣхъ операціяхъ Англичанъ, въ которыхъ не участвовалъ Клейвъ, видна была коммерческая робость и нерѣшительность. Маратты рѣшили между собою, что есть два рода Англичанъ, совсѣмъ различныхъ между собою, одни подъ командою Клейва, и другіе не состоящіе подъ нею. Слабость мѣръ дала возможность Раджи-Сахибу подойти съ войскомъ подъ самыя стѣны крѣпости Св. Георгія, грабить и опустошать города и сады колоніи. Клейвъ однакожь и здѣсь разбилъ его, болѣе ста Французовъ легло на мѣсть, и эта потеря была значительнѣе тысячи Индѣйцевъ. Отсюда побѣдоносная армія двинулась къ крѣпости Св. Давида. На дорогѣ находился пышный монументъ, воздвигнутый Дюплеси въ память побѣдъ Французовъ въ Индіи. Клейвъ разрушилъ до основанія и колонну и городъ, около нее выстроенный. Этого требовала здравая политика. Памятникъ съ его пышными надписями построенъ Дюплеси для обаянія толпы, и это обаяніе должно было уничтожить во что бы ни стало. Туземцы почитали Францію го-

сударствомъ первенствующимъ въ Европѣ, а Англію неспособною оспаривать это первенство; лучшимъ средствомъ уничтожить ложное мнѣніе было истребленіе памятника, свидѣтельствующаго о торжествѣ Французовъ.

Наконецъ правительство Мадраса, ободренное событіями, рѣшилось послать подъ начальствомъ Клейва сильный отрядъ для подкрѣпленія гарнизона Тричинополи. Но между тѣмъ маіоръ Лоренцъ возвратился изъ Англіи и принялъ начальство надъ войскомъ. Знавшіе прежде упрямый и непреклонный характеръ Клейва, думали, что онъ не уступитъ добровольно начальства, ознаменованнаго такими блестящими дѣлами. Но Лоренцъ умѣлъ быть прежде ласковымъ съ молодымъ человѣкомъ, отличалъ его, и Клейвъ, не смотря на жесткость своего характера, всегда чувствовалъ къ нему признательность. Онъ съ охотою вступилъ подъ начальство своего стараго друга, и на второмъ посту служилъ столь же ревностно, какъ и на первомъ.

Французы не имѣли въ Индіи человѣка, котораго можно было бы противопоставить этимъ двумъ воинамъ. Дюплеси, отличный въ другихъ отношеніяхъ, не зналъ ничего въ военномъ дѣлѣ, и не имѣлъ способнаго офицера. Англичане успѣвали всюду. Осаждашіе Тричинополи осаждены въ свою очередь, сдались и Чунда-Сахибъ попалъ въ руки Мараттовъ, которые его убили. Напрасно Дюплеси находилъ новыя пособія въ своемъ нестоицимомъ умѣ; изъ Европы онъ не получилъ помощи, политику его порицали, планы отвергли. Онъ пожертвовалъ своими богатствами, не щадилъ ни золота, ни обѣщаній, ни происковъ, чтобы воздвигнуть новыхъ враговъ правительству Мадраса; усилія его остались безуспѣшны. Власть Великобританіи возрастала медленно, но постоянно, власть Франціи упала. Здоровье Клейва

всегда слабое, и еще болѣе разстроенное въ Индіи отъ вліяній климата, понуждало его возвратиться въ Европу. Но прежде отъѣзда онъ еще оказалъ важную услугу Компаніи. Крѣпости Ковелонгъ и Чинглепуть были заняты Французскимъ гарнизономъ; положено было атаковать ихъ, но средства для этого опаснаго предпріятія были таковы, что одинъ только Клейвъ могъ предпринять этотъ подвигъ. Войско, ему ввѣренное, состояло изъ 500 Сипайевъ, только что набранныхъ, и двухъ сотъ рекрутъ, прибывшихъ изъ Англіи, изгнанныхъ изъ смирительныхъ домовъ, и принятыхъ Компаніею въ службу. Больной Клейвъ захотѣлъ изъ этого сброду сдѣлать солдатъ и повелъ ихъ къ Ковелонгу. Первый пушечный выстрѣлъ изъ крѣпости, убившій одного изъ нихъ, обратилъ прочихъ въ бѣгство, и Клейвъ съ большимъ трудомъ собралъ ихъ. Въ другомъ случаѣ ружейный выстрѣлъ такъ испугалъ часоваго, что онъ спрятался въ колодезь, гдѣ былъ найденъ чрезъ нѣсколько часовъ. Мало по малу однакожъ они привыкли къ опасностямъ и Клейвъ, находясь всегда въ самыхъ жаркихъ мѣстахъ, научилъ ихъ краснѣть своей трусости. Ковелать взяли. Отрядъ, посланный къ Чинглепуту, имѣлъ схватку по наставленію Клейва. Молодой капитанъ, продолжая свои успѣхи, осадилъ Чинглепуть, почитаемый самымъ крѣпкимъ мѣстомъ въ Индіи, и только хотѣлъ начинать приступъ, какъ Французскій комендантъ сдался. Клейвъ возвратился побѣдителемъ въ Мадрасъ, но состояніе здоровья его не позволяло ему оставаться долѣе въ Индіи. Въ это время онъ женился на молодой, прекрасной и любезной дѣвицѣ, и тотчасъ послѣ брака отправился въ Англію. Молодой повѣса, котораго отослали въ Индію, не зная, куда съ нимъ дѣваться, въ 27 лѣтъ былъ принятъ соотечественниками, какъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ въ государствѣ. По прибытіи въ Англію, онъ былъ предметомъ общаго любопыт-

ства и удивленія. Индѣйская Компанія благодарила его въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ за услуги и поднесла ему шпагу, осыпанную брилліантани. Но Клейвъ отказывался отъ этого знака признательности до тѣхъ поръ, пока подобный не былъ назначенъ маіору Лоренцу, его начальнику и другу.

Проживши около трехъ лѣтъ въ отечествѣ, Клейвъ снова обратилъ взоры къ Индіи; недостаточное состояніе заставляло его снова вступить въ службу, а Компанія, чувствуя въ немъ нужду, охотно его приняла. Клейвъ сдѣланъ правителемъ крѣпости св. Давида, а Король пожаловалъ ему чинъ подполковника Индѣйской арміи, и въ 1755 году Клейвъ отправился въ Азію.

Первымъ дѣломъ новаго подполковника было взять крѣпость Герію, притонъ разбойника Ангріа, котораго лодки разносили ужасъ на водахъ Арабскаго залива. Адмиралъ Ватсонъ, командовавшій морскими силами Англій на этихъ водахъ, сжегъ флотъ разбойника, между тѣмъ какъ Клейвъ осадилъ крѣпость съ суши. Она не долго противилась и добыча въ 150,000 фунтовъ стерлинговъ раздѣлена между побѣдителями. Скоро послѣ этого завоеванія Клейвъ узналъ новости, открывшія обширное поле его дѣятельному уму.

Изъ областей, принадлежавшихъ дому Тамерлана, богатѣйшая была Бенгальская. Ни одна часть Индіи не имѣла такихъ торговыхъ и земледѣльческихъ выгодъ. Гангъ, изливаясь въ море тысячею каналами, орошалъ своими разливами обширную равнину, вѣчно зеленѣющую сочною растительностію, не смотря на жары климата. Нигдѣ не было такихъ плодоносныхъ рисовыхъ полей; пряности, сахаръ, растительныя масла собирались также въ изобиліи. Сосѣдніе пустыне острова доставляли соль. Великая рѣка, оро-

шающая эту страну, служила въ тоже время лучшимъ путемъ для восточной торговли. На ея берегахъ находились богатѣйшіе города, величайшіе рынки, священныя мѣста, посѣщаемыя тысячами странниковъ. На Востокъ Бенгалію почитали райскимъ садомъ и народонаселеніе ея было чрезвычайно многочисленно, но народъ этой страны, ослабленный жарами климата, привыкшій къ сѣдичей жизни по занятіямъ своимъ шитьемъ и тканьемъ шелка или хлопчатой бумаги, столько отличался отъ прочихъ жителей Азій, сколько эти отъ смѣлыхъ и бодрыхъ сыновъ Европы. Бенгальцы дѣйствуютъ всегда съ лѣнью, всякое движеніе ихъ устрашаетъ, и хотя они очень задорны въ ссорахъ, однакожь рѣдко доходятъ до драки. Едва ли было когда нибудь сто Бенгальцовъ чистой крови, во всей Англо-Индійской арміи. Не было еще народа столь способнаго къ покорности всякому игу. Великія торговыя Европейскія компаніи имѣли съ давняго времени свои конторы въ Бенгаліи. Французы были и тогда въ Чандернагоръ на Гугли; ниже ихъ на томъ же рукавѣ Ганга, Англичане выстроили крѣпость Вилліамъ съ церковью, обширными магазинами и линіею прекрасныхъ домовъ, принадлежащихъ знатнѣйшимъ агентамъ Компаніи. Въ сосѣдствѣ находился Индійскій городъ полный дѣятельности, въ которомъ многіе изъ богатѣйшихъ купцовъ Индійскихъ основали свое пребываніе: это была Калькутта. Англичане, подобно всѣмъ Европейскимъ поселенцамъ, платили правительству поземельную пошлину и пользовались по этому извѣстнымъ покровительствомъ для своихъ владній.

Области Бенгалія, Орисса и Багаръ были управляемы намѣстникомъ Аливерди-Ханомъ, который, по примѣру другихъ намѣстниковъ Могола, сдѣлался независимымъ. Онъ умеръ въ 1756 году, и власть перешла въ руки его внука Сураджа-Довла, едва и-

мѣвшаго 20 лѣтъ отъ роду. Деспоты восточные составляютъ, можетъ быть, самую злую часть человеческого рода, и этотъ несчастный юноша отличался даже и между ними своими дурными наклонностями и еще худшимъ воспитаніемъ. Заранѣ ослабленный распутствомъ, преданный пьянству, окруженный людьми, выбранными изъ самаго низкаго класса, молодой Набабъ былъ уже на той степени ожесточенія, на которой варварство доставляетъ удовольствіе и зрѣлище мученій другаго безъ всякой пользы для себя, становится источникомъ пріятныхъ ощущеній. Съ самаго дѣтства Сураджа-Довла не терпѣлъ Англичанъ. Подростая, онъ составилъ себѣ преувеличенную идею о богатствахъ, которыя найдетъ ограбивши ихъ заведенія; его слабый умъ не могъ понять, что ежели бы богатства Калькутты были гораздо болѣе тѣхъ, какія онъ воображалъ себѣ, все бы они не могли вознаградить потери, какую онъ понесъ бы, принудивши торговлю Европейскую уйти изъ Бенгаліи. Предлогъ къ жалобамъ скоро нашелся; Англичане, готовясь воевать съ Французами, укрѣпили свои заведенія безъ позволенія Набаба. Богатый Индѣецъ, котораго молодой деспотъ хотѣлъ ограбить, нашелъ въ Калькуттѣ убѣжище и покровительство. Этого было достаточно, чтобы заставить Сураджу-Довла выступить противъ крѣпости Вилліама съ значительными силами. Въ Мадрасѣ агенты Компаніи, возбужденные высококомѣремъ и нападеніями Дюпlesi, сдѣлались разомъ и воинами и дипломатами; въ Бенгаліи они оставались простыми купцами. Приближеніе опасности привело ихъ въ ужасъ. Губернаторъ, слышавшій о варварствѣ Сураджа-Довла, потерялся и бросился въ лодку, рѣшась искать спасенія на первомъ суднѣ, какое встрѣтится; военный начальникъ почелъ за долгъ слѣдовать этому благоразумному примѣру; крѣпость взята по слабому сопротивленію, и большое число Англичанъ попали въ руки побѣди-

теля. Набабъ, сидя торжественно на пушкѣ факторіи, позвалъ къ себѣ Гальвелля, главнаго между плѣнными, укорялъ его въ ничтожествѣ сокровищъ, найденныхъ въ сундукахъ Компаніи, обѣщалъ впрочемъ пощадить жизнь плѣнныхъ, и ушелъ спать. Въ слѣдующую ночь совершенно злодѣяніе равно достопамятное и по своей жестокости, и по страшному наказанію, за нимъ послѣдовавшему. Стража, тяготясь плѣнными, рѣшилась запереть ихъ на ночь въ темницу гарнизонную, называемую Черная изба. Это было родъ башеньки, въ которой и одному было бы тѣсно; она была пространствомъ въ 20 квадратныхъ футовъ съ маленькими отдушинами полузасоренными. Тогда была середина лѣта: время въ Бенгаліи нестерпимое для Европейцевъ даже среди ихъ обширныхъ жилищъ, безпрестанно обвѣваемыхъ опахалами; а плѣнныхъ было 146 человекъ! Когда солдаты Набаба вели ихъ къ темницѣ, Англичане, полагаясь на обѣщаніе побѣдителя, думали, что ихъ хотятъ только поугать и принимали все это за шутку; несчастные скоро разувѣрились. Напрасно они хотѣли противиться; стражи грозили перерѣзать тѣхъ, которые не будутъ повиноваться; ихъ втокнули силою въ Черную избу и двери заперли. Положеніе ихъ было неописанно. Напрасно они старались выломить дверь, умоляли, сулили огромныя суммы тюремщикамъ; имъ отвѣчали, что Набабъ спитъ и разбудить его теперь не ловко. Несчастные, страдая отъ мученій и отчаянія, бились между собою за мѣста у окна, за каплю воды, имъ пропускаемую, въ насмѣшку надъ ихъ страданіями; они кричали, бранились, умоляли кончить ихъ муки выстрѣлами; вмѣсто отвѣта тюремщики, поднося факелы къ отверстіямъ, заглядывали въ нихъ и смѣялись громко надъ предсмертными страданіями ихъ жертвъ. Мало по малу ужасный шумъ утихъ и только изрѣдка слышны были глухія стenanія и тяжкіе вздохи. День наконецъ показался; Набабъ, у-

спокойный сонъ, приказалъ отворить темницу. Но чтобы оставшіеся въ живыхъ могли вытти, надобно было солдатамъ деспота очистить двери, заваленныя кучами тѣлъ, которые подъ вліяніемъ жаркаго климата уже начали гнить. Когда вытащили трупы, тогда вышли тихо одинъ за другимъ двадцать три живые трупа, такъ обезображенные страданіями, что ихъ не узнали бы матери. Вырыли на-скоро яму и бросили туда, какъ попало, 123 тѣла. Это злодѣяніе, о которомъ нельзя слышать безъ ужаса по прошедствіи 80 лѣтъ, не возбудило въ Набабъ ни малѣйшаго состраданія; онъ не наказалъ убійцъ и не обнаружилъ никакого участія къ оставшимся въ живыхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, правда, отпущены на волю, но это были все тѣ, за которыхъ тиранъ надѣялся получить выкупъ; другіе закованы въ цѣпи и отправлены во внутренность страны. Тамъ ихъ бросили въ скверныя лачуги, кормили зернами съ водою, пока предетательство родственниковъ Набаба не доставило имъ свободы. Одна Англичанка, вышедшая живою изъ Черной избы, взята въ гаремъ государя Муршедабадскаго. Сураджа-Довла доносилъ въ пышныхъ выраженіяхъ своему Титулярному Владыкѣ, султану Дели, объ этой побѣдѣ. Гарнизонъ оставленъ въ крѣпости Вилліама; Англичанамъ запрещено селиться въ сосѣдствѣ, и въ память великихъ дѣлъ Набаба, имя Калькутты перемѣнено на Алинагоръ, что значитъ: врата Божіи.

Вѣсть о взятіи Калькутты пришла въ Мадрасъ въ Августъ мѣсяцъ, и исторгла единодушный крикъ о мщеніи. Въ двое сутокъ рѣшено отправить экспедицію на Гугли, поруча сухонутныя силы Клейву; флотъ былъ подъ начальствомъ адмирала Ватсона; 900 человекъ Англійской пѣхоты и 1500 Сипайевъ составляли армию, назначаемую для наказанія государя, имѣющаго подданныхъ и денегъ болѣе, чѣмъ у

Короля Прусскаго или Императрицы Маріи-Терезіи. Экспедиція отправилась въ Октябрѣ, но за противными вѣтрами не могла притти къ мѣсту ранѣе начала Декабря. Послѣ своей побѣды, Набавъ возвратился въ Муршедабадъ, гдѣ жилъ среди удовольствій. Невѣжество его въ отношеніи къ чужимъ странамъ было таково, что онъ полагалъ въ Европѣ не болѣе 10,000 жителей, и былъ увѣренъ, что Англичане не отважатся напасть на него. Но ежели онъ не боялся Англичанъ, то по крайней мѣрѣ научился жалеть объ нихъ. Доходы его безпрестанно уменьшались, и онъ начиналъ понимать, что гораздо выгоднѣе покровительствовать торговлѣ, чѣмъ грабить сокровища, собранныя купцами. Когда онъ узналъ, что войска Англійскія прибыли на Гугли, онъ былъ уже расположенъ позволить Компаніи снова начать свои торговыя дѣла въ его земляхъ. Приближеніе непріятеля заставило его собрать войска въ Муршедабадъ и двинуться на-скоро къ Калькуттѣ.

Клейвъ между тѣмъ началъ дѣйствія съ обыкновеннымъ своимъ мужествомъ. Онъ взялъ Буджъ, разбилъ гарнизонъ крѣпости Вилліама, отнялъ Калькутту, осадилъ, раззорилъ городъ Гугли. Набавъ, расположенный сдѣлать всѣ уступки Англичанамъ, предложилъ возстановить конторы и вполнѣ вознаграждать ограбленныхъ купцовъ. Клейвъ былъ солдатъ; онъ чувствовалъ все униженіе входить въ сношенія съ такимъ варваромъ, какъ Сураджа-Довла, по власть его была ограничена. Комитетъ, составленный по большей части изъ агентовъ Компаніи, успѣвшихъ уйти изъ Калькутты, управлялъ дѣлами, а эти люди хотѣли скорѣе возвратить свои мѣста и богатства. Съ другой стороны правительство Мадраса, опасаясь новыхъ нападений со стороны Французовъ, ожидало съ нетерпѣніемъ возвращенія своихъ войскъ. Предложенія Набаба были выгодны; успѣхъ войны

сомнителенъ. Клейвъ долженъ былъ войти въ сношенія, хотя и съ большимъ сожалѣніемъ, что дѣло кончилось не съ такою славою, какъ онъ надѣялся.

Съ этихъ сношеній начинается новая глава въ жизни Клейва. До сихъ поръ въ немъ видѣли искуснаго воина, исполняющаго съ быстротою и храбростію порученія, ему данныя. Теперь онъ выступаетъ на поприще какъ человекъ государственный, и его послѣдующія воинскія дѣла, сколько бы блистательны ни были, подчиняются политическимъ видамъ. Въ этой новой роли Клейвъ оказалъ также великія дарованія, хотя сношенія, въ которыхъ онъ долженъ былъ принять участіе, запятнали его нравственную славу. — Нѣкоторые историки изобразили Клейва человекомъ, въ глазахъ котораго полезный обманъ былъ вещь обыкновенною. Это не совсѣмъ справедливо. Во всѣхъ своихъ сношеніяхъ частныхъ и публичныхъ Клейвъ оказывался врагомъ лукавства, смѣлымъ до дерзости, искреннимъ до оскорбленія, горячимъ въ дружбѣ, открытымъ во враждѣ. Ошибки, въ которыхъ его обвиняютъ, были слѣдствіемъ ложной мысли, что въ сношеніяхъ съ жителями Востока лукавство позволительно, потому что они сами имъ пользуются. Онъ зналъ, что Индѣйцы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что въ Европѣ называютъ честью; что обѣщать и не исполнить, ложно клясться, употреблять подкупы и обманъ — значитъ по ихъ понятіямъ быть искуснымъ, соблюдать свои выгоды. Это различіе въ нравственныхъ началахъ Азіи и Европы, поразившее Клейва, привело его къ заключенію, что онъ ни въ чемъ не уснѣетъ съ здѣшнимъ народомъ, руководствуясь правилами, ими непринятными, употребляя истину противу лжи, стараясь держать слово даже въ ущербъ своимъ выгодамъ, когда противники нарушаютъ свое подъ самыми ничтожными предлогами. И этотъ человекъ, исполненный чести и правоты во

всѣхъ прочихъ обстоятельствахъ жизни, становился коварнымъ съ Индѣйцами и безъ зазрѣнія совѣсти унижался до лжи, обманчивыхъ ласкательствъ, подвѣна документовъ, ложныхъ подписей.

Переговоры между Англичанами и Набабомъ были ведены двумя главными агентами: со стороны Англичанъ Ватсомъ, со стороны Набаба Бенгальцемъ Омичундомъ. Сей послѣдній богатый Индѣйскій купецъ, жившій въ Калькуттѣ, понесъ значительныя потери при взятіи этого города. Привыкши къ сношеніямъ съ Англичанами, онъ могъ служить лучшимъ посредникомъ между ними и Индѣйскимъ намѣстникомъ; притомъ же онъ пользовался большимъ уваженіемъ между своими соотечественниками и одаренъ былъ въ высокой степени всѣми качествами Индѣйскаго племени: тонкимъ, наблюдательнымъ умомъ, осторожностію, ловкостію, рабскимъ униженіемъ, обжорствомъ и лукавствомъ. — Набабъ велъ себя съ хитростію Индѣйскаго политика, и легкомысліемъ избалованнаго ребенка. Сначала онъ приблизился съ войскомъ къ Калькуттѣ; потомъ устрешенный твердостію Англичанъ, ушелъ и согласился на переговоры. Едва миръ былъ заключенъ, какъ онъ пачалъ тайно сноситься съ Французами Чандернагора, прося ихъ прислать войско изъ Деккана на Гугли и выгнать Англичанъ изъ Бенгаліи. Объ этомъ узнали Клейвъ и Ватсонъ и рѣшились дружнымъ ударомъ съ моря и суши взять Чандернагоръ. Успѣхъ былъ совершенный: крѣпость, гарнизонъ, военные запасы, все взято Англичанами, и около 500 Европейцевъ въ плѣнъ.

Между тѣмъ дурное правленіе Сураджа-Довла, его пороки и глуposti отвратили отъ него подданныхъ. Противъ деснота составлялся большой заговоръ, главами котораго были Ройдулубъ министръ финансовъ, Миръ Джеффіе главнокомандующій войсками и Джуггелъ-Сейтъ первый банкиръ Индіи. Тайна ввѣрена Ан-

гдѣйскіе агентамъ, и переговоры открыты между вельможными и комитетомъ Калькутты. Сначала члены комитета колебались въ нерѣшности, но Клейвъ своею твердостью и мужествомъ заставилъ молчать оппозицію. Рѣшено, чтобы Англичане помогли низложить Сураджу-Довла и возвести на тронъ Бенгаліи Миръ-Джеффіе. Гнусные пороки Набаба, жестокость его къ Англичанамъ, безпрестанныя опасенія Компаніи за свою торговлю были достаточнымъ побужденіемъ для такого рѣшенія. Но едвали можно оправдать Клейва за обманъ, употребленный имъ при этомъ дѣлѣ. Онъ написалъ къ Сураджа-Довла ласкательное письмо, которое усыпило его благоразуміе, и чрезъ того же курьера другое къ Ватеу съ увѣреніемъ, чтобы Миръ-Джеффіе ничего не опасался, что лучшія Ангдѣйскія войска идутъ день и ночь къ нему на помощь. Заговоръ, о которомъ знали столько лицъ, не могъ долго оставаться въ тайнѣ. Набабъ имѣлъ нѣкоторые подозрѣнія, но ловкій Омичундъ успѣлъ разуверить его. Потомъ онъ возбудилъ въ Англичанахъ опасенія извѣсны съ его стороны, и они чувствуютъ, что участь ихъ въ его рукахъ, такъ же какъ и жизнь Ватеа Миръ-Джеффіе и прочихъ, принуждены были согласиться на условія, отъ него назначенныя. Общали вознаграждать всѣ потери, понесенныя имъ въ Калькуттѣ; но сверхъ того онъ требовалъ непомерную сумму 300,000 ф. стер. за молчаніе. Устрашенный комитетъ не зналъ на что рѣшиться, но Клейвъ умѣлъ найтись противъ хитреца: онъ представилъ сочленамъ, что этотъ Индѣецъ плутъ, и что въ такомъ случаѣ надобно противопоставить хитрости хитрость, обещать ему все, чего онъ ни потребууетъ, и не исполнить ничего по окончаніи дѣла. Мнѣніе Клейва принято, и на него возложено исполненіе. Осторожный Омичундъ требовалъ, чтобы въ договоръ съ Миръ-Джеффіе была включена статья, обезпечивающая его требованія и хотѣлъ видѣть ее собственными глазами, Клейвъ на-

писалъ два экземпляра договора, одинъ на бѣлой, другой на красной бумагѣ; въ первомъ настоящемъ совсѣмъ не упоминалось объ Омичундѣ, во второмъ предложномъ включена была желаемая статья, и Омичунду показанъ былъ послѣдній экземпляръ; вышло еще затрудненіе: адмиралъ Ватсонъ не согласился подписать красный договоръ, а недостатокъ его подписи могъ возбудить подозрѣнія въ такомъ недоброумномъ чловѣкѣ, какъ Омичундъ, Клейвъ не колеблясь подписался подъ руку Ватсона. По окончаніи переговоровъ Ватсъ уѣхалъ тайно изъ Муршедабада. Клейвъ отправился къ войску, написавши къ Набабу письмо совсѣмъ уже въ другомъ тонѣ. Сураджа-Дола, видя намѣреніе Англичанъ, пошелъ со многочисленнымъ войскомъ къ Плессѣ. Съ Миръ-Джеффіе условлено было, чтобы онъ отдѣлился отъ Набаба съ своею дивизіею и присоединился къ Англичанамъ, но въ рѣшительную минуту страхъ превозмогъ честолюбіе, онъ отвѣчалъ неопредѣленно на домогательство Ангійскаго предводителя, и оставался безъ движенія. Клейвъ находился въ затруднительномъ положеніи, онъ не могъ полагаться на содѣйствіе союзника нерѣшительнаго, и сколько ни имѣлъ довѣренности къ себѣ и войскамъ своимъ, не могъ легко рѣшиться на сраженіе съ арміею въ двадцать разъ превосходившею числомъ его. Онъ собралъ военный советъ, и общее мнѣніе было уклониться отъ сраженія. Клейвъ колебался, но проведя часъ въ уединеніи подъ тѣнью деревъ, въ изкоторомъ разстояніи отъ стана, онъ почерпнулъ въ глубинѣ души своей обыкновенную свою твердость и рѣшительность и вышелъ оттуда съ непремѣннымъ намѣреніемъ сражаться; были сдѣланы всѣ пужныя приготовленія. На другой день армія его двинулась въ путь и къ вечеру была уже у Плесса въ милѣ отъ непріятели. Клейвъ цѣлую ночь не могъ сомкнуть глазъ; звукъ бубновъ и цимбалъ, раздававшійся въ станѣ Набаба,

могъ бы одинъ прогнать сонъ, еслибы не сдѣлала этого важность самыхъ предстоящихъ событій. Наконецъ утро настало и войско Набаба двинулось противъ Англичанъ. Сорокъ тысячъ пѣхоты, пятьдесятъ большихъ пушекъ везомыхъ слонами и нѣсколько меньшаго калибра, но болѣе опасныхъ, потому что при нихъ находились Французскіе артиллеристы, 15,000 избранной кавалеріи, не изъ слабаго поколѣнія Бенгальцевъ, но изъ храбрыхъ племенъ сѣверной Индіи, были противопоставлены 3000 человекъ, между которыми находилось только 1000 Англичанъ, остальные же были Сипайи, впрочемъ хорошо обученные по-Европейски и управляемые Англійскими офицерами. Съ первыхъ выстрѣловъ перевѣсъ былъ на сторонѣ Англичанъ, лучшіе офицеры Набаба пали, замѣшательство обнаружилось въ рядахъ, страхъ возрасталъ каждую минуту; наконецъ одинъ изъ заговорщиковъ совѣтовалъ Набабу бѣжать, и Сураджа-Довла, слѣдуя безъ размышленія этому лукавому совѣту, рѣшилъ судьбу сраженія. Индѣйское войско разсыпано Клейвомъ, убито только 500 человекъ, но лагерь, оружіе и весь багажъ достались побѣдителю. Потерявши только двадцать два человека, Клейвъ разбилъ 60,000 чел. и покорилъ государство, превосходившее обширностію и народонаселеніемъ Великобританію.

Спустя нѣсколько дней послѣ этой блистательной побѣды, Клейвъ вошелъ въ Муршедабадъ съ 200 Англійскихъ солдатъ и 300 Сипайевъ; ему отвели дворецъ, въ саду котораго свободно расположилось его войско. Миръ-Джеффіе немедленно возведенъ на престолъ. Клейвъ, сопровождавшій новаго Набаба въ церемоніи возшествія на тронъ, поднесъ ему, по древнему обычаю Востока, въ даръ золото, и обратясь къ Индѣйцамъ, наполнявшимъ залу, поздравлялъ ихъ съ избавленіемъ отъ тирана. Замѣчательно, что и въ этомъ случаѣ Клейвъ долженъ былъ употребить пе-

реводчика, потому что, не смотря на свое долге пребываніе въ Индіи и глубокое знаніе страны и характера народа, онъ никогда не могъ научиться выражаться свободно на чужомъ языкѣ, и очень часто долженъ былъ въ разговорѣ употреблять въ пособіе дурное нарѣчіе Португальское, которому выучился въ Бразиліи.

По утвержденіи новаго Набаба всѣ собрались у банкира Джуггелъ-Сейта. Омичундъ также пришелъ, не подозрѣвая обмана со стороны Клейва, который обходился съ нимъ по прежнему съ большимъ уваженіемъ и дружелюбіемъ. Во время чтенія договора, написаннаго на бѣлой бумагѣ, агентъ Компаніи, по приказанію Клейва, сказалъ Омичунду по-Индѣйски, что красный договоръ недействителенъ, и что его претензіи не будутъ удовлетворены. При этихъ ужасныхъ словахъ Омичундъ палъ безъ чувствъ на руки своихъ рабовъ, и когда пришелъ въ себя, увидѣли, что онъ помяшался. Напрасно Клейвъ, тронутый его положеніемъ, совѣтовалъ ему отправиться на богомолье для возстановленія здоровья, обѣщая употребить его по возвращеніи на службу Компаніи; ударъ былъ такъ силенъ, что несчастный Омичундъ впалъ мало по малу въ полное безуміе и умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ. Онъ былъ не последнею жертвою революціи Бенгальской: Сураджа-Довла, схваченный въ бѣгствѣ и приведенный въ чертоги новаго Набаба, былъ тамъ тайно умерщвленъ сыномъ Миръ-Джеффіе. Въ этомъ дѣлѣ Англичане не участвовали, и ихъ мнѣніе объ немъ такъ было всѣмъ извѣстно, что Набабъ почелъ обязанностію извиниться предъ ними въ томъ, что избавилъ ихъ отъ злѣйшаго врага.

Индѣйской Компаніи достались несметныя богатства. 800,000 ф. стер. отослано изъ Муршедабада въ крѣпость Вилліама. Раззоренная Калькутта скоро пришла въ прежнее состояніе; торговля возрастала со

дня на день; изобиліе и роскошь водворились въ домахъ Англичанъ. Въ этихъ обстоятельствахъ Клейву стоило только захотѣть, чтобъ обогатиться; сокровища Бенгаліи ему были открыты. Ходя между горами золота и серебра, на верху которыхъ стояли ящики, наполненные алмазами и рубинами, ему оставалось только выбирать: онъ взялъ отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Когда вѣсть о побѣдѣ Плесской получена была въ Лондонъ, Индѣйская Компанія изъявила Клейву всевозможные знаки уваженія и признательности и назначила его губернаторомъ всѣхъ своихъ владѣній въ Бенгаліи. Съ этой поры Клейвъ пользовался неограниченною властію, далеко превосходившею власть Дюплесси въ южной Индіи. Надобно отдать справедливость новому губернатору въ томъ, что власть свою онъ употреблялъ на пользу отечества. Дѣйствуя съ обыкновенною быстротою и мужествомъ, онъ послалъ экспедицію въ сѣверную часть Карнатика, низложить Французовъ, имѣвшихъ тамъ перевѣсъ. Эта экспедиція, вѣренная одному изъ офицеровъ Форду, еще неизвѣстному, но въ которомъ проникательность Клейва видѣла отличныя дарованія, была исполнена съ совершеннымъ успѣхомъ. Между тѣмъ какъ часть Англійскихъ войскъ была употреблена на это дѣло, одинъ изъ сыновей прежняго великаго Могола, поддерживаемый нѣсколькими сильными владѣтелями Индѣйскими, собралъ значительное войско и угрожалъ Миръ-Джеффіе. Слабодушный Набабъ хотѣлъ вступить въ переговоры, но Клейвъ, не позволивъ ему, выступилъ въ походъ съ 450 Англичанъ и 2,000 Сипайевъ; при ихъ приближеніи непріятель бѣжалъ, и въ нѣсколько дней силы, приводившія въ трепетъ Набаба, исчезли при одномъ имени Англичанъ. Наконецъ экспедиція, въ которой Клейвъ имѣлъ дѣло съ Европейцами, увѣнчала его новою славою и утвердила вла-

дичество Англичанъ въ Бенгаліи. Миръ-Джеффе, тяготясь опекою Англичанъ, и зная, что Индѣйцы не могутъ одолѣть ихъ, возбудилъ противъ нихъ Голландцевъ. Завидуя могуществу Англичанъ въ Бенгаліи, правительство Батавское снарядило 7 кораблей, которые неожиданно явились на Гугли съ 1,500 человекъ войска. Обстоятельства благопріятствовали нападенію на Клейва; большая часть его войска была въ сѣверномъ Карнатикъ, Набавъ благопріятствовалъ непріятелю и въ случаѣ успѣха обещалъ соединиться съ нимъ. Самъ Клейвъ подвергался наказанію отъ Англійскаго правительства за нарушеніе мира между Голландією и Англією и былъ въ опасности потерять свое имущество, отправленное въ отечество чрезъ посредство Голландскаго торговаго дома. Несмотря на все это, Клейвъ рѣшился съ обыкновенною смелостію своею отразить нападеніе, угрожавшее могуществу Англичанъ въ Бенгаліи. Голландцы, покусившіеся перейти Гугли, были разбиты на водѣ и на сушѣ, корабли ихъ взяты и войско разсѣяно. Побѣдитель приблизился даже къ кенторъ Голландской, и принудилъ начальниковъ факторіи къ договору, лишавшему Голландцевъ всякаго вліянія въ Бенгаліи. Чрезъ три мѣсяца послѣ этой побѣды Клейвъ былъ уже на пути въ отечество, гдѣ ожидали его новыя почести. Георгъ III принялъ его съ отличіемъ и возвелъ въ перы Ирландіи. Ораторъ Бурке превознесъ его подвиги въ своей рѣчи и вся нація гордилась славой своего военачальника, ставшаго наряду съ отличнѣйшими полководцами своего времени. Черезъ пять лѣтъ по прибытіи Клейва въ Англію, дѣла въ Бенгаліи приняли весьма опасный оборотъ, и дурное управленіе этою обширною областію дошло до такой степени, что сдѣлалось наконецъ неслыханнымъ. Главный порокъ заключался въ самой конституціи Индѣйской Компаніи. Чего можно было ожидать отъ общества офицеровъ, съ безпредѣльною вла-

стію среди сильныхъ искушеній, съ отвѣтственно-стію только предъ Компанією, которой члены испорченные, несвѣдущіе и несогласные между собою, находились въ такомъ разстояніи отъ подчиненныхъ своихъ, что надобно было по крайней мѣрѣ годъ или полтора года, чтобы получить отъ нихъ разрѣшеніе по дѣламъ. Жестокость собственно не была въ числѣ пороковъ Англійскихъ агентовъ, но и самая утонченная жестокость меньше бы сдѣлала зла въ Индіи, чѣмъ ихъ ненасытное корыстолюбіе. Они низложили свое твореніе Миръ-Джеффіе, и многочисленное народонаселеніе его области стало добычею этихъ извѣстителей. Агенты Компаніи захватили въ свои руки монополію внутренней торговли; принуждали Индѣйцевъ покупать дорого, продавать дешево; ругались безнаказанно надъ правительственными мѣстами и полицією страны; ничтожнѣйшій слуга агента почиталъ себя облеченнымъ властію своего господина, а господинъ былъ всемогущъ. Несмѣтные богатства были собраны въ Калькуттѣ, тогда какъ 30 милліоновъ жителей доведены были до крайней нищеты и отчаянія. Наконецъ разстройство дѣлъ въ Бенгаліи дошло до такой степени, что возбудило опасенія въ Англій. Общее мнѣніе было, что одинъ только Клейвъ можетъ спасти владѣніе, имъ созданное.

Клейвъ согласился принять на себя это трудное дѣло и отправился снова въ Азію въ Маѣ 1765 года съ титуломъ губернатора и главноначальствующаго владѣніями Англійскими въ Бенгаліи. Прибывши въ Калькутту, онъ увидѣлъ, что зло проникло гораздо глубже, чѣмъ онъ предполагалъ. Вотъ отрывокъ изъ письма его къ одному изъ его друзей, замѣчательный потому, что въ немъ говоритъ человекъ, мало склонный къ чувствительности: «Увы! я на-«шелъ здѣсь имя Англичанъ униженнымъ, и можетъ «быть обезчещеннымъ на вѣки. Я не могу удержать»

«ся отъ слезъ, которыя при этой мысли насильно «исторгаются изъ глазъ моихъ. Клянусь именемъ «того, который читаетъ въ сердцахъ и будетъ послѣ «судить дѣла мои, клянусь, что я прибылъ сюда съ «душею выше всѣхъ искушеній, и твердо рѣшился «искоренить эти ужасныя язвы, или пасть въ пред- «стоящей борьбѣ.» Клейвъ былъ вѣренъ своему объ- ту. Онъ пробылъ въ Индiи около полутора года, и въ это короткое время успѣлъ совершить самый трудный и самый спасительный переворотъ, какого только можно было ожидать отъ непоколебимой твердости и мѣтко направленныхъ усилій великаго государственнаго человѣка. Объ этой эпохѣ своей жизни онъ всегда воспоминалъ съ горделивымъ удовольствіемъ. Онъ зналъ, что начиная добросовѣстно истребленіе злоупотребленій, онъ вооружить противъ себя всѣхъ тѣхъ, которые ими пользовались, и понималъ, какъ велика будетъ ненависть тѣхъ, которые надѣялись въ нѣсколько мѣсяцовъ составить себѣ имуществу владѣтельныхъ князей, и останутся обманутыми въ этой сладкой надеждѣ по его распоряженіямъ. Но на сей разъ Клейвъ избралъ благородную роль, и собралъ всѣ силы духа, чтобы выполнить ее достойнымъ образомъ. Сначала онъ отчаялся въ успѣхѣхъ, но мало по малу препятствія начали уступать его желѣзной волѣ. Онъ запретилъ принимать подарки отъ Индѣйцевъ и производить частную торговлю агентамъ Компаніи, подъ самыми строгими взысканіями. Вся колонія массою возстала противъ этихъ мѣръ, но неумолимый губернаторъ объявилъ, что ежели онъ не найдетъ нужной опоры въ форть Вилліама, то будетъ искать ее въ Мадрасъ; отставилъ отъ должностей упорнѣйшихъ, остальные покорились необходимости, и въ короткое время все утихло. — Между тѣмъ Клейвъ очень хорошо видѣлъ, что злоупотребленія, вмѣ уничтожаемыя, были не такого рода, чтобы ихъ можно было уничтожить рѣшитель-

нымъ ударомъ одинъ разъ навсегда. Компания не давала достаточнаго содержанія своимъ агентамъ, такъ что оставаясь на одношь жаловань, они не могли имѣть даже тѣхъ удобствъ, какія для Европейца необходимы по тамошнему жаркому климату, еще менѣе могли сберечь что нибудь для будущаго; и потому съ давнихъ временъ укорѣнилось общее мнѣніе, что всякой вступающій въ службу Компаніи можетъ вести и собственную торговлю. Клейвъ, зная, что предварительное мнѣніе объ этомъ предметѣ не нашло отголоска въ Компаніи, и видя, что совѣтъ ея хочетъ оставаться при своемъ убѣжденіи, взялъ на себя такую мзру, которая впоследствии навлекла ему самое несправедливое порицаніе, но въ которой потомство его совершенно оправдываетъ: изъ монополии соли онъ доставилъ прибавку къ содержанію агентовъ, и распредѣлилъ ее между ними по соразмѣрности.

Усмиряя гражданскіе чины, губернаторъ долженъ былъ бороться и съ военными. Двѣсти офицеровъ, имъ недовольные, согласились вмѣстѣ подать просьбу объ увольненіи, полагая, что губернаторъ скорѣе уступитъ ихъ требованіямъ, нежели отпустить ихъ. Клейвъ потребовалъ подкрѣпленія изъ форта Св. Георгія, взялъ въ военную службу всѣхъ агентовъ по торговлѣ, которые захотѣли его поддерживать. Сипайи, всегда его боготворившіе, остались вѣрными; главные зачинщики возмущенія арестованы, суждены и разжалованы, младшіе прощены, наиболее виновные наказаны жестоко, но справедливо.

Искореняя злоупотребленія, Клейвъ въ то же время одерживалъ победы политикою. Прібытіе его въ Индію было знакомъ къ миру. Набавъ Ауда шелъ съ сильнымъ войскомъ къ границамъ Багара; опасались союза всѣхъ Индѣйскихъ владѣтелей; иня Клейва разсыпало ихъ соединенныя силы, какъ солнце

разсипаетъ туманы; непріятель униженно просилъ мира и принялъ всѣ условія, предписанныя губернаторомъ. Клейву легко было собрать царскія богатства, но онъ хотѣлъ собственнымъ примѣромъ заставить другихъ уважать правосудіе. Владѣтель Бенареса предложилъ ему великолѣпныя брилліанты; Набабъ Ауда упрашивалъ его принять значительную сумму денегъ и коробочку драгоцѣнныхъ камней; онъ отказался учтиво, но положительно, и что болѣе всего достойно замѣчанія, эти обстоятельства сдѣлались извѣстными только по его смерти. Принятіи однажды значительный подарокъ, Клейвъ принесть его тотчасъ въ даръ Компаніи: Миръ-Джеффе за вѣщаль ему алмазы и болѣе 60,000 ф. ст. деньгами. Клейвъ могъ легко принять ихъ, потому что отказы по завѣщаніямъ не входили въ разрядъ подарковъ, имъ запрещенныхъ. Онъ изъ завѣщаннаго сокровища составилъ капиталъ для пособія отставнымъ офицерамъ и солдатамъ, потерявшимъ силы на службѣ Компаніи. Этотъ капиталъ существуетъ и въ наше время подъ его именемъ.

Разстроенное здоровье Клейва потребовало наконецъ скорого возвращенія въ Европу, и къ концу Января 1767 года онъ оставилъ въ послѣдній разъ страну, на судьбу которой имѣлъ такое сильное вліяніе. Не смотря на услуги, имъ оказанныя, на сей разъ онъ не былъ принятъ съ прежнимъ восторгомъ своими соотечественниками. Множество причинъ соединилось противъ него, и несправедливыя нападки сократили его жизнь. Грабители, отъ которыхъ онъ избавилъ Бенгалію, преслѣдовали его неутомимо, клеветали на него всячески въ публичныхъ листахъ, и распространили о немъ самую ложную и предосудительную молву. Наконецъ его непріятели успѣли обвинить его передъ парламентомъ и требовали, чтобы поведеніе и управленіе его въ Бенгаліи было законнымъ образомъ изслѣдовано. При разсмотрѣніи

его дѣлъ, открылись нѣкоторые частныя поступки, его обвиняющіе, но въ то же время Парламентъ увидѣлъ, что губернаторъ Бенгаліи управленіемъ своимъ доказалъ великія дарованія и ревностное стараніе о пользахъ отечества, и рѣшилъ дѣло въ пользу Клейва. — Послѣ этого дѣла Клейвъ началъ слабѣть со дня на день; болѣзнь, нажитая въ жаркомъ климатѣ, заставляла его прибѣгать къ употребленію опиума, чтобы заглушить, хотя временно, свои страданія. Сплинъ, которому онъ былъ подверженъ въ разные періоды жизни, снова началъ его мучить, и въ одинъ изъ припадковъ этой роковой болѣзни, Клейвъ лишилъ себя жизни 22 Ноября 1774 года, когда ему хотѣли ввѣрить Сѣверо-Американскую войну. Ему было 49 лѣтъ.

=

III.

ГОМЕРЪ.

Есть литературныя произведенія и цѣлыя литературы, сдѣлавшіяся общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ народовъ. Зидительность, воздвигшая ихъ, составляетъ, безъ сомнѣнія, самую блистательную сторону чловѣческаго генія. Будучи выше всякихъ частныхъ преходящихъ интересовъ, волнующихъ эпохи и общества, они возвѣщаютъ людямъ одну вѣчную, чистую красоту, и потому служатъ живою школою искусства. Потому-то мы предположили, пользуясь лучшими источниками и пособіями и опираясь на идеалъ современной критики, знакомить между прочимъ читателей С. О. съ духомъ, значеніемъ и красотами подобныхъ литературныхъ произведеній, также какъ и съ характеромъ творцовъ ихъ, во всѣхъ родахъ. Такимъ образомъ независимо отъ свѣдѣній о важнѣйшихъ современныхъ явленіяхъ искусства и образованности, предъ ними будетъ раскрываться все великое и прекрасное, созданное вѣками минувшими. Эти историко-эстетическія обозрѣнія, по нашему мнѣнію, могутъ служить весьма важнымъ средствомъ къ развитію и образованію одной изъ благороднѣйшихъ потребностей сердца чловѣческаго — потребности изящнаго. Пусть умъ и опытъ вѣковъ дѣлаютъ у насъ умнѣе и опытнѣе въ священныхъ подвигахъ

искуства; чтобъ производить что нибудь истинно прекрасное, надобно прежде научиться понимать его и удивляться ему. Мелкое невѣжество ничего не видитъ далѣе своихъ собственныхъ покушеній и надеждъ и привыкаетъ думать, что и вся область изящнаго простирается не далѣе ихъ — между тѣмъ эта область неизмѣрима какъ міръ, какъ душа человѣческая, и когда увидишь все, воздвигнутое въ ней силами человѣческими, то какъ-то яснѣе и чище понимаешь то, что ~~самому~~ ~~должно~~ ~~дѣлать~~. — Въ прошедшей книжкѣ С. О. мы помѣстили статью объ Индѣйской эпопеѣ; теперь предлагаемъ читателямъ мысли о Гомерѣ, завистовавшаго изъ твореній Эдгера Кинга, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи представить имъ изображеніе *Иліады* и *Одиссеи*. Литература наша можетъ гордиться, усвоить себѣ одну изъ этихъ поэмъ такъ, какъ немногія литературы, опередившія насъ, успѣли усвоить се себѣ; мы говоримъ о превосходномъ Гнѣдичевомъ переводѣ *Иліады*. Между тѣмъ много ли у насъ знаютъ о Гомерѣ и твореніяхъ, приписываемыхъ ему? Можетъ быть, между прочимъ удастся намъ возбудить въ комъ нибудь желаніе познакомиться ближе и съ прекраснымъ трудомъ Гнѣдича, который къ стати же теперь переряженъ книгопродавцемъ Лисенковымъ изъ огромнаго и неудобнаго формата, въ легкую карманную книгу. Тѣ, которые въ поэзіи ищутъ жизни, а не стиховъ, право хорошо сдѣлаютъ, заглядывая иногда въ эту книгу; неужели же все жить въ этой сумрачной и удушливой атмосферѣ современной нашей, такъ называемой поэзіи? Почему не освѣжаться иногда чистымъ, благораствореннымъ воздухомъ горъ и полей, когда есть возможность? Читая *Иліаду*, действительно выходишь изъ этого душевнаго расслабленія, въ которое повергаетъ ее жалкое удоевіе нашими туманными мечтами, нашими полумыслями — всею этою *цибаритскою роскошью* безъ мощнаго движенія воды и

ума; мечтательно дѣлаешься здоровѣе и крѣпче сердцемъ, способнѣе принимаешь впечатлѣнія великихъ достойныхъ мужей и наконецъ понимаешь, что поэзія не есть дѣтская игра въ мечты и идеи, а жизнь и истина. Это значитъ возстановлять свои силы спасительнымъ врачеваніемъ природы, струями тѣлаго источника — силы, разстроенныя неумѣренными употребленіемъ утонченныхъ искусственныхъ благъ.

I.

Въ древности, желая доказать существованіе творца его созданіями, обыкновенно говорили: кто, видя странность эпоней, станетъ утверждать, что сочинитель ея никогда не существовалъ? Но что казалось древнимъ невозможностью, сдѣлалось очень обыкновеннымъ у докѣйшихъ критиковъ.

Изъ всѣхъ языческихъ вѣрованій, одно казалось несокрушимымъ: вѣрованіе, что былъ слѣпой старикъ, который назывался Гомеромъ и платилъ своимъ хозяевамъ за угощеніе пѣснями. Древность могла отказать отъ своихъ боговъ; но какъ повѣрить, что голосъ и теперь еще звучащій никогда не раздавался, что семь городовъ слорили о призракѣ, что великолѣпное пиршество чувства и фантазій, котораго остатки собралъ Эсхиль, было только ослѣпленіе; что этотъ мощный геній былъ мечта безъ существенности? — Да, въ наше время Хіоскій старецъ пораздобывалъ, нежели былъ когда либо на мыльныхъ дорогахъ Іоніи: вселенная по прежнему внимаетъ его пѣснямъ и отнимаетъ у него насущный хлѣбъ его — славу! Безсмертный пѣвецъ цѣлыя три тысячи лѣтъ странствовалъ и дѣлъ на порогъ всѣхъ народовъ. Всѣ вѣрили ему; всѣ умывали его ноги, съ почтеніемъ прикасались къ его одеждѣ; и онъ шелъ, изъ

въка въ вѣкъ, принимая отъ каждаго новаго народа новый вѣнокъ. Теперь ужь поздно считать его за призракъ, и срывать съ его маститаго чела вѣнецъ, въ который вплетено столько лавровъ.

Вопросъ о существованіи Гомера составляетъ предметъ не одного простаго любопытства: на рѣшеніи его основываются всѣ начала поэзіи, всѣ системы литературной критики. — То, что будетъ принято за истину въ отношеніи къ Гомеру, можетъ быть при-мѣнено къ другимъ именамъ, къ другому времени и народу, и должно сдѣлаться общимъ закономъ. Потому-то въ наше время ни объ одномъ предметѣ исторіи литературы не спорили такъ упорно, какъ о Гомерѣ.

Существованіе Гомера рѣшительно отвергнулъ прежде всѣхъ Вико — тотъ самый, который встрѣчается при вступленіи на всякую философическую дорогу, этотъ Титанъ, отворяющій и запирающій двери сновидѣній. — Онъ началъ съ того, что представилъ Гомера отвлеченнымъ понятіемъ. Онъ превратилъ его въ эхо древней Греціи: въ эхо божественнаго слова, въ голосъ толпы, никому не принадлежащій, душу временъ героическихъ, когда всѣ были рапсоды. Эта дерзкая метафизика мало занимала современниковъ Вико: слѣпой старецъ стоялъ неподвижно на своемъ подножіи, и никто не понималъ еще тогда, сколько можно выиграть сомнѣніями, съ первой минуты принимающими тонъ оракуловыхъ вѣщаній.

Но сигналъ былъ поданъ; не прошло и столѣтій, какъ Нѣмецкій критикъ Вольфъ принялъ теорію *новой науки* (Scienza nuova). За долго прежде него, Александрійскіе комментаторы нашли въ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ* мѣста поддѣльные, анахронизмы языка и правовы; и не одинъ стихъ носить еще на себѣ оскорбительный знакъ руки Аристарховой. Къ этой критикѣ подробностей, Вольфъ прибавилъ разборъ полнаго развитія Гомеровыхъ поэмъ, въ отношеніи

къ ихъ стройности и послѣдовательности. Въ нападкахъ своихъ на лице Гомера, онъ особенно опирался на то, что, по его мнѣнію, письменное искусство стало извѣстно Грекамъ гораздо позже пѣвца *Иліады*. Невозможно, говорилъ онъ, чтобы одинъ и тотъ же поэтъ сочинилъ одну и ту же эпопею по планамъ несоответственнымъ другъ другу, и чтобы поэмы такія длинныя могли быть сочинены, выучены и передаваемы изъ рода въ родъ безъ пособія письменнаго искусства. Для устраненія всѣхъ этихъ несообразностей, Вольфъ придумалъ гипотезу: по его мнѣнію, гомерическія поэмы не иное что, какъ рядъ народныхъ пѣсень; сочинителей ихъ было много, и каждый вдохновлялся по своему. Общаго между ними — только предметъ пѣсень, да Греческій геній. Даже такихъ рапсодовъ нельзя считать лицами одного времени; можетъ быть они также чада нѣсколькихъ столѣтій. Впрочемъ, имя этого племени *рапсодистовъ* осталось неизвѣстнымъ, или скорѣе — имена отдельныхъ лицъ поглощены родовымъ названіемъ Гомера, названіемъ столь славнымъ, что невозможно дать его одному лицу. Въ подтвержденіе этой гипотезы приводили таинственность жизни Гомера, эмблематическое значеніе его имени, очень извѣстную наклонность древнихъ къ символамъ и отсутствіе у нихъ исторической критики. Посему всего естественнѣе казалось бы принять за истину, что народные пѣсни были собраны и соединены въ эпопеи при Пизистратѣ. Такимъ предположеніемъ легко объяснятся и несвязность поэмъ и этотъ характеръ священной важности, какую приписывала имъ древность.

Изъ принявшихъ это мнѣніе тѣ, которые были хорошо знакомы съ исторіею среднихъ вѣковъ, прибавляли, что примѣры созданій подобнаго рода существовали и во времена христіанскія. Въ доказательство приводили: Нѣмецкія пѣсни, собранныя Карломъ Великимъ, романсы о Сидѣ, арабскіе *диваны*

(сборники). Открытія въ исторіи рыцарскаго времени, по видимому, бросили новый свѣтъ на загадку о Греческой эпопее.

Мнѣніе Вольфа прельщало своей простотой, и притомъ неожиданно открывало обширное поле для догадокъ; выводя умы изъ привычной колси, оно давало полный разгулъ и учености и воображенію. По этому легко себѣ представить, съ какимъ восторгомъ современники Вольфа приняли его мнѣніе о Гомерѣ. Нѣсколько лѣтъ онъ пользовался торжествомъ, подобно Макферсону: какъ будто онъ открылъ самыя поэмы, придавши ихъ происхожденію такое неожиданное толкованіе. Тогда-то обнаружилась легкость, съ какою самыя глубокомысленныя ученые Германіи, пресыщенные существенностію, увлекаются блестками воображенія. Ипотеза Вольфа была принята за аксіому новѣйшей критики. Каждый дѣлилъ, разлагалъ, анатомировалъ по своему Іонійскія рапсодіи. Тогда-то члены поэта были разбросаны по всѣмъ горамъ Эракии. Одни отвергали начало Іліады, другіе — шесть послѣднихъ книгъ. Если кто возставалъ противъ такой дерзости, его голосъ былъ тотчасъ заглушаемъ криками нововодителей: на ихъ сторонѣ были ученость и увѣренность. *Пролегомены* Вольфа появились въ свѣтъ 1795 года, и Французскій конвентъ не съ такимъ жаромъ, за два года передъ тѣмъ, стремился низвергнуть монархію политическую, какъ этотъ конвентъ ученыхъ трудился надъ низверженіемъ въ лицѣ Гомера древней и законной монархіи поэтической. — Люди болѣе умѣренные думали, что составленію Гомеровыхъ поэвъ въ настоящемъ видѣ предшествовалъ первоначальный планъ, который изъ вѣка въ вѣкъ развивался, пополнялся и совершенствовался. Таково было мнѣніе умѣренныхъ; оно было быстро распространено и на другіе памятники древности Восточной и Греческой; вся организація древняго міра была потрясена

и многимъ изъ знаменитостей его грозила опасность быть уничтоженными, принятыми за грезу человечества.

Но какого мнѣнія держались поэты въ такомъ вопросѣ, въ которомъ ихъ приговоръ долженъ имѣть вѣсь? — Большею частію противнаго! Никогда Гердеръ и Шиллеръ не соглашались съ предположеніемъ Вольфа. Гёте возставалъ противъ него открыто; Фосъ тоже. Въ Англіи на Нѣмецкую теорію нападалъ поэтъ Кольриджъ. Во Франціи мало занимались этимъ вопросомъ: Франціи 1795 года было довольно работы съ своими собственными развалинами — ей было не до того!

Много лѣтъ прошло, прежде, чѣмъ между учеными образовалась въ этомъ дѣлѣ реакція. Если направленіе истинныхъ поэтовъ не было измѣнено новою системой, — не критика тому виной. Критика Греческая основывалась на личности Гомера, следовательно вмѣстѣ съ нимъ низвергалась и пѣтика древнихъ; въ первый разъ начали серьезно угрожать ихъ литературнымъ законамъ въ самомъ основаніи. Отрицая существованіе Гомера, достигали двойнаго результата: перемѣняли вдругъ исторію и теорію, то есть прошедшее и будущее. Такой результатъ удивительно согласовался съ смѣлымъ полетомъ новаго искусства. Чтобы подорвать авторитетъ Аристотеля, свести Гомера съ его трона. Но гипотеза Вольфа, прошедши все свои фазы, должна была остановиться; эта хваленая система представляла въ самой себѣ трудности непреодолимыя. Въ наше время нѣкоторые изъ самыхъ пламенныхъ защитниковъ этой системы оставляютъ ея знамена и принимаютъ мнѣніе своихъ прежнихъ противниковъ; возвращаются къ Гомеру, потому что безъ него ничего нельзя рѣшить. Вмѣстѣ съ теоріею Вольфа колеблются и многія другія системы, напримѣръ Нибурова — о первыхъ временахъ Рима; и я боюсь, что скоро наступитъ

время, когда земля покроется развалинами господствующихъ нынѣ ипотезъ, которыя изгоняли жизнь изъ исторіи и искусства, замѣняя лица отвлеченными понятіями и силами.

II.

Творенія Гомера въ теченіе продолжительнаго своего существованія претерпѣли столько перемѣнъ, что исторія ихъ могла бы составить длинную Одиссею. Прежде всего встрѣчается таинственное имя Гомера. За нимъ слѣдуютъ цѣлыя поколѣнія людей, которые занимались только *передачею* его пѣснопѣній: гомериды, аэды (aedes), рапсоды, потомъ схолиасты (комментаторы) и грамматика Александрійскіе. Каждое изъ этихъ именъ служитъ представителемъ весьма различныхъ обстоятельствъ и эпохъ. Гомериды, причислявшіе себя къ фамиліи Гомера, образовали какъ бы династію поэтовъ, наследовавшихъ отъ своего родоначальника пѣсни и передававшихъ ихъ изъ рода въ родъ. Они и сами были нечужды вдохновенія времени героическихъ. Тоже самое можно сказать и объ аэдахъ. Замѣнившіе ихъ рапсоды ограничивались уже однимъ изученіемъ пѣсень и чтеніемъ ихъ передъ толпами слушателей. Изъ ихъ-то усть, какъ говорятъ, Пизистратъ приказалъ собрать сочиненія Гомера. Что Пизистратъ сдѣлалъ для Аѳки, то другіе города, конечно, дѣлали для себя, и ничто не доказываетъ, чтобы сборники — Марсельскій, Хиосскій, Аргосскій, Синопскій, Кипрскій и Критскій — были только копіями съ Аѳинскаго. Диаскеасты (diaskeastes) составляли переходъ отъ рапсодовъ къ Александрійскимъ грамматикамъ, при которыхъ текстъ Гомера утвердился; цари Македоніи и Египта писали на него коментаріи; были и такіе люди, которыхъ имя остается безсмертнымъ, потому только, что они представили удареніе въ стихахъ Гомера.

Теперь представьте себѣ всѣ перемѣны, какиѣ подвергались эти безсмертныя пѣсни, переходя черезъ столько рукъ, — вы вмѣсто того, чтобъ поражаться несообразностію нѣкоторыхъ частей съ идеей цѣлаго, невольно будете удивляться, что несообразностей еще такъ мало! Подумайте только, сколько должны были они претерпѣть измѣненій отъ произвола пѣвцовъ и фантазіи рапсодовъ, отъ соперничества разныхъ государствъ, отъ тщеславія городовъ, которые произвольно измѣняли разсказъ поэта, чтобы польстить собственному самолюбію; представьте себѣ, сквозь какую даль вѣковъ должны были пройти эти пѣсни неписанныя, и вы, конечно, изумитесь, что въ эпопеяхъ Гомера сохранилось столько единства и стройности. Не должны ли вы будете заключить, что такое единство и стройность суть плодъ ума геніяльнаго, когда и столько измѣненій не уничтожили ихъ. Скажутъ: эта связность и стройность были дѣломъ Пизистрата; — если это правда, то Пизистратъ былъ величайшимъ поэтомъ: чтобы слить въ одно цѣлое разнородныя части, чтобы согласить столько рапсодій и привести въ одну систему столько различныхъ вдохновеній, составить изъ этихъ отрывковъ созданіе полное и прекрасное, исполненное естественности и истины, для этого нужно имѣть больше геніяльности, чѣмъ сколько когда либо приписывали Гомеру. Это было бы чудо.

Но это не единственная трудность. Ежели творенія Гомера составлены изъ собранія пѣсень различныхъ, но равносильныхъ поэтовъ, почему отъ нихъ не осталось ничего болѣе, кромѣ этихъ небольшихъ эпизодовъ Иліады и Одиссеи? Александрійцы собрали въ своихъ школахъ цѣлый рядъ поэмъ, служащихъ продолженіемъ другъ другу и обнимающихъ весь кругъ преданій о войнѣ Троянской. Творцы ихъ отъ того и названы циклическими. Тамъ были между прочимъ Титаномахія, Данаида, Амазонія, Эдипъ

Илида, малая Илида, взятіе Иліона, Телегонія. По-
 дожимъ, что эти поэмы были подлинныя, и что ни
 одна изъ нихъ не создана запоздалымъ вдохновеніемъ
 Александрійцевъ; и вотъ полное преданіе героиче-
 скихъ временъ, составляющее огромную поэму, на
 подобіе Индѣйской. Но скажите, прошу васъ, поче-
 му среди этого множества однородныхъ эпопей, дре-
 вность внемлетъ только Гомеру? Почему она съ такою
 заботливостію отличаетъ его отъ подражателей, и по-
 чему Пизистратъ, желая составить полный сводъ пре-
 даній о вѣкахъ минувшихъ, отбросилъ все это со-
 браніе, избравши только пѣсни Илиды и Одиссеи? Е-
 жели все это зданіе поэзіи составляло съ Гомеромъ
 однородное цѣлое, вопреки положительнымъ увѣра-
 ніямъ Аристотеля, то почему бы представитель пер-
 венствующей Греческой республики сталъ приво-
 дить въ движеніе всѣ средства Атики, чтобы изъ
 народной поэмы избрать только два отрывка, чуждые
 мѣстнымъ преданіямъ Аѣинъ? А ежели, согласно съ
 мнѣніемъ древности, всѣ прочіе такъ называемые ди-
 клическіе поэты прозябали только у ногъ Гомеро-
 выхъ, то откуда такая разность? — Естественнo отъ
 различія и превосходства генія одного надъ всеми
 другими. Этого слѣдствія хотѣли избѣгать позднимъ
 доустановленіемъ поэтовъ циклическихъ, наперекоръ
 мнѣнію отдаленной древности. Надобно избрать или
 Аѣины или Александрію. Сколько трудностей и пре-
 селочныхъ дорогъ, чтобъ дойти до чуда! Сомнительно,
 чтобы труднѣе было поддерживать преданіе о той про-
 стотѣ, въ какой оно принимаемо было такъ долго
 здравымъ смысломъ человечества. Въ самомъ дѣлѣ,
 что можно противопоставить этимъ очевиднымъ и
 неразрывнымъ противорѣчіямъ? Чѣмъ можно опро-
 вергнуть единство Гомера? — Затрудненіемъ составить
 такія поэмы безъ пособія искусства письма. Это пред-
 доложеніе основано на ложномъ понятіи о тѣхъ спо-
 собахъ, какими пользовались древніе поэты при сочи-

ионій оронкъ жъсенъ. Не надобно забывать, что пѣніе составляло тогда нераздѣльную часть ихъ искусства, средство для сохраненія и передачи произведеній, какъ письмо въ средніе вѣка, книгопечатаніе въ наше время. Я не знаю, почему представляютъ обыкновенно древнихъ поэтовъ, будто они, подобно нашимъ, одинокіе съ ихъ вдохновеніемъ, печально хранятъ тайну своего творенія, пока оно не будетъ кончено. Ничего не бывало: они никогда не отдѣлялись отъ народа. Они жили среди звучной атмосферы, въ которой каждое слово ихъ тотчасъ разносилось; едва пропѣли они расходію, какъ тысячи памятей овладѣвали ею, тысячи голосовъ повторяли ее и передавали другъ другу. Въ этомъ живомъ отзвучіи состоялъ способъ обнаруженія древнихъ. Можно допустить, что поэмы Гомеровы составлялись отрывками, то есть, что Греческій поэтъ не собиралъ ихъ разомъ въ своей памяти, какъ нынѣшніе собираютъ листы въ книги. Они не составляли книгъ; а между тѣмъ говоря объ этикъ внаставныхъ поэтахъ, ни какъ не могутъ забыть о пособіяхъ нынѣшней писанной литературы. Каждая пѣсня была слышана, востушала въ область народныхъ преданій. Тамъ поэтъ находилъ ее снова, когда имѣлъ въ ней надобность. Вокругъ него все жило его твореніемъ, все воспроизводило его и возвращало творцу. Нужны ли были ему писанные листки, чтобы снова найти пѣснь давно сложенную? Онъ могъ читать ее въ памяти окружающихъ. Въ этомъ смыслѣ можно допустить мнѣніе Вико, что Иліада и Одиссея созданы народомъ Греціи. Въ самомъ дѣлѣ, народъ трудился столько же, какъ и поэтъ: поэтъ слалъ, народъ передавалъ; одинъ былъ голосъ, другіе эхо. Весь Греческій народъ былъ открытою книгою, на страницахъ которой поэты первыхъ временъ писали день за день свои негибнушія творенія.

Подобнымъ образомъ выходилъ Коранъ. Каждая глава его распространяла на Востокъ господство но-

выхъ религиозныхъ понятій , какъ каждая рапсодія пополняла мало по малу идеи Греческаго искусства. Даже въ наше время мы имѣемъ подобный примѣръ. Кто бы сталъ сомнѣваться, если бы ему сказали, что первыя пѣсни Беранже могли укорениться въ публикѣ одна за другою посредствомъ одного пѣнія? Ему очень возможно было сочинять и обнародовать свои творенія безъ всякаго пособія книгопечатанія. Примѣните этотъ примѣръ къ Грекамъ, и вы поймете способы, какими пользовались первые поэты къ распространенію и увѣковѣченію своихъ пѣсней.

Не будемъ спорить съ Вольфомъ, что начало письменности у Грековъ относится ко временамъ не слишкомъ къ намъ близкимъ. Не менѣе однакожъ достоверно, что обычай пѣть рапсоды былъ достаточенъ для сохраненія поэмы. Стихи Гомера учили какъ исторію, какъ народное преданіе, и передавали ихъ какъ наследство изъ поколѣнія въ поколѣніе. Соперничество пѣвцовъ ручалось за подлинность. Старались не только пѣть лучше другихъ, но и имѣть стихи лучшіе, полнѣйшіе, правильнѣйшіе. Сначала рапсодисты ближайшіе къ поэту пѣли подъ звукъ инструмента. Эту музыкальную часть можно представлять себѣ какъ прелюдію, или какъ самый простой аккордъ при непрерывномъ речитативѣ. Во всякомъ случаѣ она служила средствомъ для поддержанія голоса пѣвца, который болѣе удерживала въ тонѣ, чѣмъ украшала мелодіей. Позже рапсодисты оставили лиру, и приняли на мѣсто ея лавровую вѣтвь. Теперь пѣніе уничтожено письмомъ.

Положимъ, возразятъ намъ, что эти поэмы могли быть выучены рапсодистами, да гдѣ найти слушателей, которые бы могли выдержать ихъ до конца? Но эти поэмы такъ же точно не были пѣты въ одинъ пріемъ, какъ не были сочинены за одинъ разъ. Поэзія для древнихъ была необходимымъ условіемъ жизни, Она сопровождала всякій случай: утро, вечеръ,

пиршество, праздникъ, работы, свадьбы, свиданіе, разлуку. Въ этой упоительной цвѣтущей жизни вниманіе такъ же мало истощалось, какъ и пѣсни. Въ странахъ Греціи сохранились и до сихъ поръ остатки древней страсти къ пѣснямъ. Въ Моревъ, недалеко отъ Мистры, жилъ Клефть, который каждую весну на извѣстномъ мѣстѣ пѣлъ народныя пѣсни новѣйшей Греціи, и слушатели всегда собирались толпою. Въ Неаполѣ есть импровизаторы, читающіе стихи въ продолженіи цѣлаго года. Начатая повѣсть не оканчивается въ тотъ же день, и часто тянется болѣе недѣли. Это даже ихъ уловка. Толпа приходитъ къ назначенному мѣсту заранее, и ни ненастье ни зной не разгоняютъ ее. Эти импровизаціи, за которыя народъ платитъ, продолжаются каждый день три или четыре часа. Предположите теперь въ Грекахъ Аѳинъ, Сиракузъ, Хио, Цикладъ, ту же степень поэтического любопытства, какую находимъ въ южныхъ народахъ, и подъ рубищемъ Лазарона, вы легко поймете, какимъ образомъ одинъ и тотъ же пѣвецъ можетъ пропѣть въ день тысячу стиховъ; такимъ образомъ поэмъ Гомеровыхъ едва ли достанетъ одному рhapsодисту на мѣсяць.

III.

Впрочемъ трудно допустить, чтобы Иліада и Одиссея были не болѣе, какъ народныя пѣсни. Это національныя поэмы: но онѣ очевидно превышаютъ силы инстинкта, предоставленнаго самому себѣ. Сравните всѣ пѣсни, вызванныя чисто народнымъ вдохновеніемъ, и скажите, есть ли хоть въ одной изъ нихъ эта окончательность поэзіи Гомерической? Въ какой изъ нихъ найдется что нибудь похожее на эту полноту сказанія, на эту плавность, величественный тонъ, на эту строгость мысли? Стихъ Гомера рожденъ вдохновеніемъ народа; онъ сохраняетъ форму и нѣкоторыя

привычки его, но уже носятъ печать искусства усовершеннаго; онъ уже вышелъ изъ толпы. Царей узнають по ихъ царской поступи.

Поэмы Гомера не только принадлежать къ поэзиі обработанной, но предполагають еще искусство, задолго имъ предшествовавшее. Поэты, до него бывшіе, останутся навсегда неизвѣстными; ничто не подыметъ завѣсы, покрывающей воспоминаніе объ нихъ; но между ними, безъ сомнѣнія, были великіе и могущественные.

Онъ овладѣлъ ихъ сиротствующими пѣснями и исполнилъ дѣло, приписываемое Пизистрату. Онъ только не сшивалъ этихъ раисодій случайно; онъ внесъ въ свое твореніе прошедшія славы, и въ этомъ состоитъ его величіе. Въ его имени содержится много именъ, въ этомъ не сомнѣваются. Это имена людей, которыхъ память онъ невольно похитилъ. Такъ точно поэтъ Персидскій Фердусси собралъ преданія, ему предшествовавшія; такъ Аріостъ, измѣнивши, собралъ творенія трубадуровъ, пѣсни о Карлѣ Великому и рыцаряхъ круглаго стола. Ушли отъ забвенія только два или три имени. Тамирисъ могъ быть для Гомера тѣмъ, чѣмъ Боярдо былъ для Аріоста.

Иліяда и Одиссея не означаютъ начала Греческой жизни. Судя по характеру этихъ эпопей, они скорѣе служатъ свидѣтельствомъ эпохи прошедшей, и заключеніемъ погибшей древности. Они на границѣ двухъ міровъ: кончившагося и начинающагося. Погибшій былъ міръ священства и царей, раждающійся міръ аристократіи и демократіи. Спарта и Аѣнны смѣнили Мицену. Бореніе элементовъ, образовавшихъ Греческій характеръ, кончено было уже при началѣ поэмъ. Троя основана прежде ихъ; они говорятъ только о паденіи ея. Старый раисодистъ выходитъ не изъ колыбели міра, онъ сидитъ уже на развалинахъ его.

Чтобы измѣрить времена, ему предшествовавшія, довольно взглянуть на боговъ. Въ самомъ дѣлѣ, не въ одинъ же день Гомеровъ Юпитерь изшелъ во всеоружіи изъ вѣрованій міра. Кто скажетъ, сколько надобно было лѣтъ, чтобы его Венера вышла изъ воды, и чтобы цародъ соткалъ ей поясъ? Сколько преобразований должны были претерпѣть эти боги сумрачной эпохи Сатурновой, прежде нежели ступили съ улыбкою на порогъ своихъ мраморныхъ храмовъ? Каждый изъ нихъ есть статуя, медленно изходящая изъ грубаго куска первоначальныхъ вѣрованій. Сколько поколѣній медленно работали въ этой огромной мастерской героическихъ временъ, прежде нежели вѣрованія пополнились, и каждое божество было поставлено на приличномъ ему пьедесталѣ? Чтобы явиться въ полной красотѣ своего творенія, Греція разбила первыя свои созданія. Гомеръ уже далекъ отъ древнихъ вѣрованій. Его Олимпъ не есть уже Олимпъ прежнихъ дней, и вотъ почему вѣроятно Платонъ называетъ его растлителемъ религіозныхъ догматовъ. Между новѣйшими ближе всѣхъ подходитъ къ нему Рафаэль. Онъ также уклонился отъ преданія. Онъ прямо отказался изображать предметы по прежнему образцу, долго хранимому искусствомъ среднихъ вѣковъ. Гомеръ и его предшественники измѣняли естество и видъ боговъ прошедшихъ временъ. Каково бы ни было происхожденіе ихъ, они дали имъ профиль Греческаго генія и одѣли ихъ пурпуромъ царей Аргоса, Орхомены. Это была ересь, но она сдѣлалась вѣрою для будущихъ временъ. Орфей смѣненъ Гомеромъ, жрецъ художникомъ.

Въ послѣднее время долго и жарко спорили о формѣ и смыслѣ древней религіи, существовавшей до Гомера. Откуда пришли эти боги? Изъ Греціи или съ Востока? Древнимъ жрецамъ приписывали глубокое знаніе, скрытое подъ символами. Можно думать, что

въ колыбель религій внесено было то, что встрѣчается только при ихъ упадкѣ.

Первые жрецы Греціи были и первыми вѣрующими; и когда они провели черту разграниченія между догматомъ и смысломъ естественнымъ, вѣра была уже низвержена. Мысль, что эти первыя эпохи болѣе всего отличались простотою, навязывается сама собою.

Какъ бы то ни было, истинное значеніе Гомера состояло въ томъ, чтобъ быть выраженіемъ единства народовъ Греціи. Всѣ эти враждующія племена, различныхъ нравовъ, вѣрованій, постановленій, сближаются подъ покровительствомъ великаго имени Гомера. Отрывочныя пѣсни безъ плана и порядка, никогда не произведутъ этого. Ежели бы въ эту поэзію проникло различіе, разъѣлявшее между собою народы и племена, то въ ея произведеніяхъ скорѣе бы отозвались беспорядокъ и политическія несогласія этихъ маленькихъ державъ, нежели стройность и мудрость, какимъ древній міръ удивлялся въ твореніяхъ своего поэта. Были рапсоды Дорійскіе, Іонійскіе; аристократія боролась съ демократіею; была поэзія контрастовъ, не было поэзіи Гомера.

Одинъ только Гомеръ создалъ поэмы, которымъ одинаково внимали всѣ Греческія племена; онъ такъ связалъ и сроднилъ эти племена въ своихъ пѣсняхъ, что послѣдующіе внутренніе раздоры не могли разорвать фамильной связи между ними.

Поэмы Гомеровы даны были дѣтству Греціи, чтобы оно перелистывало ихъ смѣясь, какъ книгу, наполненную раскрашенными гравюрами; воспитаніе этого народа шло среди веселія, а не слезъ. Это было послѣднее дитя древняго міра. Оно было лелѣяно на рукахъ Олимпійскихъ боговъ; воспоено изъ двойной медовой чаши Иліады и Одиссеи. Страшна идея Платонова сдѣлать изъ Гомера печальнаго философа. Грусть наименѣе ему свойственна. Ясность была его

преимущественною наукою. Взгляните только на простоту его механизма. Его гекзаметръ, составленный почти весь изъ дактилей, движется какъ быстроногій Ахиллъ, успокоиваясь подь конецъ бѣга на тихомъ Спондеѣ; но подобно отдохнувшему путнику, стихъ его съ новою легкостію пускается въ новый путь. Этой легкости средствъ соотвѣтствуетъ и легкость цѣли. Ежели Гомеръ измѣнилъ видъ боговъ, то конечно не наука руководствовала его въ этомъ. Распространите, какъ угодно, науку символовъ, онъ объ ней мало зоботился. Счастливъ поэтъ, которому остается только найти чистѣйшую красоту для своихъ твореній, чтобы быть въ тоже время и величайшимъ ученымъ, политикомъ и жрецомъ своего народа. Было множество поэтовъ послѣ него, которые старались подражать этой божественной ясности и чистотѣ, составляющимъ главную черту его характера; всегда однакожъ прозаическія ограниченія жизни обличали ихъ. Виргилій, Тассъ, Камоэнсъ скрывали свои недостатки подъ Тирскимъ пурпуромъ. Данте и Шекспиръ пришли въ свою очередь. Другой вѣкъ принесъ съ собою и другую поэзію. Времена смѣха прошли, какъ и времена слезъ. Тоскующіе средніе вѣки кончились, какъ и безпечная Греція. Все было испытано, все измѣнилось, все снова показалось; но ничто болѣе не улыбнулось на земли улыбкою Гомеровою поэзіи: ни цвѣтокъ, ни дѣва, ни старикъ, ни поэтъ. Я часто видѣлъ въ Греціи, при восходѣ солнца, какъ земля радостно пробуждалась подь вѣяніемъ морскаго вѣтерка, какъ бы къ новой надеждѣ. Рощи и холмы благоухали запахомъ, свойственнымъ только этой странѣ. Мало по малу горы и заливы выходили изъ мрака. Тамъ лѣсокъ *agnus castus* и дикаго Гебена, тамъ дымящійся утренними парами заливъ, тамъ бѣлѣется на сврой скаль потокъ, свѣсившійся съ нее какъ медовал нить, и все молчитъ и ожидаетъ. Земля, обновленная ночью, воспрянула съ

новыми силами, подобно Атлету послѣ отдохновенія. Невольно прислушиваешься къ этимъ волнамъ, холмамъ, лѣсамъ: не издадутъ ли они въковой гармоніи, не раздастся ли снова сама собою пѣснь Гомера? Но по мѣрѣ того, какъ день начинаетъ показывать нищету страны, это впечатлѣніе юности природы мало по малу исчезаетъ; являются развалины городовъ, остатки Венеціанскаго водопровода, поля, покрытыя костями, и къ вечеру, подъ крикъ совы и вой шакала, земля снова засыпаетъ со вздохомъ, какъ бы утомленная мечтами о прошломъ.

Разность между древними и новыми видна въ предпочтеніи той или другой поэмы. Древность, упоенная героическими доблестями, ставила Иліяду гораздо выше ея соперницы. Новѣйшіе напротивъ, выросшіе въ семейной жизни, избрали Одиссею. Въ самомъ дѣлѣ, Иліяда есть поэма юности міра, Одиссея поэма старцевъ. Въ Иліядѣ начинается утро Греческой жизни; здѣсь все надежда и желаніе. Каждый одушевленъ страстью еще неудовлетворенною. Неизвѣстность побѣды оставляетъ каждому его будущность еще нетронутою. Для всѣхъ равно блещутъ мечи на солнцѣ. Въ Одиссеѣ цѣль достигнута: это возвратъ. Корабли, обремененные добычею, разсѣяны. Они разбиваются на песокъ, вмѣстѣ съ падеждами. Люди нашли свою мечту, и молча возвращаются подъ домашній кровъ. Дымящаяся Троя, подобно брошенному желанію, остается въ развалинахъ, уединенною на Азійскомъ берегу. Волки и шакалы посѣтятъ ее, люди не посѣтятъ болѣе. Все кончено! Поэма жизни написана! Юность и старость, будущее и прошедшее, желанія и сѣтованія, все воспѣто, все включено въ эти двѣ книги.

Всѣ Греческіе поэты носятъ на себѣ черты Гомера; они всѣ изъ одного семейства. Они не только собрали крохи съ его пира; они одной крови съ нимъ, жили тѣмъ же духомъ, имѣли тѣже понятія объ иску-

ствъ и красотъ. Одинъ только изъ нихъ запечатлѣнъ особеннымъ типомъ, и принадлежитъ къ другой сферѣ: это Эсхиль. Онъ подходитъ къ Орфею; его нельзя объяснить преданіемъ Гомера; онъ, кажется, одинъ обладаетъ тайною началъ. Подобно Электрѣ, онъ держитъ урну съ прахомъ минувшаго, тогда какъ домъ наполненъ веселіемъ пирующихъ. Вся прочіе, такъ же какъ и Гомеръ, чужды таинственности; ежели есть глубины, скрытыя подъ ихъ политеизмомъ, они этого не знаютъ. Они принимаютъ своихъ боговъ, такъ точно какъ Средніе вѣки принимали свои вѣрованія, безъ всякой предшествовавшей мысли. Они движутся вокругъ великой колесницы Гомеровой, какъ хоровадь часовъ, едва касаясь земли, и никогда не опускаясь въ ея печальныя бездны. Это исключительное стремленіе къ красотъ было, безъ сомнѣнія, главною причиною превосходства Греческаго искусства предъ всеми; и когда старый Аристофанъ донесъ Ареопагу на правственныя толкованія языческихъ догматовъ, онъ защищалъ дѣло сколько религіи, столько же и поэзіи. Это открылось ясно, когда Александрійская Греція объяснила мистеріи своей религіи. Философія ея возвысилась, а искусство пало. Любопытная Психея зажгла свою лампу, и богъ скрылся. Что осталось отъ героическихъ временъ? Пустое ложе и изголовье Византійской Греціи.

Ежели желаютъ знать, почему отдаленная древность не произвела другихъ эпоей, кромѣ касающихся преданій о войнѣ Троянской, то очевидно, что единство, необходимое для этого рода поэзіи, не встрѣчалось болѣе въ исторіи Греціи, развѣ только перемѣжками, нечаянно. Едва эта эпоха кончилась, какъ древній, міръ раздѣлился. Нашествіе Гераклидовъ принесло съ собою нескончаемыя распри. Было еще нѣсколько перелетныхъ мгновеній, когда Греція пыталась найти потерянное согласіе, но эти мгновенія не остановились; они были исключеніемъ, а не

закономъ. Въ государствѣ, столь раздѣленномъ, драма родится изъ свойства вещей; она посевтъ новый раздоръ среди всеобщаго раздора. Греція, правда, два раза прежде паденія своего, соединялась, разъ при Саламинѣ противъ Персовъ, на одинъ день; въ другой разъ при Александрѣ, также не надолго. Драма совершалась въ исторіи, она перешла и въ искусство. На этой землѣ, колеблемой вѣчною враждою Аѳинъ и Спарты, среди этого кроваваго разговора двухъ городовъ, нашли мѣсто Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, Аристофанъ, но нѣгдѣ было поставить мирной скамьи для старца Гомера.

Чтобы видѣть, до какой степени дѣло эпопеи было безнадежнымъ во время Аристотеля, надобно прочесть его пѣстику. Это твореніе можно принять за сводъ законовъ поэзіи, необходимо вытекающихъ изъ политическихъ обстоятельствъ той эпохи, въ которую оно было написано. Авторъ былъ пораженъ драмою, потому что эта форма наиболее согласовалась съ тогдашнимъ состояніемъ міра; и когда Аристотель поставилъ эпопею ниже трагедіи, онъ только оцѣнилъ справедливо элементы современнаго духа. Послѣ него, ученикъ его Александръ плакалъ о томъ, что не будетъ болѣе Гомера. Это были благороднѣйшія слезы древности. Герой чувствовалъ, что ниспалъ безвозвратно изъ поэмы въ исторію. Онъ оставилъ послѣ себя въ Александріи народъ ученый и любомудрствующій; но этотъ вѣчно болтающій городъ не могъ уже породить новаго искусства; Александръ былъ Ахилломъ педантской Трои. Онъ ударялъ мечемъ и вызывалъ со всѣхъ сторонъ гражданственность древнихъ временъ, и ни одно эхо не отвѣчало ему; его слезы упали на землю, потому что земля стала холодною и нѣмою. Для чего царствовать? Для чего сражаться? Нѣтъ болѣе ни лиры, ни поэта въ Іоніи, на Евфратѣ, на Индѣ. Въ эту минуту Александръ предчувствовалъ смерть языческа-

го міра. Этого довольно, чтобы показать вліяніе Гомера на времена послѣдующія. Въ Римѣ на его творенія смотрѣли какъ на творенія самой природы, а не рукъ человѣческихъ. Все искусство заключалось въ томъ, чтобы какъ можно болѣе къ нему приблизиться. Ему подражали, какъ подражали бы небу, или океану, или пустынь. Средніе вѣки знали его только по имени; а если бы знали и болѣе, то что могло быть общаго между легендами 13-го вѣка, и преданіями Іоніи? Какой видъ имѣлъ бы мрачный Данте, возлѣ блистающаго тихимъ и спокойнымъ веселіемъ лица Гомерова? Что могъ бы понять древній пѣвецъ изъ вѣчной муки Флорентинца? Задумчивый. Виргилій былъ естественный вождь Среднихъ вѣковъ, *il dusa mio*, въ кругахъ испытанія, и посредникъ печальныхъ преданій челоуѣчества, христіанства и язычества. Первая перемѣна, какую встрѣчаемъ у новѣйшихъ поэтовъ, оставившихъ *Иліаду* и *Одиссею*, состоитъ въ самой формѣ повѣствованія; поэтъ часто отдыхаетъ, останавливается, какъ старецъ, стѣсненный воспоминаніями. Какъ разбиты и разорваны пѣсни Данте! Еще болѣе Аріоста, Тасса, Камонса. Разсказъ, раздѣленный на стансы, потерялъ свою непрерывность; онъ рвется и развязывается безпрестанно, и никогда слова подобно меду не текутъ изъ устъ поэта. Мильтонъ можетъ быть одинъ только сохранилъ нѣсколько древняго спокойствія и обилія. Во Французской литературѣ вѣка Людовика XIV, исключая Фенелона, замѣтныя черты Греческаго вліянія не восходятъ далѣе Софокла. Германцы пришли послѣдніе, и истощились въ ученыхъ усиліяхъ, достигнуть спокойнаго веселія Гомера. Но они сами скоро наскучили этимъ пробнымъ днемъ, проведеннымъ въ кушѣ патриархальной поэзіи.

Теперь художникъ отдѣленъ отъ Гомера цѣлою толпою толкователей. Сколько глоссовъ, сколько системъ, сколько изъясненій надобно пройти, чтобы

достигнуть прямого его смысла! Новѣйшіе успѣли наконецъ скрыть эту колоссальную фигуру подъ кучею парадоксовъ; и не безъ усилій можно отогнать эту тунемдную науку, чтобы снова найти поэта въ его прекрасной наготѣ; нуженъ Мало-Азіійскій вѣтеръ, чтобы разсѣять эту школьную пыль.

Я припоминаю, когда былъ однажды въ заливѣ Аргоса. Море блистало на берегу залива, нагія горы скрывали горизонтъ; густыя облака, гонимыя вѣтромъ, бросали бѣгущую тѣнь на долину. Къ вечеру я достигъ нагихъ и пустынныхъ холмовъ; на ихъ ребрахъ висѣли стѣны циклоповъ, сквозь отверстія этихъ стѣнъ видны были длинныя змѣи, висяція по краямъ рытвинъ. Я прошелъ мимо двери, на которой былъ изсѣченъ левъ, и сошедши нѣсколько ступеней, очутился у входа въ большую гробницу. Городъ этотъ былъ Мицены; дверь эта была та самая, сквозь которую царь мужей, Агамемнонъ долженъ былъ проходить, отправляясь въ Трою; гробница эта принадлежала одному изъ Атридовъ. Въ эту минуту морской вѣтеръ, съ ропотомъ, какъ Юнійская цитра, зашевелилъ сухіе кусты растеній. Въ этотъ вечеръ я простился навсегда съ системами глоссаторовъ, и увидѣлъ хорошо, что есть одинъ только комментаторъ Гомера, именно: его страна, его небо, эти стѣны титановъ, и внизу это прекрасное море и эти волны залива, вѣчно колеблющіяся отъ его пѣсни, подобно пляшущимъ дѣвамъ Хіосскимъ.

ЭДГАРЪ КИНЕ.

=

IV.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

136. Генераль Каломерось, романъ, соч. *А. Вельтмана*. Москва, въ типографіи Н. Степанова, 1840 г., 2 части въ 8 д., въ 1-й части 18 стр., во 2-й 181.

Математикъ, спрашивавшій послѣ представленія на Парижскомъ театрѣ одной трагедіи: «Какую теорему она доказываетъ?» несомнѣнъ былъ неправъ, хотя и выразился слишкомъ спеціально. Всякое произведеніе искусства непремѣнно должно разрѣшать одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ вопросовъ, какіе задаетъ себѣ человекъ о жизни, природѣ, о сердцѣ человѣческомъ; каждое произведеніе искусства должно достигать эффекта — истинною. Въ противномъ случаѣ она не будетъ имѣть цѣли, ни какого разумнаго значенія, и искусство сдѣлается суетною забавою роскошной праздности, а не великимъ, существеннымъ дѣломъ человѣчества. Мы не понимаемъ даже, какъ истинное творчество можетъ поступать иначе. Все, что оно создаетъ, есть плодъ идеи, наполняющей душу художника; созданіе есть только живое ея раскрытіе, обнаруженіе, фактъ, неизбежно порожденный извѣстною причиною. Что дѣлаетъ воображеніе, создавая лица, положенія, событія, запутывая и распутывая узлы драмы, поэмы, повѣсти? Даетъ тѣло идее, которая съ своей стороны должна

•

двигать это тѣло, управлять имъ, сообщать ему фзїопомію и цвѣтъ, — однимъ словомъ, быть его душею. Пусть какими угодно яркими, роскошными и разнообразными узорами испестритъ оно ткань сюжета — они будутъ только арабесками, если художникъ не далъ себѣ отчета въ назначеніи своего труда, если онъ играетъ кистию безъ опредѣленной цѣли и общей мысли. Этимъ-то и отличается творчество разумное, художническое отъ слѣпаго, случайнаго, волкашническаго изверженія мыслей и чувствованій. Цѣль всѣхъ изящныхъ искусствъ одна — превращать идеалы въ дѣйствительныя явленія, дѣлать общее, безконечное недѣлимимъ, небесное зсмъшимъ и осязаемымъ. Но идеалы бываютъ идеалами чего нибудь, а не ничего, и какъ вы хотите ими дѣйствовать на сердце человеческое, то надобно, чтобы они почему нибудь были родственны человѣку, чтобы они связывались съ интересами его духа. Порожденіе въ душѣ смутныхъ, тревожныхъ, неопредѣленныхъ волненій или призраковъ, летающихъ туда и сюда безъ цѣли и памѣренія, не можетъ удовлетворять его: онъ вездѣ ищетъ единства и результата. «Но не хотимъ ли мы, спросать у насъ, подчинить искусство постороннимъ, внѣшнимъ цѣлямъ, свободу творящаго генія связать ограниченіями, чуждыми его природѣ, и всѣ изящныя произведенія превратить въ символы, лишивъ ихъ характера явленій самобытныхъ?» Нѣтъ! Мы слишкомъ далеки отъ такого неслѣжественнаго посягательства на искаженіе чистой, божественной красоты, выше коей мы ничего не знаемъ въ правдивномъ порядкѣ вещей. Мы не хотимъ дѣлать ее рабою какихъ нибудь расчетовъ и видовъ мелкой дидактики, которая думаетъ, что сдѣлала великое дѣло, когда обманула людей, прикрывъ цвѣтами сухіе скелеты своихъ отвлеченныхъ положеній, правилъ, началъ и проч. Было время, когда цѣлыя поэмы и драмы писались для подтвержденія какой нибудь правоучительной сентенціи; тогда полагали, что отъ этого люди непременно сдѣлаются лучшими, а люди поступали, какъ дѣти: съѣдали сахаръ, данный имъ для приправы кушанья, а кушанье потихоньку отдавали лакеямъ. Теперь мы понимаемъ это иначе; знаемъ, что истина сама по себѣ, безъ суетныхъ принаровленій, безъ растягиванія ее на прокрустовомъ ложѣ, есть величайшій урокъ для человѣка; а когда эта истина живеть, дышитъ и дѣйствуетъ въ идеальномъ созданіи художни-

ка, когда она переставъ быть отвлеченнымъ помятиемъ, становится образомъ, фактомъ, тогда надобно, чтобы люди недостойными были сдѣлаться лучшими, если уже они не становятся лучшими отъ побѣдоноснаго вліянія красоты. Нѣтъ! мы вѣруемъ, что красота есть сама себѣ цѣль, потому что въ ней соединяются всѣ требованія и всѣ цѣли души, потому что дальше ея некуда идти въ градаціи живыхъ силъ и идей. Если бы мы могли обнять однимъ взглядомъ неизмѣримое мірозданіе, мы увидѣли бы, что нѣтъ другой идеи его существованія, какъ существованіе стройное, благолѣпное, полное, вѣчное, т. е., изящество. Ибо что выше жизни и гармоніи, гармонія и жизни? Не онѣ ли вмѣстѣ и высочайшее добро и блаженство? Красота есть жизнь и при томъ полная, совершенная, идеальная и потому устрояющая себя гармонически, т. е., подчлѣпяющая всѣ моменты и всѣ формы своего развитія единству. На этомъ-то имппо единствѣ и основано высокое ея значеніе въ искусствѣ, а единство такое невозможно безъ отношенія къ задачамъ, какія занимаютъ человѣческую душу. При такомъ только условіи каждая часть въ произведеніи искусства получить опредѣленный характеръ, будетъ имѣть смыслъ; иначе какъ вы поймете ее? Передъ вами на анатомическомъ столѣ разрѣзанное человѣческое тѣло: видите ли вы дивный механизмъ вотъ этой части, напр. глаза? Чудное устройство — почему же? Что васъ увѣритъ въ этомъ? Результатъ его, идея, цѣль, для которой природа истощила столько соображеній, привела въ движеніе столько дружищъ — глазъ видеть. Этимъ все и объясняется, оправдывается и возмечливается въ этомъ явленіи.

Всѣ сіи мысли невольно толпятся въ умѣ по прочтеніи Каломероса г. Вельмана. Къ чему служатъ нѣсколько занимательныхъ сценъ, положеній удачно придуманныхъ, красокъ яркихъ и смѣло набросанныхъ? Все расточено по-напрасну въ этомъ произведеніи. Оно не оставляетъ въ сердцѣ никакого общаго впечатлѣнія, потому что не ведетъ ни къ какой цѣли и потому что оно ложно въ своемъ основаніи. Вотъ главныя черты его содержанія. Неониа, двѣвушка очень обыкновенная, воспитанная аристократическими мечтами, хочетъ непременно отдать свою руку какому нибудь графу или князю. За недостаткомъ настоящихъ графовъ, является какой-то поддѣльный, Полякъ Грабе. Неониа вы-

ходить за него и отправляется съ нимъ сначала въ Польшу, а потомъ за границу. Оказывается, что ея вожделѣнный графъ большой негодяй; онъ бросаетъ ее съ дочерью Клавдію, и предаетъ ихъ въ жертву горю и нищеть. Эти бѣдныя женщины принуждены возвратиться одинъ въ Россію; онъ подходитъ убѣжище у одной изъ прежнихъ подругъ Неонилы и живутъ въ ея подмосковной деревнѣ. Начинается 12-й годъ; Французы уже въ сердцѣ Россіи; Неонима больна, не можетъ бѣжать и остается посреди волиъ непріятельской арміи съ Клавдіей, которая, если вѣрить автору, есть прелестнѣйшее изъ прелестныхъ созданий. Въ домъ, гдѣ они живутъ, влетаетъ Французскій отрядъ и назначаетъ въ немъ квартиру для одного изъ генераловъ Французской арміи. Вотъ и самъ генераль — онъ-то и есть Каломеросъ, герой романа. Кто онъ таковъ? Какъ кто? Просто Французскій генераль. Нѣтъ! это существо таинственное, человекъ съ могучимъ характеромъ, съ огненными страстями. Последнее доказывается тѣмъ, что онъ едва увидѣлъ Клавдію, какъ и влюбился въ нее страстно, бѣшено, не какъ генераль, а какъ прапорщикъ. Впрочемъ генераль не привыкъ церемониться ни съ побѣдою, ни съ женщиною; онъ прямо и рѣзко приступаетъ къ дѣлу, т. е. предлагаетъ себя въ мужья Клавдіи, какъ предложилъ себя чело-вѣчеству и потомству въ завоевателя. Мать и дочь немпожко испугались, немпожко удивились; но съ побѣдителями не шутятъ, а тотчасъ выходятъ за нихъ замужъ, если они такъ учтивы, что промчавшись въ вихрѣ побѣды по цѣлой Европѣ, идутъ наконецъ въ Москву, чтобы тамъ посвататься на хорошенькой дѣвушкѣ. Недаромъ же Москва славится певѣстами: это дѣло уже рѣшенное цѣлымъ свѣтомъ, дѣло Европейское. Какъ бы то ни было, мать и дочь соглашаются на предложеніе этого голубка съ орлиными когтями и клювомъ. Отыскиваютъ гдѣ-то Русскаго священника, который и соединяетъ ихъ узамъ законнаго брака.

Вотъ Клавдія уже супруга и генеральша и живетъ съ своимъ генераломъ въ Кремлевскомъ дворцѣ и вѣдитъ съ нимъ въ Петровской, гдѣ поселилась ея мать, потому что Москва занята уже Французами. Генераль страстно, глубоко, храбро любить свою жену; только онъ все какъ-то страшень, неизъяснимъ. Хотя и говорить онъ иногда такіе отчаянные, сентиментальные вздоры, что ужасъ, однако бываетъ часто

дикъ, угрюма и мраченъ. Сверхъ того, будучи самъ лицомъ таинственнымъ, онъ хочетъ, чтобъ и жена его оставалась таинственною. Онъ тщательно ее скрываетъ отъ всѣхъ взоровъ, а Клавдію очень хотѣлось бы, разумеется какъ жепщинѣ, по-смотреть на Наполеона и на его военный Дворъ, можетъ быть немпожко и пококетничать съ великимъ челоувкомъ. Наполеонъ же, какъ извѣстно, былъ очень влюбчивъ и былъ ужасный охотникъ ноболтать, полнобезничать съ хорошенькими жепщинами побѣжденными и теми, какія сами одерживали побѣды не хуже его. Но генераль крѣпко держитъ Клавдію въ своихъ орлиныхъ когтяхъ и никакъ не пускаетъ ее никуда. Однажды только онъ рѣшился удовлетворить ея жепской прихоти — показать ей Императора; но и тутъ сыгралъ съ ней таинственную шутку. Вотъ какъ это было. Онъ подаль ей руку и Клавдія «пошла съ нимъ чрезъ ряды огромныхъ покосвъ (въ Кремлевскомъ дворцѣ) и потомъ довольно темными переходами они вошли въ маленькія компатки тайника.»

— Садись здѣсь — сказалъ генераль, подведя ее къ стариннымъ кресламъ, обитымъ парчею, которыя стояли подѣвъ двухъ маленькихъ оконъ, задернутыхъ занавѣсками.

— Это ложа, изъ которой въ старину Русскія Царевны смотрѣли на торжественные Царскіе приемы пословъ; это окна въ тронную залу..... Только не отдергивай занавѣсокъ, чтобъ тебя не замѣтили.

«Клавдія взглянула чрезъ подозрное окно тайника въ Грановитую Палату. По обѣ стороны трона съ вензелемъ N, стояли пажы и придворные чины въ облитыхъ золотомъ мундирахъ. Передъ окнами, выходящими на площадь, фронтъ генераловъ» и проч. и проч.

«Вообще на всѣхъ лицахъ было замѣтно какое-то безпокойное ожиданіе и взоры обращались часто къ дверямъ.

— Видишь Наполеона? — спросилъ генераль Клавдію.

— Гдѣ же онъ?

— На тронѣ.

Клавдія улыбнулась; но улыбка ея ясно сказала: вы забавляетесь мною.

— Я тебѣ говорю правду, Клавдія; Наполеонъ тутъ.

— Неужели это онъ въ шляпѣ и мантии съ бахрамой!

— Избави Богъ! Неужели ты думаешь, что Наполеонъ нарядится такимъ шуткомъ?

— Я сама не могла бы вѣрить этому: это какой-то хватъ.

— Это козырный король.

— Императора вѣроятно ждутъ.

— Нѣтъ, моя милая. Наполеонъ уже присутствуетъ здѣсь; иначе эти люди не стояли бы въ такомъ почтительномъ положеніи предъ тропемъ.

— Но кто жъ опъ? призракъ? Можетъ быть надобно имѣть Французскій топкій взоръ, чтобъ его видѣть?

— Ты отгадала и вѣрно будешь удивляться и уму и топкости Французовъ. Эта просвѣщенная нація на той уже степени, что она неспособна никому повиноваться, кромѣ призрака. Французы первые придумали, что главой націи долженъ быть не человекъ, а коронованная идея власти и много пролили крови, чтобъ исполнить свое желаніе. И вотъ они возвели свою мечту на тронъ подъ магическимъ именемъ: «Наполеонъ, Императоръ Французовъ.» И что жъ? призракъ управляетъ Франціей, даетъ законы, побуждаетъ народы.... Здѣсь собрались посвященные въ эту тайну; тутъ все настоящіе короли и принцы, и вообще всѣ эти люди готовятся въ обладатели Греціи, Индіи, Египта, Сѣверной и Южной Америки, и даже Океаніи. Теперь они въ ожиданіи воли идеи, возсѣдающей на тронъ.... Она проявляется между нами внезапнымъ внушеніемъ въ кого нибудь, какъ проповѣдь въ собраніи Квاکеровъ.

Послѣ этого монолога, который вѣроятно показался Клавдію пѣмножко темнымъ и скучнымъ, и еще нѣсколькихъ подробностей, входитъ въ тропную залу прекрасный, ловкій мужчина. Это былъ Полятовскій.

— Ахъ, это вѣрно Императоръ! произнесла потомъ Клавдія, взглянувъ въ окно и увидя Полятовскаго, окруженнаго всѣми.

— Императоръ! — Гмъ! А каковъ тебѣ кажется Императоръ? спросилъ генералъ, взглянувъ также въ окно; не правда ли, величіе и красота паружности соответствуютъ вполне его славу?

— Это правда, простодушно отвѣчала Клавдія, — я иначе

не могла себя представить его! Какой воинственный вид! Это бог войны!

— Да, это Марсъ, который сведетъ съ ума хоть какую Венеру! отвѣчалъ генераль, и его глаза сверкали, лицо было мрачно и блѣдно. — Ну, довольно, Клавдія, ты посмотри-лась на Императора.

Генераль схватилъ Клавдію за руку и повлекъ съ собою. Мистификація кончилась и Клавдія могла только увѣриться, что этотъ г. Каломерось, пришедшій изъ такой дали жениться на ней, чрезвычайно оригиналенъ и неспособенъ. Но вотъ что произошло дальше. Одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ изобрѣщеніи коихъ романисты никогда не затрудняются, приводитъ въ Москву мужа Неонилы, или отца Клавдіи. Онъ теперь ротмистръ Французской арміи, по прозванію Ясинскій. Онъ узнаетъ, что дочь его въ Москвѣ и живетъ тутъ какъ-то подозрительно. Ему очень хочется какъ нибудь дать знать ей о себѣ; случай помогъ ему — и вотъ Клавдія получаетъ отъ него маленькую записочку. Каломерось узнаетъ объ этомъ тайственномъ посланіи, принимаетъ его за любовное, впадаетъ въ страшное изступленіе ревности, къ которой онъ такъ порочно склоненъ и велитъ безъ церемоній разстрѣлять пана Ясинскаго, который передъ смертію дѣлается какъ-жестя ужь настоящимъ графомъ и притомъ графомъ Ловскимъ. А что жъ съ Клавдіей? О, Каломерось еще менѣе съ ней церемонится; онъ отдастъ ее своему камердинеру, чтобы этотъ дѣлалъ съ ней, что хочетъ. Между тѣмъ Французы оставляютъ Москву, Неонила лишается зрѣнія, Клавдія идетъ въ монастырь. Это еще не все. Къ самому кончику романа прицѣплено новое лицо: сынъ Клавдіи; онъ является на минуту только для доказательства, что она была замужемъ.

Жребій творенія рѣшенъ уже, какъ скоро ему недостасть основной идеи и какъ скоро инсервергнуто въ немъ главное условіе искусства — истина. И потому мы не будемъ указывать на частности романа г. Вельтмана, а покажемъ коренный злополучный его недостатокъ. Читатели сами увидятъ, какъ понимать въ немъ все прочее.

Вся событія въ романѣ, разумѣется, движутся около Каломероса. Но знаете ли, кто этотъ Каломерось? Пора наконецъ разоблачить это таинственное лицо. Какъ бы вы думали, кто онъ? Ни больше, ни менѣе, какъ самъ Панаполеонъ.

«Быть не может», возражать без сомнѣнія читатели, — вы шутите, вы мистифируете насъ. Какъ! Наполеонъ женится въ Москвѣ — ну ужъ это больше, чѣмъ сколько могли ожидать самыя отчаянныя свахи Московскія. Наполеонъ, мужъ принцессы Австрійскаго Дома, Императоръ Французовъ и повелитель большей части Европы, величайшій изъ монарховъ, величайшій изъ полководцевъ, вслѣдствіе изъ людей, пришелъ съ огромною арміею въ Россію, за чѣмъ? чтобы пріютить вотъ видите свое чувствительное сердце, уставшее отъ битвъ и славы, которыхъ онъ никогда не любилъ, которыми былъ всегда недоволенъ, чтобы пріютить свое сердце возлѣ сердца юной дѣвы, чтобы склонить свою отягченную лаврами и двумя коронами главу на ея нѣжную грудь, чтобы упиться ея поцѣлуемъ, поговорить ей тѣмъ сладкихъ и высокопарныхъ пелѣпостей, какія когда либо приходили въ голову самому отчаянному Нѣмецкому студенту и наконецъ вручить ее своему камердинеру, вѣроятно для подобнаго же употребленія! Это неслыханныя вещи! Чего хотѣлъ авторъ, посягавъ на святиню могущественнѣйшей изъ нравственныхъ силъ, какія когда либо являлись на землѣ, дѣлая ее игранцемъ своей фантазіи? Развѣ позволено законамъ искусства искажать до такой степени природу, въ чемъ бы она ни раскрывалась, въ дѣйствіяхъ ли физической необходимости, или въ нравственномъ порядкѣ вещей? Что сказали бы вы о живописцѣ, который бы изобразилъ огромную скалу съ ея грознымъ и дикимъ величіемъ для того только, чтобы на челѣ ея, увѣчанномъ молніями, нарисовать муху? Есть въ каждомъ явленіи, въ каждомъ моментѣ жизни свой духъ, своя характеристическая основа, которыми опредѣляются ихъ степень въ порядкѣ природы или исторіи, ихъ достоинство и значеніе: искусство постигаетъ этотъ духъ и извлекая его изъ среды чуждыхъ ему и подавляющихъ его силъ, переноситъ въ свое созданіе и дѣлаетъ его яснымъ и доступнымъ чувствую. Потому-то искусство не есть что либо противоположное природѣ, напротивъ оно есть чистѣйшая, если можно такъ выразиться, лучшая, совершеннѣйшая природа, похищенная гениемъ человѣческимъ у ея собственной судьбы. Будьте же вѣрны природѣ, если хотите служить искусству; не представляйте намъ случайностей, сопрягающихся съ вещами и лицами за самыя вещи и лица, и еще

болѣе, не навязывайте имъ того, что чуждо ихъ дуку. — Хотѣлъ ли г. Вельманъ своимъ Каломеросомъ представить великое въ карриатурѣ? Нѣтъ! онъ не могъ изпасть до такого литературнаго цинизма: энеиды, вывороченныя на изнанку, составляютъ такую ступень въ литературѣ, до которой спуститься совсѣмъ не лестно; они годятся только для черни. Да при томъ онъ не шутитъ: Каломеросъ романъ очень серьезный, очень степенный, романъ съ размышленіями, сентенціями, умствованіями, даже съ чувствительностію. Хотѣлъ ли онъ олицетворить печальную истину, что и гиганты колеблются среди волненій жизни — да — но для этого буря бросаетъ ихъ въ глубину океана, гдѣ изъ пучки его воздымается скала Елены, а не въ лужу, или ручеекъ, который они могутъ перешагнуть не омочивъ сапога. Неужели авторъ такъ мало знакомъ съ человѣческою природою и такъ мало вникалъ въ ходъ нравственныхъ дѣлъ, что вѣрить всѣмъ пошлымъ сплетнямъ, какими толпа обыкновенно любитъ одѣвать великія имена? — Самое удовлетворительное оправданіе автора можетъ состоять развѣ въ томъ, что у него не было никакой цѣли — это впрочемъ ясно. И такъ романъ есть не иное что, какъ невинная пелѣность, простодушно рассказанная во всеуслышаніе грезы фантази, которая устала слушаться строгихъ и правдивыхъ совѣтовъ эстетическаго ума. Мы знаемъ, что г. Вельманъ до крайности любитъ казаться оригинальнымъ въ своихъ твореніяхъ: правду сказать, ничего оригинальнѣе выдумать нельзя, какъ заставить Наполеона — жениться на Московской барышнѣ!

Московскія свахи прочтутъ съ гордістію его романъ.

137. Битва Русскихъ съ Кавардинцами, или прекрасная Магометанка, умирающая на гробъ своего супруга, Русская повѣсть, съ военными маршами и хорами пѣвчихъ (!!!). Соч. *Н. Зрхова*, Москва, въ типографіи Кириллова, 1840 года, 2 части, въ 8-ю д., въ 1-й части 130 стр., во 2-й 140.

Дмитрій Магушкинъ, несчастный Никаноръ, Милордъ Георгъ! Гдѣ вы? предстайте и прострите объятія свои прекрасной Магометанкѣ, которую вотъ пѣкій г. Зрховъ породилъ съ музою толкучаго рыска. Кто изъ васъ скорѣе удостоится чести сочетаться съ нею? Мы думаемъ, что знаменитый Ми-

лордъ Георгъ; по своей любезности и славѣ оны болѣе всѣхъ имѣть на это права. Хвала г. Зряхову! Что передъ нимъ пельпой памяти А. А. Орловъ и пылы здравствующіе Сяговъ, Кузьмичевъ и проч.? Никогда всѣ подобныя имъ соединенныя воображенія, работающія для Московскихъ типографій, не производили во всей полнотѣ своего чада и хаоса ничего равнаго сей его Магометанкѣ. Ни самъ даже г. Зряховъ не созидалъ подобной прелести. Вѣрно, по окончаніи своего творенія, оны, какъ повый Пигмалионъ, былъ самъ очарованъ неслыханными его совершенствами. Это океанъ безмыслицы, въ которомъ утонуть не только всѣ репутаціи книгъ, носимыхъ варягами въ концы Россіи, но и самыя варяги съ ихъ коробами. Мы полагаемъ, что со своей *огарованной арфой* оны достигъ уже крайняго предѣла въ области сърой литературы — это была ошибка, мы не измѣрили всей неистощимости его въ изобрѣтеніи отчаяннѣйшихъ пельпостей. Нѣтъ! его, по всей справедливости, слѣдуетъ провозгласить главою этой неукротимой фаланги писателей, которая столь ревностно подвизается противъ логики, грамматикки и здраваго смысла. Но что и говорить?—оны достоинъ памятникка изъ макулатуры романовъ, написанныхъ всѣми его сподвижниками. Этотъ памятникъ долженъ быть гигантскаго размѣра, судя по количеству матеріала. На верху можно поставить его изображеніе съ книгою въ рукахъ — послѣднимъ его твореніемъ — развернутою на той страницѣ, гдѣ красуется слѣдующее превосходное посвященіе милымъ читательницамъ: (стр. 4.)

О, вы, чувствительны, прелестны Россіянки!
 Возьмите здѣсь примѣръ съ моею Магометанки.
 Не только въ страсти сей, но въ вѣрности священной!...
 И вамъ сравненія не будетъ въ всей вселенной.

138. Уаръ желѣзная лапа, или живой мертвецъ разбойникъ, народное преданіе, рассказанное *Михаиломъ Гулаповымъ*. Москва, въ типографіи И. Смирнова, 1840 г., въ 16 д., въ 1-й части 122 стр., во 2-й 96.

Едва успѣли зажить на чптателяхъ слѣды медвѣжьей лапы (Никласъ, медвѣжья лапа, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ, 1837 года), какъ въ Москвѣ поднимается желѣзная,

ать которой конечно не будет имъ легче. И такъ вотъ въ нашемъ литературномъ лѣсу теперь двѣ лапы — одна медвѣжья, другая желѣзная. Господи Боже! Что-то будетъ дальше, а страшно становится. Ну если побольше явятся подобныхъ лапъ, вѣдь онѣ надѣлаютъ бѣдъ литературѣ. Эти лапы шутить не любятъ: онѣ ломаютъ смыслъ и вкусъ, какъ хворостъ. — Уаръ, кажется, первый дебютъ Михаила Туманова; мы не помнимъ что-то, чтобы гдѣ нибудь встрѣчали его имя. Нечего сказать, славно себя рекомендуетъ г. Тумановъ; при первомъ литературномъ шагѣ, онъ такъ и рвется на дорогу, по коей ходятъ Кузьминичъ, Сиговъ, Федотовъ, Зряховъ, и проч. Вотъ еще следовательно новый атлетъ на поприщѣ еброй литературы. Да сколько жъ ихъ и откуда они берутся? Какъ не устанетъ природа шалить, производя эти разстроенными фантази, эти умы въ вывороченной на изнанку логикѣ? Видно ужъ имъ нельзя не быть; покормимся капризу природы и будемъ терпѣливо смотрѣть, какъ г. Тумановъ станетъ преусивать въ писанинѣ. А кажется, у него богатая средства произведенія всѣхъ возможныхъ родовъ безобразія. Нищѣ, пьяницы, калѣки, разбойники толпами бѣгутъ на его могучій зовъ и что слово, то какая нибудь уродивость или мысли, или языка. Чудесно, г. Тумановъ! Будьте смѣлье, подвизайтесь; со временемъ самъ Зряховъ покажется передъ вами пигмеемъ безмыслицы и безвкусиа.

139. Знѣна, романъ *Поль-де-Кока*, Москва, въ типографіи Н. Степанова, 1840 года, въ 8 д., 4 части: въ 1-й 181 стр., во 2-й 213, въ 3-й 200, въ 4-й 210 стр.

А, вотъ и г. Поль-де-Кокъ! добро пожаловать — вѣдь вы въ Русскомъ переводѣ? Ну такъ вѣрно изъ васъ вынута веселости и смыслу, простоты и легкости изъ вашего слога именно столько, сколько нужно, чтобы вы не очень возносились передъ нашими доморощенными Поль-де-Кокками. Бѣдный Поль-де-Кокъ! Переводчики его тираютъ, журналисты осыпаютъ бранью и насмѣшками. О переводчикахъ нечего и говорить: имъ непременно надобно разтерзать писателя, кто бы онъ ни былъ Шекспиръ, или Поль-де-Кокъ: у насъ уже видно положенъ имъ такой предѣлъ, его же не прейдуть. Но за что некоторые журналисты къ нему такъ неблагосклонны? Что сдѣлалъ имъ этотъ веселый, беззаботный, простодушный

рассказчикъ, который наболтаетъ вамъ три, четыре томика забавныхъ пустяковъ безъ всякихъ притязаній на оригинальность, безъ затѣйливыхъ завязокъ и развязокъ, безъ высокопарныхъ эффектовъ? Муза его есть — Парижская гризетка, дитя веселой минуты, шалунья, прыгающая какъ коза по грязной мостовой Парижа, вертлявая съ вѣчной улыбкой на хорошенькихъ губкахъ, въ простомъ холстинковомъ платьицѣ, маленькая сплетница, маленькая повѣса, во существо совершенно безардное, непосагающее ни на ваше сердце, ни на нравственность, ни на деньги. Поль-де-Кокъ иногда помутить не совѣсть скромно, но у него вовсе нѣтъ безнравственнаго направленія — у него одно желаніе заставить васъ посмѣяться тѣмъ искрешнимъ, незлобнымъ смѣхомъ, къ которому люди порядочные бываютъ обыкновенно расположены послѣ хорошаго обѣда, отдыхая на мягкомъ диванѣ съ сигарою во рту. Однакожъ и Поль-де-Кокъ впадаетъ въ одинъ изъ тѣхъ тяжелыхъ литературныхъ грѣховъ, которые ничѣмъ не искупаются — онъ бываетъ иногда скученъ. Это случается съ нимъ, когда онъ бросаетъ скромный уголокъ свой милой гризетки и идетъ любезничать въ гостиную, или подаетъ руку задумчивой Музѣ мечтаній — здѣсь уже онъ не на своемъ мѣстѣ. Его красноватое, крупное лице заклемено слишкомъ мѣщанскою физиономією; смотря на его жесты и улыбки, боишься какъ-то, чтобы его не вывели изъ этого общества, и сердяшся, за чѣмъ онъ самъ накликаетъ бѣду на себя. Есть у него цѣлые романы скучнаго рода, наприм. вотъ эта Зизипа. Одинъ баринъ отыскиваетъ свою дочь, которую увезъ какой-то негодяй; онъ ѣздитъ по провинціямъ, ходитъ по Парижу, встрѣчается съ соблазнителемъ, дерется съ нимъ, а дочери все-таки не находитъ; да гдѣ жъ и найти ее? Она умерла отъ слѣдствій своего проступка. Но вмѣсто ея этотъ господинъ отыскиваетъ внуку, дочь погибшей своей дочери. Это-то и есть Зизипа. Видите, романъ уже выходитъ серьезный; главные дѣйствующія лица тутъ люди важные, степенные, чувствительные и неспособно глупые. Впрочемъ и въ этомъ романѣ есть нѣсколько сценъ Теньеровскаго стиля, гдѣ Поль-де-Кокъ дѣйствуетъ, какъ мастеръ въ своей сферѣ. Переводъ, разумѣется, плохой.

140. Старикъ Горіо, романъ, соч. *Бальзака*, Москва, въ типографіи Смирнова, 1840 г., въ 8 д., 3 части: въ 1-й 147, во 2-й 142, въ 3-й 161 стр.

Вы видѣли уже этого старика Горіо дважды: одинъ разъ въ собственной его Французской Бальзаковой одеждѣ, и въ другой разъ переряженнаго Библіотекою для Чтенія въ платье Русскаго покроя съ разными урѣзками, заплатами и проч. Вотъ этотъ достопочтенный старецъ является вамъ въ третій разъ въ смуромъ кафтанѣ Московской работы. Угодно вамъ еще полюбоваться имъ? Правду сказать, съ тѣхъ норъ, какъ вы его видѣли, онъ сдѣлался очень дряхль — не знаетъ, принесетъ ли вамъ удовольствіе это новое свиданіе. Сырая его паружность не очень пріятна и при томъ онъ разучился повидимому говорить порядочно по-Русски; онъ говорилъ лучше тогда, какъ въ первый разъ ввели его въ Русское общество, а теперъ, Богъ знаетъ что съ нимъ случилось: какъ будто всѣ зубы до одного у него выпали и умъ притупился; рѣчь его вяла, тяжела, тянется медленно въ длинныхъ, громоздкихъ періодахъ; онъ скучеетъ, какъ всѣ старики, которые любятъ говорить длинно. — Жаль! Горіо принадлежитъ къ однимъ изъ лучшихъ романовъ Бальзака, несмотря на нѣкоторыя преувеличенія, неразлучныя съ его фантазіей; ужъ когда переводить его, такъ переводить хорошо и ужъ когда издавать переводъ, то издавать немножко почище. Въдъ непріятно взять въ руки книгу, напечатанную на бумагѣ, сдѣланной изъ такихъ тряпокъ, которыя не перестаютъ быть тряпками перешедши всѣ процессы бумагодѣланія. И книга еще назначена для легкаго чтенія, соч. Бальзака, которую вѣрно захотятъ прочесть уѣздныя барышни. Какъ не пожалѣть ихъ нѣжныхъ пальчиковъ, угрожаемыхъ мозолями отъ прикосновенія къ этимъ сырмъ лубкамъ, называемымъ бумагою только въ переносномъ смыслѣ!

141. Карманная Бухгалтерія для желающихъ научить-ся въ короткое время простой и двойной Бухгалтеріи во всѣхъ ея частяхъ, съ присовокупленіемъ таблицъ и проч. Соч. профессора торговыхъ наукъ *Карла Куртина*, переводъ съ 8 изданія. — Москва, въ тип. А. Семена, — 1840, въ 16-ю, 150 стр.

Эта небольшая книжечка при всей ясности и отчетливости изложенія не можетъ служить достаточнымъ руководствомъ для того, кто не бывъ знакомъ предварительно съ двойною Бухгалтеріею, захотѣлъ бы употреблять ее. Въ ней не достаетъ главнаго, формы книгъ, а извѣстно, что самый легкій

и самый вѣрный способъ научиться двойной Бухгалтеріи, состоятъ въ томъ, чтобы хоть одинъ разъ записать давныя статьи въ примѣрные меморіалъ, журналъ и потомъ разнести ихъ по главной книгѣ, и въ ней сдѣлать заключительный балансъ, съ переносомъ счетовъ въ новую книгу, словомъ надобно примѣрно провести по книгамъ всю годичную операцію, чтобы обнять весь составъ двойной Бухгалтеріи. Когда это сдѣлано, тогда руководство Куртина можетъ пособить въ разрѣшеніи разныхъ частныхъ случаевъ, встрѣчающихся по счетоводству и въ коммерческихъ оборотахъ. Странно, что существенный недостатокъ въ этой книгѣ замѣненъ такимъ излишествомъ, которое не входитъ и въ самую полную выдачу по этой части. Это распределеціе годовой платы лицамъ, статья ничтожная, и расчисленіе процентовъ на капиталы статья не безполезная, но недостаточная потому, что опредѣляетъ только годы, и не даетъ способа для расчетовъ за мѣсяцы и дни. Эти обѣ статьи занимаютъ треть книги.

=

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ и Ихъ Императорскія Высочества, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ, Великая Княжна Марія Николаевна, и Великая Княжна Александра Николаевна, 13-го Іюля въ 7-мъ часу по полудни изволили прибыть въ Столицу изъ Царскаго Села по желѣзной дорогѣ и въ 8-мъ часу тоже дня благополучно возвратились по желѣзной же дорогѣ въ Царское Село.

Франція. Военныя дѣйствія въ Алжирѣ продолжаютъ по прежнему. Абдъ-Эль-Кадеръ съ упорною настойчивостію старается поддержать на Сѣверо-Африканскомъ берегу Мавританскую національность, но уступая безпрестанно искусству противниковъ, отнимающихъ у него городъ за городомъ, почелъ за лучшее строить новые города въ мѣстахъ отдаленныхъ и неудобныхъ для правильной осады. Такъ имъ за-

ложены: *Богарь* въ 15 миляхъ къ югу отъ Медин, въ 1839 году; *Таза* въ 12 миляхъ къ юго-востоку отъ Миліаны на горѣ Катмата, на одномъ изъ самыхъ высокихъ пунктовъ Атласа; *Саида* въ полуторѣ дняхъ пути на югъ отъ Маскары; *Тафрана* на день пути къ югу отъ Тлемсена; *Текеделитъ*, одно изъ важнейшихъ поселеній Абдъ-Эль-Кадера въ 30 миляхъ на юго-западъ, основанъ въ 1835 году.

Въ продолженіи 10 лѣтъ равнина Метиджи была театромъ войны; два раза Французы брали Меду, но переменныя обстоятельства заставляли покидать это мѣсто, и поселенія за Атласомъ не могли быть основаны. Овладѣть Миліаной было необходимо, чтобы показать Эмиру, что Франція, во что бы то ни стало, постарается удержать владычество свое за Атласомъ. Планъ похода, одобренный правительствомъ, приведенъ во всѣхъ частяхъ въ исполненіе, Французы водворились въ долину Шетнол; Меду и Миліана, соединенныя съ Метиджой, и многія племена должны будутъ отстать отъ Эмира. Походъ 1840 года былъ какъ нельзя болѣе удаченъ, и большой союзъ, составленный Абдъ-Эль-Кадеромъ, разстроился совершенно: дивизія Константинская воспрепятствовала успѣхамъ Эмира возмутить подвластныя Франціи племена; генералъ-лейтенантъ Гольбуа приблизился къ желѣзнымъ воротамъ и въ нѣсколькихъ стычкахъ разбилъ войска Эмирова Халифата.

Между тѣмъ адмиралъ Розамель отправленъ съ эскадрою изъ Тулона, чтобы удержать Туинскаго Бей отъ вторженія въ Константиинскую провинцію и принудить его къ исполненію трактата, подписаннаго имъ въ 1830 году.

Для подкрѣпленія Французской арміи, дѣйствующей въ Африкѣ, посылаютъ отрядъ въ 5000 человекъ, изъ Испанскихъ выходцевъ, составляющихъ

въ настоящее время заботу правительства Франціи. Они будутъ въ провинціи Константины, откуда трудно дѣлать побѣги.

Франція заключила съ Техасомъ дружественный и торговый трактатъ 22 Іюня 1839 года. Этимъ трактатомъ обѣимъ договаривающимся сторонамъ обеспечены права націй, пользующихся наибольшимъ покровительствомъ въ томъ и другомъ государствѣ.

Остатки арміи, защищавшей дѣло Домъ Карлоса, переходятъ безпрестанно во Францію: недавно 8000 человекъ изъ отряда Паласіоса перешли черезъ границу и были тотчасъ обезоружены; въ провинціяхъ Испаніи едва ли остается еще 4000 человекъ, готовыхъ также перейти во Францію.

15 Іюля закрыто собраніе владать 1840 года.

Англія, дѣло съ Китаемъ все еще идетъ только въ приготовленіяхъ; впрочемъ адмиралъ Эдмундъ отправился съ Мыса Доброй Надежды въ Китай съ линейнымъ кораблемъ Мельвилемъ, фрегатомъ Blonde и шлюпомъ Пиладъ. Капитанъ Рамзай, прибывшій въ Ценангъ, закупилъ съѣстныхъ припасовъ для 5000 человекъ, назначенныхъ въ экспедицію противъ Китая, изъ которыхъ 4000 Европейцевъ, а 1000 туземцевъ. Сіянцы начинаютъ дѣйствовать вопреки видамъ Англичанъ; они не выпускали изъ своей земли 200 половъ рогатаго скота, купленныхъ тамъ для экспедиціи. Китайцы съ своей стороны готовятся принять непріятелей достойнымъ поднебесной имперіи образомъ.

По случаю беременности своей, Королева писала палатамъ слѣдующее: «ненадежность жизни человеческой и глубокое чувство обязанностей моихъ къ народу, заставляютъ меня предложить вамъ принять въ уваженіе всѣ возможные случаи, и обезпечить испол-

неніе власти Королевской. Я готова утвердить мѣры, которыя вы найдете удобнѣйшими для поддержанія достоинства короны и для обезпеченія правъ и преимуществъ моего народа.»

Въ слѣдствіе сего въ билль о Регентствѣ постановлено:

«Если по кончинѣ Ея Величества Королевы (отъ чего да сохранить насъ Господь) останется дитя Ея Величества, то до восемнадцатилѣтняго возраста Его Королевское Высочество принцъ Албертъ будетъ его опекуномъ и воспитателемъ, и въ продолженіи сего времени Его Королевское Высочество будетъ пользоваться всѣми правами Регента и управлять королевствомъ сообразно съ законами его и съ тѣми условіями, ограниченіями и правилами, которыя упомянуты и исчислены ниже. Регентъ, прежде нежели начнетъ дѣйствовать въ семь качествъ, обязанъ присягнуть по формѣ, предписанной и требуемой актомъ парламента, утвержденнымъ въ первый годъ царствованія Короля Вильгельма и Королевы Маріи.»

Форма присяги слѣдующая: «объщаюсь торжественно и клянусь искренно и вѣрно исполнять обязанности Регента соединеннаго королевства Великобританніи и Ирландіи сообразно съ актомъ Парламента, утвержденнымъ въ четвертый годъ царствованія Ея Величества Королевы Викторіи, подъ заглавіемъ: актъ касательно управленія государствомъ въ случаѣ, если корона перейдетъ на главу сына или дочери Ея Величества, недостигшихъ еще осмнадцатилѣтняго возраста, и касательно опеки надъ ними. — Объщаюсь и клянусь править соединеннымъ королевствомъ и всѣми зависящими отъ него владѣніями сообразно съ законами, обычаями и статутами страны, и поддерживать всюю моею властію безоц

пасность, честь и достоинство Королевскаго Величества и благоденствіе подданныхъ. — Да поможетъ мнѣ въ томъ Господь!» Другая форма присяги: «Клянусь и обещаюсь торжественно поддерживать и сохранять непорушимо религію протестантскую, равно управленіе, благочиніе, права и привилегіи церкви Шотландской, какъ онѣ утверждены закономъ. — Въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь.»

Королю или Королевѣ, во время малолѣтства не будетъ дозволено заключать бракъ до восемнадцатилѣтняго возраста, съ кѣмъ бы то ни было, безъ предварительнаго письменнаго согласія регента и утвержденія обѣихъ палатъ Парламента. Всякій бракъ, заключенный безъ упомянутаго согласія и утвержденія, будетъ ничтоженъ и недействителенъ. Рѣшено и объявляется, что если Его К. Высоч. Принцъ Албертъ, бывъ наименованъ регентомъ королевства и опекуномъ малолѣтнаго Короля или малолѣтной Королевы, сочетается съ лицомъ, исповѣдующимъ религію Римско-Католическую, перестанетъ жить въ соединенномъ королевствѣ Великобританіи и Ирландіи, или отлучится изъ онаго, то онѣ немедленно теряетъ титулъ регента и опекуна, равно какъ всѣ права и всю власть, присвоенныя ему въ силу настоящаго акта.

Египетъ. Возстаніе въ Сиріи съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе распространяется; всѣ карантинны уничтожены; сообщенія съ внутренними городами прерваны. Изъ Александріи посланы 19 Іюня войска подъ начальствомъ внука Мегемета-Али, Аббаса-Паши. Ливанскіе Горцы объявили, что хотѣтъ свергнуть иго Паши Египетскаго и возстановить въ Сиріи власть Порты. Они осадили Бейрутъ, куда Египтяне высадили 12,000 человекъ и угрожаютъ Яфѣ,

Дамаску и нѣкоторымъ другимъ городамъ. Солиманъ-Паша (ренегатъ Севъ) сдѣлалъ противъ нихъ три вылазки, но безуспѣшно. На Бейрутскомъ рейдѣ стоятъ теперь четыре Египетскіе корабля, одиннадцать фрегатовъ, шесть корветтъ, пять бриговъ и два парохода, изъ которыхъ часть принадлежитъ Турецкому флоту Ахмета-Феванъ.

3-го Іюля прибыли въ Бейрутъ Англійскій фрегатъ Касторъ, пароходъ Циклопъ и Сардинскій корветтъ Эгль. — Безначаліе достигло высшей степени; болѣе 500 человекъ оставили Бейрутъ и отправились на островъ Кипръ. Эмиръ Махмудъ, племянникъ Эмира Бешира, отправленный къ инсургентамъ для убѣжденія ихъ положить оружіе, присоединился къ Горцамъ съ находившимися подъ его начальствомъ 250 человекъ, изъ которыхъ 150 конныхъ.

=

НЕКРОЛОГЪ.

—

Джонъ Жоржъ Ламетонъ графъ Дургамъ послѣ продолжительной болѣзни, скончался 28 Іюля на островѣ Вайтъ; онъ родился въ 1792 году, слѣдовательно имѣлъ 48 лѣтъ. Женатъ былъ на старшей дочери Лорда Грея. Онъ былъ представителемъ партіи радикаловъ, но по возвращеніи изъ Канады, около двухъ лѣтъ не участвовалъ въ дѣлахъ. — Имѣніе, имъ оставленное, принадлежитъ къ богатѣйшимъ въ Англій, особенно по угольнымъ копямъ близъ Ньюкастля.

13-го Іюля скончалась отъ водяной болѣзни въ окрестностяхъ Рима принцесса Шарлота Мекленбургская, бывшая супруга Короля Датскаго и разведенная съ нимъ.

=

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМЫСЛЪ.

ОБСЕРВАТОРИИ ДЛЯ НАБЛЮДЕНІЙ НАДЪ МАГНИТНОЮ СТРЕЛКОЮ. Истинно полезныя ученые предпріятія всегда находятъ покровительство и щедрое вспомошествованіе въ нашемъ просвѣщенномъ правительствѣ. — Нашъ почтенный Академикъ Купферъ въ конференціи Академіи 1 Мая изложилъ ходъ и успѣхи ученаго предпріятія едва ли не обширнѣйшаго изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ, въ которомъ Россія принимаетъ дѣлательное и большое участіе. Дѣло идетъ объ устройствѣ магнитныхъ обсерваторій на разныхъ мѣстахъ земнаго шара, для наблюденій надъ движеніями магнитной стрѣлки и для опредѣленія по ней магнетизма земли, одной изъ силъ, до сихъ поръ не изслѣдованныхъ. Мысль къ этому подана знаменитымъ Гумбольдтомъ, и уже въ 1823 году Араго построилъ въ саду Парижской обсерваторіи небольшой павильонъ, исключительно назначенный для магнитныхъ наблюденій.

Въ 1825 и 1826 г. Купферъ производилъ подобныя наблюденія въ Казани; изъ сличенія этихъ обихъ наблюденій, естественно родилась мысль, что для правильности и полноты ихъ надобно, чтобы они дѣланы были по предварительному соглашенію въ дняхъ и часахъ; почему въ 1829 году Гумбольдтъ лично предложилъ это нашей Академіи Наукъ, и съ слѣдующаго года наблюденія надъ часовыми измѣненіями въ уклоненіи магнитной стрѣлки, были производимы восемь разъ въ году, каждыя двадцать минутъ;

два дня сряду въ С. Петербургъ, Казани, Николаевъ и нѣсколько позже на островъ Ситъя и въ Пекинъ. Въ С. Петербургъ къ этому вскорѣ присовокуплены были наблюденія надъ часовыми измѣненіями наклоненія. Наблюденія сіи доказали, въ весьма большомъ размѣрѣ одновременность неправильныхъ движеній стрѣлки.

Россія, которая по огромному протяженію своему можетъ болѣе всѣхъ другихъ странъ содѣйствовать изученію магнетическихъ явленій, предложила могущественное и просвѣщенное содѣйствіе своего горнаго управленія. Уже въ 1834 году три магнитныя и метеорологическія обсерваторіи учреждены были въ трехъ главныхъ городахъ рудоконныхъ округовъ: въ Екатеринбургъ, Барнаулъ и Черчинскъ, три другія обсерваторіи, назначенныя только для метеорологическихъ наблюденій учреждены были на заводахъ Богословскомъ, Златоустовскомъ и Луганскомъ, и наконецъ въ С. Петербургъ въ Институтъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ учреждена нормальная обсерваторія для образованія наблюдателей. На этомъ обширномъ пространствѣ немедленно устроены были соответственныя наблюденія по проэктамъ Г. Купфера и начальника штаба Корпуса Горныхъ Инженеровъ генераль-маіора Чевкина, утвержденнымъ Государемъ Императоромъ.

Въ 1836 году Гумбольдтъ отнесся къ президенту королевскаго Лондонскаго Общества герцогу Суссекскому, просилъ содѣйствія Англійскаго правительства въ производствѣ соответственныхъ магнитныхъ наблюденій, и Англійское правительство съ щедростію, достойною великой и просвѣщенной націи, устроило обсерваторіи на островъ Св. Елены, мысъ Доброй Надежды, Ванъ-Дименовой земль, Канадъ, Мадрасъ, Сингапуръ, Силъ (въ Гималайхъ), Адень (при Аравійскомъ заливѣ). Сверхъ того снабдило необходимыми инструментами обсерваторіи въ Бреславль (въ Пруссіи), Гаммерфестъ (въ Норвегіи), Каиръ и Алжиръ. Наконецъ магнитныя обсерваторіи находятся въ Берлинъ, Бредъ, Брюссель, Копенгагенъ, Геттингенъ, Готъ, Ганноверъ, Гейдельбергъ, Лейпцигъ, Марбургъ, Миланъ, Мюнхенъ, Филадельфія, Прагъ и Упсаль. — При содѣйствіи столькихъ наблюдателей, занявшихъ важнѣйшіе пункты земной поверхности, и при внимательномъ изслѣдованіи метео-

рологическихъ и магнитныхъ явленій, можетъ быть наконецъ удастся открыть законы одной изъ величайшихъ силъ, дѣйствующихъ на землѣ. — Результаты могутъ быть чрезвычайно важны и во всякомъ случаѣ крайне любопытны. Мы не преминемъ сообщить ихъ читателямъ нашимъ въ свое время.

ХВОСТЪ КОМЕТЫ. Мичель, въ Нантуки, опровергаетъ мнѣніе, что хвостъ кометы состоитъ изъ матеріи, имѣющей связь съ ядромъ ея. Онъ доказываетъ, что это свѣтоносное явленіе составляется отъ преломленія солнечныхъ лучей въ ядрѣ, соединяющихся въ безконечномъ числѣ точекъ по другую сторону его, и свѣтящихся въ эфирѣ, на большемъ или меньшемъ протяженіи соответственно положенію и направленію кометы. Знаменитѣйшіе астрономы согласны въ томъ, что ядро кометъ, впрочемъ очень сходное блескомъ и формою съ планетами, не можетъ быть ни твердо, ни темно, что нѣкоторыя изъ нихъ очевидно прозрачны, и что количество матеріи, ихъ составляющей, весьма незначительно. Общее мнѣніе астрономовъ всѣхъ вѣковъ было также въ пользу эфира, и наблюденія новѣйшихъ временъ доказываютъ это. — Мичель основываетъ на существованіи эфира преломленіе лучей, безъ него невозможное; и въ такомъ случаѣ становится понятнымъ, почему кометы получаютъ хвостъ приближаясь къ солнцу, и по мѣрѣ приближенія, онъ увеличивается въ длину и силѣ свѣта, потому что и свѣтъ солнца увеличивается въ обратномъ содержаніи квадратовъ разстоянія. Хвостъ кометы показывается правильнымъ или неправильнымъ, потому что лучи солнца могутъ быть частію затемнены ядромъ. Кривая фигура хвоста есть естественное слѣдствіе аберраціи свѣта.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ АНГЛІИ. Въ устройствѣ свѣти желѣзныхъ дорогъ Англія выказала всю обширность своихъ средствъ. Вотъ въ какомъ состояніи нынѣ тамъ это великое дѣло общественнаго благосостоянія: — На пространствѣ, которое, со включеніемъ Ирландіи и сѣверныхъ частей Шотландіи, равняется только тремъ пятымъ пространства Франціи, она имѣетъ 3,600 километровъ (3384 вер-

сты) оконченныхъ или оканчиваемыхъ желѣзныхъ дорогъ. — Изъ этого числа: 32 дороги, открытыя во всю свою длину для пассажировъ и для товаровъ представляютъ линію въ 1,020 километровъ (960 верстъ); 14 дорогъ не достроены, хотя двѣ отчасти открыты. Открытыя линіи ихъ занимаютъ 480 километровъ (459 верстъ); линіи еще неоткрытыя идутъ на протяженіи 700 километровъ (670 верстъ); 30 дорогъ длиною въ 1,400 километровъ (1,340 верстъ) строятся, и ни одна часть ихъ не открыта еще ни для пассажировъ, ни для товаровъ. Почти вся эта сѣть будетъ окончена въ 1840 или не далѣе 1841 года.

Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ фактовъ, представляемыхъ исторіею желѣзныхъ дорогъ въ Англіи, есть огромность капиталовъ, которыми располагаетъ она въ этомъ дѣлѣ. Сумма, какою компаніямъ, существовавшимъ въ Апрѣль 1839 года, дозволено было собрать посредствомъ выпуска акцій, или посредствомъ займовъ, простиралась до 1,500,000,000 фран.; эта почти такая сумма, какаѣ нужна для построенія всѣхъ предположенныхъ дорогъ. И такъ среднимъ числомъ придется по 400,000 франковъ на километръ. Но на многихъ главныхъ дорогахъ, на которыхъ ѣзда производится съ большею быстротою, издержки гораздо значительнѣе. Въ некоторыхъ случаяхъ онѣ увеличиваются вдвое даже на большихъ линіяхъ, а на короткихъ дорогахъ, какъ напр. изъ Лондона въ Гриничъ, одна миля стоила 14,160,000 франковъ, изъ которыхъ 4,472,000 фран. пришлось заплатить за землю. Дороговизна происходитъ оттого, что Англичане срываютъ холмы, прорывзаютъ горы, уравниваютъ долины и въ городахъ строятъ станціи, великолѣпнѣе неуступающія царскимъ дворцамъ. На дорогъ изъ Лондона въ Бристоль устроенъ подземный проходъ (locks-tunnel) длиною въ 1,316 сажень, въ Бирмингамъ окончанъ недавно длиною въ 1,030 сажень; такой же Тоннель устроятъ изъ Шеффилда въ Манчестеръ; онъ будетъ длиною въ 2,250 сажень. Kilsby-tunnel стоилъ 7,590,000 франковъ. Прямая дорога изъ Манчестера въ Бирмингамъ пройдетъ черезъ долину рѣки Даны по мосту длиною въ 386 сажень, и высоту надъ уровнемъ воды въ 14 сажень. Большая западная дорога eastern-countys-railway, пройдетъ къ Лондону посредствомъ моста (vjaduk) на аркахъ, который те-

иерь строится. Дорога изъ Лондона въ Гриничъ вся (на протяженіи слишкомъ пяти верстѣ) построена на аркахъ.

Относительно тарифовъ Англійскій парламентъ постановилъ, чтобы плата за провозъ не превышала 25 сантимовъ за километръ (470 сажень). Въ Англии перевозъ пассажировъ стоитъ компаніяжъ, включая издержки всякаго рода, отъ 4 до 8 сантимовъ. Что касается до товаровъ, то высшая плата, назначенная парламентомъ, судя по качеству товаровъ, простирается отъ 26 до 39 сантимовъ за 1,000 килограммовъ на каждый километръ. Компаніи дорогъ, построенныхъ только для провоза пассажировъ, берутъ за провозъ предметовъ сколько нибудь цѣновыхъ отъ 20 до 30 сантимовъ на километръ, а за предметы простые, напр. каменный уголь и строительные матеріалы, отъ 12 до 15 сантимовъ на километръ. Отъ провоза этихъ предметовъ за такую цѣну компанія не получаетъ никакихъ выгодъ.

Изъ всѣхъ предпріятій Англичанъ особенно важно для Англии и Франціи предпріятіе ускорить и облегчить сообщеніе Лондона съ Парижемъ. Три желѣзныя дороги строятся отъ Лондона по направленію къ берегу противоположному Франціи. Это дороги въ Дувръ, Брейтонъ и Соутамптонъ; одна примкнетъ къ каналу насупротивъ Кале или Булони, другая насупротивъ Діеппа, третья насупротивъ Гавра. Линія Дуврская пойдетъ на протяженіи 130 верстѣ; ее можно будетъ провхать въ 4 часа; линія Брейтонская самая короткая, она будетъ только въ 76 верстѣ и для провзда нужно будетъ не болѣе 2 часовъ и 20 минутъ. Линія Соутамптонская въ 115 верстѣ и въ 3½ часа. Такъ какъ Булонь отстоитъ отъ Парижа только на 260 верстѣ, то отсюда можно пріѣхать въ Парижъ въ 7 часовъ, а черезъ проливъ на сильныхъ пароходахъ можно перѣхать въ 3 часа, включая сюда и полчаса остановки въ каждомъ портѣ. Такимъ образомъ на провздъ изъ Лондона въ Парижъ нужно будетъ черезъ Булонь 15 часовъ, черезъ Діеппъ 17, черезъ Гавръ 24.

НОВОЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТИПОГРАФСКАГО ИСКУССТВА. Житель города Песта, Киглеръ, изобрѣлъ машину, которая сдѣлаетъ переворотъ въ типографскомъ искусствѣ и которая, кромѣ огромной экономіи во времени и издерж-

кахъ, сдѣлаетъ не нужнымъ стереотипъ. Машина очень простая, но умно придуманная, состоитъ изъ двойнаго механизма: одинъ служитъ для набора, другой для разбиванія буквъ. Первый имѣетъ форму восьми-угольника и раздѣленъ на столько кляточекъ, сколько буквъ и другихъ необходимыхъ знаковъ для набора строкъ на данномъ языкѣ. Каждая кляточка имѣетъ соответствующій ей клапанъ, чрезъ прижатіе котораго буква выходитъ изъ своего мѣста и становится въ линейку возлѣ другихъ буквъ. Это совершается съ такою точностію, какъ бы наборомъ занимался самый внимательный наборщикъ. Чтобы набрать большой листъ, нужно не болѣе одного работника и полтора часа времени. Ежели пустить машину въ непрерывное дѣйствіе день и ночь, смѣняя работника чрезъ 12 часовъ, то она наберетъ въ сутки 18 большихъ листовъ. — Когда потребное число листовъ отпечатано, и буквы хотятъ разобрать, то поворачиваютъ цилиндръ, находящійся при машинѣ и составляющій неотдѣльную часть ея, и буквы тотчасъ входятъ въ свои кляточки съ чрезвычайною скоростію. Отъ Университета Пестскаго была наряжена ученая коммиссія для освидѣтельствованія этого изобрѣженія, и она отозвалась о немъ съ большою похвалою. — Киглеръ думаетъ, что машину можно еще усовершенствовать, и теперь пріискиваетъ способъ разбирать набранныя буквы посредствомъ паровъ. Машина требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ механизмѣ, смотря по языку, для котораго составляется.

ТКАНИ ИЗЪ СТЕКЛА. Вотъ новая вѣтвь самой утонченной промышленности: придумали прядь стекло и ткань матеріи, какъ изъ одного стекла, такъ и въ соединеніи съ шелкомъ, шерстью, льномъ, и всякъ чѣмъ угодно; 29 Іюня 1840 года выдана на это изобрѣтеніе шести-лѣтняя привиллегія купеческому сыну Егору Шамо. — Стекло прядется посредствомъ лампы съ безпрерывнымъ поддуваломъ, какую употребляютъ эмальеровщики. Стекланная нить наматывается на деревянное колесо, въ три фута въ діаметръ, приводимое въ движеніе паромъ или другою силою. Тонкость стеклальной нити зависитъ отъ скорости движенія колеса; чѣмъ скорѣе оно вертѣтся, тѣмъ тонѣе

нить. По снятіи съ колеса нить тотчасъ передается въ мастерскую для дальнѣйшаго приготовленія посредствомъ особеннаго снаряда. Тканье изъ этого стекла можетъ быть производимо на всякомъ станкѣ, при незначительныхъ приспособленіяхъ его.

ГОВОРЯЩАЯ МАШИНА. Францъ Фаберъ выставилъ въ Вьнѣ машину, которая издаетъ не только звуки человѣческаго голоса, но слова и цѣлыя фразы на Нѣмецкомъ и прочихъ языкахъ. Она заключаетъ въ себѣ нѣсколько небольшихъ раздуваемыхъ мѣховъ, сдѣланныхъ изъ качука. Звуковъ столько, сколько въ азбукѣ буквъ. Троньте пружину, и машина произнесетъ букву; чѣмъ скорѣе и вѣрнѣе пружина тронута, тѣмъ яснѣе звукъ. Теперь эта машина подражаетъ только дѣтскому голосу, но изобрѣтатель увѣряетъ, что она безъ особеннаго измѣненія конструкции, можетъ подражать и голосу взрослому человѣку. Что многіе люди похожи на машины, это извѣстно; но вотъ теперь будутъ машины, похожія на людей. Мы увѣрены по крайней мѣрѣ, что очеловѣченные машины будутъ меньше говорить и дѣлать глупостей, чѣмъ машинные люди. Былъ же автоматъ, который превосходно игралъ въ шахматы и обыгрывалъ игроковъ, сдѣланныхъ изъ настоящихъ живыхъ людей. Правда, сюда прокрадывалось маленькое плутовство — но механизмъ автомата все-таки былъ очень искусно придуманъ. Теперь остается заняться устройствомъ машины, которая бы мыслила. Къ этому уже сдѣланъ большой шагъ — сочиненіемъ нѣкоторыхъ логикъ. Логикъ эти совсѣмъ не предполагаютъ живаго человѣческаго ума; они имѣютъ дѣло съ машинами и берутся такъ хорошо ихъ завести и настроить, что онѣ будутъ составлять наилучшія сужденія и самыя правильныя силлогизмы, сокращенные, обращенные, превращенные, эпихеремы, сориты и проч. и проч. А старинная мнемоника, а разныя педагогическія методы, посредствомъ которыхъ можно выучиться историческимъ и всякимъ наукамъ, оставляя разсудокъ въ сторонѣ, такъ какъ бы его вовсе не было? Да здравствуютъ машины! Хвала машинолюбивому вѣку!

ПЕТЕРБУРГСКАЯ МУЗЫКА. Извѣстный композиторъ, Адольфъ Адамъ, который провелъ прошлую зиму въ

Петербургъ и возвратился живъ изъ Германіи въ Парижъ, излагаетъ въ письмѣ къ редактору *France Musicale* свои замѣчанія о музыкѣ въ Петербургѣ. Авторъ «*Postillon de Longumeau*» отдастъ полную справедливость таланту нашихъ виртуозовъ и дилетантовъ. Вокальная церковная музыка, говоритъ онъ, занимаетъ первое мѣсто по возвышенности своихъ идей и по удивительному искусству исполненія. Хоры производятъ погрѣшающее дѣйствіе. Съ большою похвалою отзывается онъ также объ нашей національной оперѣ «Жизнь за Царя» и удивляется искусству г. Глинки въ необыкновенной инструментовкѣ. — О Цыганахъ говоритъ: «Пѣніе ихъ есть самое странное, какое можно только себѣ представить. Сначала ихъ дикіе, пронзительные голоса несприятно дѣйствуютъ на ухо своимъ рзакимъ тономъ, но когда они одушевляются, то дикій ихъ восторгъ, сопровождаемый изступленными тѣлодвиженіями, порождаетъ настоящее музыкально-важническое безумство. Они какъ буря увлекаютъ и потрясаютъ сердце.» — Потомъ онъ переходитъ къ нашей военной музыкѣ и сравнивалъ ее съ Французскою, сознается, что Французы далеко отстали отъ насъ по этой части. Ихъ полковая музыка бѣдна, во всехъ отношеніяхъ въ сравненіи съ нашей. Онъ сожалѣетъ, что ему не удалось слышать концерта для инвалидовъ, на которомъ участвуютъ отъ 800 до 900 музыкантовъ. Онъ слушалъ концертъ, на которомъ было 400 гвардейскихъ музыкантовъ и былъ пораженъ удивительною, такъ сказать, чистотою звуковъ, силою и гармоніей. Его удивило то, что увертюры Личд-найтнера, Мендельсона, Уалера, вариации Шнора и нѣкоторыя пьесы Бетховена, были разыграны одними духовыми инструментами. Этого во Франціи не бываетъ. Полковые оркестры въ ней состоятъ изъ 27 человекъ, у насъ изъ 40, не говоря уже о томъ, что нѣкоторыхъ духовыхъ инструментовъ у нихъ вовсе нѣтъ. Слишкомъ кратковременная служба Французскаго солдата не позволяетъ ему усовершенствоваться въ музыкѣ, и министерство объ ней мало заботится. Изъ всехъ министровъ одинъ маршалъ Мезонъ, бывшій долгое время посломъ въ Петербургѣ, и потомъ получившій портфель военнаго министра, обратилъ вниманіе на полковую музыку. По примѣру нашихъ пол-

ковикъ музыкальныхъ школъ, онъ учредилъ училище для военной музыки. Директоромъ этого заведенія онъ сдѣлалъ Беера, отличнаго кларнетиста и очень искуснаго компониста, но очень плохаго дерижера. Каждый полкъ долженъ былъ посылать въ училище по два музыканта, которые, возвратясь черезъ два года, должны были образовывать учениковъ. Училище начало процвѣтать, но Бееръ внезапно умеръ. Къ счастью на мѣсто его поступилъ искусный компонистъ, Караффа, и поддержалъ заведеніе. Но чтобы полковая музыка процвѣтала во Франціи, для этого надобно, по мнѣнію г. Адама, назначить музыкантамъ большее жалованье, чтобы они оставались въ полку и по окончаніи срока службы, и главное, ввести нѣкоторыя духовыя инструменты. Караффа это все понимаетъ, но его не поддерживаетъ Правительство въ исполненіи его видовъ.

НАЧАЛО ЖИВОПИСИ ВЪ СРЕДНИЕ ВѢКА. Поэзія Европейской жизни во всѣхъ ея отрасляхъ возникла изъ духа Христіанства; въ IX-мъ вѣкѣ показались манускрипты, украшенные живописью; тогда начались и миниатюры. Въ манускриптахъ Меровингскихъ едва находятъ кой-гдѣ изображенія Евангелистовъ, довольно грубо сдѣланныя. Но начиная съ Карла Великаго, миниатюры показываются чаще и совершенствуются. Всѣ Библейскіе сюжеты перебивали на виньеткахъ, и это были настоящія картины въ малыхъ размѣрахъ. Довольно упомянуть о Библии Карла Пльшитаго въ великолѣпномъ изданіи Ботарда. Достоверно, что Европейская живопись изъ манускриптовъ перешла на стѣны церквей, въ гостинныя, наконецъ во дворцы. Миниатюры идутъ непрерывною линіею отъ Карла Великаго до Леона X-го, и въ нихъ вы найдете всѣ типы впоследствии идеализированныя художниками XVI вѣка. Миниатюры впрочемъ не были единственною вѣтвію живописи. Извѣстно, что при Карлѣ Великомъ стѣны церквей, монастырей, аббатствъ, дворцовъ, были также расписываемы. Многія Капитулярія предписываютъ украшать и расписывать церкви. Тогда изображали извѣстные сюжеты, безпрестанно съ тѣхъ поръ повторяемые, какъ напримѣръ бѣгство въ Египетъ. Въ это время расписывали не только

ствны, но блюда, вазы, шелковыя платья, часто даже попоны и чепраки лошадей. Одно любопытное мѣсто въ Карловингскихъ книгахъ, кажется, доказываетъ, что иногда изображали предметы изъ древней мѣологии. Карлъ Великій упоминаетъ о множествѣ мѣологическихъ предметовъ, которыми пользовались тогдашніе живописцы. Конечно, не во Франціи онъ могъ видѣть такого рода изображенія; вѣроятно онъ видѣлъ ихъ въ Италіи, гдѣ преданія о древнемъ искусствѣ сохранялись, и откуда они могли перейти послѣ уже во Францію и распространиться въ ней при Карлѣ. Портретная живопись была уже извѣстна въ IX-мъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ портретъ Карла Великаго, сохранившійся въ Ватиканѣ, современенъ своему оригиналу. Германскій типъ лица очень удачно схваченъ въ этомъ портретѣ. Позже изображали Карла въ видѣ Римскаго Императора, безъ индивидуальнаго характера. Взвѣсивъ изъ Равенны планъ и матеріалы Аусбургской церкви, Карлъ долженъ былъ принять и мозаику, впрочемъ извѣстную еще Галламъ. Эмерикъ Давидъ приписываетъ IX-му вѣку искусство писать на стеклѣ. Онъ приводитъ одинъ случай изъ историка Сень-Бенигна Дижонскаго, писавшаго около 1052 года, и говоритъ объ окнахъ еще прежде украшенныхъ живописью, что заставляетъ отнести ихъ къ царствованію Карла Плѣшиваго. Но Эмерикъ Давидъ думаетъ, что искусство писать на стеклѣ еще не существовало при Карлѣ Великомъ.

КАЛЛІОСТРО. Вѣроятно всѣ читатели наши слышали о знаменитомъ шарлатанѣ Калліостро; но можетъ быть не всѣ знакомы съ подробностями жизни сего замѣчательнаго пройдохи, который съ такимъ блескомъ плутовалъ и обманывалъ легковѣріе людское, пока не добился наконецъ до тюрьмы. Впрочемъ, чѣмъ онъ хуже разнаго рода другихъ шарлатановъ, которые живутъ себѣ и богачеютъ на счетъ человѣческихъ глупостей, прикрываясь часто именами самыхъ почтенныхъ искусствъ и занятій? Хорошо, если бъ ихъ проказы были также описываемы какъ проказы Калліостро; можетъ быть было бы меньше обманутыхъ.

Калліостро явился на свѣтъ 8 Іюня 1743 года въ Па-

дѣръ, отъ бѣдныхъ родителей. Дѣтство его протекло среди черни. Къ разврату большихъ Италіанскихъ городовъ онъ присоединилъ восторженность, невѣжество, смѣлость и лукавство своихъ соотечественниковъ; но что также имѣлъ онъ въ высокой степени, такъ это была красота нѣтъ, даръ безцѣнный для той эпохи, даръ, доставившій ему большую часть усильевъ. Ничто не могло противиться чело-вѣку прекрасному и сверхъестественному. Если бы Донъ Жуанъ немножко поучился белой магіи, то Донна Эльвира вѣрно бы его обожала. Благодаря этой магіи, Калліостро одержалъ болѣе побѣдъ, чѣмъ Ришелье и Казанова вмѣстѣ; это былъ Донъ Жуанъ, помноженный на Великаго Алберта. Странное имя Калліостро не было настоящимъ именемъ нашего волшебника; онъ назывался просто Бальзамо; славное имя для челоука, которому суждено было составить свое счастье элексиромъ! Первые годы своей юности Бальзамо провелъ среди Палермы, города щеголеватыхъ скромницъ, мстительнаго дворянства, таинственныхъ монаховъ, безконечныхъ праздниковъ. Народъ, его окружавшій, заклеивалъ печатью двойкаго ига: это Нормандецъ, переродившійся въ Италіанца и Италіанецъ, принявшій кой-что Арабское. Бальзамо соединялъ въ себѣ всѣ три народности своей страны: дѣятельность ума, пылъ сердца, живость воображенія. Рано овладѣло имъ одно чувство — желаніе сдѣлаться богатымъ, и съ этимъ чувствомъ логически связывались всѣ обстоятельства, всѣ первоначальныя впечатлѣнія его жизни. Нянька его тысячу разъ напѣвала ему народныя повѣрья, рассказывала о магическихъ зельяхъ, дающихъ могущество и безсмертіе; описывала ему таинства феодалныхъ развалинъ, открывала, что въ глубинѣ одной пещеры, въ Сициліи, сатана поставилъ стражей, бодрствующихъ день и ночь надъ несмѣтными сокровищами, въ ней спрятанными. Бальзамо только и думалъ, какъ бы достать это завѣтное сокровище, выросшавшее вмѣстѣ съ его воображеніемъ. Увѣренный въ дѣйствительности его, онъ сообщилъ секретъ одному изъ друзей своихъ, золотыхъ дѣлъ мастеру Марано, и этотъ легковѣрный мастеръ далъ ему шестьдесятъ унцій золота на экспедицію. Бальзамо отправился съ твердою рѣшимостію перерѣзать сторожей сатанинскаго банка и добраться до

гранитнаго сундука; но на дорогѣ струсиль: онъ недаромъ Итальянецъ. Безъ сомнѣнія онъ имѣлъ доброе намѣреніе возвратиться въ Палерму и отдать Марано шестьдесятъ унцій золота, но боязнѣ показаться трусомъ и смѣшнымъ остановила его. Блаженство свободы, которое онъ вкусилъ въ первый разъ въ жизни и дурные совѣты, вылетѣвшіе изъ полного кошелька, погубили его. Въ маленькомъ портѣ близъ Палермы стояло Арабское судно, которое, продавши свои кораллы, готово было возвратиться на Востокъ. Бальзамо принялъ на судно, и того же вечера будущій магикъ отправился въ отечество Шехаразеды и всевозможныхъ чудесъ. На суднѣ находился старичокъ — путешественникъ съ Ливанской горы; этотъ спутникъ Бальзамо былъ немножко сродни бѣсу, порядочный астрологъ и пребольшой алхимикъ. Между Коптами, Друзами и Маронитами онъ пользовался полною славою колдуна. Фигура Бальзамо ему понравилась; жаръ, съ какимъ молодой человекъ слушалъ рассказы о чудесахъ мечтательныхъ міровъ, плѣнилъ старика. Мало по малу слушатель сдѣлался ученикомъ, ученикъ неопитомъ, неопитъ учителемъ въ свою очередь. Далѣе Бальзамо провелъ два года въ уединеніи на Востокъ; время это употребилъ онъ на изученіе магіи и особенно латыни, составлявшей для него половину тайныхъ наукъ.

Тогда Бальзамо пустился по Востоку. Онъ прошелъ съ своимъ элексиромъ Аравію, Персію, Египеть. Вездѣ вокругъ него царствовала магія. Въ Аравіи ходили Амулеты, въ Персіи Талисманы, только Феллаги Египетскіе искали всѣхъ благъ земныхъ въ скромномъ пьянствѣ. Всюду онъ видѣлъ людей покорныхъ сверхъестественнымъ средствамъ счастья и здоровья. Онъ присутствовалъ при кончинѣ старика, вѣрившаго до смерти возможности продлить жизнь напиткомъ изъ золотой тинктуры. Бальзамо былъ вполне посвященъ въ тайна этой теоріи, обморочившей не одну ученую голову, тѣмъ легче Лазарона Палермскаго. Онъ со всею искреннею увѣренностію принялся составлять свой знаменитый элексиръ долгой жизни, отъ котораго такъ долго былъ пьянъ весь XVIII вѣкъ. Успѣхъ его на Востокъ былъ почти такъ же великъ, какъ въ послѣдствіи въ Европѣ. Неся для всякаго долгую

жизнь, онъ входилъ со слзвою во дворцы, чертоги, гаремы; здѣсь бы очень кстати разсказать счастливыя и занимательныя приключенія нашего колдуна. Эпизодъ о Зюлейкѣ конечно былъ бы здѣсь очень хорошъ, и читатель можетъ быть пожелалъ бы еще шелковыхъ лѣстницъ, Мавританскаго балкона и немножко луннаго свѣта. Гдѣ ихъ взять? — Можетъ быть все это было въ похожденияхъ Альтотаса или счастливаго сына свѣта, какъ говорятъ, титуловалъ себя Бальзамо на Востокъ. Но собаки Франки, какъ извѣстно, не допускаются въ тайны правовѣрнаго Востока, и Бальзамо не разсказывалъ ничего объ этихъ вещахъ, хотя былъ и очень хвастливъ.

Чувствуя, что судьба призываетъ его въ Европу, Бальзамо отказался отъ прекраснаго занятія возвращать молодость одалискамъ и отправился въ Неаполь; но съ нимъ случилось несчастіе, отъ котораго не могли предостеречь его никакіе элексиры — онъ претерпѣлъ кораблекрушеніе, потерялъ все, что было у него, и безъ копѣйки очутился въ Мальтѣ. Тутъ хотѣлъ онъ прибѣгнуть къ элексиру, но рыцари Мальтійскіе, наученные примѣромъ Тамплиеровъ, имѣли къ колдунамъ всякаго рода неодолимое отвращеніе. Орденъ жилъ въ строжайшей положительности, и Великій Магистръ приказалъ Бальзамо оставить островъ въ 24 часа, ежели не хочетъ быть сожженнымъ за живо. Бальзамо, лишенный всѣхъ средствъ, не зналъ какимъ образомъ избѣжать грозившей ему опасности. Ни одинъ капитанъ не принималъ его на судно даромъ. Къ счастью тогда находились въ Мальтѣ Милосердые Братья, выкупавшіе изъ неволи плѣнныхъ, они возвращались въ Неаполь не сдѣлавъ ничего, потому что на сей разъ Арабы потребовали слишкомъ высокую цѣну и эти добрые люди были въ затрудненіи, какъ явиться въ Неаполь безъ плѣнныхъ и лишить городъ процессіи, въ которой ходили искупленные? Бальзамо явился къ братьямъ просить милости; разсказалъ имъ о своей жизни на горѣ Ливанъ, странствованіяхъ по Востоку, и предстоящемъ бѣдствіи. Начальникъ плѣнно-искупателей, человекъ оборотливый, понялъ тотчасъ, какую выгоду можетъ получить отъ Бальзамо. Отъ путешественника по Востоку до плѣнника — разстояніе небольшое. Впрочемъ обманъ извинялся похвальною цѣлью. Бальзамо дали довольно умѣренную плату за

молчаніе, и онъ отправился въ Неаполь, гдѣ долженъ былъ въ присутствіи всего народа разыграть роль освобожденнаго плѣнника. Процессія была великолѣпная; вся знать на ней присутствовала. Бальзамо шелъ по городу съ распущеннымиволосами, въ сандаліяхъ и льняной рубашкѣ, въ костюмѣ искупленнаго плѣнника. Позади его шли два мальчика, держащіе въ рукахъ цѣпи освобожденнаго; одинъ представлялъ милость, другой надежду. Народъ былъ въ восторгѣ. Церемонія кончилась безъ всякаго непріятнаго приключенія для плѣнникаискупителей. Для Бальзамо это было иначе: только что послѣ церемоніи онъ вышелъ на улицу въ платьѣ челоуѣка свободнаго, сбирры схватили его и посадили въ тюрьму; это случилось по просьбѣ легковѣрнаго Марано, золотыхъ дѣлъ мастера, давшаго ему 60 унцій золота, теперь узнавшаго его не смотря на выкупъ, и принесшаго на него жалобу, мимо Надежды и Милости. Плѣнно-искупители, боясь кой-какихъ открытій, заплатили 60 унцій Марано и освободили Бальзамо изъ тюрьмы. Но Марано увѣренный, что его товарищ досталъ дьявольское сокровище, и ушелъ, чтобы не поддѣлиться съ нимъ, распростилъ въ публикѣ слухъ о связяхъ его съ сатаною; Бальзамо сдѣлался предметомъ общаго любопытства. Тогда онъ снова принялся за элексиры и далъ себѣ имя Маркиза Пеллегрини. Дѣло его съ плѣнно-искупителями послужило большимъ пособіемъ въ этомъ случаѣ; онъ выдумалъ цѣлый романъ на счетъ своего плѣна: ему одному удалось спастись изъ всего семейства побитаго пиратами; и вотъ онъ одинъ прямой наследникъ фамиліи Пеллегрини. Марано не было въ Неаполь, опровергнуть лжеца следовательно было нѣкому; и такъ онъ принятъ въ гостинныя какъ маркизь, и въ будуары какъ волшебникъ. Бальзамо вынесъ съ Востока множество секретовъ, теперь бродящихъ по площадямъ. Искусство производить видѣнія, чудесныя картины, удивительныя явленія свѣта, теперь всѣмъ извѣстны; — есть ручная книга магиковъ. Чудныя явленія акустики, которыя въ искусной рукѣ, подъ именемъ невидимой женщины, производятъ истинное очарованіе; способъ убивать и оживлять извѣстныхъ животныхъ, рецентъ, какъ отрѣзать голову или выколоть глаза безъ всякой боли, теперь все это полтинныя вещи; но во время

Калліостро было иначе. Онъ доставалъ кучу денегъ, вызывая тѣни и фиглярствуя такъ, что привелъ бы въ соблазнъ Боско. Только и рвчей было, что о Маркизь Пеллегрини. Но сколько онъ былъ сговорчивъ въ магин, столько же неуступчивъ съ элексиромъ. Обманывая съ одной стороны людей, онъ самъ былъ обманутъ съ другой. Онъ вѣрилъ дѣйствительно, что нашелъ средство продолжать жизнь и былъ неслыханно скупъ на свой элексиръ. Во всемъ Неаполѣ онъ едва рѣшился продать три скляночки. Вкусивши однажды сладость господства надъ обществомъ, Балзамо не захотѣлъ другой; видя, какъ легко владѣть людьми, онъ далъ полный разгулъ своему высокомерію и бредилъ всевозможными почестями. Но прежде всего онъ рѣшился жениться. Послѣ долгихъ колебаній, выборъ его палъ на молоденькую дѣвушку, служившую въ Римѣ натурщицею. Лоренца Фелиціани, имя отнынѣ историческое, была одна изъ тѣхъ гибкихъ Италіянскихъ брונетокъ, которыя напоминаютъ Лукрецію и Виргинію послѣ пятнадцати поколѣній; черные волосы ея были приколоты сзади длинною золотою иглою; прекрасныя черты лица были слегка потемнены жаркимъ солнцемъ Италіи; впрочемъ это была простая деревенская дѣвушка. Во время жатвы, она носила на головѣ тяжелыя снопы; во время собиранія винограда она выжимала изъ кистей благовонную влагу; по вечерамъ пѣла передъ дверьми, въ праздникъ плясала, и вотъ всѣ ея занятія. — Однажды, когда она молча вертѣла свою самопрялку, входитъ къ ней Леонъ, одинъ изъ товарищей ея дѣтства, который назадъ тому нѣсколько времени ушелъ изъ деревни и пропалъ невѣдомо гдѣ. Его преслѣдовали сбирры и онъ просилъ убѣжища. Три дня бандитъ прятался подъ кровомъ молодой дѣвицы, рассказалъ ей приключенія своей жизни, хвалился своею долею, развязалъ свой поясъ и показалъ алмазы, въ тоже время заговорилъ и о любви. Лоренца оставила своихъ сестеръ жницъ, свою самопрялку, пошла за бандитомъ въ горы и постлала себѣ брачную постелю возлѣ орлинаго гнѣзда. Черезъ нѣсколько времени Леонъ, боясь нѣкоторыхъ неудобствъ этой бродячей жизни для своей любовницы, отослалъ ее въ Римъ, гдѣ и навѣщалъ ее отъ времени до времени съ опасностію быть схваченнымъ. Иногда онъ принималъ ее въ горахъ.

Исторія Лоренцы была извѣстна. Часто упрекали ее за эту любовь; но что ей пужды, ежели ея любезный оставяли богатыхъ Англичанъ, или прослѣщихъ монаховъ? Тотъ, кого она любила, былъ хорошъ собой; каждый день онъ рисковалъ жизнью; никто лучше его не умѣлъ направить пули; ни спать хорошенъкую пѣсню подъ звукъ старрой мандолины. Она не знала ни общества, ни его законовъ, ни того, что называютъ честью или подлостью. Она знала только, что у разбойника губы не замазаны въ крови, и что поцѣлуй его не оставляетъ пятенъ. Когда ей говорили, что Леонъ негодяй, она отвѣчала: онъ молодецъ!

Вотъ самая приличная жена для Пеллегрини; но надежды очарователя разбились объ вѣрность Лоренцы, не смотря на обаяніе, которыми онъ былъ окруженъ въ Римѣ, также какъ и въ Неаполѣ. Однажды магическій маркизъ пришелъ къ этой дѣвушкѣ и рассыпался передъ нею всеми блестками своего плодовитаго воображенія, чтобы склонить ее на отъѣздъ съ собою. На все его краснорѣчіе Лоренца отвѣчала только: «въ четыре часа я ожидаю Леона.» Пеллегрини вынулъ часы: «Ты ожидаешь его въ четыре часа?» сказалъ онъ, «черезъ двадцать минутъ онъ будетъ мертвъ.»

— Вы хотите испугать меня? я вамъ не вѣрю.

— А ежели я говорю правду, ты поведешь со мною?

— Куда угодно.

— И такъ я ожидаю тебя вечеромъ; карета готова, мы ѣдемъ въ Парижъ.

Въ назначенный часъ, Леонъ узванный сбирами при входѣ въ Римъ, убитъ защищаясь. Былъ ли Пеллегрини въ стачкѣ съ полиціею или самъ объявилъ о приходѣ разбойника, не извѣстно; впрочемъ это не въ послѣдній разъ, что предсказанія Пеллегрини исполнялись. Но то достоверно, что онъ женился въ Парижѣ на Лоренцѣ. Общественное мнѣніе Парижа чрезвычайно благопріятствовало Калліостро. Ученики его составили секту философическую и почти политическую; онъ назвалъ ихъ иллюминатами. Впрочемъ не думайте, чтобы Калліостро способенъ былъ выситися до понятій психологическихъ. Послѣдователи Кардана, остатки изступленныхъ присоединились къ нему безъ

приглашенія, и вѣроятно онъ пользовался ими не понимая ихъ. Калліостро совсѣмъ не былъ мечтатель; онъ просто былъ шарлатанъ, хотѣлъ только добыть денегъ весьма дорогою продажею своего элексира, который почиталъ очень дѣйствительнымъ, и пользоваться пособіемъ діавола съ наименьшею для себя опасностію.

Въ 1780 году мы находимъ Калліостро въ Страсбургѣ въ качествѣ филантропа; онъ ходилъ по гошпиталямъ, помогалъ больнымъ совѣтами, деньгами, самъ пересвязывалъ раны самымъ отвратительнымъ. Его сатанинская слава повсюду за нимъ слѣдовала. Лафатеръ думалъ найти въ немъ существо сверхъестественное, и въ этомъ расположеніи духа писалъ къ нему въ Страсбургъ съ слѣдующимъ адресомъ: *Графу Калліостро, сыну тьмы въ Страсбургѣ.* — Калліостро отправился въ Базель возвращать молодость банкирскимъ женамъ, которыя въ ней крѣпко нуждались, и здѣсь-то Лафатеръ сошелся съ этимъ сыномъ тьмы. Свиданіе было въ большомъ обществѣ. — Въ чемъ состоитъ ваша наука? спросилъ у Калліостро знаменитый фізіогномистъ. *In verbis, in herbis, in lapidibus*, отвѣчалъ Калліостро, понявшій, что пришло время заговорить по-латынѣ. — Лафатеръ было оробѣлъ при этихъ творительныхъ надежахъ, однакожъ оправился и взялъ Калліостро за носъ, а этотъ въ свою очередь взялъ того за руку: — Вашъ носъ показываетъ, что вы не изобрѣли элексира долгой жизни, сказалъ Лафатеръ. — Ваша рука показываетъ, что вы умрете насильственной смертію, отвѣчалъ Калліостро. Разговоръ на томъ кончился; Лафатеръ возвратился домой вполне увѣренный, что говорилъ съ діаволомъ. — Нѣсколько лѣтъ спустя при взятіи Цириха, одинъ солдатъ, котораго фізіогномію Лафатеръ хотѣлъ разсмотрѣть ближе, закололъ его штыкомъ. Выходить, Калліостро сказалъ правду. 30 Января 1785 года мы видимъ Калліостро снова живущимъ въ Парижѣ въ улицѣ Сень-Клодъ. Когда вспыхнула революція, его связи обратили на него вниманіе полиціи. Де Сартинъ досталъ бланкетъ противъ графа, и его вмѣстѣ съ сатаною посадили въ бастилію 22 Августа.

Но послѣдній нашелъ вѣроятно, что бастилія не довольно темна для него и ушелъ, оставя бѣднаго Калліостро въ рукахъ полиціи; чувствуя себя безъ подпоры, онъ

рѣшился поступать какъ простые люди, незнакомые съ высшими силами; написалъ свои записки, и назвалъ всѣхъ банкировъ Европы, по которымъ стрѣлялъ своимъ элексиромъ; съ этой поры Калліостро былъ павшее величіе, и пошелъ за искателя приключеній, плута, шпіона. Терялись въ предположеніяхъ, откуда онъ беретъ деньги для такой расточительности? и забыли о двухъ главнѣйшихъ источникахъ обогащенія его: объ элексиры и женѣ. Достоверно извѣстно, что многія, между прочимъ Маркиза де Жюльвепень, отдали Калліостро половину имѣнія за скляночку элексира. Что касается до жены его, то не надобно забывать, что это была эпоха, когда управляшіе финансами во Франціи воздвигали чертоги танцовщицамъ. Лоренца Фелиціани имѣла на свою долю прелестей больше, чѣмъ весь олимпъ оперы. Откупщики должны были найти ее столько же страшною обольстительницею, сколько мужа ея страшнымъ колдунемъ. Искусство Цирцеи пришло на помощь къ обаяніямъ Мерлина, и ихъ соединенныя усилія могли хорошо поддерживать огонь кабалистическаго очага. Парламентъ сыгралъ съ Калліостро однакожъ дурную шутку: осудилъ и изгналъ его. Этотъ ударъ совершенно убилъ несчастнаго волшебника. Калліостро удалился въ Англію, потомъ, въ Базель, потомъ въ Вьну, въ Савойю, въ Туринъ, въ Верону. Въ этихъ переездахъ онъ былъ иногда Калліостро, иногда графъ Гарать, графъ Фениксъ, маркизъ Анна де Тивію, Мелиса де Бельмонтъ. Онъ ниспалъ до обыкновеннаго искателя приключеній, не смѣлъ болѣе казаться въ своей роли; сталъ площаднымъ обманщикомъ маленькихъ городковъ; продавалъ свою магію по мелочамъ; это былъ уже бѣдный плутъ, волшебникъ въ отставкѣ.

Лоренца Фелиціани, соскучившись такою бродячею жизнью, захотѣла увидѣть снова мѣсто своего дѣтства, признакъ близкаго раскаянія. Несмотря на униженіе, въ которое Калліостро привелъ ее, она любила своего мужа. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые безпрестанною и блистательною дѣятельностію умѣютъ привязывать къ себѣ женщинъ. Послѣ долгихъ настояній, она наконецъ получила отъ него согласіе отправиться въ Римъ. Гибельная мысль, роковое согласіе — только что они вѣхали въ столицу христіанскаго міра, какъ были тотчасъ взяты по раз-

поряженію инквизиціи и посажены въ крѣпость Св. Ангела. Это было 27 Декабря 1789. Въ тотъ же день и почти въ тотъ же часъ Сицилійскіе пастухи нашли мертвое тѣло во глубинѣ пропасти. Оно принадлежало золотарю Марано, который упалъ туда отыскивая сокровище. Къ чести Калліостро должно сказать, что это была единственная погибель, въ которой можно было упрекать его.

Калліостро вѣрно бы спасся изъ когтей инквизиціи и можетъ быть снова нашелъ бы свою знаменитость, ежели бы отважился объявить себя въ сношеніи съ высшими силами, и потребовалъ сожженія, чтобы показать народу, что онъ какъ Фениксъ возродится въ тотъ же день; инквизиторы усумнились бы, и отъ страха, чтобы это въ самомъ дѣлѣ не сбылось, выпустили бы его. Въмѣсто того однакожъ онъ подчинился обыкновенному судопроизводству, попалъ въ сѣти, ему разставленныя, и счастливымъ себя почелъ, что его не допрашивали о дѣволѣ; онъ былъ осужденъ какъ Франкъ-Масонъ.—Этотъ человекъ не имѣлъ генія своего ремесла. Приговора однакожъ не исполнили. Смертная казнь замѣнена вѣчнымъ заключеніемъ. Жена его достойна удивленія по своей непоколебимой привязанности къ мужу, которую сохраняла неизмѣнно во все время заключенія его. Она какъ будто понимала, что многое простятъ женщина, которая умѣла такъ горячо любить.

Въ темницѣ Калліостро снова сдѣлался Бальзамо. Переведенный въ замокъ Св. Леона въ 1795 году, онъ умеръ тамъ того же года, покаившись во всѣхъ грѣхахъ. Никому однакожъ не ввѣрилъ онъ тайны элексира. Маноманъ перешелъ шарлатана.

Недавно одинъ академикъ, говорятъ, нашелъ рецептъ его; этотъ ученый увѣряетъ въ одномъ изъ мемуаровъ, что элексиръ составляется изъ алоэ и золота. Тѣнь Калліостро должна быть очень не довольна этимъ открытіемъ. Доренца Фелиціяни умерла монахинею въ монастырь Св. Аполлинарія.

I.

ЕВГЕНІЯ ПОНТУА.

(Окончаніе.)

Какъ скоро Торси вышелъ изъ дому, Антонія приказала своей горничной никого не пускать къ ней. Впрочемъ, она сдѣлала это не потому, чтобы опасалась посѣщеній Поля Шагоэня и Гажро, которыхъ имена такъ смутили ее, а для того, чтобы не пришлось провести цѣлый вечеръ со своей несносной сосѣдкой Корнеліей. Надобны были совершенное одиночество, въ которомъ Лавиньянъ оставлялъ дражайшую свою половину, и уединеніе, въ которомъ Торси принужденъ былъ иногда оставлять Антонію, чтобы сосѣдскія сношенія, порожденныя случайною встрѣчею въ мастерской Мануэля, превратились въ знакомство между этими двумя женщинами. Кромѣ того надобенъ былъ и характеръ г-жи Лавиньянъ, чтобы продолжать знакомство не смотря на холодный пріемъ, который ей дѣлали. Мануэль не только жадлъ, что Антонія принуждена была выносить грубую и глупую бесѣду Корнелин,

но и гордость его отъ этого страдала. Корнелія была законная жена живописца довольно известнаго и Антонія легко могла вообразить, что эта связь очень обыкновенна. Она могла подумать, что честолюбіе величайшихъ артистовъ можетъ возноситься до женщины только этого класса; и Торси, по утонченной гордости, очень обыкновенной у людей, которые возвысились сами собою, думалъ, что брачное униженіе товарища падаетъ и на него. Торси рассказывалъ Антонію, что Лавиньянъ былъ нѣкогда въ ужасно стѣсненномъ положеніи и съ отчаянія женился на Корнелии, потому что она, благодаря красотѣ своей, скопила довольно значительную сумму; но доказать этого онъ не могъ, потому что Антонія нигдѣ не бывала и не могла убѣдиться примѣрами противными этому.

Но обдуманное отвращеніе Торси и инстинктивное отвращеніе Антоніи отъ знакомства съ Корнелиею, не могли утомить безстыдной привязчивости этой женщины. Ей десять разъ отказывали, она приходила въ одиннадцатый и достигала своей цѣли. Корнелія была слишкомъ простая женщина, чтобы это могло оскорблять ея, а по бѣдности въ идеяхъ, она ни часа не могла провести безъ скуки сама съ собою. Раза два, три, Лавиньянъ, возвращаясь по вечерамъ домой, заставалъ жену свою въ гостяхъ у придверницы, къ которой она ходила, какъ говорится, поболтать.

Просимъ покорнѣйше читателей нашихъ извинить пошлость всѣхъ этихъ подробностей: къ несчастію, подобное положеніе гораздо обыкновеннѣе, чѣмъ какъ многіе думаютъ и отравляетъ жизнь многихъ изъ людей, прославившихся въ искусствахъ, наукахъ и даже политикѣ.

Лавиньянъ до того бранилъ Корнелию за эту дружескую связь съ придверницей, что она наконецъ перестала ходить къ ней. Послѣ этого, само собою разумѣется, что когда Антонія поселилась въ ихъ домъ, она чрезвычайно этому обрадовалась, и бѣдная Антонія, не смотря на свое естественное отвращеніе отъ подобной женщины, сначала терпѣла ея посѣщенія, какъ зло неизбѣжное, а потомъ привыкла къ нимъ, какъ къ шуму, непріятному для слуха, но который по крайней мѣрѣ прерывалъ безмолвіе ея уединенія.

Въ этотъ вечеръ, Антонія такъ сильно была отброшена въ свое странное положеніе, такъ ясно увидѣла всю его неловкость и невѣрность, такъ жестоко была огорчена имъ, что ей хотѣлось остаться одной со своими чувствованіями, сожалѣніями, можетъ быть, надеждами. По этому, вечеромъ, когда Корнелия пришла, ей сказали, что Антоніи нѣтъ дома. Она очень знала, что это неправда; но подумала, что Антонія хочетъ оставаться одна потому, что у ней была какая нибудь размолвка съ Торси; а какъ онъ, противъ своего обыкновенія, не обѣдалъ дома, то она рѣшила, что у нихъ, вѣрно, была жестокая ссора. Это еще болѣе подстрекнуло ея любопытство, и она всячески старалась пробраться къ Антоніи; но горничная геройски сопротивлялась, такъ что г-жа Лавиньянъ, отраженная ею, принуждена была ретироваться домой. Но въ какіе нибудь полчаса, она соскучилась до такой степени, что рѣшилась сдѣлать то, что мужъ такъ строго запретилъ ей. Она пошла въ швейцарскую и чтобы имѣть какой нибудь предлогъ, отправила придверника съ какимъ-то порученіемъ, хотя могла бы послать одного изъ своихъ людей. Потомъ она притворилась, будто хочетъ подождать, покуда онъ воротится, и

*

такимъ образомъ пустилась на просторъ и на досугъ толковать съ придверницею, въ твердой увѣренности, что нисколько не унизила своего достоинства.

Придверница только что успѣла рассказать Корнелин, что лакей, въ богатой ливреѣ, приносилъ Торси записку и онъ послѣ этого ушелъ со двора, какъ вдругъ у дверей раздался сильный стукъ и голосъ, по которому Корнелия тотчасъ узнала Поля Шагоэня; онъ спросилъ, дома ли г. Торси?

— Нѣтъ, отвѣчала придверница.

— Но г-жа Торси дома?

Придверница отвѣчала утвердительно, потому что приказъ, отданный Антонию въ передней, еще не дошелъ до швейцарской. Поля Шагоэнь тотчасъ пошелъ на верхъ, а Корнелия вскочила со стула, подбѣжала къ дверямъ и высунувшись на лѣстницу, прислушивалась къ стуку шаговъ его.

— Что это вы тамъ слушаете? спросила придверница.

— Тише! отвѣчала Корнелия, услышавъ звонъ у дверей Торси.

И обѣ эти женщины принялись слушать во всѣ уши; но до нихъ доходилъ одинъ только звукъ голосовъ, а словъ различить было невозможно. Переговоры шли довольно долго; потомъ дверь затворилась; все затихло; а Поля Шагоэнь не выходилъ.

Такъ его приняли, приняли, когда Торси нѣтъ дома, приняли, когда ей, Корнелин, отказали; такъ

следственно его знают, его ждали? Корнелія затрепетала гнусной радостью.

— Э, ге, такъ этакъ-то! проговорила она.

— Что такое? спросила придверница.

— Ничего, ничего, отвѣчала Корнелія.

Она, конечно, не изъ скромности умолчала о гнусныхъ подозрѣніяхъ, которыя этотъ случай возбудилъ въ умѣ ея; но хотѣла приберечь для себя все злословіе, всѣ клеветы, которыя можно было извлечь изъ этого, для того, чтобы послѣ самой распустить ихъ.

Она тотчасъ побѣжала къ себѣ, усѣлась въ передней у незатворенной двери и ждала, когда Шагоэнь выйдетъ, чтобы знать, сколько именно времени пробылъ онъ на единѣ съ Антоніею. Она прождала долго, потому что Поль не прежде какъ черезъ часъ вышелъ изъ квартиры Торси. Цѣлый часъ! Женщинѣ, какова была Корнелія, этого времени слишкомъ довольно для возобновленія знакомства, для примиренія, если только не для оболъщенія. Корнелія чувствовала, что у ней въ рукахъ средство отмстить Антонію за красоту, за умъ, за то, что она выше ея; и Корнелія съ жадностію скрлги смотрѣла на свое сокровище, изъ котораго пригоршнями могла почерпать для другихъ соблазнительныя исторіи.

И вотъ въ какія руки попалась несчастная Антонія, и вотъ какимъ образомъ толковали обстоятельство, которое для нея было новою, жестокою горестію.

Узнавъ отъ придверницы, что Торси нѣтъ дома, Шагоэнь подумалъ, что это самое благоприятное время для того, чтобы исполнить свое намѣреніе и добраться до таинственной незнакомки. Шагоэнь рѣшился на это въ твердой увѣренности, что она его знаетъ, и что одного его вида будетъ достаточно чтобы смутить ее. По этому, какъ скоро горничная отперла дверь и сказала ему, что г-жи Торси нѣтъ дома, онъ отвѣчалъ:

— Я знаю, что г-жа Торси не принимаетъ, но потрудитесь сказать ей, что я отъ ея мужа.

— Позвольте спросить ваше имя?

— Она его не знаетъ; доложите только, что мнѣ крайне нужно видѣться съ ней теперъ же.

Шагоэнь одѣвался такъ хорошо, что горничной могъ показаться порядочнымъ человѣкомъ, и потому она впустила его въ комнаты, а сама пошла доложить барынь. Антонія думала, что это опять Корпелія.

— Это какой-то господинъ, сказала горничная, говорить, что онъ отъ барина и что ему непременно нужно сейчасъ повидаться съ вами.

Антоніи и въ голову не пришло, что это не можетъ быть. Испугавшись, она бросила книгу, которую читала, и вскричала:

— Отъ Мануэла?.... Не случилось ли съ нимъ что нибудь?.... Гдѣ же этотъ господинъ?

— Въ столовой, сударыня.

Антонія побѣжала туда и торопливо спросила Шагоэня:

— Скажите, ради Бога, не случилось ли какого несчастія съ Мануэлемъ?

Поль не отвѣчалъ ни слова. Онъ пристально смотрѣлъ на Антонію; она была незнакома ему; онъ никогда ее не видывалъ, и эффектъ, котораго онъ ожидалъ отъ одного своего появленія, совершенно не удался, потому что Антонія тоже глядѣла на него какъ на человѣка, котораго въ первый разъ видить. Пораженная этимъ молчаніемъ, которое казалось ей предвѣстникомъ несчастія, она повторила вопросъ свой, и Шагоэнь, не зная что сказать и замѣтивъ, что горничная стоитъ тутъ же, отвѣчалъ:

— Извините, сударыня, я только вамъ одной могу сказать, за чѣмъ пришелъ.

— Пожалуйте сюда, сказала Антонія, идя въ свою комнату.

Покуда она ввела Шагоэня и затворила дверь, онъ уже оправился и сказалъ самъ себѣ: «Если уже я здѣсь, такъ почему же мнѣ этимъ какъ нибудь не воспользоваться?» Онъ еще не окончилъ этого размышленія, какъ Антонія оборотилась къ нему и спросила въ ужаснѣйшемъ безпокойствѣ:

— Скажите же теперь, что съ нимъ случилось?

— Ничего слишкомъ важнаго, отвѣчалъ Шагоэнь, который, не смотря на всю свою наглость, былъ пораженъ испугомъ Антоніи.... только....

Онъ остановился, не зная что сказать; но безпокойство Антоніи снова вывело его изъ затрудненія, потому что она вскричала:

— Развѣ онъ не у маркиза Шанжерона?

По одному изъ тѣхъ странныхъ случаевъ, которые привязываютъ къ одному слову цѣлый родъ происшествій, имя Шанжерона, произнесенное въ эту минуту, внушило Шагоэню отвѣтъ, который безъ того, вѣрно, не пришелъ бы ему въ голову. Это напомнило ему, что Гажро повхалъ къ маркизу и Шагоэнь отвѣчала на всякой случай:

— Я надѣюсь, что Гажро застанетъ его еще тамъ.

Имя Гажро произвело такое внезапное дѣйствіе на Антонію, что она отступила и повторила трепещущимъ голосомъ:

— Вы говорите, Г. Гажро?

Шагоэнь тотчасъ замѣтилъ ея смущеніе и вспомнивъ, что, по словамъ Корнелин, и его имя произвело точно такое же дѣйствіе на эту женщину, онъ, безо всякой другой причины, кромѣ этого воспоминанія, принялъ трагическое положеніе и сказалъ:

— Да, сударыня, Г. Гажро, а я Поль Шагоэнь!

— Вы! вскричала Антонія въ испугѣ.... вы....

Шагоэнь почти также удивился эффекту, который произвелъ теперь, какъ и тому, что прежде не произвелъ никакого, и сказалъ, безъ особенной мысли:

— Такъ вы знаете меня?

— Знаю ли я васъ? сказала Антонія.... васъ.... васъ.... васъ....

И при каждомъ *васъ* она бросала на него взгляды, исполненные омерзенія, какъ будто хотѣла подавить его ими.

Поль испугался; видно, нѣчто, глубоко затаенное въ душѣ его, зашевелилось, потому что онъ смутился въ свою очередь и повторилъ нетвердымъ голосомъ:

— Вы меня знаете?....

— Знаю ли я тебѣ, злодѣй! вскричала Антонія.

— Но я васъ совсѣмъ не знаю....

— И ты меня не знаешь? сказала Антонія съ отчаяніемъ.

Потомъ вдругъ остановилась, какъ бы пораженная внезапной мыслию.

— Да, да, продолжала она, точно, вы меня не знаете; притомъ это были не вы сами....

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, отвѣчалъ Шагоэнь, котораго испугъ возрасталъ при каждомъ словѣ Антоніи....

Но тутъ Антонія нѣсколько времени молчала и собирая свои растерявшіяся мысли, а можетъ быть, и воспоминанія, она медленно повторила:

— Да, вы меня не знаете.... Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы пришли? прибавила она съ другаго рода страхомъ.

— Признаюсь вамъ откровенно, отвѣчалъ Шагоэнь, которому испугъ Антоніи возвратилъ всю прежнюю его наглость: я пришелъ только для того, чтобы посмотрѣть на васъ, а теперь какъ я васъ видѣлъ, я хочу знать, кто вы.

— Вы никогда этого не узнаете! сказала Антонія

съ достоинствомъ, и прошу васъ покорно выйти отсюда.

— Нѣтъ ужъ, извините, этому не бывать; я не выйду отсюда, пока не узнаю, кто вы такія.

— Г. Шагоэнь, сказала Антонія, произносилъ это имя съ такимъ видомъ, какъ будто оно было угрозою для того, къ кому она его обращала: извольте выйти отсюда.... Извольте выйти отсюда, Г. Шагоэнь! повторила она съ жестокимъ презрѣніемъ.

— Э, сударыня, да я наизусть знаю свое имя.... Я хочу знать ваше имя, и узнаю, увѣряю васъ.

— Мое имя? сказала Антонія.

— Да, да, ваше имя!

— Вы низкій человѣкъ! И вы осмѣлились прійти ко мнѣ, оскорблять меня потому, что я одна дома.

— Такъ пусть же придетъ вашъ Мануэль, вскричалъ Шагоэнь, я спрошу его такъ, что онъ принужденъ будетъ отвѣчать мнѣ.

— Мануэль! И вы осмѣлитесь!.... Что же онъ самъ сдѣлалъ? Что общаго между Мануэлемъ и такимъ человѣкомъ, какъ вы?

— Такимъ человѣкомъ, какъ я! повторилъ Шагоэнь, кипитъ яростію, порожденною, конечно, другимъ какимъ нибудь чувствомъ, а не гнѣвомъ, который могли возбудить презрительныя слова Антоніи. Съ такимъ человѣкомъ, какъ я! Да знаете ли вы, что этотъ человѣкъ въ состояніи....

— О, да, въ состояніи сдѣлать все, даже преступленіе! сказала Антонія.

— Сударыня! вскричалъ Шагоэнь, едва удерживая свое бѣшенство, вы женщина, но ктонибудь другой будетъ отвѣчать мнѣ за то, что вы говорите.

— Такъ я же буду отвѣчать вамъ, вскричала Антонія, внѣ себя.

— Вы!

— Да, я, Евгенія Понтуга.

— Евгенія Понтуга! вскричалъ Поль Шагоэнь, какъ человѣкъ, пораженный сверхъестественнымъ видѣніемъ. Евгенія Понтуга! повторилъ онъ, устремивъ на нея глаза, исполненные ужаса.

— А, теперь вы довольны? теперь вы знаете мое имя? теперь вы можете сказать его Мануэлю, потому что онъ его не знаетъ.

— О нѣтъ, никогда.... никогда! сказалъ Шагоэнь.

— Гнусный, низкій человѣкъ!.... Да, разумѣется, вы его не скажете.... Вы знаете, что тогда я буду защищаться.... тогда я скажу истину.... всю истину.... я все знаю.

— О! этотъ Понтуга! онъ измѣнилъ мнѣ! вскричалъ Шагоэнь, съ яростію ударивъ себя по лбу.

— Не смѣйте произносить имени отца моего! Я вамъ запрещаю! сказала Евгенія съ гордостію. Да, я; хоть я ничего уже на свѣтѣ не значу; но я вамъ запрещаю!

Поль Шагоэнь медленно отошелъ отъ нея, какъ хищный звѣрь, который отступаетъ, чтобы удобнѣе броситься на свою жертву, и сказалъ насмѣшливымъ голосомъ:

— Но вы обвинены въ смертоубійствѣ, а отецъ вашъ уже не можетъ защищать васъ, не можетъ признаться въ своемъ преступленіи.... Онъ умеръ....

— Умеръ?

— Ужъ съ полгода.

— О!.... вскричала Антонія, увлеченная порывомъ горести, о! это ты, злодѣй, ты вовлекъ его въ преступленіе, ты и убилъ его.... О, если онъ умеръ, то горе тебѣ! Теперь я буду говорить.... теперь я все скажу....

— Безъ доказательствъ? Вы съ ума сошли!....

— Безъ доказательствъ! Да, у меня нѣтъ доказательствъ.... Что нужды? Батюшка умеръ!.... Бѣдный отецъ мой! Но скажите мнѣ, какъ онъ умеръ? Жалѣлъ ли онъ о своей дочери?.... Плакалъ ли хоть онъ обо мнѣ?.... Говорилъ ли онъ, что я невинна?....

— Онъ воспользовался тѣмъ, что всѣ думали, будто вы сами лишили себя жизни, спасъ свою голову, обвинивъ васъ и умеръ отъ раскаянія, что былъ причиною самоубійства своей дочери.

— А вы живы! вы еще живы! Вы пришли оскорблять меня! и я еще не предала васъ въ руки правосудія!

— Правосудіе обвинить васъ, Евгенія, потому что всѣ улики противъ васъ. Развѣ вы этого не знаете?

— Что вы говорите?

— А вотъ что, отвѣчалъ Шагознь, и тутъ онъ разсказалъ ей о судебномъ слѣдствіи, которымъ такъ

ясно доказано было, что маркизу Субиранъ убилла она, Евгенія Понтуа.

Евгенія слушала его, въ совершенномъ оцѣпененіи: слова Шагоэля какъ бы окаменили ее. Она уж слышала объ этомъ по возвращеніи своемъ изъ Швейцаріи; но эта исторія, спокойно, хладнокровно рассказываемая настоящимъ преступникомъ, поразила неизъяснимымъ ужасомъ ее, потому что она была во власти этого челоуѣка: этотъ челоуѣкъ могъ погубить ее, опозорить, свести на эшафотъ, сдѣлать стыдомъ и поношеніемъ для Мануэля. Она вдругъ увидѣла, что все это возможно, что все это грозитъ ей. При этой страшной мысли, она совершенно лишилась мужества, бросилась къ ногамъ Шагоэня и заливаясь слезами, вскричала:

— О, вы не скажете? Не правда ли, вы не скажете?

— Можетъ быть, отвѣчалъ Шагоэнь съ гнусной ироніею. Завтра, послѣ завтра я приду сказать вамъ на что рѣшусь....

Такая ужасная наглость возмутила Евгенію; ей стало стыдно, что невинность стоитъ на колѣнахъ передъ безстыднымъ порокомъ; и, повинувась этому чувству, она сдѣлала то, чего бы не сдѣлала для спасенія своей жизни. Она встала и сказала....

— Извольте выйти вонъ, Г. Шагоэнь; я скажу вамъ, когда мнѣ вздумается, что рѣшилась сдѣлать съ вами, и если нужно, съ собою.

Въ этой ужасной сценѣ страхъ переходилъ отъ одного къ другому и теперь, когда Евгенія снова начала грозить, Шагоэнь опять испугался.

— Ну хорошо, сказалъ онъ, хотите ли такъ, какъ будто мы съ вами и не встрѣчались? Я и не знаю, что вы существуете на свѣтѣ; вы меня никогда не видали. Никогда.... слышите ли?

— А кто же поручится мнѣ за ваше молчаніе?

— Моя собственная выгода. Я очень знаю, что ни какое обвиненіе не опасно для меня; но, конечно, желалъ бы избѣжать исторіи, которою мои непріятели могли бы воспользоваться и клеветать на меня.

Это было ужасно. Евгенія уже рѣшилась было согласиться на предложеніе Шагоэня; но это изъясненіе поколебало ее: ей казалось, что молчать значило сдѣлаться сообщницею этого злодѣя, и мысль, что у ней будетъ общалъ съ нимъ тайна, возмущала ее. Но другое болѣе сильное чувство преодолѣло ея отвращеніе, и она сказала:

— Хорошо, я согласна.... но только подите.... подите вонъ.... не говорите болѣе ни слова.... а не то, я можетъ быть рѣшусь на позорную смерть, чтобъ только не видать васъ долѣе.

— Смотрите же, будьте осторожны, сказалъ Шагоэнь, и не забудьте, что я стану присматривать за вами.

Шагоэнь ушелъ. Онъ былъ не менѣе Автопія разстроены тѣмъ, что съ нимъ случилось. Что касается до нее, то какъ скоро онъ вышелъ, она позвонила горничную и сказала ей:

— Не сказывай барину, что этотъ господинъ былъ у меня.

Горничная молча поклонилась; но подумала: видно, случилось что нибудь необыкновенное, потому что барыня совсѣмъ разстроена.

Бѣдная Антонія! Въ какія руки попалась она! Корнелии, Шагоэня и служанки!

Послѣ первыхъ порывовъ горести, Антонія, оставшись одна, могла поразмыслить о сценѣ, которая происходила между ею и Шагоэнемъ и объ условіи, которое она приняла отъ этого челоуѣка. Она отдалась на его волю. Теперь онъ могъ погубить ее въ тотъ день, когда это ему вздумается, въ тотъ часъ, когда это страшное желаніе придетъ ему въ голову, или когда ему покажется, что окончательное осужденіе этой женщины нужно для его спокойствія. Да еслибъ онъ этого и не сдѣлалъ, то что значить жизнь Антоніи, когда она виситъ на ниткѣ, которой конецъ въ подобныхъ рукахъ?

Такое положеніе было невыносимо, и она о томъ только и думала, какъ бы изъ него выйти. Она безпрестанно объ этомъ размышляла и съ отчаяннымъ мужествомъ разорвала въ себѣ самой послѣднія узы, которыя привязывали ее къ жизни. Она убѣждала себя всѣми доводами, какіе только могло внушить ей несчастное ея положеніе, что гораздо лучше добровольно покинуть убѣжище, которое открыла ей любовь Мануэля, чѣмъ быть выгнанной изъ него съ презрѣніемъ и проклятіями того, для кого она осталась въ живыхъ. Это была страшная борьба, въ которой она истощила всѣ свои силы, и когда надобно было приступить къ исполненію, она не въ состояніи была дѣйствовать; потому что въ эту-то самую минуту положеніе ея и представилось ей во всемъ своемъ ужасѣ. Она думала убѣжать изъ дома Ману-

эля; но куда ей дѣваться? Есть-ли у нея хотя какое нибудь убѣжище, гдѣ бы она могла укрыться? Въ двухъ шагахъ отъ этого дома нищета сдѣлалась бы ея неизбѣжною подругою; неужели же ей избавиться отъ нея нищенствомъ? но прошеніе милостыни ведетъ въ судъ, а изысканія судовъ открываютъ имена самыя скрытныя, прошедшіе поступки самыя сокровенныя. Жизнь ея стали бы разбирать шагъ за шагомъ, день за днемъ, и такимъ образомъ дошли бы до роковой эпохи, когда новая жизнь Антоніи объяснила бы, какимъ образомъ исчезли слѣды Евгеніи Понтюа. А притомъ какой стыдъ должна бы она вытерпѣть передъ всѣми, передъ Мануэлемъ и какъ много стыда пало бы и на него!

Бѣжать какъ можно дальше и избавиться отъ нищенства работою? Но на дальнее путешествіе надобно много денегъ, а у Евгеніи ничего нѣтъ. У ней подъ рукою было больше золота, чѣмъ сколько нужно, чтобы переплыть всѣ моря, и еслибы она попросила все это золото, Мануэль съ радостію бы ей его отдалъ; но надобно было взять его безъ спросу. Взять безъ спросу — то есть украсть. Украсть жепщинѣ, которую уже обвиняютъ въ смертоубійствѣ! Антонія затрепетала при этой мысли, какъ будто уже позорный столбъ и падачъ являлась передъ нею!

Между всѣми этими намѣреніями, о которыя она билась и разбивала свое сердце, ница выхода изъ своего ужаснаго положенія, она видѣла одну дверь, отворенную настежь, дверь, которая не затворилась бы передъ нею; могилу. Въ это убѣжище не проникли бы никакія разысканія; чтобы достигъ до него, довольно часа, одной минуты мужества; но этой-то минуты мужества Антонія и не могла снова найти. Въ безуміи, порож-

денномъ въ ней зрѣлищемъ преступленія, при которомъ присутствовала, она хотѣла бѣжать и наткнулась на самоубійство. Рѣка попалась ей подъ ноги и она бросилась въ нея, не измѣривая своего поступка. Но теперь ей надобно было рѣшиться, надобно было обдумавши лишить себя жизни. Тутъ-то мужество Антоніи и падало; она не смѣла умереть, а между тѣмъ жить ей казалось невозможнымъ. Когда умъ человѣческій доходитъ до подобныхъ крайностей, онъ начинаетъ блуждать и часто помѣшательство поражаетъ несчастныхъ, погруженныхъ въ такое страшное раздумье.

Антонія чувствовала, что разумокъ ея колеблется подъ ударами злополучія; и какъ въ этотъ же самый день она уже однажды избавилась отъ помѣшательства молитвою, то и теперь стала искать въ молитвѣ звѣзды путеводной и силы слѣдовать по стезѣ, которую она ей укажетъ.

По сему, еслибъ Торси воротился въ это время, то онъ опять засталъ бы ее на колѣнахъ и въ слезахъ, и упорство въ молчаніи, конечно, произвело бы между ними новое объясненіе; слѣдствіемъ этого объясненія было бы или признаніе Антоніи, или какое нибудь намѣреніе, которое породило бы разрывъ. Но, предавшись одному изъ тѣхъ обманчивыхъ размышленій, которыя сердце считаетъ внушеніями неба, Антонія увѣрила себя что такъ какъ не она создала свой жребій, то и не можетъ управлять имъ и что ей остается только безмолвно покориться рѣшеніямъ судьбы. Антонія, какъ и всѣ люди съ сердцемъ, которое изтерзано несчастіями, рассуждала, основываясь на обстоятельствахъ, тяготившихъ надъ нею, а не на своемъ правѣ и долгѣ; она добровольно преклонялась предъ преступленіемъ

и придавала себѣ всѣ его признаки. Она называла это высокою преданностію судьбѣ своей и не замѣчала, что послѣ упорнаго молчанія, которое она хранила и которое такъ жестоко истолковано было противъ нея, ей приходилось прибѣгнуть ко лжи, которая подкрѣпила бы еще болѣе ненавистныя предположенія. Еслибы другой кто, а не Антонія, былъ обвиненъ въ преступленіи отца ея, она, конечно, не поколебалась бы ни на минуту и объявила бы всю истину, чтобы спасти невиннаго. Но она не понимала, что тѣмъ же обязана и въ отношеніи къ себѣ самой; теперь жертвою была она, и потому воображала себѣ, что властна располагать собою. Съ такимъ чувствомъ, она, не рѣшаясь на физическое самоубійство, совершала самоубійство нравственное.

Антонія была уже гораздо спокойнѣе, когда Торси воротился домой. Еслибъ она знала, какія предосторожности надобно принимать, чтобы ложь не обнаружилась, то можетъ быть, не рѣшилась бы на это; но она думала, что довольно одного приказанія, которое она дала своей горничной. Та, напротивъ, знала, что этого недостаточно, и, какъ дѣвка опытная, сообщила приказаніе госпожи своей и придверницѣ, такъ что когда Торси, проходя мимо швейцарской, спросилъ: Не былъ ли кто у меня? ему отвѣчали, что нѣтъ и, повторивъ вопросъ свой у себя въ передней, онъ получилъ тотъ же самый отвѣтъ.

Онъ воротился домой съ сердцемъ, исполненнымъ гнѣва и жажды мщенія, но его волновала еще и другая мысль. Дорогой онъ размышлялъ о своемъ положеніи: предпріятіе Шагоэня онъ считалъ оскорбленіемъ, которое не можетъ остаться безъ наказанія, но въ то же время ему казалось, что это по-можетъ ему выйти изъ недоумѣнія. Или Поль Ша-

гоэнь не знаетъ Антонія и Торси воображалъ себѣ, что этого одного будетъ довольно, чтобы разсѣять всѣ подозрѣнія, которыя безпрестанно терзали его сердце, или Поль Шагоэнь дѣйствительно ее знаетъ и тогда онъ, хитростью или силою, заставить его сказать, кто эта женщина. Торси ясно видѣлъ, что этого результата ему не добиться безъ борьбы, за что можетъ быть онъ стремится къ несчастной развязкѣ; но какъ бы ни ужасна была эта развязка, ему казалось, что она все же будетъ легче терзаній безвѣстности.

Посему Мануэлю было почти досадно, когда, воротясь домой, онъ не нашелъ тамъ Шагоэня и ему сказали, что тотъ даже не приходилъ. Ему и въ голову не пришло, чтобы отъ него скрывали истину; но онъ былъ такъ взволнованъ, что прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ, чтобы поуспокоиться и потомъ уже идти къ Антоніи. Тутъ онъ сталъ думать, что же это такое: мистификація ли, которую сдѣлалъ Гажро, или, скорѣе, Поль Шагоэнь похвастался и потому не посмѣлъ исполнить то, на что вызвался? Во всякомъ случаѣ онъ, Мануэль, сталъ жертвою злословія, сплетней, шалостей каждаго повѣсы и вмѣшательства всякаго желающаго; и это не можетъ быть иначе, пока Антонія будетъ упорствовать въ своемъ молчаніи; причиною всего этого Антонія: она навлекла на него такое униженіе; она виновата и во всѣхъ его мученіяхъ, потому что не хочетъ прекратить ихъ..... Мануэль пришелъ, чтобы защитить Антонію, а самъ теперь во всемъ обвинялъ ее.

Между тѣмъ какъ онъ предавался этимъ размышленіямъ, Антонія съ безпокойствомъ прислушивалась, удивляясь молчанію, которое царствовало вокругъ нее. Она слышала, что Торси воротился, слы-

шала необыкновенный вопросъ его и отвѣтъ служанки, и послѣ этого онъ пойдетъ къ ней. Значитъ, случилось что нибудь необыкновенное, вѣрно, какое нибудь новое несчастіе. Антонія такъ была увѣрена въ этомъ, что не посмѣла идти къ нему на встрѣчу и осталась въ своей комнатѣ.

Мануэль, со своей стороны, оправившись невозможно, сталъ досадовать на себя, что не пошелъ тотчасъ къ ней и удивлялся, что она, услышавъ его голосъ, не вышла, какъ обыкновенно, къ нему на встрѣчу. Въ одну минуту воображеніе живописца представило ему ужасы; въ одну секунду Антонія сдѣлалась несчастнѣйшею изъ женщинъ, которой онъ ставилъ въ вину ея несчастія; и можетъ быть, въ то самое время, какъ онъ ее обвиняетъ, ее уже нѣтъ тутъ, можетъ быть она убѣжала, какъ собиралась утромъ? Мануэль не успѣлъ дойти до предположенія самоубійства, потому что бросился въ комнату Антоніи, громко клича ее. Она подошла къ нему, но печально, какъ человѣкъ, который бьется..... Съ радости, что она тутъ, онъ готовъ былъ прижать ее къ груди своей, но ея унымый видъ, который показался ему холоднымъ, тотчасъ оледенилъ порывъ его. Онъ сталъ раскаиваться въ своемъ испугѣ; сердце его снова обратилось къ гнѣву: Антонія, вѣрно, ждала его очень спокойно и даже не замѣтила, что онъ не вошелъ прямо къ ней. Онъ удержался и сказалъ ей довольно холодно:

- Здравствуй, Антонія.
- Здравствуй, Мануэль.
- Ты не слишкомъ скучала?
- Нѣтъ, мой милый!

— Что же ты дѣлала?

— Тосковала.

Этотъ отвѣтъ былъ сообразенъ съ мыслью Антоніи, мыслью очень простою: она чувствовала себя совершенно разстроенною и хотѣла сложить свою слабость и свое уныніе на счетъ нездоровья. Но при расположеніи ума, въ которомъ былъ Мануэль, слово «тосковала», показалось ему одною изъ тѣхъ эффектныхъ фразъ, которыми искусныя актрисы, созданныя новѣйшею литературою, поражаютъ глупцовъ, и онъ сказалъ насмѣшливымъ тономъ:

— Странное занятіе!

Антонія вздрогнула при этомъ отвѣтѣ и, поглядѣвъ съ удивленіемъ на Мануэля, спросила:

— Что же такое я сказала тебѣ, Мануэль?

— Что ты тосковала.

— Это правда, отвѣчала она, опустивъ голову на грудь, у меня была такая тоска, я была нездорова.... очень нездорова.

— Нездорова!..... Боже мой, что съ тобою, моя милая? вскричалъ Торси съ живостію и съ почти-тельною нѣжностію.

— О, это ничего; завтра я, вѣрно, буду уже совсемъ здорова, отвѣчала она со своей ангельскою улыбкою.

По одному уже этому разговору видно, что душа Мануэля сильно волновалась не только въ важныхъ случаяхъ жизни; всякое слово заставляло его переходить отъ добраго къ дурному чувствуванію, отъ

подозрѣнія къ раскаянію. Такое существованіе очень скоро истомляетъ душу и сердце. Это одно изъ тѣхъ несчастій, которыя понимаетъ только тотъ, кто имъ подверженъ. Мануэль нѣжно разспрашивалъ Антонію, что она чувствуетъ, какъ вдругъ кто-то громко позвонилъ у дверей. Тогда было уже довольно поздно, но однако жъ не такъ, чтобы какой нибудь Поль Шагоэнь не рѣшился ѣхать къ дамѣ. Торси сидѣлъ подлѣ Антоніи и, услышавъ звонъ, вскочилъ какъ солдатъ, когда забьютъ тревогу.

— Это кто? сказала Антонія въ испугъ; ей пришло въ голову, что можетъ быть, Шагоэнь воротился.

— Тсъ! сказалъ Мануэль, оборачиваясь къ дверямъ и слушая.

— Что жъ тамъ такое? спросила Антонія.

— Странно! сказалъ Мануэль, подходя къ дверямъ, потому что онъ узналъ голосъ Шанжерона.

Отворивъ дверь, Торси столкнулся съ служапкой, которая шла доложить, что пріѣхалъ маркизь Шанжеронъ.

— Это вы, маркизь? сказалъ Торси, увидѣвъ его.

— Извините, любезный другъ, отвѣчалъ Шанжеронъ, поспѣшно подходя къ нему: глупость г. Гажро и безпокойство жены моея, заставили меня сдѣлать поступокъ, кажется, неловкій. Я не стану васъ безпокоить.

Говоря это, Шанжеронъ увидѣлъ въ комнатѣ, въ которую вошелъ, даму и почтительно поклонился ей. Это былъ оригиналъ портрета, который онъ видѣлъ утромъ, таинственная незнакомка, которую

Шагоэню такъ хотѣлось узнать. Шанжеронъ не смѣлъ посмотреть на нее попристальнѣе, по эта удивительная красота до того поразила его съ перваго взгляда, что онъ остановился, и Торси принужденъ былъ представить его Антонію.

— Извините меня, сударыня, сказалъ Шанжеронъ; мнѣ нужно было сказать г. Торси нѣчто очень важное для него; я забылъ объ этомъ, когда онъ былъ у меня и поскакалъ за нимъ, не подумавъ о томъ, что теперь такъ поздно.

— Я вамъ очень благодарна, напротивъ, что вы такъ заботитесь о Мануэль. Я не стану мѣшать вамъ.

Антонія ушла и, затворивъ дверь, остановилась, чтобы послушать. Она слышала, какъ Шанжеронъ сказалъ: — «глупость г. Гажро заставила меня сдѣлать поступокъ неловкій.» — Эти слова пробудили въ ея опасенія. Она видѣла, что при ней не хотятъ говорить, но между тѣмъ ей хотѣлось знать, что сказалъ Гажро. Дѣйствительно, какъ скоро она ушла, Шанжеронъ сказалъ Мануэлю:

— Еще разъ прошу извиненія! Но вотъ что заставило меня пріѣхать къ вамъ. Удивляюсь, что, поговоривъ съ г. Гажро, вы тотчасъ уѣхали, и спросилъ его, что такое онъ сказалъ вамъ, и узналъ, что онъ уведомилъ васъ о грубой выходкѣ Шагоэня. Признаюсь вамъ, я сказалъ ему, что онъ напрасно это сдѣлалъ, прибавивъ, что если вы застанете г. Шагоэня у себя, то выбросите его изъ окна..... Жена моя услышала это, перепугалась ужасно..... Ей уже представились шпаги, кинжалы, Богъ знаетъ что..... Она и уговорила меня ѣхать къ вамъ, чтобы предупредить какое нибудь несчастіе.....

— Очень благодаренъ за ваше участіе, сказали Торси довольно сухо; но г. Шагоэнь, вѣрно, былъ пьянъ, когда предложилъ парн, которое такъ именуется г. Гажро. Впрочемъ вы можете сказать ему, что если Поль Шагоэнь принудитъ меня проучить его, то я сдѣлаю это и безъ посторонней помощи.

— Вы, кажется, не поняли чувства, которое привело меня къ вамъ, отвѣчалъ Шанжеронъ серьёзнымъ тономъ; но я не буду объяснять вамъ его, чтобъ вы не подумали, будто я хочу вывѣдать ваши тайны. Не станемъ говорить объ этомъ. Я попрошу г. Гажро, чтобъ онъ тоже не говорилъ, по крайней мѣрѣ, у меня.

— Я избавляю васъ отъ этого труда, сказала Торси еще съ большою горечью; я самъ поѣду къ г. Гажро и попрошу его впередъ не мѣшаться въ мои дѣла.

Ъ

— Вы говорите это такимъ образомъ, что, кажется, я долженъ принять на свой счетъ часть урока, который вы хотите дать г. Гажро. Я уже говорилъ вамъ, что очень жалю о томъ, что сдѣлалъ, и удивляюсь, что вы такъ дурно принимаете поступокъ, можетъ быть, неловкій, но внушенный мнѣ одною дружбою къ вамъ.

— Извините меня, маркизь, сказала Торси, я долженъ бы не сердиться, а благодарить васъ за то, что вы сдѣлали; но я не забочусь ни о чьей жизни и мнѣ ужасно больно, что другіе непременно хотятъ провѣдать всѣ мои обстоятельства и читать въ моемъ сердцѣ. Въ досадѣ я не отличимъ вашей заботливой дружбы отъ наглаго любопытства этихъ Гажро и Шагоэня, и, признаюсь, я виноватъ.

— Я не требую извиненій, любезный Торси; я вижу, что вы несчастны; я догадался объ этомъ потому уже, что было между нами у васъ въ мастерской. Не сочтите этого за хвастовство: мнѣ кажется, что я хорошо узнаю мужчинъ и женщинъ съ перваго взгляда на нихъ. Однажды я встрѣтилъ Шагоэня на балѣ; онъ стоялъ вмѣстѣ съ другими у дверей; не смотря на то, что онъ съ виду походить на порядочнаго человѣка, мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что это долженъ быть самый низкій и развратный негодяй; въ первый разъ, какъ я видѣлъ Гажро, я тотчасъ угадалъ, что это глупецъ. Я рѣдко ошибался. Повѣрьте же мнѣ, что дама, которую я сейчасъ видѣлъ, настоящій ангель.

Торси не отвѣчалъ ни слова: ему непріятно было, что Шанжеронъ съ перваго слова угадалъ тайну его горести.

— Ахъ, еслибъ она хотѣла! сказалъ онъ потомъ съ выраженіемъ сожалѣнія.

— Право, Торси, мнѣ жаль васъ, и, признаюсь, я васъ не понимаю. Я не буду повторять того, что уже говорилъ вамъ нынче утромъ, потому что теперь уже не могу допустить предположеній, которыя, можетъ быть, дѣлалъ также какъ и другіе; но я не понимаю, какъ человѣкъ можетъ сутки прожить въ такомъ положеніи, какъ вы. Еслибъ вы были ревнивы и хотѣли скрыть свое сокровище отъ всего свѣта, это я бы понялъ; я понимаю всѣ сердечныя странности, но зачѣмъ скрывать ихъ? Будьте тѣмъ, что вы въ самомъ дѣлѣ, и любопытство, которое вамъ такъ надоѣдаетъ, тотчасъ прекратится. Свѣтъ старается узнать только то, что кажется ему непонятнымъ. Говорите всѣмъ и каж-

дому, что вы въ этомъ отношеніи Турокъ, и что взглядъ на ту, которую вы любите, кажется вамъ оскорбленіемъ вашей страсти. Надъ этимъ, можетъ быть, день или два посмѣются, а послѣ и забудутъ.

— Оставимте это, отвѣчалъ Торси съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ; можетъ быть, мнѣ бы должно было комунибудь ввѣриться; потому что я чувствую, я совершенно теряюсь въ своихъ планахъ и горестяхъ; но не могу.... я поклялся не говорить объ этомъ. Я согласился жить такимъ образомъ..... и буду жить. Я рѣшился.

— Какъ хотите, любезный Торси; но если вы не рѣшаетесь выказаться такимъ, каковы вы въ самомъ дѣлѣ и тѣмъ зажать ротъ любопытнымъ; то по крайней мѣрѣ не дѣлайте исторій изъ пустяковъ, не ходите ни къ Гажро, ни къ Шагоэню; пусть они сами соскучатся своими глупыми сметнями; они замолчатъ, какъ скоро увидятъ, что вы не обращаете на это никакого вниманія.

— Вы правду говорите, сказалъ Торси, и теперь я очень благодаренъ вамъ за ваше посѣщеніе, а то я бы зашелъ слишкомъ далеко.

Шанжеронъ уѣхалъ. Антонія, которая все слышала, вообразила себѣ, что эта буря прошла мимо и что теперь уже ей нечего болтаться. Когда Мануэль пришелъ къ ней, они оба уже были спокойны и ни слова не говорили о томъ, зачѣмъ пріѣзжалъ Шанжеронъ.

Когда маркизъ воротился домой, Гажро былъ еще тамъ. Камилла тотчасъ принялась спрашивать мужа, но онъ сказалъ только, что Торси и Антонія

были совершенно спокойны, когда онъ къ нимъ прѣхалъ, а о Шагоэнѣ даже и не слышали. Шанжеронъ думалъ, что послѣ такого простаго и короткаго разсказа, объ этомъ не станутъ уже и говорить; но у него вырвались слова, которыя привлекли вниманіе жены его. Онъ сказалъ: «Торся и Антонія были совершенно спокойны.»

— Такъ ты видѣлъ эту неслышанную красавицу? спросила Камилла.

— Видѣлъ, и вошелъ къ ней просто, какъ бы ко всякой другой женщинѣ.

— Видно, ты пользуешься особыми преимуществами въ этомъ домѣ, сказала маркиза.

Тонъ, съ которымъ Камилла произнесла эти слова, заставилъ Шанжерона подумать, что Гажро, безъ него, посѣлялъ въ его домъ какія нибудь предположенія и что они приносятъ уже плоды; но при женѣ Анатоль не хотѣлъ говорить съ нимъ объ этомъ.

— Да не иначе, сказалъ онъ, и этимъ я обязанъ вамъ обоимъ, потому что вѣдь вы отравили меня туда, чтобы предупредить несчастіе, котораго и не бывало.

— И эта женщина точно такъ хороша, какъ говорить? спросила маркиза.

— Удивительно!

— И умна? продолжала Камилла, кусая губы.

— Она ушла, какъ скоро я прѣхалъ и сказала только нѣсколько словъ.

— Что же ты такъ долго у нихъ дѣлалъ?

— Мы разговаривали съ Торси.

— О чемъ?

— Обо всемъ на свѣтъ. Да помилуй, ради Бога, ты допрашиваешь меня, точно какъ преступника.

Камилла не могла удержаться, чтобы не выказать нѣкоторой досады, и значительно взглянула на ажро. Взглядъ, который въ то же время бросилъ на него Шанжеронъ, былъ такъ выразителенъ, что тотъ тотчасъ понялъ, что онъ напрасно впутался въ это дѣло, и потому посѣшилъ сказать:

— Послушайте, маркизъ, я право жалѣю, что меня замѣшали въ это дѣло; но чтобы вы не подумали, что это какаянибудь болтовня съ моей стороны, то я долженъ вамъ все рассказать.

— Что же это такое? спросилъ съ живостію Шанжеронъ.

— Мосье Гажро! Ради Бога! сказала Камилла.

— Нѣтъ, маркиза, извините, я непременно долженъ рассказать это вашему мужу.

— Такъ говорите же! сказала Шанжеронъ.

— Вотъ какъ это было: минутъ черезъ десять послѣ того, какъ вы уѣхали, одинъ изъ вашихъ людей подалъ мнѣ письмо. Человѣкъ, который принесъ его, говорилъ, что оно крайне нужно и просилъ тотчасъ отдать мнѣ. Я распечаталъ письмо, и первая фраза до того меня поразила, что я невольно вслухъ выразилъ свое удивленіе. Да вотъ это письмо и фраза, о которой я говорю:

«Имя женщины, которая живетъ у г. Торси, извѣстно, и это хотѣли бы открыть г. Гажро.»

— Странно! вскричалъ Шанжеронъ.

— Очень странно, сказалъ Гажро. Я показалъ эту фразу маркизъ, а она прочла и все письмо. Вотъ что пишутъ далѣе:

«Эту тайну хотѣли бы сообщить г-ну Гажро, потому что онъ пріятель съ маркизой Шанжеронъ, а для нея она важнѣе чѣмъ для кого нибудь.»

— Для тебя? сказалъ Шанжеронъ, обращаясь къ женѣ.

— Говорятъ, что такъ, отвѣчала она съ гордостью обманутой жены.

— Я вѣдь не выдумалъ этого письма; вотъ оно, сказалъ Гажро. Вы видите, что меня приглашаютъ въ часъ за полночь на Іенскій мостъ, чтобы сообщить мнѣ эту знаменитую тайну.

— Я не понимаю, какая бы мнѣ надобность до имени этой женщины, сказала Камилла, еслибъ тутъ дѣло шло не о какой нибудь интригѣ, которой г. Торси низко потворствуетъ, или въ которой и его обманываютъ.

— Я тебѣ говорилъ уже, что я въ первый разъ въ жизни видѣлъ эту женщину, сказалъ Шанжеронъ строгимъ тономъ, и признаюсь, эта исторія принимаетъ такой странный оборотъ, что я непременно хочу знать, что это такое. Такъ мы поѣдемъ на это свиданіе, Гажро?

— Я совсѣмъ не намѣренъ. Свиданіе въ часъ за полночь, на Іенскомъ мосту, что-то очень похоже на злой умыселъ.

— Странно, какъ это тебя тревожитъ, сказала Камилла.

— Для тебѣ. Какимъ-то непостижимымъ образомъ въ это дѣло замѣшали твое имя и я долженъ знать, кто это сдѣлалъ и съ какимъ намѣреніемъ. Эту исторію непременно надобно кончить.

— Такъ возьмите сигареты и поѣдемъ, сказалъ Гажро.

— Пожалуй, отвѣчалъ Шанжеронъ; подождите меня на минутку; я сейчасъ буду готовъ.

Покуда Шанжерона не было, Камилла просила Гажро, чтобъ онъ былъ какъ можно остороженъ и не давался въ обманъ Анатолю, котораго она давно подозрѣваетъ въ интригъ; онъ, вѣроятно, и ѣдетъ только за тѣмъ, чтобъ вы ничего не узнали. Она божилась, что ей можно сказать за тайну что угодно и что мужъ никогда этого не узнаетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Шанжеронъ и Гажро поѣхали къ Іенскому мосту.

Когда они остались одни, Анатолю захотѣлъ узнать, нѣтъ ли въ этомъ дѣлѣ чегонибудь такого, что отъ него скрываютъ, и тотчасъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— Теперь какъ мы одни, сдѣлайте мнѣ, Гажро, скажите мнѣ, что это значитъ, что жена моя вздумала играть роль ревнивой женщины, когда увидѣла это письмо?

— Я ничего не могу сказать вамъ, отвѣчалъ Гажро; вы сами были сегодня у Лавиньяна, когда говорили объ этой женщинѣ; когда вы съ Торси ушли,

Корнелія сказала, что незнакомка смутилась при имени Шагозня и моемъ. Тутъ Полю и вздумалось непременно узнать, кто такая эта Антонія. Онъ сказалъ мнѣ объ этомъ, а я долгомъ почелъ предупредить Торси, когда встрѣтилъ его у васъ; потомъ я получилъ письмо, которое вы видѣли, и больше объ этомъ дѣлъ ровно ничего не знаю. Что касается до ревности маркизы, то вы лучше меня должны знать, имѣеть ли она на это какія причины.

Шанжеронъ сначала не отвѣчалъ и какъ будто размышлялъ о томъ, что говорилъ Гажро, потомъ сказалъ:

— Такъ она не говорила, съ чего ей вздумалось подозрѣвать меня?

— Увѣрю васъ, что я и не думалъ просить ее рассказать мнѣ свои секреты.

— А, такъ она рассказала вамъ свои секреты? спросилъ Шанжеронъ съ величайшимъ удивленіемъ.

— Я, можетъ быть, не такъ выразился; она говорила только вообще о своихъ опасеніяхъ и подозрѣніяхъ; вы всегда пользовались такою репутаціею, что жена ваша не можетъ быть совершенно спокойна.

— Вотъ то-то и есть; въ этомъ отношеніи онѣ всѣ несносны. Предложите дѣвушка въ женихи перваго красавчика въ свѣтъ, котораго всѣ бабушки и старыя незамужнія тетуски прославляютъ, называлъ его самымъ добродѣтельнымъ, самымъ цѣломудреннымъ юношей, и хоть бы она была самая стыдливая, самая благочестивая дѣвица, а такой женихъ покажется ей смѣшнымъ, она даже будетъ стыдиться за него. Но заговорите при нихъ о человѣкѣ, извѣстномъ своими успѣхами съ женщинами, каждая изъ нихъ

будетъ увѣрена, что сдѣлаетъ изъ него примѣрнаго мужа; тщеславіе еяъ разыгрывается при мысли оковать этого страшнаго Донъ Жуана цѣпями любви; онѣ выходятъ за него, повидимому, со страхомъ и трепетомъ, а между тѣмъ съ радостію гордятся имъ передъ своими подругами; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, то, что было блестящимъ достоинствомъ въ мужѣ, дѣлается для него стыдомъ, преступленіемъ; ему вѣчно попрекаютъ, что онѣ былъ обольстителемъ, человѣкомъ безнравственнымъ; каждый взглядъ его есть попытка на невѣрность, каждое слово имѣетъ тайное значеніе; каждый поступокъ толкуется противъ него. А если ему случится сказать какой бы то ни было женщинѣ: «Помните ли какъ мы были съ вами, на этомъ концертѣ, обѣдѣ или балѣ?» — это значитъ: «Помните ли вы то время, когда я былъ влюбленъ въ васъ и вы меня любили?»

— Это точно, иногда справедливо, отвѣчалъ Гажро и особенно, когда женщина и послѣ замужества имѣетъ причины подозрѣвать мужа.

— Имѣетъ причины подозрѣвать мужа! вскричалъ Анатоль.

— Послушайте, любезный маркизъ, я терпѣть не могу сплетней и пересудовъ; я человѣкъ прямой. Дѣло въ томъ, что когда мы остались одни съ вашей супругою, она стала спрашивать меня объ васъ и такъ, что, кажется, она имѣетъ причины подозрѣвать васъ. Маркиза говоритъ, что вы нынче придумываете множество дѣлъ и занятій, которыхъ у васъ прежде не было и все это только для того, чтобы почаще уѣзжать со двора.

— Неужели она въ самомъ дѣлѣ ревнуетъ меня?

— Она говоритъ, что внимательно наблюдала за вами и увѣрена, что у васъ есть интрига, но только не въ вашемъ кругу, а вѣроятно въ томъ, въ который вы нисходили (какъ она говоритъ) до жевитьбы. Не мудрено, что послѣ письма, которое я получилъ, подозрѣнія ея обратились на таинственную незнакомку Торси.

— Нужды нѣтъ, сказалъ Шанжеронъ, немножко подумавъ, пусть ужъ лучше такъ, чѣмъ иначе.

Гажро старался разгадать смыслъ этой фразы, и, по своему обыкновенному благорасположенію къ людямъ, тотчасъ подумалъ, что Шанжеронъ радуется, что подозрѣнія жены его обратились не на ту женщину, на которую бы слѣдовало. Въ этомъ предположеніи его еще болѣе утвердили слѣдующія слова Шанжерона:

— Какъ бы то ни было, а это письмо чрезвычайно странно; хорошо, если оно теперь объяснится, а то я бы подумалъ, что это просто мистификація.

— Да кто жъ могъ сдѣлать эту мистификацію?

— Это-то я и хочу узнать, и потому не скажу, кого подозрѣваю.

Разговоръ объ этомъ предметѣ прекратился и они стали толковать о свиданіи, которое было назначено Гажро и о томъ, какъ имъ подойти къ человѣку, который ждетъ его на Іенскомъ мосту.

— Если онъ увидитъ, что насъ двое, сказалъ Шанжеронъ, то, вѣроятно, удалится, какъ будто прохожій. Подите лучше вы впередъ; я останусь нѣсколько позади, а когда вы начнете разговаривать, я по-

дойду такъ , чтобы онъ не могъ ускользнуть отъ насъ.

Это распоряженіе совсѣмъ не нравилось Гажро; но онъ долженъ былъ согласиться, чтобы не показать, почему оно не по немъ. И онъ отвѣчалъ, съ волненіемъ , котораго причину Шанжеронъ тотчасъ угадалъ:

— Хорошо; только не забудьте, что вамъ нужныѣ, чѣмъ мнѣ, узнать это имя; не стойте же слишкомъ далеко, чтобъ онъ не убѣжалъ, если замѣтитъ, что насъ двое.

Чтобы этотъ человѣкъ не зналъ, что ихъ двое, падобно было показаться только одному изъ нихъ; это кажется, очень просто; но у трусости своя логика, и Шанжеронъ тотчасъ понялъ, отчего Гажро такъ говорить.

— Ваша правда, сказалъ онъ; такъ какъ это для меня важнѣе, чѣмъ для васъ, то если вы согласны уступить мнѣ свое мѣсто, я пойду впередъ, а вы подойдите только тогда, когда я васъ кликну.

Въ душѣ Гажро любопытство боролось съ трусостию; если Шанжеронъ первый узнаетъ имя таинственной незнакомки; то онъ, пожалуй, и не скажетъ его, и тогда Гажро лишится важной роли, которую ему суждено было играть въ этой исторіи. Однакожъ чувство самосохраненія преодолѣло въ немъ любопытство. Онъ согласился на распоряженіе, предложенное Анатолемъ. Подойдя къ Иенскому мосту, онъ спрятался за однимъ изъ огромныхъ каменныхъ столбовъ, стоящихъ по угламъ его, а Шанжеронъ пошелъ впередъ. Онъ тотчасъ увидѣлъ въ темнотѣ человѣка, который удалялся отъ него, и Анатоль удвоилъ шаги. Незнакомецъ пошелъ ти-

ше и Шанжеронъ убѣдился, что это тотъ самый человекъ, который назначилъ Гажро свиданіе; однакожь онъ могъ ошибиться, подойти къ какому нибудь прохожему, а тотъ вообразивъ, что его хотятъ ограбить, началъ бы тотчасъ защищаться. Чтобы предупредить это, Анатолю, приближившись къ нему, началъ кашлять; тотъ вздрогнулъ и пошелъ еще тише. Тутъ Шанжеронъ подошелъ къ нему и сказалъ въ полголоса: «Я Гажро.» Незнакомецъ остановился, и они очутились лицомъ къ лицу съ Шанжерономъ.

— Вы ко мнѣ писали? спросилъ Анатолю.

— Кто вы? вскричалъ незнакомецъ; что вамъ отъ меня угодно?.... Берегитесь. . . . у меня есть оружіе!

Шанжеронъ дѣйствительно увидѣлъ, что у него въ рукахъ пистолеть.

— Извините, сказалъ онъ, я, видно, ошибся; мнѣ назначили свиданіе здѣсь на мосту; а я не знаю того, кто приглашалъ меня и потому обратился къ первому, кто мнѣ попался.

Шанжеронъ по всѣмъ поступкамъ незнакомца видѣлъ, что это тотъ самый, кого онъ ищетъ; но этотъ человекъ зналъ Гажро и видѣлъ, что вмѣсто него пришелъ кто-то другой; онъ имѣлъ полное право защищаться, а Шанжеронъ не могъ и требовать, чтобы онъ открылъ ему тайну, которую хотѣлъ сообщить одному Гажро.

— Странно, сказалъ незнакомецъ, не трогаясь однакожь съ мѣста. Но я бы долженъ былъ предвидѣть это. Г. Гажро не такой человекъ, чтобы рѣ-

шелся прійти одинъ на свиданье, ночью, на глухомъ мосту.

— Такъ вы тотъ и есть, кого я ищущи? вскричалъ Шанжеронъ, бросаясь къ нему.

Незнакомецъ отступилъ и взвелъ курокъ своего пистолета.

— Берегитесь, сказалъ онъ, я васъ не знаю и хоть бы вы были полицейскій офицеръ, я могу убить васъ: вы можете быть хотите меня ограбить.

— Я не полицейскій офицеръ, а маркизъ Шанжеронъ. Вспомните, что вы писали къ г. Гажро, и тогда вы поймете, почему мнѣ хотѣлось узнать имя, которое вы предлагали сообщить ему.

— А! вы г. Шанжеронъ и женаты на графинѣ де Бревизъ?

— Да.

Незнакомецъ съ досадою топнулъ ногою и сказалъ про себя:

— Какой трусъ и глупецъ этотъ Гажро!

— Онъ здѣсь не далеко, и я позову его, если вы хотите, сказалъ Шанжеронъ.

— Да это онъ, вѣрво, и идетъ, сказалъ незнакомецъ, отходя по далѣе.

Дѣйствительно, Гажро видѣлъ издали, что Шанжеронъ разговариваетъ съ незнакомцемъ, подумалъ, что теперь ему уже нечего бояться и потому шелъ къ нимъ, чтобы тоже узнать знаменитый секретъ. Но онъ опоздалъ, потому что незнакомецъ сказалъ Шанжерону:

— Если онъ не посмѣлъ прійти одинъ, такъ ничего и не узнаеть; я все скажу вамъ; но я не хочу, чтобы онъ меня видѣлъ. Идите за мною.

Онъ тотчасъ пошелъ скорыми шагами. Шанжеронъ, чтобы не потерять его изъ виду, поспѣшилъ за нимъ; Гажро видѣлъ, какъ они ушли и очутился одинъ одинехонекъ на Іенскомъ мосту. Онъ стоялъ тутъ съ часъ, положивъ одну руку на пистолеть, а другую на кинжалъ; все ждалъ Шанжерона, и не дождался.

Часа въ три утра Гажро воротился домой въ ужаснѣйшей досадѣ и въ твердомъ убѣжденіи, что Шанжеронъ обманулъ его. Онъ далъ себѣ слово отмстить ему, и случай для этого вскорѣ представился. День только еще занимался, какъ онъ былъ пробужденъ тѣмъ, что кто-то изъ всей ночи звонилъ у его дверей. Онъ принужденъ былъ встать и идти самъ отпирать, потому что люди его не проеышались, а ночной посѣтитель звонилъ безъ устали. Онъ увидѣлъ, что это одинъ изъ людей Шанжерона пришелъ въ такое необыкновенное время. Не смотря на свою досаду, онъ понялъ, что, вѣрно, случилось что нибудь чрезвычайное и потому не захопнулъ дверь на ночь безвременному посѣтителю, какъ хотѣлъ было съ начала. Человѣкъ сказалъ, что баринъ еще не возвращался домой и что маркиза, безпокоясь о немъ, прислала спросить г. Гажро, не знаетъ ли онъ, что съ нимъ сдѣлалось. Гажро хотѣлъ было сначала отвѣчать на словахъ, потомъ на письмѣ; наконецъ, подумавъ, рѣшился самъ ѣхать къ маркизѣ, чтобы рассказать ей всю истину; потому что онъ всегда говорилъ правду.

Черезъ часъ послѣ этого онъ былъ уже у маркизы и нашелъ тамъ графиню де Бревизъ, за которою

Камилла посылала. Гажро рассказалъ, какъ Анатолю, подь предлогомъ, чтобы не испугать незнакомца, *нопремьнно хотьль* одинъ подойти къ нему, и какъ они потомъ вмѣстѣ ушли. Извѣстіе, что на Іенскомъ мосту не случилось никакого несчастнаго происшествія и что Анатолю добровольно пошелъ за незнакомцемъ, утишило нѣжныя опасенія Камиллы и превратило ихъ въ обвиненія, которыя графиня де Бревизъ, какъ теща, находила совершенно справедливыми. Анатолю челоуѣкъ недостойный; дочь ея съ нимъ ужасно несчастна; она просила у своей милой Камиллы прощенія въ томъ, что предала ее такому челоуѣку, но она падѣлась, что примѣръ несчастій, происходившихъ отъ невѣрности мужа, который былъ у него передъ глазами, послужить ему въ пользу, и что онъ не захочетъ, чтобы жена его страдала такъ же какъ страдала его мать.

— Какъ! вскричалъ Гажро, такъ отецъ маркиза дурно велъ себя съ женою?

— О, онъ былъ достойный отецъ такого сына, и увѣрю васъ, это ужасная исторія! Но намъ дѣло не до него, а до Анатоля.

— Маменька, сказала Камилла, вставая съ гордымъ чувствомъ собственнаго достоинства: я не останусь ни часу долѣе въ этомъ домѣ.

Графиня де Бревизъ охотно позволяла себѣ говорить дурно о зятѣ, но при такомъ рѣшительномъ намѣреніи дочери, мнѣніе ея вдругъ измѣнилось. Она говорила, что надобно потерпѣть, подождать; можетъ быть, Анатолю и не совсѣмъ виновать; да притомъ какъ же по одному подозрѣнію, которое еще ничѣмъ не оправдалось, сгубить всю жизнь свою, и проч. и проч.

Сцена была длинная и сильная. Графиня де Бревизъ играла въ ней роль, очень обыкновенную у всѣхъ тещей: сначала онѣ хватаются обѣими руками за все, что можетъ разстроитъ семейное счастье ихъ зятя, а потомъ всѣми силами стараются предупредить разрывъ, чтобы не плюньчиться опять съ дочерью, которую съ такимъ удовольствіемъ сбыви съ рукъ. Камилла со своей стороны ни какъ не хотѣла отказаться отъ почетнаго званія добродѣтельной жены, обманутой вѣтренымъ мужемъ, утверждала, что она изъ уваженія къ самой себѣ, непременно должна поступить рѣшительно, и все это потому, что ее уговаривали остаться въ домѣ мужа; а еслибъ мать хотѣла увезти ее, то она конечно начала бы играть роль женщины, которая по безкорыстной, чистой любви къ мужу, готова терпѣть всѣ несчастія, лишь бы только не разставаться съ нимъ.

Что касается до Гажро, то онъ съ наслажденіемъ купался въ ссорахъ и предположеніяхъ; и удовольствіе его не было затемнено страхомъ, потому что онъ не солгалъ, а сказалъ правду; и не его вина, что эта истина произвела такіа неприятыя послѣдствія. Однакожь борьба между графинею де Бревизъ и ея дочерью должна же была когда нибудь кончиться. Камилла такъ долго и хорошо защищалась, что вполнѣ выказала, какъ благородно и возвышенно смотритъ она на неотъемлемыл, достойныя всякаго уваженія, права жены. Посему она начала понемногу смягчаться и наконецъ приняла вѣкотораго рода соглашеніе. Положено было отпратить Гажро снова, чтобы отыскать Анатоля и особенно, чтобы узнать настоящую причину его отлучки. По обстоятельствамъ или по направленію своего ума, они всѣ трое полагали навѣрное, что причиною всего этого одна

Антонія и что отъ нея только можно узнать что нибудь вѣрное. Но какъ узнать? Это казалось довольно затруднительнымъ, особенно Гажро. Камилла, какъ обыкновенно всѣ женщины, предлагала героическія средства, которыя казались ей самыми простыми. Ступайте прямо къ г-ну Торси, говорила она Гажро, расскажите ему, что случилось нынче ночью, и онъ объяснитъ вамъ эту загадку. Но Гажро, какъ мужчина, очень хорошо зналъ, какія послѣдствія все это можетъ произвести. Торси можетъ разсердиться; Шанжеронъ и на вѣрное разсердится; а Гажро совсѣмъ не хотѣлось поссориться съ которымъ нибудь изъ нихъ для того только, чтобы имѣть удовольствіе разсѣять сомнѣнія Камиллы. Разумѣется, онъ не признавался, что именно по этому находилъ невозможнымъ все что ни предлагала маркиза. Онъ такъ долго и такъ твердо противился, что Камилла наконецъ вообразила, будто онъ знаетъ кое-что и такое, что не скажетъ ей и не хочетъ дѣлать разысканій для того, чтобы не быть принужденнымъ открыть все. Въ какія нибудь двѣ или три минуты эта мысль сдѣлалась для Камиллы неоспоримою истинною и она окончила разговоръ, объявивъ, что сама узнаетъ все что ей нужно и не проситъ ничьей помощи.

— Что же ты хочешь дѣлать? спросила мать.

— Я сама поѣду туда, куда г. Гажро не смѣетъ ѣхать и потребую отъ г-на Торси объясненія, котораго имѣю право ожидать отъ него, въ которомъ онъ не можетъ отказать мнѣ.

— Какъ это можно! сказала графиня де Бревизъ.

— Какъ хотите, маменька, а я твердо рѣшилась и ничто меня не удержитъ.

— Но подумай только: прилично ли это?

— Если не прилично, такъ виновата буду не я, а мужъ мой.

— Легко можетъ случиться, что ты должна будешь имѣть дѣло съ женщиною, которая ниже всего, что ты можешь себѣ представить.

— Если я себя унижу этимъ, то все-таки не моя вина, а моего мужа.

— Но какъ же тебѣ ѣхать къ человѣку, котораго ты совсѣмъ почти не знаешь?

— Къ г-ну Торси-то! сказала Камилла съ презрительнымъ удивленіемъ, какъ будто говорили, что ей неприлично ѣхать къ своему каретнику.

Графиня де Бревизъ знала, что дочь ея, какъ всѣ люди ограниченные, считаетъ слѣпое упрямство за твердость характера; по этому она видѣла, что отговаривать Камиллу было бы напрасно и наконецъ сказала:

— Ну, пожалуй, Камилла, поѣзжай; только и я съ тобою поѣду.

— Очень рада и благодарна вамъ, маменька; а то вы защищали моего мужа съ такимъ жаромъ, какъ будто и вы принадлежите къ его партіи.

Послѣ этого Гажро ушелъ. Онъ хотѣлъ было идти къ Торси и предупредить его или искать Шанжерона, чтобы рассказать ему все это; но и то и другое было довольно опасно, и потому онъ рѣшился отправиться къ Лавиньяну, какъ въ нейтральную землю, гдѣ можетъ кое-что узнать, показывая между тѣмъ, будто ни во что не хочетъ мѣшаться.

Онъ отправился въ кварталъ Сень-Жоржъ, а Камилла и графиня де Бревизъ стали собираться, чтобы ѣхать къ Торси.

Когда Гажро пришелъ къ Лавиньяну, тамъ была страшная ссора между мужемъ и женою. Приходъ его не только не прекратилъ перепалки, но напротивъ оживилъ ее, потому что и тотъ и другая отдались ему на судъ и принялись рассказывать все что дѣлали и говорили съ самаго начала.

— Да, вскричалъ Лавиньянъ, это низко, гадко! Ты настоящая фурия! Что тебѣ сдѣлала эта бѣдная женщина?

— Какъ что сдѣлала! Вишь какая святая! И водой не замутить! Волоски пригладить, губки сожметъ глазки потупить, словно Рафаэлева Мадона, какъ вы говорите..... велить сказывать, что ее нѣтъ дома, а сама сидитъ себѣ по цѣлымъ часамъ съ глазу на глазъ съ Подемъ Шагоэнемъ.

— Да тебѣ-то какая до этого надобность? вскричалъ Лавиньянъ.

— Какая надобность! Да это прелесть! безподобно! и я рассказываю кому хочу. Неужь-то ты и говорить-то мнѣ запрещаешь. Вѣдь я не лгу. Придверница и горничная живые люди: онѣ обѣ скажутъ, что это правда.

— Придверница и горничная! сказалъ Лавиньянъ съ порывомъ чувства собственного достоинства.. Ссылаться на нашихъ людей значить унижаться до этихъ тварей.

Корнелия приняла видъ еще болѣе возвышеннаго чувства собственного достоинства. (Въ царствова-

ніе Людовика XVIII и Карла X, когда съ какою-то яростію перепечатывали Вольтера и Жанъ-Жака Руссо, бывало, если кто нибудь изъ насъ, въ Академіи, посреди шумнаго разговора молодыхъ художниковъ, отпуститъ съ важнымъ видомъ какую нибудь пошлую нравственную сентенцію, у насъ называлось: *состроить Жанъ-Жака*) и потому мы можемъ сказать, что Корнелія состроила Жанъ-Жака и отвѣчала:

— По мнѣ, придверница и горничная, которыя ведуть себя хорошо, несравненно лучше герцогини, которая принимаетъ наединѣ всякаго желающаго.

— Да скажите же мнѣ, что такое случилось? спросилъ Гажро, которому совсѣмъ невесело было слушать перебранку почтенныхъ супруговъ, а хотѣлось узнать что нибудь положительное о Шагоэнь.

— Кажется, отвѣчалъ Лавиньянь, что вчера, какъ Мануэля не было дома, Поль Шагоэнь приходилъ къ нему и Антонія приняла его.

— А сама велѣла всѣмъ говорить, что ее нѣтъ дома, прибавила Корнелія.

— Неужели! вскричалъ Гажро.

— Да не иначе, отвѣчала Корнелія; но это еще не все: когда Мануэль воротился домой и спросилъ: не приходилъ ли кто безъ него? ему отвѣчали, что никого не было.

За день предъ тѣмъ Гажро отъ души обрадовался бы такому извѣстію; но теперь ему пришло въ голову, что это, можетъ быть, Торси звалъ его на Іенскій мостъ, чтобы наказать за то, что онъ вмѣ-

спался въ его дѣла. И онъ спросилъ съ безпкойствомъ, котораго причина только одному ему была известна: — Что же Торси?

— Торси, вскричала Корнелія, сдѣлалъ то же что дѣлаютъ всѣ глупцы, влюбленные въ хорошенькихъ плутовокъ: онъ повѣрилъ всему что ему сказали и вѣрилъ бы до сихъ поръ, еслибъ не пришелъ сюда наскучать мнѣ своими непрошеными наставленіями.

— Съ какой же стати? спросилъ Гажро.

— Да вотъ какъ это было, отвѣчалъ Лавиньянъ. Нынче утромъ, Торси пришелъ ко мнѣ въ мастерскую, просить одной коллекціи Французскихъ костюмовъ за нѣсколько вѣковъ. Я подалъ ему картинки, какъ вдругъ Корнелія спросила его: весело ли было ему у Шанжероновъ? Онъ отвѣчалъ ему что-то, а она принялась читать ему длинную диссертацию о томъ, какъ опасно оставлять женъ однихъ дома. Я не понималъ что это значить; да и Торси тоже. Онъ, также какъ и я, думалъ, что это касается до меня. Я такъ былъ увѣренъ въ этомъ, что спросилъ Корнелію:

— Видно, тебѣ было вчера очень скучно?

— Не мудрено, отвѣчала она: у меня нѣтъ старыхъ знакомыхъ, которые бы приходили ко мнѣ, когда тебя нѣтъ дома. Да, впрочемъ, лучше сидѣть одной, чѣмъ принимать какого нибудь Поль Шагоэня.

Торси, который принялся было пересматривать коллекцію, обернулся къ Корнеліи: лицо у него было совершенно разстроено.

— Поль Шагоэнь! сказалъ Мануаль. Развѣ онъ приходилъ?

— Ба! отвѣчала Корнелія, неужь-то вы этого не знали?

— Неправда! вскричалъ Торси, поблѣднѣвъ какъ смерть.

— Да съ, любезнѣйшій г. Гажро, прибавила Корнелія: г. Торси сказалъ мнѣ въ лице: Неправда! А мой любезный муженекъ не далъ ему оплеухи. Да послѣ этого еще говорить, что я не умѣю уважать собственнаго достоинства!

— Ну чтожь вышло? спросилъ Гажро.

— Да то, что Торси выбѣжалъ отсюда какъ съумасшедшій, и опрометью пустился къ себѣ на квартиру.

— А потомъ?... сказалъ Гажро.

— Потомъ я уже не выпускалъ Корнелію отсюда; а ей страхъ хотѣлось пойти посмотрѣть, что тамъ дѣдается.

— А давно ли Торси пошелъ къ себѣ на квартиру? спросилъ Гажро.

— Часа ужъ съ два, отвѣчалъ Лавиньянь; но онъ уже воротился въ свою мастерскую.

Хотя Корнелія была женщина простая и грубая, но въ ней совсѣмъ не было низкой злости, которую дышалъ Гажро. Онъ ненавидѣлъ Шанжерома за то, что тотъ знатный, вполнѣ свѣтскій человекъ, во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше его; терпѣть не могъ Поль Шагоэнь, не за пороки его, а за то, что онъ былъ богатъ; и не любилъ Торси

потому что онъ человекъ съ большими талантами. По этому ему чрезвычайно пріятно было узнать, что Торси и Шагоэиъ вѣроятно поссорятся на смерть. По всему, что онъ видѣлъ, нельзя было думать, чтобы и Шанжеронъ не былъ замѣшанъ въ это дѣло. Ясно, что тутъ должно произойти столкновение, несчастное для всѣхъ. Это доставило доброму Гажро нѣсколько минутъ неизяснимаго наслажденія.

Онъ заранѣ веселился будущими исторіями, какъ вдругъ они услышали, что кто-то тихонько стучится въ двери Мануэлевой мастерской. Корнелія не могла удержать своего любопытства и немощко отворила дверь въ коридоръ.

— Какія-то дамы, сказала она въ полголоса.

— Да, да, это онъ, сказалъ Гажро, поглядѣвъ въ щелочку двери.

И дѣйствительно, это графиня де Бревизъ и маркиза Шанжеронъ пріѣхали къ Торси. Но чтобы понять, въ какомъ положеніи онъ застали его, надобно знать, что происходило передъ этимъ у него дома.

Утромъ этого дня Мануэль, казалось, забылъ всѣ свои опасенія; на сердцѣ у него было легко; онъ рѣшился дѣятельно приняться за работу, которую заказалъ ему Шанжеронъ и пошелъ къ Лавиньяну, чтобы поискать у него какихъ нибудь матеріаловъ для знаменитой коллекціи портретовъ. Антонія, измученная вчерашними сценами, старалась проспять какъ можно дольше, какъ бы чувствуя, что пробудиться къ жизни и мышленію значило для нея снова отдаться на жертву горести и терзанія. Посему она еще спала, когда Мануэль вышелъ въ неизяснимомъ вол-

ненія изъ мастерской Лавиньяна. Прежде всего онъ спросилъ: гдѣ Антонія?

— Барыня еще изволить почивать, сказала горничная.

— Она спитъ? проговорилъ Торси.

Во всякомъ другомъ случаѣ онъ и не подумалъ бы спрашивать эту дѣвку; но не рѣшался разбудить Антонію и отъ этого замедленія, гнѣвъ, который онъ удерживалъ, вспыхнулъ. Онъ прошелся два или три раза по комнатѣ; потомъ подошелъ къ горничной и сказалъ:

— Ты навѣрное знаешь, что вчера никто не приходилъ?

— Виновата, сударь, отвѣчала горничная, барыня не приказала мнѣ сказывать.

Торси сгорѣлъ отъ стыда, а это дѣлаетъ человѣка безжалостнымъ. Его обманули по приказанію Антоніи! Онъ дошелъ до жалкаго, унижительнаго положенія человѣка, надъ которымъ смѣются его собственные люди. Онъ, Мануэль, для котораго свѣтское злословіе было настоящимъ мученіемъ, сдѣлался жертвою болтовни слугъ! Антонія, женщина, которую онъ считалъ ангеломъ, слетѣвшимъ съ неба, которую онъ въ минуты упоенія, обожалъ на колѣняхъ, какъ существо чистое, таинственное, сдѣлалась, какъ распутная женщина, сообщницею своей горничной и, вѣроятно, платила ей за молчаніе, чтобы свободно принимать Поля Шагоэня. Поля Шагоэня! это имя придавало ея обману величайшую степень низости. Торси пришелъ къ Антоніи въ одну изъ тѣхъ минутъ помѣшательства, когда человѣкъ въ состояніи убить обожаемую имъ женщину,

а это обстоятельство совершенно изгбило характеръ его гнѣва, и онъ рѣшился позорно выгнать несчастную изъ своего дома.

Шумъ, который онъ сдѣлалъ, входя въ комнату, не разбудилъ Антонію; онъ подошелъ къ ея постели. Антонія спала сномъ тяжелымъ и безпокойнымъ; глухія стenanія вырывались изъ груди ея; слезы текли изъ закрытыхъ ея глазъ. Торси остановился и молча смотрѣлъ на нея. Она произнесла слова, которыхъ онъ не могъ разобрать; наконецъ она, по видимому, дошла до пароксизма страшнаго сна, который ее мучилъ, потому что судорожно вскочила, крича:

— Нѣтъ, Мануэль, нѣтъ.....

Въ эту самую минуту она увидѣла, что онъ стоитъ у ея постели; она отбросилась назадъ и начала протирать себѣ глаза, какъ будто стараясь увѣриться, что это не продолженіе ея сна. Наконецъ она сказала:

— Это ты, Мануэль?

— Да, я смотрѣлъ какъ ты спишь.

— Ахъ, какой ужасный сонъ я видѣла!

— Что же ты видѣла?

— Будто ты выгналъ меня отъ себя, потому.....

Антонія остановилась.

— Потому? медленно повторилъ Мануэль, устремивъ на нее испытующій взоръ.....

— Не знаю..... не помню, отвѣчала она, какъ бы боясь сказать, за что Мануэль хотѣлъ ее выгнать.

— За то, сказалъ онъ, пользуясь случайнымъ согласіемъ этого сна съ его мыслями; за то, что ты меня обманываешь, что ты солгала, что ты низкая женщина.

— О! вскричала Антонія, я вѣрно говорила во снѣ и ты слышалъ!.....

— Нѣтъ, мнѣ не нужно было подслушивать твоего бреда; другіе сказали мнѣ всю правду.

— О! это вѣрно онъ, этотъ низкій человѣкъ!

— Кто онъ? Поль Шагоэнь?

— Да.

— Нѣтъ, не онъ сказалъ мнѣ, что ты вчера вечеромъ его принимала; весь домъ это знаетъ.

— Но ты съ нимъ не видался? спросила Антонія.

— О! мы съ нимъ повидаемся.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты съ нимъ не увидишься, вскричала Антонія, вставая съ постели и бросаясь къ ногамъ Торси.

— Кто же мнѣ помѣшаетъ?

— Именемъ любви твоей заклинаю тебѣ, Мануэль, избѣгай этого человѣка.

— Именемъ любви мой! вскричалъ Мануэль. О нѣтъ, это уже слишкомъ. Такъ ты не поняла меня. Я знаю, что онъ вчера былъ здѣсь..... что онъ два часа просидѣлъ запершись съ тобою; что ты не велѣла мнѣ этого сказывать..... О, этого довольно, слишкомъ довольно! Теперь я знаю кто ты, знаю, что значатъ твои увѣренія и клятвы, знаю..... Такъ развѣ ты не видишь, продолжалъ онъ съ но-

вымъ порывомъ ярости, я знаю, что ты распутная женщина, что Поль Шагоэнъ твой.....

— Мануэль, вскричала Антонія, вставая и угрожалъ ему взглядомъ, исполненнымъ гордости. И это ты говоришь мнѣ?.....

— Да, да..... Не трудись играть комедію, не притворяйся оскорбленной невинностью..... Это годится съ глупцами, а не со мной.

При этихъ словахъ въ сердцѣ Антоніи произошелъ страннѣйшій переворотъ. Все ея негодованіе переплавилось въ горестное сожалѣніе къ человѣку, который оскорбляетъ, попираетъ ногами любовь такую страстную, чистую, какую она къ нему питала; она жалѣла объ немъ, видя что онъ такъ несчастливъ, что сдѣлался до такой степени несправедливымъ. И она сказала трепещущимъ отъ слезъ голосомъ:

— Бѣдный Мануэль!

— О! вскричалъ Мануэль, еще болѣе разгоряченный.... не думай обмануть меня этими коварными слезами.... Теперь я уже тебѣ не повѣрю..... Я тебѣ знаю,..... ненавижу..... презираю..... Я тебя.....

Онъ не осмѣлился произнести роковаго слова и началъ скорыми шагами ходить по комнатѣ. Между тѣмъ Антонія молча одѣвалась; ей попалось подъ руку богатое платье, она отбросила его, выбрала самое простое и надѣла. Мануэль смотрѣлъ на нее и насмѣшливо захохоталъ, когда она взяла это скромное платье. ●

— Это очень забавно! сказалъ онъ, пожимая плечами.

Антонія бросила на Мануэля твердый взглядъ, который смутилъ его и онъ устыдился своей грубости. Но чувствуя, что гнѣвъ въ душѣ его слабѣетъ, онъ, чтобы оживить въ себѣ чувство ненависти, сказалъ, прохаживаясь скорыми шагами по комнатамъ:

— Поль Шагоэнь сошьетъ тебѣ платья лучше этихъ....

Антонія молча потупила голову.

— Ты, вѣрно, знаешь по опыту щедрость Поль Шагоэня.... О! Поль Шагоэнь очень милый, очень любезный молодой человекъ, не правда ли, милая...? Какъ же этотъ молодчикъ тебя зоветъ? Для него вѣдь у тебя должно быть другое имя?... Что жъ ты мнѣ не отвѣчаешь, Антонія?

Она отвернулась и продолжая одѣваться, взяла чепчикъ. Торси, еще болѣе раздраженный ея упорнымъ молчаніемъ, самъ себя возбуждалъ къ гнѣву.

— Антонія! вскричалъ онъ, Антонія! Имя моей матери! И я далъ этой женщинѣ имя моей матери! Унизилъ, запятналъ, опозорилъ это священное имя, бросилъ въ грязь!

Антонія, блѣдная, трепещущая, но безъ слезъ въ глазахъ, упала въ кресла. Торси, который раздражалъ самъ себя своими словами, обратился къ ней и сказалъ жестокимъ голосомъ:

— Не смѣй называться этимъ именемъ.... ни минуты далѣе.... Не смѣй, слышишь ли?... Но ты должна сказать мнѣ свое настоящее имя.

Антонія встала и пошла къ дверямъ.

*

— Куда же ты идешь? сказалъ Торси, остававши ея.

— Я ухожу.

— Куда же?

— Что жъ вамъ до этого?

— Что мнѣ до этого? Я хочу спать, куда ты идешь?

Силы Антоніи, по видимому, истощились. Она зашаталась и оперлась на стулъ; но еще разъ преодолѣла свою слабость и отвѣчала съ твердостью:

— Вы меня выгоняете.... Я ухожу....

Торси съ отчаяніемъ ломалъ себѣ руки, и подошелъ къ Антоніи, вскричалъ больше съ горестію, чѣмъ съ гнѣвомъ:

— Да скажи же мнѣ, зачѣмъ ты меня обманула... говори же....

— Мнѣ нечего сказать тебѣ....

— Нечего?

— Нечего.

— О, такъ нѣтъ, вскричалъ Мануэль, въ кот⁴ромъ эти слова возбудили весь прежній гнѣвъ его, нѣтъ, я тебя не выпущу отсюда. Пусть онъ самъ за тобою придетъ.... Онъ будетъ говорить.... Я заставлю его говорить....

Антонія посмотрѣла на него съ твердостью, которая утишила на время его порывы.

— Мануэль, сказала она холодно, ты требовалъ отъ меня моей души, моей жизни, моей любви, я все

отдала тебѣ. Въ замѣнъ всего этого я просила тебѣ только объ одномъ: не стараться узнать кто я. Неужели ты не сдержишь своего слова?

— Но ты меня обманула! Эгогъ человекъ былъ вчера здѣсь!...

— Да, это правда....

— И послѣ этого....

— Да ты за это выгонишь меня отъ себя: наказаніе, кажется, стоитъ проступка....

— Но чего же онъ отъ тебя хотѣлъ? Что онъ говорилъ тебѣ?

Антонія молчала.

— Ты не отвѣчаешь мнѣ?

Она потупила глаза, чтобы не видѣть его.

— Ни слова! вскричалъ онъ въ отчаяніи.

Она не трогалась съ мѣста.

— Ну такъ ступай же, ступай, и да накажетъ тебѣ Богъ за то, что ты разбила сердце, которое такъ страстно тебя любило!

При первыхъ словахъ этой фразы Антонія взялась было за замокъ двери; но когда Мануэль упомянулъ о любви, которая говорила въ немъ и посреди самыхъ ужасныхъ порывовъ гнѣва, она остановилась и обернулась къ нему. Онъ упалъ на стулъ, закрывая глаза свои сжатыми кулаками, чтобы удержать слезы, которыя противъ воли его вырывались. Антонія посмотрѣла на него и почувствовала, что рѣшительность ея колеблется; она хотѣла, во что бы то ни стало, вырваться изъ этого ужаснаго по-

ложенія и отворила дверь Мануэль бросился къ ней и, упавъ къ ногамъ ея, вскричалъ:

— Антонія! но я не могу простить тебя, если ты хочешь... Какъ бы ни велики, какъ бы ни постыдны были твои проступки... я прошу тебя. Оставайся... не уходи... я не выгонялъ тебя.... нѣтъ, я этого не говорилъ..... я безумствовалъ.... Антонія!... Антонія, не уходи!...

Тутъ и Антонія не выдержала; она залилась слезами и вскричала:

— О, повѣрь, Мануэль, я не меньше тебя страдаю!

— За чѣмъ же ты не говоришь? За чѣмъ же ты не разсѣешь моихъ ужасныхъ сомнѣній? Ты меня любишь?... не правда ли, ты меня любишь?... Если бы я сказалъ тебѣ, что я сдѣлалъ преступленіе, неужели бы ты перестала любить меня?..

При этомъ странномъ предположеніи Антонія вздрогнула, какъ бы пораженная электрическимъ ударомъ; она посмотрѣла вокругъ себя, какъ будто боясь, чтобъ изъ какого нибудь темнаго угла этой комнаты не послышался голосъ и не открылъ ея тайны.... Потомъ она снова обратила глаза на Мануэля, который плакалъ у ея ногъ и сказала въ полномъ голосѣ, нагнувшись къ нему:

— Ну, а еслибъ я убила?....

— Ты! вскричалъ онъ, съ ужасомъ отступая.

— Еслибъ я украдала?....

— Ты! вскричалъ онъ еще съ большимъ ужасомъ.

Антонія остановилась, и оба нѣсколько минутъ молча глядѣли другъ на друга; потомъ Торси повторилъ глухимъ голосомъ:

— Убила?

— Да!

— Украла?

— Да!

Мануэль повелъ руками по лбу, какъ бы стараясь избавиться отъ страшнаго сна, потомъ сказалъ:

— О Боже мой, если это такъ!

— Ты вѣришь этому.... вскричала Антонія.... Прощай, Мануэль.... прощай!...

— Остаешься, сказалъ Торси съ мрачнымъ видомъ, кто бы ты ни была, я не хочу этого знать. Но ты спасла мнѣ жизнь, я любилъ тебя.... я не отпущу тебя безъ всего.... Сегодня, завтра, я приготовлю все что тебѣ нужно....

Эти слова разтерзали сердце несчастной Антоніи.

— О, Боже мой, Боже мой! вскричала она.... онъ подаетъ мнѣ милостыню, какъ осужденной преступницѣ.... О Господи!.. Ты справедливъ и многомилостивъ.... Дай мнѣ умереть.... я не въ состояніи болѣе страдать!

Мануэль былъ до такой степени пораженъ этимъ страннымъ предположеніемъ, что самъ не понималъ, что онъ чувствуетъ; онъ стоялъ неподвижно подлѣ Антоніи, которая съ отчаянія каталась по дивану, не говорилъ ей ни слова, не стараясь помочь ей.

— Она! она! повторялъ онъ почти про себя.

Порывы горести Антоніи мало по малу утихли... Она съ яростію грызла подушки, чтобы затушить въ нихъ рыданія, которыя душили ее; она удержала судорожныя движенія, изтязавшія все ея тѣло и потомъ, холодная, гордая, встала съ дивана... подошла къ зеркалу, поправила рукой, уже не дрожащей, свои волосы и платье, и пошла къ дверямъ...

— Нѣтъ! вскричалъ Мануэль.

Антонія побѣжала къ окошку.

— Умереть мнѣ все равно, тамъ или здѣсь, вскричала она.

Мануэль обхватилъ ее обѣими руками и между нимъ и ею началась страшная борьба.

— О, ты палачъ, ты мучитель мой!... Оставь меня!... кричала Антонія, обезумѣвъ отъ горести.

И, вырываясь изъ рукъ Мануэля, она искала ножницъ, ножа, чегонибудь чѣмъ бы убиться, подбѣгала къ мебели и билась головою объ ихъ углы.

Наконецъ Мануэлю удалось преодолѣть всѣ ея усилія и уложить ея въ постель. За этими страшными порывами послѣдовало совершенное расслабленіе.

Въ это время Мануэль размышлялъ о томъ, что съ нимъ случилось, и ему пришло въ голову: не узналъ ли я наконецъ истины? Тутъ онъ сталъ вспоминать обстоятельства, въ которыхъ онъ напелъ Антонію, время, когда онъ ее встрѣтилъ и по связи идей онъ вспомнилъ, что наканунѣ, пятое Октябрю казалось ей днемъ страшнымъ, 5 Октября! Такъ,

видно, преступленіе совершено пятаго Октября и онъ, ровно годъ назадъ, встрѣтился съ нею, когда она безъ приюта бродила въ горахъ, хотѣла умереть. Этимъ все объяснялось. Но нельзя же, чтобы объ этомъ преступленіи не говорили. Журналы такъ тщательно сообщаютъ своимъ читателямъ подобныя происшествія, что, конечно, не пропустили безъ вниманія преступленія такой молоденькой дѣвушки. У Торси въ мастерской было полное собраніе нѣсколькихъ журналовъ; онъ пошелъ туда; маркиза Шанжеронъ и графиня де Бревизъ пріѣхали въ то самое время, какъ онъ ихъ просматривалъ.

Торси былъ чрезвычайно удивленъ, увидѣвъ маркизу Шанжеронъ и проклиналъ свое ремесло, которое заставляло его съ улыбкою на устахъ принимать докучныхъ посѣтителей, которыхъ онъ радъ бы былъ выгнать.

Но потомъ удивленіе его еще болѣе возрасло, потому что маркиза объяснила ему причину своего посѣщенія.

— Извините, сударыня, сказалъ онъ, я еще не начиналъ вашей коллекціи.

— Я знаю, что еще нѣкогда было; я не за этимъ и пріѣхала къ вамъ.

— Что же вамъ угодно?

— Позвольте васъ спросить, видѣли вы вчера вечеромъ моего мужа?

Торси покраснѣлъ: этотъ вопросъ напомнилъ ему, зачѣмъ пріѣзжалъ Шанжеронъ и кто присылалъ его.

— Да, сударыня, маркизь испугался за меня одной выходки г. Шагоэня.

— Я не объ этомъ хочу поговорить съ вами.

— Нѣтъ, сказала графиня де Бревизъ, старался придать поступку своей дочери видъ, нѣсколько болѣе приличный, мы не имѣемъ никакого права, да и не хотимъ знать что происходило у васъ. Но когда мы скажемъ вамъ, что у насъ случилось, безпокойство Камиллы будетъ для васъ понятно.

Тутъ она рассказала, какъ г. Гажро получилъ у нихъ въ домѣ таинственное письмо, какъ Шанжеронъ отправился вмѣстѣ съ нимъ на свиданіе и съ тѣхъ поръ не возвращался.

Потомъ она продолжала съ смущеніемъ, которое ясно показало Мануэлю, что она чувствуетъ, какъ неприятно должно быть для него то, что она хотѣла сказать.

— Легко можетъ быть, что Анатоль сдѣлался жертвою злаго умысла; но мы, не давая еще знать объ этомъ полиціи, рѣшились обратиться къ вамъ. Дама, которой имя хотѣли сообщить г-ну Гажро, живетъ у васъ: не можетъ ли она сказать намъ, зачѣмъ назначено было это таинственное свиданіе?

Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился Мануэль, это было уже не одно оскорбительное посягательство на тайну его жизни. Послѣ того что говорила Антонія, онъ былъ пораженъ другаго рода страхомъ: если я убила! если я украла! сказала она. Это сомнѣніе его пугало: оно обьясняло и посѣщеніе Шагоэня и то, что Антонія скрыла это отъ него: можетъ быть она его сообщница. Легко

можетъ статья, что Шагоэпъ и Антовія условились между собою назначить это свиданіе, чтобы сбѣить съ рукъ чловѣка, который зналъ ихъ тайну. Посему онъ съ ужасомъ слушалъ, что говорила графиня де Бревизъ, а Камила, замѣтивъ его смущеніе, находила въ этомъ подтвержденіе своихъ подозрѣній.

— Какъ! сказалъ Мануэль, г. Гажро получилъ такое письмо и съ тѣхъ поръ маркизъ не возвращался? О, это должно быть ужасное преступленіе!

— Извините, сказала Камила, но матушка моя, видно, дурно объяснилась, или вы не такъ ее поняли: свиданіе назначено было не мужу моему, а имъ этой дамы важно всего болѣе для меня.

— Я очень понимаю, сударыня, сказалъ Торси; письмо было адресовано къ г-ну Гажро... И точно, продолжалъ онъ, какъ бы собирая свои воспоминанія, она смутилась при имени Гажро... его, вѣрво, ждала на Іенскомъ мосту и маркизъ, можетъ быть, сдѣлался жертвою несчастной ошибки.

— Что вы говорите? вскричала Камила, такъ мужъ мой не знаетъ этой дамы?

— О, нѣтъ, сударыня, они вчера въ первый разъ видѣлись: по крайней мѣрѣ я такъ думаю.

— Но въ такомъ случаѣ что жъ мнѣ за надобность знать ея имя?

— Какая вамъ надобность! вскричалъ Мануэль, вдругъ вспомнивъ, хотя неясно, что съ годъ назадъ говорили, будто графиня де Бревизъ лишилась наслѣдства и что при этомъ какую-то дѣвушку обвиняли въ убійствѣ и въ покражѣ завѣщанія. Какая вамъ надобность!...

— Что съ вами? спросила съ живостию графиня де Бревизъ.

Но Мануэль уже ничего не слыхалъ; онъ схватилъ связку журналовъ, которую было оставилъ, и началъ рыться въ ней, повторяя какъ бы въ помѣшательствѣ: — пятого Октябръ! — пятого Октябръ!...

— Пятого Октябръ! сказала графиня.... Чтожъ вы это ищите?

— О! если это правда! проговорила Торси почти про себѣ.

— Да, что такое? спросила графиня де Бревизъ.

— О, ничего, ничего, отвѣчалъ Торси, пробѣгалъ журналы одинъ за другимъ.

— Да, послушайте, г. Торси, сказала графиня, стараясь привлечь его вниманіе: пятое Октябръ и для насъ день очень замѣчательный.... Пятого Октябръ прошлаго года маркиза де Сублиранъ была убита дочерью своего управителя и эта дѣвка укра- ла завѣщаніе, которымъ Маркиза отказала все свое имѣніе моей дочери и отрѣшила г. Шагоэня отъ наслѣдства.

Объясненіе было такъ точно, имена и числа такъ хорошо согласовались между собою, что Торси не могъ болѣе сомнѣваться и страшное убѣжденіе такъ внезапно поразило его, что онъ былъ совершенно имъ подавленъ. Слова Антоніи: «Еслибъ я убила, еслибъ я украдала,» сдѣлались признаніемъ, въ которомъ ему уже невозможно было сомнѣваться. У Мануэля не достало ни силы, ни присутствія духа, чтобы скрыть свое убѣжденіе и онъ вскричалъ, закрывая лицо руками:

— О Боже мой!.. такъ это правда!

— Да что такое? спросила графиня де Бревизъ...

— Это она! проговорилъ Мануэль.

— Да кто жъ она?

— Она, Антонія!

— Антонія! сказала Камилла; ее звали не Антонией.

Мануэль не въ силахъ былъ отвѣчать.

— Да скажите же ради Бога, настоящее ли это ея имя, не зовутъ ли ее Евгенія Понтуа?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мануэль въ совершенномъ помѣшательствѣ, нѣтъ, не знаю, не могу вамъ сказать!

Потомъ онъ вскричалъ, заливаясь слезами:

— И я любилъ ее, и я люблю ее!... О несчастный, несчастный!

— А, сказала графиня де Бревизъ, обращаясь къ дочери, теперь все ясно! Легко можетъ быть, что г. Торси не знаетъ ея настоящаго имени: не мудро, что она его скрываетъ. Для тебя это имя, конечно, очень важно и его хотѣли открыть г-ну Гажро, потому что онъ былъ въ замкѣ маркизы де Субиранъ въ то время, какъ она убита. Евгенія Понтуа не лишила себя жизни, какъ мы думали; это должна быть она, и теперь она уже не уйдетъ отъ заслуженной казни.

— Казни! вскричалъ Торси.

— Конечно. Она воровка, убійца!..

— Но кто жъ вамъ сказалъ, что это она? вскричалъ Мануэль, которому мысль, что Антонию пове-

дугъ на эшафотъ возвратила почти всю прежнюю любовь его.

— Не старайтесь спасти ее ложью, сказала графиня де Бревизъ; эта женщина безъ всякаго сомнѣнiя, Евгенія Понтуа, и черезъ часъ она будетъ въ рукахъ юстиціи.

— О! вскричалъ Торси, если это правда, если это точно она, не дѣлайте этого, не убивайте ее! Она сама хотѣла лишиться себя жизни и я помѣшалъ ей.... Притомъ, графиня, она спасла мнѣ жизнь; если вы ее убьете.... вы убьете и меня. О нѣтъ, вы этого не сдѣлаете, вы не донесете на нея.... Я ушлю ее куда нибудь подальше, скрою, вы никогда даже не услышите о ней. Но хладнокровно свести бѣдную дѣвушку на эшафотъ; это было бы жестоко, ужасно!

— Я очень понимаю, какъ это должно быть прискорбно для васъ, сказала графиня де Бревизъ; но я не могу не исполнить долгъ, конечно, тягостный. Я обязана этимъ общественному благу и памяти покойной маркизы де Субиранъ.

— О, такъ нѣтъ, графиня, вы этого не сдѣлаете, вскричалъ Торси. Подумайте только, что это значило бы предать на жертву общественному мнѣнiю мою собственную честь: никто не повѣритъ, чтобъ я не зналъ, что она преступница. У васъ есть зять, графиня, и онъ будетъ отвѣчать мнѣ за каждое ваше слово!

— Но вы забываете, что опъ, можетъ быть, сдѣлался жертвою этой дѣвки и ея сообщника; что мы, можетъ быть, должны будемъ также мстить и за его смерть.

— О, несчастная, несчастная Антоніа! вскричалъ Торси, поражаемый со всѣхъ сторонъ.

— Пойдемъ, Камилла, пойдемъ отсюда, сказала графиня де Бревизъ.

Въ это самое время дверь мастерской отворилась и Шанжеронъ явился, держа Евгенію за руку. Онъ остановился, улыбаясь, при видѣ своей жены и тещи, которыя обѣ въ одинъ голосъ вскричали:

— Да, да, это она!

— А, и вы здѣсь! сказала Шанжеронъ насмѣшливымъ тономъ.

— Не мудрено, послѣ того какъ вы пропали, отвѣчала графиня.

— И я очень радъ этому, потому что извѣстія, которыя я долженъ сообщить Мануэлю, будутъ, я надѣюсь, также пріятны и для васъ, сказалъ Шанжеронъ.

Торси и обѣ дамы взглянулись съ видомъ величайшаго удивленія, а Евгенія, потупивъ глаза, съ робкимъ видомъ стояла въ сторонкѣ. Шанжеронъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку, и подводя къ Торси, сказалъ:

— Любезный другъ, я привелъ къ вамъ опять благороднѣйшую, добродѣтельнѣйшую дѣвушку, какую только я знаю.

— Она!... вскричалъ Торси, котораго лицо озарилось живѣйшею радостію.

— Она!... сказала вмѣстѣ графиня де Бревизъ и маркиза де Шанжеронъ съ видомъ негодованія.

— Она! отвѣчала Шанжеронъ строгимъ тономъ.

— Какой же романъ придумала эта госпожа, чтобы увѣрить васъ въ своей невинности? спросила графиня де Бревизъ.

— О, маркизъ! сказала Антонія, обращаясь къ Шанжерону.

— Не смотрите на это, моя милая, отвѣчалъ Шанжеронъ, дружески пожимая ей руки: торжество ваше будетъ тѣмъ прекраснѣе. При томъ, я говорю съ однимъ г. Торси.

— Въ такомъ случаѣ намъ здѣсь нечего и дѣлать, сказала графиня де Бревизъ. Пойдемъ, Камилла!

— Вы, матушка, можете дѣлать что вамъ угодно, сказалъ Анатолю, а Камилла останется здѣсь.

— Она должна вѣхать со мною къ слѣдственному судѣ.

— Она не должна, отвѣчалъ холодно Шанжеронъ, марасть моего имени доносомъ, котораго стыдъ упадетъ только на донощицу.

— Такъ объяснитесь же.

— Такъ потерпите, выслушайте меня.

Онъ знакомъ пригласилъ тещу и жену съѣсть, а Автою, потушивъ глаза, стояла подлѣ Мануэля, который держалъ ее за обѣ руки. Шанжеронъ началъ свой разсказъ.

— Для васъ, Торси, Антонія благороднѣйшая дѣвушка, невинная жертва обстоятельствъ и своего великодушія; я ручаюсь вамъ за это своимъ честнымъ словомъ. Вы, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ и тещѣ, конечно захотите подробныхъ объясненій. Я все разскажу вамъ, и вы ихъ легко пойме-

те: Когда Евгенія осталась одна въ комнатѣ шарки-аы де Субиранъ, полуусыпленная кофеемъ, который только что выпила и который далъ ей Понтуа, ей послышался легкій шумъ; но окованная этимъ ненатуральнымъ сномъ, она не могла пробудиться и очнулась отъ своего забытья тогда уже, когда услышала стenanія и борьбу. Въ это время какой-то человекъ отворилъ стеклянную дверь и побѣжалъ въ садъ. Евгеніи показалось, что это отецъ ея; она бросилась за нимъ и между тѣмъ какъ онъ пробирался вдоль замка и потомъ по мощеной дорогѣ, она шла по боковой аллеѣ, за шпалерами, которыя идутъ во всю длину ея. Въ концѣ этой алеи онъ остановился подлѣ какого-то человека верхомъ и она слышала, какъ онъ сказалъ:

— Вотъ духовная маркизы Субиранъ!

А тотъ отвѣчалъ:

— Вотъ пятьдесятъ тысячъ, которыя прислалъ вамъ г. Шагоэнь.

— Возможно ли? вскричала Камила.

— Еслибъ это была правда, а не нелѣпая сказка, сказала графиня де Бревизъ, то слѣды Понтуа отыскались бы точно такъ же какъ слѣды Евгеніи.

— При слѣдствіи никто и не подумалъ, отвѣчалъ Шанжеронъ, что онъ шелъ вдоль замка по мостовой и потомъ по дорогѣ тоже мощеной и очень зналъ что на ней не останется слѣдовъ.

— А! сказала графиня де Бревизъ, это она изволила вамъ рассказать.

— О, ваше сіятельство, сказала Евгенія, я бы никогда этого не открыла, если бъ другіе не сказали.

— По этому-то она и достойна глубокаго уваженія; она знала преступленіе отца своего и хотѣла лучше умереть, чтобы только не быть принужденною обвинять его. Она дѣйствительно бросилась въ рѣку, въ которой искали потомъ ея трупъ.

— Какимъ же чудомъ она осталась въ живыхъ спросила графиня съ сардонической улыбкою.

— Очень просто: шагахъ въ двадцати отъ того мѣста, гдѣ она кинулась въ воду, есть плотина, которою рѣка запружена для того, чтобы отвести воду на мельницу. Не мудрено, что Евгению въ нѣсколько секундъ выбросило на эту плотину.

— Да, это правда, и она, видно, топилась очень осторожно, сказала графиня де Бревизъ.

— Спросите ее, продолжалъ Шанжеронъ, спросите ее, отчего она старалась избавиться отъ смерти, когда сама ее искала; отчего очнувшись, она не посмѣла снова подвергнуться мученію, которое вытерпѣла въ водѣ; отчего побѣжала по плотинѣ и потомъ по полямъ, куда глаза глядятъ. Она сама не знаетъ и это очень естественно, потому что она дѣйствовала безотчетно, по врожденному въ насъ чувству самосохраненія. Вспомните о жестокомъ потрясеніи, которое она вытерпѣла, о разстройствѣ ея духа, о физическомъ помѣшательствѣ, произведенномъ въ ней опиумомъ, и вы поймете, что она могла сдѣлать все это безъ всякаго расчета, почти безъ сознанія.

— Все это прекрасно, сказала графиня де Бревизъ; но все это романъ, покуда нѣтъ доказательствъ.

— Доказательствъ? сказалъ Шанжеронъ презрительнымъ тономъ. О, я представляю вамъ доказательства и увѣривъ, что вы будете ими очень до-

вольны, даже восхищены; доказательства, которыя сдѣлаютъ васъ чрезвычайно внимательными, чрезвычайно сговорчивыми и совершенно расположатъ васъ вѣрить невинности этой дѣвушки.

— Вы говорите со мною, маркизъ, довольно страннымъ тономъ, чтобъ не сказать больше!

— Графиня, отвѣчалъ Шанжеронъ, я при васъ поручился своимъ честнымъ словомъ за то, что она ни въ чемъ не виновата, такъ вы должны бы были этому вѣрить.

— А я, съ позволенія вашего, и теперь еще не вѣрю, и долго не повѣрю.

— А я, напротивъ, думаю, что вы тотчасъ повѣрите, потому что я объясню вамъ свое необыкновенное отсутствіе, которое вы такъ хорошо растолковали въ мою пользу.

— Почему вы знаете?

— Вамъ, конечно, извѣстно, что г. Гажро, по своимъ правиламъ, всегда говоритъ истину, всю истину, а я сейчасъ встрѣтилъ его здѣсь въ домѣ, когда шелъ къ г-жѣ Понтюа.

— Такъ вы знали, что мы здѣсь?

— И даже зачѣмъ вы прѣехали. Такъ вотъ что я дѣлалъ въ эту почу. Человѣкъ, который ждалъ Гажро на Іенскомъ мосту, былъ нѣкто Водрильянъ: вы, вѣрно, его помните. Шоль Шагоэнь поручилъ ему подкупить Понтюа, и тотъ съ успѣхомъ исполнилъ его порученіе. Но какъ всѣ эти люди были опытные негодяи, то въ день преступленія, Водрильянъ уѣхалъ, и слѣдственно его нельзя было дозрѣвать въ сообщничествѣ.

— Но кто же сталъ верховъ въ концѣ адмѣи и принялъ отъ Понтуга духовную?... Шагоэнь?

— О нѣтъ, Шагоэнь слишкомъ остороженъ, чтобы выѣхать въ такое время изъ Парижа и навлечь на себя подозрѣнiе. Этотъ человекъ былъ одинъ ростовщикъ, которому Шагоэнь задолжалъ слишкомъ триста тысячъ, потому что былъ тогда въ самомъ стѣсненномъ положенiи. Стоило того, чтобы помочь Шагоэню получить богатое наслѣдство и доставить ему возможность заплатить долги свои.

— И это все рассказали вамъ Водрильянтъ?

— Да, но это стоило мнѣ тридцать тысячъ франковъ.

— Тридцать тысячъ, чтобы спасти мамзель Евгению! сказала графиня де Бревизъ.

— О, графиня, вскричалъ Торси, эти тридцать тысячъ.....

— Графиня сейчасъ увидитъ, что эти тридцать тысячъ употреблены съ большой пользою, сказалъ Шажеронъ. Шагоэнь обѣщалъ Водрильяну тридцать тысячъ за то, чтобы онъ доставилъ ему духовную маркизы де Субиранъ; а какъ ростовщикъ, о которомъ я говорю, удержалъ ее у себя, то Шагоэнь и не заплатилъ этихъ денегъ.

— О! такъ завѣщанiе не уничтожено! вскричала графиня де Бревизъ.

— Нѣтъ, оно существуетъ. Вчера вечеромъ Шагоэнь пришелъ къ Водрильяну, сказалъ ему, что случайно отыскалъ Евгению Понтуга и предложилъ ему сдѣлать два преступленiя: донести на нее и убить ростовщика, чтобы добыть духовную. Не

знаю, чего побоялся Водрильянъ: наказаніи или упрековъ совѣсти, только онъ потребовалъ ночь на размышленіе. Тутъ ему пришло въ голову, что доносъ будетъ для него такъ же выгоденъ, какъ и преступленіе, и тогда онъ написалъ къ Гаэро. Шагоэнь сказалъ ему, что г. Гаэро у насъ.

— Что же вы сдѣлали?

— А вотъ что: я тотчасъ отправился къ одному пріятелю, который, по своей извѣстности, могъ служить мнѣ надежнымъ свидѣтелемъ. Мы поѣхали съ нимъ вмѣстѣ къ ростовщику и я прямо сказалъ ему въ чемъ дѣло. Такъ какъ эта исторія могла кончиться для него каторжною работою, то онъ охотно отдалъ мнѣ завѣщаніе. Черезъ часъ послѣ того я былъ у Шагоэня, показалъ ему духовную, рассказалъ, какъ она мнѣ досталась. Онъ подписалъ мнѣ бумагу, въ которой признаетъ это завѣщаніе законнымъ и отказывается отъ всѣхъ правъ своихъ. Вотъ эти документы.

— И вы, надѣюсь, предали всѣхъ этихъ пегодлевъ судебной власти? сказала графиня, взявъ бумаги.

— Я далъ имъ двое сутокъ срока, чтобъ они могли выбраться изъ Франціи; а потомъ я буду просить судъ пересмотрѣть дѣло Евгеніи Понтуа и объявить ее пединною.

— Евгенія Понтуа умерла, маркизъ, сказала дѣвушка, а Антоніи довольно и того, что она оправдана передъ Мануэлемъ, маркизой и графиней. Не дѣлайте бесполезными мою жертву и мои долгія страданія.

— Ты правду говоришь, сказалъ Торси, и когда

ты будешь носить мое имя, я надѣюсь, никто не станетъ добиваться, какъ тебя звали прежде.

— И я надѣюсь, что г-жа Торси будетъ часто у насъ, сказалъ Анатоль.

— Не правда ли, моя милая, вскричала Камилла, обнимая ее: вы будете къ намъ ѣздить? Вѣдь вы за насъ страдали, бѣдняжка!

Въ это время графиня де Бревизъ читала завѣщаніе и лицо ея сіяло радостію.

— Прекрасно! сказала она, г. Гажро сдержалъ свое слово.

— А онъ-то? вскричалъ Торси, какъ же мы его заставимъ молчать?

— Мы можемъ общать ему свои голоса при будущиxъ выборахъ, сказалъ, смѣясь, Шанжеронъ.

Потомъ онъ уѣхалъ съ женою и тещею, а Мануэль и Антонія остались одни.

Лавиньянъ говоритъ съ тѣхъ поръ, что онъ рѣшительно не понимаетъ поведенія Торси, который женился на Антоніи, а Корнелія утверждаетъ, что муженьки самыя презрѣнныя твари, когда они въ состояніи жениться на этакихъ женщинахъ.

Съ Франц. — А.

—

II.

ДОКТОРЪ БРУССЕ.

Мы приняли правиломъ знакомить читателей Сына Отечества со всѣми важнѣйшими современными событіями на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, также какъ съ лицами, бывшими виною этихъ событій. Перъ воротъ, сдѣланный въ недавнее время въ Медицину докторомъ Бруссе, безъ сомнѣнія имъ извѣстенъ. Въ Майской книжкѣ С. О. 1839 года было помѣщено неполное изображеніе этого замѣчательнаго чловѣка, коего страсть къ реформѣ и системѣ увлекла за границы здраваго анализа, но который однакожъ изумилъ современниковъ обширнымъ умомъ и могучею своею діалектикою. Онъ привелъ въ страшное движеніе умы въ той области, въ которой природа предназначала ему дѣйствовать — а такіе люди безъ сомнѣнія заслуживаютъ глубокаго изученія, хотя бы они и ошибались. Въ дополненіе свѣдѣній, сообщенныхъ уже о немъ въ нашемъ журналѣ, мы предлагаемъ читателямъ прекрасную статью Минье, извлеченную изъ одного Французскаго журнала.

При возстановленіи академіи нравственно-политическихъ наукъ въ 1832 году, Бруссе былъ уже давно

знаменить смѣлостію своихъ системъ, числомъ и достоинствомъ твореній, даже совершеніемъ важной медицинской реформы. Онъ пытался тогда распространить переворотъ, произведенный въ медицину, даже на философію. Ловкій наблюдатель, оригинальный реформаторъ, человекъ съ отличнѣйшими способностями, наполнившій въ продолженіе пятнадцати лѣтъ Францію и Европу своими трудами и славою, не принадлежалъ еще къ числу членовъ института. Новая академія поспѣшила принять его. Открывая для всѣхъ идей, стремясь всѣми средствами къ отысканію первыхъ истинъ, преслѣдуемыхъ человекомъ, она приняла г-на Бруссе въ свое отдѣленіе философіи, гдѣ онъ былъ представителемъ ученія, которое, повидимому, достигло уже до крайнихъ своихъ предѣловъ.

По этому я хочу разсмотрѣть Бруссе, какъ философа, но я дурно выполню задачу и дамъ о немъ неполное понятіе, если покажу его только съ этой точки зрѣнія. Бруссе былъ философомъ по случаю; въ немъ фізіологъ предшествовалъ философу, вдохновлялъ и покорялъ его. Слѣдуетъ искать его философскихъ началъ въ медицинскихъ его теоріяхъ. Тутъ находимъ его оригинальность, его права на славу; можемъ открыть путь этого могучаго ума, изложить его постепенныя открытія, и слѣдовать за ихъ систематическимъ развитіемъ. Тутъ же выказывается весь человекъ, съ его убѣжденіемъ, страстями, непреодолимымъ мужествомъ; человекъ, борющійся съ системами современными для основанія своей, и переносящій борьбу въ область исторіи, съ цѣлію испровергнуть старые авторитеты и царствовать единодержавно. Словомъ, тутъ-то Бруссе занимаетъ мѣсто среди великихъ людей науки, которая обязана ему несомнѣнными успѣхами.

Францискъ Иосифъ Викторъ Бруссе родился въ Сень-Мало (въ Бретани) 17-го Декабря 1772. Всѣ его предки занимались медициною. Его прадедъ былъ врачомъ, а дѣдъ — аптекаремъ: Отецъ его, тоже занимавшійся медициною, жилъ въ Плёртюн, не далеко отъ Сень-Мало, на берегу моря. Тутъ прожилъ и Бруссе до двѣнадцати-лѣтняго возраста. Воспитаніемъ его весьма мало занимались; только нѣсколько смотрѣла за нимъ нѣжная мать, которую онъ чрезвычайно любилъ, а пасторъ научилъ его служить обѣдню и пѣть. Но время никогда не потеряно для людей съ сильною организаціею. Сама природа замѣняетъ усилія воспитанія, и прежде образованія ума образуетел характеръ.

Тоже случилось съ молодымъ Бруссе; характеръ его развился тѣмъ сильнѣе, что не былъ стѣсненъ отвлеченностями и школою. Съ юности научился онъ ничего не бояться. Отецъ посылалъ его, ночью, разносить лекарства больнымъ. Часто Бруссе не зналъ дороги и предавался во власть лошади, которая возила отца въ продолженіе дня. Юный и безстрашный мальчикъ проѣзжалъ безъ страха и смущенія, по мѣстамъ пустыннымъ и дурно ославленнымъ, привыкая въ ночныхъ поѣздкахъ къ неопредѣленнымъ страшнымъ лицамъ, которыя уже не устрашали его, равно какъ и дѣйствительныя опасности. Съ самой юности показывалъ онъ безстрашную энергію, которая не оставляла его потомъ во всю жизнь и въ битвахъ науки.

Когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, нѣжная мать, замѣтивъ въ немъ счастливыя способности, захотѣла развить ихъ умнымъ воспитаніемъ и согласилась разстаться съ нимъ. Его послали въ училище, въ Диванъ. Тамъ онъ съ успѣхомъ окончилъ клас-

сическое ученіе. Онъ отличался скорою понятливостію, счастливою и твердою памятью, преждевременнымъ размышленіемъ, ибо дѣятельность его ума, всообращенная на ученіе, ограничивалась до сихъ поръ наблюденіемъ. Онъ не кончилъ еще курса, когда запылала революція. Когда Пруссаки достигли до Вердюна, въ 1792, и вся Франція начала вооружаться, Бруссе, ученикъ философскаго класса, вступилъ въ роту волонтеровъ въ Динанъ; двадцатилѣтній юноша могъ отличиться, ибо имѣлъ всѣ нужныя для сего качества.

Въ одной изъ стычекъ съ шуанами, онъ показалъ и силу и великодушную храбрость. Рота Динанскихъ волонтеровъ была разбита. Во время бѣгства, товарищъ Бруссе получилъ рану и упалъ. Война была беспощадная, а непріятель слѣдилъ бѣглецовъ по пятамъ. Бруссе, не страшась, что его захватятъ и убьютъ, остановился, поднявъ на плечи раненаго товарища и продолжалъ ретираду, но не такъ скоро, подъ опасною ношею. Шуаны стрѣляли въ него, попали въ его шляпу, но онъ убѣжалъ отъ нихъ. Достигнувъ безопаснаго убѣжища, онъ бережно положилъ товарища, но тотъ уже умеръ. Бруссе спасъ мертвое тѣло, но его подвигъ все таки превосходенъ; такія дѣла цѣнятся по чувству, внушающему ихъ, и по опасности исполненія.

Бруссе не долго служилъ въ ротѣ Динанскихъ волонтеровъ, хотя его произвели въ сержанты. Онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, возвратился къ родителямъ, у которыхъ былъ единственнымъ сыномъ; по просьбѣ ихъ онъ согласился посвятить себя наследственному званію въ семействѣ и поступилъ въ госпиталь въ Сенъ-Мало, а потомъ въ Брестъ. Успѣхи его шли быстро, и скоро получилъ онъ мѣсто

хирурга на фрегатѣ *Слава*. Въ минуту отъѣзда пода-
ли ему письмо отъ мера города Сень-Мало. Оно на-
чиналось слѣдующими въчурными, но страшными
словами: *Вострепеници, прохитивъ сіе письмо*. Въ са-
момъ дѣлѣ, оно сообщало вѣсть о страшномъ бѣд-
ствіи. Жилище престарѣлыхъ его родителей было
занято шуанами. Отецъ и мать его были задушены,
тѣла ихъ обезображены, а домъ разграбленъ. Узнавъ
страшное событіе, Бруссе почувствовалъ глубокую
горестъ и сильное негодование. Онъ былъ такъ по-
раженъ, что въ послѣдствіи, по прошествіи сорока
лѣтъ, блѣднѣлъ и дрожалъ при одномъ воспомина-
ніи, какъ въ самый день бѣдствія.

Онъ остался въ службѣ и дѣйствовалъ противъ Ан-
гличанъ. Въ качествѣ медика, на корветѣ *Ластожа*
и на корсарѣ *Бугенвилль*, совершилъ онъ нѣсколько
морскихъ кампаній. Но онъ не могъ вѣчно оставать-
ся морскимъ докторомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, же-
нпвшись, оставилъ онъ родину и переселился въ Па-
рижъ, для окончанія курса медицинскихъ наукъ и
полученія степени доктора.

Онъ прибылъ въ Парижъ въ 1799 году, въ блестя-
щую эпоху науки во Франціи. Школа Бакона, Лок-
ка и Кондильяка царствовала единовластно. Анализъ
былъ не только ея орудіемъ, но такъ сказать ду-
шею. Отъ него произошелъ фанатизмъ разложенія,
внушаемый желаніемъ все знать, надеждою все пе-
рестроить; онъ то, оставляя развалины въ мірѣ нрав-
ственномъ, обработалъ науки въ мірѣ физическомъ.
Чудные успѣхи естественной исторіи, химіи, геоло-
гін, высшей математики, были его произведеніемъ.
Эти успѣхи распространились и на медицину. Па-
рижская школа, осторожная въ ходѣ своемъ, при-
держивавшаяся устарѣлыхъ идей, не воспитавшая ни

одного изъ гениевъ, которые въ послѣдніе три вѣка произвели переворотъ въ медицину, получила новое направленіе. Она въ свою очередь отличалась замѣчательными трудами и людьми. Шоусе напечаталъ свои *Физиологическія таблицы*; Пинель, въ своей *Философической Нозографіи*, издалъ кодексъ Французской медицины, вмѣвшій силу до реформы, произведенной г-мъ Бруссе; Кабанисъ, писатель изящный и ревностный ученикъ Кондильяка, прилагалъ систему своего учителя къ отношеніямъ между нравственною и физическою сторонами человѣка и излагалъ въ любопытныхъ своихъ диссертацияхъ матеріальную психологію; Бишэ удивлялъ ученыхъ свѣтъ своими *Физиологическими разысканіями о жизни и смерти*, своею *общеою анатоміею*, приложенною къ физиологіи и медицинѣ; этотъ молодой медикъ, полный дѣятельности и таланта, въ нѣсколько лѣтъ спѣшилъ издать всѣ свои творенія, какъ бы предчувствуя, что смерть похититъ его на тридцать первомъ году. Таковы были учителя Бруссе.

Онъ сталъ другомъ Бишэ, котораго труды потому имѣли рѣшительное вліяніе на его собственныя идеи, и съ жаромъ покорился ученію Пинеля, царствовавшаго тогда въ медицинѣ. Проучившись четыре года прилежно, онъ получилъ степень доктора. Предметомъ разсужденія выбралъ онъ *эктическую лихорадку* и показалъ себя рѣшительнымъ подражателемъ Пинеля. Въ *Философической Нозографіи*, Пинель, подражая натуралистамъ, классировалъ болѣзни на роды, виды и подраздѣленія, какъ животныя и растенія, и не по признакамъ, а по существу ихъ. Желая опредѣлить мѣсто лихорадокъ, онъ принималъ, по примѣру прежнихъ великихъ своихъ предшественниковъ, общіе безпорядки въ жизненной экономіи, почитая ихъ лихорадками первоначальными

или коренными. Пинель признавалъ шесть различныхъ такихъ лихорадокъ. Бруссе, въ послѣдствіи не признававшій ни одной изъ нихъ, предлагалъ тогда прибавить къ нимъ еще седьмую, *зектигескую*, которую онъ производилъ отъ безпорядочнаго дѣйствія въ нѣкоторыхъ снарядахъ, а не отъ недостатка или разстройства органовъ.

Въ первомъ разсужденіи Бруссе достойно замѣчанія не сбивчивость ученія, а торжество чловѣка съ самимъ собою. Не слѣдуетъ смотрѣть на него, какъ на чловѣка, который умножаетъ число существенныхъ (*essentielles*) болѣзней, а потому рѣшительно признаетъ только болѣзни мѣстныя; слѣдуетъ, напротивъ, замѣтить проциательный и смѣлый умъ, желающій изобрѣтать подражая и восходить къ общимъ идеямъ, не обвиняя дѣла вполнѣ; даже самый выборъ предмета о таинственной лихорадкѣ, ведущей несчастныхъ жертвъ ко гробу медленнымъ, но неотвратимымъ разрушеніемъ, показываетъ уже чловѣка, умѣющаго выбирать важныя задачи, хотя онъ не умѣетъ еще рѣшать ихъ. Этотъ вопросъ привелъ его на путь открытій и реформы.

Два года занимался онъ практикою въ Парижѣ; но не пользуясь извѣстностію, не могъ имѣть быстраго успѣха, а бѣдность не позволяла ему ждать извѣстности; онъ обратился въ другую сторону. Армія могла доставить ему готовую практику и сверхъ того, пищу его наблюдательному уму. Черезъ Пинеля и друга своего Деженета, получилъ онъ мѣсто помощника главнаго доктора при такъ называемой береговой арміи. Въ 1805 году Бруссе отправился въ Булонскій лагерь и послѣдовалъ за знаменами въ Ульмъ, Аустерлицъ и въ другія мѣста. Онъ очевидно былъ созданъ для такой службы: отличался крѣпкимъ

сложениемъ, силою, мужествомъ, рѣшительностью, былъ выше лишеній, опасностей и эпидемій, которыя въ арміяхъ убійственнѣе самыхъ сраженій. Онъ оказывалъ солдатамъ самое усердное попеченіе, соболѣзновалъ о нихъ и не могъ привыкнуть смотрѣть равнодушно на страданія; до самой смерти сохранилъ онъ мягкое сердце, которое не очерствѣло отъ безпрерывнаго столкновенія съ болѣзнію и смертію.

Всего замѣчательнѣе въ немъ духъ изученія, вложенный имъ въ лагерную палатку. Задача, занимавшая его прежде и не вполне имъ разрѣшенная, представилась ему снова. «Медики, трудящіеся въ госпиталяхъ, говоритъ онъ, видятъ тамъ много больныхъ, блѣдныхъ и худыхъ, теряющихъ силы ежедневно и медленно идущихъ ко гробу съ гектической лихорадкою (сухоткою) болѣе или менѣе замѣтною. Въ первомъ моемъ сочиненіи я обратилъ мои размышленія на этихъ несчастныхъ, слишкомъ долго оставленныхъ въ пренебреженіи. Получивъ мѣсто въ военныхъ госпиталяхъ, я рѣшился изучить хроническія болѣзни подробно. Ища руководителя въ извѣстнѣйшихъ авторахъ, которымъ медицина обязана успѣхами, я ничего не нашелъ, кромѣ предположеній.»

Тогда онъ предался внимательному изученію этихъ малоизвѣстныхъ болѣзней. Переносясь въ Голландію, Австрію, Италію, изъ сѣверныхъ тумановъ къ южному жару, онъ наблюдалъ дѣйствіе различныхъ климатовъ на людей всѣхъ возможныхъ тѣлосложений и слѣдилъ за ихъ болѣзнями отъ начала до конца, доискиваясь причинъ, описывалъ признаки и переменны и дополняя исторію болѣзни вѣрнымъ и точнымъ трупораззѣтисемъ. Такимъ образомъ собралъ онъ въ три года драгоценныя, дотола неизвѣстные фак-

ты о поврежденіяхъ въ снарядахъ дыхательномъ и пищеварительномъ; получивъ отпускъ въ 1808 году, и возвратясь въ Парижъ, Бруссе издалъ свои разысканія, подъ названіемъ *Исторіи флегмазій* или хроническихъ воспаленій.

Это произведеніе продлить славу Бруссе до тѣхъ поръ, пока будутъ уважать умное наблюденіе и истинную науку. Бруссе увѣрялъ, что почти всѣ хроническія болѣзни происходятъ отъ остраго воспаленія, дурно излеченнаго. Воспаленіе стало у него непременною причиною всѣхъ болѣзней. Онъ ученымъ образомъ описалъ ходъ чрезмѣрнаго возбужденія, которое притягиваетъ кровь въ излишнемъ количествѣ на страждущіе органы, измѣняетъ въ нихъ условія жизни, производитъ безпорядокъ въ отправленияхъ, и разрушивъ самое вещество, производитъ смерть. Онъ доказалъ, противно системѣ Броуна, что общая слабость, въ хроническихъ флегмазіяхъ, часто бываетъ соединена съ мѣстнымъ возбужденіемъ, и что тогда слѣдуетъ смѣло атаковать послѣднее, не заботясь о первой.

Труды его о воспаленіи легкихъ весьма замѣчательны. Онъ старался доказать, что болѣзни разныхъ частей этого снаряда всегда соединены одна съ другою, ежеминутно переходятъ одна въ другую, и всегда производятъ чахотку. Но разысканія его о воспаленіяхъ желудочныхъ были еще самостоятельнѣе и привели его къ драгоцѣннѣйшимъ открытіямъ. Онъ пролилъ свѣтъ на малозвѣстный и нѣжный снарядъ, коимъ производится возстановленіе силъ, въ коемъ перерабатываются матеріальные элементы жизни и коего поврежденія были наблюдаемы не совершенно. Бруссе доказалъ, что тутъ живутъ многія болѣзни, относимыя къ другимъ мѣстамъ или

почитаемыя повсемѣстными. Онъ пополнилъ незна-
ніе медицины, и сдѣлалъ это съ такою увѣренно-
стію и съ такою осторожностію, что читая его
превосходное твореніе, не знаешь, чему болѣе уди-
вляться, пропитательности наблюдателя, или осте-
рожности теоретика. Ученіе о раздраженіи вмѣща-
лось въ ученіи о воспаленіи, но черезъ семь лѣтъ
Бруссе отдѣлилъ его совершенно.

Исторія хроническихъ флегмазій не имѣла такого
успѣха, какого была достойна. Въ эту эпоху, тру-
ды ума не шли быстро къ успѣху, и славился толь-
ко одинъ человекъ. Бруссе считалъ себя счастли-
вымъ, что продалъ обѣ части за 800 франковъ; не
многіе оцѣнили его твореніе, но въ числѣ немногихъ
слѣдуетъ считать Шоссье и Пинеля. Получивъ мѣ-
сто главнаго доктора въ отрядѣ Испанской арміи,
онъ отправился въ Испанію пѣшкомъ, исполненный
сознаніемъ своей силы и рѣшившись при первомъ
удобномъ случаѣ осуществить рѣзкую и полную
систему.

Случай представился въ 1814 году. До тѣхъ поръ
Бруссе въ молчаніи продолжалъ труды, которые бо-
лѣе и болѣе увлекали его на новый путь. Переставъ
слѣдить за арміями и получивъ мѣсто адъюнкта въ во-
енной больницѣ Вальдеграць, по ходатайству Дежене-
та, онъ рѣшился произвести реформу. Уваженіе къ ав-
торитету Пинеля, которое мѣшало ему, какъ онъ самъ
признается, высказать всѣ свои мысли въ *исторіи*
флегмазій, уже не останавливало его. Онъ смѣло
обнародовалъ результаты началъ о воспаленіи и из-
вѣстное свое ученіе о физиологической медицинѣ,
къ образованію которой содѣйствовало происше-
ствіе, съ нимъ лично случившееся.

Когда Бруссе былъ въ Нимвегенѣ, съ нимъ сдѣлалась сильная, злокачественная лихорадка. Онъ прибѣгъ къ совѣтамъ двухъ медиковъ, друзей своихъ; одинъ хотѣлъ давать ему крѣпительныя средства и хину для отвращенія адинамической лихорадки; другой совѣтовалъ принимать слабительное, чтобы избѣжать гнилой горячки. Не зная, какое принять изъ двухъ противныхъ лекарствъ, Бруссе не принялъ ни того, ни другаго. Почитая болѣзнь свою чрезвычайно опасною, онъ всталъ съ постели и сѣлъ, почти безъ платья, къ письменному столу, для приведенія бумагъ своихъ въ порядокъ. Тогда былъ Январь мѣсяць, и снѣгъ покрывалъ улицы. Пока Бруссе занимался бумагами, жаръ лихорадки проходилъ мало по малу; онъ чувствовалъ неизъяснимую свѣжесть и спокойствіе. Бруссе, для котораго все было предметомъ размышленія, изумился такому неожиданному результату, и неосторожность свою преобразилъ въ опытъ. Ничего не опасаясь изъ любви къ наблюденію, онъ отворилъ окно и долго дышалъ холоднымъ воздухомъ. Ему стало легче; онъ заключилъ, что прохладительное питье освѣжить его пылающій желудокъ, какъ холодный воздухъ освѣжилъ его горячую грудь, и припалъ нѣскольکو стакановъ лимонада. Черезъ 48 часовъ, онъ былъ совершенно здоровъ. Этотъ фактъ очень поразилъ его и сдѣлался въ его умѣ зерномъ великой реформы.

Въ какомъ положеніи нашелъ Бруссе медицину, когда вздумалъ преобразовать ее? Наука дѣлала постепенные успѣхи въ слѣдствіе собственнаго своего развитія и подъ постороннимъ вліяніемъ. Въ древнія времена ничего не знали, кромѣ общаго, внѣшняго хода болѣзней, кои не могли быть отнесены къ органамъ, ибо устройство, функціи и отношенія

органовъ оставались неизвѣстными. Знали несовершенство или плохо человѣческое тѣло, образецъ божественнаго созданія, эту живую, чувствительную, оживленную умомъ матерію, которая въ ограниченномъ пространствѣ, подъ непрочнымъ повиданному покровомъ, побѣдно сражается съ могущественнѣйшими силами физической природы, присвоаетъ ихъ себѣ и уступаетъ ихъ разрушительному дѣйствию только тогда, когда начало, ее оживляющее, исчезаетъ; это обширное собраніе многообразныхъ снарядовъ, содѣйствующихъ къ сохраненію человѣка и вводящихъ его въ соотношеніе съ цѣлымъ міромъ....

Наука о тѣлѣ человѣческомъ, объ его функціяхъ и болѣзняхъ, образовалась весьма медленно. Успѣхи ея часто останавливались отъ тайнъ, которыя ей следовало открыть, и еще чаще сбивались съ надлежащаго пути отъ вліянія другихъ наукъ, которыя помогали ей дѣлать заключенія и ошибаться. Въ древности, она блуждала по ложнымъ слѣдамъ невѣрной физики и по разнымъ философскимъ системамъ, которыя служили основаніемъ многихъ системъ медицинскихъ. Начавъ дѣйствовать собственными своими усиліями въ средніе вѣки, она опять попала не на свой путь, покорилась вліянію царствовавшихъ тогда идей и наукъ, имѣвшихъ успѣхъ. Она была астрологическою при Парацельсѣ, химическою и полу-мистическою при Ванъ-Гельмонтъ; чисто химическою при Сильвіѣ (*de la Voë*), превратившемъ тѣло человѣческое въ лабораторію; механическою при Борелли и Боергавъ, которые видѣли въ тѣлѣ человѣческомъ гидравлическую машину; духовною при Сталѣ, который подчинилъ всѣ функціи органовъ психологическому началу; наконецъ Фридрихъ Гофманъ подчинилъ ее силѣ, болѣе прилич-

ной ея существу, которая скоро привела Бордэ и Бартеса къ силѣ жизненной (*force vitale*). Тогда, по простой логикѣ, признали въ тѣлѣ человѣческомъ начало, которое, не будучи ни матеріею, ни духомъ, управляетъ формаціею, дѣйствиємъ и сохраненіемъ органовъ, по собственному своему свойству, по особенной химіи, по частной механикѣ, и назвали его изначаломъ жизни, давъ ему имя отъ великаго дѣла, совершаемаго имъ.

Дойдя до жизненнаго начала, наука старалась изучить его не въ скрытой его сущности, а только въ наружныхъ явленіяхъ. Ей благопріятствовали въ этомъ дѣлѣ открытія, совершенныя ложными системами, наблюденіемъ и анализомъ. Открытіе разныхъ спарядовъ и ихъ употребленіе, открытіе циркуляціи крови Гарвеемъ, и мускулярнаго раздраженія Галлеромъ; анатомія больныхъ органовъ, Морганьи; опредѣленіе сущности и жизненности тканей, Бордэ и Бишэ; все это дало средства узнать правильные акты и безпорядки жизни. Медицина долго приписывала болѣзни недостатокъ гармоніи или порчѣ жидкостей въ тѣлѣ, отъ чего произошелъ гуморисмъ со всѣми многоразличными его измѣненіями; но принявъ за основаніе твердыя части, отъ коихъ зависятъ обращеніе крови и отдѣленіе соковъ, она въ нихъ нашла причину болѣзней и создала теорію нынѣшняго солидисма.

Слѣдствіемъ его было ученіе Шотландца Броуна, имѣвшее большой успѣхъ въ XVIII вѣкѣ. По Броуну, здоровье состоитъ въ надлежащемъ количествѣ жизненной силы, а болѣзнь — въ излишкѣ или недостаткѣ этой силы. Потому онъ раздѣлялъ всѣ болѣзни на два рода: на болѣзни *стеническія* (отъ возбужденія) и *астеническія* (отъ слабости), и употреб-

*

лялъ только два рода лекарствъ, расслабляющія и возбуждающія. Теорію его легко было понимать и прилагать, ибо признаки болѣзни указывали вдругъ и на причину и на лекарство. Сначала она имѣла огромный успѣхъ; но опытъ скоро показалъ шаткость этой системы. Она была измѣнена во Франціи Пинелемъ, введшимъ родъ медицинскаго эклектизма, а въ Италіи Разоріемъ и Томазини, которые Броуновскому стимулизму противопоставили ученіе контрo-стимулизма. Повинуясь правильному влеченію, наука перешла отъ общаго солидисма къ мѣстному; изучала дѣйствіе жизненнаго начала и его разстройства не въ цѣломъ тѣлѣ, но въ разныхъ органахъ, ища въ нихъ особеннаго мѣста болѣзнямъ. Труды великихъ фізіологовъ и искусныхъ тогдашнихъ врачей привели науку къ этому результату. Бруссе, принимаясь за реформу, нашель, что ученіе Броуна вовсе разрушено, власть Пинеля утверждена, патологическая анатомія идетъ впередъ, а размѣщеніе болѣзней начато, хотя не совсѣмъ успѣшно. Онъ сталъ представителемъ этого новаго и логическаго усилія науки; Бруссе былъ предприимчивъ и рѣшительнень, и обратилъ неясное направленіе въ рѣшительную реформу, а неопредѣленныя идеи въ правильную систему.

Что такое система Бруссе? Вотъ она: Галлеръ замѣтилъ, что мускулярная фибра имѣеть свойство раздражаться и сокращаться. Это раздраженіе, оставшееся, по словамъ Бруссе, бесплоднымъ для науки, стало началомъ его ученія, основнымъ феноменомъ, на коемъ онъ утвердилъ дѣйствіе всѣхъ органическихъ функцій и объясненіе всѣхъ ихъ безпорядковъ. Онъ построилъ на этомъ феноменѣ свою фізіологию, патологию, терапію, и даже философію.

Онъ призналъ жизненную силу, которая имѣетъ дѣйствіе на первоначальную формацию тканей тѣла. По образованіи тканей, эта сила содѣйствуетъ ихъ поддержанію жизненною химією. Эта химія дѣйствуетъ отъ раздраженія, которое производится внѣшними агентами, какъ то: воздухомъ, свѣтомъ, теплотою, пищею, и заставляетъ органы дѣйствовать. Вездѣ одинаковая по сущности, но не ровно распредѣленная по тканямъ, раздражительность состоитъ въ контрактивномъ движеніи, которое призываетъ тѣлесныя жидкости на тѣ возбужденные пункты, гдѣ совершаются питаніе и акты органовъ. Пока она распредѣляется въ должной пропорціи, пока дѣйствіе ея правильно, феномены жизни происходятъ съ совершенствомъ и гармонією, составляющими здоровье.

Но если возбужденіе естественныхъ агентовъ чрезмѣрно или неправильно, если легкія слишкомъ возбуждены воздухомъ, желудокъ пищею, а мозгъ впечатлѣніями чувствъ, если количество теплоты превосходитъ потребности, или слишкомъ мало, или неравно распредѣляется, тогда приливъ жидкостей избытливуетъ въ излишне-возбужденныхъ органахъ, питаніе ихъ производится дурно, функціи совершаются неисправно, и болѣзнь замѣняетъ въ нихъ здоровье. Болѣзненное возбужденіе отличается отъ естественнаго, не по свойству своему, а только по количеству; его много или мало. Въ первомъ случаѣ, Бруссе называлъ его суръ-ирритацією, а во второмъ—абъ-ирритацією. Излишекъ и продолжительность раздраженія производятъ постепенное поврежденіе частей органа, и послѣ долговременнаго поврежденія, смерть.

По системѣ Бруссе, болѣзнь есть излишекъ или

недостатокъ жизненной раздражительности въ организмъ, и леченіе должно уменьшить или возбудить ее, смотря по надобности. Медикъ имѣетъ два рода терапевтическихъ средствъ, расслабляющія и возбуждающія. Болѣзни отъ излишка раздраженія гораздо чаще болѣзней отъ недостатка его, и потому расслабляющія средства предписывались почти во всѣхъ случаяхъ. Все было стройно въ этой системѣ: физиологія основывалась на раздражительности органовъ и ея правильномъ дѣйствіи, патологія — на безпорядочномъ возбужденіи этой раздражительности, а терапия — на уменьшеніи или увеличеніи ея, для возстановленія равновѣсія. Бруссѣ построилъ всю науку живой и болѣзненной организаціи на одномъ явленіи, раздражительности, какъ Ковдильякъ основалъ всю науку человѣческаго мышленія на одной способности чувствовать.

Эту систему, столь умно расположенную, столь легкую для изученія, столь удобную въ приложеніи, въ которой поврежденія органовъ тѣсно были связаны съ ихъ функціями и болѣзнь имѣла одинаковый источникъ съ здоровьемъ, Бруссѣ, зпавши силу словъ, назвалъ физиологическою медициною. Выдумавъ ее, слѣдовало ввести въ употребленіе. Отъ теоріи слѣдовало перейти къ дѣйствию, къ медицинской революціи. Бруссѣ былъ созданъ для такой роли. Не имѣя предрасудковъ и пристрастія, онъ не останавливался общеприятными идеями и не покорялся самымъ уважаемымъ авторитетамъ; онъ твердо вѣрилъ тому, что думалъ. Онъ рѣшительно сказалъ, что прежде заблуждался, и не думалъ, что признаніе въ прежней ошибкѣ повредитъ новой его теоріи. Не остановила его и мысль о ссорѣ съ его наставниками и о наружной къ нимъ неблагодарности; еще менѣе заботился онъ о многочи

сленныхъ, спльныхъ врагахъ. Онъ не думалъ, что слѣдуетъ удушить истину изъ благодарности, или что она можетъ восторжествовать безъ борьбы. Притомъ же онъ любилъ битвы, и удовольствіе первенства не показалось бы ему такъ сладко, если бы не было соединено съ наслажденіемъ побѣды.

Съ такими-то мыслями принялся онъ за дѣло. Сначала излагалъ онъ свою систему въ небольшой залѣ улицы Фуанъ, прославленной лекціями Бишпъ. Тогда же возсталъ онъ противъ вреднаго ученія Броуна и нерѣшительныхъ теорій Пинелля. Первый, по словамъ его, убійца, ошибся въ характеръ болѣзней и хладнокровно учитъ морить людей; а второй— онтологистъ, принявшій симптомы за болѣзни; нерѣшительный въ практикѣ и теоріи, и довольствующійся ожиданіемъ смерти больнаго. Власть Пинелля была крѣпко утверждена, а Бруссе не могъ имѣть успѣха, не свергнувъ противника; потому Бруссе особенно старался дѣйствовать противъ него. «Знаю, говорилъ онъ, что вступая въ борьбу съ этимъ колоссомъ старой медицины, запираю себѣ входъ въ академію; но не унижусь чувствомъ подлой скорби, увидѣвъ тамъ младшихъ моихъ товарищей.» Въ этой жаркой борьбѣ, какимъ руководствовался онъ чувствомъ? Послушаемъ его самого: «Я не гоняюсь за безсмертіемъ; хочу служить человечеству, сколько силы позволяютъ. Хочу создать медиковъ лучше вышедшихъ модныхъ. Достигнуть цѣли не сомнѣваюсь; ибо двадцать лѣтъ достигаю ея, ибо всѣ, слышавшіе меня, не противятся истинѣ.»

Не видѣнъ ли реформаторъ въ этихъ гордыхъ, самоувѣренныхъ словахъ? не видно ли въ немъ страстное убѣжденіе, признакъ побѣды? Новость его взглядовъ, сила его выводовъ, смѣлость его нападеній,

надѣлали много шуму и прривлекли на сго лекціи многочисленныхъ, усердныхъ слушателей. Ученіе его казалось оригинальнымъ, рѣчь живую, блестящую, увлекательною: возраженія противникамъ отличались умомъ и силою; скоро зала не могла вмѣщать всѣхъ любопытныхъ, желавшихъ его слушать. Онъ началъ читать курсъ въ большой залѣ въ улицѣ Дегрѣ, а потомъ въ госпиталь Вальдеграсъ. Въ это время Бруссе имѣлъ такой же успѣхъ, какъ знаменитые профессеры въ средніе вѣки.

Бруссе не ограничился изустнымъ распространеніемъ своихъ идей, и издалъ извѣстное свое твореніе *Examen des doctrines mѣdicales*, довершившее начатую перемѣну въ наукѣ. Въ книгѣ заключались кодексъ правилъ изложенныхъ повелительно въ формѣ статей, и критическая исторія разныхъ прежнихъ системъ. Какъ законодатель новой науки и судья науки прежней, Бруссе обвинялъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, отъ Гипократа до Пинеля, и судилъ ихъ идеи по кодексу своему. Онъ легко уличалъ ихъ въ ошибкахъ, выдавая себя за изобрѣтателя и судью медицинской истины. Осуждая по очередно галенистовъ, гумористовъ, химиковъ, мехавяковъ, анимистовъ, пинелистовъ, эклектиковъ и эмпириковъ, онъ разобралъ особенные недостатки системъ, извѣстныхъ въ медицину. Сочиненіе его имѣло ожданый успѣхъ; было прочтено съ жадностію, за силу и богатство слога. Оно поражало обширною ученостію, хотя ограничивалось исключительнымъ взглядомъ, и отличалось наружною правдивостію, потому что Бруссе занялъ у исторіи форму и авторитетъ. Постепенное сравненіе физиологическаго ученія со всѣми другими и страсти, примѣшенныя къ идеямъ, давали книгѣ драматическую занимательность. Хотя реформаторъ былъ пристра-

тень въ оцѣнкѣ противниковъ, хотя желалъ ограничить наблюдение и умъ одною системою; однакожъ имѣлъ огромный успѣхъ и скоро достигъ едновластія помощію лекцій и книгъ своихъ, журналовъ и обширной практики.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько лѣтъ, разбитые, упитоженные приверженцы старой медицины замолчали. Пинель, всегда бывший робкимъ, испугался ученика и, достигнувъ старости, не могъ противиться его пылу и убѣжденію, и отказался отъ боя. Молча и съ достоинствомъ оставилъ онъ медицинскую власть, которою пользовался въ продолженіе двадцати лѣтъ; ее захватилъ Бруссе, надѣясь лучше защищаться и навсегда удержать ее за собою. Пылкіе, восторженные юноши тѣснились около него; приняли его мысли и со школьной скамьи разнесли ихъ посредствомъ практики во все концы Франціи. Въ то время учение Бруссе стало сектою.

Но практика служить испытаніемъ системъ, особенно въ медицинѣ. Онѣ не прочны, если, удовлетворяя уму, не излечаютъ больныхъ. Учение Бруссе имѣло нужду въ послѣднемъ успѣхѣ, для прочнаго своего утвержденія. Къ несчастію, со времени ея принятія, больные все еще умирали; а злые люди толковали, что ихъ умираетъ болѣе прежняго. Принялись судить новую методу. Слишкомъ усердные почитатели вредили ей неумѣстными преувеличеніями; возстали ловкіе противники, долженствовавшіе имѣть успѣхъ въ странѣ, гдѣ лучше умѣютъ нападать, чѣмъ защищаться.

Не отказывая ей въ нѣкоторой истинѣ и не отвергая услугъ, оказанныхъ ею медицинѣ, стали спорить противъ ея начала и всеобщности ея прило-

жесія. Говорили, что не одно раздраженіе бываетъ причиною болѣзней; поддерживали, вмѣстѣ съ Бишпъ, начало, что болѣзнь не есть слишкомъ возбужденное здоровье, а имѣетъ причиною особыя феномены, отличныя отъ феноменовъ обыкновенныхъ, не только по количеству (какъ говорилъ Бруссе), но и по самому качеству, и пр. — Соглашались, что Бруссе подумилъ одну изъ самыхъ общихъ причинъ болѣзней, воспаленіе; что онъ свелъ болѣзни хроническія съ болѣзнями острыми и опредѣлилъ превосходно острия болѣзни въ органахъ; что онъ, означивъ ихъ мѣсто, далъ средства лечить ихъ правильно и вѣрно; что онъ обратилъ вниманіе на важность и разстройство пищеварительнаго снаряда, на который прежде не было обращено должное вниманіе; что онъ ввелъ нѣкоторую умѣренность въ жизнь и тѣмъ усовершенствовалъ общественную гигиену; что онъ обогатилъ нѣсколькими полезными истинами общую практику; но въ то же время говорили, что природа, въ своихъ производствахъ и разстройствахъ, болѣе сложна, чѣмъ утверждаетъ Бруссе, и что есть не одна органическая операція, не одинъ родъ болѣзни, не одинъ способъ леченія.

Бруссе былъ слишкомъ исключителенъ. Онъ иногда ошибался, замѣняя наблюденія догадками, но ошибался, какъ ошибаются всѣ нововводители, коихъ заблужденіе всегда состоитъ въ преувеличеніи истины. Впрочемъ, какъ несчастны люди, народы, вѣка, если такъ не ошибаются! Они страдаютъ бесплодіемъ и живутъ безъ идей, опасаясь системъ. Родъ человѣческій живетъ только системами. Онъ болѣе вѣритъ, чѣмъ знаетъ, и идетъ впередъ, соглашаясь заблудиться. Еслибъ онъ не искалъ истины смѣло, еслибъ не думалъ поймать ее, когда видитъ ее издалека, еслибъ

не пытался заключить ее въ несовершенныя классификаціи, называемыя науками, то ничего не нашелъ бы въ природѣ; подавленный умъ потерялся бы среди безчисленныхъ фактовъ, неприведенныхъ въ порядокъ, и явленій, неоснованныхъ на законахъ.

По ходу трудовъ своихъ, Бруссе нашелся принужденнымъ связать нравственнаго человѣка съ физическимъ. Изъ медика сталъ онъ философомъ. Онъ приложилъ свою физиологическую теорію къ умственнымъ дѣйствіямъ, и издалъ книгу *О раздраженіи и безуміи*. Въ этомъ сочиненіи онъ явно хочетъ привести философію въ зависимость отъ физиологіи. Книга возбудила сильное волненіе между философами и врачами. Какъ завоеватель, въ полномъ вооруженіи, показался онъ во владѣніяхъ разумѣнія, въ которыхъ часто перемѣнялись властители и уже не владѣли потомки Локка и Кондильяка. Послѣдніе были бы помилваны г-мъ Бруссе. Между имъ и ими не велико различіе въ понятіи о разумѣніи (*entendement*); они не отдѣляли его отъ чувствъ, а нѣкоторые помѣщали его въ самой матеріи. Притомъ Бруссе оставался вѣрнымъ ихъ школѣ, которая оказала столь важныя услуги естественнымъ наукамъ, предписывая заботиться о наблюденіи фактовъ, объ употребленіи строгаго анализа и точныхъ выраженій. Они были смѣнены учеными и блестящими нововводителями психологическихъ и идеальныхъ теорій, проповѣдуемыхъ въ Шотландіи и Германіи. Бруссе почиталъ этихъ нововводителей чуждыми пришельцами и называлъ канто-платониками. Они основали во Франціи школу рѣшительно спиритуальную, которую онъ отвергалъ, не желая ей успѣха. Эта школа, болѣе историческая, чѣмъ догматическая, болѣе разсудительная, чѣмъ изобрѣтательная, учила всѣхъ своему

эклектизму и всю оригинальность своихъ мнѣній полагала въ выборѣ чужихъ мнѣній. Она черпала свои философскія вѣрованія изъ всѣхъ источниковъ, которые были повѣрены вѣковыми трудами и здравымъ смысломъ. Бруссе возсталъ противъ нея со всею силою своего таланта. Онъ напалъ на ея предводителей, привлекавшихъ къ себѣ юношей краснорѣчьемъ и космополитизмомъ системы; описалъ, какъ они скрываются въ свое *я* для узнанія свѣта, закрываютъ глаза для наблюдений, выдаютъ свои мечты за законы природы, не уважаютъ своихъ предшественниковъ; какъ они темны, исключительны, заносчивы.

Онъ представилъ себя возстановителемъ опытной и аналитической школы Бакона, Локка, Кондильяка, Траси, и продолжителемъ трудовъ Кабаниса. Пустившись по этому пути, онъ ушелъ далѣе другихъ. Ему кажется, что есть одинъ человекъ — физическій. Бруссе не признаетъ въ немъ начала, отдѣльнаго отъ вещественнаго элемента. Человекъ чувствуетъ нервами; во внутренностяхъ образуются его инстинкты и страсти; въ мозгу работается мысль, а въ организмъ заключается его личность. Эти матеріальные снаряды суть не только вмѣстилища феноменовъ, но даже ихъ причины. Такимъ образомъ, чувствительность есть продуктъ нервическій, страсть—дѣйствіе внутренностей, разумѣніе—отдѣленіе мозговыхъ соковъ, а *я* — общая принадлежность живой матеріи. Вотъ какимъ образомъ Бруссе дошелъ до этой ложной системы.

Наблюдая умственные и нравственные факты во вѣншемъ ихъ проявленіи, и не идя далѣе видимаго, онъ сообразилъ, что способъ ихъ происхожденія одинаковъ съ ихъ сущностію, и найдя ихъ соединен-

ными съ матерією, положилъ, что они тождественны съ нею. Особешю убѣдился онъ въ этомъ мнѣніи, замѣчая, что чувствительность и разумніе рождаются, растутъ и уничтожаются вмѣстѣ съ тѣломъ. Они ничтожны въ зародышѣ, слабы у ребенка, сильны у взрослога; и опять слабы у старика, недѣлительны у спящаго человѣка, уничтожены у безумнаго, повреждены у сумасшедшаго, и совершенно исчезаютъ, когда испортятся нервическія части чудной, но тѣльной машины, которая ихъ производитъ. Бруссе, замѣтивъ тѣсную и непремѣнную зависимость чувствительности и разумнія отъ органовъ, заключилъ, что не органы суть необходимыя орудія чувствительности и разумнія, а напротивъ, чувствительность и разумніе суть временныя эффекты органовъ.

Чѣмъ же, по его мнѣнію, дѣйствовалъ этотъ матеріальный механизмъ, производившій нравственныя послѣдствія? Физиологическимъ участіемъ возбужденія. По теоріи раздражительности, агенты внутренніе или внѣшніе, называемые модификаторами, сжимаемая ткань, производятъ реакцію въ органахъ и принуждаютъ ихъ дѣйствовать. Эта теорія на все достаточна, въ своемъ плодovitомъ единствѣ. Она объясняетъ умственные феномены, которые, по мнѣнію Бруссе, суть особенныя виды нервическаго возбужденія. Этотъ родъ возбужденія происходитъ въ мозгу, отъ двухъ нервическихъ токовъ: одинъ, внѣшній токъ, происходящій отъ чувствъ, приводитъ мозгъ въ сообщеніе съ міромъ; другой, внутренній, идущій отъ внутренностей, приводитъ мозгъ въ сообщеніе съ самимъ собою. Первый доставляетъ ему впечатлѣнія предметовъ, а второй — голосъ инстинктовъ. Въ слѣдствіе такого двойственнаго возбужденія, мозгъ дѣйствуетъ собственною своею силою и измѣняетъ

впечатлѣнія въ идеи, а требованія инстинктовъ — въ дѣянія воли. Дѣйствіе мозга похоже на дѣйствіе желудка, который, будучи возбуждаемъ пищею, превращаетъ ее въ млечную жидкость (chyle).

Основатель фзіологическаго ученія, въ величайшихъ дѣяніяхъ человѣка, видитъ только физическія произведенія мозга. Это богато одаренное созданіе чувствуетъ, мыслить, помнитъ, воображаетъ, желаетъ, любитъ, въ слѣдствіе перемѣнъ, происходящихъ въ мозговой мякоти. Развитіе мозга и различныя степени его возбужденія причиняютъ различіе въ этихъ феноменахъ, которые суть разностепенныя явленія одного и того же производства (одной операціи). Самыя малыя степени производятъ инстинктъ, пачало разумнія; самыя значительныя поражаютъ геній, который есть *maximum* нормальнаго возбужденія. Если онъ чрезмѣренъ, то производятъ помѣшательство; если эта чрезмѣрность продолжительна, то происходитъ безуміе. Глупость есть недостатокъ дѣйствія въ умственномъ органѣ, а манія — болѣзненное его раздраженіе. Воля есть непремѣнное исполненіе главнѣйшаго возбужденія, которое преобладаетъ надъ всѣми другими возбужденіями, происшедшими отъ впечатлѣній, доставленыхъ мозгу.

Такова система Бруссе въ главныхъ чертахъ своихъ. Она проста, но вѣрна ли? Сила и смѣлость ума, коими создана и поддержана она, могутъ ли замѣнить непрочность ея основанія? Правъ ли Бруссе, когда отвергаетъ общее человѣческое чувство и мнѣніе философовъ, что въ тѣлѣ есть особое духовное начало, нѣсколько зависящее отъ тѣла, во время ихъ недолгаго соединенія? Можно ли предположить, что матеріальное орудіе производитъ не

матеріальныя результаты; что мысль, которую самъ Бруссе не признаетъ матеріею, ибо говоритъ, что ее нельзя ни видѣть, ни осязать, ни разложить, что мысль есть прямое послѣдствіе видимаго, осязаемаго, разлагаемаго органа? Можно ли смѣшивать произвольное и дѣйствительное съ страдательнымъ и зависимымъ, и то, что можетъ быть одновременно вездѣ, въ пространствѣ и во времени, не покоряясь условіямъ пространства и времени, съ тѣмъ, что можетъ быть, въ данную минуту, только въ одномъ мѣстѣ?

Почему не признать, что духовныя феномены происходятъ отъ такого же духовнаго начала, и хотя совершаются при помощи чувствъ и мозга, однакоже зараждаются, сохраняются, обсуживаются въ средѣ невидимой и слѣдственно невещественной? Почему не признать, что это начало — называемое я, когда его разсматриваютъ въ отношеніи къ личности, или совѣстію, когда его разсматриваютъ въ отношеніи къ обдуманному его дѣянію, или душею, когда его разсматриваютъ въ отношеніи къ его отвлеченному существованію, — что это начало одно сохраняетъ цѣлость челоука среди переходовъ жизни, перемѣнъ тѣла, постепеннаго и всеобщаго возобновленія органовъ, кои по неизмѣнчивости своей не могутъ быть хранителями впечатлѣній и идей, долженствующихъ жить долѣе той частицы вещества, которая будто бы ихъ производитъ? Какъ не признать, что изученіе этого начала, его свойствъ, законовъ и явленій, составляетъ особую науку, называемую правильно психологіею, науку отдѣльную отъ физиологій, которая есть наука о тѣлѣ? Ученіе Бруссе доказываетъ, до какихъ заблужденій можетъ довести людей страсть изъяс-

нять природу по своимъ любимымъ идеямъ и подводить все подъ одно начало.

Твореніе о *раздраженіи и безуміи*, вовлекшее г-на Бруссе въ достопамятный споръ съ психологами, между коими онъ встрѣтилъ ловкихъ и страшныхъ соперниковъ, было послѣднимъ и самымъ логическимъ выводомъ сенсуализма; но на немъ не кончились труды Бруссе. Неутомимый и смѣлый докторъ не могъ осудить себя на покой, ни принять всѣми принятыхъ мнѣній. Истощивъ собственныя свои идеи, онъ принялся защищать чужое ученіе, которому до тѣхъ поръ онъ даже не благопріятствовалъ, но она имѣла въ глазахъ его двойное достоинство: была оригинальна и подвергалась спору.

Пока Бруссе выдумывалъ, распространялъ, развивалъ свое ученіе о раздраженіи, образовалась система, отличная отъ его ученія, касательно механизма и философіи мозга. Знаменитый и изобрѣтательный докторъ Галль не довольствовался тѣмъ, что изъ мозга сдѣлали вмѣстилище, орудіе или даже причину разумнія. Одаренный рѣдкимъ наблюдательнымъ умомъ, онъ замѣтилъ, что склонности и свойства людей имѣютъ нѣкоторое соотношеніе съ развитіемъ черепа. Онъ вообразилъ, что душевныя чувствованія, нравственныя и религіозныя потребности, и самое расположеніе ума помѣщаются въ особыхъ частяхъ мозга, которыя для нихъ особенно назначены. Приступивъ къ графико-моральному распределенію черепа, онъ приписывалъ каждую способность особенному органу и назначилъ этому органу мѣсто, опредѣленное выпуклостію черепа, котораго форма, по мнѣнію Галля, есть сколокъ съ формы мозга. Число способностей, въ послѣдствіи увеличенное, простиралось сначала до двадцати восьми.

Желая лучше распределить наружныя выпуклости, Галль наблюдалъ свойства въ людяхъ, одаренныхъ ими съ излишкомъ, и далъ выпуклостямъ имена качествъ и пороковъ.

Его другъ, ученикъ и послѣдователь, Шпурцгеймъ, исправивъ его номенклатуру, видѣлъ въ органахъ мозга чистыя силы, которыя человекъ могъ превратить въ полезныя правильнымъ и разумнымъ приложеніемъ ихъ, и въ опасныя употребленіемъ неразумнымъ и вреднымъ. Эта наука была бы очень полезна наблюдателямъ, еслибъ была основательна и справедлива. Она превратила бы мозгъ въ открытую книгу, гдѣ дальновидные глаза могли бы читать будущую судьбу человека, начертанную въ органахъ.

Бруссе сначала противился френологіи. Онъ утверждалъ, что выпуклости черепа не всегда соотвѣтствуютъ формамъ мозга, а формы мозга не всегда указываютъ на важнѣйшія способности, ибо дѣйствіе мозга, а не масса его, производитъ различіе между людьми, что нельзя приводить число органовъ къ двадцати восьми или тридцати, ибо наклонностей и свойствъ ума гораздо болѣе.

Не смотря на дѣльность такихъ возраженій, Бруссе, въ концѣ жизни, сталъ приверженцемъ френологіи. Послѣ переворотовъ 1830 года, оказали его достоинствамъ и славѣ позднюю справедливость. Июльское правительство учредило для него кафедрѣ общей патологіи и терапіи въ Парижскомъ медицинскомъ факультетѣ*, а академія наукъ нравственно-политическихъ, при самомъ своемъ возстановленіи,

* Потомъ Бруссе былъ назначенъ генераль-инспекторомъ по медицинской части въ арміи, и пожалованъ командорскимъ крестомъ почетнаго Легіона.

избрала его въ члены философическаго отдѣленія. Въ сущности были значительныя соотношенія между опредѣленіемъ мѣста человѣческихъ способностей въ мозгъ и опредѣленіемъ мѣста болѣзней въ органахъ. Обѣ системы были результатомъ одного направленія.

Эта аналогія имѣла вліяніе на убѣжденіе Бруссе. Какъ бы то ни было, онъ нашелъ, что раздѣленіе мозга на особенныя органы согласно съ разнообразіемъ его дѣйствій и съ ихъ матеріальною сущностію. Потому онъ отказался отъ нераздѣльности мозгового дѣйствія, и согласился помѣстить въ заднихъ частяхъ и основаніи мозга инстинкты, которые дотолѣ помѣщались во внутренностяхъ; но, отказавъ имъ въ способности производить страсти, приписывалъ имъ возможность возбуждать ихъ. Принявъ френологическое ученіе, Бруссе посвятилъ въ его пользу свой талантъ, усердіе, силу и дѣятельность. Онъ вводилъ его посредствомъ академическихъ диссертаций, посредствомъ своего журнала, посредствомъ лекцій своихъ, на которыхъ толпились слушатели, доставляя профессору блистательный успѣхъ. Это ученіе воспользовалось послѣдними усиліями его усталаго ума и увядавшей жизни.

Давно уже сносилъ онъ медленную и тяжкую болѣзнь; тѣло его слабѣло ежедневно, но мужественная сила сохранялась по прежнему. За мѣсяць до смерти, блѣдный, истомленный страданіемъ, поддерживаемый энергіею воли, явился онъ въ академію защищать свое любезное ученіе. Тогда болѣзнь его совершала неотвратимые успѣхи. Онъ зналъ всю ея важность и самъ слѣдилъ за ея ходомъ, съ такимъ хладнокровіемъ, съ какимъ никогда не изучалъ чужой болѣзни. Онъ велъ журналъ, и отмѣчалъ въ немъ, безъ

удивленія и жалобы, опасные случаи, особенныя болѣзни, жестокія операціи. Медикъ, ставъ выше человѣка, болѣе занимался своею наукою, чѣмъ своими страданіями.

Такъ наблюдалъ онъ до самой смерти, не изъявляя опасеній, не льстя себя надеждою. Послѣдніе три дня жизни провелъ онъ въ деревнѣ близъ Парижа. Не смотря на крайнее изнеможеніе, онъ все еще работалъ. Онъ диктовалъ диссертацию за нѣсколько часовъ до смерти. Скоро подвергся онъ предсмертнымъ сильнымъ и ужаснымъ страданіямъ. По крѣпкому сложенію тѣла, онъ не могъ тихо разстаться съ жизнію. Вдругъ почувствовалъ онъ внутрѣнный разрывъ жизни, вскочилъ на постели, закричалъ, потомъ опять упалъ. Настала послѣдняя минута; онъ ее чувствовалъ, и холодною рукою самъ закрылъ себѣ глаза, на вѣки.

Такъ скончался, 17-го Нолбря 1838 года, на шестьдесятъ шестомъ году, этотъ человѣкъ, обладавшій силою необыкновенною; онъ продолжалъ свои разысканія посреди мученій жестокой болѣзни; ученая его дѣятельность прекратилась, когда наступилъ часъ вѣчнаго покоя. Увлечіишись благороднѣйшею и высшею частію науки, онъ пренебрегалъ ея приложеніемъ и выгодами; онъ лечилъ только въ лагеряхъ, среди ужасовъ войны и эпидемій, получалъ отъ своей медицинской практики одну опасность и случай показать свое мужество. За то медикъ, наводнившій Францію своими учениками и наполнившій Европу своею славою, умеръ въ бѣдности. Его живой умъ, проникательный, творческій, твердый, дѣйствовалъ не всегда строго и отчетливо; онъ не всегда правильно предлагалъ себѣ задачи, и часто довольствовался несовершенными рѣшеніями, ибо

*

онъ наблюдалъ хорошо, но заключалъ слишкомъ скоро. Искать и вѣрить, подтверждать и оспаривать, вотъ его потребности; онъ не умѣлъ сомнѣваться или быть нервнительнымъ. Отсюда происходили его несовершенства, его силы, талантъ и успѣхи; тутъ находилъ онъ слогъ свой, живой, свободный, цвѣтистый, неровный, могучій; тутъ находилъ онъ вдохновеніе для сочиненій, которыя занимали читателей не однимъ изложеніемъ идей, но волненіемъ чувствъ, ибо онъ выражалъ въ твореніяхъ своихъ и систему и лице свое.

Бруссѣ обладалъ изобрѣтательнымъ гениемъ; онъ принадлежалъ къ тому могучему, созидательному поколѣнію, которое, менѣе насъ, обращалось къ прежнимъ твореніямъ, и потому изобрѣтало болѣе. Зато имъ Бруссѣ станеть рлдомъ съ великими именами науки, которую онъ занимался, которую чтить онъ и усовершенствовалъ.

III.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ

КАЛИФОРНІИ.

Англичанинъ Форбесъ (Forbes) издалъ недавно весьма любопытную книгу о Калифорніи, въ которой излагая исторію сей страны, изображаетъ нынѣшнее ея состояніе. Калифорнія есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ на свѣтѣ и сверхъ того сосѣдка намъ по владѣніямъ нашей Сѣверо-Американской кампаніи, и между тѣмъ мы очень мало имѣемъ о ней свѣдѣній. Желая пополнить сей недостатокъ, мы помѣщаемъ здѣсь извлеченіе изъ любопытной книги Форбеса.

Калифорнія дѣлится географически на двѣ части: верхнюю и нижнюю, или новую и старую, по времени ихъ открытія. Верхняя или сѣверная имѣетъ 10,400 кв. миль, нижняя или южная 6,900 кв. миль поверхности. — Географическое положеніе ея очень выгодно: находясь между 40° и $22^{\circ} 52'$ сѣверной широты, она соотвѣтствуетъ странамъ стараго свѣта, лежащимъ между устьями Ріо-до-Уро въ Африкѣ на берегу Сахары, и Миньо на берегу Португаліи.

Полуостровъ Калифорнія, говоритъ Гумбольдтъ, на пространствѣ, равняющемся Англій, имѣющій наро-

донаселенія не болѣе 20,000 душъ, лежитъ въ одной параллели съ Бенгаломъ и островами Канарскими. Небо тамъ постоянно чистое, темно-голубое, свѣтлое; облака показываются ирѣдка при закатѣ солнца въ прекраснѣйшихъ отгѣнкахъ фіолетовыхъ, пурпуровыхъ и бирюзовыхъ. Всѣ, кто жилъ въ Калифорніи, сохранили воспоминаніе объ этомъ необыкновенномъ явленіи, зависящемъ отъ свойства паровъ и чистоты воздуха въ этихъ климатахъ. Къ сожалѣнію однакожъ, на этомъ полуостровѣ не все одинаково прекрасно. Сухая и пыльная почва во многихъ мѣстахъ, на подобіе Прованской, едва производитъ кой-какія растенія; впрочемъ по берегамъ немногочисленныхъ ручьевъ земля очень плодородна, и въ этихъ-то мѣстахъ Езуиты учредили свои первыя миссіи. Съ тѣхъ поръ, какъ Мексика образовалась въ федеративную республику, раздѣленную на нѣсколько штатовъ, вся Калифорнія составляетъ особенную область, отличную отъ прочихъ штатовъ тѣмъ, что она не сама выбирала своего губернатора и прочихъ чиновъ, но состояла подъ непосредственнымъ управленіемъ Мексиканскаго правительства, которое назначало ей гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ.

Именемъ Калифорніи, говоритъ Форбсъ, около двухъ сотъ лѣтъ называли большой полуостровъ, что нынѣ старая или нижняя Калифорнія, которая отдѣляется къ сѣверу чертою отъ залива Калифорнскаго или моря Кортцова, до великаго Океана гораздо южнѣ порта Санъ-Діега. Земли, открытыя Испанцами къ сѣверу отъ этого полуострова, названы также Калифорніею, потому что лежали на томъ же берегу и были населены одинаковыми племенами, и названіе верхней и нижней или новой и старой Калифорній стало необходимымъ и общепотребительнымъ. Говоря обо всей странѣ, называютъ ее

Калифорніей; особливо Англійскіе путешественники употребляютъ такое названіе.

Положеніе верхней Калифорніи между жаркимъ и сѣвернымъ умѣреннымъ поясами ставитъ ее въ число пріятнѣйшихъ странъ свѣта. Лаперузъ говоритъ, что климатъ ее мало отличенъ отъ климата южной Франціи: холода въ ней слабѣе и жары умѣреннѣе по причинѣ частыхъ тумановъ, которые, увлажяя землю, благопріятствуютъ растительности.

Впрочемъ южная часть Калифорніи не совершенно изъята отъ періодическихъ дождей и долгихъ засухъ, обыкновенныхъ въ тропическихъ сосѣднихъ странахъ. Почему поливаніе полей необходимо. Въ сѣверной части, именно около залива Санъ-Франциско дожди чаще и поливаніе полей ненужно. — Періодическіе дожди южной части, обыкновенно весьма изобильные, начинаются въ Ноябрь и продолжаются до Апрѣля, между тѣмъ какъ въ Мексикѣ они продолжаются отъ Ноября по Іюнь. Къ сѣверу отъ Монтерей дожди замѣняются густыми туманами, которые продолжаются даже до Августа. Въ теченіи этого времени туманъ бывасть почти всякое утро, но во все прочее время года небо чисто и ясно.

Температура страны, занимающей столь обширное пространство въ ширину, должна измѣняться по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Капитанъ Бичей говоритъ, что средняя температура въ портѣ Санъ-Франциско въ Декабрѣ 1836 года была $52^{\circ} 2$ ($8^{\circ} 88$), Максимумъ 60° ($12^{\circ} 43$), Минимумъ 40° ($3^{\circ} 55$). Гигрометръ показывалъ сушу.

Поверхность страны различна по разнымъ округамъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ паходятся невысокія цѣщи горъ, въ другихъ обширныя равнины. Высота горъ отъ 1,000 до 3,000 футовъ; въ

разныхъ мѣстахъ огнь, кажется, составлены изъ песчаника. По мѣстамъ почва легка и песчава, однако жъ небезплодна; по другимъ удивительно плодородна; нѣкоторые округи болотисты, но общій характеръ страны есть сухость. Въ самомъ дѣлѣ существенный недостатокъ Калифорніи, есть рѣдкость источниковъ и ручьевъ, хотя это не мѣшаетъ ни земледѣлю ни плодородію страны. Почти всюду можно имѣть колодезную воду, а равнины, лежащія между моремъ и горами, перерѣзаны не большими ручьями, на берегахъ которыхъ поселились миссіи. Самый значительный ручей называется Сакраменто, по которому, могутъ ходить по крайней мѣрѣ лодки далеко вверхъ. Санъ-Іоакимъ также довольно большая рѣчка; она выходитъ изъ отдаленныхъ горъ, лежащихъ на юговостокъ. Езусъ-Марія соединяется съ Сакраменто, при самомъ почти устьѣ его; по ней также могутъ ходить лодки далеко вверхъ.

Портъ Санъ-Франциско не только главный въ этой странѣ, но обширѣйшій и безопасѣйшій на всемъ западномъ берегу Америки. Монтерей, каналъ Санъ-Барбара, Санъ-Діего, Санъ-Педро, Санъ-Жуанъ равнымъ образомъ доставляютъ надежное пристанище судамъ.

Всѣ путешественники, посѣщавшіе Калифорнію, были поражены ея красотою и плодородіемъ, особенно послѣднимъ. Всюду однакожъ, даже въ округахъ самыхъ плодоносныхъ, горы наги и безплодны, и на многихъ прибрежныхъ мѣстахъ, напр. въ соседствѣ Санъ-Франциско, морскіе вѣтры и туманы портятъ листья деревь. Капитанъ Бичей сравниваетъ это явленіе съ подобнымъ же на островахъ Шетландскихъ, отъ той же причины происходящимъ. Далѣе во внутренности страны этого нѣтъ. Путешественникъ находитъ только рядъ прекраснѣйшихъ картинъ.

Вотъ какъ Ванкуверъ описываетъ свою поѣздки пѣзъ Монтерей въ Санта-Клару:

«Дорога мнѣ казалась паралельною съ берегомъ; между этою дорогою и берегомъ тянется цѣпь горъ къ юго-востоку. По мѣрѣ приближенія нашего вершины горъ казались болѣе и болѣе плодоносными, мы любовались величественными лѣсами и зелѣньющими лугами, усаженными по мѣстамъ различными фруктовыми деревьями.

«Къ полудню мы достигли прелестнаго луга, лежащаго въ роцѣ при подошвѣ небольшого холма, близъ котораго протекаетъ прекраснѣйшій ручей. Недалеко оттуда мы нашли удивительное мѣстоположеніе, какого ни какъ не ожидали найти. Оно подобно парку, на 20 миль щедро усаженному прекраснымъ Англійскимъ дубомъ. Молодыхъ побѣговъ совсѣмъ нѣтъ, такъ, что величественные стволы деревъ одни господствуютъ на почвѣ, заросшей густою травою. Холмы и долины прелестно разнообразяютъ это мѣсто; высокія изрытыя горы вѣнчаютъ горизонтъ. Недостаётъ только простенькихъ и чистенькихъ домиковъ умнаго трудолюбія, чтобы этому мѣсту дать прелесть садовъ, созданныхъ человѣческимъ гениемъ.»

Всѣ путешественники согласно говорятъ о чрезвычайномъ плодородіи этой страны и способности ея производить растенія не только Европейскія, но и свойственныя странамъ жаркимъ. Ванкуверъ удивлялся въ саду миссиі Санта-Бонавентура количеству, качеству и разнообразію произрастеній, какъ туземныхъ, такъ и принадлежащихъ умѣренному и жаркому поясамъ. Все, что тамъ сѣютъ или садятъ, принимается какъ нельзя лучше; плоды отличныя въ изобиліи; преимущественно яблоки, груши, сливы, фиги, анельсины, виноградъ, персики, гранаты, также бананы, банановыя фиги, кокосы. Тутъ же ра-

стутъ сахарный тростникъ, индиго и многоразличныя огородныя овощи. Трудно найти подобное соединеніе растительныхъ богатствъ и между тѣмъ это только малѣйшая часть даровъ, ниспосылаемыхъ природою этой счастливой странѣ. Деревьевъ тамъ множество, и они отчасти разсѣяны группами по холмамъ и долинамъ, отчасти соединены въ обширныя лѣса. Нѣкоторые деревья одного рода съ Европейскими, другія свойственны только этой странѣ. Къ первымъ принадлежатъ: дубъ, вязъ, ясень, береза, кленъ, и разные роды сосны. Эти послѣдніе и дубы, которыхъ здѣсь много видовъ, растутъ въ наибольшемъ изобиліи и достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Количество и многоразличіе кустарниковъ также велико, но весьма немногіе изъ туземныхъ приносятъ плоды.

Первые Испанцы, поселившіеся въ Новой Калифорніи, нашли тамъ родъ довольно крупнаго винограда; но онъ даже и въ полной зрѣлости не отличается пріятнымъ вкусомъ. Миссіонеры привезли сюда лозы настоящаго винограда (*vitis vinifera*), который съ давняго времени весьма хорошо разводился въ Старой Калифорніи. Во многихъ округахъ Новой Калифорніи теперь производятъ такое множество вина, что изъ него дѣлаютъ водку. Ширина залива Санъ-Франциско соответствуетъ Лиссабону, ширина прочихъ мѣстъ приближается къ Мадерѣ, а въ южномъ полушаріи къ мысу Доброй Надежды — мѣстамъ, славящимся своимъ винодѣліемъ; слѣдовательно здѣсь представляются большія надежды на обработку винъ всякихъ сортовъ.

Относительно животныхъ Лангсдорфъ говоритъ, что большія стада лошадей и быковъ блуждаютъ свободно. Кромѣ того мы встрѣчали много лисицъ и одного большаго волка, который въ испугѣ ушелъ

отъ насъ. Лисицы, кажется, живутъ дружно съ теллятами и слѣдуютъ за коровами, какъ за своимъ матерями. Мы часто забавлялись стрѣльбой въ хохлатыхъ куропадокъ и кроликовъ, во множествѣ толпившихся на песчаныхъ холмахъ около ручьевъ. Однажды насъ 12 человекъ въ сопровожденіи 40 Индѣйцевъ отправилось на охоту за зайцами и кроликами. Здѣсь ловятъ ихъ силками. Въ три часа, не сдѣлавши ни одного выстрѣла, мы достали 75 штукъ и почти всѣхъ живьемъ.

Между млекопитающими особенно замѣчательна порода берендо (*ovis rugargus*, Кювье) и чиболо или бизанъ (горбатый Американскій быкъ). Эти послѣдніе стали рѣдки съ тѣхъ поръ, какъ большіе Европейскіе животныя отняли у нихъ пастбища. Верендо еще водится большими стадами на равнинахъ близъ горъ. Число оленей уменьшилось; охотники бьютъ ихъ и для кожи и для сала, которое лучше бычачьего.

О наружномъ видѣ жителей Новой Калифорніи путешественники говорятъ различно. Ростъ ихъ почти таковъ же, какъ и прочихъ Индѣйцевъ Америки; цвѣтомъ они темнѣе живущихъ далѣе къ югу, такъ что при своей привычной неопрятности и безпрестанномъ пребываніи на солнцѣ, они почти приближаются къ цвѣту Негровъ; но волосы ихъ прямы и мягки, борода рѣдкая. Въ нихъ не замѣтно ни особеннаго ума ни смѣлости, дѣятельности или любви къ свободѣ, отличающихъ ихъ сѣверныхъ соседей; и со времени открытія этой страны Европейцами, они почти ни на шагъ не подвинулись въ образованіи. Пренебрегая земледѣліе, они живутъ только охотою и добровольными приношеніями полей и лѣсовъ. Нѣкоторому исключенію подлежатъ тѣ изъ

нихъ, которые живутъ въ сосѣдствѣ Испанскихъ поселеній; они имѣютъ теперь скотъ и лошадей.

Эти дикіе Индѣйцы раздѣляются на небольшія колѣна, часто враждующія между собою, особенно за границы земель, въ которыхъ хотятъ пользоваться исключительнымъ правомъ охоты и добывать плоды и другія средства существованія. Число ихъ очень незначительно въ сравненіи съ пространствомъ земли, какъ и число всѣхъ племенъ, стоящихъ на одной съ ними ступени образованія.

Жилище Калифорнца состоитъ въ дурной круглой хижинѣ, которую обыкновенно дѣлаютъ на время въ томъ мѣстѣ, гдѣ останавливаются; переходя на другое мѣсто, ее сжигаютъ. Капитанъ Бичей говоритъ, что такая хижина имѣетъ около 35 футовъ въ окружности, и дѣлается изъ жердей, коихъ одни концы втыкаютъ въ землю, а верхи сводятъ вмѣстѣ на высотѣ 15 футовъ; потомъ переплетаютъ ихъ небольшими вѣтвями и покрываютъ тростникомъ; съ боку оставляютъ отверстіе для входа обитателей, а сверху для выхода дыму. Хижина эта очень похожа на улей; въ ней помѣщается десятокъ Индѣйцевъ обою пола и всѣхъ возрастовъ, почти совершенно нагихъ; они сидятъ обыкновенно вокругъ огня, разложеннаго среди хижины; преданныя въ жертву насѣкомымъ, они представляютъ собою печальную картину нищеты и неопрятности, рѣдко видимыхъ у самыхъ дикихъ племенъ. Таковъ образъ жизни Индѣйцевъ, пользующихся полной свободой; тѣ, которые поселились возлѣ миссій и отказались отъ жизни бродячей, потеряли много изъ ихъ первоначальныхъ дикихъ нравовъ.

Они питаются хлѣбными зернами и полевыми травами, которыя собираютъ женщины въ удобное время; имѣютъ растирать зерна и изъ муки готовить кашу и родъ хлѣба, величиною въ апель-

сигъ. Мука эта довольно пріятнаго вкуса и очень питательна; та, которая дѣлается изъ черныхъ зеренъ, похожа вкусомъ на сушеный миндаль. Къ этому они прибавляютъ очень вкусную рыбу, которую ловятъ въ заливѣ; находятъ также въ изобиліи черепакожныхъ; наконецъ охота доставляетъ имъ четвероногихъ и птицъ. Находку мертваго кита, прибитаго волнами къ берегу, они празднуютъ большими пиршествами, потому что страстно любятъ мясо и жиръ этого животнаго. Мясо его они жарятъ въ ямахъ, выкопанныхъ въ землѣ, и когда первые порывы жадности удовлетворены, остальное они развѣшиваютъ на вѣтвяхъ деревъ и при новой нуждѣ отрѣзываютъ отъ него куски. Такимъ же образомъ они пользуются и мясомъ тюленей, которое предпочитаютъ всякому послѣ китоваго. Въ лѣсахъ собираютъ жолуди и, растирая, дѣлаютъ изъ нихъ муку. У нихъ есть также орѣхи на подобіе Испанскихъ, а на высокихъ мѣстахъ и песчаныхъ прибрежьяхъ находятъ землянику отличнаго вкуса и гораздо крупнѣе Европейской; она созрѣваетъ въ Маѣ и Іюнѣ; малина не отличается ничѣмъ особеннымъ. Въ горахъ растетъ *амоле*, корень, употребляемый въ пищу, величиною почти съ луковицу; они пекутъ его въ печахъ; вкуса онъ сладковатаго и пріятнаго. Одинъ изъ видовъ этого *амоле* можетъ служить вмѣсто мыла; но отъ него мало пользы для народа, у котораго почти нѣтъ платья. Кой-какое носятъ только женщины, мужчины его не знаютъ. Женщины и дѣвушки покрываются двумя кусками ткани, сдѣланной изъ *тале* или тростника, однимъ спереди, другимъ сзади на манеръ юбки, третій набрасываютъ на плеча. Мужчины имѣютъ привычку всакое утро пачкаться землею; они говорятъ, что это

предохраняеть ихъ отъ холода, и потому когда становится тепло, они обмываютъ тѣло.

Браки заключаются простымъ согласіемъ мужчины и женщины, и расторгаются, когда мужъ и жена наскучатъ другъ другу; какъ скоро они оба согласны на то, имъ стоитъ только сказать: *я оставаляю тебя*. Мы однакожь видѣли много паръ и старыхъ и молодыхъ живущихъ весьма согласно, любящихъ своихъ дѣтей и взаимно любимыхъ ими. Родство не мѣшаетъ бракамъ. Очень часто жена упрасиваетъ мужа взять въ замужство также и сестеръ ея и даже мать, и обыкновенно мужъ беретъ ихъ. Всѣ эти жены не ревнуютъ другъ друга и живутъ согласно, заботятся о дѣтяхъ вмѣстѣ безъ различія и помѣщаются въ одномъ домѣ. Первое крещеніе было совершено миссіею надъ тремя дѣтьми, родившимися въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, и надъ сыномъ одного Индѣйца и тремя сестрами, бывшими въ замужствѣ за нимъ вмѣстѣ съ своею матерью. Это въ обычаѣ у Индѣйцевъ, не только живущихъ при заливѣ Санъ-Франциско, но и въ другихъ мѣстахъ верхней Калифорніи; и хотя эти племена говорятъ разнымъ языкомъ, нравы ихъ однакожь почти сходны.

Тюле или тростникъ, весьма обыкновенный въ ручьяхъ и озерахъ, употребляется Индѣйцами на разныя надобности. Самая важная есть постройка паромовъ, на которыхъ они плаваютъ не только по внутреннимъ водамъ, но и въ заливахъ и около береговъ океана. Этотъ паромъ, который, во время прибытія Испанцевъ и даже теперь, составляетъ единственное средство для переправы чрезъ воды, называется *бальза*; онъ можетъ быть есть самый простой и самый древній способъ плаванія. Бальза состоитъ изъ пучковъ тростника, въ серединѣ тол-

стыхъ, а къ краямъ тонѣе; ихъ свлзываютъ концами одинъ съ другимъ, прибавляя число пучковъ до тѣхъ поръ, пока вся масса не придетъ въ состояніе поддерживать двухъ или трехъ человекъ. Это нескладное судно имѣетъ около 10 футовъ длины, очень широко въ серединѣ, и суживается постепенно къ обоямъ концамъ. Оно движется на веслахъ и по фигурѣ своей можетъ ходить одинаково впередъ и назадъ. При тихой погодѣ середина паромы бываетъ суха, но гораздо чаще гребцы стоятъ въ водѣ.

«Калифорнскіе Индѣйцы довольно искусно выдѣлываютъ корзины, луки и стрѣлы. Корзины, плетенныя изъ древесной коры, хорошо удерживаютъ въ себѣ воду. Въ нихъ также поджариваютъ зерна для растиранія. Женщины обыкновенно дѣлаютъ это на легкомъ угольномъ жару, и такъ ловко, что зерна поджариваются безъ всякаго вреда для корзины, хотя она сдѣлана изъ вещества весьма горячаго. Иногда корзины эти украшаются перьями красной иволги (*oriolus phoeniceus*) или черными хохлами Калифорнской куропатки. Луки ихъ хорошей формы, длиною отъ 3 до 4½ футовъ, чисто обдѣланы и скрѣплены оленьими жилами, придающими имъ упругость; стрѣлы также хороши съ остріями изъ кремня, который вкладывается въ расколотый конецъ и укрѣпляется жилами. Индѣйцы очень ловко бьютъ ими маленькихъ птичекъ. При этомъ онѣ поступаютъ хитро и терпѣливо, подпалзывая тихо и скрытно до тѣхъ поръ, пока не приблизятся къ добычѣ своей шаговъ на двадцать. Путешественники хвалятъ ихъ ловкость и смышленность на охотѣ противъ большихъ животныхъ.

Касательно религій ихъ трудно сказать чтонибудь опредѣлительно, не зная ихъ языка. путеше-

стѣнники впрочемъ говорятъ, что они не имѣютъ никакого понятія о будущей жизни. Они поклоняются солнцу, и вѣрятъ доброму и злему духамъ; которыхъ молятъ при случаѣ о благоволеніи.

Отецъ Палу говоритъ, что въ нихъ нѣ замѣчено ни малѣйшаго слѣда идолопоклонства; они имѣютъ только отрицательное невѣріе, и не затрудняются вѣрить въ наши таинства. Мы только замѣтили у нихъ, нѣкоторыя суевѣрія, особенно между старыми притязанія на сверхъестественную власть, какъ то насылать дождь, громъ, бурю, повелѣвать китами. Эти шарлатаны рѣдко однакожь возбуждаютъ довѣріе къ себѣ, даже и въ своемъ поколѣніи, гдѣ также понимаютъ, что всѣ заклипанія ихъ имѣютъ цѣлью выманить подарки. — При всемъ томъ суевѣріе укоренено въ этомъ племени до того, что они всѣ болѣзни приписываютъ колдовству неприятелей.

Около Санъ-Франциско они сожигаютъ мертвыхъ, украсивши ихъ прежде цвѣтами, перьями и другими вещами и положивши возлѣ ихъ лукъ и стрѣлы. Обрядъ этотъ сопровождается всею и другими выраженіями печали. — Далѣе къ югу, мертвыхъ зарываютъ въ землю, и Палу говоритъ, что съ его времени около Санта-Барбара появились огражденные мѣста для кладбищъ.

Они прилагаютъ большое попеченіе о больныхъ и раненыхъ, и оказываютъ неизмѣнное постоипство въ дружбѣ, сохраняя свято въ памяти своей даже и умершихъ друзей. Не смотря на привычную неопрятность, они пользуются хорошимъ здоровьемъ; впрочемъ это можно сказать только о свободныхъ Индѣйцахъ, а не о тѣхъ, кои живутъ въ миссіяхъ; *Темескаль* или горячая паровая баня служитъ для нихъ главнымъ лекарствомъ въ большей части болѣзней.

Трудно опредѣлить число народа въ округахъ Ка-

лифорніи лежащихъ внѣ миссій. Въ сихъ послѣднихъ Форбесъ полагаетъ около 25,000 душъ. Предполагалъ, что свободные Индѣйцы втрое многочисленнѣе, выйдетъ народонаселеніе Калифорніи около 100,000 душъ. Число очень незначительное въ сравненіи съ пространствомъ земли.

Испанцы учредили миссії въ верхней Калифорніи съ 1768 года. Отецъ Пало, одинъ изъ первыхъ миссіонеровъ, издалъ въ Мексикѣ исторію ихъ въ 1787 году. Многіе путешественники описывали эти учрежденія и состояніе Индѣйцевъ тамъ живущихъ. — Теперь миссії подпали вліянію событій, неиспровергнувшихъ Мексику. Весь берегъ Калифорніи долженъ былъ покориться духовной и свѣтской власти миссіонеровъ. Езуиты замѣщены Францисканами. Въ теченіи долгаго времени съ начала основанія миссій, имъ сдѣлано много значительныхъ приношеній, отъ казаны большіе участки земель и дома; изъ всего этого составился фондъ, названный ими: *богуюгоднымъ фондомъ Калифорніи*. Онъ былъ въ завѣдываніи монастыря Савъ-Фернандо, доходы поступали въ Калифорнію вмѣстѣ съ жалованьемъ миссіонеровъ, назначаемымъ королемъ. Правительство присылало солдатъ для защиты миссій отъ Индѣйцевъ и чужеземныхъ непріятелей.

При такомъ положеніи благосостояніе миссій возрастало. Они распространили свои владѣнія, улучшили хозяйство, обратили многихъ Индѣйцевъ, и кончили тѣмъ, что завладѣли всѣми почти лучшими землями, исключая принадлежащихъ бѣлымъ земледѣльцамъ. Никто не могъ владѣть землею безъ согласія миссіонеровъ, которые давали его всегда съ большою осторожностію, исключая офицеровъ, солдатъ или лицъ, при нихъ состоящихъ. Поселенцевъ было очень мало. Приняты были всѣ мѣры, чтобы

военные не размножались слишкомъ, ко. вреду миссій; и какъ ни офицеръ, ни солдатъ, состоящіе въ королевской Испанской службѣ, не могутъ жениться безъ точнаго позволенія начальства, то легко можно было устроить, чтобы браковъ заключалось не болѣе того, сколько по расчетамъ миссій было нужно. Этимъ изъясняется малочисленность свободныхъ поселенцевъ въ Калифорніи. Установленіе миссій заставило позаботиться о сохраненіи страны. Они почти не зависѣли отъ Мексиканскаго правительства; но главнокомандующій войсками въ Калифорніи былъ въ то же время правителемъ всѣхъ мѣстъ, и представлялъ лицо Короля въ отношеніи ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, кои не состояли подъ непосредственною властію миссіонеровъ. Онъ имѣлъ пребываніе свое обыкновенно въ Монтерей и не вмѣшивался въ дѣла миссій, но долженъ былъ оказывать имъ помощь, ежели ея требовали.

Старинная система оставалась въ дѣйствиі до переворота въ Мексикѣ. Калифорніа получила тогда право посылать на общій конгрессъ одного члена съ совѣщательнымъ только голосомъ. Такъ какъ она не имѣла участія въ законодательствѣ, то состояла подъ непосредственною властію президента Мексиканскаго конгресса. Верхняя Калифорніа управлялась главнымъ начальникомъ, присланнымъ изъ Мексикки. Она не имѣла причинъ жаловаться на такой порядокъ вещей; и лишеніе мѣстныхъ народныхъ собраній нельзя было почитать большимъ несчастіемъ. Каждая изъ Калифорній посылала своего члена на общій конгрессъ. Первый, выбранный народомъ въ верхней, былъ природный Испанецъ и капитанъ полка. По прибытіи въ Санъ-Бласть, онъ узналъ о законѣ, исключавшемъ Испанцевъ

изъ участія въ конгрессѣ и долженъ былъ возвратиться; его замѣстили поручикомъ, который умеръ въ Мексикѣ. Этому наследовалъ сержантъ того же корпуса. Онъ засѣдалъ на конгрессѣ въ теченіи двухъ лѣтъ и потомъ воротился въ Калифорнію: — Когда Бичей посвѣщаль эту страну въ 1826 и 1827 годахъ, слѣдствія политическаго переворота въ Мексикѣ становились и здѣсь ощутительными. Верховное правительство предписало дать свободу всѣмъ Индѣйцамъ, могшимъ содержаться земледѣльемъ или ремеслами. Они должны были получить участки земель для своего содержанія; округъ раздѣлился на приходы, имѣющіе каждый своего священника. Въ то же время годовое жалованье въ 400 пиастровъ, платимое правительствомъ миссіонерамъ, остановлено, потому что страна должна была дать его сама. Однакожь нравственное положеніе Индѣйцевъ не позволило привести въ исполненіе сихъ постановленій.

Миссіонеры, какъ замѣчаютъ всѣ путешественники, обучали ихъ только основнымъ истинамъ христіанства и заставляли слѣдовать точно его началамъ; но совершенно нерадѣли объ образованіи ихъ ума. Миссіонеры думали, что совершенно исполнили свой долгъ, держа Индѣйцевъ въ такомъ состояніи, въ какомъ находятся Негры колоній Французскихъ, управляемыхъ съ нѣкоторою кротостію и челолюбіемъ.

Слѣдствія этой системы были пагубны; Индѣйцы лишились не только употребленія умственныхъ способностей, но даже упали и въ физическихъ силахъ: въ миссіяхъ смертность дѣйствительно ужасна.

Не смотря на эти печальныя слѣдствія, показывающія только недостатокъ соображенія въ миссіонерахъ, нельзя не огдать справедливости ихъ доб-

рымъ намѣреніямъ, ихъ неутомимой ревности, ихъ кротости и благодушію въ отношеніи къ Индѣйцамъ. Всѣ путешественники единогласно свидѣтельствуютъ это. Форбесъ зналъ отца Антоніо Пейри, который провелъ 34 года въ миссіяхъ Калифорніи. Этотъ почтенный пастырь возвратился въ Мексику въ слѣдствіе новаго порядка вещей. Онъ значительно умножилъ доходы округа, которымъ управлялъ, и оставляя его, взялъ съ собою сумму только необходимую на переездъ. Съ счастливою физіономіею онъ соединялъ познаніе свѣта, удивившее Форбеса и внушившее ему высокое уваженіе къ этому старцу.

Лучшимъ доказательствомъ добраго обхожденія миссіонеровъ съ Индѣйцами служитъ неограниченная привязанность къ нимъ послѣднихъ. Они почти таютъ миссіонеровъ не только какъ друзей и отцовъ, но питаютъ къ нимъ нѣкотораго рода благоговѣніе, близкое къ обожанію. — Печаль сихъ простодушныхъ дѣтей природы при разлукѣ съ своими пастырями, въ недавнее время удавленными по причинамъ политическимъ, была поразительна и трогательна. Они упрашивали со слезами на глазахъ позволить имъ слѣдовать за ними въ мѣсто изгнанія.

Калифорнія составляетъ бремя для Мексиканскаго правительства; на нее издерживается сумма въ трое больше той, какая получается съ нее; но вмѣсто того, чтобы найти средства покрыть этотъ недостатокъ, оно посылаетъ только офицеровъ и чиновниковъ съ кипами печатныхъ узаконеній. Остается одно только средство для этихъ представителей правительства — прибѣгать къ помощи миссій и монаховъ. Въ 1831 году правительство задолжало имъ 450,000 піястровъ.

Освобожденные Индѣйцы повели себя какъ большія дѣти; они предались всякаго рода излишествамъ

и сдѣлались столь опасными для мирныхъ жителей, что монаховъ упросили снова взять ихъ въ свои руки. Больше виновные осуждены на тяжелую работу. Монахи воспользовались этимъ случаемъ, чтобы исхodataйствовать возобновленіе прежняго порядка вещей.

Потомъ конгрессъ, управляемый демократическою партіею, издалъ законъ, измѣняющій прежній порядокъ. Назначилъ комиссаровъ изъ своихъ приверженцевъ для приведенія закона въ исполненіе и отправилъ ихъ съ цѣлымъ отрядомъ мастеровъ всякаго рода. Сочинители плана новой колоніи обнародовали великолѣпное объявленіе о *космополитической компаніи*;» все было изложено въ большихъ размѣрахъ; многочисленные чиновники и на хорошемъ жалованьѣ должны были управлять новымъ дѣломъ; явились акціи, словомъ, все было сдѣлано, какъ въ старомъ свѣтѣ. — Дѣло пало; и творцы проекта должны были возвратиться въ Мексику. Не подлежитъ сомнѣнію, что ежели бы эта компанія привела въ исполненіе свой планъ, выгоды были бы значительны: но обстоятельства воспротивились успѣху.

Въ 1836 году жители Монтерей и окрестностей объявили себя независимыми, напали на гарнизонъ и принудили коменданта и войско сдаться на капитуляцію. Они объявили, что верхняя Калифорнія останется отдѣльною отъ Мексики до тѣхъ поръ, пока не будетъ восстановлено федеративное правленіе 1824 года. Верховная власть отдана конгрессу. — При первомъ извѣстіи объ этомъ возмущеніи правительство Мексиканское обнародовало грозныя прокламаціи противъ бунтовщиковъ, и воззванія къ добрымъ гражданамъ для возбужденія патріотизма. Назначило сильную экспедицію противъ дерзкихъ и неблагодарныхъ сыновъ республики; но этотъ первый патріотическій порывъ скоро утихъ: Калифорнія была

забыта и оставлена на произволъ самой себя. — Здѣсь, какъ и во всѣхъ колоніяхъ Испанскихъ, послѣ ихъ освобожденія, партіи начали терзать страну. Число бѣлыхъ простирается до 5000 человекъ; этого достаточно для составленія двухъ сторонъ: сѣверная хочетъ полной независимости отъ Мексики, южная хочетъ держаться при ней на извѣстныхъ условіяхъ. — Въ 1838 году въ Мексикѣ не знали ничего положительнаго о состояніи Калифорніи по недостатку частыхъ сношеній. По крайней мѣрѣ ничто не препятствуетъ овладѣть ею первой державѣ, которая бы захотѣла это сдѣлать. И у нее есть сосѣдь дѣятельный и предприимчивый, которому кажется она должна будетъ покориться. Хотя границы сѣверныхъ Американцевъ нѣсколько отдалены, но для нихъ разстояніе это ничего не значитъ, и они знаютъ туда дорогу.

Форбесъ собралъ еще много важныхъ матеріаловъ для познанія страны, которая такъ мало извѣстна, особливо восточная ея часть. Цѣлая глава посвящена подробному изложенію выгодъ, какія могла бы получать колонія, здѣсь основанная, отъ торговли съ южными странами Америки, многочисленными островами Тихаго Океана и Восточною Азіею, особенно при помощи пароходовъ.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

142. Русская Исторія *Н. Устрялова*. Изданіе второе, исправленное. Часть IV, новая исторія. Спб. Въ типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ, 1840 года, въ 8 д., 294 стр.

Этотъ томъ обнимаетъ событія отечественной Исторіи отъ 1762 года или отъ вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II до 1813 года. Достоинство труда г. Устрялова уже опредѣлено и общимъ къ ней вниманіемъ публики и довѣріемъ правительства, приравнаго книгу его въ число руководствъ для преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Г-ну Устрялову принадлежитъ честь, что онъ первый подарилъ нашему юношеству отечественную исторію, изложенную въ духъ народныхъ потребностей и согласно съ современнымъ состояніемъ исторической критики и при томъ написанную языкомъ легкимъ и живымъ. Известно, какъ ограничено у насъ число учебныхъ книгъ по всемъ наукамъ; самый ощутительный недостатокъ такой книги былъ по части отечественной Исторіи — теперь этотъ недостатокъ отстраненъ. Въ новомъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя исправленія. Мы увѣрены, что г. Устряловъ каждое новое изданіе своей книги, которыхъ безъ сомнѣнія предстонтъ ей много, бу-

деть свѣрять съ новыми пріобрѣтеніями и успѣхами нашихъ историческихъ разысканій. Успѣхи эти быстро развиваются, благодаря неутомимой дѣятельности Археографической Коммиссии и просвѣщенному руководству ея учредителя и покровителя, нынѣшняго г. Министра Народнаго Просвѣщенія. До существованія мѣръ, имѣ припятьхъ, нельзя было и помышлять о начертаніи полной прагматической исторіи Россіи—такъ важны матеріалы и указанія, дарованныя этими мѣрами. Г. Устриловъ самъ членъ Археографической Коммиссии и потому находясь, такъ сказать, въ самой лабораторіи, гдѣ вырабатываются стихіи нашей исторіи, имѣеть гораздо болѣе средствъ, чѣмъ кто другой, пополнять и совершенствовать важное свое твореніе, за которое все нынѣшнее учащееся поколѣніе обязано ему живою благодарностію.

143. Руководство къ познанію древней исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній, соч. С. Смаргадова. Спб., въ типографіи 3-го Департамента Министерства государственныхъ имуществъ. 1840 года, въ 8 д., 496 стр., хронол. таблицъ X.

Несмотря на всеобъемлющее историческое направленіе вѣка, несмотря на огромныя пособія, предоставляемая литературой иностранцами въ изслѣдованіи исторіи, у насъ чрезвычайно мало дѣльныхъ книгъ по этой важной отрасли познаній. Посмотрите, сколько выходитъ у насъ каждый годъ арифметикъ, бухгалтерій, опытныхъ винокуровъ, хозяевъ и хозяекъ, а бѣдная исторія должна довольствоваться новымъ перепечатаніемъ злополучной компіляціи г. Кайданова. Полезны и арифметики и бухгалтеріи и прочія творенія, обучающія насъ считать или вкушать все, что можно сосчитать и съѣсть въ этомъ положительномъ мірѣ — полезны, спорить! Но есть другая сторона міра тоже положительная и чрезвычайно любопытная для всѣхъ умѣющихъ и неумѣющихъ хорошо считать и хорошо кушать — сторона, гдѣ намъ представляется человекъ существомъ мыслящимъ, дѣйствующимъ по законамъ своей души и вѣлнію судьбы. Эту-то сторону также хорошо было бы знать. Наша положительность слишкомъ тѣсна и матеріальна; можетъ быть это и причина, почему у насъ такъ мало пишутъ книгъ о высшей, нравственной положительности, которая, какъ извѣстно, заключается

въ исторіи. Вотъ однакожъ исключеніе — руководство къ познанію древней исторіи г. Смарагова, преподающаго исторію и географію въ сиротскомъ Институтъ Гатчинскаго Воспитательнаго Дома. Надобно прежде всего поблагодарить начальство этого заведенія, давшее автору средства издать свой трудъ: самому ему вѣроятно было бы невозможно напечатать такую большую книгу. Мы по крайней мѣрѣ знаемъ, что многіе на пути къ типографіи вдругъ останавливаются, встрѣтятся съ роковою мыслию: «А окунутся ли издержки печатанія?» — и самый полезный трудъ ученый грустно возвращается въ то мѣсто, гдѣ онъ созрѣлъ и образовался — въ кабинетъ автора; тамъ суждено ему и погибнуть, не видавъ свѣта Божія. — Г. Смараговъ во-первыхъ очень хорошо сдѣлалъ опредѣливъ себѣ ясно цѣль своей книги: онъ назначаетъ ее для среднихъ учебныхъ заведеній. Держась твердо въ границахъ, опредѣляемыхъ смѣ назначеніемъ, онъ какъ умный и опытный наставникъ удачно избѣгаетъ искушенія, погубившаго уже многія подобныя предпріятія — искушенія витійствовать и умствовать, передъ лицомъ вѣковъ и народовъ. Онъ знаетъ, что не вѣка и народы должны внимать ему, а воспитанники. Авторъ впрочемъ превосходно угадалъ потребности того возраста, въ которомъ умъ человѣческій съ минутою зыблется на переходномъ пунктѣ между отроческою наклоностію къ фактамъ, ко всему видимому и осязательному и между юношескимъ, пламеннымъ и гордымъ стремленіемъ къ дѣятельности болѣе возвышенной и обширной и гдѣ онъ чувствуетъ уже, что жребій его долженъ рѣшиться на этой сторонѣ поприща, а не на той. Его исторія не есть только хронологическое исчисленіе событій, а напротивъ живое развитіе жизни человѣческой, гдѣ всѣ явленія органически возникаютъ изъ основныхъ началъ — духа народа и мѣстности. Сперва онъ показываетъ землю съ географическимъ ея характеромъ — вотъ выходитъ на сцену, какъ на театральную сцену, народъ-дѣятель съ отличительными признаками своего происхожденія и своею физиономіею — передъ вами слѣд. живыя силы — виновники исторіи; начнется самая исторія, все что произошло изъ развитія этихъ силъ въ данномъ пространствѣ и времени. Былъ ли народъ этотъ варваръ — истребитель? Вотъ развалины, которыми онъ покрылъ землю и кровь, коею онъ обогрѣлъ ихъ; вотъ наконецъ его страшная могила, на которой пѣть другою

памятника, кромѣ ивсколькихъ кровавыхъ страданицъ въ исторіи. Вотъ другой народъ — вотъ Греки подъ своимъ прекраснымъ небомъ, въ своихъ цвѣтущихъ раскиданныхъ между горами долинахъ, на своихъ островкахъ, итрово разбросанныхъ по свѣтлымъ струямъ моря, вотъ эти Греки, раскрывшіе въ своей жизни всѣ силы, всѣ стороны человѣческой природы, люди по превосходству: тутъ битвы составляютъ малѣйшую часть фактовъ, тутъ надобно говорить о высокой просвѣщенной гражданственности, о законодательствѣ, о наукѣ, искусствѣ, о славѣ разума человѣческаго. Авторъ слѣдуетъ самой лучшей, по нашему мнѣнію, исторической школь: онъ не поработываетъ народовъ и событій какой нибудь философской системѣ — не дѣлаетъ ихъ игралищемъ мелкихъ приложений; у него исторія сама себѣ цѣль, ея уроки — жизнь людей. Выслушать ихъ, значить выслушать уроки самой судьбы. Довольно мудрости и пазиданія, кто хочетъ дѣйствительно сдѣлаться мудрѣе и лучше. Видно, что авторъ знакомъ съ лучшими пособіями, какими въ послѣднее время учела Германія и Франція обогатили изученіе исторіи; онъ занялъ изъ нихъ все, что можетъ занять у другихъ умъ мыслящій, не оскорбляя своего достоинства, т. е., не теряя своей самостоятельности — отъ того руководство его не есть одна изъ тѣхъ несчастныхъ компилляцій, въ которыя жалкіе труженники науки спосають все, что ни попадется имъ на ея обширномъ полѣ, не зная сами что они несутъ и для чего. Отъ другихъ можно занять матеріалы, если угодно, методу изложенія; по духа занять нельзя: онъ долженъ быть свой и если нѣтъ его, то никакая логика, никакое механическое сплочиваніе частей не спасуть книги отъ заслуженнаго презрѣнія. У насъ большею частію думаютъ, что учебную книгу можно *собрать* какъ спопъ, ходя на шивъ человѣческихъ знаній и *сдѣлать* ее, связавши только спаружи ея понятія, какъ колосья. Нѣтъ! надобно прежде быть проникнуту основною мыслию науки, ея живою внутреннею стороною, тогда не будетъ никакой надобности въ искусственномъ спаваніи частей ея — онъ сами выйдутъ наружу въ органической связи, какъ растеніе изъ своего сѣмени и каждая будетъ ознаменована печатію своего происхожденія — ясностью и силою истины. Но для этого недостаточно запаса ученыхъ свѣдѣній — надобно присоединить къ нимъ мощнаго дѣятеля, безъ котораго можно воздвигать громады всякой

всячины, а не стройныя здашія, достойныя жилища истины, надобно присоединить нравственную силу — любовь къ своему труду, любовь къ великому дѣлу образованности. Кто не носитъ въ своемъ сердцѣ теплой, возвышенной вѣры, что и онъ можетъ хоть одинъ камень положить въ этомъ огромномъ здашіи, что онъ дѣйствуетъ для лучшихъ цѣлей, какія только могутъ предположить себѣ на землѣ существа мыслящія, хотя бы работы его и потерялись въ общей массѣ дѣлъ человѣческихъ, — кто не одушевленъ этими священными и отрадными убѣжденіями, тотъ не берись ни учить, ни писать книгъ, но коимъ учатся люди. Все будетъ мертвый ремесленный трудъ, плодъ подепщины. Лучше стать на подмостки и сдѣлаться всеобщимъ шутомъ, осмѣивая все прекрасное, что могутъ люди создать, кидая грязью во все явленія образованности, во все великія начинанія нравственныхъ силъ, чѣмъ идти по этой дорогѣ безъ любви и призванія: по крайней мѣрѣ можно стоять на видномъ мѣстѣ и забавлять толпу, если не учить ее. И то имѣетъ свою цѣну.

Обращаясь къ книгѣ г. Смарагдова, намъ пріятно видѣть, что она написана не только съ знаніемъ, но и съ живою мыслию объ исторіи, слѣдствіемъ любви къ дѣлу. Способъ изложенія ея также заслуживаетъ полное одобреніе. Все происшествія представлены въ естественной ихъ связи, безъ путаницы и сбивчивости, просто, ясно, соотвѣтственно съ предположенною цѣлю. Вездѣ, гдѣ нужно, показаны источники, изъ коихъ учащіяся могутъ черпать сами матеріалы для пополненія своихъ свѣдѣній. Авторъ избѣгалъ мелочей, затмѣвающихъ важные предметы и въ важныхъ умѣлъ избрать наиболѣе характеристическія черты. — Вотъ однакожь недостатки его книги: послѣ событій исторіи какого нибудь народа, напр. Грековъ, авторъ говоритъ о литературѣ ихъ, искусствахъ, частной жизни; но говоритъ одними намеками такъ, что изъ его разсказа ничего кромѣ программы не выходитъ. Одно изъ двухъ: или надобно помѣстить эти предметы въ историческомъ общемъ изложеніи, или совсѣмъ объ нихъ не говорить. Ибо какое понятіе учащемуся даютъ такія напр. слова: «Поэзія 1. Комики 2. Драматическій поэтъ Ликофронъ изъ Холкиды — лирическій Каллимахъ изъ Кирены» и проч. «Учитель объяснитъ, скажутъ намъ,» слѣд. это нужно въ исторіи — почемужъ г. Смарагдовъ выпустилъ эти пред-

меты? Литература и искусства составляли у Грековъ одно изъ важнѣйшихъ явленій ихъ историческаго развитія — это факты и притомъ такіе, которыми они сильнѣе всѣхъ другихъ дѣйствовали на образоваемость человечества. Слѣд. ихъ нельзя исключать изъ полнаго изображенія жизни народа: иначе изображеніе будетъ неполно. Не надобно забывать, что искусство въ Греціи не было ни случайнымъ явленіемъ, ни роскошно ихъ быта: оно было живою частію ихъ нравственной и политической организаціи: это была лучшая и важнѣйшая сторона ихъ жизни. Нельзя понять Грековъ, не изучая ихъ искусства; это ихъ победы и завоеванія, которыя гораздо важнѣе для человечества, чѣмъ всѣ завоеванія Римлянъ. По этому искусства должны непременно войти на своихъ мѣстахъ въ общее историческое изложеніе; а не представляться отдѣльно въ отрывкахъ, какъ явленія чуждыя всего хода вещей въ жизни народнои, какъ какіе-то паросты на политическомъ тѣлѣ. Вѣдь теперь уже очень хорошо извѣстно, что исторія народа есть исторія его развитія и жизни, а не политики. Не надобно останавливаться мыслию, что ходъ литературы напр. излагается въ исторіяхъ специальныхъ: тамъ онъ излагается по особенной идеѣ и размѣру, а въ общей исторіи жизни и судьбы народа, литература должна быть представлена съ другой точки зрѣнія. Дѣло иное, когда искусство не составляло національной потребности, когда оно не выросло органически изъ жизни народа и не связывалось тѣсными узами съ его судьбою и историческимъ его значеніемъ — тогда что жъ объ немъ и сказать? Далѣе мы считаемъ не совсѣмъ умѣстными и другіе намѣки, разсыпанные авторомъ повсюду въ самомъ текстѣ книги; наприм. «Кромѣ Гимнастики или тѣлесныхъ упражненій, дѣти (у Спартанцевъ) обучались чтенію, письму, отечественной исторіи, музыкѣ и пѣнію священныхъ и военныхъ пѣсень. *Простота и краткость* выраженія.» — Греки охотно уступали имъ (Спартанцамъ) первенство во всѣхъ войнахъ и переговорахъ. *Гегемонія.*» — «Персовъ (при Маравонѣ) легло 6400 человекъ; самъ Гиппій былъ въ числѣ убитыхъ. *Смерть вѣстника победы*» и проч. Такими вставками во многихъ мѣстахъ испещренъ текстъ книги. Кромѣ того, что это портитъ послѣдній, разрывая теченіе рѣчи, здѣсь можно повторить тоже, что сказали мы выше: или совсѣмъ не надобно

и упоминать о предметахъ намѣкаемыхъ, если авторъ считаетъ ихъ неважными для полноты и для цѣли своей книги, или надобно говорить о нихъ наряду съ прочими фактами, или уже наконецъ сдѣлать такъ, какъ дѣлаютъ Нѣмцы: отнести всѣ такія напоминанія къ примѣчанію послѣ каждаго параграфа. Замѣтимъ также нѣкоторыя несправности въ слогахъ; попадаются фразы, тяжелыя и нестройныя, наприм. «Но когда по глаголу оракула, великодушный Аристодемъ, царь Мессенскій, заклалъ свою родную дочь для спасенія отечества, и когда такъ-какъ боги не сжалились надъ бѣдною Мессеніею, онъ убилъ себя въ отчаяніи на гробѣ дочери, тогда Итапа сдалась на волю побѣдителей и была ими разрушена» стр. 173. Встрѣчаются также обороты неправильные, противные логикѣ Русскаго языка; наприм. «Агамемнонъ потребовалъ всѣхъ Грековъ соединиться съ нимъ для отмщенія Троянцамъ за сію обиду» (за похищеніе Елены). Автору такой умной книги не надобно бы пренебрегать чистотою и легкостію языка; пусть это право уже остается за плохими сочиненіями. Авторы ихъ считаютъ варварство языка принадлежностію науки. Богъ съ ними! пусть себѣ думаютъ что имъ угодно, а хорошій языкъ пужень, когда хотятъ людей учить, какъ и тогда, когда хотятъ двигать ихъ сердцемъ. Вотъ почти все, что требуетъ исправленія въ книгѣ г-на Смарагдова. Ясно, что она принадлежитъ къ немногому числу дѣльныхъ книгъ, вышедшихъ у насъ въ нынѣшнемъ году. Желаемъ ей всевозможнаго успѣха, коего она вполне заслуживаетъ, и надѣемся, что авторъ не остановится только на древней Исторіи и позаботится издать полную всеобщую исторію. Онъ можетъ это сдѣлать, съдовательно и долженъ.

144. Десять вѣковъ. Историческій бытъ Россіи. Книга для народнаго чтенія. Москва, въ типографіи И. Смирнова, 1840 г., въ 8 д., 81 стр. :

«Пусть читаетъ книгу мою простой, добрый народъ Русскій» — говоритъ авторъ въ предисловіи. Исторія Русская для простаго народа — да это чудесно! И такъ, добрый, грамотный мужичокъ, или молоденькой купчикъ Шукнина двора, вмѣсто похождения Еруслана Лазарича, или нелѣпыхъ произведеній сѣрой Московскою литературы, будетъ въ часы

досуга читать о подвигахъ своихъ доблестныхъ предковъ, будетъ знать что дѣлалось въ глубокую старину на святой Руси, какъ Богъ ее руководилъ и спасалъ отъ разныхъ бѣдъ, какъ она укрѣплялась и возвеличивалась мудростію своихъ Государей — однимъ словомъ, онъ будетъ знать исторію своей отчизны въ такомъ духѣ и въ такой мѣрѣ, какіе доступны его простому, здравому уму. Разумѣется, книга, которая сообщаетъ ему эти познанія, написана такъ, что ее могутъ читать съ любовію тѣ, для которыхъ она написана. Вѣрно она излагаетъ важнѣйшія событія, доступныя понятіямъ простаго народа и рассказываетъ про нихъ языкомъ истинно народнымъ, простымъ и яснымъ, безъ риторическихкихъ фигуръ, безъ гипербола, возгласовъ и безъ всего того, что составляетъ избитое жалкое краснорѣчіе нашихъ витійствующихъ описывателей Русскаго быта, Русскихъ нравовъ и доблестей.»

Такъ мы думали, развертывая съ самыми сладкими надеждами *Десять вѣковъ* быта Россіи, хотя они и отпечатаны на бумагѣ, «во ужасъ сердце приводящей:» она сѣрѣ Петербургскихъ осеннихъ облаковъ. Но увы! мы слишкомъ довѣрчиво предалися обольстительнымъ надеждамъ, забывъ, какъ онъ вѣроломны, особенно когда подаетъ ихъ Русская литература.

Мы пошли въ этихъ «*Десяти вѣкахъ*», что «Россія прошла море золь и бѣдъ»; что «преподобный Несторъ, монахъ Кіевонечерскаго монастыря, первый лѣтописецъ Русскій, изъ глубокой тишины кельи своей завѣщала людямъ Русской земли бумажный свитокъ»; что «ни брильянты, ни яхонты, ни жемчугъ, ни серебро, ни золото, ни какія сокровища не могли и не могутъ быть намъ такъ драгоценны, какъ драгоценна лѣтопись Нестора»; что «небывалый и невидимый дотолъ въ исторіи міра и глубоко поучительный примѣръ для народовъ вселенной явили сіи вольные люди Славянскіе добровольнымъ призваіемъ къ себѣ правителя изъ земли чуждой» и проч. и проч. Такъ это-то свѣдѣнія о бытѣ Русскомъ для простаго народа? Намъ стыдно стало, что мы такъ простодушно положились на слова: *Книга для народнаго чтенія*, забывъ даже, что въ книгѣ этого рода не можетъ уже быть цѣти, когда она называется: *Десять вѣковъ*. Къ чему шумъ и громъ словъ тамъ, гдѣ надобно говорить дѣло и гдѣ дѣло, впрочемъ, само говоритъ громче всѣхъ сипекдовъ, метонимій, околичнословіи и проч.? Напрасно почтеш-

ный авторъ призываетъ все достоинственное имя Нестора, говоря, что повѣствуетъ про его лѣтописи. Пить! Несторъ не такъ повѣствовалъ: онъ не вдавался въ витійство, у него вмѣсто фразъ дѣла; онъ простъ, какъ природа, какъ пестина. Авторъ *Десяти вѣковъ* говорить съ простымъ народомъ — есть ли въ цѣлой его книгѣ что нибудь похожее на духъ Русской мысли, на складъ Русской рѣчи? Вся книга есть олицетворенная логика Баумейстера и олицетворенная риторика какого нибудь Бургія. Въ бумагахъ нашей редакціи есть страничка разсказа, присланная намъ недавно для опыта однимъ степеннымъ нашимъ сотрудникомъ о томъ же предметѣ, о которомъ пишетъ авторъ *Десяти вѣковъ*. Вотъ какъ онъ начинаетъ свой разсказъ: «Послушайте, добрые люди, православный Русскій народъ, что я разскажу вамъ про нашу матушку, святую Русь, какъ она началась, какія случались съ ней въ старину дѣла, какъ Богъ ее спасалъ и миловалъ въ бѣдахъ, какъ благочестивые Цари наши своимъ разумомъ и молитвами святыхъ чудотворцевъ и угодниковъ Божіихъ, строили въ ней порядокъ и воздвигали въ ней силу на одолѣніе врага и супостата, какъ она все росла, да хорошѣла и какъ дошла до того, что теперь дородствомъ, разумомъ и счастьемъ и силою пить державы краше ее подъ солнцемъ! Добрые люди Русскіе! киньте эти блажныя книжки, которыя хотъ писаны Русскимъ православнымъ словомъ, да не по Русскому разуму, въ которыхъ будто хотятъ вамъ разсказать про быліи земли пашей за Князей великихъ и Царей уже давно въ Бозѣ почившихъ, а на мѣсто того говорятъ вамъ рѣчи перпригожія, ни на что непохожія, кудрявыя, что береза въ полѣ, а не плодныя, что бурьянъ въ огородѣ — киньте мужички грамотныя и купчики гостинодворскіе все такія книжицы краснобайныя, да педьльныя, да послушайте меня простаго челоувка, что грамотъ выучился у пономаря Онуфрія, что съ народомъ нашимъ вѣкъ изжилъ, да по Божьему изволенію много наслышался отъ людей разумныхъ — я разскажу вамъ про матушку Русь не красно, да понятно, не бойко, да гладко.» Намъ очень понравился этотъ опытъ разсказа для простаго народа; мы просили нашего сотрудника продолжать исторію свою въ такомъ тонѣ, не увижаясь до того шутовскаго языка черни, который часто у насъ принимается за языкъ пародный и не вздымаясь до

риторики, которая еще чаще приписывается у насъ за краснорѣчiе. Советуемъ и автору «Десяти вѣковъ» послѣдовать этому примѣру — тогда можетъ быть сочиненiе его и будетъ народнымъ. А теперь оно принадлежитъ народу развѣ только по бумагѣ, на которой напечатано.

145. Естественная исторiя Оренбургскаго края, соч. Эдуарда Эверсмана, доктора философiи, медицины, и акушерства, коллежскаго совѣтника, профессора Естественной исторiи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ и члена разныхъ обществъ. Часть 1-я. Оренбургъ, въ типографiи Штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, 1840 года, въ 8 д., 99 стр.

Авторъ, ноощряемый г-мъ Оренбургскимъ Военнымъ Губернаторомъ, предпринялъ написать Естественную исторiю края, котораго физическое устройство намъ извѣстно только изъ однихъ общихъ мѣстъ, повторяемыхъ въ географiяхъ или изъ отрывочныхъ описанiй, разсѣянныхъ въ разныхъ повременныхъ изданiяхъ. Нынѣ вышла въ свѣтъ первая часть сего превосходнаго творенiя, говоримъ превосходнаго безъ всякаго преувеличенiя, основываясь на извѣстной учености автора, его долговременномъ и просвѣщенномъ наблюдении страны, способахъ, какiе предоставлены были ему мѣстными властями, и наконецъ на томъ, что теперь онъ представляетъ публикѣ. Первая часть его труда заключаетъ въ себѣ общее обзорѣнiе физическаго состоянiя края; если всякая книга хороша только въ той мѣрѣ, въ какой достигаетъ она предположенной ей цѣли, то книга г. Эверсмана должна занять одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду творенiй, предназначенныхъ къ распространению верныхъ свѣдѣнiй о землѣ, на которой мы живемъ и которую питаемся. Физиономiя Оренбургскаго края теперь передъ вашими глазами; она изображена не кистию какого нибудь аматера — живописца, который набрасывалъ случайно схваченныя черты безъ системы и пособiй науки, но перомъ ученаго наблюдателя, которому открыты всѣ средства и приемы въ изслѣдованiи истины и способы передать результаты своего изслѣдованiя въ формѣ, соответственной требованiямъ науки и образованности. Книга написана на Нѣмецкомъ языкѣ и переведена прекрасно на Русскiй извѣстнымъ нашимъ литераторомъ г. Далемъ, который такъ умно умѣетъ шалить перомъ, когда набрасываетъ свои

народные прабески и такъ точно, ясно, благородно излагаетъ свои мысли, когда дѣло идетъ объ истинныхъ и существенныхъ предметахъ мысли и знанія. Въ переводѣ г. Даль присоединилъ къ тексту въ разныхъ мѣстахъ свои собственные примѣчанія, которыя увеличиваютъ достоинство книги: ибо авторъ знакомъ съ природою самъ какъ естественный испытатель, а съ Оренбургскою природою, какъ человекъ, прошедшій нѣскольکو лѣтъ въ этомъ краю. Чтобъ познакомить лучше читателей нашихъ съ сочиненіемъ г. Эверсмана и вмѣстѣ показать, что оно не есть только сухое собраніе ученыхъ фактовъ, мы извлекаемъ изъ него описаніе Оренбургскихъ миражей (*mirage*), названныхъ въ книгѣ *Марсво* и стенныхъ пожаровъ. Вотъ какъ описываются первые:

«Въ знойные лѣтніе дни встрѣчаемъ мы нередко въ степяхъ столь обыкновенное тамъ явленіе, *марсво*. Привычный глазъ кочеваго обитателя степей глядитъ на обманчивый призракъ безмысленно и равнодушно; но захожаго путника явленіе это изумляетъ. Онъ видитъ, среди сухой, ровной, голой степи, далѣе или ближе, очаровательныя мѣста, обширныя воды, опущенныя лѣсами, кустарникомъ, и все это возникаетъ по краишъ кругозора, или даже, отдѣлившись отъ него вовсе, рисуется по небосклону. Всего чаще видишь это передъ восхожденіемъ солнца и вскорѣ послѣ него, или по полудни и къ вечеру. Явленіе тѣмъ болѣе насъ поражаетъ, что мы не ожидали встрѣтить среди голой степи подобнаго вида; Кайсакъ знаетъ, что это одинъ только волшебный обманъ и равнодушно продолжаетъ путь свой къ картишъ, которалъ, по мѣрѣ приближенія къ ней зрителя, мгновенно исчезаетъ.

«Марсво это известно и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ и вообще встрѣчается болѣе или менѣе на всѣхъ обширныхъ равнинахъ. Но какъ по всей землѣ нѣтъ равнинъ пространнѣе степей Великой Татаріи, то явленіе это можетъ быть достигать здѣсь полнѣйшаго развитія своего и совершенства. Картины эти образуются не только отъ искаженія и превращенія ближайшихъ къ зрителю незначительныхъ предметовъ, обращеніемъ какой-нибудь былинки въ огромное дерево, щетки ковыля въ кустъ или цѣлый холмъ, нѣсколькихъ кусточковъ въ цѣлый лѣсъ, а насыпной кучки передъ поркою землеройки въ холмы, и горы, но нередко даже, если состоя-

нѣ воздуха этому благоприятствуетъ, на самомъ краю небо-слона встаютъ неожиданно холмы и горы, удаленные еще въ сущности на какую нибудь сотню верстъ. Иногда вдругъ съ перемѣною обстоятельствъ, на пр. въ минуту восхода солнца, все это, словно спускаясь ниже круга зрѣнія, исчезаетъ какъ волшебный призракъ: такъ на пр. усматриваемъ иногда отвѣсный берегъ Усть-Урта, собственно Чинкь, на необычайно великое разстояніе, въ видѣ покрытыхъ туманомъ горъ, что въ особенности случается до восхода солнца. На этомъ обманѣ основано не только названіе *Туманскихъ горъ*, данное казаками сверцому Чинку, но и поимѣніе горъ этихъ, во все несуществующихъ, на прежнихъ картахъ. Такъ на пр. гора Богдо, въ землѣ Волжскихъ Кадмыковъ, представляется путнику сначала въ большемъ отдаленіи, на воздухѣ; потомъ основаніе ея соединяется съ кругозоромъ и одна только вершина плаваетъ еще отдѣльно, а наконецъ уже вся гора является въ настоящемъ видѣ. Нѣсколько разъ случилось мнѣ въ степи за р. Ураломъ, по близости Оренбурга, видѣть весь мѣловой дворъ на воздухѣ, на лету, окруженный высокими деревьями, водою и кустарникомъ, между тѣмъ какъ мѣловой дворъ стоитъ на геломъ и сухомъ мѣстѣ. Чаще всего, впрочемъ, марево представляется путнику въ видѣ воды: онъ убавляетъ, что видитъ передъ собою въ нѣсколькихъ верстахъ обширное озеро, которое, однакоже, вскорѣ расплывается передъ нами туманомъ.

«Объясненіе марева очень просто и основывается на томъ, что лучи зрѣнія, проходя изъ рѣдкой среды въ густѣйшую, преломляются книзу. Слон воздуха, въ различномъ разстояніи отъ земли, смотря по временамъ дня, нагревается не въ одинаковой степени, а раскаленная зноемъ почва, сильно испаряется, сообщая испаренія эти въ избыткѣ первому и ближайшему воздушному слою, между тѣмъ какъ слѣдующій слой всегда содержитъ воздухъ болѣе сухой; по этому лучъ зрѣнія, вступая сверху въ низніе слои, преломляется книзу. А какъ глазъ нашъ относитъ каждый предметъ по тому направлению, въ какомъ лучи его окончательно достигаютъ глаза, то предметы отдаленные, въ обширныхъ степяхъ, являются намъ, при такихъ обстоятельствахъ, выше окраины земной, на воздухѣ. По той же самой причинѣ, небольшіе предметы много кратъ увеличиваются и растягиваются въ длину:

большой стебелекъ обращается въ высокое дерево, потому что лучи, исходящiе отъ верхушки стебля къ глазу нашему, преломляются гораздо сильнѣе лучей, исходящихъ снизу, отъ комля или корня. Сидящiй на землѣ беркутъ принимаетъ величину великанскую; люди, лошади, верблюды, все увеличивается и искажается въ очеркъ своемъ до невѣроятности.*

«Въ какой степени раскаленная солнечными лучами степь испаряется и въ какомъ безпрестанномъ броженiи находится различно нагрѣтые, а следовательно не одинаковой плотности и тяжести слои воздуха, ясно усматривается изъ безпрестаннаго волненiя воздуха, который играетъ въ глазахъ нашихъ пламенемъ, мерцаетъ, *мельтешитъ*, какъ выражаются здѣшнiе казаки, что основывается на послѣдовательномъ и бѣгломъ преломленiи лучей по всемъ направленiямъ, смотря по густотѣ воздушныхъ частицъ, которыя лучъ встрѣчаетъ на пути своемъ къ глазу. Если же предметъ отдаленный, по вышеизложеннымъ причинамъ, подымается для глазъ нашихъ выше, нежели предметъ ближнiй, то они должны раздѣлиться, отдѣлиться одинъ отъ другаго; промежутокъ между ними обольщаетъ насъ призракомъ воды, а волнующiйся воздухъ дополняетъ обманъ.»

А вотъ описанiе степныхъ пожаровъ:

«Прекрасное зрѣлище представляютъ весною, въ Мѣзѣ, степные пожары, или собственно такъ называемые *палы*** , въ которыхъ есть хорошее, есть и дурное; и вредъ и польза. Вечеромъ, когда смеркнется, весь обширный кругозоръ, на ровныхъ, плоскихъ степяхъ, со всехъ сторонъ освѣщается пламенными полосами, которыя теряются въ мерцающей дали и возстаютъ даже, приподнятыя преломленiемъ лучей, изъ подъ горизонта. Въ это время жители Оренбурга обыкновенно прохаживаются по крѣпостному валу, любуясь отдаленнымъ зрѣлищемъ.

* Замѣчательно, что каждая точка по отвѣсному направленiю, въ которой находится глазъ зрителя, представляетъ новый, и, нерѣдко, вовсе иной видъ: картина мѣняется, смотря по тому, идете ли вы верхомъ, идете пѣшкомъ, наклоняетесь нѣсколько, присѣдаете, или вытягиваетесь. Нерѣдко верховой и пѣшiй, стоя рядомъ, видятъ одинъ одно, другой другое; или верховой видитъ озера и рощи, между тѣмъ какъ пѣшiй не видитъ ничего кромѣ голой степи. *Черев.*

** Въ позднюю осень бываетъ обыкновенно то же, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ весною. *Черев.*

*

«Но не только въ ровныхъ, плоскихъ степяхъ видимъ мы это величественное освѣщеніе; холмистыя и гористыя мѣста, если они одѣты степною почвою, представляютъ намъ то же самое, хотя и въ измѣненномъ нѣсколько видѣ.

«Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: сухая трава и стебли, оставшіеся еще съ осени, покрываютъ плодородныя степи такъ густо, что частію не даютъ пробиваться молодой травѣ, а частію мѣшаютъ паствѣ скота, который изъ за ветоши не можетъ достать зелени и принужденъ поѣдать и то и другое вмѣстѣ. По сей причинѣ не только пароды кочевые, но и хлѣбопахатиые, зажигаютъ степи раннею весною, лишь только снѣгъ сойдетъ и погода начинается теплѣть. Прошлогодняя трава или ветошь быстро загорается и пламя течетъ по вѣтру, доколь находитъ себѣ пищу. Пуская палъ, всегда соображаются съ вѣтромъ, чтобы направить пламя въ желаемую сторону.

«Но не одиѣ пзложенныя причины побуждаютъ жителей пускать ежегодно палы: зола* служить еще для почвы отличнымъ наемомъ*. Тамъ, гдѣ палъ обошелъ случайно нѣкоторыя мѣста, послѣднія съ трудомъ, поростають рѣдкою травою, между тѣмъ какъ выжженное пространство давно красуется роскошною и густою зеленью. Для крестьянина, который выжигаетъ пашни и залежи свои въ одно время со степью, бываетъ тутъ еще и та выгода, что сорныя травы старають съ сѣменами своими, а въ краю здѣшнемъ, гдѣ земля въ избыткѣ, сорныя травы одолавають хлѣбъ несравненно болѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ по бѣдности въ землѣ, пашни обрабатываются съ большимъ тѣпаніемъ. Наконецъ палы уничтожаютъ множество вредныхъ хлѣбу и сѣнокоснымъ травамъ насѣкомыхъ и въ особенности саранчу и кобылку**.

* Увѣряють, однакоже, что зола эта вредитъ скоту, который поѣдаетъ ее, больше или меньше, вмѣстѣ съ травою. Нѣкоторые даже подозрѣвали, не зола ли эта причиною, что чума или падежъ на рогатый скотъ здѣсь никогда не переводится. *Персе.*

** Палы также не рѣдко служатъ Кайсакамъ защитою другъ отъ друга и отъ нашихъ отрядовъ, безъ конхъ невозможно поддержать въ степи ни правосудія, ни порядка. Если вѣтеръ тому способствуетъ, то укрывающіяся шайки пускають отъ себя палъ на встрѣчу ожидаемаго ими отряда. Степь выгараетъ на огромное пространство и по безкормицѣ этой уже пройти невозможно. *Персе.*

«Вредъ паловъ заключается въ томъ, что молодой лѣсъ уже не можетъ, ни подъ какимъ видомъ, разрастаться, потому что молодыя поросли выгораютъ до самаго корня; если же въ послѣдствіи даже и корень этотъ, оживъ, пуститъ отростокъ, то изъ него можетъ выдти только кривое, уродливое дерево, коли оно еще будетъ пощажено пасущимся скотомъ.

«Во-вторыхъ, по неосторожности поджигателей или внезапной перемены вѣтра, не рѣдко сгораютъ цѣлыя деревни, или по крайней мѣрѣ, хлѣбные запасы близъ деревень, хлѣбъ въ скирдахъ и стога сѣна, а наконецъ и цѣлые лѣса — и вѣковой поросль этой необходимой житейской потребности обращается въ пепель *. Перемена вѣтра, а съ нимъ и направление огненного потока особенно опасны въ ночное время. Осторожные жители обжигаютъ каждый разъ напередъ окрестность деревни своей, лѣсовъ, хлѣбныхъ запасовъ, замокъ или хуторовъ, чтобы огонь ни въ какомъ случаѣ не могъ ихъ достигнуть **.

«Еще незначительный вредъ палы наносятъ любителямъ ружейной охоты: гнѣзда куронокъ и тетеревей сгораютъ, на гари обыкновенно выводковъ уже не бываетъ, а потому и охоты за ними по осени въ этихъ мѣстахъ нѣтъ. — Перевѣсиваютъ ли вредныя послѣдствія паловъ ихъ пользу, этого я утверждать не стану, даже въ томъ сомнѣваюсь; доколѣ, по крайней мѣрѣ, народы здѣшніе ведутъ еще жизнь кочевую и сельское хозяйство осѣдлыхъ не приведено въ лучшее устройство, палы, кажется, нужны и полезны. Это древній освященный столѣтіями обычай не только Оренбургскихъ, но и Сибирскихъ кочевыхъ народовъ, а потому и надобно согласиться, что польза его должна быть уже доказана опытомъ.»

* Мнѣ самому случилось пройти въ 1833 году съ отрядомъ, въ огромномъ степномъ бору Джабыкъ-карагазъ, цѣлый переходъ, горьлымъ, строевымъ сосновымъ лѣсомъ. Вся деревья были обращены въ пепель или уголь. *Перев.*

** Но и при этомъ обжогъ также нерѣдко случается, что упускаютъ палъ, не могли съ нимъ совладать, и послѣдствія опять бываютъ тѣ же. Такъ называемый *встрѣчный палъ*, обжегъ мѣста, которое хочешь отстоять отъ огня, составляетъ, впрочемъ, почти единственное спасеніе отъ этого сокрушительнаго огненного потока.

Перев.

146. Архитекторъ XIX столѣтія, или магазинъ для городскихъ и сельскихъ хозяевъ, состоящій изъ архитектурныхъ чертежей, рисунковъ и разныхъ хозяйственныхъ построекъ (?), съ присовокупленіемъ чертежей и рисунковъ знаменитаго Берлинскаго архитектора Шинкеля, содержащій въ себѣ на 150 листахъ, кромѣ текста, 1) украшенія стропилъ вообще, какъ вѣшныя, такъ и внутреннія, также образцы мебели, драпировки, паркетовъ, балконовъ, рѣшетокъ, воротъ и проч. 2) Чертежи строеній городскихъ, загородныхъ, сельскихъ, экономическихъ, заводскихъ, садовыхъ, хозяйственныхъ и увеселительныхъ во вкусахъ: Римскомъ, Греческомъ, Италіискомъ, Англійскомъ, Голландскомъ, Венеціанскомъ, Готическомъ и Китайскомъ, съ присовокупленіемъ практическихъ правилъ построеній. 3) Чертежи монументовъ, купальни, колодезь, фонтановъ, мостовъ, мостиковъ, и 4) Правила построенія разныхъ родовъ печей, съ подробнымъ описаніемъ устройства оныхъ и съ объясненіемъ всѣхъ 150 чертежей. Рисунки и чертежи гравированы подъ вѣдѣніемъ художника Императорской Академіи Художествъ *Буренина*, С. Петербургъ, въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1840 г., въ листъ, текста 22 стр., рисунок. 150 лист.

Не много на свѣтѣ такихъ огромныхъ книжныхъ заглавій, какъ это, и изъ нихъ не много такихъ, въ которыхъ каждое общипное слово было бы выполнено строго содержаніемъ книги. *Архитекторъ XIX столѣтія* рѣшительно сдѣлалъ все, что сказалъ на заглавномъ листѣ, все, что требовалось отъ него искусствомъ и именемъ знаменитаго его руководителя Шинкеля, сдѣлалъ добросовѣстно, отчетливо, умно и изящно. На этотъ разъ мы чрезвычайно жалѣемъ, что принадлежимъ къ классу людей нестроющихся, т. е. тѣхъ, которымъ нечего и негдѣ строить, кромѣ теорій, системъ и идеаловъ въ своей головѣ: а то мы тотчасъ бы купили себѣ Архитектора XIX вѣка и по его совѣту, непременно построили бы себѣ Англійскихъ, Голландскихъ, Готическихъ и даже Китайскихъ домовъ, домиковъ, бесѣдокъ и проч. Мы увѣрены, что всѣ наши собратія-литераторы сдѣлали бы то же. Какъ хорошо было бы строить теоріи, сидя на роскошномъ диванѣ въ прекрасной бесѣдкѣ съ разноцвѣтными стеклами, гдѣ дивная игра свято возбуждаетъ ко всевозможнымъ играмъ умъ и воображеніе — о, міръ литературный

кипѣлъ бы тогда теоріями. Но увы! это мечта, чистая мечта! Судьбамъ угодно, чтобы умъ работалъ большею частию въ тѣсной закопѣлой комнатѣ, у пыльнаго стола, при тускломъ мерцаніи свѣчи. Пусть же тѣ, которые живутъ на просторѣ и могутъ производить существенныя, а не идеальныя постройки, что безъ сомнѣнія гораздо лучше, пользуются превосходными чертежами, изданными нынѣ г. Шарьевымъ, которому хвала и честь за это общепользное дѣло.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица, въ сопровожденіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны и ихъ Королевскихъ Высочествъ супруги Принца Фридриха Нидерландскаго и Принца Прусскаго, по отбытіи изъ Эмса, 4-го Августа изволила быть въ Кобленцъ и Кельнъ, 7-го въ Дармштадтъ, откуда вмѣстѣ съ Ея Высочествомъ Принцессою Гессенъ-Дармштадтскою Маріею, высоконазначенною невѣстою Государя Наслѣдника, изволила выѣхать 9-го Августа. — 10-го Высокія путешественницы проѣхали Готу, 13-го Лейпцигъ, 15-го выѣхали изъ Дрездена.

Франція. Когда Франція полная энтузіазма къ величайшему изъ героевъ, послала своего Принца воздать послѣднюю честь славному праху водвореніемъ его въ нѣдрахъ отечества, одинъ изъ потомковъ этого героя опозорилъ его священное имя реблическимъ покушеніемъ, уже вторичнымъ. — Людо-

викъ Наполеонъ, родной племянникъ Императора Наполеона, отправился тайно изъ Англіи съ нѣсколькими десятками приверженцевъ, а 6-го Августа явился у Французскихъ береговъ, вошелъ въ Булонь въ сопровожденіи генерала Монтлона, Парксона, Вуазена, Персиньи и своихъ людей, одѣтыхъ въ мундиръ 40 полка, съ тѣмъ чтобы возбудить народъ и войско къ возстанію и поддержанію его притязаній на Французскій тронъ. Правительство Французское, заблаговременно увѣдомленное, приняло надлежащія мѣры, и національная гвардія вмѣстѣ съ 42 полкомъ здѣсь стоявшимъ, приняла посѣтителей ружейнымъ огнемъ. Людовикъ Наполеонъ бѣжалъ вмѣстѣ съ приверженцами къ берегу, и всѣ бросились въ море, надѣясь вплавь достигнуть судна, но ихъ схватили кромѣ одного, который утонулъ. Пароходъ, ихъ высадившій на берегъ, взятъ таможенною стражею. Людовика Бонапарте и его сообщниковъ перевезли въ Парижъ, и по Королевскому декрету предали суду Перовъ.

— По поводу трактата заключеннаго между четырьмя первенствующими державами Европы, для возобновленія спокойствія на Востокъ, Франція, не принимавшая въ немъ участія, начала дѣятельно вооружаться; при всемъ томъ разныя обстоятельства позволяютъ надѣяться, что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ.

— Дѣла въ Алжирѣ шли съ прежнею нерѣшительностію. Абдъ-Эль-Кадеръ хотя и уступаетъ въ стычкахъ своимъ противникамъ, но такъ какъ стычки обыкновенно бываютъ малыми отрядами, то онъ находитъ способы вознаграждать потери, пріучаетъ свои войска не бояться Европейцевъ и упорно поддерживаетъ войну.

Англія. Дѣло съ Китаемъ, надвѣвшее столько шуму, и до сихъ поръ идетъ только въ приготовленіяхъ съ обѣихъ сторонъ. Экспедиція, посланная Англичанами, состоитъ изъ 4 линейныхъ кораблей, 3-хъ большихъ фрегатовъ, 28 военныхъ судовъ отъ 18 до 28 пушекъ и изъ 3-хъ или 4-хъ военныхъ пароходовъ. Экипажъ этихъ судовъ простирается за 4000 матросовъ и морскихъ солдатъ. Къ этому должно присовокупить еще 16,000 человекъ пѣхоты съ артиллеріею, саперами, минерами и инженерами. Сверхъ того при экспедиціи находятся транспортныя суда, поднимающія вмѣстѣ до 16,000 тоннъ, а множество плоскихъ лодокъ для плаванія по рѣкамъ внутри страны; лодки снабжены мортирами для разрушенія фортовъ, домовъ и другихъ зданій. Китайцы съ своей стороны не остаются въ бездѣйствіи. Комиссаръ Линъ выпускаетъ прокламацію за прокламаціею; онъ принялъ уже мѣры, затруднившія торговлю Американскую; именно не допускаетъ къ торговымъ сношеніямъ ни одного судна, заходившаго въ Маниллу или къ берегамъ Англо-Индійскимъ.

Протестъ Американскаго Консула противъ этого рѣшенія не уваженъ. Китайцы хотять принудить Португальцевъ принять въ Макою Китайскій гарнизонъ, и намѣрены вооружить береговыхъ жителей.

— Запутанныя и неопредѣленные отношенія между Портою и Вице-Королемъ Египетскимъ, который вооруженною рукою смиряетъ Сирію, возстающую противъ его насильственной власти, побудили четыре первенствующія державы, именно: обѣ Европейскія имперіи, Англію и Пруссію заключить союзъ, имѣющій цѣлью возстановить прочный миръ на Востокъ, сохранить самостоятельность и независимость Оттоманской Имперіи и чрезъ то упрочить миръ Европы, и наконецъ ограничить Пашу Египетскаго

въ его властолюбивыхъ замыслахъ. Франція не участвовала въ союзѣ, хотя переговоры не были для нее тайною; однакожь, не смотря на это исключеніе, которое при другихъ обстоятельствахъ повлекло бы за собою неизбежную войну, выгоды Франціи въ этомъ дѣлѣ такъ тѣсно связаны съ выгодами Англіи и прочихъ Европейскихъ державъ, что и Лордъ Пальмерстонъ, и Французскій Посолъ въ Англіи Гизо, увѣряютъ почти рѣшительно, что разрыва не послѣдуетъ.

По поводу сего въ засѣданіи Англійскаго нижняго парламента 6 Августа, Лордъ Пальмерстонъ, отвѣчал на вопросы и предположенія г. Юма, произнесъ рѣчь, которую мы здѣсь помѣщаемъ:

«Огдаю справедливость той непринужденности, съ какою мой почтенный другъ г. Юмъ изложилъ свое мнѣніе. Мое мнѣніе безъ сомнѣнія столько же искренно, хотя діаметрально противоположно. Гдѣ два мнѣнія равно искреннія противоположны, тамъ должны рѣшиться событія. Г. Юмъ твердо убѣжденъ въ томъ, что правительство настоящимъ поведеніемъ своимъ способствуетъ только выгодамъ Россіи на Востокѣ, я съ своей стороны такъ же твердо убѣжденъ, что оно думало только о своихъ выгодахъ и выгодахъ цѣлой Европы. Г. Юмъ сказалъ, что Англія ручалась Мегемету-Али въ обладаніи Сиріею; рѣшительно говорю нѣтъ. Онъ утверждаетъ, что я вѣлъ дѣло съ Мегеметомъ-Али на этомъ основаніи; справедливо, но это еще не ручательство. Генеральный консулъ Сиріи конечно въ зависимости отъ консула Египетскаго; но этотъ послѣдній дѣйствуетъ въ качествѣ агента, состоящаго при Султанѣ, какъ верховномъ властителѣ Египта и Сиріи, и это одно уже доказываетъ, что мы признаемъ Египетъ и Сирію

за часть Турецкой Имперіи, и что для насъ Султанъ, а не Мегеметь-Али, есть верховный владыка Сирии.

«Я могу впрочемъ утверждать, что каковы бы ни были причины возстанія Сирии, Англійскія власти здѣсь не вмѣшивались. Лордъ Понсонби въ Іюль мѣсяцъ, вскорѣ по открытіи возстанія, посылалъ своего драгомана въ Бейрутъ только освѣдомиться объ немъ, и болѣе ничего. Я думаю, что потомъ онъ возвратился въ Константинополь. Г. Юмъ сказалъ сначала, что мы возбудили это возстаніе, потомъ что капитанъ Напиръ прибылъ въ Бейрутъ съ инструкціею принять участіе въ возстаніи. Но въ самомъ дѣлѣ онъ туда былъ посланъ для соблюденія интересовъ Британіи; въ этомъ только и состояли повелѣнія, ему данныя. Онъ не получалъ инструкцій изъ Лондона, а былъ посланъ адмираломъ Стопфордомъ. Совершенно справедливо, что прибывши туда онъ тотчасъ отнесся къ управляющему Египтомъ, чтобы тотъ прекратилъ жестокости и опустошенія, производимыя войсками Египетскими, совсѣмъ не входя въ разбирательство вопроса: правы ли жители Ливана, или нѣтъ? Ему отвѣчали, что инсургенты сами предаются этимъ жестокостямъ. Во всякомъ случаѣ я имѣю основанія думать, что распоряженія Напира были не бесполезны.

«Г. Юмъ говоритъ, что мы оставлемъ союзъ съ Франціею, и приступаемъ къ новому свѣщенному союзу противъ свободы Европы. Я совершенно противнаго мнѣнія. Правительство Ея Величества совсѣмъ не расположено оставить этотъ тѣсный союзъ съ Франціею, который я всегда почиталъ чрезвычайно важнымъ, основаннымъ на взаимныхъ выгодахъ обѣихъ странъ, и существенно необходимымъ для сохраненія мира въ Европѣ. Если въ этомъ слу-

чаѣ частныя разногласія между Франціею и другими державами, воспрепятствовали ей приступить къ трактату, то я всегда однакожъ увѣренъ, что эти временныя разногласія не будутъ имѣть вліянія на дружественныя расположенія обѣихъ націй, и не разорвутъ отношеній, основанныхъ на взаимныхъ выгодахъ. Я скажу болѣе, и почитаю за счастье, что имѣю случай сказать это, потому, что увѣряли въ противномъ: ничто не было скрыто отъ Франціи, и мы съ нашей стороны употребляли всѣ усилія, чтобы достигнуть согласія во мнѣніяхъ. Почти годъ мы вели переговоры съ Франціею о главномъ пунктѣ, о сохраненіи Турецкой Имперіи подъ управленіемъ нынѣшней династіи. И въ этомъ пунктѣ не было у насъ съ нею ни малѣйшаго разногласія. Въ тронной рѣчи въ началѣ этого года Франція объявила, что она всегда будетъ стараться о цѣлости Оттоманской имперіи, которой существованіе необходимо для всеобщаго мира. Великія державы въ этомъ пунктѣ согласны, также какъ и мы съ г. Юмомъ; несогласны только въ мѣрахъ для достиженія этой цѣли, но это несогласія второстепенныя; событія покажутъ, кто въ этомъ случаѣ правъ; а ежели всѣ державы согласны въ основномъ пунктѣ, то мѣры исполнительныя не могутъ быть причиною разрыва.

«Г. Юмъ говоритъ, что наша политика хочетъ ослабить Турецкую Имперію; ежели мы хотимъ отдать ей Сирію, то я не понимаю, какимъ образомъ мы ее ослабляемъ. Г. Юмъ напротивъ хочетъ предоставить Сирію Пашѣ, что повело бы его неизбѣжно къ объявленію себя независимымъ. Развѣ это не было бы раздробленіе Имперіи? Эта политика установила бы независимое государство, враждебное Турціи. Порта стала бы искать посторонней помощи.

Къ кому бы она обратилась? Не къ Франціи и не къ Англіи. По политикѣ г. Юма, она бы обратилась къ Россіи, и политика г. Юма поставила бы Султана подъ вліяніе этой державы; а извѣстно, что значить покровительство державы могущественной надъ безсильною.

Что касается до трактата Ундяръ-Скелесскаго, заключеннаго между Россією и Турцією, то первая держава объявила въ началѣ переговоровъ, что мы обманываемся въ своихъ предположеніяхъ на счетъ ея видовъ, и что ежели прочія державы хотятъ вмѣсто этого трактата, образовать другой, который бы столько обезпечивалъ бытіе Турціи, сколько теперь Россія одна это обезпечиваетъ, то она готова уничтожить свой спеціальный трактатъ. Такимъ образомъ политика Англіи, согласная съ политикою прочихъ державъ, достигла по крайней мѣрѣ того, что отдѣльный трактатъ между Россією и Турцією будетъ признаваемъ какъ бы не существовавшимъ.

Впрочемъ, когда трактатъ четырехъ державъ будетъ ратификованъ, то его внесутъ въ парламентъ, и я совершенно увѣренъ, что когда увидятъ цѣль, предположенную правительствомъ, и побужденія, управляющія его поведеніемъ, когда узнаютъ средства, имъ избранныя для достиженія цѣли, тогда и самъ г. Юмъ увѣрится, что правительство имѣло въ виду не только пользу своей земли, но и общее благо Европы.

Испанія. Окончаніе междоусобной войны не принесло еще Испаніи вождельнаго покоя. Законъ объ Аюнтаменто, составленный въ духѣ умѣренной партіи, до того озлобилъ восторженныхъ, что они начали явно шумѣть на улицахъ Барселоны, угрожая министрамъ и Королѣвъ; Генералиссимусъ Испаніи

скихъ войскъ Герцогъ Витторіа Эспартеро долженъ былъ объявить городъ въ осадномъ положеніи, и строгими и дѣтельными мѣрами утишилъ волненіе. Изъ Барселоны послано приказаніе ко всемъ генералъ-капитанамъ провинцій, отправить въ Мадридъ отряды войскъ, которые частію уже и прибыли. 21 Іюля прибылъ генералъ Бальбоа съ частію войскъ изъ Ла-Манчи. Всѣ партіи недовольны новымъ министерствомъ, составленнымъ подъ вліяніемъ Герцога Витторіи. Генералъ Ногерасъ назначенъ губернаторомъ Барселоны; судъ надъ зачинщиками послѣднихъ беспорядковъ уже начать, и слѣдствіе производится съ великою дѣятельностію.

Турція. Возстаніе въ Сиріи по горѣ Ливану дѣятельностію Египетскаго Паша усмирено, и 17 Іюля консулы всехъ націй увѣдомлены офиціально о семъ событіи. Турецкій флотъ, который былъ отправленъ къ берегамъ Сиріи, вошелъ въ Александрійскую гавань.

Султанъ въ день своего рожденія искупилъ множество должниковъ, содержавшихся въ Константинопольскихъ тюрьмахъ, и приказалъ освободить взятыхъ подъ стражу за маловажные проступки. Два мушира Адрианопольскій Нафисъ-Паша и Ангорскій Давудъ-Паша отрѣшены отъ мѣстъ. Подробный протоколъ о преступленіяхъ Нафиса-Паша, составленный изъ многократныхъ допросовъ, былъ читанъ нѣсколько разъ въ общихъ собраніяхъ верховнаго суднища. За тѣмъ были собраны голоса о томъ: признать ли обвиняемаго дѣйствительно виновнымъ, и когда всѣ признали его таковымъ, тогда приступили къ совѣщанію, какому наказанію его подвергнуть. Большая часть членовъ полагала, что должно лишить Нафиса-Пашу его званій, объявить на

будущее время неспособнымъ къ занятію государственныхъ должностей, и отправить въ ссылку на три года. — Это что-то похоже на правильный судъ, а не на осужденіе старыхъ временъ Турціи, когда нѣмые совершали въ одно и то же время и судъ и приговоръ.

КАБУЛЬ. Состояніе дѣлъ въ Афганистанѣ возбуждаетъ опасенія. Шахъ-Суджа едва ли удержится на Кабульскомъ престолѣ безъ постоянной помощи Англичанъ. Обитатели страны между Кандагоромъ и изни, возмутились; войска, противъ нихъ посланы, разбиты. Въ Куляхъ приняты мѣры для нападенія на предводителя Узисъ-Хана, заставшаго съ 500 человекъ въ окрестностяхъ Джугдаллаха, съ намѣреніемъ ограбить казну, отправленную подъ прикрытіемъ кавалеріи и пѣхоты. Шахъ-Суджа не имѣетъ и сотни Афгановъ, на которыхъ могъ бы положиться; по этому очень сомнительно, чтобы Британская армія оставила Кабуль.

VI.

ПЪВЪСТІЯ И СМЪСЪ.

РАЗВАЛИНЫ ВАВИЛОНА. Тексье во время путешествія своего по Востоку посѣтилъ между прочимъ развалины Вавилонна и башню Нимродову; вотъ что онъ говоритъ о нихъ:

«Линія стѣнъ, опоясывавшихъ Вавилонъ, замѣтна по двойному ряду песчаныхъ холмовъ, которые, кажется, свидѣтельствуютъ, что стѣны были двойныя, съ промежуткомъ между ними. Эта линія простирается отъ города Гилла до башни Нимродовой, которую мы оставили влѣвъ на разстояніе одной мили. Переночевавши въ Гиллѣ, на другой день мы отправились къ башнѣ Нимрода. Здѣсь находится большая часть развалинъ древнѣйшаго изъ городовъ. Цѣлые холмы перегорѣлыхъ обломковъ кирпича тянутся въ разныхъ направленіяхъ. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ эти холмы обвалились подмытые водою, видны остатки стѣнъ, по большей части изъ сыраго кирпича, совершенно подобнаго нынѣ употребляемому въ этой странѣ и во всей Персіи. Кирпичи эти квадратной фигуры 28 сантиметровъ въ длину и ширину, 10 въ толщину, и худо выжжены. Нѣкоторые съ надписями, но мы не нашли ни одной полной. Явленіе очень замѣчательное, на которое до сихъ поръ не обращали большаго вниманія, есть то, что всѣ эти холмы покрыты стекловидной сплавкой; доказательство, что зданія истреблены огнемъ, столь сильнымъ, что кирпичи ихъ сплавившись. Это особенно видно въ холмѣ, кото-

Т. IV. — Кн. III. 34

рый простирается почти на 260 метровъ, въ направленіи къ Бирсу; онъ состоитъ весь изъ такой сплазки, которая текла вертикально и образовала массы сталактитовъ. Многіе путешественники, посѣщавшіе Бирсъ-Нимвродъ, принимали массы, выдающіяся на вершинѣ холма, за скалы, и очень удивлялись тому, что нашли ихъ на такомъ мѣстѣ, вокругъ котораго на сто миль нигдѣ нѣтъ ни камешка. Скалы эти состоятъ изъ слившихся въ сильномъ огнѣ кирпичей. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, что для такой расплавки надобенъ огонь, больше того, какой бываетъ при нашихъ обыкновенныхъ пожарахъ, въ которыхъ кирпичъ никогда не плавится. Земли Месопотаміи наполнены большимъ количествомъ солей, отъ которыхъ они гораздо удобнѣе плавятся, нежели наши. Въ этомъ легко можно убѣдиться, посѣщая палатки Арабовъ. Они видюгъ обычай дѣлать среди палатки родъ печки изъ сырой земли, которую называютъ Тандуръ. Хотя они жгутъ въ ней тонкія вѣтви и щепки, чтобы только испечь лепешку, внутренность однакожъ Тандуровъ всегда остеклована. По этому неудивительно, если зданія Вавилонскія, строенныя изъ такого кирпича съ деревомъ и земляною смолою, могли отъ обыкновеннаго пожара сплавиться въ огромную массу эмали. Обстоятельство это, объясняющее катастрофу, постигшую Вавилонъ, мнѣ показалось очень любопытнымъ. Остатки Нимвродовой башни находятся и теперь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ нашелъ ихъ Ричъ и другіе путешественники. Это продолговатый холмъ, образовавшійся изъ кучи кирпича сыраго и жженаго, сверхъ котораго возвышается массивный и квадратный столбъ отъ 37 до 40 футовъ вышины. Разсматривая вершину холма, вы видите въ небольшомъ разстояніи слѣды другаго такого же столба; вѣроятно ихъ было четыре. Съ вершины холма видны вдали воды, которыми это мѣсто окружено со всѣхъ сторонъ; такъ какъ болота годъ отъ году все прибываютъ, то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти развалины скоро будутъ поглощены водою. Отъ подошвы холма Бирса до новаго болота, образовавшагося на сѣверной сторонѣ, не боле 200 тоазовъ. На лѣвомъ берегу Евфрата есть также развалины, принадлежащія древнему Вавилону. Онѣ раскинуты на такомъ широкомъ пространствѣ, что не понятно, какъ могъ быть

городъ такъ обширенъ. Къ востоку протяженіе стѣнъ со-всѣмъ теряется изъ виду; къ сѣверу на пути къ Багдаду въ четырехъ часахъ отъ Гилли находится сплошная масса строеній, превращенныхъ въ развалины; эту массу Арабы называютъ Мюджелибе. Думаютъ, что это остатки храма Белова. Продолжая путь далѣе къ Багдаду, вы не пройдете часу не встрѣтивъ длинныхъ слѣдовъ стѣнъ, которые вообще имѣютъ направленіе отъ востока къ западу, но которыхъ назначеніе угадать трудно.

ОТКРЫТІЕ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ СТРАСБУРГѢ. Въ Страсбургѣ, раскапывая одинъ погребъ, нашли на глубинѣ трехъ футовъ квадратныхъ плиты изъ красной глины, въ 16 дюймовъ, и другія въ 8 дюймовъ съ надписями: *Восьмой Легионъ Августа*, Этрурскую вазу вышиною въ 3 фута, шириною въ 18 дюймовъ, украшенную рисунками и барельефами превосходной работы, и урну 18 дюймовъ вышины и 3-хъ дюймовъ ширины, содержащую въ себѣ пепель. Къ сожалѣнію ваза разбита, такъ, что собрано только нѣсколько кусковъ. Поиски продолжаютъ по наставленію городского антикварія; уже дошли до свода, поддерживаемаго пилястрами; при дальнѣйшемъ раскапываніи надѣются найти много интересныхъ вещей.

ДРЕВНОСТИ ВЪ АМЕРИКѢ. Въ *Morning-Herald* Кингтонскомъ (въ Ямайкѣ) подтверждаютъ открытіе милліона мумій въ Мексикѣ въ окрестностяхъ Дуранго. Муміи находятся въ сидячемъ положеніи, но на нихъ повязки, обвертки и украшенія Египетскія. Тутъ же нашли кинжалъ изъ кремня ожерелья, куски костей выполированныхъ какъ слоновая кость, эластическія ткани, остатки змѣй и проч. — Найдены также развалины, прибавляетъ тотъ же журналъ, которыя, относятся къ отдаленной древности и доказываютъ, что предки Монтецумы обитали на берегахъ Нила, и что ихъ гражданственность была истреблена ордами Татаръ, пришедшихъ чрезъ Беринговъ проливъ и скалистыя горы. Замѣчательно, что раковины ожерельевъ принадлежатъ морской породѣ и теперь находимой въ Закатекасѣ на Тихомъ Океанѣ, куда первые Мексиканцы вѣроятно пристали, вышедши изъ глубины Китая, Индіи и острововъ Индѣй-

скаго Оксана. Въ центральной Америкѣ въ Квирага нашли древнюю статую 10 футовъ вышиною, другую 10 $\frac{1}{2}$ третью 26 футовъ, наклоненную наподобіе известной башни въ Пизѣ, памятникъ 23 футовъ выш. въ видѣ обелиска, исписанный іероглифами; на верху его поставлена статуя, и множество фигуръ на основаніи. Здѣсь также найдены: женская статуя 9 футовъ, статуя 19 футовъ, представляющая съ одного бока мужчину, съ другаго женщину; два жертвенника прекрасно высѣченные, обелискъ 12 футовъ, четыре памятника, въ центрѣ которыхъ широкій круглый камень, покрытый надписями и іероглифами; около камня двѣ человѣческія головы, полуобросшія травою.

ОПЫТЫ НАДЪ ИСПАРИНОЮ. Бѣдные кролики! До сихъ поръ на васъ преимущественно нападала кровавая любознательность Мажанди и К^о и отнимала у васъ не только по-другу, дѣтей и наслажденія жизни, но и самый мозгъ; теперь другой ученый мучитель изобрѣлъ новый родъ опытовъ, отъ которыхъ не легче будетъ не только кроликамъ, но и всякимъ мѣленькимъ животнымъ, неимѣющимъ силъ защищаться отъ тиранства чловѣка. Докторъ Фурко (Fourcault) получилъ отъ Парижской Академіи Наукъ премию въ 2,000 франковъ за успешные опыты надъ прекращеніемъ испарины и слѣдующими послѣ того измѣненіями крови и развитіемъ мѣстныхъ язвъ, приписываемыхъ воспаленіямъ. Досталось тутъ, разумется, не однимъ кроликамъ. Почтенный мучитель бралъ разнаго рода животныхъ, обстригалъ шерсть у четвероногихъ, обрываетъ перья у птицъ и обмазывалъ голое тѣло ихъ мазью, составленною изъ жирныхъ и липкихъ веществъ. Поры животного такимъ образомъ закрывались совершенно и испарина оставалась. Слѣдствія были болѣе или менѣе важны, судя потому, все ли тѣло подвергалось этому насильственному умощенію, или только нѣкоторыя части его. Во всякомъ случаѣ здоровье животныхъ упадало и жизнь ихъ подвергалась опасности. — Они не выдерживали дня, двухъ, трехъ дней, иные даже нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ сихъ истязаніяхъ. Это должно пролить новый свѣтъ на явленія фیزیологическія, зависящія отъ испарины кожи. Терпите же бѣдныя животныя, по васъ мы изучаемъ чловѣка.

СРЕДСТВО ОСУШИВАТЬ ОТСЫРЬВШИЙ ШЕЛКЪ ПРИ ПРОИЗВОДСТВѢ ТКАНЕЙ. Известно, что шелкъ чрезвычайно легко сырветъ и что это препятствуетъ хорошей выдѣлкѣ тканей. Основа ткани обыкновенно укрѣпляется на двухъ валахъ: съ одного она спускается по мѣрѣ усилка въ работу, на другой накатывается въ видѣ уже выдѣланной матеріи. Пространство между этими двумя валами, наполненное параллельными нитями основы, подвержено вліянію воздуха со всѣхъ сторонъ. Въ зимнее холодное и влажное время, когда ткачъ оставляетъ работу на ночь, воздухъ мастерской охлаждается, и основа сырветъ; работа утромъ не можетъ итти успешно, пока мастерская опять не нагрѣется достаточно и шелкъ не высохнетъ, на что нужно около двухъ часовъ. Кромѣ потери времени, самая ткань въ это время дѣлается слабѣе и ворсится. Чтобы пособить этому неудобству, Англичанинъ Ріанъ (Ruan) выдумалъ инструментъ очень простой, состоящій изъ четверугольной жестяной трубки, съ одного конца отворяющейся. Трубка длиною въ ширину основы, и снабжена рукоятками, чтобы можно было ею дѣйствовать. Ее наполняютъ горячею водою и водятъ сверху и снизу основы, пока она высохнетъ; все дѣло оканчивается въ четверть часа.

Лондонское общество поощренія промышленности выдало изобрѣтателю серебряную медаль. Не обратятъ ли вниманія на это улучшение наши фабриканты?

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ ВЪ ТУРЦІИ. Европейская образованность наконецъ врывается со всѣхъ сторонъ въ страну, служащую представительницею Магометанскаго Востока. Въ Диванѣ опредѣлено недавно открыть въ Турецкихъ владѣніяхъ 7 Академій, именно: въ Константинополь, Салоникъ и Адрианополь — для Европейской Турціи; въ Бруссъ, Смирнѣ, Багдадѣ и Требизондѣ, для Азіятской. Три изъ нихъ ужъ въ дѣйстви въ Смирнѣ, Салоникѣ и Константинополь. Правительство увѣрено, что преподаваніе химіи и физики въ настоящее время было бы чрезвычайно полезно для истребленія суевѣрій, введенныхъ и поддерживаемыхъ Кораномъ; оно обратило особенное вниманіе на распространеніе этихъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ разныя явленія природы, какъ напр. молнія, громъ, душныя и сол-

вечныя затвѣнія и проч. толкуются суевѣрными Мусульманами самымъ страннымъ образомъ. Естественныя науки должны способствовать также улучшенію земледѣлія и промышленности, которыя на Востоку находятся въ самомъ жалкомъ состояніи. Порта просила Парижскую Академію наукъ прислать ей свѣдущихъ профессоровъ для всѣхъ Европейскихъ языковъ. Турки всего охотнѣе учатся Французскому. Правительство думаетъ, что это будетъ лучшимъ и скорѣйшимъ средствомъ образовать молодыхъ ученыхъ, которые должны будутъ измѣнить совершенно прежніе методы ученія. Грамматику и Исторію проходятъ въ этихъ Академіяхъ по методамъ Европейскимъ и на Французскомъ языкѣ. Профессоры пользуются достаточнымъ жалованьемъ, и въ отставку пенсією, соразмѣрною заслугамъ и окладу жалованья. Наконецъ установлены конкурсы для молодыхъ людей, желающихъ путешествовать по Европѣ для дальнѣйшаго усовершенствованія.

Кромѣ этихъ Академій положено открыть въ каждомъ большомъ городѣ коллегіи по новому устройству. До сихъ поръ открыты: въ Константинополѣ приготовительная военная школа въ Долма-Бакче для 400 молодыхъ людей, обучающихся здѣсь Турецкому и Французскому языкамъ, математикѣ, рисованью, географіи и исторіи, и школа морская на 240 воспитанниковъ. Эта школа вмѣстѣ съ другою учреждающеюся при арсеналѣ и почти оконченною, имѣетъ отличныхъ Англійскихъ и Французскихъ профессоровъ, обучающихся кораблестроенію и мореплаванію. Коллегія въ Наски имѣетъ 140 воспитанниковъ; она основана Греческими негоціантами. — Одинъ богатый Армянскій банкиръ изъявилъ благородное желаніе пожертвовать большую часть своего имѣнія для основанія коллегіи на 400 молодыхъ Армянъ, гдѣ ихъ будутъ содержать и учить на его счетъ. Въ Галать находятся двѣ коллегіи для Франковъ и нѣсколько частныхъ новооткрытыхъ заведеній мужескихъ и женскихъ. Конечно еще далеко до учрежденія первоначальныхъ школъ, которыя должны разливаетъ образованіе на всю массу народа; но столь обширныя и энергическія мѣры не могутъ не дать быстрыхъ результатовъ. Множество Французовъ нашли прибыльное и честное занятіе въ частныхъ уро-

кахъ, давасмыхъ молодымъ офицерамъ, и теперь въ Константинополь страсть говорить по Французски, какъ въ некоторыхъ другихъ странахъ Европы, дошла до глупости. Въ последнее время Султанъ обнародовалъ фирманъ объ открытїи медицинской школы, которую принялъ подъ свое особенное покровительство, и уже послѣ бывшего тамъ экзамена, розданы значительныя награды профессорамъ и воспитанникамъ этого заведенія. — Что произойдетъ изъ всего этого, рѣшить одна будущность. Будутъ ли все эти науки служить къ перерожденію націи, которая, обновясь и помолодѣвъ въ приливъ новыхъ понятій и убѣжденій, начнетъ новое лучшее существованіе, или съ утратою древнихъ основныхъ своихъ идей и вѣрованій, ей суждено утратить навѣки и свою нравственную самобытность и энергію? — эти вопросы представляются сами собою при нынѣшнихъ чрезвычайныхъ событіяхъ. Какъ бы то ни было, а вѣднія судьбы неотразимы. Не система какая нибудь, не предначертанія человеческой воли измѣняютъ нынѣ нравственный бытъ Турціи, а могущественный натискъ обстоятельствъ, которому противиться не могутъ никакая сила, никакая мудрость земная. Европа охватываетъ со всѣхъ сторонъ Азію и Африку своими идеями столько же, сколько и своею политикою, и въ какое время? когда народы ихъ населяющіе, уже кажется изживаютъ свою исторію, не находя въ собственныхъ своихъ недрахъ, ни стихій для созданія новыхъ силъ, ни опоръ для новыхъ стремленій. Можетъ быть теперь начинается новый великій періодъ исторіи, — періодъ западно-восточный, гдѣ издревле разрозненные элементы человечества должны соединиться для произведенія — чего? свѣжей жизни и диктельнаты: ибо жить и дѣйствовать есть высочайшая задача на земли.

ТРИ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЯ. Наполеонъ, бывши еще первымъ Консуломъ, началъ съ нѣкотораго времени посѣщать придворную церковь въ Сенъ-Клау чаще, нежели хотѣлось госпожѣ Бонапартъ. Жозефина была очень привязана къ своему мужу, которому, какъ говорили, принесла счастье, и уже будучи жертвою честолюбивыхъ идей, въпослѣдствіи принудившихъ Императора къ разводу, она боялась всякой соперницы, которая могла бы открыть ему тайну обходить

ся безъ нее. Въ ту эпоху, къ которой относится нашъ разсказъ, она по видимому не даромъ тревожилась. Когда первый Консулъ стоялъ въ церкви, глаза его были постоянно устремлены на одно изъ оконъ галлерей, у котораго всегда стояла молодая женщина, очень скромно одѣтая, но красоты удивительной. Каштановые волосы, глаза ясныя дня, темныя ночи, которые становились еще прекраснѣе обращаясь на перваго Консула, и почерная въ немъ новый огонь и одушевленіе, лицо, исполненное невыразимой прелести и величія — такова была та, которой присутствіе обезпокоивало Жозефину.

«Кто эта молодая дѣвица?» спрашивала она у своихъ дамъ: «и чего она хочетъ отъ Бонапарта? Когда Консулъ проходилъ возлѣ окна, у котораго она стояла, она уронила записку, и Бонапартъ ее поднялъ; я это видѣла.» Никто не могъ удовлетворить любопытству Жозефины; говорили, что эта дѣвица Англичанка, и во Франціи недавно; другіе думали, что это эмигрантка, просившая перваго Консула, чтобъ ее выключили изъ роковаго списка. Однажды, послѣ аудіенціи, Бонапартъ захотѣлъ прогуляться по парку въ коляскѣ. Его жена, Иосифъ, Дюрокъ, Гортензія и Консулъ Камбасересъ были съ нимъ. Король Прусскій прислалъ Бонапарту отличную четверню лошадей, которыя рисовались на дворѣ готовыя мчать на себѣ славу Франціи. Первый Консулъ вздумалъ самъ править, приказалъ сойти съ козелъ кучеру и сѣлъ на его мѣсто; коляска покатила; на концѣ рѣшетки, отдѣляющей садъ отъ парка, первый Консулъ зацѣпилъ за столбъ, потерялъ равновѣсіе и упалъ отброшенный на нѣсколько шаговъ; онъ хотѣлъ подняться, снова упалъ и лишился чувствъ отъ ушиба. Между тѣмъ лошади понесли коляску; Дюрокъ бросается къ козламъ, схватываетъ возжи, и коляска съ обезпамятѣвшею Жозефиною очутилась у рѣшетки. Перваго Консула отнесли въ его апартаменты, и когда онъ пришелъ въ чувство, то опустил машинально руку въ жилетный карманъ и вынулъ оттуда бумажку, упавшую къ его ногамъ въ церкви. Жозефина изъ за плеча его прочла слова написаннаго карандашемъ: «Не вздите сегодня въ коляскѣ.»

—Я взялся не за свое ремесло, сказалъ Бонапартъ; можно

ли было однако жъ предвидѣть, что изъ этого произойдетъ такая бѣда? Дюрюкъ, осмотри коляску!

Дюрюкъ повиновался и скоро воротился блѣдный и съ разстроеннымъ видомъ. Отведя перваго Консула въ маленькой кабинетъ смежный, съ залой, въ которой была тогда Жозефина, онъ сказалъ: гражданинъ Консуль, если бы вы не зацѣпили коляски за рѣшетку, ежели бы не упали съ вашего мѣста, мы погибли бы!

—Что это значить? Въ коляскѣ назади спрятана была бомба, настоящая бомба, начиненная картечью и съ зажженною свѣтильнею; все было рассчитано такъ, что мы бы взлетѣли выше деревъ парка Сень-Клу; еще нѣсколько минутъ и огонь свѣтильни достигъ бы пороха. Надобно предупредить Фуше; надобно увѣдомить Дюбуа.

—Ни слова, сказалъ первый Консуль; открытіе одного заговора почти всегда вызываетъ другой. Чтобы Жозефина не знала о грозившей ей опасности; Гортензія, Юсифъ и Камбассерсъ также чтобы не знали объ этомъ, и что касается я до моего паденія, пусть въ журналахъ правительства ни слова не говорятъ о немъ. Надобно избѣгать огласки. Возьми, Дюрюкъ, прибавилъ онъ, вынувши изъ своей библіотеки Исторію Англіи, и нашедши въ ней мѣсто, гдѣ описывается жизнь Кромвеля, возьми и прочти это. Дюрюкъ прочелъ слѣдующее: «Кромвель получилъ отъ одного Германскаго Государя шестерку лошадей, замѣчательныхъ по ихъ легкости и красотѣ. Собравшись гулять одинъ съ Тюрлеромъ по Гайдъ-Парку, въ легкой коляскѣ на этихъ лошадяхъ, онъ вздумалъ самъ править; оставилъ Тюрлера въ коляскѣ, а самъ занялъ мѣсто кучера, не полагая, что труднѣе управлять иными лошадьми, чѣмъ тремя государствами. Но бойкія лошади, не повинуясь рукъ новаго правителя, взбѣсились и понесли коляску, которая скоро опрокинулась. Въ этомъ паденіи пистолетъ, который имѣлъ при себѣ Кромвель, выстрѣлилъ не ранивши его. Протектора подняли оглушеннаго и избитаго въ паденіи; онъ однакожъ меньше пострадалъ, чѣмъ «Тюрлеръ.» Я совсѣмъ не хочу, чтобы меня сравнивали съ Кромвелемъ, продолжалъ Бонапартъ, закрывая книгу; раз-

въ я такой же лицемѣръ и фанатикъ какъ протекторъ? развѣ я умертвилъ какого нибудь Карла I-го? Меня уже сравнивали съ Монкомъ. Въ слѣдующее воскресенье по-ди въ церковь и замѣть внимательно молодую женщину, которую я укажу взглядомъ. Она обыкновенно становится въ галлерей у четвертаго окошка на право; слѣдуй за нею и узнай ее имя, ее положеніе, ее жилище; я не хочу поручить этого полиціи. Ты хорошо осмотрѣлъ коляску? Ты скрылъ отъ всѣхъ орудіе смерти? Повѣдемъ прогуляемся въ паркъ.» Прогулка снова устроена по желанію перваго Консула, но на сей разъ онъ оставилъ возжи кучеру.

Въ слѣдующее воскресенье молодая дѣвица не показывалась въ церковь въ Сень-Клу. Ревнивая Жозефина напрасно искала ея взорами, Бонапартъ также. Между тѣмъ зима сдѣлала Сень-Клу необитаемымъ; приближались къ тому мѣсяцу, который въ республиканскомъ календарь очень справедливо названъ *nivose* (снѣжный). Первый Консулъ возвратился въ Парижъ и большіе апартаменты Тюлерійскаго дворца были снова открыты. Въ одинъ вечеръ, это было 3-го числа, Бонапартъ садится въ карету съ своимъ адъютантомъ Лористономъ и генералами Ланномъ и Бертье. Карета готова была тронуться, когда женщина, закутанная въ черное покрывало, прибѣжала на Карусельную площадь, протиснувшись среди конвоя, сопровождавшаго Бонапарта, съ бумагою въ рукѣ, и вскричала: «Гражданинъ Консулъ! Гражданинъ Консулъ!»

Бонапартъ кланяется ей съ своею обворожительною улыбкою, протянувъ руку и беретъ записку. Это прошеніе, сударыня? сказалъ онъ; будьте спокойны, я его прочту и сдѣлаю все, что должно.

Гражданинъ Консулъ! сказала эта женщина, сложивши руки, ради Бога.....

Но карета, которой кучеръ, говорятъ, былъ пьянъ въ этотъ вечеръ, умчалась какъ молнія и Консулъ, бросивши полученную бумагу въ шляпу, сказалъ окружающимъ:

— Я не могъ видѣть лица ея, но судя по голосу, бьюсь объ закладъ, что это молодая женщина. Они не успѣли еще

прохвать улицы Сень-Никезъ, какъ послышался ужасный взрывъ, крики гражданъ смѣшались съ грохотомъ обрушивающихся домовъ и дребезжаніемъ стеколъ въ цѣломъ кварталѣ. Первый Консулъ былъ уже въ оперѣ. Онъ вошелъ въ свою ложу съ спокойнымъ челомъ, съ кроткимъ, но мужественнымъ взоромъ тѣхъ избранныхъ смертныхъ, коихъ сама судьба сохраняетъ для великихъ намѣреній. Поклонившись изумленной публикѣ, онъ сѣлъ и сложивъ на крестъ руки на груди, казалось, слушалъ со вниманіемъ ораторію Гайдна, которую играли въ этотъ день. Вдругъ онъ вспомнилъ о бумагѣ, полученной имъ при выѣздѣ изъ Тюйлери, вынулъ ее изъ своей шляпы и прочелъ:

«Ради Бога, гражданинъ Консулъ, не вздите этотъ вечеръ въ оперу, по крайней мѣрѣ не вздите чрезъ улицу «Сень-Никезъ!»

Было поздно.

Первый Консулъ поднялъ глаза, и въ третьемъ ряду, въ ложѣ прямо насупротивъ увидѣлъ молодую таинственную посьтительницу Сень-Клу. Открытая голова ея украшалась только локонами прекрасныхъ каштановыхъ волосъ; на плечахъ было черное покрывало, которымъ она окутывалась нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, подходя къ каретѣ Консула.— «Ланнъ! сказалъ Бонапартъ, войди въ третій этажъ, вонъ въ эту ложу; ты найдешь тамъ молодую дѣвицу въ черномъ покрывалѣ, приведи ее въ Тюйлери, мнѣ надобно поговорить съ нею, мнѣ надобно ее видѣть. Смотри, прибавилъ онъ, взявши Ланна за руку и показывая ему глазами ложу, смотри вонъ ту!»

Дѣвицы тамъ больше не было; черное покрывало скрылось; каштановыхъ волосъ больше не видно было, и все искусство Фуше, вся ревность Дюбуа не могли открыть ее. Особы, бывшія въ ложѣ, не знали ее; они едва замѣтили ея приходъ и уходъ.

Годы текли; имперія смѣнила консульство; долгое время победы славдовали за побѣдами, триумфы смѣнялись триумфами; наконецъ пришла минута, когда вся Европа

обрушилась на Францію, и Наполеонъ долженъ былъ оставить скипетръ, поднятый имъ, какъ онъ говорилъ, съ земли. Островъ Эльба на минуту сдѣлался хранилищемъ славы. Потомъ Императоръ однимъ шагомъ переступилъ изъ залива Жуана въ Парижъ, и имперія снова пала при Ватерлоо.

Императоръ, котораго орелъ на вѣки уже свернулъ крылья, рѣшился вѣрнуться Англичанамъ. Въ минуту отъѣзда изъ Франціи, въ минуту перехода на судно, долженствовавшее перевезти его на Англійскій корабль, люди преданные ему, стали на дорогѣ, чтобы видѣть его въ послѣдній разъ. Онъ привѣтствовалъ ихъ рукою, и эти уста, только что отдавшіе послѣдній поцѣлуй побѣдоносному орлу, еще улыбались. Изъ толпы бросилась къ нему женщина; она была въ полномъ блескѣ красоты, которая, дошедши до своего апогея, можетъ только увядать, но на которую въ эту минуту нельзя было смотрѣть безъ удивленія и умиленія. Печаль, оттѣнявшая это восхитительное лице, еще болѣе придавала ему прелести.

— Государь! сказала она, подавая бумагу, прочтите. Императоръ взялъ бумагу и посмотрѣлъ на эту женщину. Казалось, всѣ воспоминанія минувшаго охватили его умъ; ему показалось, что онъ видитъ церковь, четвертое окно галлерей, Жозефину, Дюрока; слышитъ звуки ораторіи Гайдна. Но эта мечта скоро исчезла; онъ склонилъ голову и задумался; потомъ взглянувши на записку, разорвалъ ее въ мелкіе куски и бросилъ ихъ на вѣтеръ, дувшій съ моря.

— Остановитесь, Государь, сказала эта женщина, еще есть время!

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, рѣшено: и снявши съ пальца перстень, украшенный прекраснымъ восточнымъ рубиномъ, драгоценнымъ воспоминаніемъ Египетскаго похода, подаль его этой женщинѣ, которая поцѣловала императорскую руку. Наполеонъ, отворотясь, вошелъ въ Англійскую шлюпку.

Такимъ образомъ изъ трехъ предостереженій два были бесполезны, потому что пришли послѣ удара, а третье, со-

стоявшее въ томъ, чтобы не ввѣряться Англичавамъ, от-
вергнуто.

«Но скажите, Герцогъ, кто была эта женщина?» спроси-
ли у Фуше въ его гостинной, гдѣ онъ рассказывалъ это
происшествіе. «Не знаю, отвѣчалъ Фуше, Императоръ
кажется увезъ съ собою эту тайну. Все, что я могу ска-
зать вамъ, это только то, что одна родственница Сень-
Режана, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ по-
кушеніи 3-го нивоза, умерла въ Отель-дѣ въ 1837 году, и
у нее на шеѣ нашли на шелковомъ шнуракѣ перстень съ
восточнымъ рубиномъ.»

**БѣГСТВО МАРІИ СТИОАРТЪ ИЗЪ ЗАМКА ЛОХЪ-ЛЕВЕНЪ,
ИЗЪ СОЧ. А. ДЮМА.** Подробности этого бѣгства стали такъ
извѣстны по выходѣ въ свѣтъ Валтеръ-Скоттова Аббата,
что Александръ Дюма, не смотря на свой талантъ, не рѣ-
шился бы писать объ этомъ предметѣ, если бы не имѣлъ
возможности представить его въ новомъ и занимательнѣй-
шемъ видѣ. Валтеръ-Скоттъ, выводя на сцену пажа, удалил-
ся нѣсколько отъ исторической вѣрности; Александръ
Дюма, сохранивъ ее въ точности, сдѣлалъ предметъ болѣе
занимательнымъ. Мы приведемъ здѣсь только то мѣсто,
гдѣ Дюма не сходится съ Шотландскимъ романистомъ.

«Наши средства для сообщенія обдуманы, сказалъ
Джорджъ Дугласъ Маріи; взгляните на этотъ маленькій
удиненный домикъ на холмѣ Кипроссъ: всякой вечеръ
вы увидите тамъ свѣтъ, который будетъ свѣтить вашей
надеждѣ. Когда вы пожелаете спросить вашихъ друзей объ
успѣхъ ихъ приготовленій, то приблизьте вашу лампу къ
окошку, свѣтъ Кипросса потухнетъ; приложите тогда руку
къ сердцу и считайте его бѣіеніе, если послѣ двадцати
ударовъ свѣтъ не покажется, значить еще не готово; если
насчитаете не болѣе десяти, значить вашъ выходъ долженъ
последовать черезъ восемь дней; если насчитаете пять,
значить на другой день; ежели свѣтъ потухнетъ совсѣмъ,
значить вы будете свободны въ тотъ же вечеръ. Впрочемъ,
прибавилъ Дугласъ, подавалъ Королевъ бумагу, во избѣжаніе
ошибки, или забвенія, все подробно здѣсь означено.

Первое покушеніе не удалось. Королева услышала на дворъ голосъ Вилліамса, который приказывалъ удвоить посты и поставить часового у лодокъ, изъ чего она заключила, что Джорджъ Дугласъ ушелъ. Она подняла глаза къ небу съ выраженіемъ неопредѣленного стыда и вѣсть признательности; потомъ пробормотавши нѣсколько словъ, она вышла, прося солдатъ увести ихъ равненнаго товарища и приказывая интенданту запереть хорошенько обѣ двери; зала, за минуту предъ тѣмъ полная шуму и свѣта, вдругъ погрузилась во мракъ и тишину. Минуту спустя дверь спальни отворилась и Королева, опираясь на Марію Сейтонъ, подошла снова къ окошку, невольно вскрикнула отъ удивленія и сложила руки въ знакъ удовольствія: свѣтъ былъ зажженъ на холмѣ, избавитель-маякъ блисталъ еще среди бури.

Королева не могла желать ничего болѣе. Она видѣла, что по открытіи покушенія, непріатели ея примуть мѣры осторожности, и слѣдовательно надежда на бѣгство должна быть отложена на неопредѣленное время. Довольно уже и того, ежели ея приверженицы подавали знакъ, что надежда еще не потеряна. Другая радость, болѣе близкая ея сердцу, примѣшивалась къ этой надеждѣ: свѣтъ ясно говорилъ, что съ Джорджемъ не случилось ни чего худаго.

Послѣ всякаго труднаго перелома бываетъ минута покоя, когда природа собираетъ силы, чтобы противустать грядущимъ событіямъ. На канунъ, когда Королева надѣялась быть свободною того же вечера, она считала нестерпимымъ мученіемъ оставаться въ плѣну еще пятнадцать дней, а спустя нѣсколько часовъ послѣ событія, убившаго ея надежды, угвѣшила и отдаленнымъ обѣщаніемъ спасенія, котораго времени ни что еще не опредѣляло въ будущемъ.

На другой день камень, брошенный со двора, упалъ въ комнату Королевы. Онъ былъ, какъ и въ первый разъ, обвернутъ письмомъ, писаннымъ тою же рукою, именно рукою Джорджа Дугласа. Содержаніе его было слѣдующее:

«Вы мнѣ приказали жить; я повиновался, и благодарю Ваше Величество, что вы мнѣ доставили случай снова жертво-

вать собою для вашего избавленія. Но увь! неудача въ нашемъ покушеніи надолго лишаетъ насъ надежды избавить Ваше Величество. Гамильтонъ, Геррисъ, Арджиль, Сейтонъ, прочіе друзья наши, принуждены отослать своихъ солдатъ, которые были собраны подъ разными предлогами въ окрестностяхъ Кипрасса. Они и сами удалились въ свои замки, остался только я, немьющій ни замковъ, ни земель. Я не могу по этому сказать ничего новаго, не могу назначить никакого срока, могу только увѣрять Ваше Величество, что я бодрствую день и ночь для васъ и доставленіемъ этого письма доказать, что вы имѣете еще одного друга въ замкѣ Лохъ-Левенъ; хотя этотъ другъ не больше дитяти, но въ немъ сердце мужа. Ваше Величество можете ввѣряться тому, кто скажетъ вамъ эти два стиха изъ старинной баллады въ честь нашей фамиліи:

•Дугласъ, Дугласъ,
Иъжный и вѣрный.

Бѣдный Джорджъ! вскричала Марія, прочитавъ письмо, вотъ приверженность, для которой земля не имѣетъ награды, но за которую между тѣмъ люди опредѣлили такія жестокія наказанія. Думала ли ты когда нибудь, моя милая, сказала Королева своей фрейлинъ, о судьбѣ всѣхъ тѣхъ, которые меня любили? Фравцискъ II умеръ отъ неизвѣстной болѣзни, Четларъ погибъ на эшафотѣ, Дарнлей раздавленъ въ подземельѣ, Ботвель скитается изгнанникомъ, и можетъ быть уже погибъ. Наконецъ бѣдный Джорджъ, проклятый своею фамиліею... Ахъ, Сейтонъ! Я роковое созданіе для всякаго, кто ко мнѣ приближается, и я не знаю, прибавила она, подавая ей руку, которую эта молодая дѣвушка поцѣловала, какъ еще находятся неблагоразумныя, которыя отваживаются мнѣ служить. Потомъ не отдавая письма своей фрейлинъ, она прочла его снова и спрятала у груди, повторяя въ полголоса условныя слова, по которымъ должна узнать друга, и которыя были такъ хорошо избраны бѣднымъ Джорджемъ для выраженія и любви и долга.

Дни и ночи проходили безъ новостей; ни друзья Королевы, ни непріатели по-видимому ничего не предпринимали.

Последніе имѣли то, чего желали, т. е., отреченіе Маріи отъ престола и назначеніе Муррзая правителемъ Шотландіи. Они берегли ее строго, и по взятымъ предосторожностямъ почитали бѣгство ея невозможнымъ. Друзья ее знали, что въ настоящее время нельзя ничего предпринять, и что всякое покушеніе въ ея пользу было бы гибельно; время въ замкѣ Лохъ-Левенъ проходило въ грустномъ единообразіи.

Прошли недѣли, мѣсяцы; наступила осень; пльнница видѣла пожелтѣвшія и онавшія листья; потомъ и зима покрыла вершину Бенъ-Ломонда первымъ снѣгомъ, который, сходя мало по малу на долины, разостлался безконечнымъ саваномъ. Марія, смотря въ окно, увидѣла озеро, скованное такимъ крѣпкимъ льдомъ, что по немъ можно бы пройти до другаго берега. И во все это время Марія, видя каждый вечеръ утѣшительный свѣтъ, была спокойною, покорною своей судьбѣ, даже отъ времени до времени приходили минуты прежней веселости, какъ отъ времени до времени прорывался изъ облаковъ лучъ солнца, будто изгнаннаго изъ неба. Наконецъ и снѣгъ исчезъ, льды растаяли, природа оживилась; Марія видѣла изъ окна радующуюся радость весны, и бѣдная пльнница не могла принять участія въ этомъ отрадномъ обновленіи всего творенія.

Въ самомъ дѣлѣ Королева не знала всего того, что дѣлается за стѣнами ея тюрьмы и мало имѣла надежды на то, что должно было произойти въ стѣнахъ ея, потому что весь успѣхъ основывался на ловкости двѣнадцатилѣтняго дитяти. Дугласъ уходя не имѣлъ времени повторить увѣреній своихъ Королеву; всякой разъ, когда она имѣла случай видѣть маленькаго Дугласа, онъ казался такъ невнимательнымъ къ ней, и такъ увлеченнымъ беззаботностію своего возраста, что она мало по малу забыла объ этомъ юномъ другѣ.

Въ началѣ Апрѣля Марія замѣтила, что мальчикъ приходилъ чаще обыкновеннаго играть подъ ея окошкомъ; и однажды, когда онъ выкапывалъ у подошвы стѣны ямку для ловли птицъ, Королева слѣдовала глазами за его разбо-

тою со вниманіемъ пльнницы; ей показалось, что, копая одною рукою, въ то же время другою онъ писалъ какія-то слова на песокъ. Въ самомъ дѣлѣ, присматриваясь внимательно, Марія увѣрилась, что слова относились къ ней, и собирая ихъ одно за другимъ, она прочла слѣдующую фразу: «Въ эту полночь спустите веревку изъ окна.» Безъ сомнѣнія эти слова относились къ ней, но мальчикъ ни однимъ взглядомъ не подтвердилъ этого, такъ что когда ему показалось, что его поняли, онъ кончилъ свою ямку, поставилъ ловушку и ушелъ, даже не посмотрѣвши на окно, у котораго была Королева.

Пльнница между тѣмъ рѣшилась на всякій случай исполнить желаніе, написанное на песокъ. За неимѣніемъ веревки, Сейтонъ связала простыни, и въ назначенное время, вынеся огонь въ спальню, спустила ихъ изъ окна. Черезъ минуту она почувствовала, что тамъ что-то привязали и потянула къ себѣ. Связка довольно большая остановилась у окна, но поворотя ее на косъ, кой-какъ протаскивали сквозь рѣшетку. Обѣ пльнницы отнеоиди ее тотчасъ въ свою комнату и заперши дверь на замокъ, развязали. Въ ней были двѣ полныя мужскія пары платья, ливреи Дугласовъ; на одномъ воротникѣ прищиплена булавкою записка, въ которой было написано:

«Новыя наставленія Ея Величеству:

Всякій вечеръ съ 9 часовъ до полуночи Королева и Миссъ Марія Сейтонъ должны одѣваться въ присланное платье, какъ для того, чтобы привыкнуть носить его прилично, такъ и для того, чтобы быть всегда готовыми къ бѣгству, ежели случай представится. Платья эти кажется должны быть имъ совершенно въ пору, потому что мѣрки сняты съ Миссъ Маріи Флемингъ и Миссъ Маріи Ливингстонъ, которыхъ талии одинаковы съ таліей Ея В — ва и Миссъ Сейтонъ. Всякой вечеръ Королева должна смотреть на огненный сигналъ, чтобы быть предувѣдомленною, когда окажется возможность дѣйствовать, а не начать дѣла неосторожно. — Приверженцы Королевы собираются, друзья бодрствуютъ.» Это увѣдомленіе, какъ ни было темно, чрезвычайно обрадовало Королеву. Послѣ долгой зимы она нако-

нець почла себя забытою, и задремала въ своемъ одиночествѣ. Но это доказательство бдительной приверженности, возвратило ей всю надежду, а съ нею и энергію. Тотъ же вечеръ она и Марія Сейтонъ одѣлись въ присланное платье и какъ предполагали, оно было имъ совершенно въ пору.

На другой день, Королева весь день искала случая увидѣть маленькаго Дугласа, надѣясь, что онъ какимъ нибудь знакомъ подтвердить ея надежды; напрасно; она его не видѣла. Къ вечеру она взглянула на огонь, и насчитала двадцать біеній сердца: ничего еще не было опредѣлено.

Тѣмъ не менѣе Королева слѣдовала съ точностію полученнымъ наставленіямъ; въ 9 часовъ она и Сейтонъ одѣвались въ мужскія платья и оставались въ этомъ нарядѣ до полуночи. Полмѣсяца прошло безъ всякихъ новостей; наконецъ къ концу Апрѣля свѣтъ снова показался послѣ 10 біеній, и Марія узнала приближеніе минуты, въ которую друзья ея должны снова попытаться ее спасти. Три дня протекли безъ измѣненія сигналовъ. 2-го Мая по утру Королева услышала большой шумъ въ замкѣ; она подбѣжала проворно къ окну и увидѣла значительный отрядъ войска на берегу озера; въ то же время всѣ лодки, бывшія у острова, бросились на веслахъ принять новоприбывшихъ. Такъ какъ перемѣна въ лицахъ замка могла въ эту минуту имѣть гибельное вліяніе на судьбу Королевы, то она послала Марію Сейтонъ освѣдомиться о новоприбывшихъ. Сейтонъ скоро возвратилась чрезвычайно встревоженною. Прибывшій былъ Лордъ Вилліамсъ Дугласъ, владѣтель Лохъ-Левенскаго замка, который послѣ годичнаго отсутствія возвратился сюда на нѣсколько дней съ своею свитою; и такъ въ замкѣ былъ праздникъ. Новость эта была тяжела для Королевы; съ возвращеніемъ Лохъ-Левенскаго Лорда удвоивался гарнизонъ замка и всякое покушеніе къ бѣгству надобно было по этому отложить до его отъѣзда. Рѣшительно злой духъ ее преслѣдовалъ.

Спустя часъ Королева услышала шаги на лѣстницѣ. Хотя ключи были въ рукахъ тюремщиковъ ея, и двери не могли запирались извнутри, однако, вмѣсто того, чтобы войти прямо, какъ это обыкновенно дѣлали окружающіе Коро-

лѣву, кто-то постучался почтительно. Марія Сейтонъ отворила. Это былъ старый интендантъ замка, который пришелъ отъ Лорда Вилліамса Дугласа пригласить Королеву съ фрейлиною ея къ обѣду. Старый Лордъ думалъ, что прибытіе его должно быть праздникомъ для всѣхъ, и что Королева, получая содержаніе отъ замка, должна быть при столѣ вмѣстѣ съ прочими. Не будучи совершенно не чувствительною къ этому знаку уваженія, Марія приказала однакожь сказать, что она не такъ здорова, и боится, чтобы ея печаль не помѣшала общей радости. Интендантъ поклонился и вышелъ съ этимъ отвѣтомъ.

Во весь день было большое движеніе въ замкѣ. Конюхи въ ливревъ Дугласа, то есть въ такомъ платьѣ, какое было прислано Королевы и Маріи Сейтонъ, безпрестанно бѣгали по двору. Въ продолженіи этого времени Королева сидѣла печально у окна и смотрѣла на маленькой домикъ Кипросса; окошки его были заперты по обыкновенію и ничто не показывало, чтобъ онъ былъ обитаемъ.

Насталъ вечеръ; окны замка освѣтились и бросили длинныя полосы свѣта по двору; маленькая звѣздочка съ своей стороны показала на холмъ. Королева посмотрѣла на нее съ минутою, не смѣя условленнымъ знакомъ сдѣлать вопроса; наконецъ уступая просьбамъ Маріи Сейтонъ, она сдѣлала условленный знакъ; свѣтъ тотчасъ исчезъ и Королева, приложивъ руку къ своему стѣсненному сердцу, начала считать его бѣшенія; но дошедши до пятнадцати и не видя свѣта, она поняла какъ предполагала, что все отложено, и упала съ тоскою на стулъ; потеря надежды дѣлала заключеніе ея еще мучительнѣе.

Миссъ Марія Сейтонъ стояла и продолжала считать; свѣтъ не показывался и надежда совсѣмъ противоположная пробудилась въ ней; это значило, что бѣгство назначено теперь же. Такъ говорило наставленіе, данное Дугласомъ Королевы. Однакожь она подождала еще около десяти минутъ, но не видя свѣта, сообщила Королевы свое предположеніе.

Марія скоро встала, ища вмѣстѣ съ фрейлиною свѣта, и смотрѣла около четверти часа въ ту сторону, гдѣ ему

должно быть; не видя однакожь его такъ долго, она возобновила вопросъ; напрасно: свѣтъ не показывался.

Королева съ фрейлиной бросились тотчасъ въ свою комнату, заперли дверь и оцѣлись на скоро. Онѣ такъ мало имѣли надежды, что даже пренебрегали этой предосторожностію. Едва они кончили свой туалетъ, какъ услышали, что дверь залы отворилась и кто-то легкими шагами приближался къ ихъ спальнѣ. Марія Сейтонъ задула лампу; въ дверь начали стучаться. Кто тамъ? спросила Королева, смятеннымъ голосомъ.

«Дугласъ, Дугласъ
Нѣжный и вѣрный—»

отвѣчалъ дѣтскій голосъ.

— Это сигналъ, прошептала Королева и упала на постель, между тѣмъ Марія Сейтонъ пошла отворять, повторяя тихо: Господи, Господи, помоги намъ! Готова ли Ея Величество? спросилъ маленькій Дугласъ.

— Да, отвѣчала Королева въ полголоса, готова; что надобно дѣлать?

— Слѣдовать за мною, сказалъ мальчикъ съ рѣшимостію, которая равнялась только его лаконизму.

— Итакъ въ этотъ вечеръ? спросила Королева.

— Въ этотъ вечеръ.

— И все готово?

— Все.

— Но кто намъ отпереть двери?

— Ключи у меня.

— Пойдемъ же, дитя мое, сказала Королева, пусть Богъ ведетъ насъ!

Маленькій Дугласъ шелъ впереди до самой лѣстницы. Тамъ сдѣлавши знакъ пльнницамъ обождать, онъ заперъ,

дверь ихъ комнаты, чтобы дозоръ обходя не могъ ничего замѣтить. Послѣ этой предосторожности онъ пошелъ по лѣстницѣ, показывая знаками, чтобы Королева и Сейтонъ за нимъ слѣдовали. Но когда шумъ изъ большой залы, чрезъ которую надобно было проходить, чтобы вытти на дворъ, достигъ до нихъ, Королева положила руку на плечо мальчика; онъ тотчасъ остановился.

— Куда ты ведешь насъ? спросила Королева.

— На дворъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Но намъ надобно проходить залу, въ которой ужинаютъ?

— Безъ сомнѣнїя.

— Это не возможно, вскричала Королева, мы погибли.

— Отъ чего же? сказалъ мальчикъ, Ваше Величество и Миссъ Марїа Сейтонъ въ ливрѣхъ служителей замка; между ними въ толпѣ васъ не примѣтятъ. Впрочемъ это единственное средство.

— И Джорджъ знаетъ, что мы должны избрать это средство?

— Онъ его придумалъ; я только досталъ ключи, которые были спрятаны въ комнату Вилліамса.

— И такъ пойдемъ, сказала Королева, я на все рѣшаюсь, чтобы избѣжать этого мучительнаго заточенїя.

Маленькій Дугласъ продолжалъ итти, объ пльницы за нимъ. Дошедши до конца лѣстницы, онъ наклонился и взялъ въ темномъ углу кружку, наполненную виномъ, которую подаль Королевъ, прося поставить ее себѣ на правое плечо такъ, чтобы скрыть лицо отъ сидящихъ за столомъ. Марїа Сейтонъ должна была нести корзину съ нарваннымъ хлѣбомъ; благодаря этой предосторожности, они были обезпечены отъ вниманїя служителей.

Такъ они вошли въ комнату, смежную съ залою, откуда уже доходилъ до нихъ свѣтъ и слышался шумъ; толпа слугъ

была занята своимъ дѣломъ и не привѣтила ихъ. Этотъ первый успѣхъ ободрилъ Королеву, смѣлѣе уже смотрѣвшую въ залу, черезъ которую должно было проходить.

Зала была перерѣзана во всю длину столомъ, за которымъ сидѣли по старшинству Лордъ Лохъ-Левенъ, Леди Лохъ-Левенъ и Вилліамъ Дугласъ, ихъ старшій сынъ, на высшемъ мѣстѣ; прочіе люди ихъ дома занимали мѣста по большей или меньшей важности ихъ должностей. Столъ былъ освѣщенъ множествомъ свѣчей, но какъ зала была довольно широка, то части отдаленныя оставались въ полусвѣтѣ, довольно благопріятномъ для Королевы. Бѣглецы увидѣли это съ перваго взгляда, и замѣтили при томъ, что старый Лордъ и Леди сидѣли къ нимъ спиною. Что касается до Вилліамса Дугласа, сидѣвшаго противъ родителей, легко было примѣтить по его разгорѣвшимся щекамъ и блистающимъ глазамъ, что теперь онъ не столько опасенъ, какъ былъ бы въ началъ ужина.

Впрочемъ Королева не имѣла времени для дальнѣйшихъ наблюденій; маленькій Дугласъ вошелъ смѣло въ залу, за нимъ Марія Сейтонъ, а тамъ Королева.

Опасность была болѣе кажущаяся, нежели дѣйствительная, какъ предвидѣлъ Джорджъ Дугласъ, и самая смѣлость предпріятія давала ему успѣхъ. Бѣглецы прошли залу такъ, что ни пирующіе, ни слуги не примѣтили ихъ и вошли въ переднюю; здѣсь маленькій Дугласъ, взявши отъ Королевы кружку, а отъ Сейтонъ корзинку, отдалъ ихъ слугѣ и велѣлъ снести на столъ солдатамъ, потомъ они вышли на дворъ.

При поворотѣ стѣны встрѣтился дозоръ, который прошелъ, не обращая на нихъ вниманія; этотъ новый успѣхъ придалъ новыя силы Королеву. Впрочемъ они дошли уже до тѣхъ мѣстъ, куда свѣтъ изъ оконъ не достигалъ болѣе, это придавало имъ новую бодрость. Такъ они тянулись некоторое время вдоль стѣны, наконецъ маленькій Дугласъ остановился въ углубленіи; они достигли двери сада.

Здѣсь была минута мучительнаго ожиданія: изъ десяти или двѣнадцати ключей надобно было выбрать тотъ, который

приходился къ двери. Королева и Марія Сейтонъ прижались къ стѣнѣ въ самомъ темномъ мѣстѣ, удерживая дыханіе; второй ключъ отперъ дверь; обѣ женщины бросились въ садъ, мальчикъ послѣдовалъ за ними и заперъ дверь. Королева отдохнула, она была полуспасена.

Мальчикъ продолжалъ путь къ другому выходу; вошедши въ чащу деревь, онъ далъ знакъ бѣгущимъ остановиться на минуту; потомъ соединя обѣ руки, онъ закричалъ совою такъ вѣрно, что сама Королева ошиблась; въ тоже мгновеніе подобный крикъ отозвался за стѣною, и все замолкло; между тѣмъ мальчикъ прислушивался внимательнымъ ухомъ, какъ бы ожидая новаго сигнала; въ самомъ дѣлѣ, черезъ минуту послышался стонъ, за нимъ послѣдовалъ глухой стукъ, похожій на стукъ упавшаго тѣла. Королева содрогнулась. Все идетъ хорошо, сказалъ маленькій Дугласъ, и продолжалъ путь.

Дверь отворилась и человекъ вскочилъ въ садъ; это былъ Джорджъ.

— Пойдемъ, Государыня, сказалъ онъ, схвативши за руку Королеву и увлекая за собою, все готово, пойдемъ!

Королева слѣдовала за нимъ, осматриваясь вокругъ; она увидѣла возлѣ стѣны тѣло человеческое, простертое на землѣ и затрепетала; по ея трепету Джорджъ понялъ, что въ ней происходитъ.

— Его постигъ судъ Божій, сказалъ онъ; это тотъ самый человекъ, который измѣнилъ намъ; теперь онъ никому больше не измѣнитъ.

— О Боже мой Боже, мой! проговорила тихо Марія, еще жертва!

— Пойдемъ, Государыня, пойдемъ, сказалъ старшій Дугласъ.

— А Марія Сейтонъ? спросила Королева.

— Она за нами слѣдуетъ съ маленькимъ Дугласомъ. Ваше Величество не безпокойтесь обѣ ней.

Въ самомъ дѣлѣ, Королева, оборотаясь, увидѣла позади Фрейлину и маленькаго Дугласа. Въ то же время Джорджъ бросилъ камень въ озеро. Лодка, скрывавшаяся за кустами лозъ, показалаась и тихо приплыла къ берегу. Одинъ изъ сидѣвшихъ въ ней бросилъ веревку, Джорджъ схватилъ ее, притащилъ лодку, и пособилъ войти въ нее Королеву, которая съѣла на носу, Марія Сейтонъ возлѣ нее, а маленькій Дугласъ у кормы. Джорджъ оттолкнулъ лодку и вскочилъ въ средину гребцовъ. Маленькое суденышко, неся въ себѣ судьбу Шотландіи, двинулось тихо по озеру.

Но вдругъ небо, до сихъ поръ благопріятствовавшее Королеву своею темнотою, прояснилось, какъ будто рука злого духа разорвала облака, такъ что свѣтъ луны какъ нарочно падалъ на лодку и ту часть озера, гдѣ она находилась. Въ то же мгновеніе, какъ бы не имѣя болѣе надежды скрыться, Джорджъ приказалъ гребцамъ удвоить усилія; это и сдѣлано. Но такъ какъ къ несчастію нельзя было удвоить скорости, не удвоивши въ то же время и шума, то часовой замка вдругъ остановился на платформѣ и закричалъ:

— Эй лодка! возьмите лодку!

— Сильнѣе, ради Бога, гребите сильнѣе, вскричалъ Джорджъ; въ пять минутъ будетъ за нами погоня.

— Этого я имъ не позволю, развѣ перескочатъ черезъ стѣну, или выломаютъ двери, сказалъ маленькій Дугласъ; я ихъ заперъ въ свою очередь, въ замкъ нѣтъ ни одного ключа; потомъ, показывая связку, которую держалъ въ рукѣ, прибавилъ: «а что касается до этихъ, то я ихъ ввѣрю Шельпію, духу озера, котораго назначаю тюремщикомъ замка вмѣсто стараго Гильдебрандта.» Съ этими словами ключи полетѣли въ озеро.

— Да благословитъ тебя небо! сказалъ Джорджъ, протянувъ руку къ мальчику. Господь дасть тебѣ бодрость и разумъ мужа. Лодка! закричалъ снова часовой, возьмите лодку! Потомъ видя, что никто ему не отвѣчаетъ, онъ выстрѣлилъ изъ ружья, бросился къ колоколу замка, ударилъ тревогу, крича изо всѣхъ силъ: измѣна! измѣна!

Въ одно мгновеніе освѣтились всѣ окна въ замкѣ и люди съ огнемъ побѣжали изъ комнаты въ комнату, какъ сумасшедшіе. Тотчасъ, не смотря на довольно большое разстояніе, отдѣлявшее уже лодку отъ замка, слышали громкій голось, который командовалъ: пали! — Вдругъ сильный свѣтъ блеснулъ по озеру, раздався выстрѣлъ небольшой пушки и ядро упало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лодки. Тогда Джорджъ, предупредивши Королеву, чтобы она не испугалась, отвѣчалъ выстрѣломъ изъ пистолета, не изъ удализма, но чтобы дать знать по условію своимъ, что Королева спасена. Въ самомъ дѣлѣ, восклицанія раздались по берегу, маленькій Дугласъ поворотилъ туда рулемъ, и черезъ пять минутъ Королева была среди двадцати всадниковъ, ожидавшихъ ее подъ начальствомъ Лорда Сейтона.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ О РЕЙМСКОМЪ ЕВАНГЕЛІИ. Въ 28-мъ № Сѣверной Пчелы нынѣшняго года была напечатана статья моя о Реймскомъ Евангеліи; на нее были замѣчанія въ 33 № покойнаго С. М. Строева, коего раннюю кончину оплакиваетъ наука. Сущность этихъ замѣчаній требуетъ объясненія, и такъ какъ тутъ не заключается никакой личной полемики, а дѣло состоитъ въ рѣшеніи ученаго вопроса, то я рѣшаюсь объясненіе мое напечатать, ни мало не опасаясь упрека, что я оспариваю того, кто защищаться уже не можетъ. Читатели безъ сомнѣнія поймутъ, что цѣль сего объясненія касается единственно науки. Авторъ замѣчаній, не приступая еще къ ихъ изложенію, привелъ извѣстіе о монастырѣ, упоминаемомъ въ припискѣ къ Евангелію, доказывающее, что монастырь находится въ Прагѣ и основанъ въ 1347 году. Извѣстіе это, само по себѣ весьма любопытно, и я не могу не быть благодарнымъ за сообщеніе его, по случаю выхода моей статьи. Но долженъ сказать, что недоразумѣніе мое не происходило отъ неизвѣстности мѣстонахожденія монастыря, гдѣ была писана приписка, какъ полагалъ г. Строевъ. Объясненіе, гдѣ существовалъ монастырь, не составляло главнаго предмета статьи. Важнѣйшее ея содержаніе не въ томъ. Въ ней, единственно, по переводу найденной на Реймской рукописи приписки, достаточно объяснено, что Кирилловская часть

ея, ни Сербская, ни Болгарская, какъ нѣкоторые полагали, а дѣйствительно Русская, что она древнѣе другой Глаголитской и подарена Римскимъ Императоромъ Карломъ IV и что Глаголитская содержитъ Евангеліе и Апостолъ по Римско-Каѳолическому обряду — вопросы, которые, по нѣмнѣю еще въ виду приписки, не могли быть рѣшены не только положительно, но даже по предположенію въ подробной статьѣ г. Строева о Реймскомъ Евангеліи, напечатанной въ Январской книжкѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1839 года. Объясненіе этихъ вопросовъ вело къ тому, что когда уже стали извѣстны: содержаніе одной и другой части Реймской рукописи и эпоха, не позже которой онѣ писаны, то рукопись эту должно считать достовѣрнымъ манускриптомъ, еслибъ даже что и оставалось еще пояснить для палеографіи. Въ такомъ видѣ рукопись эта съ слѣдующею къ ней припискою, дѣлалась уже историческимъ доказательствомъ, важнымъ и для нашей исторіи. Если не оправдалось предположеніе г. Копитара о появленіи рукописи во Франціи въ то время, когда прибыла туда Анна дочь Великаго Князя Кіевскаго Ярослава, бывшая въ супружествѣ за Французскимъ Королемъ Генрихомъ I; то во всякомъ случаѣ подтвердилось Русское происхожденіе Кириловской части рукописи. Это обстоятельство вмѣстѣ съ преимуществомъ, которое, какъ доказываетъ подарокъ Императора Карла IV, было оказано Русскому духовному образованію того времени, между западными Славянами, игравшими важную роль въ исторіи Германіи, заслуживаетъ извѣстность, какъ новый фактъ, относящійся къ Русской исторіи. Не говорю уже о замѣчательности другаго обстоятельства, что на Русской рукописи, по присоединеніи къ ней Римско-Каѳолической, присягали, въ послѣдствіи, Французскіе Короли, когда она была передана Реймскому собору, гдѣ и теперь хранится. Вотъ въ чемъ заключается относительная важность открытой на рукописи приписки, съ которой у насъ не доставало перевода и на которую желалъ я обратить вниманіе любителей исторіи и древностей. Съ этой точки надобно смотрѣть и на приводимыя въ статьѣ къ переводу объясненія и историческія свидѣтельства. Что касается до монастыря, которому подарена Русская рукопись,

то изъ статьи ясно видно, что я присовокупилъ о томъ только свои догадки. Для доказательства привожу слова статьи: «По этому (т. е. по употребленію въ народъ именъ «святыхъ Іеронима и Прокопа) можно бы полагать, что «Русская рукопись была подарена какому нибудь Богемскому или Моравскому монастырю. И какъ къ этой рукописи уже въ монастырь присоединенъ составленный по «Римско-Каѳолическому обряду уставъ коронованія, то должно бы думать, что монастырь находился въ городѣ, гдѣ «короновались мѣстные владѣтели.» Я не имѣлъ права давать тогда какое либо значеніе своей догадкѣ, а тѣмъ болѣе основывать на ней свои положенія; всѣ оныя выведены изъ соображеній содержанія приписки, не касаясь того мѣста, гдѣ говорится о монастырѣ. Теперь только, когда догадка моя столь счастливо оправдалась разысканіемъ, что монастырь находится дѣйствительно въ *Богеміи* и при томъ въ самой ея столицѣ *Прагѣ*, могу, не опасаясь быть неосновательнымъ, принять этотъ фактъ въ подтвержденіе, какъ своего предположенія о мѣстѣ, гдѣ существовалъ монастырь, такъ и другой своей догадки, что Глаголитская грамота (которою писана присоединенная рукопись и приписка) была известна не только въ Далмаціи и Босніи, но употреблялась духовными лицами также въ *Богеміи*.

Читающая публика не дождалась бы возможности видѣть переводъ съ приписки Реймской рукописи въ сочиненіи г. Ганки: *sprawa o Slawenskieiu ewangelium u Remesi*. Можно быть увѣреннымъ, что въ самой столицѣ, кромѣ весьма ученыхъ, едва ли кто имѣетъ еще это сочиненіе. Какъ же предполагать такихъ счастливецевъ въ отдаленной отъ столицы губерніи? Впрочемъ, дѣйствительно ли нельзя обойтись намъ безъ этой малоизвестной брошюры? Сочиненіе г. Ганки, какъ сказано въ замѣчаніяхъ, издано недавно; слѣдственно написано послѣ статьи г. Строева, напечатанной въ жур. М. Нар. Просв. 1839 года, гдѣ такъ отчетливо и занимательно представлено все, что относится къ изслѣдованіямъ о Реймскомъ Евангеліи. Г. Строевъ былъ посланъ для осмотра Славянскихъ архивовъ въ Парижъ, лично видѣлъ и описалъ рукопись въ Реймсѣ и потомъ нашелъ — ключъ къ развязкѣ всего дѣла —

приписку на рукописи. Самый переводъ и объясненіе этой приписки сдѣланы у насъ, такъ же безъ посторонняго пособія. Г. Ганка дополнилъ только изслѣдованія г. Строева, по полученіи свидѣнія о припискѣ, указаніемъ и разъясненіями о монастырѣ. Кажется, послѣ всего этого можно утверждать, что, относительно самаго Евангелія, въ сочиненіи г. Ганки говорится о вещахъ для насъ не новыхъ.

За тѣмъ слѣдуютъ замѣчанія на нѣкоторыя слова перевода съ приписки. Считаю долгомъ объяснить: 1) *сіе* или *это* должно было поставить непременно, потому что въ Русскомъ языкѣ оно замѣняетъ частицу *то*, слѣдующую въ припискѣ послѣ *ее* (есть *то*). 2) *Апостолъ* употреблено въ переводѣ именно въ смыслъ Апостольское посланіе, какъ-то видно изъ объясненія къ переводу. 3) *Списывалъ* никто не приметъ въ несвойственномъ выраженіи: *Словянской языкъ списывалъ*. Слово *суписані* явно происходитъ отъ *со(с)писані*. 4) Слова *изгоди*, *кдѣжъ* значатъ по моему мнѣнію: *тогда*, *когда*, какъ онѣ приняты въ переводѣ и не имѣютъ ничего общаго съ частнымъ значеніемъ слова: *Нод* «празднество». Вотъ какъ произвожу я слово: *изгоди*. На Польскомъ нарѣчій говорится: *въ часъ*, *на часъ*, (во время, на время). Въ старину *часъ* (время) означалось словомъ *годъ* и оттого говорилось *въ годі*, *на годі* или *изгоди*. Русское слово: *тогда* имѣетъ такое же значеніе, происходя отъ словъ того года, *то(го) г(о)да*. 5) Сокращеніе *ѣ* скорѣе значитъ *евангеліе*, нежели *есть*. Въ первомъ случаѣ рѣчь имѣетъ смыслъ и не противорѣчитъ тому, что дѣйствительно заключается въ Кириловской части рукописи; въ послѣднемъ она не имѣла бы смысла. 6) Слова *кю грѣви* (къ гробови), которыя я перевожу: *ко гробу* или *по гробъ* ясно видны въ припискѣ, а слова *чѣртѣ* въ ней нѣтъ. Извѣстно, что въ титулахъ Славянскаго писема подразумевались какъ гласныя, такъ и согласныя буквы. Такимъ образомъ ни одно изъ замѣчаній, какъ-то явствуетъ, не имѣетъ такой важности, чтобы требовало въ чемъ либо измѣненія перевода, а тѣмъ болѣе положеній, выведенныхъ изъ содержанія приписки; особенно въ главномъ, что Кириловская рукопись есть Русская и подарена монастырю Римскимъ Императоромъ Карломъ IV. Какое же могутъ

имѣть значеніе другія «мелкія неточности» перевода, которыхъ не сочтено даже пужнымъ указывать.

Въ заключеніе замѣчаній сказано, что вопросъ о Реймскомъ Евангеліи требуетъ еще многихъ изслѣдованій. Кто будетъ спорить, что предметы древности едва ли когда либо могутъ быть изслѣдованы вполне. Подобныя изслѣдованія часто идутъ въ безкопечность*. Но неизвѣстность многихъ подробностей и желаніе продолжать изысканія до конца, не должны лишать науку полученныхъ результатовъ, когда главные факты исторической достовѣрности памятника найдены. Къ такому роду памятниковъ принадлежитъ теперь Реймская рукопись.

Прочитавъ № 56 Литературной Газеты и 5-ю книжку Отечественныхъ Записокъ, съ удовольствіемъ вижу, что Реймская рукопись обратила вниманіе Русскихъ Славянофиловъ. Имѣсть съ тѣмъ удостовѣряюсь, что свѣдѣнія, сообщенныя въ тѣхъ повременныхъ изданіяхъ, по случаю письма г. Строева къ г. Ганкѣ (о которомъ упомянулъ въ выноскѣ), не представляютъ ничего такого, что могло бы переимѣнить мнѣніе, которое составилъ себѣ по припискѣ и извѣстнымъ уже разысканіямъ о той рукописи и объяснилъ въ своемъ отвѣтѣ. Статья г. Дубровскаго изъ Варшавы въ Литературной Газетѣ знакомитъ Русскую публику съ подробностями брошюры г. Ганки относительно основанія монастыря Карломъ IV и житія Св. Прокопа Богемскаго. Въ письмѣ г. Срезневскаго изъ Праги въ свѣси Отечественныхъ Записокъ помѣщена новая копія, гражданскими буквами, Глаголитской приписки со снимка, приложеннаго къ брошюрѣ г. Ястржембскаго, осматривавшаго Реймскую рукопись на мѣстѣ, по порученію бывшаго Французскаго министра Сальванди. Копія, церковными бук-

* Изъ письма г. Строева къ г. Ганкѣ, напечатаннаго въ № 41 Сѣвер. Пчелы вскорѣ послѣ замѣчаній, видно было желаніе его удостовѣриться, кѣмъ писана Русская рукопись Реймскаго Евангелія: святымъ ли Прокопомъ, какъ объясняетъ г. Гапка, или какимъ нибудь свидѣникомъ, въ которомъ именно году и какимъ образомъ перешла она изъ рукъ въ руки во владѣніе, до появленія своего въ Реймсѣ. Очень вѣроятно, что эти вопросы никогда не будутъ рѣшены окончательно.

вами, той приписки со снимка г. Строева, напечатанная въ Сѣверной Пчелѣ и съ которой сдѣланъ мой переводъ, прислана г. Строеву изъ Вѣны извѣстнымъ Славянофиломъ г. Копитаромъ. Которому же снимку отдать преимущество? Въ снимкѣ г. Ястржембскаго являются новыя слова или написанныя иначе нежели у г. Строева. Именно: *опѣтъ* (опать *) вмѣсто *отѣцъ* (отець), дважды; *Иенжъ* (иже) вмѣсто *в неижъ* (въ которой); *подль* (по) вмѣсто *по ѣрь* (по вѣрь); *ѣ сті* вмѣсто *есті*; *к осливънѣтому то* (къ прославленію тому-то) вмѣсто *к ославънѣтому* (знаменитому), *чверті* вмѣсто *кю грѣві*. Если примемъ снимокъ г. Ястржембскаго за вѣрнѣйшій и положимъ, что въ подлинникѣ *чтврті* замѣняетъ слова: *ки грѣві*; то все же перемѣна какъ этихъ, такъ и прочихъ выписанныхъ словъ дѣлая вѣрнѣйшимъ переводъ въ буквальный смыслъ, не перемѣнитъ содержанія моихъ выводовъ, что легко повѣрить сличеніемъ. Довольно правдоподобно, что вмѣсто *есті* въ подлинникѣ написано: *ѣ сті* (есть святой). Тогда въ моемъ переводѣ вмѣсто: *писана собственною рукою отца Прокопа*, должно читать *писана собственною рукою отца (аббата) св. Прокопа*. Но если допустить такое вѣроятное предположеніе и что даже здѣсь разумѣется Богемскій Св. Прокопъ; то это открытіе, дѣлающее большую честь рукописи *Русскаго закона*, представляетъ однакожь новый вопросъ къ изслѣдованію: не приписана ли переписчикомъ Русская рукопись святому (умер. 1053), для большаго ея уваженія, а не потому, что дѣйствительно писана святымъ? Такъ, отъ одного изслѣдованія надобно переходить къ другому; а между тѣмъ *исторія* должна ограничиться, какъ и прежде, одними найденными фактами и принять только *эпоху, не позже которой писана Русская рукопись* (1378 г.). *Содержаніе Глаголитской части рукописи*, и послѣ объясненій Гг. Ганки и Ястржембскаго, должно принять въ такомъ видѣ, какъ можно понимать изъ приписки, что она заключаетъ въ себѣ Евангеліе и Апостольское посланіе, пѣтыя въ торжественномъ случаѣ. Разница только въ томъ, что если принять слово *под коруну* въ винительномъ падежѣ: *под коруне* (ѣ), какъ

* Опать то же что аббатъ.

я принялъ, то надобно сказать: *птыя когда при короно-*
ваніи отецъ аббатъ служитъ обѣдно. Понимая его въ
такомъ значеніи, я называю Глаголитскую рукопись уста-
вомъ коронованія. Если же принять эти слова въ твори-
тельномъ падежѣ: *под коруно* (а), какъ читаетъ г. Ганка,
то будетъ: *птыя когда отецъ (аббатъ) въ коронь слу-*
житъ обѣдно. Г. Ястржембскій не переводитъ буквально
слово *под коруно*. Онъ такъ выразился въ своемъ перево-
дѣ: *Ils doivent être chantés durant l'anée; pendant que*
l'abbé officie pontificalement. Эти соображенія считаю
нужнымъ привести въ дополненіе къ моимъ поясненіямъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВСКІЙ.

17 Августа 1840 г.

Херсонъ.

—

I.

ДРЕВНІЯ АНГЛІЙСКІЯ БАЛЛАДЫ

О РОБИЩЪ-ГУДЪ.

Хотите ли познакомиться съ духомъ какого либо народа, съ тѣми законами, которые одинаково управляютъ какъ частнымъ развитіемъ жизни отдельныхъ лицъ, такъ и жизнью цѣлыхъ массъ, однимъ словомъ, хотите ли узнать то, что обыкновенно зовется идеею народа, прочтите его первыя поэтическія произведенія. Они не суть ея единственные представители, тутъ она видна не больше какъ и въ другихъ явленіяхъ жизни; но дѣло въ томъ, что она высказывается здѣсь языкомъ простымъ и понятнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Исторіи политической эта основная мысль затемнена множествомъ эпизодовъ, подчинена множеству обстоятельствъ, не зависящихъ отъ народа, за которымъ вы слѣдите. Въ твореніяхъ искусства, часто, прежде нежели составится собственное, самостоятельное направленіе, оно подчиняется вліянію тѣхъ, отъ кого приняты и любовь къ искусствамъ; и самыя формы его. Въ мірѣ умствен-

Т. IV. — Кн. IV.

номъ частныя идеи и частныя стремленія каждаго народа такъ поглощаются общимъ движеніемъ всего человѣчества, что какъ ни разсматривашь ходъ наукъ, во всякой отдѣльной строкѣ, находишь по видимому одну жажду познаній, неподчиненную никакому вліянію національности.

Только въ первыхъ твореніяхъ поэзіи народъ является вамъ во всей простотѣ своей. Слово ближе къ сердцу, чѣмъ всякая другая форма выраженія; между ними нѣтъ никакихъ матеріальныхъ посредниковъ, останавливающихъ или замѣняющихъ то, что хочетъ высказать душа — мысль уже сдѣлалась словомъ въ ту минуту, какъ стала мыслию. Потому не удивительно, что первые образы, какіе создаетъ себѣ народная фантазія, и ярче и яснѣе отражаются въ поэзіи, чѣмъ во всѣхъ другихъ формахъ и фактахъ, болѣе сложныхъ и болѣе порабощенныхъ разными внѣшними условіями. Всѣ первоначальныя убѣжденія, всѣ вѣрованія и ощущенія, волнующія душу, живутъ въ этихъ образахъ, и поэзія такимъ образомъ становится вѣрнымъ изображеніемъ народности.

Раскройте летописи Греціи, познакомтесь и съ кровавыми законами Дракона, и съ мудростію Солона художнически изъяснаго въ самомъ правѣ и съ Спартянцами, воздвигшими себѣ кумирь въ своей любви къ отечеству, вы узнаете всѣ подробности Греческой исторіи, но предъ вами еще не обрисовуется классическая Греція во всей ея цѣлости. Разсматривая все это, умъ теряетъ въ частности, и отъ взгляда его ускользаетъ то, что всему вмѣстѣ дало названіе Греціи. Прочитайте Илиаду и Греція предъ вами во всемъ ея *классическомъ величьи*, во всей художественной лѣпотѣ, если можно употребить это выраженіе. Илиада какъ бы влючь къ раз-

бирлянню іероглифовъ жизни древнихъ Грековъ; однажды вы нашли его и во всемъ другомъ читаете уже одиѣ частности и подробности, ницеге какъ бы подтвержденія справедливости вашихъ заключеній и действительно соглашаетесь, что Греція и классическое искусство два слова синонимическія.

Изучайте исторію Франціи — и въ управленіи первыхъ королей ея, въ доблестномъ мужествѣ Балярда, въ кровожадномъ фацитизмѣ ея католицизма, въ пламенной любви къ народу Генриха IV, въ ужасномъ преступленіи Равалька, въ рыцарствѣ Франциска I, въ безпредѣльномъ самовластіи Людовика XIV, и въ буйствѣ Французовъ XVIII вѣка, вамъ откроются всѣ тайны Французской Исторіи; но гдѣ выскажется вамъ такъ просто, такъ безискусственно Французскій характеръ со всею его веселостію, со всеми тревогами непостояннаго сердца, не привыкшаго подчиняться разуму, какъ въ пѣсняхъ Трубадуровъ, преобразившихся въ буйныя крики неистовой Марсельезы, въ веселія и игривыя пѣсни Беранже, и наконецъ въ легкіе водевилы нашего времени?

Допустивъ, что первое народное вдохновеніе въскрываетъ духъ народа, вы также должны допустить, что знаніе народа всегда можетъ быть указателемъ и характера и направленія первыхъ его поэтическихъ произведеній. Приложимъ это къ Англіи. Передъ вами ея исторія — что видите вы здѣсь? Съ первыхъ дней существованія, она стремится къ утвержденію законности, къ строгой положительности; вездѣ разумомъ владеть оковы на безсознательное чувство и въ Уиклефѣ «первой звѣздѣ реформации; the morning star of reformation,» какъ называютъ его Англичане; и въ теоріи тяготѣнія Ньютона, твердымъ

путемъ анализа разрушившей старыя повѣрья; и въ драматическихъ твореніяхъ Шекспира, уничтожившихъ рабское подражаніе древнимъ образцамъ и давшихъ чувству и мысли не условныя, но дѣйствительно живыя формы. Тотъ же испытующій, анализирующій разсудокъ властвуетъ и въ политической жизни народа, мало заботящейся о голосѣ сердца, и въ промышленномъ направленіи страны, и въ слабомъ развитіи художественнаго чувства. Изучите всѣ стороны жизни *всегда разсудительныхъ* Британцевъ, и вы невольно въ самыхъ первыхъ твореніяхъ Британской музы, будете искать перваго лепета разсудка. Вы и не ошибетесь: первый шагъ разсудка, если и не послѣдній, понятіе о личныхъ выгодахъ; въ народѣ онъ обнаруживается желаніемъ пріобрѣсти себѣ твердыя и неизмѣнныя права. Такииъ явился онъ и въ древней поэзіи Британцевъ: самыя древнія поэтическія ихъ произведенія—баллады, и здѣсь разсудокъ предписываетъ сердцу законы и его идеальныя порывы хочетъ склонить подъ иго дѣйствительности. Здѣсь творенія фантазіи подчиняются исторической истинѣ. Трудно найти другое произведеніе, въ которомъ бы такъ рѣзко, какъ въ *Робинъ-Гудъ* (Robin Hood), одной изъ древнѣйшихъ Англійскихъ балладъ, выказано было стремленіе коренныхъ жителей Англіи сбросить иго, наложенное на нихъ Норманами и возстановить права, нарушенныя завоеваніемъ, или даже воспользоваться самымъ игомъ и вмѣстѣ съ выкупомъ свободы страны, купить и свободу закона.

Если бы отъ древней Англіи не осталось ни памятниковъ, ни преданій глубокой старины, однѣ баллады о Робинъ-Гудѣ рассказали бы тогдашнее ея состояніе. По счастью исторія сохранила для насъ весь бытъ древнихъ Британцевъ и потому мы въ подтвержд-

деніе нашихъ словъ, взглянемъ сначала на жизнь ихъ и потомъ повѣримъ, такъ ли она передана въ поэтическихъ разсказахъ ихъ старыхъ бардовъ.

Какой бы ни взяли народъ древняго міра, надобно начинать его исторію со времени баснословныхъ или съ «мрака неизвѣстности;» какой народъ ни возьмете въ новой западной исторіи, непременно начнете съ Рима, для васъ почти баснословнаго. И такъ къ Римлянамъ.

Римляне, считая Англію, или тогдашній Албіонъ, въ числѣ своихъ владѣній, никогда не покоряли ее такъ, какъ они покорили южную часть Европы. Въ сѣверныхъ частяхъ Британіи они встрѣчали непреодолимое сопротивленіе, вообще же во всей странѣ не рабскую покорность подданныхъ, но простое повиновеніе сильному завоевателю. Они не могли ни преобразовать нравовъ туземцевъ, ни заставить ихъ говорить своимъ языкомъ; Британцы съ упорствомъ отвергали нравы и языкъ Римлянъ. Въ трехъ словахъ лѣтописи: *Lingua romanam abnucebant*, сохранилось вѣрное сказаніе о непокорномъ духѣ жителей Британіи. Правда, знатнѣйшіе вельможи кончили тѣмъ, что научились Латинскому языку; но онъ никогда не могъ сдѣлаться языкомъ общеупотребительнымъ. Вотъ почему едва только варварскіе народы освободили міръ отъ владычества Римлянъ, первая пѣсня освобожденія отъ иго чужеземнаго гнета звѣла въ Британіи. Такъ говорятъ объ этомъ древніе Англійскіе лѣтописцы: «Цезарцы (они разумѣютъ подъ этимъ словомъ Римлянъ, потому что для Британцевъ Римскіе солдаты всегда были чужеземнымъ войскомъ). Цезарцы, притѣсняя островитянъ въ продолженіи 400 лѣтъ и собирая съ нихъ по 3,000 фунтовъ серебра ежегодно, наконецъ увхали въ Римъ

для обороны его отъ нападенія черной орды. По отъздѣ своемъ, они оставили однѣхъ только женщинъ и маленькихъ дѣтей, которые и сдѣлались Камбрийцами.»

И такъ едва Римскіе солдаты оставили Англію, въ ней снова возникло туземное поколѣніе Бретонцевъ. Это случилось въ V столѣтіи, и въ тоже время въ древнемъ Альбіонѣ псчезли все слѣды Римскаго владычества. Отъ всего многовѣковаго могущества ихъ въ Англіи осталось одно христіанство. Но отдаленность страны, несходство характера ея жителей съ характеромъ Римлянъ, нелюбовь къ завоевателямъ и самый климатъ сдѣлали то, что и въ этомъ отношеніи Британское христіанство носило уже въ себѣ зерно ереси и отдѣленія отъ Римской церкви.

Все это вмѣстѣ весьма много поддерживало національность Англій, и слѣдовательно отдаляло ее отъ слиянія съ остальною Европою.

Три различные народа, вторгавшіеся одинъ послѣ другаго въ ея предѣлы и поочередно ее покорявшіе, ни сколько не измѣнили ея національности. Саксонцы, Датчане и Норманцы привесли съ собою свои обычаи, свои нарѣчія, но не могли уничтожить туземнаго характера Британцевъ. Быстрое смѣненіе однихъ другими, ненависть къ завоевателямъ, которая не имѣла времени сгладиться ни родственными связями, ни сличіемъ языка, все способствовало къ уменшенію національности. Правда, что все три завоеванія оставили по себѣ слѣды, особенно замѣтные въ языкѣ, въ которомъ Англичане считаютъ три эпохи: *British-saxo*, *Danish-saxo* и наконецъ *Norman-saxo*, положившія основаніе настоящему языку Британціи. Но самая легкость измѣщенія его при каж-

домъ новомъ завоевательъ показываесть скорѣе небольшою данью, платимую сильному, нежели сліяніе языковъ, всегда имѣющее своимъ основаніемъ сближеніе понятій и чувствъ народа завоеваннаго съ завоевателями.

Въ продолженіи войны Саксонцевъ съ Датчанами, Англія была управяема королемъ, великимъ человекомъ. Это былъ Альфредъ Великій, сдѣлавшій для народа все, что можетъ сдѣлать властитель съ полудикими племенами, желая образовать ихъ. Образованность вводится только временемъ; не смотря на то, что Альфредъ Великій всеми способами покровительствовалъ знанію, работалъ самъ на литературномъ поприщѣ и наконецъ успѣлъ ввести науку и литературу въ Англію, народное образованіе въ ней все-таки не сдѣлало большихъ успѣховъ.

Является Вильгельмъ Завоеватель, одерживаесть знаменитую побѣду при Гастингсѣ и все падаетъ предъ его могуществомъ. Онъ истребляетъ множество знатныхъ Саксонцевъ, избѣгнувшихъ смерти на полѣ битвы, грабитъ церкви и монастыри, изгоняетъ епископовъ, заводитъ черную книгу, куда вписываются все подозрительные, то есть все знатные и богатые, онъ разоряетъ ихъ въ конецъ и на мѣсто ихъ возвышаетъ Норманцевъ и Французовъ.

Казалось, не было уже болѣе Англіи, такъ подумалъ бы всякій, взглянувшій на вѣшнюю сторону жизни ея обитателей, такъ думалъ и Вильгельмъ, и былъ въ полной увѣренности, что однимъ махновеніемъ его воли, онъ можетъ воздвигнуть Нормандію на земляхъ Англійской. Но сила времени была здѣсь могущею воли человеческой; то, что зиждется вѣками, непременно вѣками же и уничтожается. Исто-

рѣя и люди долго споря о законности правъ своихъ, наконецъ вѣковыми опытами кажется подписали одно взаимное условіе: люди могутъ измѣнять только формы, духъ народа подчиненъ одному времени, въ тишинѣ и спокойствіи развивающему тѣ законы, какими Провидѣніе подчинило каждый уголокъ земли и каждое поколѣніе. Правда, измѣненіе формъ иногда бываетъ такъ обманчиво, что кажется какъ будто бы произошло совершенное измѣненіе всего народа; такъ повидимому случилось въ Англии во времена Завоевателя. Все сдѣлалось Норманскимъ, скрѣпясь національные нравы, исчезли древніе обычаи, одни только старые напѣвы дѣдовъ и идиотизмы языка напоминали Англичанамъ, что они законные сыны Британіи, и противъ воли обнаруживали ихъ нелюбовь къ чужеземнымъ пришельцамъ. Идиотизмы языка играютъ весьма важную роль въ объясненіи тѣхъ темныхъ мѣстъ исторіи, для которыхъ часто не достаетъ другихъ указателей. При всякомъ смѣшеніи народовъ мы находимъ удивительное отношеніе между господствомъ словъ въ языкѣ и господствомъ поколѣній. Слова принимаются не произвольно, каждое принятое и утвердившееся слово непременно указываетъ на введеніе новаго понятія, а укорененіе своихъ понятій въ другихъ есть первый и самый вѣрный знакъ господства. Во времена Норманскаго владычества надъ Англіею, исторіа молчитъ о существованіи и значеніи Британцевъ; здѣсь грамматика дѣлается лѣтописью и уцѣлѣвшія формы языка Англійскаго, какъ несокрушимые памятники остаются твердыми защитниками постоянной неизмѣнности Англійской національности.

Напрасно Завоеватель, одинъ изъ самыхъ ужасныхъ завоевателей, думалъ искоренить все туземное: онъ овладѣлъ монастырями, замками, цѣлуществомъ, зе-

мьями, жнани новыхъ своихъ подданныхъ, онъ посягнулъ на ихъ древнїе обычаи и домашнїй бытъ, заставилъ измѣнить образъ жизни, и веселымъ Британцамъ не позволялось даже въ шесть часовъ вечера имѣть огонь въ домахъ. Все покорилось Вильгельму, однѣ формы языка и народная поэзія остались непокоренными, не смотря на то, что противъ нихъ предпринимали всѣ возможные мѣры, употребляя и силу и искусство. Въ судахъ не принимались ни свидетельства, ни даже клятвы, если онѣ произносились по-англійски. Монастыри, единственные источники просвѣщенія, школы, все перешло въ руки Французовъ и Норманцевъ. Этого мало, завоеватели хотѣли предписать законы самой народной поэзіи: Труверы и Трубадуры безпрестанно приходили въ Лондонъ, самъ король Ричардъ Львиное Сердце писалъ стихи на Французскомъ языкѣ. Нежность южныхъ пѣсней, прїятность напѣвовъ нравились грубому уху Британцевъ, но они не могли выразить ими собственныхъ чувствъ своихъ.

Рыцарскіе романы и поэмы были въ ходу между знатными, здѣсь какъ и вездѣ всего меньше привязанными ко всему національному, но народъ не принималъ въ нихъ участія. Онъ изъ среды себя выбралъ героя своихъ пѣсень и ваяя рыцарскія поэмы превратилъ въ полныя жизни, хотя и довольно грубыя, народныя баллады. Робинь-Гудъ былъ героемъ самыхъ древнѣйшихъ балладъ и пѣсней туземцевъ.

Удалые его подвиги питали чувство Англійской народности въ продолженіи его жизни, а множество балладъ, на нихъ сочиненныхъ, переходя изъ рода въ родъ, сдѣлались завѣтными преданіями, развивали это чувство и въ отдаленныхъ поколѣнїяхъ и

такимъ образомъ поддерживали постоянное стремленіе Англичанъ къ пріобрѣтенію права и утвержденію непоколебимой законности.

Во всѣхъ того времени балладахъ дышитъ непокорный духъ и простая веселость древней Англій; въ нихъ видно національнаго характера болѣе, нежели во всѣхъ пѣсняхъ классическихъ бардовъ. Языкъ ихъ много измѣнялся въ устныхъ преданіяхъ, которыми переходили онѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію со времени короля Іоанна до начала книгопечатанія; но и чувства и составъ ихъ остались совершенно древне-британскими. Они написаны не одними поэтами, но многими и составлены изъ мелкихъ рассказовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видно направленіе Шотландское, въ другихъ дышитъ природа береговъ Англій; но славнѣйшая часть и самая замѣчательная принадлежитъ Ноттингамширу, Ланкаширу, Дербиширу и Йоркширу. Впрочемъ всѣ онѣ, не смотря на частное различіе, чисто Англійскаго или лучше Британскаго происхожденія.

Немногія изъ нихъ были вѣроятно написаны какимъ нибудь веселымъ юманомъ (yeoman), богатымъ гражданиномъ того времени, не слишкомъ любимымъ народомъ. Зажиточнымъ обывателямъ тоже правилось охотиться въ лѣсахъ и они скоро свыкались съ свободою и удалствомъ лѣсныхъ жителей. Но мы скорѣе готовы смотрѣть на эти баллады, какъ на произведенія деревенскихъ стихоплетовъ, менестрелей низшаго разряда, которые, при своихъ сельскихъ занятіяхъ, были въ тоже время бардами своего околка и историками своего прихода и воспѣвали свой деревенскій очагъ въ грубыхъ римахъ и еще болѣе грубыхъ легендахъ. Въ нихъ играли роли деревенскіе герои и романтичес-

скіе рассказы крестьянъ передавались съ тайными украшениями, какія только могли быть доступны грубому вкусу разсказчика. Повторимъ еще разъ, что эти баллады живописны, но грубы; въ нихъ часто не достаетъ гармоніи и той послѣдовательности звуковъ, какіе хотѣли бы найти строгія требованія нашего времени. Обыкновенно слова сопровождались музыкою, недостатокъ размѣра замѣнялся искусствомъ пѣвца, къ тому же умъ древнихъ Британцевъ довольствовался простымъ, единообразіемъ голоса, находилъ пріятность не столько во искусной его обработкѣ, сколько въ чувствѣ, проникающемъ музыканта-поэта. По тому-то и сочинители балладъ мало заботились о плавности словъ, о гармоніи размѣра или о звучности рима. Подчиняя сочиненія ихъ всѣмъ условіямъ современнаго механизма стихосложенія и современнымъ требованіямъ ума, изнѣженнаго музыкальностью стиховъ и ихъ правильностію, мы не найдемъ въ нихъ большаго достоинства. Но за то рассказъ въ нихъ чрезвычайно живъ и характеры обрисованы съглаго рукою; въ нихъ, какъ въ дѣяніяхъ прошедшаго, видны обычаи и чувства времени отдаленнѣйшихъ; въ самой формѣ изложенія довольно видишь патриархальность жителей Британіи, и часто встрѣчается многое, укрывшееся отъ наблюдательности историка. Тутъ въ простыхъ очеркахъ тогдашняго быта, высказывается чувство общаго несчастія, угнетенія и частныя бѣдствія; случается иногда, что разсказчикъ заходитъ и въ область воображенія и въ романтическихъ формахъ представляетъ картины мечтательной жизни; впрочемъ это попадаетъ весьма рѣдко, и если гдѣ и есть, то просто и безыскусственность фантастическихъ образовъ доходитъ иногда до ребличества.

Баллады о Робинь-Гудѣ отличаются страстію къ

битвамъ и наслажденіямъ, презрѣніемъ къ трусости, любовью ко всему свободному, мужественному и великодушному, и какимъ-то особеннымъ расположеніемъ къ игривости и насмѣшкамъ. Здѣсь видѣвъ первый зародышъ того юмора, который потомъ сдѣлался отличительною чертою характера Англійской литературы и даже перешелъ за предѣлы вкуса въ повѣйшихъ легкиихъ ея произведеніяхъ, какъ напр. въ Никль Никльби и проч. Разсматривая эти баллады отдѣльно отъ современнаго имъ состоянія народа, въ нихъ рѣдко можно найти какое либо поэтическое мѣсто, или прекрасное описаніе; почти во все нѣтъ ни нѣжности чувствъ, ни разнообразія, вездѣ однообразный рассказъ однообразныхъ приключеній. Но взгляните на нихъ глазами древняго Британца и съ ними не охотно разстанетесь.

Въ каждомъ стихѣ древнихъ балладъ о Робинѣ-Гудѣ отпечатаны или личный характеръ, или сцены изъ жизни удалившаго разбойника, представителя тогдашнихъ сыновъ Британіи. Вездѣ вы видите, какъ съ натянутой тетивы его лука летитъ стрѣла или въ роскошнаго сластолюбца, или въ самовластнаго шерифа; онъ нападаетъ, грабитъ и даже убиваетъ безъ всякаго состраданія и безъ малѣйшаго раскаянія. Все баллады вмѣстѣ составляютъ полное сказаніе о разгульной жизни Робина; но въ самомъ разгулѣ вездѣ обрисовывается характеръ паціи и видно время. Когда онъ бывалъ въ веселомъ расположеніи духа, онъ любилъ перерядившись мясникомъ, или торшечникомъ, заманить въ лѣсъ зажиточнаго Норманца, или Католическаго монаха, обвѣщая дешево продать товаръ, если они купятъ его гуртомъ. Здѣсь насмѣявшись надъ ними до сыта, онъ ихъ обираетъ какъ липокъ, и потомъ, или заставлялъ плясать подѣ

музыку, какую Богъ послалъ, или съ однимъ изъ своихъ разбойниковъ, *отцель Тупомъ* пѣть торжественную пѣснь радости. Когда случалось Робину провѣдать о приближеніи какого нибудь жирваго арендатора Кармильскаго, съ лошадыми навьюченными разными запасами и къ тому же съ немногими провожатыми, тогда глаза его блистали радостію и онъ говорилъ какъ бы въ какомъ-то поэтическомъ вдохновеніи. Тутъ представлялась ему и богатая пожива и еще лучшее наслажденіе удовлетворить переполненной ненависти къ заклятымъ врагамъ его, Норманскимъ хищникамъ. Онъ обыкновенно встрѣчалъ ихъ чрезвычайно ласково и даже съ наружными знаками уваженія, говорилъ будто въ восторгъ отъ того, что судьба послала ему человѣка почтеннаго и вмѣстѣ богатаго. Онъ спрашивалъ путника, полонъ ли его кошелекъ, какъ бы съ намѣреніемъ дать ему денегъ; но горе бывало тому, кто при этомъ скрывалъ отъ него свои богатства.

Робинъ-Гудъ былъ отличенъ отъ всѣхъ патріотовъ, о которыхъ мы находимъ преданія въ старыхъ рассказахъ и въ исторіи; не смотря на то, онъ дѣйствительно былъ патріотомъ и никогда не искалъ въ любви къ отечеству прикрытія своихъ хищничествъ. Напротивъ онъ былъ разбойникомъ во мнѣніи всѣхъ и въ своемъ собственномъ, но въ самомъ разбоѣ мщеніе за угнетенныхъ согражданъ было главнымъ руководителемъ его поступковъ; часто съ нимъ спорила любовь къ золоту, но большею частію эти два чувства соединялись. Такъ и должно быть, потому что тогда въ Англійи богачь и Норманецъ могли считаться словами синонимическими. Его сравнивали съ Уалласомъ, Робъ Роемъ и другими. Уалласъ (Wallace) былъ челоувѣкъ высокой

души, но божье мрачный и далеко превосходящий благородством Робинза, Чтобы полюбоваться смертию Норманца, онъ былъ готовъ отказаться отъ богатствъ своего свѣта; мысль объ освобожденіи отечества не потемнѣлась у него никакою ипокою мыслию. Робъ Рой, въ которомъ котятъ найти сходство съ Шервудскимъ разбойникомъ, не былъ ни такъ забавенъ, ни такъ честенъ, какъ Робинъ. Характеръ сего послѣдняго болѣе кажется принадлежалъ собственно ему, нежели сословію, изъ котораго онъ происходилъ.

Онъ не любилъ проливать крови, охотно падалъ жизнь тѣхъ изъ своихъ плѣнниковъ, которымъ она была дорога, и былъ такъ неженъ и попечителенъ къ женщинамъ, какъ немногіе изъ рыцарей. Защита Англійскихъ гражданъ и покровительство женщинамъ и дѣтямъ, были неизмѣнными руководителями его поступковъ. Онъ никогда не трогалъ ни земледѣльца, ни лодочника, ни пастуха, вообще былъ покровителемъ и другомъ всѣхъ поселянъ, и горе приору, или Норманцу, которому бы вздумалось ихъ угнетать или обирать. На всѣхъ вдовъ и сиротъ смотрѣлъ онъ какъ на находящихся подъ непосредственнымъ его попеченіемъ, и гдѣ бы онъ ни проходилъ, вездѣ и старухи и молодья женщины и дѣти принимали сго съ восторгомъ и радушіемъ въ благодарность или за спасеннаго сына, или за защищеннаго мужа, или за сго ласковое обхожденіе.

Личная сила разбойника не соответствовала его дѣятельности; но его благоразуміе такъ далеко ее превосходило, что онъ рѣдко встрѣчалъ надобность и въ той небольшой силѣ, которою надѣлила его природа или лучше баллады и пѣсни: всегда и вездѣ готовы у него были новые планы и новая удов-

кл. Первымъ его наслажденіемъ было встрѣтить и разумеется обоорать какого нибудь шерифа, или выманивающаго деньги Католическаго аббата; все это въ темномъ лѣсу подъ древесною зеленью; вторымъ — столкнуться съ служителемъ какого нибудь владѣльца, который съ барскою спѣсью не хотѣлъ уступать дороги властателю лѣсовъ — Робину, и осязаявался защищать свое право мечемъ или дубиною. Гончаръ или мѣдникъ, которому бы удалось отразить мечъ Робина, принимался имъ въ товарищи. Такого рода людьми онъ пополнялъ свою шайку, когда случалось, что естественная смерть, или стычка уменьшали число его сподвижниковъ и для того, чтобы быть принятъ въ его службу, необходимо надобно было превзойти его въ искусствѣ владѣть мечемъ и дубиною; въ стрѣляннѣ изъ лука онъ не находилъ себѣ соперника. Онъ обладалъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и былъ пріятель въ общеніи до того, что часто многихъ заставлялъ мѣнять удовольствія свѣта на вольную, разгульную и деселую жизнь Шервудскаго разбойника.

Вальтеръ Скоттъ кажется сомнѣвался въ знаменитости рода Робинъ-Гуда, впрочемъ и трудно представить на это вѣрныя доказательства; но не смотря на все сомнѣнія, почему-то въ народныхъ преданіяхъ онъ остается природнымъ графомъ. Онъ родился, какъ возполагаютъ, въ Ноттингамширѣ въ 1160 году, то есть въ царствованіе Генриха II. Въ молодости онъ былъ, какъ говорится, взбалмашень и дикъ, промоталъ часть отцовскаго наслѣдства, оставшее же у него отняли соединенными силами шерифъ и аббатъ. Это привело его въ отчаяніе, оставило избрать темный боръ своимъ жилищемъ; и здѣсь то въ огромныхъ лѣсахъ, принадлежавшихъ къ Ноттин

гаму и занимавшихъ многія графства, велъ онъ свободную и разгульную жизнь съ своими товарищами, собранными при помощи его глубокаго знанія человеческого сердца и скоро привыкшими высоко цѣнить атамана, который хорошо обдумывалъ свои планы, и смѣло и успѣшно умѣлъ приводить ихъ въ исполненіе. Въ непродолжительномъ времени слава его распространилась по всему острову, и съ своими капитанами, выбранными имъ самими, такими, какъ напримѣръ Маленькій Джоуъ, Уильяма Скарлетъ, отецъ Тунъ и Алванъ-э-Дель, онъ разгуливалъ по лѣсамъ, наводилъ ужасъ на разбогатѣвшихъ Норманцевъ.

Маленькій Джоуъ былъ любимымъ его капитаномъ, его звали маленъкимъ, какъ часто зовутъ въ народѣ людей огромнаго роста; въ самомъ дѣлѣ онъ былъ четырнадцать футовъ, то есть въ двѣ сажени вышиною. Уильяма (Will) было сокращенное имя Уилліама.

Преданіе говоритъ, будто бы кака-то молоденькая красавица полюбила живые глаза и лѣсное удалство Робина и сопутствовала ему во многихъ его походахъ; но этого нѣтъ ни въ одной балладѣ.

Ритсонъ, собравшій множество балладъ о Робинѣ, такъ говоритъ объ немъ въ одномъ мѣстѣ: «Въ глубокихъ лѣсахъ обиталъ онъ съ своими товарищами, какъ независимый властитель, бывъ въ безирерывной войнѣ со всѣми, исключая бѣдныхъ, нищихъ, угнетенныхъ, обиженныхъ и вообще тѣхъ, которые нуждались въ его покровительствѣ.» Такой дикой жизни весьма много способствовала и тогдашняя лѣсистость Англій; олени доставляли пищу каждому, кто умѣлъ стрѣлять изъ лука; развалины какой-ли-

бо башни, пастушьи хижина пещера, или кустарникъ служили ночнымъ убъжищемъ, и тутъ разбойники, не привыкшіе къ роскоши, устраивали свои ночлеги; наконецъ богатые путешественники и аббаты, возвращавшіеся домой съ собранною ими десятиною, наполняли казну Шервудской шайки и доставляли имъ возможность носить славное зеленое Линкольнское сукно на полукафтаныяхъ и пить превосходныя вина изъ дорогихъ кубковъ на ихъ пиршествахъ.

Драйтонъ, одинъ изъ самыхъ искуснѣйшихъ стрѣлковъ своего времени, такъ описываетъ шайку Робина. (Чтобъ быть ближе къ подлиннику, мы переведемъ прозою звучные стихи этого поэта,—Шекспирова современника).

«Сотня удалыхъ ребятъ была у этого Робина всегда готова на призывъ его; всѣ были славные стрѣлки. Они были одѣты въ Линкольнское сукно, въ красныхъ и голубыхъ шапочкахъ. Каждый изъ нихъ зналъ звукъ короткаго, искривленнаго рога своего товарища, когда тотъ, приложивъ къ нему губы, затрубить и эхо разнесетъ по горамъ и по долинамъ его пронзительный голосъ. Перевязи ихъ были усажены гвоздяными головками и переброшены черезъ плечо, къ нимъ вънизу были прицѣплены ножи и колчаны; при поясѣ висѣлъ короткій мечъ, щитъ былъ не болѣе четверти. Кто наносилъ удары ниже колѣна, того не считали человекомъ. Луки у нихъ были чрезвычайно крѣпки, всѣ они были сдѣланы изъ Испанскаго тису и каждая стрѣла была не менѣе добраго аршина. Въ стрѣляньи изъ лука они были неизмѣримо искусны, и древки и перо стрѣлы были превосходно отдѣланы; древки были склеены изъ березы и бразильскаго дерева, для того, чтобы

струны могли летать не болѣе перемѣны погоды. Когда пускали ихъ, они издавали такой звукъ, что можно было слышать его за милью.»

Въ одномъ мѣстѣ, тотъ же поэтъ говоритъ о томъ, какимъ образомъ жилъ Робинъ:

«Обильную добычу, частехонько собираемую нмъ съ богатыхъ аббатовыхъ сундуковъ, онъ раздавалъ бѣднымъ. Ни одинъ знатный не проходилъ по дорогѣ безъ того, чтобъ прежде нежели онъ пройдетъ, не заплатить Робину пошлины за проѣздъ.»

Такимъ-то путемъ Робинъ отразилъ дважды нападенія королевскихъ войскъ на Шервудъ и Ворнесдалъ, пролилъ много крови въ схваткахъ съ шерифами и странствующими рыцарями и хозяйничалъ въ лѣсахъ до тѣхъ поръ, пока старость и болѣзнь не заставила его въ первый разъ въ жизни прибѣгнуть къ лекаркѣ (знахаркѣ). Всѣ средства его были—гибкій умъ, всегда-готовый къ его услугамъ, и умѣнье стрѣлять изъ лука, въ чемъ онъ не находилъ себѣ равнаго.

Лавцетъ его родственницы игуменьи Кирклейскаго аббатства въ Йоркширѣ освободилъ и Англійское католическое духовенство и самую страну отъ сильной руки Робина, на котораго не дѣйствовали ни угрозы правительства, ни проклетія Римской церкви.

«Таковъ,» восклицаетъ Гатсонъ, «былъ копецъ Робина, который въ вѣкъ варварства и тиранства Норманцевъ умѣлъ сохранить духъ Англійской народности. Народъ видѣлъ въ немъ единственнаго защитника, за то и любилъ его и на зло всѣмъ проклетіямъ его враговъ и выдумкамъ, безславившимъ его

имя, Робинь остался бессмертнымъ въ памяти со-
отечественниковъ.»

И исторія, и пѣсни, и баллады высоко превоз-
носятъ личный характеръ Робина. Мажоръ назы-
ваетъ его самымъ человеколюбивѣйшимъ разбой-
никомъ; Камденъ, на котораго всего болѣе мож-
но положиться, самымъ благороднѣйшимъ изъ всѣхъ
воровъ. Въ драмахъ его выставляютъ героемъ со
всеми лучшими качествами человека. Онъ былъ
не только предметомъ балладъ, пѣсней и драмъ,
но перешелъ во многія пословицы; вездѣ его ста-
вятъ какъ неподражаемаго мастера стрѣлять изъ
лука; часто народъ клянется его лукомъ и его до-
бродою. Въ Шотландіи и Англіи были нѣкогда въ
честь его учреждены пиршества. До сихъ поръ мно-
гіе приходятъ на его могилу; колодезь, изъ котора-
го онъ пилъ, доселѣ удерживаетъ его имя, и въ Фа-
уэтенскомъ аббатствѣ, мѣстѣ, прославленномъ его
похожденіями и встрѣчею съ отцемъ Курталемъ,
недавно еще показывали лукъ и стрѣлы, нѣкогда ему
принадлежавшіе.

Все это доказываетъ, что Робинь-Гудъ былъ лице
дѣйствительно историческое; но былъ ли онъ такимъ,
какимъ представляютъ его въ балладахъ, это дру-
гой вопросъ. Впрочемъ рѣшеніе подобнаго вопроса
не имѣетъ ни какой важности въ отношеніи къ
исторіи и еще менѣе должно останавливать насъ въ
разсужденіи Англійскихъ балладъ. Дѣйствительно
ли Робинь былъ значительнымъ безпрестанно уни-
чтожаемымъ правъ Британцевъ, или эти баллады
были выраженіемъ горькаго чувства древнихъ остро-
витанъ угнетенныхъ Норманнами, во всякомъ случаѣ
онъ высказываютъ намъ первое стремленіе Англи-
чанъ къ утвержденію истинной народности, стрем-

леніе вызванное характеромъ народа, поддерживаемое обстоятельствами и мѣстностію страны, двумя элементами, отъ которыхъ всего болѣе за виситъ и самый этотъ характеръ и даже, можно сказать, подъ вліаніемъ которыхъ онъ и образуется.

Желая представить самыя баллады на собственный судъ читателя, находишься въ весьма большомъ затрудненіи. Во первыхъ, ихъ такое множество, что трудно сдѣлать выборъ, во вторыхъ большая часть и даже можно сказать всѣ онѣ не вполне обрисовываютъ лѣснаго героя. Наконецъ, прибавимъ еще важную причину: намъ удалось имѣть эти баллады только отрывками; изъ большей части ихъ мы имѣемъ только содержаніе; цѣлую нашли мы одну; она извѣстна подъ именемъ «Робинъ-Гудъ и Жюн Жизборнскій» и мы взяли ее изъ прекраснаго Персіева (Percy) изданія балладъ: *Reliques of ancient Poetry, consisting of old heroic ballads, songs and other pieces of our earlier Poets.* London. MDCCCXXXIX.

И такъ, чтобъ познакомить читателей больше и съ Робинъ-Гудомъ и съ балладами, мы соберемъ сказанія объ немъ, слѣдуя хронологическому порядку происшествій и вездѣ, гдѣ только можно, будемъ говорить словами самыхъ балладъ.

Всѣ и пѣсни и преданія соглашаются въ томъ, что Робинъ рано началъ свое удалое ремесло. Въ весьма короткой пѣснѣ, извѣстной подъ именемъ его походовъ «Progress», мы находимъ многое о благородствѣ его души и объ его искусствѣ въ стрѣляньи: бывъ еще пятнадцати лѣтъ, дѣтина высокая, дородный и удалый, онъ однажды шелъ по дорогѣ отъ Локслея къ Ноттингаму съ лу-

комъ и стрѣлами, и съ нимъ случилось происшествіе, на которое повидимому онъ не обратилъ большаго вниманія, и котораго онъ никогда не считалъ въ числѣ своихъ подвиговъ. Вотъ какъ оно рассказано въ пѣснѣ:

«Въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ дней, вздумалось Робинь-Гуду итти въ Ноттингамъ; тутъ онъ встрѣтилъ пятнадцать удалыхъ лѣсничихъ, попивавшихъ славное пиво и вино.

«Что новаго? что новаго? сказалъ лихой Робинь-Гудъ, мнѣ бы куда какъ хотѣлось знать новости. Не вздумалось ли нашему королю сдѣлать закладъ о стрѣльбѣ, я готовъ выйти съ моимъ лукомъ.

«Лѣсничѣ посмотрѣли на него и сказали: «Смѣшно намъ кажется, что такой мальчишка вздумалъ носить лукъ, полно увидеть ли онъ спустить стрѣлу?»

«Я бьюсь объ закладъ о двадцати маркахъ», сказалъ Робинь, «что я попаду въ цѣль на ста саженьяхъ и убью на бѣгу оленя.

«Пожалуй мы подержимъ двадцать марокъ и клянемся Матерью Божіей, возразили лѣсничѣ, что ты и въ цѣль не попадешь и не убьешь оленя.

«Тутъ Робинь согнулъ свой лукъ благородный, и стрѣлу каленую пустилъ: прямо попалъ онъ въ цѣль во сто сажень и тутъ же убилъ оленя.

«Скокнулъ олень, олень запатался, на землю олень повалился; выбилъ закладъ смѣлый Гудъ и закричалъ: закладъ шелъ во сто фунтовъ.

«Лѣсничѣ начали подсмѣивать и подшучивать надъ гордымъ стрѣлкомъ, не хотѣли платить ему двадца-

ти жаромъ и совѣтовали по-добру по-здорову убиваться; онъ подобралъ свои стрѣлы, и они замѣтили, какъ онъ ѣдко улыбался, отходя прочь отъ такихъ живихъ. Отошедши на значительное разстояніе, онъ остановился.

«Тутъ Робинъ согнулъ свой лукъ благородный, и стрѣлы каменные началъ спускать, и четверемъ съ десяткомъ изъ этихъ лѣсничихъ ужъ больше никакъ не придется вставать.»

Предоставя Ноттингамцамъ заботиться о ихъ погребеніи, самъ онъ убѣжалъ въ Шервудскій лѣсъ.

Въ одной балладѣ, которая по всей очевидности сочинена позже и написана болѣе въ веселомъ тонѣ, известной подъ именемъ «Robin Hood's Birthand Breeding» (Рожденіе и воспитаніе Робинъ-Гуда), его описываютъ весельчакомъ, любившимъ попировать и помѣряться силою съ дворянами, юманами и мужиками. Говорятъ, что онъ жилъ въ Ноттингамширѣ, гдѣ было у него много родственниковъ съ матерней стороны. Здѣсь онъ возставалъ съ рабскихъ дѣтъ противъ Норманцевъ и этимъ самымъ такъ понравился своему дядѣ, что тотъ отдалъ ему въ сотоварищи своего самаго вѣрнаго друга маленькаго Джона и завѣщалъ ему и свой домъ и все свое имѣніе. Когда Робинъ узналъ объ этомъ, онъ пришелъ въ восхищеніе и сказалъ пажу своему:

«Ступай принеси мнѣ мой лукъ, мой самый, длинный лукъ и мои широкія стрѣлы одну, двѣ и три, за тѣмъ что мы въ теперешнее хорошее время пойдемъ въ Шервудъ посмотреть тамъшній веселый забавы.

«Когда Робинь-Гудь пришелъ въ веселый Шервудъ, онъ звонко затрубилъ въ свой короткій кривой рогъ и дважды двадцать пять добрыхъ и лихихъ юмановъ явились передъ нимъ.»

Здѣсь начипастся удалая жизнь Робина; объ ней мы почерпаемъ извѣстія изъ самой длиннѣйшей изъ всѣхъ балладъ, извѣстной подъ простымъ именемъ: Робинь-Гудь. Она была напечатана въ самыя первыя времена книгопечатанія; но издатель плохо зналъ преданія о знаменитомъ разбойникѣ и назвалъ эту балладу исторіею Короля Эдуарда, Робинь-Гуда и маленькаго Джона. Она начинается по обыкноненію всѣхъ менестрельскихъ пѣсень:

«Слушайте благородные господа и прислушивайтесь, я буду рассказывать вамъ о славномъ юманѣ: имя его было Робинь-Гудь.»

«Робинь былъ такой гордый разбойникъ, какого по землѣ никогда не каживало, такого добраго разбойника, какимъ онъ былъ, никогда до того и не видано.»

Потомъ въ ней начинается рассказъ, какъ Робинь жилъ въ Борнесдальскомъ лѣсу, со всѣми его сотоварищами и никогда до тѣхъ поръ не обѣдалъ, пока не случалось ему встрѣтить какого нибудь смѣлаго барона или незваного гостя, съ богатымъ запасомъ для стола. О всѣхъ запасахъ прибывшаго всегда навѣдывался маленькій Джонъ, онъ обыкновенно заботился о жизненныхъ потребностяхъ и всегда спрашивалъ, какъ говорить баллада:

«Гдѣ мы что схватимъ? гдѣ мы оставимъ? гдѣ мы съѣдемъ притонъ? гдѣ будемъ мы грабить, гдѣ будемъ таскать, гдѣ будемъ и бить и вязать?»

«Нѣтъ такой силы, которая бы намъ теперь воспротивилась, говорилъ ему Робинъ-Гудъ; но смотри у меня, не смѣй обижать поселянина, работающаго за сохою.»

Онъ давалъ такого же рода наставленія, касательно хорошаго обхожденія съ честными поселянами, и даже рыцарями и кавалерами, если только они были добрыми малыми.

«Твои слова будутъ нашимъ закономъ,» отвѣчалъ маленькій Джонъ, «но ты, боюсь, забудешь меня, забота о богатой поживѣ, а я давно уже жду обѣда.»

«Пошелъ Джонъ и прежде всего примѣтилъ рыцаря; издали казалось все обѣщало богатую добычу, къ тому же онъ ѣхалъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ разбойникъ.»

«Печаленъ былъ его видъ и не замѣтно было въ немъ ни малѣйшей гордости; одна нога его стояла въ стремени, у другой и того не было.»

«Капшонъ былъ надѣтъ на голову и прикрывалъ глаза; онъ ѣхалъ въ простой одеждѣ. Никогда въ лѣтній день не ѣзжалъ чловѣкъ печальнѣе этого.»

«Добраго здоровья,» сказалъ маленький Джонъ, «добрый вамъ путь въ зеленый лѣсъ; мой господинъ цѣлые три часа не хочетъ дотронуться до обѣда, ожидая вашего приѣзда.»

«А кто твой господинъ?» спросилъ чужестранецъ, «кто этотъ господинъ, который оказываетъ мнѣ столько вѣжливости?»

«Да хоть бы Робинъ-Гудъ», отвѣчалъ тотъ учтиво.

«А, Робинь-Гудь», возразилъ рыцарь, «онъ славный и честный іоманъ. и я принимаю его приглашеніе.»

«Маленькій Джонъ былъ въ полной увѣренности, что рыцарь нарочно казался печальнымъ и бѣднымъ, чтобъ подъ этою личиною лучше скрыть свое богатство; онъ тотчасъ же отвелъ его къ сборному дереву, гдѣ Робинъ встрѣтилъ его съ радушіемъ и ласкою.

«Они вмѣстѣ умылись и вытерлись и сѣли за обѣдъ; было для нихъ довольно и хлѣба и вина и оленьихъ окороковъ.

«Лебедей и фазановъ имъ было вдоволь, а также и рѣчныхъ птицъ и никогда не было такого множества птицы, вскормленной въ лѣсахъ.

«Благодарю за обѣдъ, сказалъ рыцарь, и если ты когда нибудь прїѣдешь ко мнѣ, я отпачу тебѣ.

«Я не дѣлаю такого размѣну, сирѣ рыцарь, отвѣчалъ разбойникъ, и никогда не прошу ни чьего обѣда. А какъ это противъ обычая добрыхъ іомановъ угощать рыцаря, то, клянусь, ты долженъ заплатить за мое угощеніе.

«У меня въ кишѣ всего не болѣе десяти шиллинговъ, отвѣчалъ рыцарь съ неудовольствіемъ, и сказавъ это, онъ тяжело вздохнулъ.

«Робинъ подавъ знакъ маленькому Джону, который тотчасъ же обшарилъ его суму и не нашедъ болѣе десяти шиллинговъ, сказалъ:

«Рыцарь говорилъ правду. Я думаю, сказалъ Робинъ, что вы, сирѣ рыцарь, не много получаете

доходовъ съ вѣщаго помѣстья. Съ десятью имѣльцами много не напутешествуешь.

«Вина бѣды, а не молъ, сказалъ рыцарь, мой единственный сынъ затѣялъ ссору и съ горяча убилъ какого-то Ланкоширскаго рыцаря и еще конюшаго; чтобъ спасти его, я кое-что продалъ и заложилъ все мое имѣніе.

«Всѣ земли мои, Робинъ, заложены на срокъ богатому аббату здѣшняго аббатства св. Маріи.

«Мои земли, продолжалъ онъ, заложены за четыреста фунтовъ, теперь ими владѣетъ аббатъ и я не знаю ни кого, кто бы захотѣлъ мнѣ помочь, ни кого совершенно.

«Маленькій Джонъ заплакалъ; у Улька Скарлета навернулись слезы, а Робинъ-Гудъ, весьма тронутый разсказомъ, вскричалъ: Налей намъ побольше вина — эта исторія черезъ чуръ меня опечалила.

«Вино было надито и выпито и Робинъ продолжалъ: Неужели ты не имѣешь ни одного друга, рыцарь, таково, который поручился бы за тебя въ четырехъ стахъ фунтовъ?

«Ни одного, прошепталъ рыцарь, ни одного друга нѣтъ у меня, кромѣ святыхъ монаховъ покровителей.

«Приходится уже сказать тебѣ сущую правду, отвѣчалъ рыцарь, у меня нѣтъ никого кромѣ пресвятой Богородицы; вѣджда на нее никогда мнѣ не измѣняла.

«Клянусь тебѣ Богомъ, Робинъ, ступай ты искать по всей Англіи, ужъ никакъ не найдешь чело-

шка, который бы лучше меня умѣлъ платить свои долги.

«Робинъ приказалъ маленькому Джону отсчитать рыцарю четыреста фунтовъ, и какъ онъ былъ худо одѣтъ, Робину хотѣлось дать ему на платье по три аршина каждаго цвѣта сукна, но не больше. Джонъ считалъ деньги со всею осторожностію скрѣги; но сердце его растрогалось несчастіемъ рыцаря и онъ съ необыкновенною щедростію отмѣрялъ ему сукно. Въмѣсто аршина, онъ употреблялъ свой лукъ и каждый разъ отмѣрявъ онъ прискакивалъ, и вотъ что говоритъ баблада:

«Разбойникъ Скателонъ стоялъ и подсмѣивалъ; клянусь не грѣшно Джону отмѣрять и больше, оно ему дешево пришлось».

«Дай ему еще сѣраго бѣгуна, сказалъ Робинъ; дай то Богъ, чтобъ рыцарь доказалъ на дѣлѣ вѣрность ручательства».

«Теперь, спросилъ рыцарь, скажи, когда же я долженъ заплатить тебѣ? Если ты хочешь, отвѣчалъ Робинъ, чрезъ двѣнадцать мѣсяцевъ отъ сего дня и пусть этотъ крѣпкій дубъ будетъ мѣстомъ платежа.» — Да будетъ такъ, отвѣчалъ рыцарь, и поѣхалъ своею дорогою.

«Пришелъ день платежа и Робинъ-Гудъ съ своими товарищами сидѣлъ подъ дубомъ совѣщаній; ихъ разговоръ обратился на отсутствующаго рыцаря».

«Пойдемте-ко обѣдать, сказалъ маленькій Джонъ. Робинъ-Гудъ сказалъ: «штъ, боюсь я, не разгнѣвалась ли уже на меня Богородица, она не прислала мнѣ моего должника.»

«Не сомнѣвайся, атаманъ, возразилъ маленькій Джонъ, еще солнышко высоко, и я смѣю сказать и поклонюсь, что рыцарь вѣренъ и правдивъ.

Довѣріе маленькаго Джона не было обмануто. Между тѣмъ какъ онъ бралъ свой лукъ и съ Уильмой Скарлетомъ и сыномъ мельника Мучъ шелъ въ темныя мѣста Борнесдаальскаго лѣса, рыцарь въ это время былъ на дорогѣ къ дубу совѣщаній съ четырьмястами фунтовъ въ кисѣ и благороднымъ подаркомъ въ награду за щедрость разбойника.

«Онъ везъ ему сотню луковъ, они висѣли на красивыхъ шауркахъ; сотню колчановъ съ славными стрѣлами, а головки ихъ такъ и блестяи.

«И каждая стрѣла была въ хорошій аршинъ, украшена павлинымъ перомъ и обдѣлана въ чистое, яркое, бѣлое серебро; любо было смотреть.

«Но рыцарь былъ удержанъ на дорогѣ небольшимъ благотворительнымъ дѣломъ. Онъ пріѣхалъ къ одному мѣсту, гдѣ стояла осѣдланная и взнузданная лошадь и поставлена была кружка вина въ награду тому, кто выиграетъ закладъ. Закладъ былъ выигранъ іоманомъ изъ чужой стороны; проигравшіе подишли споръ, и не случись на ту пору рыцаря и людей, его сопровождавшихъ, они бы отняли у бѣднаго іомана выигрышъ, да еще пожалуй и поколотили бы его порядкомъ. Къ тому же еще аббатъ аббатства св. Маріи едва согласился на выкупъ рыцарскихъ земель. Солнце уже село и часъ платежа давно уже прошелъ, когда рыцарь прибылъ къ дереву совѣщаній. Въ ту пору случилось кое-что на что надобно обратить особое вниманіе.

«Маленькій Джонъ съ двумя своими товарищами

подстерегали въ Борнесдальскомъ лѣсу не пройдетъ ли кто; — первый изъ нихъ, который почти столько же любилъ сытный обѣдъ, сколько и битвы, началъ не только выказывать нетерпѣнiе, но и сомнѣваться въ томъ, сдержитъ ли рыцарь свое слово. Теперь печаль его разсѣялась:

«Смотрятъ они въ Борнесдальскiй лѣсъ и на пустой провѣзжей дорогѣ, примѣчаютъ двухъ аббатовъ, каждаго на хорошей вьючной лошади.

«Смотри, сказалъ маленькiй Джонъ Мучу, я прокладую мою жизнь, если эти аббаты не принесутъ намъ уплаты долга.

«Остановить и схватить двухъ сильныхъ аббатовъ съ пятьюдесятью вооруженными людьми, за ними слѣдовавшими, казалось дѣломъ удачнымъ для трехъ разбойниковъ, и они бросились даже не подумавши.

«Братцы, пара ребятъ, сказалъ маленькiй Джонъ, насъ только трое; но ежели мы не принесемъ ихъ къ обѣду, нашъ атаманъ взбѣситъ.

«Натяните же ваши луки, сказалъ маленькiй Джонъ, заставимъ ихъ остановиться; въ моей рукѣ сжаты и жизнь и смерть передняго молодца.

«Стой, сказалъ разбойникъ одному изъ путешественниковъ, какъ смѣлъ ты такъ долго не приходить, между тѣмъ какъ нашъ хозяинъ не только рассерженъ, да и голоденъ? А — кто вашъ хозяинъ? спросилъ удивленный странникъ. — Робинь-Гудъ, отвѣчалъ маленькiй Джонъ. «Я никогда не слыхалъ объ немъ ничего хорошаго, воскликнулъ аббатъ, онъ ужаснѣйшiй воръ.» Бѣдный аббатъ вовсе не

кстати сдѣлался искреннимъ на эту минуту: одинъ изъ разбойниковъ назвалъ его лукавымъ; другой, это былъ Мучь, пустилъ въ него стрѣлу и убилъ его, и потомъ перебивъ и разсыпавъ весь конной путешественниковъ, три разбойника схватили оставшаго и навьюченную лошадь, и повели ихъ къ своему атаману подъ дерево совѣщаній.

«Робинъ привѣтствовалъ испуганнаго гостя, заставилъ его умыться и посади вмѣстѣ съ собою за обѣдъ, и наливъ вина, спрашивалъ: кто онъ такой, откуда шелъ и куда путь держалъ?»

«Я аббатъ, какъ видите, былъ его отвѣтъ, изъ аббатства св. Маріи.» Робинъ расспрашивалъ его о рыцарѣ и его обезпеченіи.

«Я чрезвычайно удивляюсь, сказалъ тогда Робинъ-Гудъ, и теперь и весь сегодняшний день съ позаранку до вечера, что до сихъ поръ не получаю долгу.

«Не сомнѣвайся, атаманъ, сказалъ маленькій Джонъ, тебѣ не нужно ничего, я увѣренъ, что этотъ путешественникъ принесъ долгъ, и готовъ въ этомъ вѣлаться.

«Хорошо сказано, Джонъ, сказалъ Робинъ. Аббатъ, ты долженъ знать, что мнѣ должны четыреста фунтовъ, часъ платежа уже пропелъ, принесъ ли ты мой деньги? Странникъ клялся всеми святыми, что онъ впервые слышитъ объ этомъ, и что у него всего двадцать марокъ съ собою на путевыя издержки. «Вотъ мы сейчасъ это увидимъ, сказалъ разбойникъ. Я удивлюсь, что мой должникъ прислалъ повѣреннаго столь худо снабженнаго. Ступай-ко маленький Джонъ, пошарь, да донеси вѣрно.

«Маленькій Джонъ сбросилъ свой плащъ, какъ обыкновенно онъ это дѣлывалъ, началъ рыться въ кясъ путешественника и нашель восемь сотъ фунтовъ и еще болѣе.

«Маленькій Джонъ оставилъ ихъ и побѣжалъ скорѣе къ свосму ятаману. Сирь, сказалъ онъ, аббатъ совершенно правъ: должникъ удвоить вашу сумму.

«Клянусь св. Павломъ, сказалъ тогда Робинь-Гудъ, я искалъ по всей Англии, но никогда не находилъ такой честной платы, вдвое противъ заплагата капитала.

«Едва аббатъ уѣхалъ, показался рыцарь, но Робинь отказался отъ четырехъ сотъ фунтовъ. Вы поздно уже пришли, сказалъ онъ, и я получилъ уже двойную уплату. Рыцарь посмотрѣлъ съ удивленіемъ на разбойника и сказалъ: не остановись я помочь бѣдному юману, котораго притѣснили, я бы пришелъ во время. За это доброе дѣло, рыцарь, сказалъ Робинь, я охотно васъ прощаю и еще больше, вы всегда найдете во мнѣ друга.»

Баллады равно превозносятъ мужество Робина, какъ его хитрость и шутивость. Съ этими качествами онъ соединялъ знаніе людей и умѣнье къ нимъ подѣлываться; часто враги дѣлались его друзьями. Такъ сдѣлалъ онъ съ Ноттингамскимъ кожевникомъ, бравымъ молодцомъ, въ которомъ Робинъ увидѣлъ и силу и умѣнье владѣть оружіемъ; самъ Менестрель, воспѣвшій встрѣчу ихъ, увлекается говоря о кожевникѣ и старается выставить въ немъ свободаго сына древней Британіи, который не могъ думать, что онъ рожденъ для низкаго ремесла обувать ноги Норманцевъ, когда онъ былъ въ состояніи рубить имъ головы. Вотъ собственныя слова Менестреля:

«Жилъ въ Ноттингамѣ лихой кожевникъ, звали его Артуръ-э-Блендъ; никогда какой нибудь конюшій въ Ноттингамширѣ не смѣлъ заставить его стоять передъ собою.

«Съ длинною палкою на плечахъ, онъ такъ славно умѣлъ прочищать себѣ дорогу, что разкидывалъ всѣхъ въ разныя стороны; стоять онъ не болно любилъ.

«Однажды онъ ходилъ на охоту и случилось ему встрѣтить Робинъ-Гуда; не зная его, ему вздумалось подтрунить надъ нимъ. «Что ты крадешся тутъ какъ воръ?» спросилъ кожевникъ, я смотри-тель этого лѣсу и по обязанности долженъ остано-вить тебя.»—А что, братъ, развѣ есть у тебя помощники? спросилъ Робинъ; одному человѣку еще не случалось меня останавливать. — «Правду тебѣ ска-зать, пріятель, отвѣчалъ кожевникъ, лучшаго помощника, какъ эта матерая дубовая палка, я не имѣю, да она у меня за всѣхъ послужить.»

«О твоємъ мечѣ и о твоємъ лукѣ я не забо-чусь ни крошки и стрѣлы твои ни къ чему тебѣ не послужать; стоитъ мнѣ только ударить тебя по затылку, ты не въ состояніи будешь плюнуть, не то что пустить стрѣлу.

«Говори, братъ, по-вѣжливѣе, сказалъ веселый Робинъ, и давай мнѣ лучшія названія, не то я про-учу тебя за твое неумѣнье говорить порядочно.

«Я не слишкомъ смотрю на твои косые взгля-ды, воскликнулъ кожевникъ. Робинъ послѣ этого от-стегнулъ свой поясъ, снялъ мечъ и лукъ и взявъ хорошую дубовую палку, сказалъ: «Помѣряемъ же палки, чтобъ игра наша была равна.»

«Я не лабочусь о диниѣ, возразилъ смѣлый Артуръ, моя палка изъ сыраго дуба, въ ней восемь фуговъ съ половиною, она свалитъ добраго теленка, и я надѣюсь, что она свалитъ и тебѣ.»

«Тутъ Робинъ не могъ долге сносить и отвѣсилъ ему такой ударъ, что тотчасъ же кровь хлынула, прежде нежели кожевникъ успѣлъ оглянуться.»

«Кожевникъ принявъ такую ласку не безъ платы и далъ разбойнику такой ударъ, отъ котораго у него полилась кровь, врядъ ли не изъ cadaго водоса. При видѣ крови Робинъ жестоко разсердился и ударилъ его и сильно и удачно; но кожевникъ колотилъ по немъ, какъ будто по расколотому бревну, и по всему Борнесдалю раздавались ихъ удары. «Остановись,» закричалъ Робинъ, ты поработалъ довольно: я освобождаю тебя отъ ударовъ.» — «Да, благодаря Бога,» отвѣчалъ кожевникъ: «я долженъ за это кланяться моей палкѣ, а не тебѣ.» — «Хорошо, хорошо, молодецъ,» продолжалъ разбойникъ, «скажи мнѣ, безъ дальнихъ околичностей, твое имя и твой промыселъ.»

«О! я кожевникъ, возразилъ смѣлый Артуръ, я долго работалъ въ Ноттингамъ, и если ты вздумаешь притти туда, я даю слово и клянусь, что даромъ выдублю твою кожу.»

«Между тѣмъ переставъ драться, они толковали очень мирно: «Я бы желалъ,» сказалъ Робинъ, «чтобъ ты оставилъ твои дубильные чаны и жилъ бы со мною въ лѣсу: ты не нуждаешься ни въ золотѣ, ни въ наградѣ за работу, это такъ вѣрно, какъ то что меня зовутъ Робинъ-Гудомъ.» — А! вкричалъ Артуръ, если ты Робинъ-Гудъ, ты можешь сказать

мнѣ, гдѣ мой родственникъ маленкій Джонъ; если бы только мнѣ найти его, вѣрно ужъ мы не разстались бы скоро. Только Робинъ протрубилъ въ рогъ, явился тотчасъ родственникъ Артура, который по обыкновению былъ всегда на готовѣ, помочь своему атаману.

«Но Робинъ-Гудъ взялъ ихъ обоихъ за руки, и пачали они плясать около дуба, приговаривая: чтобъ быть намъ тремъ весельчаками, намъ тремъ весельчаками, намъ тремъ вссельчаками.»

Одна изъ самыхъ полныхъ балладъ о Робинъ-Гудѣ рассказываетъ встрѣчу его съ Гюн Жизборнскимъ, рыцаремъ, предпринявшимъ представить живаго или мертваго Робина Ноттингамскому шерифу. Эту самую балладу приводитъ въ переводѣ Вильмень въ своихъ лекціяхъ о Французской литературѣ; но онъ помѣстилъ только часть ея *. Мы переведемъ ее всю, припавъ за самый вѣрный подлинникъ тотъ, который находится въ собраніи Перси и пользуясь превосходнымъ лексикономъ Ричардсона.

• «Когда прилѣсокъ свѣтелъ, и зелень свѣжа, а листья и длинны и широки, пріятно тогда прогуливаясь въ прекрасномъ лѣсу, слушать, какъ поютъ маленькія пташки.»

«Дроздъ пѣлъ и не думалъ переставать, спид спокойно на вѣткѣ, и пѣлъ такъ громко, что разбудилъ Робинъ-Гуда, который спалъ тогда въ зеленомъ лѣсу.»

* Его переводъ во многихъ мѣстахъ удаляется отъ подлинника, вѣроятно потому, что до прошедшаго года не было хорошаго изданія этой баллады и многихъ словъ нельзя было найти ни въ одномъ лексиконѣ. Теперь всѣ обвѣщанныя выраженія объяснены въ концѣ превосходнато Персиева собранія балладъ.

«Ну ужь право, сказалъ лихой Робинь, какой л видѣль сонъ въ эту ночь; мнѣ снились два сильныя іомана, и будто вдругъ они начали со мною драться.»

«Казалось мнѣ, что они меня прибили и связали и отняли у меня мой лукъ. Не будь я живъ и не называйся Робиньомъ, если я не отпущу имъ обонимъ.»

«Грезы летучія, атаманъ, сказалъ Джонъ, какъ вѣтеръ, который дуеъ на холмъ; и если онъ иногда не былъ такъ силенъ, какъ этою ночью, на завтра можетъ и стихнуть.»

«Говореться-ка вы, натягивайтесь, мои лихіе ребята, и Джонъ тоже пойдетъ со мною, я пойду отыскивать этихъ двухъ сильныхъ іомановъ въ лѣсу, гдѣ бы они ни были.»

«Туть они набросили на себя свои зеленые плащи и каждый взялъ съ собою свой лукъ и пошли они всѣ въ зеленый лѣсъ на славную охоту, а шлан пока не достигли разгульнаго зеленого лѣса, гдѣ имъ было всегда всего веселѣе; здѣсь они завидѣли сильнаго іомана, который стоялъ, прислонясь къ дереву.

«На поясъ были у него мечъ и кинжалъ, которые многихъ отправили на тотъ свѣтъ, и снова до головы онъ былъ закутанъ въ лошадиную шкуру.

«Постой ты здѣсь, атаманъ, сказалъ маленькій Джонъ, у этого зеленого дерева, а я пойду къ тому здоровому іоману, узнаю чего онъ хочетъ.

«Э! Джонъ, ты не хочешь присмотрѣть здѣсь вмѣсто меня, я нахожу это чуднымъ: а что, развѣ часто случалось что я пошлю народъ впередъ, а самъ остаюсь позади?»

«Не прилично узнавать плута по одному виду и судить человека по словамъ, и не жалѣй я разломать моего лука, Джонъ, а бы разбилъ имъ твою голову.

«Такъ какъ часто слова бываютъ причиною раздора, то Робинъ съ Джономъ и расстались, и Джонъ пошелъ къ Борнесдалю по тѣмъ дорогамъ, которыя онъ зналъ какъ нельзя лучше.

«Но когда онъ пришелъ въ Борнесдалъ, тутъ встрѣтила его горестъ; тутъ онъ узналъ, что два его товарища были убиты въ одномъ ущельи.

«И Скарлетъ бѣжалъ во всю прыть по пямъ и по камнямъ, потому что шерифъ съ семью двадцатериками людей бѣжалъ за нимъ въ погоню.

«Однажды я теперь только выстрѣлю, сказалъ Джонъ, и эта стрѣла остановитъ тотчасъ того, который въ погоню бѣжитъ за тобою.

«Тутъ Джонъ натянулъ свой длинный гибкій лукъ и готовъ былъ уже стрѣлять; но лукъ былъ сдѣланъ изъ нѣжнаго дерева и упалъ къ ногамъ его.

«Будь проклято, будь проклято нечестивое дерево, какое когда либо росло на пнѣ; сегодня ты устроишь мою гибель, тогда какъ должно было быть конемъ спасителемъ.

«Выстрѣлъ его не былъ пустымъ выстрѣломъ, а стрѣла полетѣла не даромъ, потому что она пала въ одного изъ шерифовыхъ спутниковъ и Гудъ Уилліамъ-э-Трентъ палъ мертвый.

«Лучше было бы Уилліаму лежать на фермѣ ску-

чал, нежели попасть въ этотъ день подъ стрѣлу Джона въ ущельи зеленаго лѣса.

«Но какъ говорится, когда пойдутъ въ рукопашную, пятеро сдѣлаютъ больше чѣмъ трое, и шерифъ схватилъ маленькаго Джона и тотчасъ же привл-залъ его къ дереву.

«Тебя надобно протащить по долинѣ и повѣсить высоко на холмѣ. Но можетъ тебѣ и не удастся твое намѣреніе, сказалъ Джонъ, если на это есть воля Божья.

«Оставимъ толковать о маленькомъ Джонѣ и подумаемъ о Робинь-Гудѣ, какъ онъ пошелъ къ сильному юману, когда тотъ стоялъ подъ тѣнью древесныхъ листьевъ.

«Здорово, товарищъ, сказалъ Робинъ привѣтливо; здорово, товарищъ, отвѣтствовалъ тотъ. Мнѣ кажется, судя по луку, который въ твоей рукѣ, ты долженъ быть хорошимъ стрѣлкомъ.

«Я сбился съ дороги, отвѣчалъ юманъ, и потерялъ все утро. Я проведу тебѣ чрезъ лѣсъ, добрый товарищъ, сказалъ Робинъ, пожалуй я буду твоимъ вожатымъ.

«Я ищу одного разбойника, сказалъ незнакомецъ. Его зовутъ Робинъ-Гудомъ; охотнѣе хотѣлъ бы я найти этого гордеца, нежели добрыхъ сорокъ фунтовъ стерлинговъ.

«Ну пойдѣмъ же со мною теперь сильный юманъ и ты скорехонько увидишь Робина; но прежде потѣшимся немного вотъ здѣсь подъ зеленымъ деревомъ.

«Сначала мы попробуемъ ваше искусство хоть здѣсь между деревьями, мы можемъ тутъ неожиданно встрѣтить Робинъ-Гуда.

«Они срѣзали два прута, которые росли на кустарникѣ и поставили ихъ на сто двадцать шаговъ, чтобы пускать въ нихъ стрѣлы.

«Начинай, товарищъ, сказалъ Робинъ-Гудъ; начинай, я прошу тебя. Ну право нѣтъ, товарищъ, тотъ отвѣчалъ, ты долженъ быть моимъ путеводителемъ.

«Сперва Робинъ выстрѣлилъ въ цѣль, и не попалъ въ нее на одинъ дюймъ; іоманъ былъ хорошимъ стрѣльцомъ, но онъ никогда не могъ такъ выстрѣлить.

«Второй выстрѣлъ сдѣлалъ сильный іоманъ; онъ выстрѣлилъ въ обводъ круга; но Робинъ стрѣлялъ лучше его, потому что онъ попалъ въ середину цѣли.

«Благословеніе Божіе на твое сердце, сказалъ онъ; твой выстрѣлъ, товарищъ, хорошъ, и если твое сердце такъ же хорошо * какъ и рука твоя, ты долженъ быть лучше Робинъ-Гуда.

* Здѣсь Вильменъ переводитъ: «если твой олень также хорошъ» и пр. (*Si ton cerf etait aussi bon, que ta main etc.*) Это не имѣетъ смысла и вѣроятно произошло отъ того, что въ подлинникѣ сказано: *For as thy hart be as good as thy hand.* *Hart* точно значить олень; но здѣсь удержано старинное правописаніе. Въ самомъ дѣлѣ, мы часто встрѣчаемъ, что слово *heart* — сердце, въ древнихъ рукописяхъ и въ первыхъ печатныхъ книгахъ, написано совершенно иначе Вотъ различные тому примѣры:

For of the aboundance of ye *hart*, the mouth speaketh. (Библия 1551 года). Отъ избытка сердца уста глаголютъ.

For many a man so hard is of *herte*
He may no wepe although him sore smerte.

Chaucer.

He (Caesar) him selfe goethe to the reste, and *hartened* theym that they shoulde not faynt in their trauell.

Hall, Hen. VI.

«Теперь скажи мнѣ твое имя, товарищъ, сказалъ онъ, стоя подь листьями липы. Нѣтъ, клянусь честью, сказалъ смѣлый Робинь, не скажу, пока ты не скажешь мнѣ своего.

«Я живу въ долинахъ и равнинахъ, сказалъ тотъ, и я клялся схватить Робина, а когда называютъ меня настоящимъ моимъ именемъ, я Гюн, родомъ изъ Жизборна.

«Мое жилище въ этомъ лѣсу, сказалъ Робинь, я Робинь-Гудъ Борнесдальскій, котораго ты такъ долго ищешь.

«Кто не былъ имъ ни родственникъ, ни свойственникъ (ни братъ ни свать) могъ бы съ полнымъ удовольствіемъ полюбоваться, смотря, какъ встрѣтили эти юваны другъ друга съ своими блестящими воронеными мечами.

«Смотря какъ бились эти юваны два часа посреди лѣтнаго дня, но ни сиръ Гюн ни Робинь-Гудъ не видали, какъ они протекли.

«Робинь не твердо стоялъ и пошатывался уже къ исходу битвы, но сиръ Гюн былъ крѣпокъ и совершенно свѣжъ и ранилъ его въ лѣвый бокъ.

«О! пречистая дѣва, сказалъ Робинь-Гудъ, ты мать моя и моя сила, я думаю, что никогда человекъ не умиралъ прежде, чѣмъ настанетъ положенный для него часъ.

«Робинь подумалъ о пресвятой Богородицѣ и снова оживился и нанесъ онъ ударъ и сиръ Гюн палъ мертвый.

«Онъ схватилъ за волосы голову сиръ Гюн и посадилъ ее на конецъ своего лука, говоритъ: хотя ты былъ

имѣнныи рога во всю твою жизнь, но каждая вещь должна имѣть какой нибудь конецъ.

«Робинъ выхватилъ свой Ирландскій погъ и изрубилъ сирь Гюнъ лицо, чтобы ни одинъ рожденный отъ женщины, не могъ сказать, чья это была голова.

«И говорить, лежи тутъ, лежи тутъ теперь сирь Гюнъ, и со мною не ссорься; если бы ударъ моей руки былъ не столь вѣренъ, у тебя была бы лучшая одежда.

«Робинъ сбросилъ съ себя зеленый плащъ и накинулъ его на сира Гюнъ, а на себя надѣлъ его лошадиную шкуру, въ которую и закутался съ головы до ногъ.

«Лукъ, стрѣлы и маленькій рогъ, теперь я возьму съ собою, потому что я снова пойду въ Борнесдалъ посмѣтрѣть что-то дѣлаютъ мои люди. Робинъ-Гудъ приложилъ рогъ Гюнъ къ губамъ своимъ, и затрубилъ громкимъ голосомъ. И улысаясь это Ноттингамскій шерифъ, въ то время какъ онъ былъ подъ горою.

«Слушайте, слушайте, сказалъ шерифъ, я слышу хорошія новости, чу! я слышу звучить рогъ сира Гюнъ, онъ убилъ Робинъ-Гуда.

«Чу! я слышу греметь рогъ сира Гюнъ, онъ звучитъ такъ славно по зарѣ, а вонъ и идетъ этотъ сильный юманъ, закутанный въ лошадиную шкуру.

«Ступай сюда, ступай сюда, ты добрый сирь Гюнъ, проси что ты хочешь отъ меня. О, я не хочу твоего золота, отвѣчалъ Робинъ и не хочу я никакого вознагражденія.

«Но какъ я убилъ уже атамана, говорить онъ, дай мнѣ убить и этого влута; вотъ все вознагражденіе, котораго я прошу и никакого другаго я не хочу имѣть.

«Ты сумасшедшій, сказалъ шерифъ, ты могъ бы просить рыцарской награды; однако, какъ ни глупа твоя просьба, пусть она будетъ исполнена.

«Когда маленькій Джонъ услышалъ слова своего атамана, онъ тотчасъ распозналъ его голосъ; теперь я буду освобожденъ, промолвилъ маленькій Джонъ, какъ Богъ святъ буду освобожденъ.

«Тотчасъ Робинъ подошелъ къ маленькому Джону, онъ хотѣлъ тотчасъ же его развязать; шерифъ и вся его свита двинулись за нимъ.

«Стойте одалъ, стойте одалъ, сказалъ Робинъ, къ чему вы подходите ко мнѣ такъ близко? Никогда не было это въ обычаѣ нашей страны, чтобъ одинъ слушалъ исповѣдь другаго.

«Робинъ выхватилъ Ирландскій ножъ и освободилъ Джону руки и ноги, и далъ ему лукъ сира Гюи въ руки и приказалъ употребить его въ свою пользу.

«Тогда Джонъ схватилъ лукъ Гюи, и его стрѣлы одну по одной; когда шерифъ увидѣлъ его натягивающимъ свой лукъ, онъ пустился бѣжать.

«Къ своему дому въ городъ Ноттингамъ онъ бѣжалъ во всю прыть, то же дѣлала и вся его свита, никто не хотѣлъ оставаться назадъ.

«Но онъ не могъ ни быстро напасть, ни быстро убѣгать, и широкая стрѣла маленькаго Джона пошла ему въ лѣвый бокъ.»

Эггитъ и оканчивается баллада, названная Robin Hood and Gui of Gisborne; но мы находимъ отрывки другихъ, писанные тѣмъ же самымъ размѣромъ, въ которыхъ разсказывается окончательное исполненіе сна, видѣннаго Робинномъ.

Онъ видѣлъ во снѣ, что онъ бился съ двумя посланцами, которые должны были или схватить его живаго, или принести мертваго. Съ однимъ онъ уже управился, что мы видѣли выше изъ баллады, второй былъ мѣдникъ, Цыганъ щедущій съ виду, который хотѣлъ взять Робина хитростію на случай, если не достанетъ силы. Тогда Цыгане бродили не такъ какъ теперь и не такъ какъ лѣтъ тому за сто назадъ, не шайками и жили не въ таборахъ, а скитались человѣкъ по пяти или по шести, обманывали честныхъ людей, уводили скоть, крали что ни попало и предсказывали будущее; послѣднія достоинства водились за ними съ времянь не памятныхъ. Робинъ встрѣтился съ Цыганомъ на улицѣ въ Ноттингамъ. «Здорово, пріятель, сказалъ онъ, «скажи-ко мнѣ, гдѣ ты живешь поживаешь, и каковъ твой промыселъ? Я слышалъ здѣсь поговариваютъ плохія новости.»

«И вправду! отвѣчалъ мѣдникъ; я мѣдникъ, а живу въ Бенбюри, ну, а новостей, что ты говоришь, до меня никакихъ не доходило.»

«Ну, новости, братъ, сказалъ Робинъ, вотъ что я слышалъ: два мѣдника посажены въ тюрьму за то, что пили пиво.»

«Если тутъ и всѣ твои новости, отвѣчалъ мѣдникъ, то я могу тебѣ сказать, что онѣ не стоили ни гроша, даже когда бы это была и правда.»

«Хорошо такъ, продолжалъ Робинь, что же ты мнѣ скажешь?»

«А то, что я нищу извѣстнаго разбойника Робинь-Гудя.»

Разумѣется, какъ и всегда, Робинь взялся провожать его, завелъ въ трактиръ, наполнилъ его, не заплатилъ денегъ и ушелъ пока тотъ спалъ. Послѣ встрѣтился съ нимъ въ лѣсу, подрался, и увидѣвъ его необычайную силу, взялъ его къ себѣ въ товарищи.

Таковы почти всѣ баллады; онѣ весьма однообразны и по содержанію и по рассказамъ. Изъ всѣхъ ихъ отъ прочихъ отличаются двѣ; одна, въ которой описаны его морскія походы, какъ онъ вздумалъ сдѣлаться рыбакомъ, выѣхалъ въ море, надъ нимъ начали смѣяться, что онъ не умѣетъ взять въ руки сѣти. Тутъ подъѣзжаетъ судно Французскаго морскаго разбойника, и Робинь съ помощію своего лука и стрѣлъ освобождаетъ новыхъ товарищей отъ непріятеля, а полученную добычу отдаетъ бѣднымъ и угнетеннымъ.

Въ другой рассказана встрѣча его съ Королемъ Эдуардомъ, который непременно хотѣлъ его видѣть. Кто-то научилъ его переодѣться монахомъ, и вотъ онъ съ пятью челоувѣками изъ своей свиты отправился въ Ноттингамскій лѣсъ. Здѣсь догналъ его Робинь, оставилъ и, какъ Король, отдалъ ему всѣ деньги, онъ позвалъ его къ себѣ подъ дерево и угостилъ. Послѣ узнавъ Короля, Робинь палъ на колѣни и просилъ помилованія; Король простилъ его и возвратился вмѣстѣ съ нимъ въ Ноттингамъ. Но скоро Робинь-Гуду изскутила придворная жизнь, и онъ опять убѣжалъ въ лѣсъ.

Окончим балладю, въ которой разсказываютъ послѣдніе дни Робина. «Наконецъ время и утомленіе начало работать надъ Робиноиъ, какъ и надъ другими: однажды утромъ онъ пробовалъ стрѣлы и замѣтилъ, что онъ стрѣляетъ хуже обыкновеннаго. Тутъ онъ сказалъ маленькому Джону, вѣрнѣйшему изъ своихъ друзей:

«Я не могу больше стрѣлять, стрѣлы мои не хотятъ мнѣ служить; но у меня есть родственница, которая тутъ живетъ недалеко, азовъ Богъ милостивъ, она пуститъ мнѣ кровь.»

Родственница эта была игуменьей въ Кирклейскомъ аббатствѣ, и не совсемъ, кажется, любила Робина, считая его безбожникомъ и душегубцемъ, грабителемъ церкви и церковно-служителей и цосягателемъ на всѣ законы гражданскіе и духовныя.

«Пошелъ Робинъ въ Кирклей, тихо постучался въ кольцо и никто не явился кромѣ его любезной родственницы, она его и впустила.»

«Трижды будь благословенъ приходъ твой, милый Робинъ, сказала она. Ступай выпей вина. Нѣтъ, моя милая сестра, отвѣчалъ Робинъ, не буду я ни ѣсть, ни пить, пока ты мнѣ непустишь крови.»

Она отвела его въ уединенную комнату и пустила кровь, и дала ей течь, говорить баллада до тѣхъ поръ, пока сама не перестала; тогда она оставила его съ непревѣзанною рукою и сама ушла. Это было утромъ; къ вечеру Робинъ, думая, отъ чего такъ долго недейтъ сестра, попытался встать, но уже не могъ. Вспомнилъ онъ тогда о своемъ охотничьемъ рогѣ; но было уже поздно, онъ затрубилъ и едва звуки были слышны. «Атаманъ долженъ быть

весьма боленъ,» сказалъ маленькій Джонъ, «потому что онъ слабо трубить. Вотъ онъ стучится въ монастырь, ни кто не отпираетъ; онъ сбиль замки; входитъ и находитъ Робина при смерти. Упалъ Джонъ на колѣни и какъ милости началъ просить, чтобъ позволилъ ему Робинъ сожечь аббатство со всѣми въ немъ живущими.»

«Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Робинъ, я никогда не трогалъ ни одной женщины во время жизни; если таковъ я былъ въ жизни, пускай такимъ и умру.»

«Но дай мнѣ въ руку лукъ, и дай мнѣ пустить каленую стрѣлу; гдѣ ляжетъ моя каленая стрѣла, тамъ пусть мнѣ выроютъ могилу.»

«И положи ты подѣ меня мой лукъ съ тетивою, онъ былъ самою пріятною для меня музыкаю; и покрой ты мою могилу зеленымъ дерномъ такимъ, чтобъ онъ былъ и чистъ и свѣжъ.»

«Чтобъ было мнѣ просторно и въ длину и въ ширину, и положи ты меня близъ нашего зеленого лѣса, чтобъ люди сказали, когда увидятъ могилу: здѣсь смѣлый Робинъ-Гудъ лежитъ!»

II.

ПАЛАДИЙ РОГОВСКИЙ,

ПЕРВЫЙ

РУССКИЙ ДОКТОРЪ.

Die Weltgeschichte ist das Weltgericht!

Schiller.

Одно изъ благороднѣйшихъ чувствъ, врожденныхъ нашей душѣ, есть жажда безсмертія въ потомствѣ. Это чувство имѣетъ свой корень не въ грязной почвѣ землянаго самолюбія. Происхожденіе его выше и чище. Стремясь за предѣлы, которыми ограничивается кратковременный срокъ нашей жизни, оно выражаетъ собой небесную природу души, созданной для вѣчности.

Но сколько великихъ труженниковъ, испепелившихъ себя на алтарѣ самоотверженія, не дождались и той послѣдней награды на землѣ, чтобы прахъ ихъ святился благодарными воспоминаніями! На все есть свое счастье, даже и на безсмертіе. Есть люди, которые, еслибы воскресить ихъ, сами удивились бы неожиданному блеску, окружающему ихъ имена; другимъ, съ правами существенными, съ заслугами неоспоримыми, нѣтъ удачи. Новый Свѣтъ, открытый

Колумбомъ, до сихъ поръ называется Америкою! Эта исторія безпрестанно повторяется во всѣхъ возможныхъ размѣрахъ.

Всего чаще подобныя несправедливости случаются въ тихой области наукъ, гдѣ блистательнѣйшіе подвиги совершаются безмолвно, въ глубокой неизвѣстности, при скромномъ мерцаніи одинокой лампы. Тутъ забвеніе такъ легко, что часто бываетъ неумышленно. Лампада гаснетъ, и никто не замѣчаетъ ея отсутствія, потому что никто не замѣчалъ присутствія. Наука не могла выбрать себѣ лучше символа, какъ томящійся свѣтильникъ съ извѣстною надписью: «*aliis inserviendo consumor!*»

Тѣмъ благороднѣе, тѣмъ святѣе обязанность, углубляясь во мракъ прошедшаго, возвращать этимъ безкорыстнымъ подвигамъ заслуженную славу. Исторія должна быть страшнымъ судомъ праведнаго мздо-воздаянія. Прекрасно, когда приговоръ ея служитъ скрѣпою общему мнѣнію. Но еще прекраснѣе, когда ея торжественный голосъ возвышается въ защиту правъ, оскорбляемыхъ ложными предубѣжденіями, или еще болѣе виновнымъ забвеніемъ. Да! забвеніе едва ли не хуже, чѣмъ самая клевета молвы. Когда есть голоса прогнѣвъ, тогда есть поводъ къ тяжбѣ мнѣній, тогда могутъ явиться возраженія, обличенія. Ожесточеніе противъ имени даетъ уже интересъ ему, который рано или поздно приведетъ торжество истины. Но когда самое имя исчезло изъ памяти, когда время замело его глубокими сугробами вѣковой безвѣстности, рѣдко, очень рѣдко случается, чтобы оно воскресало само собою. Нужно чье-нибудь, если не предстательство, то по крайней мѣрѣ напоминовеніе. Нужно, чтобы чья-бы то ни было рука, хотя бы враждебная, вывела на позорище мученика, въ его терновомъ вѣнцѣ, съ его тяжелымъ крестомъ,

чтобы чей-нибудь голосъ возгласилъ во всеуслышаніе: «се человекъ!»

Этотъ долгъ тѣмъ пріятнѣе, когда дѣло идетъ объ имени Русскомъ, котораго слава есть наша собственная слава.

Назадъ тому больше полутора ста лѣтъ, на Москвѣ, еще не пораженной чудодѣйственнымъ жезломъ Петра, но уже волнуемой темными предчувствіями новой жизни, явился безвѣстный инокъ, пришлецъ изъ отдаленнаго Великаго-Новгорода, тогда находившагося на рубежѣ православнаго царства. Въ послѣдствіи онъ объявлялъ самъ, что родился въ нынѣшней Тверской губерніи, «въ Кашинскомъ уѣздѣ, въ вотчинахъ Кодзинскаго Макарьева монастыря,» и что оттуда «перешелъ въ Новгородскіе предѣлы, и тамъ по объяванію,» «пріѣлъ чинъ монашескій въ Савинскомъ Вышерскомъ монастырѣ,» который, основанный въ началѣ XV столѣтія, донинѣ красуется великолѣпными памятниками Русскаго благочестія, въ семи верстахъ отъ Новгорода, отдѣляясь отъ Пестербургскаго шоссе каналомъ Сиверсовымъ. Но мы не знаемъ, ни какую участь приготовляло ему рожденіе, ни какъ онъ провелъ свою юность. Мы даже не знаемъ, что именно исторгло его изъ мирныхъ нѣдръ уединенной обители, которую онъ самъ выбралъ своимъ поковщемъ, что увлекло въ шумную столицу. Но пришлецъ на этотъ разъ не долго оставался въ Москвѣ. Неизвѣстно, какъ примкнулся онъ къ Леонтію, первому епископу новоучрежденной въ то время Тамбовской епархіи, вѣроятно искавшему окружить себя усердными сподвижниками на паствѣ, гдѣ надлежало еще бороться съ упорнымъ мракомъ господствовавшаго язычества. Тамбовская епархія отдѣлена была отъ об-

широкой Рязанской митрополіи и простиралась въ глубину степей, населенныхъ тогда невѣжественною и мятежною Мордвою. Не за долго передъ тѣмъ, архіепископъ Рязанскій Мисаилъ, увлекаемый апостольскою ревностію, пріялъ мученическій вѣнецъ отъ звѣрскихъ рукъ идолопоклонниковъ; и его окровавленная мантия развѣвалась для преемниковъ его призывнымъ знаменемъ къ тяжелой борьбѣ, къ многотруднымъ подвигамъ ¹⁾. Леонтій возвелъ въ діакопскій санъ чернеца Палладія: такъ назывался постриженникъ Вишерскаго монастыря, питомецъ одного священнаго гвѣзда съ страдальцемъ Мисавломъ ²⁾. И вотъ сынъ дремучихъ сѣверныхъ лѣсовъ увидѣлъ себя перекинутымъ въ голыя степи юга, гдѣ ожидало его уже не безмолвное богомысліе, а дѣятельная чреда священнослуженія. Но звѣзда его тутъ не остановилась: это былъ только восходъ ея, начало пути, изумительнаго своею обширностію и необычайностію.

Черезъ нѣсколько времени Тамбовскій іеродіаконъ воротился назадъ въ Москву. Зачѣмъ — опять неизвѣстно. Можетъ быть, несчастіе, воспослѣдовавшее съ его покровителемъ, было тому причиною: епископъ Леонтій, правивъ епархіею только два года, лишился быль сана ³⁾. Какъ бы то ни было, но въ этотъ второй разъ чернецъ Палладій явился въ Москву уже съ опредѣленною, глубоко запавшею въ душу мыслью. Онъ обратился къ патріарху, и, какъ говоритъ самъ, «соусерднымъ желаніемъ билъ челомъ» допустить его — не къ продолженію обыкновенныхъ обязанностей инока и діакона по назначенію первосвященника, но — «ради ученія Грецкаго и Латинскаго языковъ въ Грецкя школы!»

Странное челобитье, особенно если взять по вниманіе, что іеродіаконъ Палладій въ это время дол-

женъ былъ имѣть около тридцати лѣтъ отъ роду ¹⁾! Въ тридцать лѣтъ проситься на ученическую скамью: это не могло быть плодомъ минутнаго увлеченія. Верно, искра Божія давно тлѣлась въ груди чернеца, да не было случая вспыхнуть. Теперь этотъ случай представился.

Порывы къ просвѣщенію давно уже обнаруживались въ Москвѣ, равно покровительствуемые скипетромъ царей и жезломъ первосвященниковъ. Но почва была еще такъ дика, небо такъ сумрачно и бурно, что цѣлое растеніе науки принималось тяжело, прозябало туго. Съ возшествіемъ на престолъ благословеннаго дома Романовыхъ, царская и первосвященническая власть, соединясь въ лицахъ отца и сына, дружнымъ согласіемъ положила основаніе первой Греко-Славянской школѣ въ Москвѣ, утрежденной въ Чудовѣ монастырѣ при патриаршескомъ домѣ. Знаменитый путешественникъ Адамъ Олеаріусъ, въ 1633 году видѣлъ эту школу подъ управленіемъ Грека Арсенія и слышалъ о намѣреніяхъ завести подобныя училища въ другихъ мѣстахъ государства. Но эти намѣренія не осуществились. Чудовская школа, называвшаяся Патриаршею, продолжалась не только безъ всякой симпатіи въ народѣ, но подъ лживымъ недоброжелательствомъ предразсудковъ, въ открытой борьбѣ съ невѣжествомъ. Основатель ея, злополучный Арсеній, увлеченный ревностію къ исправленію церковныхъ книгъ, палъ въ неравномъ бою ²⁾: его сослали въ заточеніе въ Соловки около 1649 года, когда скипетръ царскій находился въ рукахъ юнаго Алексѣя, а патриаршескій жезлъ принадлежалъ Іосифу. Разумѣется, это не обѣщало ничего добраго опротившей школѣ. Впрочемъ весна уже наступала; движеніе пробуждающейся жизни всюду обнаруживалось: затоптанная на одной градѣ, она бросалась

на другія и тамъ давала отпрыски. Въ то самое время, когда громъ опалы разражался надъ Патриаршею школою, находившеюся въ шумной срединѣ Кремля, въ уединенныхъ окрестностяхъ Москвы возникалъ новый пріютъ наукъ, новый разсадникъ просвѣщенія. Болѣе Ртищевъ, заслужившій отъ современниковъ скромное, но тѣмъ не менѣе бессмертное имя «мужа милостиваго⁶⁾», явился первымъ вельможею-меленатомъ при дворѣ сѣверныхъ Августовъ. Посвятивъ свое богатство и силу мудрой, высокой благотворительности, онъ создалъ при загородной церкви Св. Андрея Стратилата, на живописномъ берегу Москвы-Рѣки, между Воробьевыхъ-Горъ и нынѣшняго Нескучнаго-Сада, обитель во имя Преображенія Христова, назначенную сдѣлаться храмомъ внутренняго преображенія Россіи въ сугубомъ блескѣ свѣта небеснаго и земнаго, при дружномъ саяніи вѣры съ наукой⁷⁾. Сюда вызвалъ онъ цѣлую колонию благочестивыхъ и ученыхъ иноковъ изъ Кіева, уже славнаго своею Могиланскою коллегіею, зародышемъ будущей знаменитой академіи. Это былъ первый приливъ южно русской стихіи на велико-россійскій сѣверъ; первое духовное сближеніе двухъ разорванныхъ дотолѣ половинъ Русскаго міра, изъ полного воссоединенія которыхъ долженъ блеснуть полный разсвѣтъ всероссійской жизни. Обитель Преображенская имѣла цѣль высшую обыкновеннаго училища; она сдѣлалась колыбелью перваго «ученаго общества» на Москвѣ. Это общество означеновало свою дѣятельность трудами великими, изумительными, хотя къ сожалѣнію не награжденными въ потомствѣ тою славою, на которую имѣютъ священное, неотъемлемое право⁸⁾. Въ чель его находились Малороссіяне, Епифаній Славеницкій и Арсеній Сатановскій; но оно допускало въ составъ свой и Великороссіанъ: одинъ

изъ дѣятельнѣйшихъ его сотрудниковъ былъ Евонвій, іеромонахъ Чудова монастыря, безъ сомнѣнія воспитанникъ изгнаннаго Грека Арсенія. Между тѣмъ обстоятельства измѣнились ⁹⁾. На престолъ патріаршескій, по смерти Іосифа, возсѣлъ знаменитый Никонъ. Его широкій умъ воздвигалъ торжество свѣту; но желѣзная суровость характера, таила въ себѣ зародышъ мрачныхъ бурь. Ученое Ртищевское братство обратило на себя всю благосклонность поваго патріарха. Немедленно, по припятіи первоначальнаго жезла, онъ разогналъ шайку злоумышленныхъ невѣждъ, овладѣвшихъ простотою его предшественника, невѣждъ, которые противъ просвѣщенія обращали его жъ собственное оружіе, книгопечатаніе, захваченное ихъ дерзкими руками ¹⁰⁾. На ихъ мѣсто онъ перевелъ въ Москву просвѣщенныхъ тружениковъ Ртищевского братства, и главъ ихъ, Славеницкому, отдалъ сначала типографію, потомъ Чудовскую Патріаршую школу. Грекъ Арсеній, возвращенный вскорѣ изъ ссылки, не перебилъ мѣста у своего достойнаго преемника, но замѣстилъ его на книгопечатномъ дворѣ. Такъ все было уладилось, какъ нельзя лучше. Но Никонъ самъ все разстроилъ, самъ воздвигнулъ препятствія полному осуществленію своихъ великихъ идей. Слишкомъ спѣшными и крутыми мѣрами преобразованія онъ ожесточилъ народныя предразсудки, возбудилъ упорный, отчаянный фанатизмъ невѣжества, разразившійся открытымъ бунтомъ раскола. Изувѣры свирѣпствовали противъ всѣхъ его дѣйствій, проклинали всѣ покровительствуемыя имъ нововведенія, начиная отъ исправленія церковныхъ книгъ до обученія иноземнымъ языкамъ, чрезъ которые, по ихъ увѣренію, изливался лютой ядъ ереси въ нѣдра отечественнаго православія. По несчастію, могущественная опора, ко-

торую патріархъ имѣлъ въ дружбѣ и сочувствіи царя, рушилась, подкопанная имъ же самимъ, его неукротимою запальчивостью, непреодолимымъ упрямствомъ. Никошъ началъ съ того, что раздражилъ, возстановилъ противъ себя всю царскую палату, отогналъ даже отъ себя добраго, благороднаго Ртищева¹¹⁾; кончилъ тѣмъ, что потерялъ дружбу царя, напросился на его гнѣвъ, самъ обрушилъ на себя тяжкую, гибельную опалу. Его судили судомъ Вселенскаго собора, осудили, низвергли съ престола и изгнали въ отдаленное заточеніе. Какое торжество для поборниковъ тмы, для враговъ свѣта! Напрасно умный самодержецъ, отдѣляя лице отъ дѣйствій, принималъ всѣ предосторожности, чтобы осужденіе Никона не простиралось на его благотворныя идеи, на его просвѣтительныя учрежденія: безъ сомнѣнія по его настоянію, Восточные патріархи, на томъ же соборѣ, который низложилъ Никона, «благословили въ Россіи быти ученію, на славу Божию, разными діалекты, Греческимъ, Славенскимъ и Латинскимъ; а противящихся предади клятвѣ¹²⁾»; но эта клятва была слабою уздою въ рукахъ преемниковъ низверженнаго святителя. Братство Ртищевское притаилось въ безвѣстности. Ученыя занятія его возобновились было, послѣ семилѣтняго безмолвія (1667—1674), при нѣвой перемѣнѣ обстоятельствъ: потерявъ Ртищева (+1673), оно нашло ревностнаго покровителя въ просвѣщенномъ митрополитѣ Сарскомъ Павлѣ, который, пользуясь минутами междупатріаршества, передавшими временно въ его руки кормило священноначалія, воззвалъ его снова къ жизни и дѣятельности¹³⁾; но съ смертію его, за которою вскорѣ послѣдовала и смерть Славеницкаго (1676), все кончилось, и Крутицы, гдѣ возстановленное общество тружениковъ мечтало най-

ти сладостный, безмятежный пріютъ, запустили ¹⁴). Что касается до собственно учебной части, то она выпавши изъ рукъ Ртищевцевъ, до того ослабѣла, или измѣнила свое направленіе, что, при воцареніи Феодора, достойнаго брата и предшественника Петра, въ Москвѣ уже не было Греческаго училища. Куда дѣвалась Чудовская Патриаршая школа, что сталося съ ней, равно какъ и съ новой Греко-Славянской школой, которую патриархи, судини Шимова, благословили учредить при Московской церкви Іоанна Богослова, по прошенію прихожанъ ¹⁵), не извѣстно. Мы только знаемъ изъ современнаго свидѣтельства, что юный царь, воспитанникъ знаменитаго Симеона Полоцкаго, самъ возымѣлъ мысль о возрожденіи наукъ въ своей столицѣ и долженъ былъ «просить» отца своего патриарха, «да учинить Греческое училище по разсмотрѣнію славы Божіи и государства Россійскаго ¹⁶)». Патриархъ внялъ просьбѣ самодержца, и новое училище открылось около 1679 года при типографіи, подъ управленіемъ іеромонаха Тимофея, родомъ Русскаго, но изучившаго Греческій языкъ въ продолжительномъ странствованіи по святымъ мѣстамъ Эллады и Палестины. Трѣдцать «малыхъ дѣтей отъ всякаго чина» посажены были за Эллинскую грамоту въ новоучрежденной школѣ ¹⁷). Царь каждую недѣлю ходилъ самъ, и водилъ патриарха, любоваться своимъ «новымъ и неслыханнымъ дѣломъ», ободрялъ учащихся державными ласками, дарилъ ихъ платьемъ, деньгами. Всего того было мало для порфирноснаго юноши, «воспаленнаго божественнымъ огнемъ», упредившаго Петра великою мыслию, что Россія должна сдѣлаться во всѣхъ отношеніяхъ преемницей надыхавшей Греціи, что ей принадлежить въ будущности высокое званіе представительницы и

просвѣдительницы всего православнаго Востока. Патриархъ опять дозволилъ упросить себя; и вотъ явилась незабвенная царская грамота, учредившая первый Великороссійскій университетъ въ Москвѣ, подъ именемъ Славяно-Греко-Латинской Академіи ¹⁸). Это произошло въ 1682 году. Замѣтимъ, что около того же времени чернецъ Палладій долженъ былъ явиться въ первый разъ на Москвѣ пришельцемъ изъ Новгорода. Весьма возможно, что его прибытіе имѣло связь съ этимъ важнымъ происшествіемъ. По крайній-мѣрѣ нельзя отрицать, что соображеніе послѣдующихъ обстоятельствъ даетъ много вѣроятія этой догадкѣ.

Славяно-Греко-Латинская Академія замышлена была въ формахъ и размѣрахъ совершенно университетскихъ. Уже въ послѣдствіи мало-по-малу она низшла на степень обыкновенной духовной семинаріи. Но по учредительной грамотѣ ей предназначалось быть верховнымъ училищемъ всѣхъ свободныхъ наукъ, храмомъ мудрости духовной и гражданской, «наченше отъ грамматики, пѣвтики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и правной, даже до богословіи», даже со включеніемъ «правосудія духовнаго и мірскаго», то есть права каноническаго и государственнаго. Уставъ, предначертанный ей въ той же самой грамотѣ, былъ также чисто университетскій. Академіи предоставлялись всѣ права самостоятельнаго ученаго корпуса, какими пользовались въ то время Европейскіе университеты: она должна была управляться совѣтомъ профессоровъ подъ председательствомъ избираемаго изъ среды ихъ ректора ¹⁹), подлежала только собственному своему суду во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ ²⁰); могла пріобрѣтать всякаго рода имущество въ полную безотчетную собственность ²¹).

Учащіеся изъ благородныхъ только чрезъ нее получали право на высшія степени государственной службы по части гражданской; для благородныхъ академическій аттестатъ облегчалъ и сокращалъ производство, давалъ немедленно чины, соотвѣтственныя уснѣхамъ ²²). Сверхъ-того Академіи принадлежало заведываніе всею системою народнаго образованія и воспитанія: безъ разрѣшенія академической конференціи не дозволялось нигдѣ заводить училищъ, ни даже имѣть домашнихъ наставниковъ и учителей ²³). Иностранные ученые, прїѣзжающіе въ Россію, должны были подвергаться экзамену въ академіи, и только на основаніи полученныхъ отъ ней свидѣтельствъ допускались къ свободному пребыванію въ государствѣ ²⁴). Наконецъ, сообразно съ духомъ времени, академическая конференція облечена была грозною властію верховнаго инквизиціоннаго судища по дѣламъ вѣры и благочестія, надъ людьми всякаго чина и званія ²⁵). Явно, что идея подобнаго учрежденія пришла въ Москву не съ Востока, а съ Запада. Не только внушеніе ея царю, но и редакція уставной академической грамоты, приписываются не безъ основанія знаменитому Симеону Полоцкому, питомцу Польскихъ академій. Этотъ талантливый выходецъ пользовался неограниченною благосклонностью царскаго двора, но не имѣлъ довѣренности строгаго въ православіи духовенства. Ртищевское общество, не смотря на то, что само состояло преимущественно изъ западныхъ Руссовъ, не приняло его въ свой составъ ²⁶). Патріархъ Іоакимъ даже двигалъ на него грома церковнаго проклятія. Когда состоялась академическая грамота, Симеона уже не существовало ²⁷); но патріархъ зналъ корень благословляемаго ихъ плода. Симеонъ оставилъ послѣ себя сильную партію. Чтобы не дать

ей овладѣть новоучреждаемою академіею, патриархъ настоялъ, прежде открытія ея, отнести къ Восточнымъ патриархамъ и у нихъ просить учителей испытаннаго, засвидѣтельствованнаго православія. Царь согласился на то, и отправилъ въ Константинополь грамоту. Но въ слѣдъ за тѣмъ преждевременная смерть поразила державнаго юношу. Онъ умеръ въ томъ же 1682 году, не дождавшись осуществленія своей великой мысли.

Извѣстны смуты, ознаменованныя воцареніемъ двухъ братьевъ подъ опекою честолюбивой сестры. Матей стрѣльцевъ, буйства раскольниковъ, казалось предвѣщали новое торжество неспѣшеству, новое затмѣніе свѣта, тѣмъ болѣе, что ихъ поджигала, имъ дѣйствовала сама правительница, завладѣвшая кормиломъ самодержавія. Но Софія, которой умъ равнялся честолюбію, только пользовалась ожесточеніемъ предрасудковъ, не раздѣляя ихъ душою. Она сама была образована выше своего времени, любила науки, искусства, литературу. Полоцкій былъ ея другомъ и вѣрно наставникомъ: онъ сочинялъ для ней драмы, которыя разыгрывались въ ея дѣвичьемъ теремѣ, при непосредственномъ ея участіи. Планъ академіи конечно былъ ей по сердцу. Но важнѣйшіе личные интересы поглощали ея безпокойную дѣятельность въ первые годы вынужденнаго соцарствованія: ей надлежало укрѣпиться на престолѣ. Академія не открывалась, тѣмъ болѣе что и требуемые съ Востока учителя не приходили. Но школа при типографіи продолжала свое существованіе. Такъ прошли два года, тѣ самые, которые чернецъ Палладій провелъ въ Тамбовѣ. Наконецъ въ 1685 году прибыли въ Москву изъ Константинополя, съ патриаршими грамотами два ученые брата Лихуды, Иоанникій и Софроній, родомъ изъ Кеса-

ловии, воспитанники славнаго Падуанскаго университета. Ихъ приняли съ честью, и на первый разъ помѣстили въ Богоявленскомъ монастырѣ, переведши къ нимъ пять старшихъ учениковъ изъ типографской школы. Замѣтимъ имена этихъ избранниковъ; они назывались: Алексѣй Кириловъ, Николай Семеновъ, Ѳеодоръ Поликарповъ²⁸⁾, Ѳеодотъ Аггъевъ, Іосифъ Афанасьевъ. Къ нимъ присоединенъ былъ еще Іовъ, монахъ Чудовскій. Къ нимъ присоединился, по собственному вызову, и чернецъ Палладій, который, какъ говоритъ самъ, въ силу просьбы своей, помѣщенъ былъ въ Богоявленскій монастырь, гдѣ служилъ діакономъ и учился въ школѣ полтора года.

Дѣло просвѣщенія быстро пошло въ ходъ. Академическая грамота, которую Царь Ѳеодоръ не успѣлъ подписать и обнародовать, укрѣплена Софіею въ началѣ 1686 года. Въ то же время, въ Законоспасскомъ монастырѣ заложено новое каменное зданіе для помѣщенія академіи, которое въ слѣдующемъ году совершенно и торжественно освящено самимъ патріархомъ²⁹⁾. Лихуды получили повелѣніе перейти туда изъ Богоявленскаго монастыря и открыть полный курсъ установленнаго ученія. Туда же переведена вся типографская школа, съ присоединеніемъ сорока болгарскихъ дѣтей. Искусные равно въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, Лихуды преподавали грамматику и пѣстику на одномъ первомъ, высшія же науки, риторику, діалектику, логику и физику на обоихъ³⁰⁾. Успѣхи учениковъ были блестящіе: они всѣ свободно говорили на этихъ двухъ языкахъ и переводили съ нихъ книги. Но между ними не было нашего Палладія. Онъ не перешелъ въ Законоспасскій монастырь. Онъ умчался далѣе.

Къ сожалѣнію мы не знаемъ причинъ, заставившихъ этого энтузіаста науки отстать отъ своихъ

товарищей и наставниковъ. Самъ онъ говоритъ только, что сдѣлалъ это, «желая совершеннаго ученія». Стало быть, онъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ новооткрывающеюся академіею. Но какъ могло въ немъ родиться это недовольство, въ немъ, уроженецъ Кашинскомъ, для котораго все, восходящее за черту часослова и псалтыря, должно было казаться пучиною мудрости? Вѣрно, гению нуженъ только первый шагъ, чтобы ощутить всю неизмѣримость своихъ силъ. Притомъ сообразимъ обстоятельства. Академія открылась съ первыми низшими классами, которые естественно должны были развлекать дѣятельность наставниковъ въ отношеніи къ высшимъ, старѣйшимъ ученикамъ, и меньше оставлять времени на ихъ руководство. Лихуды были люди отличные, съ обширными свѣдѣніями и горячею, неусыпною ревностью; они можетъ быть и выполнили бы свой долгъ во всѣхъ отношеніяхъ; но не все имъ благопріятствовало ³¹⁾. Сильеестръ Медвѣдевъ, ученикъ и другъ Полоцкаго, пользовался особенною милостію Софіи. Онъ представлялъ ей на утвержденіе академической уставъ, при великолѣпныхъ стихахъ, дымящихся ѳиміамомъ лести ³²⁾. Распоряжался такимъ образомъ, онъ предвосхищалъ себѣ право попечителя академіи, предоставляя удобнѣйшему времени воспользоваться имъ открыто къ торжеству своей партіи. Въ послѣдствіи онъ вступилъ въ явную, отчаянную борьбу съ Лихудами, окончившуюся тѣмъ, что ему отрубили голову, но и братьевъ потомъ сослали въ ссылку ³³⁾. До этого еще не доходило въ то время; но проицательный умъ Паладія, искушенный опытностію, могъ предугадывать смутную будущность. Можетъ быть, замѣтивъ его способности, Бѣлорусская партія, предводительствуемая Медвѣдовымъ, отбила его отъ Гр-

ковъ и, желая приготовить въ немъ будущаго сподвижника, шепнула ему, чтобъ онъ въ Москвѣ искалъ «совершеннаго ученія.» Какъ-бы то ни было, чернецъ Палладій, послѣ полутора-голичнаго пребыванія въ Боголюбленскомъ монастырѣ, вдругъ явился за предѣлами Россіи, въ Вильнѣ, тогдашней столицѣ Литовскаго княжества, соединеннаго съ Польшей, и явился ученикомъ тамошней Латинской иезуитской школы.

И въ наше время такой поступокъ со стороны простаго монаха возбудилъ бы удивленіе. Но тогда это было нѣчто выходящее изъ всѣхъ условій и нравственнаго и гражданскаго порядка. Русскій оставилъ свое отечество, православный ринулся въ еретическую землю: это была вещь неслыханная, невообразимая! ⁵⁴⁾ Палладій не говоритъ, чтобы онъ получилъ на то законное дозволеніе патріарха и царей; онъ безъ-сомнѣнія и не получалъ его, потому что не могъ получить ни подъ какимъ видомъ, ни подъ какимъ предлогомъ: онъ вѣрно ушелъ изъ Москвы тайно, украдкою, и ему надлежало пренебречь очень значительными уваженіями. Въ уставѣ академіи, которую онъ оставилъ, за малѣйшую тѣнь измѣны строгому отечественному православію изрекалась лютейшая казнь: «безъ всякаго милосердія да сожжется.» ⁵⁵⁾ За нимъ дымился костеръ; что же ожидало его впереди? Петеринность Запада, клеймившаго всѣхъ христіанъ Востока клеймомъ повсѣнаго отверженія. Нашъ бѣглець все презрѣлъ, ничего не утратилъ. Онъ снялъ въ Вильнѣ монашеское платье и утаилъ вѣру свою отъ Іезуитовъ. Слѣдствіе его счастливо избѣгло насилія: его не принуждали къ явному отступничеству. Такъ провелъ онъ здѣсь цѣлый годъ въ ученіи; потомъ отправился еще далѣе. Путешествіе заразительно: кто отвѣ-

даль разнообразія впечатлѣній, тотъ не отстанеть, пока не истощитъ до дна чашу. Изъ Литвы странникъ нашъ перешелъ въ настоящіе «Нѣмецкіе края», въ Силезію, и тамъ въ городкѣ Нейссе, пинъ принадлежащемъ къ Оппельскому округу Силезіи Прусской, провелъ еще годъ, «учася пинтическому разуму.» Православіе его и здѣсь сохранилось неприкосновеннымъ. По тогдашней методѣ ученія, за пинтическимъ курсомъ слѣдовалъ риторическій; на этотъ классъ Палладій двинулся еще далье, въ Ольмицъ, въ то время главный городъ маркграфства Моравскаго.

Исторія дѣлится самоотверженію знаменитаго Лойолы, который въ тридцать три года началъ учиться склоненіямъ и сопряженіямъ, въ сорокъ отправился пѣшкомъ черезъ Пиренеи въ Парижъ, на скамьи Сорбонны. Удивленіе, конечно, заслуженное! Но мовахъ Инниго, при всѣхъ своихъ лишеніяхъ, имѣлъ то преимущество, что судьба нигдѣ не подвергала его борьбѣ съ тѣмъ, что есть святѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго для души, съ совѣстью. Не то ожидало Русскаго подвѣжника, въ его равно тяжкомъ странствованіи. Онъ прошелъ ту же пытку, что и Лойола, когда въ тридцать лѣтъ сѣлъ за букварь, долженъ былъ тиранить память и ломать отвердѣвшій языкъ непривычными грамматическими формулами. Вѣрно, не меньше довелось ему вытерпѣть, когда онъ, съ железомъ пилигрима, пробирался сквозь дремучіе лѣса Литвы, карабкался по утесамъ горъ, отдѣляющихъ Силезію отъ Моравіи. Но все это ничего не значило въ сравненіи съ тѣмъ, что предстояло ему въ Ольмицѣ. Иезуиты, владѣвшіе тамошними школами, не имѣли той снисходительности, какъ въ Вильнѣ и въ Нейссе. Они ворвались въ сокровеннѣйшее святилище его души; они потребовали отъ него торжественной присяги на упію,

какъ необходимаго условія, безъ котораго онъ не могъ быть допущенъ въ училище. Ужасная крайность! Зайти такъ далеко, и встрѣтить бездну у порога цѣли! Страдалецъ уступилъ насилію. Но чего это ему стоило? Послушаемъ собственныхъ его словъ, облитыхъ горячими слезами раскалія: «Окаянный, что реку, или камо бѣгу отъ лица Божія, впавшій въ сей грѣхъ? Ничего больше сего учинити не могу, токмо, въ перси бѣя съ мытаремъ, тяжело вздыхати, и на небо взирати, и сокрушеннымъ сердцемъ отпущенія просити и глаголати: О Боже великій и Царю превѣчный! иже мя всемошною силою сотворившій и своимъ божественнымъ промысломъ даже и дондѣе содержавшій! Колико азъ окаянный долженъ былъ тя любить всѣмъ сердцемъ моимъ, всею силою моею и всею душою моею! Обаче азъ, неразумный и непостоянный, не познахъ моего благодѣтеля и Господа, не хотѣхъ тебѣ покориться, но отвратихъ лице мое отъ тебе, во еже ходити по волю моей. Разумѣхъ бо, что твои церкви повѣдѣла мнѣ творити, ино отъ того, что азъ сотворихъ; но превращенная воля моя хотѣла премоуци святую волю твою. Сего ради достоинъ быхъ, дабы мя ты оставилъ въ семъ грѣсѣ моемъ, се-му быхъ достоинъ; но ты Господи Боже! иже излілеси свое благосердіе на все твое созданіе, не остави на мя грѣшнаго, изліати твое благосердіе: аще и согрѣшихъ, обаче твое есмь созданіе и дѣло рукъ твоихъ.... Болѣлъ быхъ больше, по силы моей не имью; могу убо грѣшити моею силою, но не могу каятися только, колико должно есть....»

Стыдъ и срамъ тиранству, воспользовавшемуся безпомощностью жертвы, чтобы вложить ей въ руки ножъ на сознательное самоубійство!

Но жребій былъ уже брошенъ, Рубиконъ перешаг-

путь. Воспитаникъ Ольмицкій, по окончаніи курса свободныхъ наукъ, пустился на высшіе курсы философіи и богословіи въ Римъ, столицу западнаго христіанства. Снабженный свидѣтельствами и рекомендаціями іезуитовъ, онъ нашель тамъ свободный доступъ въ Греко-Унітское училище, принадлежащее къ обширной системѣ Католической пропаганды. Тутъ онъ прожилъ семь лѣтъ, продолжая ученіе и вмѣстѣ священнодѣйствуя въ церкви Св. Аванасія Великаго, находившейся при коллегіи. Случилось, что при этой церкви не доставало священника: Палладій, бывшій уже діакономъ, не могъ противиться волѣ своихъ начальниковъ, и Онуфрій, митрополитъ Македонскій, въ то время настоятель церкви Св. Аванасія, рукоположилъ его въ чинъ іерейскій. Это была послѣдняя жертва, принесенная имъ. Наконецъ онъ достигъ предѣла своихъ желаній; онъ кончилъ весь курсъ наукъ, и, какъ говоритъ самъ, «вооприядъ на главу вѣнецъ, а на руку перстень, по свидѣтельству всѣхъ докторовъ, поставленъ Докторъ Философіи и Богословіи, яко о томъ свидѣлствуютъ листы, отъ нихъ данныя.»

Теперь все было кончено. Надлежало разорвать цѣпи Египетскаго плѣна, возвратиться въ благословенныя нѣдра православной отчизны, чтобы посвятить ей сокровища, столькими трудами стяжанныя. Докторъ Роговскій — это было прозваніе Палладія, вѣроятно передѣланное на западно-Русскій манеръ поъ Велико-россійскаго «Роговъ» — докторъ Роговскій «билъ челомъ папѣ,» чтобы отпустить его «въ Унітскіе монастыри, иже обрѣтаются на Малой-Россіи,» подѣ властію Короля Польскаго. Такая просьба не противорѣчила цѣлямъ пропаганды: въ Малороссіи, и подѣ Польскимъ владычествомъ, православіе мужественно боролось съ уніей; тѣмъ болѣе этотъ край

долженъ былъ возбуждать опасенія Ватикана въ это время, когда могущественная Россія уже прорвалась за Двѣпръ, уже распростерла свой побѣдоносный щитъ надъ освобожденною святыщею Кіева. Палладія отпустили безпрепятственно. Но онъ еще не вышелъ изъ границъ Италіи, какъ успѣшилъ сбросить съ совѣсти своей ярмо, возложенное пасиціемъ. Въ Венеціи, подъ защитою коммерческой политики правительства, уцѣлѣлъ единственный въ Италіи оазисъ восточнаго православія, малое стадо Греческихъ христіанъ, непокорныхъ Риму, управляемое своими пастырями, носившими титулъ-митрополитовъ Филадельфійскихъ, подъ рукою Константинопольскаго патріарха. Здѣсь остановился Палладій и шрипальъ, какъ самъ говоритъ, къ митрополиту Мелетію съ раскаяніемъ и мольбами о возвращеніи въ нѣдра православной Восточной церкви. Благодушный іерархъ, внявъ исповѣдь и увѣрившись въ искренности и правомысліи кающагося, даровалъ ему прощенье и не только снова прииалъ его въ союзъ христіанскаго братства, но и допустилъ вмѣстѣ съ собою свлщснопдѣйствовать, запечатлѣвъ полное возстановленіе падшаго торжественною разрѣшительною грамотою. Эта черта въ жизни нашего героя получаетъ новый блескъ отъ того, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, такая успѣшность раскаянія со стороны его была не только неумѣства, но и не contemporanea. Въ то время православная Венеціанская церковь обуревалась внутреннимъ мятежемъ, посила въ нѣдрахъ своихъ нѣмну, грозившую явнымъ отступничествомъ къ Риму. Предатель Ангелъ Тинальдо, хищный волкъ въ одеждѣ пастыря, уже плѣлъ козни, долженствовавшія купить ему кардинальскій пурпуръ³⁶). Въ такихъ смутахъ, отреченіе миссіонера, воспитаннаго Пропагандою, могло очень легко

окончиться пытками инквизиціи. Палладій не побоялся ничего, и тѣмъ вполне искупилъ свое вынужденное преступленіе.

Но до Россіи было еще очень далеко. Какъ добраться туда безъ средствъ, безъ покровительства, безъ защиты, человѣку, на которомъ въ глазахъ людей, видящихъ только одну поверхность, лежало клеймо двойнаго отступничества! Между Европою и Россіею находилась тогда глухая стѣна враждебной Польши. Палладій зналъ, чего стоило пробраться черезъ все Лихудамъ, сколько затрудненій, препятствій и даже оскорбленій, должны были вытерпѣть они отъ католиковъ на пути къ православному царству: что-жь могло ожидать того, кто перехитрилъ хитрость ловцевъ, и изъ сердца вражьяго става возвращался торжествующимъ побѣдителемъ? Съ другой стороны, какого приѣма могъ онъ надѣяться въ отечествѣ, еслибъ и успѣлъ достичь его предѣловъ? Закотятъ ли читать въ его сердцахъ, чтобы извинить святостью цѣли его своевольное удаленіе въ чужую землю, ученіе въ еретическихъ школахъ, торжественную присягу на унию, пребываніе въ столицѣ ненавистнаго латинства, рукоположеніе отъ подручника папы. Тяжелъ былъ перстень, который стоилъ ему такъ дорого! Вънець его былъ вънець терновый!

По счастью, неожиданно, нечаянно, явился въ Венеціи Русскій вельможа. То былъ князь Петръ Александровичъ Голицынъ, богатый, сильный царскою довѣренностію и благожелательный³⁷⁾. Онъ «призрѣлъ на моленіе» страдалца, тоскующаго по родинѣ, и «милостивымъ своимъ призрѣніемъ» возвратилъ его въ золотоголаву столицу святой Руси.

Пока продолжалось отсутствіе странника, столько прошло времени, столько утекло воды, столько со-

Т. IV. — Кн. IV.

вершилось, столько готовилось совершиться! Бразды самодержавія уже скланы были могучей рукой исполина, въ умѣ котораго зрѣла новая, преобразованная Россія. Патріаршество доживало послѣдніи свои минуты въ лицѣ добродушнаго старца Адріана, непреклонно благословляющаго всѣ вѣлнія самодержца-просвѣтителя. Впрочемъ онъ привѣлъ блуднаго сына, возвращающагося въ домъ отеческій съ распутой ереси, но безъ должной строгости. На челобитъѣ чернеца Палладія, въ которомъ онъ снова повторилъ свое раскаяніе и мольбу о прощеніи, воспослѣдовало отъ 10 Февраля 7207 (1698) года патріаршеское рѣшеніе, чтобы челобитчикъ представилъ во первыхъ свое исповѣданіе вѣры, потомъ описалъ подробно исторію своего странствованія и отступничества, далѣе самъ бы изрекъ себѣ приговоръ, какъ подобный грѣхъ противъ Бога судится по богословскому ученію, наконецъ изложилъ бы всѣ заблужденія Римской церкви и проклялъ ихъ торжественно, предъ всѣмъ соборомъ и народомъ, подвергая себя заслуженному по канонамъ наказанію. Палладій исполнилъ все это. Онъ написалъ свою исповѣдь, начинающуюся словами Христа Спасителя: *«Всѣхъ убо, иже исповѣсть мя предъ челоуѣки; исповѣшь его и азъ предъ Отцемъ; иже на небесѣхъ; и иже отвержется мене предъ челоуѣки, отвергнусь его и азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ.»* (Доказательство, какъ искренно, какъ глубоко было его раскаяніе)! «Предстою предъ врачомъ, ему же не лѣтъ есть кому стыда ради свою болѣзнь скрыти;» онъ рассказалъ откровенно всѣ свои приключенія, въ слѣдъ за изложеніемъ вѣры по разуму православной Восточной церкви; потомъ исчислилъ заблужденія церкви Западной, въ числѣ двадцати пяти, присовокупивъ къ нимъ доказательства, приводимыя католиками, съ

опроверженіемъ; «аъ же,» заключилъ, «всѣ сія нѣтъ ученія, мудрствованія, и догматы, и толкованія, яко отъ святыхъ православно-каѳолическихъ Восточныхъ церкви чуждая, всѣ купно, безъ великаго усумнѣнія, или злата намѣренія, но яко искренній святыхъ каѳолическихъ церкви сынъ и поборникъ, съ ихъ купно Флоренскихъ соборищемъ, осуждаю, отмѣтаю, проклинаю и анаемъ предаю.» Эта исповѣдь скрѣплена была собственноручно по листамъ Палладіемъ въ 1-й день Апрѣля того же года. Такъ какъ раскаявающійся самъ призналъ, что вина его, хотя и не была вина сердца, по вина «однихъ устъ яукъ ради,» тѣмъ не менѣе подлежитъ тяжкому наказанію по церковнымъ уставамъ, то патріархъ предалъ его эпитиміи, отославъ подъ начало въ Новоспасскій монастырь. Впрочемъ это наказаніе продолжалось только три мѣсяца. Юня 2 дня состоялся патріаршіи указъ, что монахъ Палладій, выполнивъ свою эпитимію, «причтенъ въ церковное единеніе, по благочестію и мудрованію святыхъ Восточныхъ церкви.» За тѣмъ наведена была справка, какую силу должно имѣть рукоположеніе во священника, принятое имъ въ Римъ отъ схизматическаго архіерея. Оказалось, что рукоположеніе латинское возбраняется повторять, также какъ и крещеніе ⁵⁸). Въ слѣдствіе того Палладій признанъ былъ священникомъ, и такимъ образомъ вполне возвращенъ и отечеству и церкви ⁵⁹).

Оставалось воспользоваться принесенными имъ сокровищами, его докторскимъ перстнемъ и вѣнцемъ. И это не замедлилось. Славяно-Греко-Латинская Академія, не смотря на волненіе обстоятельствъ, бодро продолжала свое юное существованіе. Лихуды томилась въ ссылкѣ; но мѣста ихъ были заняты достойными ихъ учениками, Николаемъ Семеновымъ и Феодоромъ Поликарповымъ, бывшими товарищами Пал-

ладія. Они преподавали грамматику, пінтику и риторикѣ, на Греческомъ языкѣ, которымъ совершенно владѣли; и успѣхи ихъ ученія доказывались множествомъ переводчиковъ, ими образованныхъ. Къ возвращенію Палладія, оказалось нужнымъ перевести ихъ обоихъ въ типографію, для непосредственнаго надзора за книгопечатаніемъ. Академію поручили монаху Іову, тоже ихъ и Палладіеву товарищу. Но когда Палладій, по прекрасному выраженію Поликарпова «облетая чуждыя страны «аки пчела, возвратися въ отчизну, носящъ медъ и цвѣты ⁴⁰⁾», ему тотчасъ отдали мѣсто, принадлежавшее ему по всѣмъ правамъ. Въ 1700 году, іеромонахъ Палладій Роговскій, докторъ философій и богословія, опредѣленъ учителемъ Славяно-Греко-Латинской академіи, и въ тожь время посвященъ въ игумена Заиконоспасскаго монастыря, въ которомъ находилась академія. Такъ какъ онъ не силенъ былъ въ Греческомъ языкѣ, то ему дано было дозволеніе или повелѣніе преподавать на одномъ Латинскомъ. Ученики не проигрывали отъ того, но выигрывали знаніе новаго языка, до тѣхъ поръ вытѣсеннаго исключительнымъ преобладаніемъ Греческаго.

И такъ цѣль этой тревожной жизни, исполненной столькихъ приключеній, была наконецъ достигнута. Свѣтляничекъ стоялъ на свѣщничкѣ. Оставалось наслаждаться его благотворнымъ сіяніемъ. Но кто разгадаетъ тайны Провидѣнія? Прежде нежели пламя успѣло разыгратъя полнымъ блескомъ, елей жизни взсыкъ, ввроятно истощенный чрезмѣрностью приготовительнаго очищенія.

Прекрасное погнбло въ пышномъ цвѣтѣ:
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Въ трапезѣ Занконоспаскаго монастыря, у перваго окна, на стѣнѣ сохраняется донинѣ слѣдующая простая надпись:

«Лѣта 1703, Іаннуарія мѣсяца 23 дня, въ 15 часъ подъ утро преставися ся обители игумень Палладій Роговскій, и положенъ здѣ тѣлеснѣ, правилъ обитель сію лѣта 3, пекийся о созданіи святаго трапезы сія, живъ лѣтъ отъ рожденія своего 48, егоже душѣ милостивъ буди Творче, въ Троицѣ славимый, аминь.»

Смерть соединила всѣхъ подъ этими мирными сводами ⁴¹). Тутъ же, неподалеку, могила Симеона Полоцкаго, ознаменованная длинною эпитафіею въ силлабическихъ витіеватыхъ стихахъ ⁴²). А тамъ гробъ Іоанникія Лихуда, украшенный трогательно Греческою элегіею, начертанною рукой пережившаго брата ⁴³.

Простота надгробія Палладіева имѣетъ свою поэзію въ эпилогѣ его жизни. Мы присоединяемъ къ нему еще два простодушные стиха, оканчивающіе современную жъ надпись надъ могилою Епифанія Славеницкаго въ Чудовѣ монастырѣ:

Память ему да будетъ
Вѣчно и не отбудетъ!

Н. НАДЕЖДИНЪ.

Одесса 1840.

=

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Она сохраняется донынѣ въ Рязанскомъ Архангельскомъ соборѣ съ неизгладившимися знаками мученической (1651—1655) крови.

2. Мисимъ, архіепископъ Рязанскій и Муромскій, возведенъ на архіепископекій престолъ изъ іеромонаховъ Новгородскаго же Деревяницкаго монастыря, находящагося въ соседствѣ съ Вишерскимъ, въ четырехъ только верстахъ отъ Подгорода. Онъ пастырствовалъ не болѣе четырехъ лѣтъ. См. *Ист. Рос. Цер.*, т. 1, с. 132.

3. Это случилось въ 1684 году, «за подомство», по снисхожденію митрополита Платона. См. *крат. Церк. Ист.*, изд. III, т. II, с. 224. Леонтій хиротонисанъ 1682 года 25 марта. См. *Ист. Рос. Цер.*, т. I, с. 206. Отсюда видно, что первое прибытіе чернеца Палладія въ Москву должно было случиться между 1682 и 1684 годами.

4. Палладій, какъ послѣ увидимъ, скончался въ 1703 году; имѣя отъ роду сорокъ восемь лѣтъ. Следовательно онъ родился около 1655 года. Полагая, что онъ прибылъ вторично въ Москву не раньше 1684 года, въ которомъ низложенъ Леонтій, найдемъ, что онъ долженъ былъ имѣть тогда по крайней мѣрѣ двадцать девять лѣтъ.

5. Раскольники до сихъ поръ, на основаніи современнаго пасквиля, называютъ Арсенія «волхвомъ, еретикомъ, звѣздо-четцемъ, скверны и смрада исполненнымъ.»

6. *Житіе милостиваго мужа, Θεодора Ртищева,* современнаго происхожденія, написанное по тогдашнему очень краснорѣчиво, въ легендарномъ стилѣ, помѣщено въ *Арсен. Росс. Вислюв.* изд. II, т. XVIII, с. 396—422.

7. Обитель эта, удержавшая имя Андреевскаго монастыря, при основаніи Славяно-Греко-Латинской академіи, была приписана къ ней царемъ Θεодоромъ II Алексѣевичемъ, «дабы,» какъ говорить грамота, «оное вѣрнаго нашего раба благопо-

слушное, прилежное о свободныхъ мудростей ученіи радные, при нашемъ царскомъ усердномъ благоволеніи и дѣйствию произведеніи, вѣчно пребывало » См. «*Привил.л. Акад. § I*» въ *Древ. Росс. Вѣдом., изд. II, т. VI, с. 403*. Но еще при Петрѣ здѣсь уже былъ родъ воспитательнаго дома для незаконно-рожденныхъ дѣтей. По штату 1764 года монастырь упраздненъ вовсе и отданъ Московскому градскому обществу, которое въ зданіяхъ его устроило богадельню, донынѣ существующую. Церковь обращена въ приходскую и известна теперь подъ именемъ Воскресенія Христова, что въ Цѣвницахъ.

8. Они состоятъ изъ множества огромныхъ фолиантовъ, частью переводныхъ, частью оригинальныхъ, содержанія не только богословскаго, но и историко-филологическаго. Важнѣйшій изъ нихъ есть: «*Полный Лексиконъ Греко-Славяно-Латинскій,*» въ двухъ томахъ, составленный Епифаніемъ Славеницкимъ.

9. Великороссіяне отличаются отъ Малороссіянъ тѣмъ, что въ монашество не употребляютъ своихъ фамильныхъ прозваній. Кажется, это произошло отъ того, что въ это и предшествовавшія времена ученые Великороссійскіе монахи были большею частью люди простые, безфамильные. Изъ числа Ртищевцевъ, монахъ Исаія также не имѣлъ фамиліи.

10. Это были: протопопъ Аввакумъ, поэтъ Лазарь Никита Пустосвятъ, царскій духовникъ Стефанъ Воиновъ, правитель дворцоваго приказа князь Львовъ и братья Нероновы Федоръ и Григорій. Всѣ они бросились въ расколъ: Николѣ преслѣдовавъ ихъ жезломъ желѣзнымъ. Соумышленникъ ихъ Павелъ, епископъ Коломенскій, изверженъ, преданъ тѣлесному истязанію и потомъ умеръ въ ссылкѣ.

11. См. *Житіе милостиваго мужа Феодара Ртищева*. (Д. Р. В. т. XVIII), с. 406.

12. Это упоминается въ *Привил.л. Славяно-Греко-Латинской академіи* (Д. Р. В. т. VI), с. 400.

13. Митрополитъ Павелъ вступилъ на престолъ епархіи Сарской и Подонской изъ архимандритовъ Чудовскихъ 1664 года. Вѣроятно, онъ былъ изъ воспитанниковъ Чудовской па-

тріаршей школы. Замѣчательно, что и этотъ просвѣщенный и благонамѣренный мужъ былъ противъ Никона; на соборъ, созванномъ для суда патріарха, онъ дѣйствовалъ съ открытою къ нему неприязнію, даже увлекался до оскорбительной запальчивости. По тогдашнему обычаю, блюстительство патріаршаго престола междупатріаршества принадлежало митрополитамъ Сарскимъ, имѣвшимъ свое пребываніе постоянно въ Москвѣ. По смерти Пантирима, втораго преемника Никона, до избранія Іоакима, междупатріаршество продолжалось болѣе года (1673--1674). Въ это время митрополитъ Павелъ созвалъ соборъ, на которомъ определено было перевести снова всю Библію съ Греческаго, и это важное дѣло поручено распространениому Ртищевскому братству, подъ главнымъ предводительствомъ Славеницкаго. Признательные ученые сравнивали его съ Птоломсеемъ Филадельфомъ. Смерть его почтена двумя похвальными словами, изъ которыхъ одно сочинено и произнесено Славеницкимъ, пережившимъ его только двумя мѣсяцами.

14. Крутицы, бывшая каедра митрополіи Сарской и Подонской, имѣютъ прелестное мѣстоположеніе на берегу Москвы-рѣки, между монастырями Новоспасскимъ и Симоновымъ, пывъ уже внутри города. Павелъ, помѣстивъ здѣсь, при себѣ, ученое братство, украсилъ эту уединенную пустынь, тогда бывшую за городомъ съ истинно отеческою въжностью: «храмины величны созда, и вертоградъ разныхъ видовъ дровъ и цвѣтовъ и земій всякихъ насади, и источники искона теши сладководныя за утѣшеніе и отъ труда преставшимъ за упокоеніе, и оградю ограда ради прохожденія, яко ино пѣкій рай, и по трудъ хотящимъ пицу и питіе подобающее и служащіе оному приуготови.» По упраздненіи епархіи Сарской и Подонской, въ послѣдствіи именованной Крутицкою и Можайскою, зданія Крутицкія перешли въ военное вѣдомство, которому принадлежать донинѣ.

15. Подлинная грамота патріарховъ на учрежденіе Греческаго училища при церкви Іоанна Богослова находится въ патріаршей библіотекѣ. См. *Ист. Росс. Цер. ч. I. с. 420.*

16. См. *«Историческое извѣстіе о Московской академіи, сочиненное въ 1726 году отъ священника Федора Поликарпова, въ Др. Росс. Визаніов., изд. II. ч. XVI, с. 295.*

17. Наставниками въ этой школѣ были ученый Грекъ Мануиль мѣриллинъ, и потомъ Грекъ же іеромонахъ Іоакимъ Мануиль, умершій въ 1694 году и погребенный въ Законо-спасскомъ монастырѣ, въ эпитафiи названъ Лавендатовымъ.

18. Эта грамота, или «привиллегія», кромѣ Д. Р. В. ч. VI, напечатана также въ Ист. Росс. Іер., ч. I, с. 515—543. Она раздѣлена на 18 параграфовъ, содержащихъ главное основаніе академическаго устава.

19. Привилл. Акад. § 3.

20. Привилл. Акад. §§ 7 и 8.

21. Привилл. Акад. § 2.

22. Привилл. Акад. § 10.

23. Привилл. Акад. § 6.

23. Привилл. Акад. § 11.

25. Привилл. Акад. § 12.

26. «Симеону же Полоцкому не изволи отецъ Епифаній удыла сего быти, того ради, зане аще и ученъ бѣ и знаише нѣчто, по латински точію; греческаго же ниже малѣйше что либо знаише.» См. *Слов. Истор. о Духов. Пис. митропол. Евсеіа, изд. II, ч. I, с. 180.*

27. Онъ умеръ въ 1680 году.

28. Тотъ самый, который сочинилъ вышеупомянутое «*Историческое извѣстіе о Московской Академіи*», ознаменовавшій себя и многими другими полезными и учеными трудами.

29. Деньги на это зданіе, двѣ тысячи рублей, завѣщаны Ляхудамъ Грекомъ же domestикомъ іеродіакономъ Меле-тіемъ, скончавшимся въ Москвѣ 1685 года. Замѣчательно, какое ревностное участіе принимали Греки въ нашемъ просвѣщеніи.

30. Они преподавали также и Италіянскій языкъ, которыми совершенно владѣли.

31. Въ самой Кіевской Академіи, до 1739 года, не было постояннаго ученія Греческому языку. Симеонъ Тодорскій, въ послѣдствіи архіепископъ Псковскій и Нарвскій, учив-

нѣлся въ Галлекомъ университетъ, по возвращеніи на родину былъ первымъ въ Кіевской Академіи учителемъ Еврейскаго, Греческаго и Нѣмецкаго классовъ.

32. Эти стихи напечатаны въ *Древ. Росс. Вивліов.*, изд. II, к. VI, стр. 390—397.

33. Сильвестръ Медвѣдевъ, родомъ изъ Курска, служившій прежде подъячимъ въ приказѣ тайныхъ дѣлъ, потомъ, по принятіи монашества, бывшій строителемъ Законоспасскаго монастыря, имѣлъ главный споръ съ Лихудами о «времени пресуществленія евхаристіи», былъ преданъ анаемъ отъ патриарха Іоакима, бѣжалъ въ Польшу, но на границѣ пойманъ, преданъ суду и лишенъ монашества; потомъ отрекся отъ своихъ заблужденій и даже проклялъ своего наставщика и друга Полоцкаго, что возвратило ему прощеніе и свободу; но, въ 1691 году, обличенный въ ересь и ересь съ Милославскимъ и Щегловитымъ, казненъ отсѣченіемъ головы. По свидѣтельству Поликарпова, Щегловитый помогалъ Сильвестру въ гоненіи на Лихудовъ и Академію; Сильвестра называютъ онъ, дѣлая каламбуръ изъ его фамиліи, «лѣспыгъ медвѣдемъ». Лихуды посланы въ ссылку уже по смерти патриарха Іоакима, въ 1691 году. Мѣстомъ заточенія ихъ былъ прежде Новоспасскій въ Москвѣ, потомъ Костромскій Ипатьевскій монастырь. Они пробыли подъ опалою пятнадцать лѣтъ.

34. То есть, для Великороссіянъ. Въ Малой-Россіи, по сосѣдству съ Польшею, такіе примѣры бывали. Но и тамъ это дѣлалось не гласно въ это подозрительное и строгое время. Св. Димитрій Ростовскій, въ своемъ «*Диріушѣ*» записалъ подъ 1684 годомъ, не за долго до удаленія Палладіева, что въ июнь мѣсяцъ братъ Θεοφανъ, монахъ Батуриискаго Крупицкаго монастыря, «отправился въ дальнія страны, Богъ въствъ, съ какимъ намъреніемъ.» Въ 1691 году, этотъ бѣглець возвратился на родину, и оказалось, что онъ ходилъ учиться философіи и богословіи въ Парижъ и въ Римъ. Неизвѣстно, куда онъ потомъ дѣвался.

35. См. Приказ. Акад. §§ 13, 15, 16.

36. Время прибытія Палладія въ Венецію въ точности не извѣстно. Самъ онъ говоритъ, что былъ принятъ въ общеніе

Восточнои церкви Митрополитомъ Филаделейскимъ, Мелетіемъ, намѣстникомъ святѣйшаго Каллиника патріарха Константинопольскаго. Каллиникъ проименованіемъ Пруссъ, трижды восходилъ на патріаршескій престолъ и занималъ его въ первые два раза отъ 1690 до 1693, въ послѣдній отъ 1694 до 1702 года. Между священноначальниками православнои Венеціанской церкви извѣстень митрополитъ Мелетій, проименованіемъ Коргаци, который постригалъ въ монашество и рукополагалъ братьевъ Дихудовъ; но онъ умеръ еще въ 1677 году, до патріаршества Каллиника и до послѣдніа на сценѣ Палладія. Послѣ его Венеціанскою церковнои прятилъ изгнанный Константинопольскій патріархъ Меѳодій, и за нимъ Герасимъ Влахъ, наставникъ Дихудовъ. Съ 1680 по 1708 годъ священноначальникомъ этой возмущенной паствы признавался отступникъ Ангель Тинпальдо. См. *Прибавл. къ церковн. Ист. Мелетія Авинскаго, издан. на Ново-Греч. языкъ. Вѣна, 1795, стр. 264.* Кто жъ былъ Мелетій, упоминаемый Палладіемъ? Можетъ-быть, какой-нибудь присланный изъ Константинополя «архіерей, но не признаваемый въ это смутное время Венеціанскимъ правительствомъ.

37. Тотъ самый, который былъ посланникомъ Петра Великаго въ Вѣнѣ, съ 1700 по 1705 годъ. Онъ былъ въ послѣдствіи Кіевскимъ генераль-губернаторомъ и скончался въ Кіевѣ 1722 года.

38. Это основано на граматѣ Аптіохійскаго патріарха Макарія къ Никону, данной въ Герговищахъ отъ 25 декабря 1657 года.

39. Все дѣло о соединеніи монаха Палладія съ Россійскою церковною напечатано въ *Древн. Росс. Вивлио., изд. II, т. XVIII, стр. 148—197.* Тутъ находится и исповѣдь Палладія, прекрасный памятникъ его богословской учености, сильной диалектики и краснорѣчія. Всѣ выраженія, приписываемыя здѣсь Палладію, заимствованы отсюда.

40. См. *Истор. изв. о Москов. Акад. (Д. Р. В. Ч. XVI.) стр. 302.*

41. Палладій положилъ основаніе этой трапезѣ, но не дождался ея совершенія.

42. Она приписывается несчастному Сильвестру Медведву.

43. Братья Лихуды были вызваны изъ заточенія своего въ Новгородъ митрополитомъ Іовомъ, 1706 года, и учредили тамъ Славяно-Греко-Латинское училище, въ которомъ науки преподавались до риторики и логики. Въ 1708 году, Софроній переведенъ опять въ Москву учителемъ Греческой школы, возобновленной при типографіи; но съ 1712 года получилъ новое назначеніе, заняться исправленіемъ Славянской библіи, вмѣстѣ съ другими учеными сотрудниками. Іоанникій перевхалъ къ нему въ 1716 и умеръ въ 1717 году. Софроній, окончивъ возложенный на него трудъ, произведенъ 1723 года въ архимандрита Рязнскаго Солотчикскаго монастыря и тамъ чрезъ семь лѣтъ положилъ свои кости.

III.

ЗЕФИРИЦЪ МАРКАСЪ.

(РАЗСКАЗЪ БАЛЬЗАКА.)

Никогда не видалъ я человѣка (со включеніемъ всѣхъ знаменитостей нашего времени), который имѣлъ бы такое поразительное лице, какое было у Маркаса. Посмотрѣвъ на его физиономію, испытываешь сперва какое-то меланхолическое ощущеніе, а потомъ переходишь къ ощущенію болѣзненному. Существовала нѣкоторая гармонія между его особою и именемъ. Буква З., предшествовавшая его фамиліи и означавшая его имя на адресахъ, заключала въ себѣ что-то таинственное, роковое.

Маркасъ! произнесите про себя это двусложное имя; не находите ли вы въ немъ печальной незначительности? Не кажется ли вамъ, что человѣкъ, носящій такое имя, долженъ быть страдальцемъ? Хотя оно странно и дико, однакожь имѣетъ полное право пе-

* Знаменитый романистъ намеренъ описывать новые типы Парижскаго общества, появившіеся послѣ Июльскихъ переворотовъ. На первый разъ онъ мастерски очертилъ *политическаго труженика*.

рейти къ потомству; оно хорошо составлено, легко произносится, и содержится въ краткихъ формахъ, которыя необходимы для именъ знаменитыхъ. Оно такъ же звучно, какъ и страшно, и, кажется, будто бы не кончено, не досказано. Не берусь доказать, что имена не имѣютъ вліянія на людей. Между фактами жизни и именами людей есть тайныя и неизъяснимыя соотношенія или удивительныя, разительныя противоположности. На земномъ шарѣ все связано; можетъ быть, когда нибудь стануть опять заниматься таинственными науками.

Не видите ли вы въ очертаніи буквы З. насильственнаго, не прямаго хода жизни? Какой вѣтеръ искривилъ эту букву? Во всѣхъ языкахъ, она курчава и безобразна. Маркаса звали Зефириномъ. Святой Зефиривъ очень уважается въ Бретани, а Маркасъ былъ Бретонецъ.

Посмотрите еще разъ на это имя: З. Маркасъ! Вся жизнь человека въ этомъ фантастическомъ соединеніи семи буквъ. Семь—самое знаменательное число изъ всѣхъ кабалистическихъ чиселъ. Онъ умеръ на тридцать пятомъ году, т. е. прожилъ семь дюстръ. Маркасъ! При этомъ имени, не слышится ли вамъ, что какал-то драгоценность разбилась въ дребезги?

Въ 1836 году я оканчивалъ курсъ права въ Парижѣ. Тогда я жилъ въ улицѣ Корнель, въ домѣ, предназначенномъ для студентскихъ квартиръ, въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ лѣстница идетъ улиткою, внизу освѣщается улицей, въ срединѣ темными окнами, а наверху слуховымъ окномъ. Тутъ было собою: комнаты, меблированныя, какъ нужно для студентовъ: постель, нѣсколько стульевъ, камюдь, зеркало и столъ; чего же еще больше для юности?

Когда небо ясно, студентъ отвергаетъ окно; но въ этой улицѣ не за кѣмъ волочиться. Напротивъ дома стоитъ унылый театръ Одеона и представляетъ воорамъ свои почернѣвшія стѣны, маленькія окна ложь и длинную крышу изъ черепицы. При моей бѣдности, я не могъ нанять хорошей комнаты; даже не могъ нанять цѣлой комнаты, и жилъ вмѣстѣ съ Жюстомъ, въ пятомъ этажѣ.

Съ этой стороны лѣстницы находилось только двѣ комнаты, наша и комната З. Маркаса, нашего сосѣда. И я и Жюсть, въ продолженіе полугода, вовсе не знали, кто нашъ сосѣдь. Старуха, управлявшая домомъ, сказала намъ, что сосѣдняя комната занята, но что намъ будетъ очень спокойно, ибо сосѣдь нашъ человекъ претикой. Въ самомъ дѣлѣ въ цѣлое полугодіе, мы ни разу не видали сосѣда, ни разу не слышали у него шума, хотя были раздѣлены тонкою деревянною перегородкою.

Комната наша, вышиною въ семь футовъ, была оклеена дрянными обоями, синими съ букетами; крашеный полъ не выдвигалъ ноги полотера. У кроватей лежали незавидные ковры изъ покровокъ. Каминъ былъ такъ близко къ крышѣ, что безпрестанно вышибало дымъ; мы на свой счетъ построили на трубѣ желѣзную будку. Кровати наши были кушетки изъ простаго крапенаго дерева, очень похожія на школьныя кровати. На каминѣ стояли два мѣдныя подсвѣчника, иногда со свѣчами, чаще безъ свѣчей; лежали двѣ трубки; валялся табакъ, въ картузахъ или щепотками. Тутъ же красовались кучки пепла, остававшіяся послѣ гостей или послѣ собственнаго нашего куренія. Двѣ завѣски висѣли на полѣ, передъ окномъ, а на простѣвкахъ приклепаны были двѣ походныя, деревянные библіотеки,

знакомыя всѣмъ, кто бывалъ въ Латинскомъ кварталѣ; въ нихъ сохранились книжки, необходимыя для нашего ученія. Чернило высыхало въ чернилицѣ, какъ застывшая лава въ отверстіи огнедышущей горы. Въ наше время, всякая чернилица можетъ превратиться въ Везувій. Нечпненная церья служила для чистки трубокъ. Противъ всѣхъ законовъ кредита, бумага была у насъ гораздо рѣже денегъ.

Какъ можно вообразить, что молодые люди станутъ сидѣть въ подобныхъ комнатахъ? За то студенты учатся въ кофейныхъ домахъ, въ театрѣ, въ аллеяхъ Луксанбургскаго сада, у гризетокъ, вездѣ, даже въ школь права, только не въ страшныхъ свѣжыхъ комнатахъ, страшныхъ для ученія, но очень мѣлыхъ для болтовни и куренья. Положите сватерть на столъ, пойдите за обѣдомъ къ лучшему трактирщику въ околодкѣ, на четыре прибора, для двухъ гризетокъ; литографируйте картину съ этого вида, и даже мертвый улыбнется.

Мы думали только объ удовольствіяхъ. Причина нашей беспорядочной жизни была основана на важнѣйшемъ пунктѣ нынѣшняго положенія общества. Жюсть и я не видали возможности занять мѣсто на обояхъ поприщахъ, къ которымъ мы приготавливались по волѣ нашихъ отцовъ. На одного кліента приходится по сту адвокатовъ, по сту лекарей.

Толпа тѣснится на этихъ поприщахъ, ведущихъ, какъ всѣ думаютъ, къ богатству, и превращаетъ ихъ въ арены: тутъ сражаются, бьютъ другъ друга, не штыкомъ и не пулею, но нитридой и клеветою, страшными трудами, умственными походами, которые гораздо убійственнѣе страшной Италіанской кампаніи во времена республики. Нынѣ вездѣ умствен-

ный битвы; надобно умѣть просиживать по двое сутокъ на креслѣ, передъ столомъ, какъ прежде генералъ долженъ былъ просиживать по два дня на лошади. Множество искателей заставило медицину раздѣлиться на категоріи: есть медяки-писатели, медики-профессоры, медики политическіе, медики военные; всѣ четыре рода уже биткомъ набиты. Есть еще родъ, медики, продающіе лекарства; но и тутъ сильное соперничество, битва производится странными афишами, которыя развѣшиваются по стѣнамъ Парижа. Въ судахъ, столько же адвокатовъ, сколько тяжбъ. Адвокаты бросились въ политику, въ литературу, въ журналы.

Наконцѣ правительство, не зная, чѣмъ отдѣлаться отъ толпы просителей, потребовало, для заплтія мѣсть, нѣкотораго состоянія, богатства. Странная голова богатаго лавочника предпочитается умной головѣ бѣднаго, талантливаго юноши. Молодой человекъ, начинающій съ нуля, можетъ хлопотать, развивать всю свою энергію, а все таки, черезъ десять лѣтъ, ничего не выиграетъ; даже, можетъ быть, опустится ниже прежняго. Нынѣ талантъ долженъ имѣть счастье, которымъ живетъ посредственность; этого мало: онъ никогда ничего не получитъ, если пренебрежетъ низкими условіями, которыя даютъ успѣхъ пресмыкающейся бездарности.

Такъ мы знали совершенно эпоху; знали сами себя, и бездѣйствіе мыслителей предпочитали дѣятельности безъ цѣли, нѣгу и наслажденіе ставили выше бесполезныхъ трудовъ, которые измучили нашу отвагу и отняли у насъ живость ума. Мы разобрали положеніе нынѣшняго общества, шутя, куря сигары, прогуливаясь. Не смотря на образъ составленія, наши разсужденія вѣрны быми не глупы, а глубоки.

Никто не искалъ Жюста, и Жюсть ни въ комъ не искалъ. Въ двадцать пять лѣтъ, онъ былъ глубокимъ политикомъ, мастерски умѣлъ отгадывать дальнѣйшія отношенія между настоящими и будущими событіями. Въ 1831 онъ предсказалъ мнѣ все, что должно случиться и что уже случилось: возвышеніе Жидовъ, недостатокъ способныхъ людей въ высшей сферѣ, и изобиліе талантовъ въ низшихъ слояхъ общества, гдѣ превосходнѣйшіе порывы потухаютъ подъ непломъ цигаръ. Что дѣлать? Семейство его хотѣло, чтобъ онъ былъ медикомъ. Быть медикомъ значитъ ждать практики въ продолженіе двадцати лѣтъ. Знаете ли, что онъ сдѣлалъ? Онъ выучился медицинѣ, но уѣхалъ изъ Франціи въ Азію. Въ эту минуту, онъ можетъ стать умираеть въ пустынѣ отъ усталости, или гибнетъ подъ ударами какой нибудь шайки варваровъ, или занялъ мѣсто перваго министра у какого нибудь Индѣйскаго владыки. А я, я чувствую, что я призванъ къ дѣйствию. Въ двадцать лѣтъ я вышелъ изъ школы; въ военную службу могъ поступить, но съ условіемъ: начать просто съ солдатской службы. Испутовавшись адвокатскаго званія, я научился всему, что нужно для моряка. Подражаю Жюсту, оставляю Францію, гдѣ тратишь время и энергію, которыя могутъ дать удивительные результаты на то, чтобы очистить себѣ мѣстечко. Слѣдуйте моему примѣру: ѣду туда, гдѣ можно управлять своею судьбою!

Такія великія рѣшенія хладнокровно были приняты въ маленькой комнатѣ улицы Корнель, между сборами на балъ къ Мюзару, въ свободное время отъ ухаживанія за веселыми гризетками, среди жизни шумной, безпечной по видимому. Наши намѣренія, разсужденія долго не имѣли рѣшительнаго ха-

рактера. Сосѣдъ нашъ Маркасъ привелъ насъ къ потоку или къ безднѣ, и заставилъ ее намѣрить, показавъ намъ напередъ, что съ нами будетъ, если мы въ нее упадемъ. Онъ удержалъ насъ отъ сближенія съ нищетою, поддерживаемаго надеждою, которая заставляеть принимать невыгодныя мѣста и портить будущность.

Первая наша встрѣча съ Маркасомъ ослѣпила насъ. Возвращаясь изъ школь, до обѣда, мы обыкновенно заходили домой и ждали другъ друга, чтобъ узнать, не измѣнились ли наши вечернія намѣренія.

Однажды, въ четыре часа, Жюсть встрѣтилъ Маркаса на лѣстницѣ, а я увидалъ его на улицѣ. Тогда былъ Ноябрь мѣсяць, а Маркасъ шелъ безъ плаща. На немъ были сапоги на толстой подошвѣ, синій сюртукъ, застегнутый до верху и высокій, черный галстухъ, что придавало ему видъ военнаго. Въ этомъ костюмѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго, но онъ шелъ къ походкѣ и къ лицу этого человѣка. При видѣ его, я не почувствовалъ ни изумленія, ни удивленія, ни печали или сожалѣннй; я ощущалъ любопытство, смѣшанное со всѣми этими чувствами. Онъ шелъ медленно, такимъ шагомъ, въ которомъ выражалась глубокая грусть; голова его была наклонена впередъ, а не спущена къ груди, какъ бываетъ у людей, которые сознають вину свою. Огромная и сильная голова, содержавшая по видимому всѣ сокровища, необходимыя отчалпному честолюбцу, была отягощена мыслями, подавлена бременемъ нравственной печали, но въ чертахъ его не видно было ни малѣйшаго признака угрызеннй совѣсти. Лице его я объясню однимъ словомъ.

По общепринятому народному повѣрью, всякое человѣческое лице непремѣнно похоже на животна-

го. Маркасъ походилъ на льва. Волосы его были очень похожи на львиную гриву; носъ у него былъ короткій, плоскій, широкій, раздвоенный на концѣ, какъ у льва. Лобъ его раздѣлялся на двѣ половины, широкою полосою, то же какъ у льва. Скулы выдавались впередъ отъ сухощавости его; ротъ казался огромнымъ; худыя щеки украшались гордыми морщинами; все это отбѣнялось желтымъ цвѣтомъ. Страшное его лице освѣщалось двумя огоньками, парюю черныхъ глазъ, спокойныхъ, исполненныхъ чрезвычайной доброты и глубокихъ мыслей. Глаза его стыдился, если можно такъ выразиться. Маркасъ боялся глядѣть пристально, не за себя, а за тѣхъ, на кого долженъ былъ пасть его очаровывающій взглядъ; онъ владѣлъ силою, но не хотѣлъ ею пользоваться, щадилъ проходящихъ, страшился быть замѣченнымъ. То была не скромность, а рѣшимость, не христіанская рѣшимость, происходящая отъ смиренія, а рѣшимость, проистекающая отъ совѣтовъ ума, который доказалъ, что таланты нынѣ бесполезны, что невозможно стать и жить въ средѣ, ему свойственной. Въ нѣкоторыя минуты, взглядъ его могъ поражать, какъ молнія. Изъ устъ его исходилъ громовой голосъ, походившій на голосъ Мирабо.

— Я видѣлъ на улицѣ чуднаго человѣка, сказалъ я, входя къ Жюсту.

— Вѣрно нашего сосѣда, отвѣчалъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ описалъ его. Человѣкъ, живущій отшельникомъ, долженъ имѣть такой видъ, сказалъ Жюстъ, оканчивая свое описаніе.

— Какое униженіе и какое величіе!

— Одно пропорціонально съ другимъ!

— Сколько погнѣвшихъ надеждъ, несбывшихся мечтаній!

— Сколько разваливъ, отвѣчалъ Жюстъ съ улыбкою; это развалины Пальмиры въ пустынь!

Съ тѣхъ поръ мы прозвали сосѣда развалинами Пальмиры. Отправляясь обѣдать къ дрянному трактирщику въ улицѣ Лагарпъ, мы спросили у хозяйки, кто живетъ въ 37 №; намъ сказали роковое имя З. Маркаса. Какъ дѣти, повторяли мы сто разъ, съ разными варіаціями голоса, смѣшными и печальными, это имя, покорявшееся нашей шуткѣ. Жюстъ выучился произносить З съ трескомъ, похожимъ на полетъ ракеты, и великолѣпно протягивая первый слогъ фамиліи, произносилъ второй быстро, что живо напоминало о какомъ-то паденіи.

— Гдѣ и какъ живетъ онъ?

Отъ этого вопроса мы немедленно перешли къ невинному шпіонству, внушенному любопытствомъ. Мы не пошли гулять, а возвратились домой, взяли по роману и читая слушали. Въ комнатахъ царствовало совершенное молчаніе; мы слышали только ровный и пріятный шумъ, дыханіе спящаго чловѣка.

— Онъ спитъ, сказала я Жюсту.

— Теперь, въ семь часовъ! отвѣчалъ докторъ.

Такъ назвалъ я Жюста, который величалъ меня хранителемъ печати, т. е. министромъ юстиціи.

— Надобно быть очень несчастнымъ, чтобы спать такъ долго, какъ нашъ сосѣдъ, сказалъ я, вскочивъ на комодъ, съ огромнымъ ножомъ. На верху перегородки я прорѣзалъ дыру и, забывъ, что нѣтъ ог-

ня, приставилъ къ дырѣ глаза, но ничего не видалъ кромѣ мрака. Въ часъ ночи, когда мы отчитали романъ и начали раздвигаться, послышался въ комнатѣ сосѣда шорохъ. Онъ всталъ, затрещалъ фосфорическою спичкою и зажегъ свѣчу. Я опять вскочилъ на комодъ. Маркасъ сидѣлъ за столомъ и переносывалъ тяжёлое дѣло. Кювета его была вдвое меньше нашей; кровать стояла возлѣ двери. Вѣсто камина стояла небольшая печь изъ бѣлаго фаянса, съ зелеными пятнами, отъ которой шла труба на крышу. На окнѣ висѣли бѣдные пожелтѣлыя завѣски. Вся мебель состояла изъ кресла, стола и ночнаго столика. Бѣлье свое держалъ онъ въ бумажныхъ листахъ. Обои на стѣнахъ были оборваны. Тутъ, безъ сомнѣнiя, прежде Маркаса жилъ какой нибудь лакей.

— Что тамъ? спросилъ докторъ.

— Посмотри самъ, сказалъ я, слѣзалъ съ комода.

На другой день, утромъ въ девять часовъ, Маркасъ лежалъ на постели. Онъ уже позавтракалъ колбасою; на тарелкѣ, съ крошками хлѣба, лежали объѣдки этого кушанья, намъ очень знакомаго. Маркасъ спалъ, проснулся не ранѣе одиннадцати часовъ, и опять принялся за бумаги, написанныя ночью и лежавшія на столѣ. Сходя внизъ, мы спросили, что стоитъ комната, и узнали, что онъ платитъ по 15 франковъ въ мѣсяцъ. Въ нѣсколько дней мы совершенно узнали образъ жизни Маркаса. Онъ переписывалъ тяжёлыя бумаги, для какого-то поставщика переписчиковъ, жившаго на дворѣ капеллы. Онъ работалъ половину ночи; спалъ отъ шести до десяти часовъ утра, вставалъ и опять садился за переписку, писалъ до трехъ часовъ; потомъ уходилъ со

двора, до обѣда относили переписанныя бумаги, а обѣдали въ улицѣ Мишель, у Мизерея, за девять су; потомъ, въ шесть часовъ, опять ложился спать. Намъ доказали, что Марксъ въ цѣлый мѣсяцъ не произноситъ пятнадцати фразъ, ни съ кѣмъ не говоритъ; даже не разговариваетъ самъ съ собою въ убогой своей комнаткѣ.

— Развалины Пальмиры страшно молчаливы! говоривалъ Жюстъ.

Такое молчаніе въ человѣкѣ, обладавшемъ значительною наружностію, имѣло глубокое значеніе. Иногда, встрѣчаясь, мы мѣнялись взглядами, полными мыслей, но никогда не завязывали разговора. Незамѣтно, этотъ человѣкъ сталъ для насъ предметомъ внутренняго удивленія, хотя мы не могли объяснить причинъ такого чувства. Происходило ли оно отъ его тайно-скромнаго образа жизни, или отъ его монастырской правильности, отшельнической умѣренности, отъ его глупой работы, которая позволяла мысли засыпать или дѣйствовать, и показывала, что онъ ждетъ лучшихъ минутъ, или отчаялся въ жизни своей?

Долго гуляли мы въ развалинахъ Пальмиры, но потомъ забыли ихъ: мы были такъ молоды! Пришелъ карнавалъ, Парижскій карнавалъ, который скоро убьетъ старую Венеціанскую масляницу и привлечетъ всю Европу въ Парижъ, если несносные полицейскіе префекты ему не помѣшаютъ. Надобно бы дозволить игру на время карнавала; моралисты, уничтожившіе публичную игру, рассчитали невѣрно и откроютъ эту необходимую лзву, когда имъ будетъ доказано что Франція проигрываетъ свои милліоны въ Германіи.

Веселый карнавалъ привелъ къ намъ, какъ и ко всѣмъ студентамъ, большую бѣдность. Мы сбывали

всѣ предметы роскоши, продали все, что было у насъ вдвойнѣ, платья, сапоги, жилеты, все, кромѣ друга. Мы питались хлѣбомъ и сухими кушаньями, ходили осторожно, принялись трудиться, задолжали хозяйкѣ за два мѣсяца, и кромѣ того, каждый изъ насъ ожидалъ получить отъ дворника записку строкъ въ восемьдесятъ, съ итогомъ въ 40 или 50 франковъ. Не быстро и не весело проходили мы по четырехугольной площадкѣ, находившейся подѣ лѣстницею; часто прыгали мы черезъ нее, съ послѣдней ступеньки прямо на улицу. Въ тотъ день, какъ у насъ не стало табаку, мы замѣтили, что уже нѣсколько дней ѣдимъ хлѣбъ безъ масла, и чрезвычайнo опечалились.

— Нѣтъ табаку! сказалъ докторъ.

— Нѣтъ и плаща! отвѣчалъ хранитель печати.

— А шалуны! вы одѣвались почталіонами и рыбаками! ужинали утромъ и завтракали вечеромъ у Бери, и даже въ Роше Деканкаль! На хлѣбъ, да на воду, господа! Слѣдовало бы, — продолжалъ я возвышая голосъ, — положить васъ подѣ кровати, вы недостойны спать на постеляхъ....

— Точно такъ, г-нъ министръ, но нѣтъ табаку, отвѣчалъ Жюсть.

— Пора писать къ теткамъ, матушкамъ и сестрицамъ, что у насъ нѣтъ бѣлья, что бѣготня по Парижу истребила бы даже чулки изъ проволоки. Мы рѣшимъ славную химическую задачу, когда превратимъ бѣлье въ дсньги.

— А надобно жить какъ нибудь до полученія отвѣта.

— Ну, я пойду понцу денегъ, займу у тѣхъ изъ товарищей, которые не расгратили всего капитала.

— Что ты достанешь?

— Какъ что? Франковъ десяти! отвѣчалъ я съ гордостію.

Маркасъ все слыпалъ. Въ полдень онъ постучался къ намъ въ дверь и сказалъ: — Господа, вотъ табакъ, вы отдадите мнѣ его при удобномъ случаѣ.

Мы были поражены, не предложеніемъ, на которое согласились, а богатствомъ, звучностію, полнотою его голоса, который можно было сравнить только съ четвертою струною скрипки Паганини. Маркасъ вышелъ, не дождавшись изъявленій нашей благодарности. Мы смотрѣли другъ на друга въ глубокомъ молчаніи. Намъ помогалъ человекъ, гораздо бѣднѣ насъ! Жюстъ свѣлъ писать ко всѣмъ своимъ родственникамъ, а я отпавился занимать, и успѣлъ достать двадцать франковъ у одного знакомаго. Въ то несчастное доброе время, публичная игра была еще дозволена, и молодые люди могли еще, рискуя небольшими деньгами, выиграть нѣсколько золотыхъ монетъ. У моего знакомаго былъ турецкій табакъ, привезенный однимъ морякомъ изъ Константинополя; мнѣ дали столько табаку, сколько мы получили отъ З. Маркаса. Я принесъ богатую добычу домой, и мы съ триумфомъ отдали сосѣду сладострастную, блокурую кигу турецкаго табаку вмѣсто его солдатскихъ корешковъ.

— Вы не хотѣли оставаться въ долгу, сказалъ онъ; отдаете мнѣ золото за мѣдь, вы добрые, предобрые люди!

Всѣ три фразы, сказанныя различно, были произнесены особеннымъ голосомъ. Слова ничего не значили, а голосъ... по голосу его, мы казались десятилѣтними друзьями. Услышавъ, что мы идемъ, Маркасъ спряталъ свои бумаги. Мы поняли, что не слѣдуетъ спрашивать, чѣмъ онъ живетъ; тогда намъ стало стыдно, что мы за нимъ присматривали. Въ открытомъ комодѣ лежали двѣ рубанки, бѣлый галстухъ и бритва. Бритва заставила меня ужаснуться. У окна висѣло зеркало, стоявшее франковъ пять. Простыя и рѣдкія тѣлодвиженія этого человѣка отличались дикимъ величіемъ. Я перемигнулся съ докторомъ, желая узнать, что надобно отвѣчать Маркасу. Замѣтивъ мое смущеніе, Жюсть сказалъ ему:

— Вы занимаетесь литературою?

— Вѣрно нѣтъ, сказалъ я; теперь поэзія не даетъ и куска хлѣба!

Мое замѣчаніе разсмѣшило его; улыбка придавала его желтому лицу нѣкоторую пріятность.

— Честолюбіе такъ же строго къ людямъ, не имѣющимъ успѣха, какъ и поэзія, отвѣчалъ онъ; вы, начинающіе жить, идите по пробитымъ тропинкамъ; не старайтесь отличиться, или вы погибнете!

— Вы совѣтуете намъ всегда оставаться тѣмъ, что мы теперь? спросилъ докторъ съ улыбкою.

Онъ подавъ намъ табаку, приглашалъ насъ выкурить трубку; докторъ побѣждалъ за нашими трубками. Маркасъ набилъ свою, потомъ пошелъ къ намъ (въ его комнатѣ стояли одинъ стулъ и одно кресло) и понесъ табакъ. Быстро, какъ бѣлка, Жюсть побѣ-

жалъ съ лѣстницы и возвратился съ тремя бутылками бургонскаго, сырѣмъ и хлѣбомъ.

— Хорошо, подумалъ я, это стоитъ пятнадцать франковъ; — и не ошибся ни мало.

Въ самомъ дѣлѣ, Жюсть важно положилъ на каминъ пятифранковую монету.

Есть неисчислимыя различія между человѣкомъ общественнымъ и человѣкомъ, живущимъ съ природою. Попавшись въ плѣнъ, Туссенъ Лувертюръ умеръ, не сказавъ ни слова. Наполеонъ, на скалахъ Св. Елены, бѣдгаль, какъ сорока: онъ хотѣлъ объясниться. З. Маркасъ подвергся такой же ошибкѣ, но только въ нашу пользу. Молчаніе, во всемъ своемъ величій, встрѣчается только у дикаря. Каждый преступникъ, могущій схоронить тайны свои въ могилѣ, чувствуетъ потребность разсказать ихъ кому бы то ни было.

Вотъ что разсказалъ намъ Маркасъ въ это утро, смѣшивая разсказъ свой съ сырѣмъ, хлѣбомъ и добрымъ виномъ. Мы выкурили весь табакъ въ одно утро. Только фіакры, проѣзжавшіе по площади Одеона, только тяжелый стукъ омнибусовъ напоминали намъ, что мы еще въ Парижѣ.

Онъ родился въ Витре; отецъ и мать его жили небольшими доходами, получали въ годъ полторы тысячи франковъ. Онъ безденежно учился въ семинаріи, но не захотѣлъ вступить въ духовное званіе: онъ чувствовалъ въ себѣ пламень безмѣрнаго честолюбія и, будучи двадцати лѣтъ, пустился пѣшкомъ въ Парижъ, съ двумястами франковъ въ карманѣ. Онъ выучился праву, работалъ у ходатая по дѣламъ, и занималъ уже мѣсто старшаго его помощника.

Онъ былъ докторомъ правъ, изучилъ древнее и новое законодательство, могъ научить самыхъ знаменитыхъ адвокатовъ. Онъ зналъ народное право, помнилъ всѣ Европейскіе трактаты и общіе дипломатическіе обычаи. Онъ изучилъ людей и событія въ пяти столицахъ, въ Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ и Константинополѣ. Никто лучше его не зналъ обычаевъ палаты. Въ продолженіе пяти лѣтъ, описывалъ онъ засѣданія палаты для одной ежедневной газеты. Онъ могъ говорить безъ предварительнаго приготовленія, говорилъ неподобно, говорилъ долго тѣмъ звучнымъ голосомъ, который проникъ намъ въ душу. Разказомъ жизни своей онъ доказалъ намъ, что онъ великій ораторъ, отличающійся сжатостію, важностію и увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Онъ походилъ на Беррье жаромъ и тѣлодвиженіями, пріятными для слушателей, и на Тьера тонкостію и ловкостію, но не былъ такъ многорѣчивъ, не сбивался, какъ Тьеръ. Онъ думалъ быстро добратся до министерства, не вдаваясь въ оппозицію, которая въ послѣдствіи много мѣшаетъ государственнымъ людямъ.

Маркасъ изучилъ все, что долженъ знать государственный человекъ; за то онъ чрезвычайно изумился, увидѣвъ глубокое незнаніе людей, достигшихъ во Франціи до управленія общественными дѣлами. У него, внутреннее призваніе совѣтовало ему учиться, а природа истощила надъ нимъ свою щедрость, давъ ему все, что не пріобрѣтается ученіемъ: живую проницательность, власть надъ самимъ собою, силу ума, быстроту размышленія, рѣшимость и плодовитость въ средствахъ. Последнее свойство составляетъ геній государственныхъ людей.

Мѣсто Маркаса было въ политическихъ газетахъ. По бѣдности онъ не могъ попасть въ депутаты, и

рѣшился на величайшее пожертвованіе, для отличнаго человѣка, рѣшился служить какому нибудь богатому и честолюбивому депутату и работать за него. Какъ новый Бонапартъ, онъ искалъ своего Барраса; новый Кольберъ надѣялся найти Мазарина. Онъ оказалъ полезнѣйшія услуги, но не хвасталъ ими, не провозглашалъ себя великимъ человѣкомъ, не жаловался на неблагодарность; онъ оказывалъ услуги, въ надеждѣ, что покровитель доставитъ ему средства попасть въ депутаты. Маркасъ желалъ взять въ займы столько денегъ, сколько нужно для покупки дома въ Парижѣ; такимъ образомъ онъ сталъ бы платить подать, требуемую закономъ для званія депутата. Ричардъ просилъ только коня.

Въ три года, Маркасъ создалъ своему покровителю политическую знаменитость, которая дала ему средства получить министерскій портфель.

Этотъ человѣкъ держался только Маркасомъ, но былъ довольно уменъ и понималъ всю цѣну своего руководителя, зналъ, что Маркасъ, достигнувъ власти, удержится какъ человѣкъ необходимый, а онъ будетъ переведенъ въ Луксбургскую колонію, палату перовъ. Онъ рѣшился затруднить поприще своего руководителя непреодолимыми препятствіями, и скрывалъ эту мысль подъ притворною преданностію. Какъ всѣ мелочные люди, онъ умѣлъ мастерски притворяться; потомъ сталъ еще неблагодарнѣе: задумалъ убить Маркаса, чтобы самому не погибнуть отъ него.

Оба эти человѣка, по видимому столь связанные узами дружбы, возненавидѣли другъ друга, какъ скоро одинъ обманулъ другаго. Государственный человѣкъ получилъ министерскій портфель. Маркасъ ос-

тался въ оппозиціи, чтобы не падала на его министра, которому онъ, разными продѣлками, умѣлъ доставить похвалу оппозиціонныхъ газетъ. Не желая наградить своего сотрудника, государственный человѣкъ отговаривался невозможностію дать тотчасъ мѣсто писателю, принадлежащему къ оппозиціи. Маркасъ надѣялся, что, получивъ мѣсто посредствомъ жепитьбы, добудетъ столько денегъ, сколько нужно для депутатскаго званія. Ему было тогда тридцать два года. Онъ предвидѣлъ распущеніе палаты. Убѣдившись въ обманѣ министра, онъ свергнулъ его или по крайней мѣрѣ много содѣйствовалъ его паденію, и покрылъ его стыдомъ.

Павшій министръ можетъ опять овладѣть портфелемъ, если умѣетъ стать страшнымъ. Этотъ человѣкъ, воображавшій, что вѣчно будетъ министромъ, увидѣлъ свою ошибку. Признаваясь въ пей, онъ оказалъ Маркасу денежную услугу. Во время борьбы съ нимъ, Маркасъ вошелъ въ долги. Павшій министръ поддерживалъ газету Маркаса и поручилъ ему редакцію ея: хотя Маркасъ презиралъ его, однакожь принялъ одолженіе и вступилъ въ притворный союзъ съ павшимъ министромъ. Не открывая еще всѣхъ своихъ батарей, Маркасъ пошелъ далѣе прежняго; показалъ половину своей ловкости въ дѣлахъ, министерство пало. Войдя въ сношеніе съ депутатами, онъ дѣлалъ изъ нихъ что хотѣлъ, какъ изъ тѣста, и они имѣли высокое понятіе объ его талантѣ. Кукла Маркаса получила прежнее мѣсто, а журналъ его принялъ сторону министерства. Министръ соединилъ этотъ журналъ съ другимъ, съ намѣреніемъ убить Маркаса, который, при этомъ сліянніи журналовъ, принужденъ былъ уступить мѣсто сопернику богатому и заносчивому, извѣстному по имени и

пользовавшемуся нѣкоторою знаменитостію. Маркасъ опять попалъ въ страшную нищету; его гордый покровитель зналъ, въ какую низвергаетъ его бездну. Что дѣлать? Министерскіе журналы, увѣдомленные тайно, не хотѣли дать ему мѣста. Оппозиціонные журналы не могли принять его. Маркасъ не могъ перейти къ республиканцамъ или легитимистамъ, потому что торжество этихъ партій повлечетъ за собою упадокъ нынѣ существующаго порядка. Честолюбцы любятъ дѣйствительную современность, ска- залъ онъ намъ улыбаясь. Онъ жилъ статьями о торговыхъ предпріятіяхъ, работалъ для одной изъ тѣхъ энциклопедій, которыя порождены не наукою, а спекуляціею. Наконецъ составилъ журналъ, жившій не болѣе двухъ лѣтъ, но пригласившій Маркаса въ редакторы. Тутъ возобновилъ онъ знакомство съ врагами министра, могъ вступить въ партію, искавшую паденія министерства, и министерство пало, какъ скоро Маркасъ началъ дѣйствовать.

Журналъ Маркаса прекратился. Въ продолженіе полугода, онъ не могъ найти мѣста. Его ославили опаснымъ человекомъ. Клевета могла очернить его: недавно убилъ онъ обширное финансовое и промышленное предпріятіе, нѣсколькими статьями и злою кпнжкою. Его почитали исполнителемъ воли одного банкира, который, будто бы, дорого заплатилъ ему и готовъ былъ еще помочь ему за его преданность. Получивъ отвращеніе отъ людей и дѣлъ, истощивъ силы въ пятнадцатилѣтней борьбѣ, Маркасъ прослылъ разбойникомъ, а не великимъ полководцемъ, страдалъ подъ бременемъ необходимости, которая заставляла его думать о насущномъ хлѣбѣ, а не о возвышеніи, пришелъ въ отчаяніе отъ вліянія денегъ на мысль и впасть въ величайшую нищету, у-

дадился въ свою комнѣтку, гдѣ зарабатывалъ перепискою по тридцатя су въ день, сумму, необходимую на его ежедневныя издержки. Размышленіе окружило его пустынями. Онъ читалъ журналы, чтобы знать, какъ идутъ дѣла. Безъ сомнѣнія, Маркасъ приготовлялся къ отчаянной атакѣ; онъ приучалъ себя, можетъ быть, къ притворству и наказывалъ себя за ошибки пифагорическимъ безмолвіемъ. Онъ не сказывалъ намъ, по какимъ причинамъ такъ дѣйствуетъ.

Не возможно рассказывать высоко-комическія сцены, скрытыя подъ этимъ алгебраическимъ синтезомъ жизни: бесполезное ожиданіе у ногъ улетавшей фортуны, безконечныя походы между Парижскимъ кустарникомъ, бѣготню озабоченнаго просителя, его попытки надъ глупцами, высокіе планы, не имѣвшіе удачи по капризу безумной женщины, переговоры съ лавочниками, желавшими получить отъ капиталовъ и званіе пера и неимовѣрныя барыши; надежды, близкія къ цѣли и упاداющія въ низъ; чудеса, оказанныя соединеніемъ противныхъ выгодъ, которыя черезъ недѣлю опять разлучались; псевдовольствія, такъ часто повторяемыя, видѣть глупца, украшеннаго почетнымъ легиономъ и необразованнаго, выше талантливаго человѣка; а болѣе всего ужасала Маркаса хитрость глупости: поражаетъ человѣка, онъ кажется убѣжденнымъ, киваетъ головою, все улажено; на утро, эта фигура изъ гуммиластика, сжатая на минуту, опять получаетъ прежнюю твердость, даже раздувается во время почи, и надобно начинать дѣло снова. Вы трудитесь до тѣхъ поръ, пока убѣждаетесь, что имѣете дѣло не съ человекомъ, а съ мастикой, которая высыхаетъ на солнцѣ.

Эти безпрерывныя неудачи, неисчислимаго потера человѣческой силы, потраченной на безплодныя ве-

щи, трудность дѣлать добро, невѣроятная легкость дѣлать зло, двѣ сдѣланныя битвы, два раза проигранныя и два раза выигранныя, ненависть министра, деревянной головы съ разрисованною маскою и фальшивыми волосами, въ котораго однакожь вѣрили, всѣ эти великія и ничтожныя вещи не убили Маркаса, но лишили его бодрости на нѣкоторое время. Въ тѣ дни, когда деньги катились къ Маркасу, руки его не умѣли удерживать ихъ; онъ доставлялъ себѣ неземное удовольствіе: посылалъ ихъ своимъ родственникамъ, сестрамъ, братьямъ, старику отцу. Подобно Наполеону, послѣ паденія, онъ нуждался только въ тридцати су, а человекъ съ волею всегда можетъ въ Парижѣ добыть тридцать су въ день.....

..... Окончивъ разговоры, мы всѣ трое пошли со двора и отправились гулять въ Луксбургскій садъ, не смотря на холодъ, въ ожиданіи обѣда. Во время прогулки, разговоръ, все еще важный, коснулся печальныхъ сторонъ настоящаго политическаго положенія Франціи. Каждый изъ насъ пожертвовалъ фразою, замѣчаніемъ или словомъ, шуткою или правиломъ. Занялись не исключительнымъ вопросомъ о жизни, въ колоссальныхъ размѣрахъ, которую живо описалъ намъ Маркасъ, воишь политическихъ битвъ. Кончился страшный монологъ морехода, выброшеннаго бурею въ комнатку улицы Корнель; начался разговоръ двухъ умныхъ юношей, которые, обсудивъ свою эпоху, старались объяснить свою будущность, подъ руководствомъ талантливаго человека.

..... Этотъ день отозвался въ нашей жизни. Маркасъ утвердилъ насъ въ нашемъ желаніи оставить Францію, гдѣ молодые, дѣятельные таланты раздавлены подъ гнетомъ добившихся, завистливыхъ

и неиспытанных посредственностей. Мы пообедали вместе, въ улицъ Лагарпъ. Съ этой минуты, мы чувствовали къ нему почтительную любовь; а онъ оказывалъ намъ самое дѣлительное покровительство въ сферѣ идей. Этотъ человѣкъ зналъ все, во все про-никъ. Онъ изучилъ для насъ политическій міръ, и искалъ страны, гдѣ наиболѣе средствъ къ успѣху нашихъ намѣреній. Онъ показывалъ намъ, на какіе пункты должно быть устремлено наше ученіе; онъ заставлялъ насъ торопиться, обѣщалъ намъ цѣну времени, и предсказалъ, что скоро начнется переселеніе изъ Франціи, что оно похититъ у Франціи ея силу, молодые умы, что эти умные люди, ловкіе, займутъ лучшія мѣста въ другихъ странахъ, и потому слѣдуетъ спѣшить и прибыть туда прежде другихъ. Тогда мы начали работать по ночамъ, при свѣтѣ лампы. Великодушный учитель написалъ намъ нѣсколько записокъ, двѣ для Жюста и три для меня; то были превосходныя инструкціи и правила, какія можетъ давать только опытность. На этихъ страницахъ, окуренныхъ табакомъ, и исписанныхъ неразборчивымъ, мелкимъ почеркомъ, есть предсказанія самыя вѣрныя. Нѣкоторыя догадки на счетъ Азіи и Африки уже сбылись, прежде чѣмъ я и Жюстъ успѣли выѣхать изъ Франціи.

Маркасъ, вмѣстѣ съ нами, дошелъ до крайней нищеты; онъ добывалъ насущный хлѣбъ, но оставался безъ бѣлья, платья и сапоговъ. Онъ казался тѣмъ, чѣмъ былъ; думалъ о роскоши, мечталъ достигнуть до власти. За то онъ и не признавалъ себя настоящимъ Маркасомъ. Внѣшность свою предоставлялъ онъ прихотямъ дѣйствительной жизни. Онъ жилъ дыханіемъ своего честолюбія, мечталъ о мщениіи и самъ бранилъ себя за это пустое желаніе. Истин-

ный политическій человекъ особенно долженъ быть равнодушенъ къ обыкновеннымъ страстямъ; онъ, какъ и ученый, долженъ имѣть страсть только къ одной наукѣ. Въ эти дни нищеты, Марксъ показавъ намъ великимъ, даже страшнымъ; мы видели что-то ужасное въ его взглядѣ, созерцавшемъ другой міръ, невидимый глазами людей обыкновенныхъ. Онъ былъ для насъ предметомъ изученія и изумленія, ибо юность (кто этого не испыталъ!) чувствуетъ живую потребность удивляться; она любитъ прививаться, естественно стремится покорить себя людямъ, которыхъ считаетъ отличными, и предается великимъ дѣламъ. Наше изумленіе особенно возбуждалось его чувственнымъ равнодушіемъ: женщина не смущала никогда его жизни. Когда мы разговаривали объ этомъ вѣчномъ предметѣ разговора между Французами, онъ сказалъ намъ очень просто: — платья стоятъ слишкомъ дорого! — Увидѣвъ взглядъ, которымъ я помѣнялся съ Жюстомъ, онъ продолжалъ: — Да, слишкомъ дорого! Всего дешевле женщина, которую можно купить, да и та стоитъ очень много денегъ; а интрига безъ денегъ занимаетъ все время! Женщина удивляетъ дѣятельность и честолюбіе. Наполеонъ сдѣлалъ изъ нея именно то, чѣмъ она быть должна. Въ этомъ отношеніи онъ былъ великъ, не занимался раззорительными фантазіями Людовика XV; однакожь и онъ любилъ да-но.

Тутъ мы замѣтили, что Марксъ, подобно Питбу, принимавшему Англію за жену свою, носилъ въ сердцѣ одну Францію, боготворилъ ее; всѣ мысли его касались только до родины. Непрерывно грызла его бышая мысль, что онъ имѣетъ въ рукахъ лекарство отъ болѣзни и не можетъ употребить его въ дѣло.

Однѣмъ разѣ вечеромъ, я и Жюста работали и даже не говорили. Маркасъ всталъ и принимался за переписку: онъ отвергнулъ всѣ наши услуги, не смотря на убедительнѣйшія наши просьбы. Мы предлагали ему переписывать его бумаги, такъ что ему осталась бы только треть нелѣпой работы; но онъ разсердился и мы не смѣли настаивать. Мы усаживали скрѣпить тонкихъ сапоговъ въ корридорѣ, поднимали головы и смотрѣли другъ на друга. Кто-то постучался въ двери къ сосѣду. Мы слышали, какъ Маркасъ сказалъ: — Войдите! — и потомъ: — Какы вы здѣсь, милостивый государь?

— Да, я, отвѣчалъ отставной министръ.

Въ продолженіе нѣкотораго времени, Маркасъ говорилъ съ нимъ въ полголоса. Голосъ Маркаса слышался рѣдко, какъ всегда бываетъ въ совѣщаніяхъ, когда проситель излагаетъ факты. Вдругъ голосъ Маркаса загремѣлъ, при предложеніи, котораго мы не могли слышать.

— Вы стали бы надо мною смѣяться, сказалъ онъ, еслибы я вамъ повѣрилъ. Іезуитовъ прогнали, но духъ ихъ будетъ жить вѣчно. Вы коварны и въ обманахъ и въ великодушіи вашемъ. Вы умѣете разсчитывать, но съ вами нельзя ни на что надѣяться. Вашъ міръ создаѣтъ изъ совѣ, боящихся свѣта, изъ стариковъ, которые дрожатъ передъ юношами или вовсе не думаютъ о нихъ...

..... Вы пришли просить моей помощи; но вы принадлежите къ этой гнилой массѣ, которую безславить корыстолюбіе, которая дрожитъ, умираетъ, хочетъ унижить Францію, потому что сама унижается. Мои мысли подѣйствуютъ на васъ, какъ

ды; вы два раза меня обманули, я два раза вас низпровергнулъ, вы это знаете! Соединясь въ третій разъ, мы совершаемъ важное дѣло; я убью себя, если буду обмануть, потому что не стану уже на себя надвѣяться болѣе; не вы будете виноваты, а я!

Тогда услышали мы ласковыя слова, горячую просьбу не лишать Францію отличныхъ талантовъ. Заговорили объ отечествѣ. Маркасъ произнесъ только значительное *ого!* и смѣялся надъ своимъ патрономъ. Государственный человѣкъ сталъ говорить яснѣе, признавалъ превосходство прежняго своего соавтника, обѣщавъ дать ему средства понасть въ члены управленія, въ депутаты; потомъ предлагалъ ему видное мѣсто, говоря, что онъ, министръ, покорился тому, кого долженъ теперь уважать. Онъ былъ помѣщенъ въ спискѣ новыхъ министровъ, но не хотѣлъ принимать министерскаго портфеля, пока Маркасъ не получитъ мѣста по своимъ достоинствамъ; онъ говорилъ объ этомъ условіи, и согласился принять Маркаса, какъ человѣка необходимаго.

Маркасъ отказалъ ему.

Тотъ обѣщавъ, именемъ своихъ товарищей, дать Маркасу значительную сумму денегъ, чтобы Маркасъ могъ платить подать, необходимую для полученія званія депутата; предлагавъ ему мѣсто правителя своей канцеляріи, обѣщавъ дать ему мѣсто судьи въ Парижѣ, если министерство упадетъ.

Маркасъ опять отказалъ.

— Я никогда не могъ еще сдержать моихъ обѣщаній; теперь представляется удобный случай, а вы не хотите мнѣ воспользоваться.

Марксъ не отвѣчалъ ни ему сразу. Скрипки сапоговъ раздавалъ въ корридоръ и по лестницѣ.

— Марксъ! Марксъ! закричали мы, побѣжавъ въ его комнату, за чѣмъ вы отказали ему? Онъ говорилъ отъ души! Условія его честны. Притомъ же, вы увидите другихъ министровъ.

— У меня цѣтъ платья, отвѣчалъ Марксъ.

— Положитесь въ этомъ на насъ, сказалъ Жюсть, поглядывая на меня.

Марксъ вѣтерился намъ; молнія заблестала въ его глазахъ; онъ тровелъ рукою по волосамъ и открылъ любъ такимъ тѣлодвиженіемъ, въ которомъ проявились вѣра въ счастье, и когда онъ открылъ лицо, мы увидѣли человека, вовсе намъ незнакомое Маркса великаго, Маркса въ силѣ, умъ въ полномъ разгарѣ; птицу въ воздухѣ, рыбу въ водѣ, коня въ стѣнѣ. Все это скоро прошло; чело его помрачилось; онъ какъ бы провидѣлъ свою участь. Крошечное сомнѣніе всегда идетъ по пятамъ бѣлокрылой надежды. Мы разстались съ нимъ.

— Послушай, сказалъ я доктору, мы обѣщали, а какъ исполнить обѣщаніе?

— Ложимъ спать и подумаемъ въ постель, отвѣчалъ Жюсть, и завтра по утру расскажем другъ другу, что выдумаемъ ночью.

На другой день утромъ мы пошли гулять въ Луксанбургскій садъ.

Мы нѣзани время передумать о вчерашнемъ преисшествіи; мы оба весьма удивлялись, что Марксъ ни чѣмъ не затрудняется въ разрѣшеніи высшихъ за-

даль политики, а не знаешь, что дѣлать въ личномъ бытѣ неудачкѣ жизни. Все великіе люди могутъ споткнуться на несмыслѣ, бросить славышніе предпріятія по недостатку тысячи франковъ. Такъ было и съ Наполеономъ: за немѣніемъ сапоговъ, онъ не отправился въ Индію.

— Что ты выдумалъ? спросилъ меня Жюсть.

— Могу достать платье въ долгъ.

— У кого?

— У Гумана.

— Какимъ образомъ?

— Гуманъ ни къ кому не ходитъ, мы сами къ нему являемся, и потому онъ не знаетъ, богатъ я или бѣденъ. Онъ знаетъ только, что я франтъ и хорошо знаю его платье. Я скажу ему, что ко мнѣ пріѣхалъ изъ провинціи дядя, котораго туалеть дѣлаетъ мнѣ много вреда въ лучшія общества, гдѣ я ницу невѣсты. Гуманъ не пришлетъ счета раньше трехъ мѣсяцовъ.

Докторъ сказалъ, что идея превосходна для водевиля, но негодна для реальной жизни, и сомнѣвался въ успѣхѣ. Но Гуманъ сшилъ платье Маркасу, сшилъ превосходное платье, какое нужно политическому чловѣку.

Жюсть предложилъ Маркасу двѣсти франковъ, добытыхъ продажей часовъ, взятыхъ у часовщика въ долгъ. Я ничего не говорю о бѣльѣ, выпрошенномъ мною у швеи, съ которою шалилъ во время масленицы. Маркасъ все принялъ, не унижая себя чрезмѣрною благодарностію; онъ хотѣлъ только знать, какимъ образомъ добыли мы все эти богатства, и мы заставили его смѣяться въ послѣдній разъ. Мы

смотрѣли на Маркаса, какъ мореходцы смотрѣтъ на морскихъ, которыхъ они оснастили; истощивъ на него весь кредитъ и все свои средства.

Кончу двумя словами; рассказъ мой суцная правда, а не романъ. Мы не видали Маркаса, пока министерство держалось; черезъ три мѣсяца, послѣ засѣданія палаты, оно пало! Маркасъ воротился къ намъ безъ денегъ, истомленный работою. У него началась нервическая горячка. Болезнь развивалась быстро, мы за нимъ ходили. Жюстъ привелъ главнаго медика той больницы, гдѣ учился. Тогда я одинъ занималъ нашу комнату и неуспѣшно смотрѣлъ за больнымъ. Наше усердіе и наука не принесли пользы. Въ Январѣ 1838 года, Маркасъ чувствовалъ, что проживетъ только нѣсколько дней.

Онъ ничего не оставилъ на похороны. Жюстъ съ трудомъ могли спасти его трупъ отъ похоронной команды бѣдныхъ, и двоемъ, одинъ провозаки, гробъ его, который былъ брошенъ въ общую могилу на кладбищѣ Монъ-Париассъ.

Знаю не одну такую жертву политической жизни, награжденную коварствомъ или забвеніемъ...

IV.

МАДРИТЬ*.

- При имени Мадричь первыя мысли пробуждаются въ воображеніи о Прадо и Пуэрта дель-Соль; и вотъ мы въ Прадо; прогулка только что начинается. Прадо, состоящій изъ множества перекрестныхъ аллей съ шоссе въ серединѣ для экипажей, освѣненъ подстриженными деревьями, стоящими въ небольшихъ водоемахъ, куда по желобкамъ притекаетъ вода въ часы поливанья; безъ этой предосторожности они бы засохли отъ пыли и солнца. Прогулка начинается у монастыря *Аюша*, идетъ мимо воротъ того же имени, воротъ Алкала и оканчивается у воротъ Реколлетскихъ, но лучшее общество гуляетъ обыкновенно на пространствѣ, орошаемомъ фонтанами Цибеллы и Нептуна. Здѣсь-то находится мѣсто, называемое заломъ, обставленное стульями, какъ большая аллея въ Тюйллерн. Къ замъ примыкаетъ аллея, на-

* Читателямъ ващитъ вѣрно паскучили безконечные газетные рассказы о рваннѣ въ Испаніи, о всѣхъ этихъ кровавыхъ политическихъ смеллхъ, удручающихъ одну изъ прекраснѣйшихъ странъ Европы. Имъ вѣрно будетъ пріятнѣе взглянуть на то, что дѣлается тамъ на гуляньяхъ, въ кофейняхъ и гостиницахъ, чѣмъ на драки и волненія толпы, подстрекаемой демономъ своевольства. Мы предлагаемъ имъ замѣтки о Мадричь одного Французскаго путешественника, который не кидается въ политику, а рассказываетъ только подробности, относящіяся до быта Мадричскихъ жителей и знакомить читателей съ состояніемъ современныхъ тамошнихъ нравовъ. *Дружнн. редакц.*

зывается Парижъ; это здѣшній Гентскій бульваръ, сборное мѣсто Мадритскихъ щеголей. Видно воображеніе этихъ людей не очень цвѣтисто, что они избрали для своихъ прогулокъ мѣсто самое пыльное, открытое, и менѣе всего способное для этого. На этомъ тѣсномъ пространствѣ, сжатомъ между заломъ и шоссе, толпа обыкновенно бываетъ такъ велика, что съ трудомъ можно просунуть руку въ карманъ, чтобы вынуть платокъ. Единственныя извиненіемъ въ выборѣ такого мѣста для гулянья служить возможность раскланиваться съ проезжающими въ экипажахъ по шоссе, (для пѣшаго всегда мѣстно раскланиваться съ каретою). Экипажи здѣшніе не блистательны; жители по большей части ѣздятъ на мулахъ, коихъ неопредѣленно-темная шерсть, толстое брюхо и заостренныя уши составляютъ не очень красивый видъ. Экипажи Мадритянь очень похожи на погребальныя кареты, тихо сдвигущіяся за дорогами. Даже карета Королевы чрезвычайно проста и она же похожа на мящанскую. Англичанинъ, хоть съ маленькимъ милліономъ, вѣрно почелъ бы ее для себя непристойною. Впрочемъ, здѣсь, какъ и вездѣ, не безъ исключеній, но они рѣдки. Что здѣсь дѣйствительно прекрасно, такъ это Андалузскія верховныя лошади, на которыхъ гордо рѣсуются красавицы Мадрита. Едва ли найдется лошадь краше и благороднѣе Андалузскаго жеребца съ его искусно заплетенною гривой, густымъ и длиннымъ хвостомъ, его сбруюю, украшенною красными кистями, зашнурованною головою, искромѣтными вѣями, гордо согнутою шею. Я видѣлъ, какъ на одномъ изъ такихъ коней ѣхала дама; онъ былъ былъ, какъ Бенгальская роза, съ серебрянымъ отливомъ, удивительной красоты. Какая разница между этими благородными животными, сохранившими свою естественную красоту и мощь, и движущимися нашими изъ жилъ и костей, которыя называются Англійскими скаку-

намъ; и у котрыхъ остались только четыре ноги и посвещенный столбъ, чтобы сѣсть жокею!

Видъ Прадо принадлежитъ къ самымъ оживленнымъ, какія только можно найти, и здѣсь прекраснѣйше гулянье, не по мѣстоположенію, очень обыкновенному, не смотря на всѣ усилія Короля Карла III-го, помрачить его, но по необыкновенному стеченію гуляющихъ, каждый вечеръ отъ половины восьмого до десяти часовъ.

Шляпокъ въ Прадо очень мало, вы видите почти одну мантилью. Испанская мантилья слѣдовательно не многа, но истинна, а я думалъ, что она существуетъ только въ романсахъ; она обыкновенно изъ чернаго кружева и намывывается сзади на гребешокъ; нѣсколько цвѣтовъ на вискахъ довершаютъ очарованіе этого наряда. Въ самомъ дѣлѣ надобно женщинамъ быть очень дурною, чтобы не козаться хорошенькою въ мантильи. Къ сожалѣнію, отъ стариннаго Испанскаго костюма только это и сохранилось; прочее все Французское. Последнія складки мантильи лежатъ на ненавистной шали, а эта на какомъ нибудь шелковомъ платьѣ, совсѣмъ непотребнающемъ *баекины*. Я не могъ не удивляться этому ослѣпленію, и не понимаю, какъ женщины, всегда такія промицательныя во всемъ, что касается до красоты, не примѣтили до сихъ поръ, что при величайшихъ усиліяхъ, онѣ едва сравнялись только съ провинціальными модницами. Старинный костюмъ такъ хорошо приходился къ роду красоты, размыримъ и обычаемъ Испанокъ, что его замѣнить не возможно. Вверхъ ценишко поправляетъ эти претензіи на Парижанство. Женщины безъ вѣра я еще не видѣлъ въ этой блаженной странѣ; безъ чулокъ случалось видѣть нѣкоторыхъ, но вверхъ непременно былъ у нихъ въ рукахъ. Вверхъ неизмѣнный товарищъ ихъ даже въ церкви; тутъ женщины всякаго возраста группами сидятъ или стоятъ на колѣняхъ, молятся и обихиваютъ себя безпрестанно. Играть вверхомъ есть

искусство неизвестное во Франціи, и Испанки знают его совершенно. Вверхъ раскрывается, закрывается, вертится между пальчиками такъ скоро, такъ ловко, что фокусникъ не сдѣлаетъ этого лучше. Многія щеголихи имѣютъ цѣлыя коллекціи вѣроговъ, богато украшенныхъ; я видѣлъ у одной болѣе сотни разныхъ сортовъ; тутъ были вѣры всѣхъ странъ и всѣхъ временъ: изъ слоновой кости, черепаховыя, черного дерева, съ блестками, разрисованныя времена Людовика XIV и XV, изъ Японской и Китайской бумаги; на многихъ блистали рубины, брилліанты и другіе драгоценные камни. Вѣры, складываясь и раздвигаясь, дѣлаютъ некоторый свистъ, который повторяясь тысячу разъ каждую минуту, слышанъ среди смѣшаннаго шума гуляющихъ, и страшенъ для непривычнаго уха. Дана, встрѣчаясь съ знакомымъ, дѣлаетъ ему легкій знакъ вѣромъ и проходя бросаетъ слово *agur*, которое произносится авуръ. — Теперь отъ парядовъ перейдемъ къ тѣмъ, кто ихъ носить. Говоря: синьора и мастилья, обыкновенно воображаютъ себѣ продолговатое блѣдное лицо съ черными большими глазами, бархатными бровями, тонкимъ, немножко горбатымъ носикомъ, коралловыми губками, и все это при тепломъ золотистомъ цвѣтѣ, оправдывающемъ стихъ романа: она желта какъ апельсинъ. Ничего этого нѣтъ: это типъ Арабской или Мавританской, а не Испанской.

Мадритянки прекрасны въ полномъ смыслѣ этого слова; изъ четырехъ вѣрно три хорошенькихъ; но онѣ совсѣмъ не соответствуютъ идее, какую объ нихъ составили въ другихъ странахъ. Онѣ не большаго роста, тонки, статны, съ крошечными ножками, выгнутою талією, роскошной грудью, чрезвычайнo бѣлы, съ чертами нѣжными, съ сердцеобразными ротикомъ. У многихъ волосы светло каштановые, и вы не пройдете двухъ аллей въ Прадо, не встрѣтивши семи или восьми блондинокъ, всѣхъ отъ

ковъ отъ пестельнаго до ярко рыжаго, какъ борода Карла V. Голубыхъ глазъ очень много, но они не такъ хороши здѣсь, какъ черныя. Сначала намъ трудно было привыкнуть видѣть женщинъ одѣтыхъ по бальному, съ открытою шеєю и руками, въ атласныхъ башмакахъ, съ цвѣтами на головѣ и въеромъ въ руки, одиноко гуляющихъ въ публичномъ мѣстѣ, потому что здѣсь не въ обычаѣ кавалеру подать руку дамѣ, ежели кавалеръ не мужъ или не близкій родственникъ; позволяется только идти возлѣ, по крайней мѣрѣ днемъ, потому что ночью не такъ строго это соблюдается, особенно съ иностранцами. Много говорили о *manolas* Мадридскихъ; Манола есть исчезнувшій типъ какъ гризетки Парижскія; онѣ еще существуютъ, но потеряли первоначальный свой характеръ; на нихъ уже не видно прежняго живописнаго костюма; преарванный ситецъ замѣнилъ старинныя юбки самыхъ яркихъ цвѣтовъ, разшитыя огромными букетами; дрянной кожаный башмакъ изгналъ легкую атласную обувь, и что всего ужаснѣе, платье стало длиннѣе на добрые два пальца. Прежде весь Прадо оживлялся ихъ легкою и живою походкою и ихъ особеннымъ костюмомъ, теперь едва можно различить ихъ отъ мѣлкихъ мѣщанокъ и торговокъ. Я искалъ Манолы чистой крози во всехъ углахъ Мадрита, на бов быковъ, въ саду *de las Delicias*, въ *Mevorecreo*, на праздникъ св. Антонія, и совершенно нигдѣ не нашелъ. Однажды пробѣгая кварталъ *kastro*, перебравшись черезъ кучи нищихъ, спавшихъ на землѣ, я очутился въ небольшой пустой улицѣ, и здѣсь увидѣлъ въ первый и послѣдній разъ столь желанную Манолу. Это была полная статная дѣвушка лѣтъ двадцати пяти, — величайшая старость, до какой могутъ доживать Манолы и Гризетки. Она имѣла цвѣтъ лица загорѣлый, взглядъ твердый, но печальный, губы немножко толстыя, и во всей физиогноміи что-то Африканское. Прекрасная

черная съ синеватыми отличномъ къса обвивала голову ея въ видѣ морзинки, и скрѣплялась сзади большимъ гребешкомъ; королевскія серьги висѣли въ ушахъ, и такая же нитка украшала ее желтую шею; майтилья чернаго бархата обрисовывала голову и плечи; платье коротенькое, какъ у Вернекихъ Швейцарокъ, было изъ вышитаго сукна, и позволяло видѣть тонкія и крѣпкія икры, одѣтыя въ черный шелковый чулокъ; обувь атласная старинной моды; вѣсѣ какъ мотылекъ трепеталъ въ ея пальцахъ, унизанныхъ серебряными кольцами. Последняя Минюла повернула за уголъ и исчезла изъ моихъ удивленныхъ глазъ, видѣвшихъ въ первый разъ въ действительномъ мѣрѣ костюмъ Диопоншеля, оперный нарядъ.

Въ Прадо я видѣлъ также нѣсколькихъ *pasiegas* изъ Саутандера, въ ихъ національномъ костюмѣ. *Pasiegas* славятся въ Испаніи какъ лучшія кормилицы и любовь ихъ къ дѣтямъ вошла въ пословицу, какъ во Франціи честность Оверньянокъ. Онѣ ходятъ въ красныхъ юбкахъ, собранныхъ въ широкія складки, и обшитыхъ галуномъ, черномъ бархатномъ корсетѣ, также обшитомъ золотымъ галуномъ; головной уборъ испещренъ самыми яркими цвѣтами; все это увѣшано по мѣстамъ разными серебряными нгруппами и украшеніями, какія носятъ дикари. Женщины эти очень красивы, сильны и великорослы. Отъ привычки качать дѣтей на рукахъ онѣ всегда почти въ положеніи, опрокинутомъ нѣсколько назадъ, что впрочемъ хорошо для развитія груди. Имѣть нарядную *pasiegas* составляетъ роскошь, какъ имѣть клефта на запяткахъ кареты.

Я ничего до сихъ поръ не говорю о нарядахъ мужчинъ. Взгляните на картинки моды, какія съ полгода назадъ были выставлены въ окнахъ портныхъ или въ любомъ кабинетѣ для чтенія, и вы будете имѣть о томъ точное понятіе.

Парижъ сводитъ съ ума цѣлый свѣтъ; и видѣлъ

здѣсь на одной небольшой лавочкѣ вывѣску: «здѣсь чистятъ сапоги на Парижскій манеръ.» Гаварни и его прелестные рисунки—вотъ послѣдняя степень вы-боты, до какой простираются желанія новѣйшаго гидалго. Впрочемъ надобно отдать справедливость здѣшнимъ франтамъ: они одѣваются гораздо лучше женщннъ. У нихъ все въ должномъ порядкѣ, исключая жилеты, въ которыхъ новѣйшая фантазія могла бы лучше разыгратъся.

Въ Мадридѣ существуетъ торговля, о которой въ Парижѣ не имѣютъ понятія: это млочная продажа воды. Вся принадлежности этой торговли состоятъ: изъ *contaro* (родъ глинянаго кувшина), маленькой корзинки изъ тростника или жести съ двумя тремя стаканами, нѣсколькихъ *azucarillos* (сахаръ сдѣланный на манеръ Мармелада) и иногда пары апельсиновъ или лимоновъ. Другіе носятъ на спинѣхъ маленькіе боченки, убранные листьями; иные даже, напримѣръ вдоль Прадо, имѣютъ конторы, разубранныя, не уступающія великолѣпнѣмъ своимъ ни въ чемъ кокосовымъ Парижскимъ лавочкамъ. Эти продавцы воды обыкновенно молодые *michachos* изъ Галиціи, въ платьѣ табачнаго цвѣта, коротенькихъ панталонахъ, черныхъ стиблетахъ и остроконечной шляпѣ. Есть также нѣсколько человекъ изъ Валенціи въ бѣлыхъ полотняныхъ порткахъ, съ плащемъ на плечѣ, съ бронзовыми икрами и *alpargados*, вышитомъ синимъ шелкомъ. Женщины и дѣвочки также продаютъ воду. Ихъ называютъ по различію пола *aguadores* или *aguadoras*. Во всѣхъ углахъ города слышны ихъ крики всѣхъ тоновъ и на тысячу различныхъ ладовъ *agua, agua; que quiere agua? agua helada, fresquita como la nieve!* Это не умолкаетъ съ пяти часовъ утра до десяти вечера. Испанскій поэтъ Бретонъ де лось Герреросъ, весьма уважаемый въ Мадридѣ, почерпнулъ вдохновеніе въ этихъ крикахъ и написалъ пѣсню *Aguadora*, имѣвшую большой успѣхъ.

въ Испаніи. Жажда Мадрита неутолима: вся вода источниковъ, весь снѣгъ горъ гвадаррама не удовлетворяютъ ее.

Много шутили на счетъ бѣднаго Мансанареса и изсохшей урны его Наяды. Не знаю, что было бы съ другою рѣкою въ городѣ, мучимомъ подобною жаждою, а Мансанаресъ выпить до дна. Агвадары подстерегаютъ малѣйшую каплю воды, малѣйшую влагу, какая только покажется между, высохшими берегами его и тотчасъ хватаютъ ее въ свои *cantaros* и *alcuzas*; прачки моютъ бѣлье въ песокъ; правозвѣрный Мусульмаминъ на самой серединѣ рѣки не могъ бы исполнить своихъ омовеній. Безъ сомнѣнія вы помните прекрасную статейку Мера о жадѣ Марсели, умножьте все это на шесть, и вы будете имѣть слабое понятіе о жадѣ Мадрита. Стаканъ воды стоитъ *cuarto*, около двухъ льярдовъ. Послѣ воды всего нужнѣе для Мадрита огонь, чтобы закурить сигару, и крикъ *fuego, fuego* слышится со всѣхъ сторонъ смѣшиваясь съ крикомъ *agua, agua*. Оба элемента страшно воюютъ между собою за то, кто больше надѣлаетъ шуму. Огонь этотъ неугасимѣ огня Весталокъ; его носятъ молодые шаалуны въ небольшихъ чашкахъ.

Но вотъ половина десятого, толпы въ Прадо рѣдѣютъ, гуляющіе расходятся по кофейнямъ въ улицу Алькала и смежнымъ съ нею. Тѣмъ, которые привыкли къ ослѣпительной, волшебной роскоши Парижскихъ кофейныхъ домовъ, Мадритскія покажутся настоящими кабаками; убранство ихъ напоминаетъ землянки, въ которыхъ показываютъ бородатыхъ женщинъ и живыхъ сиренъ; но этотъ цинизмъ искупается превосходствомъ и разнообразіемъ прохладительныхъ лакомствъ, и надобно сознаться, что Парижъ столько превосходный во всемъ, въ этомъ отношеніи далеко отсталъ отъ Мадрита; искусство готовить лимонады во Франціи еще въ дѣтствѣ. Знаменитѣйшая кофейня содержится Балъзомъ на углу ули-

цы Корретасъ, *Nuevo*, гдѣ собираются восторженные *exaltados*; есть еще одна, я забылъ ее имя, обыкновенное мѣсто свиданія людей, принадлежащихъ къ партиямъ умеренныхъ, которыхъ здѣсь титулуютъ раками *carretazos*; это впрочемъ не значить, чтобы другія были не хороши, но эти чаще посѣщаются. Кофейня *del Principe*, возлѣ театра этого же имени, служитъ пунктомъ соединенія артистовъ и литераторовъ.

Войдемъ въ кофейню Бальза, украшенную маленькими рѣзными стеклами, на манеръ Нѣмецкихъ рюмокъ; вотъ карта прохладительныхъ *bebidas heladas, sorbetes* и *quesidos*; *bebida helada*, холодное питье, подается въ стаканахъ большихъ или малыхъ и бываетъ весьма разнообразно; есть питье апельсинное, лимонное, земляничное, вишневое; все оны столько превосходятъ эту негодную смородиновую воду и лимонную кислоту, которыми не стыдятся угощать въ великолѣпныхъ кофейняхъ Парижа, сколько настояній Хересъ выше Брйскаго неподдельнаго вина; это родъ жидкаго льда свѣжей чистоты и превосходнаго вкуса. Питье изъ бѣлыхъ миндалей чрезвычайно пріятное, неизвѣстно во Франціи, гдѣ подъ именемъ аржата вамъ даютъ какую-то гадкую медицинскую микстуру. Если хотите, можете спросить замороженнаго молока съ земляничною или вишневою, и когда ваше тѣло будетъ таять отъ жару, горло ваше въ тоже время будетъ наслаждаться всеми оными и шенливъ Гренландіи. Когда мороженныя еще не приготовлены, вы можете потребовать *agraz* питье изъ зеленаго винограда, кислотоватое и очень пріятное; его подаютъ въ бутылкахъ съ ужасно длинными горлами. Можете также взять бутылку пива Санта-Барбара съ лимономъ, но это требуетъ нѣкоторыхъ приготовленій; подаютъ суповую чашку и ложку какъ для пуншу; мальчикъ откупориваетъ съ безконечными предосторожностями бутылку, и выливаетъ пиво въ чашку, куда прежде влить графинъ

лимониаду, потому это пишется ложкой, наливается въ стаканъ, и питье готово къ вашимъ услугамъ. Не нравится вамъ это, можете спросить аржата изъ *chafas* всегда готоваго для почитателей изъ Валенціи: *Chafas* есть родъ мелкаго вина, растущаго въ окрестностяхъ Валенціи; его жарить, очищаютъ и потомъ дѣлають изъ него прекрасное питье, особенно если примѣшаютъ къ нему свѣту. Питье это чрезвычайно прохладительно. — Вотъ еще одна роскошь Мадридскихъ кофейнь, *quesitos*; это не иное что, какъ небольшіе кусочки леденцу, они бывають разныхъ сортовъ, абрикосовые, ананасные, апельсиновые, но также съ масломъ и съ яйцомъ еще необразовавшися; которое вынимають изъ курицы; и это собственность Испаніи, потому что я нигдѣ, кромѣ Мадрита, не слышалъ объ этой странной утонченности вкуса.

Въ Мадридскихъ кофейняхъ гораздо болѣе бываетъ женщинъ, чѣмъ въ Парижскихъ, не смотря на то, что здѣсь курятъ безпрестанно не только сигареты, но и Гаванскія сигары. Журналы болѣе читаемые здѣсь *Eco del Comercio*, *Nacional* и *Diario*, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія о ежедневныхъ происшествіяхъ. Но вотъ одиннадцать часовъ, пора убираться; нѣсколько запоздавшихъ гулякъ тянется по улицѣ Алкала. Никого нѣтъ болѣе на улицахъ, кромѣ *señeros* съ фонаремъ на шеѣ, въ плащѣ подъ цвѣтъ стѣнъ, съ размыреннвымъ крикомъ въ устахъ. Только слышанъ хоръ сверчковъ, пѣвшающихъ свою двуглабую пѣсню изъ маленькаго клѣточекъ, украшенныхъ стеклышками. Въ Мадридѣ любятъ сверчковъ; въ каждомъ домѣ есть свой сверчокъ, висящій на окошкѣ въ миниатюрной клѣточкѣ изъ дерева или проволоки. Еще странная страсть у здѣшнихъ жителей къ перепеламъ, которыхъ держатъ въ новыхъ корзинкахъ; вѣроятно для Мадридскихъ жителей

приятно среди ночной тишины слышать ихъ перекличку съ сверчками.

Puerta del sol называется фасадъ церкви, розовато-красна, украшенный часами освещаемыми ночью и большимъ солнцемъ съ позлащенными лучами, отъ чего дано ему и имя. Передъ этою церковью находится площадь или лучше перекрестокъ улицъ Алкала, Карретаса и Монтера. Почта, большое правильное здание, занимаетъ уголъ улицы Карретаса и выходитъ фасадомъ на площадь. Пуэрта дель соль есть сборное мѣсто ливневыхъ и звакъ — и здѣсь ихъ кажется довольно, потому что съ восьми часовъ утра на площади толпа уже порядочная. Все эти важныя особы стоятъ себѣ закутанные въ плащи, не смотря на нестерпимый жаръ. Отъ времени до времени изъ подъ упругихъ складокъ одежды показываются два желтыя, какъ золото, пальца съ синярою и на суровыхъ устахъ протянется дымное облако, доказывающее, что неподвижное существо, завернутое въ плащъ, дышитъ: въ этомъ можно было бы усомниться, видя наружный покой его лица. Обыкновенный предметъ разговора — политика; все умы устремлены къ театру войны, и здѣсь близъ Пуэрта дель соль гораздо болѣе обнаруживаются стратегическихъ тонкостей, нежели на поляхъ брани, и во всякъ сраженіяхъ исторіи. Бальмиседа, Кабрера, Палильосъ, безпрестанно перебиваютъ изъ устъ въ уста; объ нихъ рассказываютъ случаи, приводящіе въ треметь, такіе, которые вышли изъ моды даже у Каранбозъ и Ирокедцевъ. Победы Эспиртеро, мелочныя для насъ привыкшихъ къ колоссальнымъ побѣдамъ имперіи, служатъ обильнымъ предметомъ разсужденій для политиковъ Пуэрта дель соль.

Зайдемъ на почту узнать, нѣтъ ли писемъ изъ Франціи? Эта забота о письмахъ право болѣзнь, и будьте увѣрены, что захавши въ чужую сторону, первое

зданіе, какое вы посвятите, будетъ почтовая контора. Въ Мадридѣ письма, на конхъ надписано: «оставить на почту до присылки», и отмѣчаются номеромъ, который вывѣстъ съ именемъ лица, пишется на листъ и вывѣшивается на столбахъ; есть столбы Январскіе, Февральскіе и т. д. Здѣсь вы находите ваше имя, записываете номеръ, предъявляете его въ конторъ и получаете ваше письмо безъ всякихъ другихъ формальностей. Оставшіяся къ концу года письма сожигаются. Подъ арками почтоваго двора, завѣшенными большими шторами, устроены кабинеты для чтенія; здѣсь читають журналы Испанскіе и иностранныя. Пересылка писемъ недорого, и не смотря на опасности, которымъ подвержены почтальоны на дорогахъ, всегда занятыхъ инсургентами и разбойниками, почта приходитъ довольно исправно. Тамъ, гдѣ прибываются объявленія о письмахъ, вы найдете также объявленія бѣдныхъ студентовъ, желающихъ чистить сапоги какому нибудь кавалеру, чтобы найти способъ окончить свою реторику или философію.

Пойдемъ наконецъ по городу безъ плана и цѣли; случай лучшій путеводитель, тѣмъ болѣе что Мадридъ не богатъ великолѣпными произведеніями архитектуры, и что одна улица столько же любопытна, какъ и другая. Взглянувъ на фасадъ любого дома, вы встрѣтите билетъ, показывающій, что домъ застрахованъ отъ огня. На что это въ странѣ, гдѣ нѣтъ печей, и гдѣ никогда не разводять огня? Дома въ Мадридѣ строятъ изъ бревень или кирпича на фундаментѣ иногда гранитномъ, чисто оштукатурены и расписаны самыми фантастическими цвѣтами; окна украшены архитектурными орнаментами всякаго рода и завѣшены венеціанскими шторами съ широкими синими или бѣлыми полосами; ихъ обыкновенно нѣсколько смачивають, чтобы проходящій сквозь нихъ вѣтерокъ давалъ прохладу. Выступы балконовъ и *miradores* нарушаютъ нѣсколько единообразный

строй домовъ, и бросаая косвенныя тѣни, разнообразятъ гладкую поверхность строеній, въ которыхъ все выпуклости нарисованы только, какъ на декорацияхъ театра. Освѣтите все это яркими лучами солнца и разместите на балконахъ нѣсколько синьера въ длинныхъ мапильныхъ съ вѣтеронъ, развернутымъ надъ головой вмѣсто зонтика; раскидайте по улицамъ кучи нищихъ въ гадкихъ мохмотьяхъ, нѣсколько Валенсійцевъ полунагихъ, съ поступью и движеніями Бедуана, поставьте на крышахъ нѣсколько маленькихъ куполовъ, а надъ громадами другихъ зданій нѣсколько колоколенъ, свинцовыхъ главъ церквей и монастырей, вы будете имѣть передъ собою картину, которая тотчасъ скажетъ вамъ, что вы не въ Европейскомъ городѣ, ежели острые камни Мадридской мѣстовой не довольно ясно сказали вамъ объ этомъ прежде. Что всего удивительнѣе, такъ это безпрестанно попадающіяся на домахъ надписи *Juego de villar*; онѣ значатъ: игра въ бильярдъ. Не знаю, правда, для чего здѣсь такое множество бильярдныхъ; угрожи со всей Европы могли бы здѣсь свободно разыгрывать свои партіи. Послѣ этихъ надписей чаще всего встрѣчается *despacho de vino* продажа вина; тамъ продаютъ Валь де Пенасъ и другія благородныя вина. Купеческія конторы выкрашены лучшими колерами, драпированы и убраны листьями. Конфекты Испанскіе заслуживаютъ особеннаго вниманія; извѣстные подъ именемъ «Ангельскихъ волосъ» превосходны. Пирожныя были бы хороши, если бы въ нихъ употребляли хорошее масло, что здѣсь рѣдкость. Внутри дома просторны и удобны; комнаты высоки. Въ Парижѣ выстроили бы цѣлый домъ на площадкахъ некоторыхъ здѣшнихъ лѣстницъ. Прежде нежели дойдете до обитаемой части дома, вы должны пройти цѣлый рядъ комнатъ; на стѣнахъ разрисованы фальшивые прѣтолки и панелы; кой-гдѣ висятъ закоптыя и почернѣшія картины, болышею частію безъ рамъ; изо-

блуждающія обыкновенно мучениковъ, любимый ор-
жесть Испанскихъ живописцевъ. Паркетъ, вездѣ въ
Испаніи неизвѣстная, но крайней мѣрѣ я его не ви-
далъ; полъ сдѣланъ изъ кирпичей и покрытъ шле-
тенками изъ тростника; они дѣлаются съ большимъ
вкусомъ; дикаря Филиппинскихъ и Сандвичевыхъ о-
стрововъ едва ли сдѣлаютъ лучше.

Передо мною виситъ теперь на столбѣ кувшинъ, въ
второмъ прохлаждается моя вода; этотъ глиняный
кувшинъ стоитъ около 7 су; онъ такъ красиво сдѣ-
ланъ, что послѣ Струрскихъ вазъ, я не видалъ ниче-
го лучше въ этомъ родѣ. Люди корошаго тона пред-
почитаютъ этимъ прелестнымъ кувшинамъ дрянные
Англійскіе горшки брюхатые, горбатые, покрытые
толстымъ слоемъ эмали, очень похожіе на сапоги колю-
ха, вылакированные въ бѣлый цвѣтъ. — Небольшое
количество мебели въ домахъ Испанскихъ, напоми-
наетъ вкусъ мессидора и пирамидъ. Формы имперіи
здѣсь еще процвѣтаютъ. На комодахъ вы найдете
пильстры краснаго дерева съ бронзовыми головками
сфинксовъ на верху, медныя прутья по карнизамъ, и
гирлянды Помпеи, давно изгнанныя изъ образован-
наго міра; ни одной вещи изъ рванаго дерева: старин-
ная Испанія совсѣмъ исчезла, осталось только не-
сколько Персидскихъ ковровъ и Дамасскихъ занавѣсей.
Но въ замкѣ вы найдете большое обиліе стульевъ
и дивановъ соломенныхъ. Стѣны испачканы фальши-
выми колоннами, карнизами или выкрашены какою
нибудь краскою. На столахъ и этажеркахъ расст-
влены фарфоровыя трубадуры, Матильды, Малекъ-
Адели, и другіе занимательные предметы, вышедшіе
уже изъ употребленія. Но у меня не достаетъ духу
говорить объ иллюминированныхъ гравюрахъ: онѣ не-
выразимо дурны. Вѣроятно, въ этомъ случаѣ, какъ и
во всѣхъ, есть исключеніе, но они очень рѣдки. Не
думайте, чтобы жилища людей высшаго класса бы-
ли меблированы съ большимъ вкусомъ и богатствомъ.

Описание, которое вы читали, относится къ людямъ, живущимъ карету и восемь или десять лакеевъ. Шторы у оконъ всегда спущены, форточки полуоткрыты, и въ комнатахъ всегда царствуетъ полумракъ, такъ что вошедшему трудно тотчасъ различить предметы; минутъ десять находясь въ тьмѣ, и въ это время можетъ быть разыграна цѣлая драма; говорятъ, что Мадридскіе оптики рассчитали степень этого полумрака такъ, что лишнему лицу можно выйти вреде, нежели третій нововошедшій это приметитъ.

Жаръ въ Мадридѣ несносенъ, и съ весны тотчасъ начинается жечь безъ предувѣдомленій и постепенностей; отъ того говорятъ, что въ Мадридѣ три мѣсяца зима, а девять мѣсяцовъ адъ. Отъ этихъ потоковъ огня по вѣвомъ прячешься въ полутемныя комнаты, безпрестанно орошаемая водою для прохлады. Необходимость прохлады вела въ употребленіе *biscaros*, странную утонченность домашняго быта, которая вѣрно бы не понравилась дамамъ остальной Европы, но которая въ большой славѣ у прекрасныхъ Испанокъ. *Biscaros* есть родъ горшковъ изъ глины, подобной трубочной; они бываютъ разныхъ формъ и величинъ, некоторые украшены позолотой и цвѣтами грубо нарисованными. Такъ какъ ихъ болѣе не дѣлаютъ въ Америкѣ, то *biscaros* становятся рѣдки и скоро кажутся сдѣлаются притчею, какъ старинный Севрскій фарфоръ. Когда захотятъ наслаждаться букарсами, то ставятъ ихъ штукъ семь или восемь на мраморныхъ маленькихъ столикахъ по угламъ комнаты, и садятся на диванъ, чтобы вкушать это удовольствіе въ приличномъ положеніи. Букарсы скоро начинаютъ темнѣть отъ влаги, вода просачивается въ поры и въ комнату разливается мало по малу чудесное благоуханіе глины или погребя, долѣо запертаго. Испареніе букарсовъ такъ сильно, что черезъ часъ остается въ нихъ воды не болѣе половины; она становится

холодною какъ со льда и получаетъ вкусъ лужн, возбуждающій тошноту, который однавожь *aficionados* находятъ очень пріятнымъ. Поддюжины букаросовъ достаточно, чтобы увлажнить воздухъ до того, что тотчасъ чувствуешь сырость вошедши въ комнату; это родъ холодной паровой бани. Другіе, не довольствуясь этимъ благоуханіемъ и водою, жуютъ кусочки букаросовъ, и глотаютъ ихъ.

Я былъ на нѣсколькихъ венеракъ или *tertulias*: въ нихъ ничего нѣтъ особеннаго; танцуютъ подь фортепьяно, какъ и во Франціи и Россіи, но еще единообразіе и такъ сказать нечальнѣе. Отъ страха быть обвиненными въ покушеніи на болеро, фанданго, или качучу, здѣшнія дамы почти неподвижны въ танцахъ. Костюмъ ихъ очень простъ въ сравненіи съ костюмомъ мужчинъ, одѣтыхъ всегда какъ на модныхъ картинкахъ. *Tertulias* не разорительны для хозяевъ; не подаютъ ни чаю, ни мороженнаго, ни пуншу, только въ первой комнатѣ на столѣ ставятъ съ джину стакановъ съ водою чрезвычайно чистою и тарелку съ сахаромъ; но почли бы нескромнымъ сластолюбіемъ, ежели бы кто вздумалъ лакомиться подслащенною водою. Это впрочемъ не изъ скупости; таковъ обычай, и онъ очень хорошо согласуется вообще съ умереннымъ образомъ жизни Испанцевъ.

Женщины здѣсь, кажется, вполне пользуются правомъ первенства и наслаждаются большею свободою, чѣмъ во Франціи; мужчины ихъ покорнѣйшіе слуги. Съ той минуты, какъ Испанскій левъ положить свое сердце къ ногамъ избранной красавицы, ему позволяются сношенія только со старушками и отлично дурными; онъ не можетъ болѣе посѣщать тѣхъ домовъ, въ которыхъ есть молодыя женщины и, Боже сохрани, ежели еще и хорошенькія. Здѣсь не удивится, ежели посѣтитель самый неотвязный вдругъ прекратитъ свои посѣщенія, и покажется снова чрезъ полгода или годъ; владычица его сердца требовала этого, и его прини-

мають снова, какъ будто промежутка въ посвященіяхъ и не было; такою обычай. Судя по первому взгляду; Испанки, кажется, не прихотливы въ любви, и связи часто тянутся нѣсколько лѣтъ. Проведите два три вечера въ одномъ мѣстѣ, вы тотчасъ различите пары; ежели хотятъ видѣть у себя г-жу N..., надобно пригласить г. Б. и наоборотъ. Мужья удивительно учтивы и не уступаютъ въ этомъ отношеніи самымъ добренькимъ Парижскимъ мужьямъ. Нѣтъ и капли той старинной Испанской ревности, которая наполнила столько драмъ и мелодрамъ. Чтобы наконецъ отнять у васъ и послѣднюю возможность обольщенія, всѣ какъ на зло говорятъ по Французски и при томъ превосходно; даже благодаря нѣсколько молодымъ лбамъ, проводившимъ зиму въ Парижѣ, всѣ закулисные тайны обществъ Парижскихъ, всѣ магазинны, послѣднія модныя торговки здѣсь лучше извѣстны, чѣмъ въ самой столицѣ Франціи.

Театръ *del Principe* довольно хорошо расположенъ; въ день даютъ драмы, комедіи, интермедіи. Я видѣлъ пьесу, Алонсіо-Жилия-и-Зарата *Don Carlos et Heschizado*, сострѣпанную во вкусъ Шекспировскомъ; Донъ Карлосъ очень похожъ на Людовика XIII въ Маріонъ де Лормъ, а сцена монаха въ темницѣ точь въ точь снята съ Клодь-Фролла. Роль Донъ Карлоса была разыграна Юліаномъ Ромео, отличнымъ актеромъ, которому я не знаю соперника; не возможно быть естественнѣе его. Матильда Діецъ также актриса съ большимъ талантомъ; она съ удивительною тонкостію и вѣрностію отыграваетъ изгибы страсти, волнующей душу. Я нахожу въ ней одинъ недостатокъ: это излишняя скорость походки; но по вкусу Испанцевъ это не составляетъ недостатка. На театръ *del principe* иногда даютъ волшебныя пьесы съ танцами и дивертиссементомъ. Хореографическая часть посредственна, первыя танцовщицы не стоятъ простыхъ фигурантокъ въ порядочномъ балетѣ. Мнѣ го-

ворили въ Витторіа, Бургосъ, Валладолиду, что лучшія танцовщицы въ Мадридѣ; а здѣсь говорятъ, что настоящія танцовщицы Качучи только въ Андалузій въ Севильѣ; посмотримъ, но я думаю, что за Испанскими танцами надобно будетъ ѣхать къ Фанни Эльсверъ и двумъ сестрамъ Набле. *Doloré Serral*, надълавній столько шуму въ Парижъ, гдѣ мы въ первый разъ увидѣли выраженіе жгучей восточной страсти, покорное, умоляющее сладострастіе, на Мадридскомъ театрѣ не произведетъ на васъ ни какого впечатлѣнія; такъ глубоко упалъ прежній національный вкусъ въ Испаніи. Когда начинаютъ танцовать *jota aragonesa* или *bolero*, всѣ уходятъ, остаются только иностранцы и негодяи, съ сомнительнымъ поэтическимъ чувствомъ. Изъ Французскихъ писателей наибольшую славою пользуется въ Мадридѣ Фредерикъ Сулье; ему приписываютъ всѣ драмы, переведенныя съ Французскаго.

Дворецъ королевы есть огромное зданіе, четверугольное, крѣпкое, со множествомъ оконъ и дверей, съ колоннами іоническими, дорическими и со всѣми принадлежностями хорошаго вкуса. Веласкецъ, Моалла, Бойе, Типоло расписывали его плафоны; тутъ вы видите большею частію аллегорическія изображенія; парадная лѣстница прекрасна. Зданіе, гдѣ собираются кортесы, отличается какими-то странными колоннами и львами въ нелѣпныхъ парикахъ; сомнительно, чтобы могли составлятья хорошіе законы въ зданіи такой дрянной архитектуры. Въ виду залы кортесовъ возвышается на площади бронзовая статуя Мигуэля Сервантеса; конечно, похвально воздвигнуть статую въ честь безсмертнаго творца *Донъ-Кихота*, но надобно было бы сдѣлать ее лучше.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.

147. Энциклопедія Законовѣдѣнія. Соч. Доктора правъ и Ор. Профессора Энциклопедіи Законовѣдѣнія и учреждений Россійской Имперіи въ университетъ Св. Владиміра, *Константина Неволіна*. Томъ первый: Введеніе въ Энциклопедію Законовѣдѣнія, общая часть ея и первая половина особенной части, 1839, Кіевъ, въ 8 д. 635 стр. Томъ второй: вторая половина особенной части, 1840, Кіевъ, въ 8 д., 646 стр.

Что почувствовали бы вы, еслибъ на пространствѣ безднественнаго океана, какое толькѣ можетъ съ берега охватить взоръ вашъ, увидѣли вы сотня лодокъ, лодочекъ, урфалитъ, выхъ барокъ, тихвинокъ и проч., переваливающихся съ бытъми кышчемъ, угольемъ и т. п. — и вдругъ устремить дальное око вдаль, вы неожиданно встрѣтили бы благороднаго, властителя морей — великолѣпный корабль, гордо помагающій своимъ разноцвѣтными флагами и широко охватывающій воздухъ своимъ бѣлыми парусами — корабль, который, совершивъ далекое странствованіе, несетъ къ вамъ богатые дары южныхъ благословенныхъ климатовъ — не правда ли, что послѣ скуки и тоски, вы опутили бы въ себя самыя легкія, самыя орадныя движенія? Точно такъ среди множества книгъ, книжекъ и книжонокъ, о которыхъ обыкновенно принуждена съ горестію говорить современная библиографія, намъ пріятно было встрѣтить и прѣвѣтствовать колоссальный трудъ г. Неволіна: Мы такъ привыкли къ жалкимъ явленіямъ въ нашей литературѣ, что

спачала невольпо изумилсь, взглянувъ на два огромные пепидьные въ ней томы. Что это такое — подумали мы — неужели это все мысли? Да откуда жъ они взялись? Кто ихъ могъ выдумать столько, когда мы отчаялись почти къ концу года встрѣтить и одну хоть маленькую, только вѣрную и умную мысль? Книга ли это? Нѣтъ ли тутъ мистификаціи? Можетъ быть это поваренное искусство, завернутое въ печатную бумагу, или номеръ какого нибудь журнала? Мы со страхомъ развернули томъ, начали читать и съ восторгомъ увидѣли, что это настоящее сочиненіе съ высшими глубокими и съ обширными познаніями — сочиненіе, сдѣлавшее бы честь какой хотите Европейской литературы. Энциклопедія Законовѣдѣнія у насъ новая наука; она можетъ принести неизчислимую пользу при такомъ обработываніи, какого образецъ мы находимъ въ книгѣ г-на Неволна. Передъ вами вѣчная, святая идея права во всемъ многообразіи своихъ проявленій, какія имѣла она въ школахъ и государствахъ. Какой предметъ можетъ быть возвышеннѣе для ума мыслящаго и важнѣе для тѣхъ, которые призваны творить въ обществѣ судъ и правду! — Г. Неволнъ совершилъ свой обширный трудъ съ могуществомъ того ученаго ума, который съ такимъ же успѣхомъ охватываетъ весь горизонтъ своей науки, съ какимъ отправляетъ самыя мелкія работы аналза. Ученая Германія раскрыла ему запасъ матеріаловъ и сообщила многія руководящія идеи; распоряженіе же этими матеріалами и зодческій подвигъ созданія принадлежать ему. Въ сочиненіи его заключается богатая литература по всѣмъ отраслямъ Законовѣдѣнія. Науку свѣдо раздѣляетъ опъ, какъ мы видѣли изъ заглавія, на двѣ части: на общую и особенную. Представимъ читателямъ нашия вкратчѣ сущность той и другой.

I. Общяя часть. Изяснивъ кратко понятіе, необходимости, предметъ, исторію и литературу *Энциклопедіи Законовѣдѣнія*, авторъ излагаетъ: существо закона, происхожденіе и постепенное образованіе законовъ, раздробленіе ихъ на разныя роды и виды. При изясненіи существа закона, опъ философски изслѣдуетъ идею правды, основываясь на началахъ Гегеля. Эта часть его творенія можетъ быть доступна только тѣмъ, кои посвящены въ таинства позднѣйшей Германской философіи. За то вторая глава, показывающая происхожденіе и постепенное образованіе законовъ, изложена весьма про-

сто и удобопонятно для каждаго, кто только принимает на себя трудъ ушиться и мыслить. Подробно показано происхождение и образование законовъ внутри одного государства; здѣсь авторъ говоритъ о формахъ, въ конхъ образуется законодательство, т. е., объ обычаяхъ и законахъ въ тѣсномъ смыслѣ, и основательно объясняетъ мѣру участія, принадлежащую имъ и законоведамъ; потомъ говоритъ, какъ власть законодательная дѣйствуетъ на образование законодательства издаваемъ отдѣльныхъ законовъ, составленіемъ сводовъ и сочиненіемъ уложений. Первоначальная форма законодательства есть издаваніе отдѣльныхъ законовъ. Бывъ произведемъ нужды и обстоятельства, законы не могутъ быть издаваемы въ определенной системѣ, такъ же какъ и обычаи не образуются систематически. Но тѣмъ не менѣе сія неизбежная разнородность должна быть приводима къ единству для удобства исполненія — и это дѣлается посредствомъ сводовъ и уложений. Опредѣливъ существо тѣхъ и другихъ вообще, онъ разсматриваетъ философски и составныя части уложенія. — Такимъ образомъ у г. Неволина изъяснено происхождение и постепенное образование законовъ со стороны ихъ *формы*, за симъ онъ обращается къ ихъ *содержанію*. Полное содержаніе идеи законодательства, такъ же какъ и форма его, развивается у народовъ мало по малу, соответственно постепенному развитію обществственности. Г. Неволинъ, слѣдуя Гегелю, различаетъ пять степеней жизни общественной: 1) семейство, 2) родъ или племя, 3) гражданское общество, 4) государство, 5) союзъ народовъ. Переходя съ одной изъ сихъ степеней на другія, идеи законодательства проявляются болѣе и болѣе, права и обязанности чловѣка становятся тверже и опредѣленнѣе. Въ первыхъ двухъ видахъ общества законодательство раскрывается преимущественно подъ влияніемъ внутренней и внешней необходимости, безъ особеннаго сознанія въ чловѣкѣ; въ трехъ послѣднихъ чловѣкъ становится законодателемъ съ сознаніемъ и по закону коренныхъ стремленій своей природы. Авторъ начинаетъ эту часть изъясненіемъ *происхожденія и образованія семейства*. Народъ, по крайней мѣрѣ, суди по настоящему порядку вещей, не рождается вдругъ, какъ бы изъ земли; онъ постепенно и въ теченіи долгаго времени проходитъ разныя фазы развитія и образованія. Зародышъ его есть семейство, именно союзъ супружескій. На основаніи физиологій и

психологию показавъ различіе между людьми по телу и душѣ, авторъ опредѣляетъ разные оттънки союза семейственнаго отношенія между супругами, родителями и дѣтьми, братьями и сестрами. Существо сего союза составляютъ: а) единство физической и нравственной природы во всѣхъ лицахъ, къ нему принадлежащихъ; б) прониходящее оттуда чувство естественнаго влеченія (любовь) другъ къ другу. Всѣ члены семейства живутъ въ простотѣ, нераздѣльномъ единствѣ другъ съ другомъ; каждый чувствуетъ себя въ другомъ и другою въ себѣ. Это стремленіе къ единству произведено не высшими какими либо причинами или размышленіемъ; напротивъ, оно существуетъ какъ нѣчто данное въ человѣческой природѣ. Поэтому авторъ излагаетъ личные и вещественныя права, выходяща мѣсто въ союзѣ семейственной, концы осуществляется его идея — небольшое общество держится этими отношеніями и наконецъ разрушается. Каждый отдѣльный союзъ семейственный носитъ въ себѣ сѣмя разрушенія. Родитель управляетъ — это видимое средоточіе, вокругъ коего собирались досель изшедшіе изъ него лучи жизни; сами дѣти, получивъ воспитаніе, достигши зрѣлаго возраста, дѣлаются способными основать новыя семейства и дѣйствительно ихъ основываютъ по той же необходимости, по коей основалось первое семейство. Но и возникшія на его мѣсто подчиняются тому же жребію, вмѣсто ихъ образуются другія, и такъ далѣе въ безконечность. Непосредственный результатъ сего безконечнаго процесса есть *союзъ родовый*. Весь рядъ семействъ, произшедшіи отъ первоначальнаго семейства, образуетъ собою одно цѣлое. Всѣ лица, къ нему принадлежаща, носятъ въ себѣ сознаніе своего общаго происхожденія — у нихъ одни понятія, нравы, чувствованія и желанія. Каждый основатель новаго семейства устанавливаетъ и удерживаетъ у себя тотъ же порядокъ дѣлъ, тотъ же духъ, въ какихъ онъ жилъ издѣтства. Къ этому присоединяется, какъ вышнее основаніе, общее мнѣніе, доставшееся отъ первоначальнаго семейства. Совокупность лицъ и семействъ, произшедшихъ отъ одного общаго и первоначальнаго семейства, связанныхъ единствомъ правъ и болѣе или менѣе общаго мнѣніемъ, называется *родомъ*. Изложивъ такимъ образомъ происхожденіе и понятіе рода, авторъ изъясняетъ также права, обязанности и законы союза родоваго и его конецъ: онъ также разрушаетъ

ев паки и союзъ семейственный. Чѣмъ далѣе поколѣнія вѣкстнаго рода отстоятъ отъ своего родоначальника, тѣмъ болѣе исчезаютъ между ними сознание общаго ихъ происхожденія, единство правовъ и даже общность имѣнія — словомъ все во, это совокупляло ихъ въ одинъ родъ. Въ замѣнь этого образуются: между людьми, къ нему принадлежащими, дружба, всосбливаемые связи, слѣдствіемъ коихъ есть союзъ гражданскаго общества. Перешедши изъ союза родового въ сей послѣдній, люди съ одной стороны въ отношеніи другъ къ другу дѣлятся существами нравственно-самостоятельными; съ другой стороны они вступаютъ въ равнообразныя отношенія другъ съ другомъ, ограничивающія ихъ самостоятельность и свободу; каждый пользуется силами другихъ для удовлетворенія своихъ потребностей, въ тоже время жертвуетъ имъ для той же цели частью своей самостоятельности. Совокупность лицъ самостоятельныхъ, соединенныхъ въ одинъ союзъ для удовлетворенія частными своими потребностямъ общими силами, или совокупность лицъ, соединенныхъ между собою частными нуждами и общими усиліями для ихъ удовлетворенія, есть *гражданское общество*. За нимъ слѣдуетъ высшая степень общественнаго оююза — *Государство*. Каждый членъ гражданскаго общества непосредственно имѣетъ въ виду только свои особенныя цѣли; но особенныя цѣли, какъ ограниченныя, конечныя, сами въ себѣ не имѣютъ самостоятельности; истинное основаніе ихъ бытія заключается въ цѣли нравственно всеобщей, неограниченной, безконечной. Союзъ лицъ, которыя, при своихъ особенныхъ цѣляхъ, признаютъ еще цѣль всеобщую — совокупность всѣхъ высшихъ цѣлей и потребностей человечества, есть *Государство*. Съ одной стороны, въ государствахъ всѣ особенныя цѣли получаютъ обширѣйшее развитіе; съ другой члены этого союза поставляютъ средоточіемъ своей дѣятельности не свое личное благо, но всеобщее благо, благо цѣлаго; эта цѣль существуетъ у нихъ не въ темномъ гаданіи или чувствѣ, но въ полномъ и ясномъ сознаніи, которое въ свою очередь выражается реально, дѣлами. Единство государства получаетъ для себя видимое выраженіе и осуществленіе въ верховной власти. Въ такомъ порядкѣ авторъ развиваетъ идеи о происхожденіи гражданскаго общества и государства. Всякой видитъ, что некогда, принявшая эти начала, слѣдуетъ строго за самыми ходами вещей и превра-

принять въ понятія только то, что учреждаютъ на землѣ природа и судьба. Этими объясненіемъ философскихъ понятій съ исторіей разъяснены всѣ прежнія странныя теоріи о происхожденіи обществъ и переходъ ихъ изъ одного состоянія въ другое, каковы напр. теоріи объ основаніи обществъ по договору, по принужденію, теоріи объ обществѣ энтроповъ, поманоѣ и земледѣльцевъ. Всѣ эти ученія исчезаютъ предъ естественнымъ ходомъ вещей, коего могущественные двигатели суть: нужды физическія и постепенное развитіе въ человѣкѣ нравственнаго сознанія. — Далѣе г. Неволлинъ переходитъ къ законамъ, охраняющимъ бытіе государственныя и дѣлитъ ихъ на роды и виды, соответственно роду правъ и обязанностей. Сія послѣдняя бываютъ или *внутреннія государственныя* или *государственныя отношенія* (права и обязанности между народами). Почему и законы раздѣляются на законы государственныя гражданскіе и право народное. Всѣ понятія, относящіяся къ этой части науки, изложены авторомъ съ глубокимъ знаніемъ предмета, отчетливо и ясно.

Послѣ общихъ понятій объ основныхъ идеяхъ, содержаніи и формѣ законодательства, авторъ разсуждаетъ о *законовѣдѣніи въ общемъ ея составѣ*. Здѣсь изложены основныя понятія о законовѣдѣніи; онъ показываетъ науки, имѣющія предметомъ содержаніе его, какъ то: философію законодательства, законовѣдѣніе положительное, исторію философіи законодательства, исторію законодательства положительнаго и проч. За сими слѣдуютъ науки вспомогательныя: науки философскія, математика, естествознаніе и проч. Послѣ авторъ разсматриваетъ форму и методологію законовѣдѣнія, и наконецъ говоритъ объ учебныхъ способахъ изучать законы въ общественныхъ заведеніяхъ.

Таковъ объемъ и содержаніе общей части книги г. Неволлина.

II. Часть особенная. Эта часть есть преимущественно историческая. Она представляетъ намъ въ видѣ обзора какъ исторію законовъ, составляющихъ существенное содержаніе законовѣдѣнія, такъ и исторію послѣдняго. Изяснить понятіе объ исторіи законовъ и законовѣдѣнія и способахъ ея изложенія, г. Неволлинъ раздѣляетъ ее на два періода: на древнюю и новую. Такое раздѣленіе основывается не на вѣщномъ разграниченіи времени, но на внутреннемъ разли-

чинъ начало всякой человеческой дѣятельности. Дѣятельность эта движется между двумя началами: между началомъ *всеобщаго* и началомъ *особеннаго*. Характеръ древней исторіи состоитъ въ преобладаніи всеобщаго надъ особеннымъ; тамъ люди представляются слитыми въ массы. Они теряютъ свою самостоятельность въ громадѣ цѣлаго народа, который состоитъ изъ механическаго скопленія недѣльныхъ, или вовсе неразвитыхъ, или мало развитыхъ въ ихъ духовной организаціи. Характеръ новой исторіи напротивъ состоитъ въ преобладаніи особеннаго надъ всеобщимъ: каждое недѣльное стремится раскрыть свои силы и бытіе во всей полнотѣ, къ какой способна его природа. Но должно наступить еще время, гдѣ бы оба начала — начало всеобщаго и особеннаго были развиты въ совершеннѣйшей гармоніи и достигли полного равновѣсія. Такъ какъ законы раздѣляются на естественныя и положительныя, то и все законодѣніе раздѣляется на философію законодательства и законодѣніе положительное, сообразно съ этимъ раздѣляется и исторія законодѣнія. При изложеніи сей послѣдней, авторъ слѣдовалъ не одному естественному порядку времени, но и внутреннему порядку, въ какомъ разныя начала какъ въ философіи законодательства, такъ и въ законодательствахъ положительныхъ раскрывались одно за другимъ. Сперва говорится объ исторіи философіи законодательства, въ древнемъ мірѣ, гдѣ встречаемъ мы три главные характеры законодательства: *Восточный*, *Греческій* и *Римскій*. Авторъ дѣлитъ эту часть исторіи на три періода: первый періодъ простирается отъ Фалеса до Сократа; второй періодъ заключаетъ въ себѣ философію Сократическую. Здѣсь г. Неволлинъ превосходно изложилъ ученіе Платона и Аристотеля; хотя кратко, но также весьма основательно и ясно знакомитъ онъ читателя съ системами Стоиковъ, Эпикурейцовъ и Скептиковъ. Въ третьемъ періодѣ излагается движеніе Греческой философіи у Римлянъ и на Востокъ. Здѣсь авторъ обратилъ особенное вниманіе на философію законодательства Цицерона. *Новую исторію* онъ раздѣлилъ также на три періода: періодъ первый — со времени возстановленія наукъ въ Западной Европѣ до Бекона и Декарта; здѣсь представляются намъ шаткія и сбивчивыя покушенія основать философію законодательства преимущественно на идеяхъ древняго міра, съ прамыслю Богословскихъ ученій. Въ этомъ періодѣ ав-

торь обратилъ особенное вниманіе на идеи Гуго Гроція и изложилъ ихъ весьма подробно и основательно. Второй періодъ начинается Бекономъ и Декартомъ и продолжается до Канта; здѣсь усиливается «построить» философію законодательства въ новомъ духѣ то по указанію чувства, то по указанію разсудка. Авторъ съ большою откровенностію изложилъ мнѣнія Гоббеса, Локка, Кумберланда, Готтесона, Юма, Фергюссона, Декарта, Пуассендора, Томазія, Аленвала, Спинозы, Лейбница, Вольфа, и наконецъ показалъ главныя черты разрушительной Французской школы XVIII вѣка. Третій періодъ обнимаетъ философію законодательства, начатую Кантомъ, въ которой мы видимъ частію полное развитіе субъективнаго взгляда, частію возвращеніе къ древнимъ учениямъ. Превосходно у автора изложены здѣсь ученія Канта о правѣ частномъ и публичномъ, показаны достоинства и недостатки его системы, ученіе Фикте о государствѣ и семейственномъ правѣ, также объективный идеализмъ Шеллинга и абсолютный идеализмъ Гегеля. — За симиъ излагается исторія положительныхъ законодательствъ. Они слѣдуютъ, какъ и системы философіи права, одно за другимъ въ порядкѣ, определяемомъ внутреннею необходимостію; каждое изъ нихъ раскрываетъ съ новой стороны всеобщую идею правды, послѣдующія законодательства непрерывно обогащаются достоинствомъ предшествовавшихъ, и всл идея правды въ теченіи вѣковъ раскрывается полнѣе и полнѣе. Начиная съ перваго зародыша законовъ самыхъ простыхъ и грубыхъ, законодательство возвышается до совершеннѣйшаго устройства жизни общественной — устройства, основаннаго на гармоніи между цѣлями государственными и личными правами и потребностями каждаго недѣльнаго. Разсмотрѣвъ жизнь чловѣка въ государствѣ, особенно бытъ дикарей на островахъ южнаго океана, бытъ дикарей Американскихъ, Негровъ, кочующихъ Арабовъ, Берберовъ и кочующихъ народовъ средней Азии, авторъ приступилъ къ изложенію *древней исторіи положительныхъ законодательствъ*. Во всѣхъ законодательствахъ этого пространства времени *всеобщее* преобладаетъ надъ *особеннымъ*, природа надъ духомъ, необходимое надъ свободнымъ. Здѣсь авторъ различаетъ три періода: первый заключаетъ въ себѣ законодательства, въ которыхъ недѣльное теряетъ всякое право и значеніе подъ своимъ всеобщимъ основаніемъ

— это суть *законодательства Восточныхъ народовъ*, именно, законодательства Китайское, Индѣйское, Египетское, Персидское, Финикійское, Еврейское и наконецъ Магометанское. Въ этой части содержится множество любопытнѣйшихъ свѣдѣній, изложенныхъ г. Неволлицы въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, точно и ясно. Второй періодъ представляетъ намъ законодательства, въ концѣ вековъ начинаютъ сознавать въ себѣ личное достоинство и права вмѣстѣ съ своимъ общимъ основаніемъ, находясь въ глубокомъ мирѣ и согласіи съ своимъ основаніемъ по самому устройству своей природы. Это законодательство *Греческихъ племенъ*. Здѣсь г. Неволлицъ превосходно изложилъ Греческіе законы вообще и въ особенности законы Аѳинъ и Спарты. — Третій періодъ содержитъ въ себѣ законодательства, въ которыхъ начало всеобщности и начало особености являются въ борьбѣ между собою, такъ что наконецъ последнее освобождается изъ подъ владычества перваго. Это законодательство *Римское*. Авторъ излагаетъ здѣсь довольно подробно и удовлетворительно какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю исторію Римскаго права. *Новая исторія* представляетъ намъ картину законодательствъ, въ которыхъ особенное преобладаетъ надъ всеобщнымъ, духъ надъ природою, свободное надъ необходимымъ. Основанія всѣхъ правъ человѣка ищутъ здѣсь въ собственной духовной природѣ его; порядокъ общественный представляется здѣсь свободнымъ произведеніемъ человѣческой воли; частныя права лицъ пріобрѣтаютъ здѣсь величайшую важность. При новыхъ законодательствахъ авторъ ограничился обзоромъ только внѣшней исторіи Римскаго законодательства у новыхъ народовъ, законодательства некоторыхъ Германскихъ народовъ, законодательства Русскаго и Европейскаго народнаго права. Очень жаль, что авторъ не изложилъ внутренней исторіи законодательства новѣйшихъ народовъ — особенно Франціи, Англии и Германіи; не понимаемъ также, почему выпустилъ онъ изъ виду законодательства Скандинавіи и Славянскихъ племенъ; этого только и не достаётъ для полного рѣшенія задачи, какую онъ предназначилъ себѣ въ своемъ обширномъ и превосходномъ твореніи. Свѣдѣнія о законодательствахъ Сѣвера и Славянскихъ народовъ тѣмъ важнѣе для насъ, что они имѣли вліяніе на Русское право.

Изъ этого краткаго обозрѣнія читатели увидятъ, какой о-

аромный подвигъ совершенъ г. Невוליнымъ, сколько надобно было употребить труда, чтобы воспользоваться разнообразными источниками и извлечь изъ нихъ столь богатые матеріалы! Сколько пужно было соображеній, чтобы оживить ихъ однимъ духомъ, одною идеей и привести въ строгій систематическій порядокъ! Это безъ сомнѣнія одно изъ важнѣйшихъ ученыхъ твореній въ нашей литературѣ, и имя г. Неволлина сохранится въ ней навсегда, какъ имя ученаго, который впервые обработалъ у насъ науку, не совсѣмъ еще воздѣланную даже одного изъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ въ мірѣ, у Германцевъ, занимающихъ первое мѣсто въ царствѣ наукъ — притомъ обработалъ ее достойно и величія ея предмета и требованій вѣка. Желаемъ, чтобы книга его имѣла столько читателей, сколько она заслуживаетъ, хотя увы! очень сомнѣваемся въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это такое? Два тома почти въ 1300 стр., которые надобно читать думая — пить! ужъ это сланикомъ. Иное дѣло брошюра страницъ въ сорокъ, въ пятьдесятъ, гдѣ бы можно было познакомиться со всеми законодательствами въ мірѣ такъ, послѣ сытнаго обѣда, кура сигару, познакомиться для того, чтобы при случаѣ сослаться на такой-то законъ Спарты или Китая и удивить блескомъ своей учености. И къ чему такая громада познаній? Что съ ними дѣлать? Въ состояніи ли они доставить какія нибудь изъ тѣхъ положительныхъ благъ, изъ тѣхъ удобствъ жизни, съ которыми такъ весело и безъ которыхъ такъ скучно жить на свѣтѣ? Единственная выгода, какую можно приобрести, читая толстую и умную книгу, это слава о нашемъ глубокомысліи и великой учености. Конечно, это иногда не дурно. Но и тутъ все-таки пить необходимо сти подвергаться игу неспоснаго мучителя — игу умственнаго труда: купите книгу, только пожалуста купите, а не берите у своего пріятеля съ тѣмъ, чтобы зачитать ее: отъ этого частію зависитъ и слава вашего ума — поставьте ее на видномъ мѣстѣ въ вашей библіотекѣ, или положите на столѣ такъ, чтобы она бросалась прямо въ глаза приходящимъ — кто станетъ сомнѣваться послѣ этого въ страсти вашей къ великимъ истинамъ, ко всемъ глубинамъ и ширинамъ умственнымъ? И такъ дѣло рѣшеное — вы покупаете книгу г. Неволлина, не правда ли? Вспомните, что съ правомъ не читать ее, вы получаете прекраснѣйшую вещь на свѣтѣ — банстательную репутацію.

148. A DICTIONARY OF THE ENGLISH AND RUSSIAN Languages by J. Banks. *Русско-Англійскій словарь*, составленный Яковомъ Банксомъ. Томъ первый А.—О. Мѡсква. Въ типогр. Августа Семена. 1840, въ 8, 851 стр.

Съ Англійско-Русскимъ Лексикономъ давно уже знакомы наши читатели, онъ какъ ни плохъ, а все-таки лучший изъ всѣхъ до него бывшихъ, потому что и Пареного и Граматинъ сильно состарѣлись. Русско-Англійскій словарь съ меньшими недостатками и съ большими достоинствами. Но и въ томъ и въ другомъ составителю кажется непременно хотѣлось издать толстыя книги; для этого онъ помещаетъ при всякомъ словѣ его уменьшительныя, иногда и увеличительныя; для того же кажется онъ составляетъ иногда свои собственные слова и приводитъ церковно-славянскія. Доказательствъ для перваго не нужно и приводить, они встрѣчаются на каждой страницѣ; для послѣдняго возьмемъ на удачу хоть *заобъльмій*, *задружить*, *неблазнь*, *кръпцъ*, *загрѣвать* (взогрѣвать), *загрубить* (грубить), *заварчивать*, *завида* (зависть), *заварчивый*, *женскость* (а слова *женолюбіе* нѣтъ), или слово поставленное въ концѣ перваго столбца на стр. 307, и множество другихъ. Составныхъ словъ у него и не считая, и пусть бы на Англійскомъ они назывались однимъ словомъ, какимъ нибудь техническимъ терминомъ, а то нѣтъ; безъ всякой нужды онъ куетъ слова и переводитъ ихъ двумя словами, напр. *жельзоковательный*, *жельзопродавецъ*, *желудеродный*, *вѣропроповѣдничество*, *виноставъ*, *виноградодѣланіе*, *виноградособираніе*. Пожалуй такъ можно составить не только двѣ, двѣсти частей словаря и туда все не помѣстится, что благоудно будетъ включить лексикосоставителю, напр. возьмите слово *благо*, подъ нимъ составныхъ словъ шесть страницъ съ половиною; тутъ есть и *благотвоствовать*, *благотворить* (такъ въ лексиконѣ стр. 43), *благотыгательный*, *благотыслие* (preacher, проповѣдникъ), *благодарство*, *благодвижный*, *благозаконіе*, *благознаменитый*, *благозрачный*; *благостыканный*, *благокорешный*, *благокруглый* (perfectly round, то есть совершенно круглый), *благосилоный*, *благосилоице* (strength, vigour, то есть сила, мощь, храбрость) *благосилоствовать*, и такъ далѣе. Мы выбрали это только изъ двухъ страницъ съ половиною, а еще остается четыре. Многія слова не точно опредѣлены, напримѣръ *закалъ*, то есть *закалъ въ хлѣбъ*, *place holf-baned*, недонеченное тѣсто. За-

каломъ называется непрятшпанная мука, совсѣмъ не то, что медонечетное тѣсто. *Заоблачный*, *beyond the clouds*, это недостаточное; у насъ слово заоблачный болѣе употребляется въ смыслѣ переносномъ, напр. улетѣть въ заоблачную даль, а *beyond the clouds* просто означаетъ мѣсто за видимыми нами облаками. Вообще трудно понять, какъ можетъ быть хороше лексиконъ, если слова не пояснены фразами, и г-нъ Банксъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, когда бы онъ выпустилъ множество своихъ собственныхъ словъ и вмѣсто ихъ иногда ввелъ бы цѣлые обороты рѣчи для показанія употребленія слова.

Очень хорошо у него то, что при каждомъ словѣ цифра указываетъ на таблицу, гдѣ вы тотчасъ найдете всеспряженіе глагола или склоненіе имени, или окончаніе родовъ, смотря потому, къ какой части рѣчи принадлежитъ искомое слово, къ глаголу ли, къ имени существительному или прилагательному. Нельзя также не похвалить и того, что при глаголахъ показано, съ какими падежами син согласуются. Наконецъ не худо, особенно для иностранцевъ, имѣть и табель о рамкахъ, также форменныя началла, окончанія и надписи писемъ къ лицамъ всякаго званія; все это помѣщено въ началѣ лексикона въ видѣ таблицы, хотя оно ни сколько не принадлежитъ къ лексикону.

149. Пантеонъ *Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ*. Апрельская, Майская, Июньская и Июльская книжки. Редакторъ *Ө. А. Кони*. С. Пб., въ типографіяхъ Плюшара и Смирдина, 1840 года, въ 8 д. л., въ 2 колонны, во всѣхъ книжкахъ 302 стр.

150. Репертуаръ *Русскаго театра*, издаваемый *И. Песоцкимъ*. С. Пб., въ типографіи Плюшара, 1840. Книжки за Июнь, Июль и Августъ, въ 8 д. л., въ 2 колонны, во всѣхъ 3-хъ книжкахъ 221 стр.

Вотъ два драматическіе сборника, которые въ одно время доказываютъ и возрастающую любовь нашей публики къ театру и не весьма завидное состояніе драматическаго искусства, не только у насъ въ Россіи, но и во всей Европѣ. Въ этомъ заключается оправданіе издателей «Пантеона» и «Репертуара», отъ которыхъ читающая публика и журнальная критика могли бы требовать пьесъ болѣе занимательныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что жъ тутъ дѣлать? Въ нашей современной литера-

туръ весьма не много замѣчательныхъ драматическихъ писателей; число хорошихъ переводныхъ пьесъ, по разнымъ обстоятельствамъ также невелико. Послѣ этого не должны ли мы быть благодарны издателямъ «Пантеона» и «Репертуара» за ихъ старанія представить въ вѣрной картинѣ нынѣшнее состояніе театра и драматическаго искусства въ Россіи? Правда, прежде содержаніе «Репертуара» казалось намъ не много страннымъ и не всегда излщнымъ; водвили, которыми онъ былъ наполненъ и которые иногда очень милы на сценѣ, мы, можетъ быть, слишкомъ взыскательно, считали лишними для чтенія; но теперь мы вполнѣ убѣждены, что у «Репертуара» есть свой, и довольно многочисленный, кругъ читателей, которыхъ г-нъ Песоцкій удовлетворяетъ очень добросовѣстно, читателей, которые въ Александринскомъ театрѣ отъ души смѣются надъ импровизаціями Г. Григорьева 2 и въ своихъ обществахъ любятъ повторять водвильные каламбуръ и пѣть водвильные куплеты. Въ современной Французской литературѣ, есть также подобное періодическое изданіе «La France Dramatique,» гдѣ между многими превосходными сценическими твореніями помѣщаются иногда такіе водвили, которые минутнымъ успѣхомъ одолжены только превосходной игрѣ артистовъ.

Въ четырехъ разбираемыхъ нами книжкахъ «Пантеона» напечатано шесть драматическихъ пьесъ, шесть повѣстей и разсказовъ, двѣ ученныя статьи и нѣсколько мелкихъ стихотвореній и не большихъ статей въ прозѣ. Драма Дюма «Карлъ VII, Король Французскій» очень хорошо переведенная Г. Межевичемъ, отличается тѣми же красотами и тѣми же недостатками, какими ознаменованы и прочія драматическія творенія этого писателя. Нѣсколько блестящихъ эффектныхъ сценъ и много несообразностей, характеры обрисованы съ силою, но въ нихъ не достаетъ истины. «Финъ» волшебная трилогія, самая удачная изъ всѣхъ передѣлокъ Князя Шаховскаго и одно изъ лучшихъ драматическихъ его произведеній, въ которомъ вы прочтете множество оживленныхъ сценъ, и нѣсколько стиховъ, написанныхъ съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ, наиримѣръ эти:

Урманскіе Варяги молодцы,
Нѣтъ спора въ томъ: да чѣмъ же вы ихъ хуже?

Или вы, друзья, родились на лужь?
 Или на пуху вскормили вась отцы?
 Нить, вы съ реблчества не свыклися съ постелью,
 Не краспой дѣвицей росли:
 Нить, братцы, наши корабли
 Вамъ были дѣтской колыбелью.
 Вась уделѣвать завывный вѣтра свисть,
 Укачивала буря.
 Когда жь съ дѣрѣвь срывая листь
 И небо тучами нахмуря,
 Вась злая осень до костей
 Дождемъ и вихремъ пробивала,
 И смерть съ грозой налетала,
 Вы прятались ли передъ ней?

«Гризельда» трагедія, передѣланная изъ повѣсти Боккачіо Гальмонтъ, и переведенная съ Нѣмецкаго Г. Ободовскимъ, не столько трагедія, сколько драматическая сказка или лучше сказать психологическая задача, по примѣру Раупаха, разрѣшаемая въ діалогахъ. Авторъ хотѣлъ доказать, до какой высокой степени можетъ вознестись пѣжняя супружеская привязанность и великодушная самоотверженность женщины. Узелъ завязанъ очень слабо: рыцарь Перенваль, главное дѣйствующее лице въ драмѣ, по самому пустому побужденію угождая прихоти королевы и ея приближенныхъ, подвергаетъ любимую жену, единственнаго сына и бѣднаго слѣплаго тестя самымъ жестокимъ испытаніямъ. Женская добродѣтель торжествуетъ, а зритель скучаетъ, съ самыхъ первыхъ сценъ предвидя, къ чему все это клонится и чѣмъ все рѣшится. Замѣтимъ однакожь, что переводъ г. Ободовскаго, какъ и всѣ его переводы, отличается прекраснымъ стихомъ, легкимъ и звучнымъ. Сверхъ того онъ многое переиначилъ въ этой пьесѣ и переиначилъ къ лучшему. «Благородные люди,» комедію г. Меншикова, также не лзя назвать комедією: это очерки правовъ, сцены, связанные на живую нитку, списки съ приключеній, которыя ежеминутно встрѣчаются у насъ въ Петербургѣ на улицахъ и въ квартирахъ мелкихъ чиновниковъ. Кажется, авторъ, обольщенный успѣхомъ перваго своего произведенія «Очерки канцелярской жизни,» въ которомъ дѣйствительно было много набросано остроумныхъ сатирическихъ замѣтокъ, вмѣнилъ себѣ въ обязанность написать еще что нибудь въ этомъ родѣ. Подобныя сцены обыкновенной жизни могутъ въ области иску-

ства имѣть свою цѣну только тогда, когда выведенныя въ нихъ дѣйствующія лица художественно выражаютъ нравы своего сословія или общества, и въ этомъ отношеніи «Ревизоръ» Гоголя могъ бы служить автору весьма хорошимъ образцомъ. Но выпустить на сцену нѣсколько безцвѣтныхъ лицъ, назвать одного изъ нихъ квартальнымъ надзирателемъ, другаго офицеромъ, третьяго чиновникомъ, между тѣмъ какъ всѣ они говорятъ общими мѣстами—неужели это значитъ написать комедію? После этого можно будетъ составить цѣлую драматическую пьесу изъ повсѣдневныхъ разговоровъ: «Здоровы ли вы?» — Слава Богу. — «Куда вы идете?» — Я иду гулять на Невскій Проспектъ, славная погода! — Да-съ, прекрасная погода сегодня. Вѣрно на Невскомъ Проспектѣ будетъ много народу, и тому подобнае.

«Водвиль Жозефъ, Парижскій мальчикъ» и комедія «Дѣловой человѣкъ,» очень милыя пьесы, которыя, впрочемъ, въ чтеніи не доставили намъ и на десятую долю того удовольствія, какое ощутили мы, видѣвши эти пьесы на сценѣ.

Мы весьма благодарны издателю «Пантеона» за двѣ прекрасныя критическія статьи «о драматическомъ искусствѣ Индѣйцевъ,» профессора Вильсона и «о театрѣ древнихъ Грековъ» Князя А. А. Шаховскаго. Въ сей послѣдней нашъ остроумный комикъ является прощательнымъ критикомъ и ученымъ наблюдателемъ исторіи театра древнихъ. Впрочемъ, если бы намъ не запрещали тѣсныя предѣлы библиографической статьи, мы могли бы сдѣлать многія возраженія на его мысль, что трилогія самая удобная и приличная форма для представленій сценическихъ. Доводы его въ пользу своего мнѣнія кажутся намъ не весьма убѣдительными, а слишкомъ горячіе нападки его на Французскую классическую драму, нѣсколько устарѣлыми. Кто же теперь вѣрится въ Распновскія три единства и тому подобныя нелѣпости?

Редакторъ «Пантеона» предположилъ помѣщать въ своемъ изданіи только такія повѣсти и рассказы, которые могутъ служить сюжетомъ для драмы или комедіи. Мы, право, не знаемъ, существуютъ ли такія повѣсти, изъ которыхъ особенно легко предѣлывать драмы, и бывають ли такія повѣсти, которыми вовсе не можетъ воспользоваться писатель драматическій? Шекспиръ первую идею Гамлета почерпнулъ изъ пустой сказки, а между тѣмъ изъ превосходныхъ романовъ

Вальтеръ Скотта въ наше время передѣлывали самыя пелыныя драмы.

Возьмемъ изъ «Пантеона» повѣсть и будемъ составлять изъ нее драму или комедію, потому что изъ всякой повѣсти, помѣщенной въ «Пантеонъ» можно, по словамъ издателя, сдѣлать и драму и комедію, какъ кому заблагоразсудится. Вотъ, наприимѣръ, рассказъ «Оборотень». Мы дадимъ другое названіе драмѣ комедіи: Сонливый гусарь и дѣвушки прожоры—название не совсѣмъ граціозное, но совершенно приличное пьесѣ, судя по ея ходу и характерамъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Наша драма будетъ въ пяти картинахъ. Картина первая: Дѣвушки чудовища. У папа Аллигурскаго, жешатаго на второй женѣ, есть двѣ маленькія хорошенькія дочки, Эмилія и Розетта, у которыхъ, отъ дурнаго присмотра, на лицахъ страшная отвратительная сыпь; мало по малу эта сыпь «превращается въ бугры и паросты всякаго вида и цвѣта.» Картина вторая: «Дѣвушки прожоры.» Папелъка Аллигурскій ужасно разсердился на свою супругу за ея дурное обхожденіе съ падчѣрицами, сталъ за ними самъ присматривать и кормить ихъ по горло. Дѣвушки, которыя до того времени голодали, какъ Пивагорейцы, становятся совершенными акулами и начинаютъ поѣдать все, что имъ ни попадетсѣ. Картина третья: Дѣвушки воровки. Дѣвушки прожоры становятся дѣвушками воровками, пробираются во фруктовый садъ. Эмилія влѣзаетъ на яблоню, крадетъ яблоки; сукъ, за который она держалась, обламывается; Эмилія падаетъ въ кустъ крапивы, и обжигаетъ себѣ лице, покрытое «буграми и паростами». Она дѣлается больна, по отъ обжоги происходятъ самыя благодѣтельныя слѣдствія: «бугры и паросты» спадаютъ съ лица Эмиліи. Дѣвушки чудовищи, прожоры и воровки становятся умѣренными и благоправными, а одна изъ нихъ дѣлается еще красавицею. Зрители аплодируютъ, моралисты паидательлю указываютъ на пагубныя слѣдствія воровства и страсти къ ѣдѣ, а врачъ спѣшатъ воспользоваться новымъ, удивительнымъ способомъ леченія крапивною «бугры и паросты.» Картина четвертая: Сонливый гусарь. Въ Гродно, великолѣпный балъ. Въ числѣ освѣтителей находится молодой Русскій гусарь, который, не принявъ участія въ ташцахъ, отправляется въ темную холодную комнату спать на шубахъ. Музыка играетъ, павочки ташуютъ и блещутъ хоромишькими глазками, гусарь

все спитъ; паны, подъ слышимъ ухомъ гусара, събиются надъ нимъ очень лзвительно и остроумно. Гусаръ все спитъ. Панъ Аллигурскій и его дочь Эмилиа, находя соню гусара очень любезнымъ, приглашаютъ его къ себѣ. Картина пятая: Счастливый гусаръ на минеральныхъ водахъ. Гусаръ прѣзжаетъ къ Аллигурскимъ, влюбляется въ страшную Розетту и открываетъ въ лицѣ ея подъ «буграми и наростами» сходство съ Эмилиею, первую красавицею въ Гродно. Гусаръ женится на Розеттѣ, папенька Аллигурскій и его супруга плачутъ отъ умиленія; Розетта рождаетъ сына и примѣтно становится лучше; потомъ молодые супруги ѣдутъ на воды, гдѣ Розетта рождаетъ другаго сына, «бугры и наросты» по маленьку спадаютъ съ ея лица, остальные она смываетъ минеральною водою и прѣзжаетъ въ Россію красавицею; зрители страшно аплодируютъ; медицина пріобрѣтаетъ еще новыя открытія, найдн, что относительно пользованія сыпи на лицѣ «дѣти и воды производятъ одинакое дѣйствіе съ крапивою.»

Изъ повѣсти г. Струйскаго «Атаманъ Косолапъ» можно также составить драму самую ужасную, самую кровавую. Дѣйствующія лица очень приличны современной драмѣ: разбойники, убійцы, юродивые, бродяги. Въ первомъ дѣйствіи будетъ представлено, какъ Углицкая чернь терзаетъ Битяговскаго, который «лежитъ какой-то кровавой глыбой. Жепщины вырываютъ клочками его волосы, глаза его выдавлены и висятъ на жилахъ.» Разбойничьихъ пѣсень, которыя кое-гдѣ разсыяны въ этой повѣсти, мы не отдадимъ въ драму, а оставимъ за собой, потому что онѣ и такъ намъ нравятся, на примѣръ хоть эта:

Гдѣ ты, родина? далеко!
 За долами, за горой,
 Тамъ, гдѣ Довъ шумитъ глубокой
 Надъ кремнистою скалой,
 Видѣвъ хуторъ одинокій.
 Не блеснетъ въ окна огонь,
 Не раздастся пиръ веселый
 И въ конюшнѣ опустелой
 Не проржетъ хозяйскій конь.
 На стѣнахъ висятъ тенета,
 По почамъ сверчки кричатъ
 И широкія ворота
 Не затворены стоятъ.

Мать моя въ слезахъ почла,
И меня не призвала;
Одинокя могла
Скоро лугомъ заросла и проч.

И въ самомъ дѣлѣ эти миленькіе стихи совсѣмъ не къ лицу гадкому разбойнику, который, распѣвая ихъ, приговариваетъ: православный мужичекъ, голыпкій голичекъ, садится на скачекъ (?), потягиваетъ табачекъ.

«Представленіе Донъ Жуана» разсказъ Гофмана и «новый поэтъ, новая опера и новое открытіе,» повѣсть г. Копи, мы не совѣтуемъ передѣлывать ни въ драмы, ни въ водвилы, потому что эти пьесы сами по себѣ хороши, какъ повѣсти. Въ замѣнъ того мы можемъ отдать въ добычу нашимъ передѣлывателямъ драмъ почти всѣ мелкія стихотворенія, напечатанныя въ разбираемыхъ нами четырехъ книжкахъ «Пантеона.»

Въ трехъ книжкахъ «Репертуара» за Іюнь, Іюль и Августъ, вы найдете шесть драматическихъ пьесъ—комедій и водвилей, сочиненія Князя Шаховскаго, гг. Загоскина, П. С. Ѳедорова, Полеваго и Зотова. Почти всѣ эти произведенія, благодаря искусной игрѣ актеровъ, увѣичались заслуженнымъ успѣхомъ на Александринскомъ театрѣ. Любители легкаго чтенія вѣроятно найдутъ ихъ замѣчательными и въ чтеніи; но намъ болѣе всего правится отрывокъ изъ исторіи Русскаго театра, Кп. А. А. Шаховскаго, и «Мои воспоминанія о театрѣ,» соч. Р. М. Зотова. Объ эти статьи могутъ служить хорошими матеріалами для исторіи сценическаго искусства въ Россіи. Отчеты о провинціальныхъ театрахъ, съ тѣхъ котораго времени помѣщаемые въ «Репертуарѣ» любопытны тѣмъ болѣе, что до сего времени мы почти не имѣли никакихъ свѣдѣній о состояніи театровъ въ нашихъ губернскихъ городахъ. Если вѣрить на слово нашимъ провинціальнымъ дилетантамъ, такъ въ Казанѣ, Воронежѣ, особливо въ Нижнемъ Новгородѣ есть замѣчательные сценическіе таланты, заслуживающіе Петербургской если не славы, но крайней мѣрѣ, извѣстности. Желательно, чтобы эти отчеты были нѣсколько покороче: они уже слишкомъ подробны и потому утомительны.

Къ разбираемымъ нами книжкамъ обѣихъ этихъ изданій приложено нѣсколько нотъ, а при книжкѣ Репертуара за

Августъ выданъ весьма похожій, прекрасно выгравированный въ Лондонѣ портретъ актрисы В. Н. Асенковой.

Репертуаръ начался прежде Пантеона; когда появился послѣдній, многіе думали, что между двумя изданіями непременно возникнетъ соперничество и что, по заведенному у насъ порядку, одинъ станетъ мѣшать успѣху другаго. Соперничество не бѣда; оно возбуждаетъ соревнованіе и слѣд. стремленіе къ усовершенствованію. Но мѣшать другъ другу — это зачѣмъ? Репертуаръ и Пантеонъ объ этомъ и не думали. Редакція ихъ слишкомъ просвѣщенны, чтобы не постараться соединить пользы литературы съ собственными, а польза литературы требуетъ разнообразія мнѣній, идей, способовъ выполненія и проч. Вѣдь въ этомъ разнообразіи и жизнь. Напротивъ, они именно рѣшились показать похвальный примѣръ того, что соревнованіе въ литературѣ, какъ и вездѣ, можетъ существовать безъ расчетовъ мелкаго эгоизма, что для людей съ дарованіемъ всегда останется довольно мѣста на поприщѣ, по которому идутъ другіе: ибо искусство неисчерпаемо, а дарованіе въ томъ и состоитъ, чтобы черпать изъ него своимъ сосудомъ струю святыхъ истинъ и великихъ идей, а не стоять возлѣ него сложа руки, или бросая грязь въ то, что достали другіе. Это можетъ случиться только съ тѣми, у кого нѣтъ ни призванія къ искусству, ни свѣтлаго взгляда на богатую, разноцвѣтную игру его жизни. Мы радуемся счастливому союзу двухъ полезныхъ предпріятій и предчувствуемъ, что они совершенствуются болѣе и болѣе, окажутъ много добра литературѣ, а въ обширномъ царствѣ Русскомъ имъ не будетъ тѣсно.

151. Игра преферансъ, объясненная положеніями, условіями игры и правилами разыгрыванія. Москва, въ типографіи Н. Степанова. 1840 г., 2 части, въ 1-й 76 стр., во 2-й 93.

Что вы думаете объ игрѣ преферансъ? «то, что она чрезвычайно пріятное занятіе для тѣхъ, у кого или очень много занятій, или нѣтъ ни какихъ, и очень полезное для того, кто выигрываетъ.» Нѣтъ, мм. гг., этого мало: она наука и притомъ глубокая, строгая, точная наука. Вы должны убѣдиться въ этомъ, прочитавъ книгу, коей заглавіе мы выписали. Жалуются, что у насъ очень мало выходитъ хорошихъ учебныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ познаній: теперь эти жалобы

будутъ несознательны; мы обогащены превосходнымъ систематическимъ творчествомъ, по крайней мѣрѣ, до части науки убивать время и переводить деньги изъ чужихъ кармановъ въ свои. Ученый авторъ игры *преферансъ* объялъ и изложилъ свой предметъ съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, такъ отчетливо, стройно и ясно, что его книга можетъ служить образцемъ изложенія не для одной той науки, коей онъ посвятилъ свои труды и таланты. Онъ принадлежитъ къ лучшей школѣ, столь сообразной съ потребностями вѣка — къ школѣ аналитической, и потому у него вы не встрѣтите умозрній, ничего апіорического; онъ не волнуетъ мирнаго и веселаго общества игроковъ теоріями, которыя иногда бывають смѣлы и возвышенны; но за то могутъ вести къ опаснымъ потрясеніямъ. Онъ скромно излагаетъ истины, уже утвержденныя вѣками, по крайней мѣрѣ временемъ, какое прошло съ изобрѣтенія игры преферансъ и руководить васъ по всемъ извилинамъ глубокихъ учений, какъ опытный другъ и пастырь, желающій вамъ обыграть какъ можно большее число вашихъ знакомыхъ и пріятелей. Эта филантропическая цѣль свойственна не всякому ученому труду — она-то еще болѣе увеличиваетъ достоинство разсматриваемой нами книги. Любители преферанса и человечества! воздайте же хвалу автору ея; вы не можете себя вообразить, какъ это хорошо, что онъ написалъ такую книгу.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

Франція. Завоеваніе Алжири продолжается по-
стоянно, но идетъ медленно. Абдъ-эль-Кадеръ доро-
го продаетъ каждый шагъ земли въ Африкѣ. Араб-
скіи племена, заселяющія равнину между Сагомъ и
Табрахомъ не присоединились къ нему въ походѣ его
противъ Французовъ, и за это Абдъ-эль-Кадеръ при-
казалъ сжечь все, что находится на равнинѣ, ими
занимаемой. Отряды его такъ дерзки, что зажи-
гаютъ дома и мельницы возлѣ самаго Алжира. 11
Августа они имѣли случай доказать и отвагу свою
въ набѣдничествѣ, и непримиримость къ Францу-
замъ. Абдъ-эль-Кадеръ уже нѣсколько дней находил-
ся у Мейсеровъ, сильнаго племени, обитающаго въ
горахъ Атласа между Медеею и Блидою, на востокъ.
При Эмирѣ были его помощники, въ томъ числѣ
Эль-Баркани. Зная, что Абдъ-эль-Кадеръ такъ близко,
Французамъ надобно было бы усугубить осторож-
ность, но между тѣмъ вотъ что случилось: 11 чи-
сла утромъ Арабскіе переметчики, шпіоны, служа-
щіе обѣимъ сторонамъ, увѣдомили начальника лаге-

ря при Колеѣ, полковника Шампіона, не давно прибывшаго изъ Франціи, что Эль-Баркани пройдетъ съ пѣтью стами всадниками, почти подь выстрѣлами лагеря, дабы потомъ обойти Сагелъ и присоединиться къ войску Бенъ-Салема, у Арача. Начальникъ лагеря, желая убѣдиться въ справедливости этого показанія, почелъ за нужное произвести рекогносцировку къ Массифрану. Онъ послалъ 120 человекъ 32-го легкаго полка подь командою одного капитана и двухъ поручиковъ, 25 конныхъ егерей подь командою поручика и наконецъ 12 Маврскихъ жандармовъ для указанія пути. Во время командованія лагеремъ при Колеѣ генералами Ламорисьеромъ и Кавельякомъ отданъ былъ строгій приказъ, чтобы офицеры, посылаемые на рекогносцировку, слѣдовали по вершинамъ холмовъ, окружающихъ городъ, съ которыхъ можно наблюдать окрестности не подвергаясь опасности внезапнаго нападенія, и въ особенности, чтобы они не спускались въ многочисленные и глубокіе овраги, близъ Массифрана. Должно полагать, что несчастный офицеръ не послѣдовалъ этому приказу. Едва удался онъ отъ лагеря, отрядъ его внезапно окружили пятьсотъ, или шестьсотъ всадниковъ и столько же пѣхотныхъ Арабовъ, которые, казалось, выходили изъ земли. Съ первыхъ выстрѣловъ они убили капитана и всѣхъ тройхъ офицеровъ; отрядъ остался безъ командировъ; солдаты пришли въ безпорядокъ, все перемѣшалось и начался рукопашный бой. Окруженные со всѣхъ сторонъ превосходнымъ числомъ непріятелей, Французы должны были уступить. 123 солдата обезглавлены, а прочіе спаслись отъ ятагана въ ближнихъ кустарникахъ; нѣсколько всадниковъ прискакали въ окрестные лагеря. Полковникъ Шампіонъ, прождавши напрасно два часа возвращенія отряда, догадался, что съ нимъ случи-

доехъ несчастіе. Составивъ изъ всѣхъ своихъ войскою довольно сильную колонну, онъ пошелъ по направленію, взятому капитаномъ. Онъ не встрѣтилъ ни одного Араба, но вскорѣ прибылъ къ мѣсту, покрытому трунами обнаженныхъ и обезглавленныхъ солдатъ. Абдъ-эль-Кадеръ успѣшилъ отправить эти головы и платья къ Арабскимъ племенамъ для возбужденія ихъ фанатизма, и что всего важнѣе, онъ могъ этимъ придать вѣроятіе слухамъ о побѣдахъ его надъ Французами, которыя онъ искусно разсѣиваетъ между отдаленными племенами и въ Мароккѣ.

Въ Тулонѣ комплектуютъ батальоны тѣхъ полковъ, которые назначаются для большой экспедиціи, готовящейся въ Оранской провинціи. Инженеры уже получили повелѣніе построить въ подлежащихъ мѣстахъ въ Мостагенемѣ, который вѣроятно будетъ базисомъ операцій, огромные бараки. Такое же приказаніе отдано въ Оранѣ. Въ этихъ мѣстахъ уже собрано большое количество продовольствія.

Между тѣмъ какъ бы предчувствуя грозу гораздо ближе, Франція дѣятельно укрѣпляетъ береговыл мѣста. Король съ семействомъ своимъ объѣхалъ сѣверныя морскія гавани, чтобы лично удостовѣриться въ ихъ положеніи. Многіе офицеры посланы въ береговые департаменты для приведенія въ оборонительное состояніе крѣпостей, лежащихъ вдоль морскаго берега. Королевскимъ повелѣніемъ отъ 5 Августа военному министру открытъ чрезвычайный кредитъ въ 56,155,250 франковъ, для покрытія необходимыхъ и непредвидимыхъ издержекъ, причиненныхъ увеличеніемъ арміи. 100,000 ружей разосланы изъ Венсенскаго арсенала въ разныя мѣста. При Фонтенебло составленъ лагерь и предположено укрѣпить Парижъ. Король, принимая Англійскаго консула Гамильтона, сказалъ ему по-Англійски: «Гос-

сподѣше консулы! Между нашими націями подыглася буря, но я надѣюсь, что она разсѣется, какъ разсѣялась вчерашняя буря, и я употреблю все усилие для достиженія сей цѣли; вы однакожь почитайте, что прежде всего я Французъ.»

15 Августа ямбаты допросы Людовика Бонапарте и участниковъ въ его предаріятіи. Людовикъ Бонапарте сначала совершенно потерялся, но потомъ несколько оправился. — Лица, участвовація съ нимъ, какъ-то приняти общую оборонительную систему: они уверяютъ, что съѣли на пароходѣ въ предположеніи сдѣлать прогулку на дачу Принца. Только на второй день путешествія Людовикъ Бонапарте, собравъ всѣхъ на палубѣ, сообщилъ имъ свой планъ, и прочелъ разныя прокламаціи, которыя въ послѣдствіи были розданы. Они прибавляютъ, что по взаимности ихъ къ Принцу они не могли отказаться, и подчинились моральному вліянію. Генераль Монгольозъ защищается такимъ же образомъ; Людовикъ Бонапарте преданъ суду палаты пероръ.

Англія. Хотя дипломаты Англіи уверяютъ самымъ положительнымъ образомъ, что войны между Европейскими державами не можетъ быть, потому что всѣ согласны въ главномъ и основномъ пунктѣ трактата четырехъ державъ, именно въ сохраненіи цѣлости и неприкосновенности Турціи, но тѣмъ не менше Англія вооружается съ немальною дѣятельностію, какъ и Франція. Корабли съ оружіемъ и припасами отправлены въ Средиземное море къ адмиралу Стопфорду, начальствующему Английскимъ флотомъ на этомъ морѣ. Адмиралъ Стопфордъ отправился въ Левантъ, оставивъ приказаніе всѣмъ судамъ, которыя придутъ въ Мальту, присоединиться къ его эскадрѣ. Несколько полковъ отправлено изъ Ирландіи въ Гибралтаръ. 30 вице-адмира-

даже в контръ-адмираловъ, получившихъ до сихъ поръ въ отставку пенсіонъ, назначены состоятъ на флоту. Адмиралтейство намѣрено впродъ, принимая на службу частные пароходы, прибавлять въ контрактъ условіе, чтобы эти суда были приспособлены для помѣщенія на нихъ орудій и военнаго экипажа, дабы, въ случаѣ надобности, ихъ можно было немедленно превратить въ военные пароходы. — Колебленія распоряженія такого рода мало согласуются съ увѣреніями дипломатовъ, и миролюбивымъ остается только надежда на оборотливость дипломатическаго ума, который вѣроятно найдетъ способы смирить эти видимыя противорѣчія.

— О войнѣ съ Китаемъ писали въ Бомбейской газетѣ отъ 30 Мая, что Китайцы захватили шкуру Ватеръ Вичъ, нагруженную опиумомъ и деньгами, и умертвили экипажъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній за эту половину мѣсяца не было.

— По закрытіи парламента Англійскія газеты даютъ отчетъ о взаимныхъ отношеніяхъ политическихъ партій Англій въ слѣдующемъ видѣ: въ журналахъ охранительной партіи замѣтно тоже разногласіе во мнѣніяхъ, которое существовало во время засѣданія, между самими членами партіи Тори. Эта партія все болѣе и болѣе распадается на двѣ части, видимо различающіяся между собою. Одна часть, составляющая самое значительное большинство, отличается теперь отъ Виговъ только тѣмъ, что послѣдніе властвуютъ, а она находится въ оппозиціи. Въ главѣ ея стоятъ герцогъ Веллингтонъ и Сиръ Р. Пиль. Она не противится постепеннымъ и умѣреннымъ реформамъ, и съ помощью ея министрамъ удалось, въ послѣднее засѣданіе, произвести весьма важныя улучшенія, къ которымъ должно причислить билль объ Ирландскихъ городскихъ общинахъ

былъ объ уничтоженіи нѣкоторыхъ бесполезныхъ преградъ, для увеличенія и улучшенія числа приходовъ, соединеніе духовной комиссіи съ комитетомъ тайнаго совѣта, которому поручено наблюдение за публичнымъ обученіемъ, наконецъ былъ о соединеніи подъ одно управленіе двухъ Канадскихъ провинцій, и много другихъ второстепенныхъ мѣръ. Другая часть охранительной партіи находится въ прямой оппозиціи съ умѣренными Торіями, такъ же какъ и съ министерствомъ. Она упрекаетъ умѣренныхъ въ измѣнѣ своей партіи, и слагаетъ на нихъ отвѣтственность въ разсужденіи государства и церкви, сближеніемъ ихъ съ министерствомъ. Журналы *Times* и *Standart* - суть представители умѣренной охранительной партіи; *Morning-Herald* и *Morning-Post* органы ультра - Торіевъ. Наконецъ съ другой стороны радикальные реформисты не менѣе недовольны этимъ сближеніемъ между министрами и умѣренными Торіями: они опасаются, чтобы слишкомъ незначительное различіе въ правилахъ, не доставило власти послѣднимъ.

— Торговля Неграми на западномъ берегу Африки опять усиливается. Въ этомъ безчеловѣчномъ торгѣ особенно обвиняютъ жителей Соединенныхъ Штатовъ, хотя число невольничьихъ судовъ, плавающихъ подъ Португальскимъ, Испанскимъ и Бразильскимъ флагами все еще очень велико. Британскіе крейсера обнаруживаютъ величайшую дѣятельность, не смотря на то, что правительство предписало имъ поступать въ отношеніи къ Северо-Американскимъ судамъ съ величайшею осторожностію, желая избѣжать всякаго повода къ раздорамъ. Имъ приказано останавливать Северо-Американскія суда тогда только, когда они имѣютъ

ясное доказательство, что на этихъ судахъ везуть Негровъ.

— Между Англіею и Александріею учреждены постоянные рейсы двухъ пароходовъ Оріенталь въ 1500 тоннъ и въ 450 силъ, и Ливерпуль въ 1300 тоннъ, и 464 силы. Они отправляются каждый мѣсяць 1-го числа изъ Англии и 21 числа изъ Александріи. Отправление пассажировъ и вещей чрезъ Египеть будетъ ускорено помощію желѣзныхъ пароходовъ на Силъ, и исправленіемъ дороги изъ Суэса въ Каиръ. Приняты мѣры къ отправленію одного судна въ Калькутту, для содержанія пароходныхъ сообщеній между Восточными президентствами Остъ-Индіи, Цейлономъ и Суэсомъ.

— 25 Августа Принцъ Албертъ достигъ совершеннолѣтія: ему исполнился 21 годъ. — Этотъ день былъ празднованъ въ Виндзоръ, при дворѣ и въ Лондонѣ.

— Мѣсто для построенія перваго города въ Новой Зеландіи избрано въ заливѣ Ламбтонъ Гарбуръ, къ западу отъ порта Никольсона. Имя городу назначили Веллингтонъ. 11 Апрѣля вышелъ уже второй номеръ Ново-Зеландской газеты; первый ея номеръ былъ изданъ въ Лондонѣ передъ отъѣздомъ колонистовъ.

Турція. 5 Августа привезенъ въ Константинополь знаменитый актъ четырехъ державъ, касательно установленія порядка на Востоку, а 6 Рифатъ Паша, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, отплылъ въ Александрію для сообщенія Египетскому Пашѣ о рѣшеніи четырехъ державъ, и распоряженіяхъ Султана по этому случаю. Египетскій Паша, не согласившійся на предварительныя представленія Франціи, въ которыхъ совѣтовали ему войти въ миро-

любивыя сношенія съ Султаномъ и сдѣлать уступки, вынуждаемыя необходимостію, также возвратить Турецкій флагъ, — не согласился и на формальное объявленіе четырехъ державъ; дѣло должно рѣшиться оружіемъ. Возстаніе въ Сиріи противъ Египетскаго Пашы не усмирено окончательно; строгія мѣры, принятыя Пашею, только покрыли пылостью эгого огонь, и пламя всякую минуту готово вспыхнуть. Жители недовольны Пашею, и тѣмъ легче можно будетъ взять у него Сирію, какъ положено по трактату четырехъ державъ.

Въ отношеніи къ Греціи и ея торговль съ Турціею Порты почла за нужное постановить слѣдующее: 1) Съ 1 Октября 1840 года воспрещается Греческому флагу береговая торговля въ гаваняхъ Оттоманской имперіи, внутренними и вѣшними произведеніями. 2) Съ того же числа вино, масло и табакъ, вывозимые изъ Греціи въ Турцію, подвергаются таможенной пошлинѣ въ 20% съ действительной цѣны (до сихъ поръ берется только 3%). 3) Воспрещается Греческимъ подданнымъ принимать участіе въ какой либо компаніи, существующей въ Оттоманской имперіи, или вести мелочную торговлю. 4) Всякой Греческій подданный, уличенный въ контрабанду, будетъ приговоренъ къ уплатѣ четверной пошлины. 5) Греческіе подданные, виновные въ какомъ либо преступленіи или проступкѣ, будутъ судимы и наказываемы Турецкими мѣстными начальствами. Въ слѣдствіе такого односторонняго распоряженія, Греческое правительство просило посредства пяти державъ и послало посланника въ Константинополь съ требованіемъ полного удовлетворенія; ему предписано немедленно оставить Турцію, съ архивомъ посольства, ежели не получитъ этого удовлетворенія.

Испанія. Дѣла Испаніи въ неопредѣленномъ положеніи. Королева - правительница изъявила желаніе утвердить законъ объ айюнтаменто и тѣмъ возстановила противъ себя генерал-исимуса Эстаргеро, который требуетъ уничтоженія этого закона и не ручается за спокойствіе Испаніи, въ случаѣ отказа правительницы. Неизвѣстно еще, что предприметъ послѣдняя въ такомъ затруднительномъ положеніи. Министерства, нѣсколько разъ составляемые, были неудачны.

Америка. Войска Мексиканскаго центрального правительства сдались 4 Юня въ Кампешъ на капитуляцію и передали этотъ городъ во власть федералистовъ. Мексиканскія провинціи Юкатанъ и Табаско заключили между собою наступательный и оборонительный союзъ противъ центрального правительства; и въ слѣдствіе того значительное войско выступило изъ первой провинціи и двинулось въ послѣднюю, для изгнанія централлистовъ изъ города Табаско.

Блокада Буэносъ-Айреса продолжается очень строго. Многіе округи Буэносъ-Айресской провинціи хотѣли освободиться отъ власти Розаса, но по отдаленности ихъ отъ столицы, и по незначительности своихъ войскъ, они не въ состояніи предпринять ничего рѣшительнаго противъ президента.

Нью-Йоркъ. Билль о назначеніи 25,000 доллароу для съемки пограничной страны, оспориваемой Соединенными Штатами и Англією принять единодушно. Предположено возвысить таможенный тарифъ, или утвердить прямыя налоги для пользы государства; но этотъ важный вопросъ отложенъ до избранія новаго президента. Фанъ-Буренъ и генераль Гаррисонъ, оба сильные числомъ приверженцевъ, стоятъ на чедъ искателей этого почетнаго званія, и объ-

щаютъ доставить публикѣ занимательное зрѣлище изъ спора ихъ партизановъ.

Во Флоридѣ войска Соединенныхъ Штатовъ въ безпрестанныхъ схваткахъ съ Индѣйцами, и не давно на рѣкѣ Суванихъ Индѣйцы разбиты и самый свирѣпый изъ предводителей ихъ, по прозванію Дикая Кошка, попался въ плѣнъ; съ обѣихъ сторонъ убито десятка по чегыре.

Изъ владѣній Соединенныхъ Штатовъ недавно вышло около 5,000 Индѣйцевъ и ушли въ Верхнюю Канаду, надѣясь тамъ найти болѣе вниманія къ себѣ, и уваженія къ образу человеческому. Многіе изъ этихъ Индѣйцевъ имѣютъ достаточныя средства, для заведенія хорошаго поселенія.

VI.

ЦВЕТЫ И СМЫСЛЪ.

**ВЫДѢЛКА РОЗОВОЙ ВОДЫ И РОЗОВАГО МАСЛА ВЪ ГАЗИ-
ПУРѢ.** Газипуръ—вогь гдѣ ходять по путямъ, усыяннымъ ро-
зами, спять на розахъ, дышатъ сладкимъ благоуханіемъ розъ.
Блаженная страна! Тамъ-то быть бы настоящему жилищу тѣхъ
прелестныхъ созданій, которыхъ столь справедливо сравни-
ваютъ съ розами. Вотъ были бы чудеса поэзи, еслибъ какимъ
нибудъ волшебствомъ перенести туда нашихъ милыхъ обита-
тельницамъ снѣговъ, которыя на зло климату, баламъ, шнуров-
камъ и проч. и проч., цвѣтуть такъ роскошно и упойтельно—это
было бы уже полное, совершенное царство розъ, настоящій
рай. Что шагъ, то встрѣтили бы вы розу или въ переносномъ
смыслѣ, или въ собственномъ значеніи. Къ этому надобно
было бы только прибавить нѣсколькихъ соловьевъ, необходи-
мыхъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о розѣ — соловьевъ тоже въ соб-
ственномъ и переносномъ смыслѣ, т. е. птичекъ и поэтовъ.
А наши поэты — удивительные соловьи — кто этого не
знаетъ? это соловьи міровые, съ цѣлымъ вулканомъ стра-
стей въ сердцѣ, съ глубокою думою на челѣ и такими сти-
хами въ устахъ, что отъ звона ихъ потряслись бы камни
стѣнъ Визапурскихъ. Жаль, что этого не можетъ быть.
Въ нашъ промышленный вѣкъ вездѣ болѣе заботятся о томъ,
какъ бы добыть денегъ, и вотъ бѣдныя розы пошли на спе-
куляціи, т. е., розы въ собственномъ смыслѣ; ихъ безжа-
лостно ощипываютъ, бросаютъ въ самые прозаическіе ча-
ны, и вотъ вамъ, вмѣсто роскошнаго, дивнаго цвѣтка вы-
ходить вода и масло. Плачьте соловьи, — а мы расскажем по-

ка, какъ въ Визапурѣ изъ вашихъ очаровательныхъ любимицъ дѣлаютъ воду и масло, чтобы достать нѣсколько презрѣнныхъ денегъ, до которыхъ вамъ нѣтъ никакого дѣла.

Газипуръ съ давняго времени славится розами и выдѣлкою изъ нихъ воды и масла, и въ Индіи почти пользуется монополіею на эту промышленность. Въ окрестности этого города около 150 акровъ или десятинъ земли разделены на небольшія розовыя плантаціи, огражденные высокою земляною насыпью и обсаженные вокругъ кактусомъ. Эти плантаціи, принадлежащія земиндарамъ (мелкимъ владѣльцамъ, данникамъ Англичанъ), отдаются въ погодную аренду по 10 рупій за десятину земли и 50 рупій за розовые кусты, которыхъ на десятинѣ бываетъ обыкновенно около 2,000 (рупія около 2 р. 50 к.); обработка десятины стоитъ около 25 руб., такъ что сборъ съ 2,000 кустовъ обойдется съ небольшимъ въ 200 рублей. При благопріятномъ времени 2,000 кустовъ даютъ два лака, или 100,000 розъ; продажа производится лаками, которыхъ цѣна, судя по году, измѣняется отъ 40 до 70 рупій или отъ 100 до 175 рублей. Когда розы начинаютъ цвѣсти, земиндары, садовники и покупщики сходятся въ городъ и устанавливаютъ цѣну смотря по требованію и по надеждамъ на сборъ, и соглашаются въ количествѣ, предположенномъ для отпуски. Розы цвѣтутъ отъ начала Марта до конца Апрѣля. По утру рано множество людей, женщинъ и дѣтей собираютъ ихъ въ мѣшки и относятъ къ покупщикамъ для перегонки. Сами садовники рѣдко занимаются этимъ.

Снарядъ для перегонки очень простъ. Онъ состоитъ изъ большаго желѣзнаго или мѣднаго, хорошо выжуженнаго котла, вмѣщающаго отъ 8 до 10 галлоновъ, формы широкой, съ узкою шейкою и отверстіемъ около восьми дюймовъ въ діаметрѣ. Къ верхней части приставляется пріемникъ, какойнибудь старый котелъ съ дыркой въ боку для прикрѣпленія трубки, или проводника. Проводникъ дѣлается изъ двухъ кусковъ бамбука сложенныхъ острымъ угломъ и обмотанныхъ веревкой; сверху обмазываютъ ихъ землею, чтобы паръ не выходилъ. Тонкій конецъ этого проводника вставляется въ отверстіе пріемника и обмазывается тѣстомъ; къ другому концу подставляютъ сосудъ, погруженный въ холодную воду, которую перемѣняютъ, какъ ско-

ро она сгущается. Въ этотъ-же сосудъ собираются благово-
ная жидкость. Весь снарядъ покрывается сукномъ, чтобы
паръ не уходилъ. Подъ котломъ разводятъ огонь, и дѣло
въ ходу.

На рынкѣ такое разнообразіе розовыхъ водъ, и такъ ча-
сто продаютъ подъ этимъ именемъ смѣсь воды и сандалъ-
ной эссенціи, что трудно опредѣлить пропорціи, какимъ
обыкновенно при перегонкѣ слѣдуютъ. Лучшая розовая
вода получается вѣроятно отъ перегонки 1,000 розъ въ
одномъ сѣрѣ воды, но обыкновенно изъ этого количества
цвѣтовъ получаютъ 1½ сѣра розовой воды.

Котель выщаетъ отъ 8 до 12 и 16 тысячъ розъ; на 8,000
паливаютъ 10 или 11 сѣровъ воды и получаютъ 8 сѣровъ
розовой воды. Ее переливаютъ въ стеклянный сосудъ и вы-
ставляютъ на нѣсколько дней на солнце. Отверстіе сосуда
затыкаютъ ватой и замазываютъ мягкой глиной, чтобы во-
да не выдыхалась. Вода эта есть самая лучшая и она стоитъ
отъ 12 до 16 рупій. Чтобы получить масло, розовую во-
ду выливаютъ въ широкій металлическій сосудъ, закры-
ваютъ его отъ пыли и наскромыхъ мокрой кисеею, вка-
пываютъ еѣ на два во влажную землю и оставляютъ тамъ
на ночь. Это дѣлается при наступленіи холодныхъ ночей.
Поутру на охлажденной водѣ собирается тонкій слой мас-
ла, который снимаютъ перомъ и осторожно вливаютъ въ
маленькую бутылочку. Операція эта продолжается всякое
утро, пока масляная жидкость не истощится; потомъ раз-
ливаютъ ее въ меньшія бутылочки и закупориваютъ. Чи-
стое розовое масло, когда его собираютъ послѣ двухъ или
трехъ дней, имѣетъ цвѣтъ блѣдно-зеленый; закупоренное
черезъ нѣсколько времени становится блѣдно-желтымъ. Съ
первой перегонки масло получается нечистое, отъ нечисто-
ты снаряда. Но его очистить довольно легко посредствомъ
теплоты; при 84° Фаренгейта оно таетъ и посторонняя смѣсь
отсѣдается на дно.

50,000 розъ даютъ окожо 180 грановъ или одинъ толагъ
масла (три драхмы). Его можно получить больше, ежели
цвѣты крупнѣе и ночи холодны до замерзанія.

Масло, которое продаютъ на рынкѣ, обыкновенно бываетъ
смѣшано съ сандаловымъ или просто деревяннымъ масломъ.
Природные жители не употребляютъ чистаго розоваго на-

сла и оно продается только Европейцамъ. Цѣна его тамъ 50, 80 и 90 рупій за толагъ (3 драхмы). Европейцы часто сами готовятъ розовое масло для своихъ любезныхъ, чтобы быть увѣренными въ чистоту его. Природные жители не обрываютъ цветочныхъ чашечекъ, и бросаютъ розы въ котелъ, такъ какъ сорвать. Безъ сомнѣнія гораздо лучше перегонять одни лепестки, потому что тогда розовая вода сохраняется гораздо долѣе и не имѣетъ этого кислотоваго запаха, какой иногда бываетъ слышенъ въ ней. На лакъ розъ считаютъ сто бутылокъ воды. Можно розовую воду перегонять дважды. Въ такомъ случаѣ на 10,000 розъ наливаютъ столько воды, чтобы получить по перегонкѣ 20 бутылокъ; эти 20 бутылокъ наливаютъ снова на 8,000 розъ и получаютъ 18 бутылокъ превосходной розовой воды. Такъ какъ розовое масло несравненно легче воды, то ее выставляютъ на нѣсколько дней на солнце, чтобы масло хорошо смѣшалось съ водою; розовая вода становится гораздо лучше, ежели дать ей постоять закупоренной съ полгода.

Весною со всѣхъ сторонъ стекаются сюда за закупкою розовой воды, и ее продается огромное количество. Въ окрестностяхъ Газипура болѣе 36 деревень занимаются ея приготовленіемъ.

Индійцы очень много употребляютъ розовой воды и масла, на своихъ праздникахъ; они раздаютъ ее присутствующимъ и щедро кропятъ комнаты. Болѣе всего расходуется этого пріятнаго вещества въ Бенаресъ; чрезъ полгода по уборкѣ розъ въ Газипуръ не найдете уже ни розоваго масла, ни розовой воды. Индійцы употребляютъ розовую воду также вмѣсто лекарства въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, а изъ розъ также готовятъ варенье, которое у нихъ въ большой модѣ.

ШЕРИДАНЪ. 1834 года вечеромъ въ воскресенье пробило 11 часовъ, и не смотря на точныя и строгія религиозныя предписанія, дѣлающія изъ Лондона по воскресеньямъ неизмѣримый монастырь Траппистовъ, еще свѣтилось въ верхнемъ этажѣ дома смѣжнаго съ Гайдъ-Паркомъ. Комнатка, озаренная этимъ противузаконнымъ свѣтомъ, до которой едва можно было доползти по узкой и крутой лѣст-

лица безъ перилъ, была низенькая, худо оштукатуренная и можетъ быть еще хуже меблированная. Съ перваго взгляда ее можно было принять за одну изъ тѣхъ убійственныхъ конурокъ, въ какихъ тѣснится низшій рабочій классъ нашихъ большихъ городовъ; но всмотрѣвшись ближе, вы различите кой-какіе предметы несогласные съ этимъ назначеніемъ. Въ самомъ темномъ углу стоялъ столъ, заваленный журналами, раскрытыми книгами, исписанными бумагами; на карнизъ камина красовался гипсовый бюстъ Шекспира съ надписью на медьсталь, взятою изъ Гамлета; и наконецъ у полупотухшаго огонька возлѣ колыбели, въ которой лежало недавно родившееся дитя, сидѣла въ широкихъ креслахъ женщина. Простое, но живописное положеніе ея и нѣжныя, хотя болзвенныя черты лица, невольно заставляли предполагать въ ней ежели не аристократическае происхожденіе, по крайней мѣрѣ нечто выше обыкновенной работницы. По виду ей было 20 или 22 года. Не смотря на то, что болзвнъ, а можетъ быть и душевныя страданія, помрачили ея лице и иссушили все тѣло, она еще сохраняла очевидные признаки блестящей красоты; особенно ея руки отличались нѣжностію и бѣлизною. Она была въ большемъ водненіи, которое становилось тѣмъ несноснѣе, чѣмъ болѣе она старалась утишить его. На башнѣ св. Георгія зазвучали часы среди безмолвія ночи, она вздрагивала, поднималась съ кресла, прислушивалась, и садясь снова съ горестнымъ чувствомъ обманутаго ожиданія, говорила въ полголоса: «Ахъ, Боже мой! какъ онъ медитъ.» Это мучительное состояніе продолжалось уже около часу, около вѣка для этого милаго страждущаго созданія; казалось, она забыла все, и свою слабость, и холодный вѣтеръ, стучавшій въ окна, и дитя вскрикивавшее по временамъ, все кромѣ предмета своего мучительнаго ожиданія. Дотащившись кой-какъ до окна, она открыла его, и высунувъ въ него голову, внимательно всматривалась въ улицу, покрытую мракомъ; она боялась дышать, хотела какъ будто удержать биеніе своего сердца, чтобы не пропустить какого нибудь шелеста; наконецъ послышался отдаленный стукъ шаговъ; она распознала ихъ, потому что мгновенная радость блеснула на лицѣ ея и она вскрикнула: «Это онъ!» Въ самомъ дѣлѣ чрезъ нѣсколько минутъ мужчина

вошелъ въ комнату. Онъ былъ большаго роста, гибкій, силенъ. Черты лица его были неправильны, но отличались тѣмъ мужественно-суровымъ выраженіемъ, которое составляетъ красоту мужчины; вѣсные глаза его блистали огнемъ, и чело его, отгнѣненное нѣсколькими клокочками волосъ, скруглялось къ вискамъ съ тою волнотою, какую приписываютъ гениальнымъ людямъ. Но виду ему было отъ 30 до 35 лѣтъ.

Вошедши онъ бросилъ на столъ измятую тетрадь, на стулъ забрызганную грязью шляпку и потомъ поцѣловавши въ лобъ молодую женщину, вопросительно на него смотрящую, сказалъ: «Отецъ твой правъ, Анна; лучше имѣть зятя трактирщика, чѣмъ писателя.»

— Но ежели это гениальный писатель? сказала Анна, удивленная этимъ началомъ.

Горькая улыбка пробѣжала по устамъ новопришедшаго и онъ сказалъ:

— Гени! Къ чему онъ доведетъ?

— Къ славу.

— Скорѣе къ бѣдности.

— Что ты говоришь? — Твои творенія....

— Сдѣлались собственностію публики; ихъ могутъ печатать тысячами экземпляровъ, играть на всѣхъ театрахъ Британіи; могутъ обогащаться ими все, кромѣ автора. Таковъ законъ въ Англіи. Здѣсь, въ этой странѣ купцовъ-эгоистовъ, даютъ привилегіи и отличія за самыя ничтожныя изобрѣтенія, а за произведенія искусствъ или поэзій ничего. Слышишь, другъ мой? Ничего! Это даже не собственность, которою можно бы пользоваться въ теченіи жизни. Это пѣсня птички; каждый воленъ присвоить ее себѣ.

— Но твоя новая драма?—Она принята, и будетъ играна, и эта....

— Не надѣйся на нее. Я сейчасъ изъ Друри-Лена.

— Ну чтожь?

— Она не будетъ играна.

— Почему?

— Потому что актеру не угодно принять первую роль.

— Мекриди?

— Да.

— Но еще тебя обязаю своею славою и достоинствомъ, ты писала много для меня....

— Все забыто.

— Боже мой! и больше нѣтъ надежды?

— Да! — еще одна осталась, Анна,

— Какая?

— У меня осталась такъ еще несколько книгъ. Шекспиръ, Милтонъ, безсмертные гении, съ которыми бы хотѣлось мнѣ жить и умереть; но я ихъ продаю, и это будетъ послѣдняя жертва.

На другой день человекъ лѣтъ 45 прохаживался по залѣ, убранной со вкусомъ и великолѣпиемъ; онъ держалъ въ рукахъ манускриптъ, только что прочитанный, и размышлялъ о содержаніи его, какъ вдругъ молодая женщина, сидящая возлѣ каминна, спросила его:

— Что вы скажете, папенька, оъ этой драмѣ?

— Это совершенство.

— Кто авторъ ея?

— Не знаю; но кто бы онъ ни былъ, клянусь, что съ тѣхъ поръ, какъ я управлю Ковентъ-Гарденомъ, не только на этомъ театрѣ, но на всѣхъ театрахъ трехъ соединенныхъ королевствъ не было драмы ничего подобнаго.

— Удивительно же, что на ней не выставлено имя автора; поэты драматическіе никогда не отличались липцею скромностію.

Вошелъ слуга съ докладомъ о какомъ-то посѣтителѣ.

— Кто онъ такой? спросилъ хозяинъ.

— Онъ не сказалъ своего имени, отвѣчалъ слуга, но это тотъ самый, что поутру принесъ бумаги, которыя у васъ въ рукахъ.

— Хорошо, преси.

Посѣтитель вошелъ въ залу.

— Милостивый государь, сказалъ ему хозяинъ, вы мнѣ сдѣлали неизяснимое удовольствіе, доставивъ это сочиненіе. Вы видите, что я не замедлилъ прочитать его, хотя по правдѣ, директоръ театра разсматриваетъ пьесы только чрезъ три мѣсяца по вступленіи ихъ въ дирекцію.

— Я бы желалъ знать ваше мнѣніе о ней.

— Самъ Шериданъ не напишетъ подобной пьесы.

— Я вижу, что вы не любите Шеридана.

— Прежде всего я хочу быть справедливымъ. Шериданъ можетъ думать, что Чарльсъ-Кембль, писатель и директоръ театра, имѣетъ противъ него два неудовольствія, во первыхъ за то, что онъ человекъ съ большими талантомъ, и во вторыхъ за то, что онъ своими твореніями обогатилъ Друри-Ленскій театръ на счетъ Ковентъ-Гарденскаго. Но Шериданъ обманется въ обоихъ случаяхъ. Я удивляюсь его гению и не хочу ему вѣшать дѣлать изъ него употребленіе, какое онъ хочетъ. Жалко только, что онъ обогащаетъ театръ, который, какъ говорить, не даетъ ему никакого вознагражденія.

— Говорятъ.

— И вы согласитесь, что это....

— До меня это не касается, оказалъ посетитель съ принужденнымъ видомъ.

— Правда, правда. И такъ возвратимся къ нашимъ овечкамъ, какъ говоритъ Французскій поэтъ. Вы желали знать мое мнѣніе объ этой драмѣ, и я вамъ сказалъ его откровенно.

— Можно ли надѣяться, что вы ее примете на сцену?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Почему же Сиръ Кембль?

— Въ ней двѣ главныя роли, и я при всемъ моемъ добромъ желаніи не могу играть объ вѣсть; нѣтъ актера для роли Горбатаго.

— Ежели я найду вамъ актера?

— Тогда я велю разучивать эту удивительную пьесу сего дня же, сейчасъ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ обещаю одного актера, который.... мнѣ кажется, можетъ хорошо сыграть роль Горбатаго. Лондонъ иногда аплодировалъ ему.

— Тѣмъ лучше, я предоставляю ему половину сбора.

— Это много; онъ согласится на четверть.

— Хорошо четверть.

— А автору?

— Обыкновенная плата: 400 ф. стер. за первые 20 представлений. Довольно ли?

— Еще условіе.

— Какое?

— Чтобы авторъ и актеры оставались неизвестными, по-

ка имъ угодно. Чарльсъ-Кембль протянулъ руку посылителю, который пожалъ ее съ чувствомъ. Они разстались.

— Ну, Катя, къ дѣлу! сказалъ Кембль дочери, когда они остались одни, пошли это къ переписчику. Ты будешь играть въ новой пьесѣ, я также, и клянусь Шекспиромъ, она пойдетъ у насъ на колесахъ; надобно, чтобы драма была представлена черезъ 15 дней.

20 Декабря давали на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ въ первый разъ Hunch-Buck-Горбатаго. Лондонъ не зналъ имени ни автора, ни актера первой роли Фактъ замѣчательный въ летописяхъ Британской сцены. Посмотрѣли бы вы, какая толпа кипѣла у дверей театра; зрители волнами вливаются въ нихъ, не смотря на огромную цѣну, за мѣста спорить, отнимаютъ ихъ другъ у друга, дерутся. Ложи, галереи, раекъ, мѣста у оркестра все занято, и въ коридорахъ давка между тѣми, которые еще питаютъ какую нибудь надежду попасть въ театръ; настоящий хаосъ—народу биткомъ набито; шумъ, толкотня; кажется, черезъ нѣсколько минутъ все должны задохнуться. Но завѣсъ поднялся; воцарилась глубочайшая тишина. Дебютантъ вышелъ; при видѣ этой необозримой толпы, устремившей на него тысячи любознанныхъ глазъ, онъ сначала нѣсколько колеблется, потомъ мало по малу входитъ въ роль, одушевляется и развиваетъ все свои сценическія способности. Голосъ полный и звучный, произношеніе чистое и размѣренное, удивительная мимика, ростъ высокій, но пресмѣшно согнутый, однимъ словомъ актеръ первой степени. Но кто жъ онъ? Брейтонъ Ловелей, Мекреди, идолы Англійской сцены? — Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Ни у одного изъ нихъ нѣтъ этой увлекательной игры, этого пронзительнаго взгляда, этого голоса, потрясающаго душу. Да и роль не уступаетъ искусству артиста: все въ ней движеніе, жизнь, страсть и истина — и все это дебютантъ совершенно понималъ, совершенно выразилъ. Это не актеръ, играющій по правиламъ искусства; это просто человекъ чувствующій, говорящій, смѣющійся, плачущій; это Горбатый, это онъ самъ.

Зрители растроганы, увлечены; они то трепещутъ отъ радости, то дрожатъ отъ страха. Съ самымъ вниманіемъ, они слѣдятъ: глазами, сердцемъ, душою за всеми лучшими мѣстами драмы, куда авторъ вложилъ весь свой гений, ак-

теръ всю свою душу, и ежели они по временамъ не могутъ не обнаруживать своего восторга, то дѣлаютъ это съ видимою боязнію потерять слово изъ этого удивительнаго созданія. Просто всѣ очарованы. Отъ продолжительнаго грома рукоплескавій дрожать стѣны театра. Торжество неслыханное и для пьесы и для актера.

«Автора, автора, кричатъ со всѣхъ сторонъ. «Слышите ли, сказалъ Кембль дебютанту, который упалъ на стулъ отъ радости и изнеможенія.

— Хорошо, пробормоталъ онъ, скажите Шериданъ. Шериданъ? вскричалъ остолбенѣвшій директоръ, авторъ Вильгельма Теля?

— Онъ самъ.

При этомъ знаменитомъ, столько разъ увѣнчанномъ имени, рукоплесканія усиливаются. Но скоро раздается снова крикъ: «актера, актера.»

Дебютантъ встаетъ, трепеща отъ внутренняго волненія и операясь на Кембля, выходитъ на сцену.

Имя? спрашиваетъ публика.

Шериданъ! отвѣчаетъ актеръ.

Толпа не могла долже удерживаться въ границахъ; увлеченная энтузіямомъ, она бросилась на сцену, схватила автора—актера и въ торжествѣ повела его по улицамъ къ его чердаку, въ томъ же театральномъ комическомъ костюмѣ, въ какомъ онъ игралъ. Анна, увидѣвъ эту процессію, чуть не умерла отъ радости.

На другой день во всѣхъ журналахъ Лондона было напечатано:

«Шериданъ игралъ вчера въ своей собственной драмѣ «горбатый.» Ему три раза аплодировали, и того же вечера Чарльсъ-Кембль, директоръ Ковентъ-Гарденскаго театра, принялъ его въ свою труппу съ годовою платою по «1600 ф. стер. Нашъ первый драматическій писатель сдѣлался нашимъ первымъ комическимъ актеромъ.»

ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ И АВТОРЪ ЕГО РОМАНОВЪ. Известно, что первые романы Вальтеръ-Скотта вышли безъ имени автора, который скрывалъ его въ глубочайшей тайнѣ. Невъроятный успѣхъ ихъ занималъ всю Англию; напрасно старались отыскать творца во всѣхъ из-

вѣстныхъ тогда писателяхъ; изъ тысячи предположеній, ни одно не оправдывалось; псевдонимъ не открывался. Эдинбургскій актуаріусъ пользовался двумя рѣдкими годами: славою и неизвѣстностію. Зависть была въ не- постижимомъ затрудненіи; ей разумѣется очень хотѣлось попочать немножко нововозникшую, свяжую славу, хотѣлось потерзать имя, которому очевидно суждено было сіять между первыми именами Англій — да гдѣ его отыскать? Нѣтъ имени; оно спряталось такъ далеко, что даже рысье око зависти не могло его открыть. Это ужасно. Зависть была въ отчаяніи: слава можетъ быть въ первый разъ удалось обмануть ее и наслаждаться въ тишинѣ лаврами, не боясь уколоться терніемъ, которое судьба обыкновенно такъ искусно умѣетъ вплестъ во всякій вѣнецъ, не исключая даже супружескаго. Во всѣхъ обществахъ, гдѣ авторъ Веверлея былъ принятъ, онъ слышалъ безпрестанные разговоры о тайнѣ, какую облекъ себя романистъ, и ни малѣйшее движеніе, или легкая улыбка никогда не нарушали безстрастія его Шотландскаго лица. — Впрочемъ, человекъ преклонныхъ лѣтъ, съ атлетическими формами, хромой, задумчивый, котораго прекрасная голова, увѣчанная серебряными волосами, скорѣе показывала достаточнаго и довольнаго помѣщика нежели поэта, не могъ никому внушить и подозрѣнія, что онъ авторъ Веверлея и Маріи Стюартъ. У него даже и не спрашивали объ этой неразрѣшимой загадкѣ; а ежели бы онъ и сказалъ о себѣ, то можетъ быть ему не повѣрили бы, потому что многіе были не прочь отъ того, чтобы ихъ считали авторами новыхъ романовъ. Къ этому разряду Соф. въ павлиньихъ перьяхъ принадлежалъ одинъ дрянной поэтъ, по имени Смитсонъ, который такъ двусмысленно защищался отъ приписываемой ему чести быть творцомъ этихъ прекрасныхъ произведеній, что почти возбуждалъ увѣренность въ томъ. Въ одинъ вечеръ Смитсонъ вздумалъ завоевать еще одного почитателя, актуаріуса Шотландскаго, и увѣрить его въ правахъ своихъ на Веверлея. Слушатель оказался легковѣривъ, нежели предполагалъ поэтъ и не только повѣрилъ ему, но даже навелъ его на такія доказатель-ства, которыхъ этотъ и не подозрѣвалъ. Смитсонъ очень радъ былъ своему новому адепту, такъ легко позволивше-

му ему стать на пьедесталъ величія, и въ знакъ своего расположенія обещалъ ввести его въ литературныя собранія Лондона. Коварный Шотландецъ принялъ его предложеніе съ притворнымъ добродушіемъ, рассыпался въ благодарности, и находя завязку этой комедіи очень интересною, согласился на другой день явиться подъ покровительствомъ Смитсона на вечеръ у однихъ Синихъ Чулокъ, гдѣ этотъ стихокропатель разыгрывалъ роль великаго чело-вѣка.

Вечера Синихъ Чулокъ вездѣ скучны; авторскія притязанія, переищанные съ злорѣчьемъ и сплетнями, надоели Вальтеръ-Скотту и онъ шепнулъ своему покровителю, что ему очень скучно. — «Потерпи не много, сказалъ тотъ, отводя своего кліента въ уголъ залы, мы сейчасъ поведемъ къ мистрисъ Инчбалдо, сочинительницѣ премиленькой: *Простой Исторіи*. — Вы ее знаете хорошо? спросилъ Вальтеръ-Скоттъ. — О, она очень ко мнѣ благосклонна, отвѣчалъ поэтъ, я былъ введенъ къ ней только на прошедшей недѣль, но съ моимъ именемъ всюду хорошо примутъ; являсь со мною, вы также будете обласканы.» Поэтъ послѣ этого прочелъ еще какіе-то стихи, собралъ кучу рукоплесканій отъ восхищенныхъ юбокъ, съѣлъ пѣсколъко бисквитовъ, выпилъ двѣ чашки чаю и уклоняясь отъ дальнѣйшихъ триумфовъ, распрощался со своими поклонницами, пригласивъ съ собою и своего кліента.

Въ каретѣ Вальтеръ-Скоттъ сказалъ ему, что онъ также немножко литераторъ, и что помышляя о романѣ, онъ хотѣлъ бы посоветоваться съ нимъ. Удивленный Смитсонъ посмотрѣлъ на Вальтеръ-Скотта, склонился въ уголъ кареты и въ надеждѣ пріятно подремать подѣ рассказъ, сказалъ ему полусоннымъ голосомъ: посмотримъ, что за романъ; скажите содержаніе его. «Въ 1768 году, или около того, началъ Вальтеръ-Скоттъ, въ маленькомъ городкѣ Ставденонльдѣ жилъ одинъ пасторъ, по имени Симпсонъ. Онъ женился за 20 лѣтъ предѣ тъмъна дочери бѣднаго сочинителя комедій, не имѣвшей другихъ достоинствъ кромѣ красоты, ограниченнаго ума, и великаго сожалѣнія о разсыльной и веселой жизни, которую вела она въ Лондонѣ у отца, гдѣ часто бывали театральныя представленія. Это былъ обыкновенный предметъ ея разговоровъ. Напрасно мужъ просилъ

ее не говорить по крайней мѣрѣ передъ дочерями подобныя вещи; глупая мать не могла преодолѣть себя, и добилась наконецъ до того, что внушила дѣтямъ отвращеніе отъ мирной жизни, какую она вели у отца; юное воображеніе дочерей создало себѣ Эльдорадо въ Лондонѣ. Симпсонъ умеръ, оставивъ семейству своему очень немногое средствъ къ веселой жизни. Тетка, жившая въ Лондонѣ, взяла къ себѣ двухъ старшихъ дочерей, а младшая, по имени Елисавета, осталась при матери. Естественно 15-ти-лѣтняя Елисавета съ завистію смотрѣла на сестеръ, увѣжающихъ въ Лондонѣ, гдѣ тотчасъ по прибытіи счастье непременно должно встрѣтить ихъ съ распростертыми объятіями. Романы, которые неблагообразная мать позволила бѣдной дѣвочкѣ читать безъ разбору, до того вскружили голову ей, что въ одно утро она ушла въшкомъ въ Норвичъ, явилась къ директору театра и просила принять ее въ труппу актеровъ. Директоръ предложилъ ей продекламировать нѣсколько сценъ, Елисавета не заставила долго просить себя; но къ досадѣ директора, который рассчитывалъ на ея красоту, она такъ заикалась, что не было возможности принять ее. Ей сказали, что съ такимъ недостаткомъ не лзя быть на сценѣ. Елисавета не потеряла присутствія духа; съ пособіемъ золотой цѣпи, которую успѣла захватить уходя изъ родительскаго дома и нѣкоторыхъ другихъ нарядовъ, проданныхъ ею, она добралась до Лондона и пошла ко всемъ театральнымъ знаменитостямъ, коихъ имена читала въ афишахъ. Иные не обратили на нее никакого вниманія, другіе приняли въ ней кой-какое участіе, въ числѣ послѣднихъ былъ Инчбальдъ. Тронутой молодостію и невинностію искательницы приключеній, онъ далъ ей добрый совѣтъ возвратиться къ матери. Елисавета повиновалась, но чрезъ мѣсяцъ писала къ Инчбальду, что скорѣе умереть сто разъ, чѣмъ останется въ скучномъ городкѣ своемъ; не получивши отвѣта, она снова ушла изъ дому матери, и съ первымъ дилижансомъ отправилась въ Лондонъ. Прибывши сюда, она пошла къ одной родственницѣ; но надо же быть такому несчастію, — родственница только что уехала именно въ Станденфильдъ. Что теперь дѣлать? Куда идти? Слезы ее тронули добрыхъ людей, жившихъ въ домѣ ея тетки, и они предложили ей у себя ночлегъ,

потому что становилось уже поздно и следовательно небезопасно на улицахъ для молодой бѣдной дѣвушки. Она приняла предложеніе съ признательностію; но едва только успѣла расположиться въ маленькомъ уголку на антресоляхъ, какъ тысячи страховъ взволновали ея душу. Скорость, съ какою предложили ей убѣжище, не означала ничего добраго. Она звала изъ романовъ, что содержатели гостинницъ рѣжутъ иногда своихъ постояльцевъ, и что подобная участь вѣроятно и ей готовится. Послышался какой-то шумъ, и ей показалось, что ея ужасныя опасанія подтверждаются. Тутъ она ни о чемъ болѣе не думала уже, кромѣ избавленія отъ мнимой бѣды; она связала простыни, прикрѣпила одинъ конецъ къ балкону, и спустилась на улицу; и вотъ вполночь среди незнакомаго города, она идетъ въ гостинницу. Хозяинъ, смотря на нее съ удивленіемъ, спрашиваетъ: откуда и кто она? Бѣдная дѣвушка смущается; путается въ отвѣтахъ и тотъ погрозя ей констеблемъ, прогоняетъ отъ себя. Въ два часа утра мимо нее проходили мужчины и женщины, которыхъ странныя предложенія приводили ее въ трепеть. Наконецъ ее приняли въ одинъ двусмысленный домъ, гдѣ хозяйка держала общій столъ. Одинъ актеръ, ходившій обѣдать къ этой дамѣ, видя красоту Елисаветы, попробовалъ сблизиться съ нею; это было и нетрудно: дѣвушка откровенно говорила о своихъ видахъ. Актеръ предложилъ ей покровительство и любовь, но съ такимъ цинизмомъ, что дѣвушка ушла и отсюда, рѣшась въ собственныхъ силахъ искать пособія. Она явилась къ директору Друри-Лена, а этотъ отдалъ ее одной изъ ея сестеръ; здѣсь оканчиваются похождения Елисаветы въ Лондонъ, въ которыхъ она почти чудомъ спаслась отъ столькихъ опасностей. Сестра приняла ее хорошо и помѣстила у себя.»

— Но можетъ быть вы знаете эту исторію, господинъ Смитсонъ?»

— Ничего не знаю; однако жъ она очень меня занимаетъ. Въ моихъ рукахъ она могла бы сдѣлаться прекраснымъ романомъ. Продолжайте, сдѣлайте милость.

Елисавета писала къ Инчбальду, тотъ рекомендовалъ ее директору Бристольскаго театра, который и принялъ ее въ свою труппу, научилъ декламации и дѣвушка черезъ два мѣсяца переставъ заикаться, сдѣлалась прекрасною ак-

трисою. Но случилась опять бѣда: директору захотѣлось въ одинъ вечеръ поцѣловать ея, а двушка бросила ему на голову чайникъ съ кипяткомъ. Происшествіе надѣлало много шуму въ Бристоль и дошло до Лондона; тутъ услышаль о немъ и Инчбальдъ. Удивляясь этой геройской защитѣ добродѣтели, онъ поняль, какой славы можетъ достигнуть юная актриса, выливающая на голову своему обожателю чайникъ кипятка, и вздумаль жениться на ней. Съ тѣхъ поръ миссъ Симпсонъ стала мистриссъ Инчбальдъ.

— Мистриссъ Инчбальдъ прерваль поэтъ — это ния особы, къ которой мы ѣдемъ.

— Странное сходство именъ, не правда ли? сказалъ Вальтеръ-Скоттъ съ насмѣшливою улыбкою, потомъ продолжалъ:

Мистриссъ Инчбальдъ, благодаря совѣтамъ своего мужа, предалась съ ревностію изученію своего искусства, и привела въ восторгъ Единбургскую публику въ роль Корделии. Здѣсь-то я познакомился съ нею и удостоился ея дружбы. — Новые успѣхи доставили ей мѣсто на театрѣ Ковентъ-Гарденъ, куда она и поступила по смерти своего мужа.

— Но что жъ это вы мнѣ рассказываете, выдуманную повѣсть или дѣйствительное происшествіе?

— И то и другое. Это дѣйствительныя событія, которыя хотѣлось бы мнѣ изложить въ драматической формѣ, не измѣняя впрочемъ ничего существеннаго; я хотѣль бы подражать автору Веверлея. Смитсонъ съ важностію поправиль галстухъ; надобно отложить конецъ вашего романа до другаго времени, потому что мы прѣехали, сказалъ онъ, выходя изъ кареты.

Поэтъ только что хотѣль рекомендовать своего кліента г-жѣ Инчбальдъ, какъ она, къ великому его удивленію, увидѣвши Шотландскаго актуаріуса, бросилась къ нему съ восторгомъ, восклицая: «Ахъ! мой другъ! Какую тайну случай открыль мнѣ сегодня; пришедши къ моему издателю за первыми книгами моего романа, вижу на столѣ у него рукопись, писанную рукою очень мнѣ знакомою, именно рукою вашею; открываю листокъ и читаю: *Вудстокъ, сочиненіе автора Веверлея*. И вы отъ меня скрывали эту тайну, отъ меня, вашего лучшаго давнишняго друга!»

Вальтеръ-Скоттъ хотѣлъ отказываться, но она закрыла ему ротъ рукою, приговаривая: молчите, молчите, я сохраню вашъ секретъ. Ну, господинъ Смитсонъ, сказалъ Вальтеръ-Скоттъ своему покровителю, вы меня не будете уже рекомендовать г-жѣ Инчбальдъ, которой имѣю честь быть другомъ уже около двадцати лѣтъ, и которой исторію я вамъ сейчасъ рассказывалъ. Между тѣмъ слуга доложилъ о пріѣздѣ баронессы Сталь. Поэтъ Смитсонъ воспользовался минутою, когда все обратило вниманіе на знаменитайшія изъ Сиднихъ Чулокъ, и ушелъ.

Простите нескромности моей, которую я позволила себѣ, чтобы имѣть честь васъ видѣть, сказала г-жа Сталь; я съ сожалѣніемъ оставила бы Англію, ежели бы не пожалала руки автору *простой исторіи*. Но для чего вы такъ убываете свѣта?

— Боюсь уединенія, которое за нимъ слѣдуетъ.

— Какъ! неужели вы найдете себя болѣе одинокою по отъѣздѣ нашемъ, нежели до прібытія.

— Увы! такъ.

— Я думаю однакожь что наше сообщество должно бы оживлять ваше сердце. Отъ чего же вы сильнѣе почувствуете одиночество?

— При мнѣ никого не будетъ, кому бы я могла сказать, что васъ видѣла, кому я могла бы описать вашъ образъ, пересказать тѣ похвалы, какими вамъ угодно почтить мою простую исторію, — никого, съ кѣмъ могла бы раздѣлить удовольствіе этихъ похвалъ.

— Ахъ! у васъ нѣтъ дѣтей, вскричала г-жа Сталь, и оборотившись къ дочери, съ которою пріѣхала, тихо прижала ее къ груди своей.

Мистрисъ Инчбальдъ отерла слезу, и перемѣнивши вдругъ предметъ разговора, сказала:

— Позвольте мнѣ, сударыня, представить вамъ Сиръ-Вальтеръ-Скотта.

Г-жа Сталь привѣтствовала незнакомца, который поклонился ей.

— Этого имени вы еще не знаете, но вы скоро услышите его въ объихъ полушаріяхъ, прибавила мистриссъ Инчбальдъ.

ОБЪДЪ НА 120 ПРИБОРОВЪ У КАМБАСЕРЕСА. Въ славное время Имперіи, когда знаменитый Архи-канцлеръ, бывший товарищъ Императора, получа на свою часть застольное величіе, угощалъ добрыхъ Парижанъ, однажды ввели въ залу его свѣтлости 120 человекъ солдатъ съ Тюльерійскаго караула. По этому воинственному сонму можно было подумать, что ужасный заговоръ грозилъ разрушить кухни и пекарни знаменитаго амфитріона имперіи; ничего однакожь не бывало, 120 усачей введены въ столовую и поставлены кругомъ стола, накрытаго на такое же число приборовъ. Удивленные этимъ неожиданнымъ приглашеніемъ, они говорили между собой: Кажется его свѣтлость получилъ добрыя вѣсти изъ арміи, и чтобы показать свою радость, онъ пригласилъ насъ къ обѣду. Преласковый и премиловитивый князь! сколько патриотизма!

Среди этого гастрономическаго упоенія имъ приказано свѣсть за столъ. Солдаты не застали себя долго просить, и когда всѣ заняли мѣста, слуги начали ходить около стола, какъ будто подавая кушанья. Очень хорошо, прекрасно, говорилъ Камбасересъ; теперъ, сказалъ онъ солдатамъ, дѣлайте вилками и рюмками, какъ будто вы ѣдите и пьете. Тарелки и рюмки къ сожалѣнію были пусты; однакожь смышленные служивые исполнили команду съ точностію, какъ будто на ученіи, надвѣясь, что это наконецъ будетъ имѣть пріятныя послѣдствія для ихъ желудка. Но черезъ нѣсколько минутъ князь, обращаясь къ одному человеку съ хладнокровнымъ вниманіемъ смотрѣвшему на эту сцену, сказалъ: хорошо, вы правы, столъ этотъ не будетъ слишкомъ великъ для 120 особъ. — И бѣдные солдаты, обманутые въ своей сладкой надеждѣ, отведены обратно къ своему посту. На другой день разговоры объ этомъ пошли по городу, и князь увидѣлъ себя предметомъ эпиграммъ, карикатуръ и наконецъ неудовольствія Наполеона, который приказалъ казначею Камбасереса выдать обманутымъ солдатамъ 600 франковъ, по 5 на каждого, чтобы они могли вознаградить себя за пытку, которой Архи-канцлеръ подвергъ ихъ аппетитъ.

КАРДИНАЛЪ ФЕШЪ И ДВА ЛОСОСЯ. Известно, что Кардиналъ Фешъ жилъ пышно и отличался особенно изыс-

канностію стола. Кальси, его метр-дотель, человекъ съ умомъ и вкусомъ, умѣлъ разнообразить блюда до безконечности, и Кардиналъ на маленькихъ обѣдахъ, на которые приглашались только ближайшіе друзья, доставлялъ себѣ злобное удовольствіе мучить его гений всевозможными гастрономическими трудностями. Однажды Его Высокопреосвященство давалъ великолѣпный обѣдъ, къ которому приглашались всѣ знаменитости имперіи, тогда бывшей въ своемъ апогее. Необыкновенной величины и красоты лосось, купленный на рынкѣ, долженъ былъ удивить собраніе, и дать высокое понятіе о роскоши хозяина. Вдругъ присылаютъ корзину къ Его Высокопреосвященству и въ ней былъ лосось, старшій братъ того чуда, которое купили на рынкѣ, потому что этотъ лосось былъ еще больше. Удивленіе и замѣшательство Кардинала были неописанны. Онъ велѣлъ позвать Кальси и приказалъ ему приготовить къ столу обвѣхъ рыбъ. Бѣдный Кальси хотѣлъ отговориться невозможностію, но невозможности не существовали въ домѣ Кардинала, когда дѣло шло о великихъ предметахъ гастрономіи; оставалось исполнить приказаніе, или потерять мѣсто. Цѣлый день и цѣлую ночь думалъ бѣдный метр-дотель и перебралъ въ головѣ своей всѣ возможные способы соединить рыбъ—напрасно. Вдругъ мысль какъ молнія пробѣжала у него въ головѣ, и освѣтила утомленный умъ. Подумавши, онъ бѣжитъ въ кабинетъ Кардинала и вдохновеннымъ голосомъ говоритъ ему: Воля Вашего Высокопреосвященства будетъ исполнена; оба лосося будутъ поданы. Какимъ образомъ? — Ваше Высокопреосвященство узнаете за столомъ. — День обѣда насталъ, ловкіе друзья шепнули тому, другому подъ секретомъ, что за второй перемѣной будетъ подава чудовищная рыба. Въ самомъ дѣлѣ, при второй перемѣнѣ отворяются обѣ половинки дверей и слуга входитъ съ лососемъ такимъ, что всѣ вскрикнули отъ удивленія. Но представьте себѣ общій ужасъ, когда слуга спотыкнулся, упалъ и уронилъ лосося, разбившагося въ мелкіе куски. Всѣ были въ отчаяніи. Пріятныя надежды, возбужденныя первымъ блюдомъ, исчезли; тогда великій Кальси, съ Наполеоновскимъ хладнокровіемъ, достойнымъ ампітріона и его благородныхъ гостей, сказалъ: пусть подадутъ другаго. При сихъ словахъ летѣлъ слуга съ дру-

гимъ большимъ лососемъ. Гости остолбенѣли отъ изумленія: «Какая роскошь! Какъ кстати настоящій Лукуллъ.» Кардиналь съ скромнымъ видомъ находилъ все это очень натуральнымъ, а Кальси, какъ умный слуга, наслаждался въ углу славою своего господина, болѣе нежели собственнымъ торжествомъ, какъ бы въ доказательство, что скромность есть всегдашняя сопутница истиннаго таланта. Цѣлую недѣлю говорили въ Парижѣ о двухъ лососяхъ Кардинала Феша и племяннику надобно было выиграть новую огромную побѣду, чтобы привлечь на себя опять вниманіе публики, на сей разъ завоеванной дядею.

ПОПРАВКА.

Из 15-й книжки Сына Отечества вкрались некоторыя значительныя опечатки, которыя просимъ читателей исправить: на стр. 510, на второй строкъ снизу, напечатано: свято, надобно читать: свѣта; на стр. 525, на 40 строкъ сверху, напечатано: диктельпата, смѣте дѣтельность; тамъ же на 12 строкъ: разрозрѣвые. смѣсто разрозниные.

